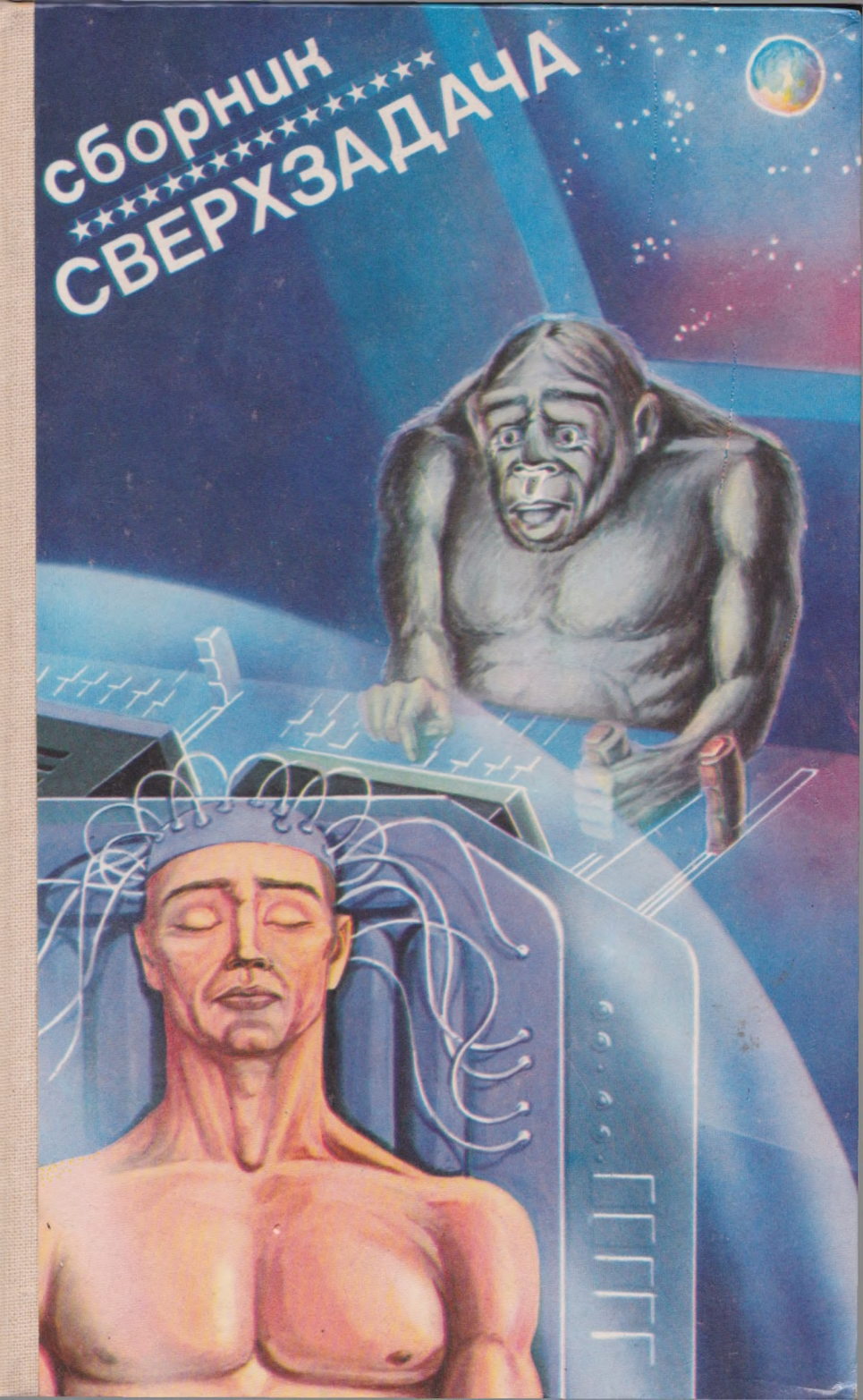
сборник СВЕРХЗАДАЧА

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Сборник научно-фантастических произведений

СВЕРХЗАДАЧА

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

УДК 894.511(082)—31
Ж 79

Составитель *В.П. КИРЧЕВ*

Жолдош Петер.

Ж 79 Сверхзадача; Возвращение «Викинга». /Петер Жолдош; Дело Килиоса/ Иштван Немере: [Романы: Пер. с венг. /Сост. В.П. Кирчев; Худож. О. Полищук] .— К.: «ЭЯ», 1993.— 480 с.— (Сер. «Зарубеж. фантастика»; вып. 24.)

ISBN 5—86892—104—6

Фантастика — это, по сути, моделирование идей, которые не могут найти воплощения в реальной жизни. Так, И. Немере в «Деле Килиоса» пытается понять, что могут дать путешествия в прошлое обычным смертным со всеми их недостатками. Возможность, например, совершить ограбление века. Или же удовлетворить свое честолюбие и стать президентом. А так как полиция времени не дремлет, то роман приобретает черты фантастического детектива. Петер Жолдош в своей «Сверхзадаче» решает, возможно ли на мозг существа другой планеты наслоить личность земного космолетчика и таким образом продлить ему жизнь. А в «Возвращении «Викинга» ставит человека перед необходимостью существования не только на другой планете, с другими людьми, но и по другим моральным законам.

ISBN 5—86892—104—6

© Сост. В.П. Кирчев, 1993.
© Художник О. Полищук, 1993.

Иштван Немере

ДЕЛО КИЛИОСА

Этой ночью звезды сверкали как никогда. Во всяком случае, мне так казалось. Не припомню случая, чтобы за последние сорок лет, что минули со дня моего появления на свет, они когда-нибудь были такими яркими.

Я вел машину, Баракс сидел рядом и молчал. У меня тоже не было особой охоты разговаривать. Далеко внизу блестела река, здесь она поворачивала на юг, и в излучине мерцали огни города. Мы летели бесшумно и быстро, и россыпь огоньков скрылась далеко позади, прежде чем я успел сообразить, что это за город мы пролетели. Когда-то здесь шумели бескрайние девственные леса — теперь остались только жидкие рощицы, укрытые непроницаемой темнотой.

Я прибавил скорость. Радар сообщил, что пространство перед нами чистое: диспетчеры освободили нам коридор. На часы смотреть было незачем: туда, куда мы направляемся, не опоздаешь.

Я насвистывал какую-то песенку, Баракс по-прежнему молчал. Оживал он только тогда, когда ему было что сказать. В повседневной жизни это достоинство буквально неоценимо, но сегодня мой попутчик меня раздражал своим молчанием и неподвижностью. Сидит и таращится в темноту за бортом. Любуется летящими навстречу огоньками внизу? Или просто отключился и ничего не видит?

Время от времени под нами появлялись и тут же исчезали то огни речного судна, то горняцкий поселок, то одинокая группа каких-то строений. У нас было такое ощущение, словно мы с Бараксом заперты в крошечной подводной лодке, плавающей в огромном аквариуме.

К сожалению, мне никак не удавалось сосредоточиться на чарующем зрелище, открывавшемся за иллюминатором. Мысли мои были заняты предстоящим заданием. Я видел перед собой шефа. Как правило, он никого к себе не вызывал, отдавал распоряжения, вернее, передавал через секретаря и заместителей все, что хотел сообщить своим подчиненным. Никто из наших парней не мог похвастаться тем, что старик позволил ему проникнуть в святая святых — его кабинет. Немыслимо было даже представить себе, что шеф способен вести долгие беседы с глазу на глаз с кем-нибудь из подчиненных.

Случилось это в полдень восьмого дня одиннадцатого месяца. Я сидел в холле у телевизора: в мои обязанности

входило следить за сообщениями на злобу дня по каналам массовой информации. Такое занятие поручали не только мне. С самого утра до позднего вечера в этот день дежурил именно я. И в офисе, и за его пределами царила серая скука: уже много недель ничего не происходило. Парни ползали, как осенние мухи в северном полушарии. Я слышал, что эти насекомые даже погибают там в это время года.

А у нас, напротив, было тепло. В коридорах с кондиционированным воздухом жара не ощущалась, хотя улица раскалена добела. Кажется, еще немного — и с неба посыплются искры. Городской шум сюда не проникает, звукоизоляция отличная: поглощает любые посторонние шумы. Я как раз вспоминал вчерашний вечер, проведенный с высокой шатенкой, которую я подцепил в петхобаре, где почтенную публику перед полночью погружают в глубокий транс световыми эффектами и музыкой. Вечер удался, поэтому я сидел сонный и таращился в телевизор, зевая так, что трещали челюсти.

Вот тут-то из динамика спецоповещения и раздался голос: «Инспектор Медина, немедленно явитесь в комнату номер 100». Я не поверил собственным ушам! Меня зовут в комнату номер 100? К шефу? А голос повторил: «Инспектор Медина, немедленно явитесь в комнату номер 100!» Сомнений не оставалось, вызывали меня. Я встал, и в мою сторону повернулась одна из телекамер внутреннего наблюдения. Дежурный офицер увидел, что я поднялся, и вызов повторять не стал.

В коридоре я не встретил никого из сослуживцев; свободные от дежурства, вахт и заданий, они наверняка отдыхали сейчас в своих комнатах. Лифт бесшумно поднял меня на нужный этаж. В «коридоре власти» я бывал только дважды. И в этот раз снова залюбовался старинными мягкими красными коврами на полу (сейчас такие увидишь разве только в музее) и изящными кристаллами с Каллисто в нишах. И опять следом за мной бесшумно поворачивались телекамеры. Я неизменно чувствовал затылком чужой взгляд. Возможно, мне это только казалось от волнения. Наконец я остановился перед дверью. Сердце мое трепыхалось где-то в области пяток, хотя опасаться было нечего: во-первых, мне давненько не приходилось участвовать в операциях, а во-вторых, вне службы я не сделал ничего такого, за что меня можно было бы вызвать в комнату номер 100.

Дверь бесшумно отворилась. Напротив у стены стоял робот СР, обычно используемый в государственных учреждениях в качестве секретаря.

— Пожалуйста, положите правую руку на красную пластинку,— произнес он. Я подчинился. В мгновение ока машина сравнила отпечаток моей ладони и рисунок папиллярных линий с данными, зафиксированными в центральном компьютере отдела кадров: результат идентификации позитивный.

Последнее говорилось не для меня. Я убрал руку с подсвеченной красной пластины, тотчас же погас свет и слева от меня раскрылись скрытые в стене двери.

— Пожалуйста,— пригласила меня машина бесстрастным голосом.

Опять мягкая ковровая дорожка под ногами, опять космические минералы. Старик, видно, страстный коллекционер камней. Я слыхал, что он облетел всю солнечную систему, побывал даже за ее границами и отовсюду привозил удивительные минералы. Хранил он только те камни, которые собирал сам.

Я уже забыл, какой он из себя. Последний раз мы виделись два года назад. И вот теперь снова передо мной его хмурое лицо. Ходят слухи, что ему за восемьдесят, но по лицу этого не скажешь.

— Инспектор третьего класса Рой Медина явился,— доложила машина у меня за спиной.

— Входите, инспектор,— промолвил шеф и протянул мне руку.

...Приближался рассвет. На корпусе автоматического локатора замигала зеленая лампочка.

— До цели сто километров,— произнес Баракс.

— Вижу,— буркнул я, сбавил скорость и снизился до пятисот метров. Впереди показался берег озера. До цели оставалось около десяти километров.

Сигнал радиомаяка вывел машину к посадочной полосе. Ритмично мигали три красные лампочки. К моему удивлению, нигде не было никаких строений. И только позже, уже перед приземлением, я заметил белый домик с плоской крышей, похожий на обыкновенное сельское бунгало. Над входом светился неяркий огонек. Красные лампы погасли, едва мы коснулись земли. Мои глаза уже привыкли к темноте. Баракс выбрался из машины. Трещали кузнечики, пахло сожженными солнцем травами. Теплый ветерок ерошил волосы.

— Хорошая ночь!— вырвалось у меня.— Гляди, как сияют звезды! Странно: на рассвете мы будем далеко отсюда...

— Хотя практически не тронемся с места,— уточнил Баракс.

На этом наша беседа закончилась, так как кто-то позвал:

— Эй, вы! Идите сюда!

— Это милое приглашение наверняка относится к нам,— заметил Баракс.

Только через некоторое время до меня дошло, что это была шутка. Обычно Баракс серьезен. Не мудрено, что я сразу и не сообразил — ему вздумалось поострить.

На фоне белой стены издали был виден силуэт человека. К освещенной двери мы подошли одновременно.

— Майор Гуров,— представился незнакомец и незаметно покосился на трехмерную фотографию, спрятанную в ладони.— Инспектор Медина?

— Так точно!

На плечах Баракса были погоны Галапола — Галактической Полиции, точь-в-точь такие, как у майора и у меня. Тем не менее, взглянув на него, майор замялся.

— А вы... вы, это... Гм... Ведь вы Баракс, правда?

— Да,— холодно ответил мой спутник.

Гуров тут же сделал «налево кругом» и повел нас в дом. Мы оказались в старомодной комнате с каменными стенами и потолком из настоящего дерева. На широком столе лежали разнообразные пакеты и свертки. Слышалась тихая музыка. Радиоприемник тоже был старинный.

— Когда мы отправляемся?— поинтересовался я.

— В течение часа,— ответил Гуров...

Лицо шефа было холодно и спокойно. Он показал на кресло.

— Присаживайтесь, инспектор.

Как я уже сказал, шефу, по слухам, было около восьмидесяти. Сколько ему лет на самом деле, не знал никто. Во всяком случае, молодость его давно миновала: у крыльев носа пролегали глубокие морщины, да и лоб не был гладким, волосы поседели, различались пряди белые и серебристые — согласитесь, необычайная световая композиция. На лице заметно было влияние крови предков — представителей всех континентов. Не состарившись, светились узкие зеленые глаза. Время от времени шефа видели в коридорах нашего здания. Ну, а раз в год он принимал участие в правительственных приемах. Эти приемы обычно передают по всепланетному телевидению. Не секрет, что телеоператоры охотно показали бы крупным планом шефа Галактической Полиции. Однако старик умело избегал взгляда телекамер. Несколько раз им все же удалось поймать его в фокус на секунду-другую, но он тут же словно таял в воздухе. Говорили, что шеф не любит привлекать внимание. Сейчас он сидел напротив и разглядывал меня. Знать бы, что он обо мне думает. Наверняка ведь просматривал мое досье перед тем как вызвать.

— Что вы знаете о хроноклазмах, инспектор?— спросил шеф наконец и откинулся в кресле. Спинка кресла тут же мягко выгнулась, приспосабливаясь к его новой позе.

Вопрос меня удивил. Но, в конце концов, я был не новичком в этом заведении и работал именно в отделе времени, поэтому ответить не составляло мне никакого труда.

— В научной и криминалистической терминологии хроноклазмом именуется явление, когда злоумышленник или группа злоумышленников, пользуясь методом, открытым в 2811 году, и соответствующими техническими средствами, отправляется в прошлое и там вмешивается в исторические события, вследствие чего наступают серьезные и необратимые изменения в ходе исторического развития человечества. Продолжать или не надо?

Шеф задумчиво глядел перед собой, казалось, он забыл о моем присутствии. Но нет — едва я замолк, он поднял на меня свои зеленые глаза.

— Часто такое бывало?

— Хроноклазмы? Науке известны два случая. К счастью, ни тот, ни другой не повлекли за собой слишком опасных последствий. Один из них, собственно, можно назвать «корабле-

крушением». В 2814 году молодой исследователь времени Чан Легран отправился в конец 15-го века. Техника возвращения не была тогда достаточно отработана, и он застрял в прошлом — обычная техническая неисправность. Ему пришлось провести в Европе 15-го века 19 лет. Исследователь был художником-любителем, поэтому, чтобы заработать на пропитание, он рисовал: на фоне фантастических пейзажей изображал создания, открытые в 26-м веке на Каллисто, мутантов-людей, чьи гены были искалечены радиоактивным излучением, и микстантов — результат скрещивания людей с животными. Свои картины он продавал местному живописцу по имени Иероним Босх. В конце концов Леграну в этих исключительно примитивных условиях удалось раздобыть необходимые для ремонта материалы и вернуться.

— А что вы знаете о втором случае?

— 2997 год. Пользуясь халатностью взрослых, двое несовершеннолетних пробрались в один научно-исследовательский институт и отправились в 15-й век. Старший, известный под именем Леонардо да Винчи, стал знаменитым художником и изобретателем, а младший, по имени Мальци, выступал сначала в роли ученика Леонардо, а после кончины друга пытался обнародовать изобретения Леонардо.

— Следовательно, эта вторая катастрофа отличалась от первой?— спросил шеф тоном экзаменатора.

— Решительным образом. Инженерные проекты беглецов на уровне той эпохи были неосуществимы. Наверняка, основываясь на памяти будущего, Леонардо изобрел движущийся тротуар, танк, броненосец, самолет и вертолет, парашют, скорострельную пушку и подводную лодку. «Открыл» законы перспективы, рисовал карты в проекции Меркатора, описывал сражения будущего, «предсказывал» колониализм, загрязнение окружающей среды... Следует обратить внимание вот еще на что. Во-первых, Леонардо и Мальци не собирались возвращаться в будущее, в свою родную эпоху, в свое время. Во-вторых, живопись Босха не повлекла в свое время изменений в сознании, а на исключительное своеобразие его живописи обратили внимание гораздо позже. А «дело Леонардо» имело громадный резонанс в течение многих веков. Еще в 20-м, и даже в 23-м веках было непонятно, каким образом удалось этому человеку предвосхитить технические достижения будущего и угадать принципы их действия, не говоря уже о его пророчествах...

— Вы упомянули 20-й век,— остановил меня шеф.— Ведь вы специализировались именно на этой эпохе, не так ли?

— Да. Я изучал вторую половину двадцатого и начало двадцать первого века, до двадцатых годов,— ответил я.

— А какова ваша географическая ориентация? Ваш лингвистический интерес?

— Латинская Америка, испанский язык.

— Превосходно!— шеф достал пластиковую папку, положил на стол и раскрыл ее.

— Теперь прошу внимания, инспектор. Мы долго колебались, кому доверить это задание. И выбор пал на вас.

Прислонясь к стене, Баракс наблюдал, как двое рабочих, составляющих весь технический персонал, краном устанавливают на рельсы машину и вывозят ее из закамуфлированного под деревенское бунгало ангара. Посреди чистого поля рельсы неожиданно обрывались. Не прошло и получаса с тех пор, как мы прибыли сюда, а майор уже явился доложить, что машина готова.

— Разрешите согласовать данные?— спросил он.

Мы возвратились в дом. Где-то вскрикнула птица. Не верилось, что сейчас мы покинем этот мир тишины и покоя.

Гуров расстелил на столе большую, ярко разрисованную карту и мрачно произнес:

— Двойная датировка сегодняшнего вторжения: три тысячи сорок четвертый год, десятый день месяца мая... Я правильно говорю, м-а-я?— повторил он по буквам незнакомое слово.

— Да, верно, так раньше назывался пятый месяц.

— Ага, поехали дальше.— Гуров заглянул в свои бумажки.— После долгих колебаний руководство решило срок возвращения пока не устанавливать, мы можем позволить себе только одно, самое большее два вмещательства, не забывайте об этом, инспектор. И будет лучше, если вы уведомите нас о своем возвращении хотя бы за сутки.

Я закусил губу. Шеф говорил, что на проведение операции у нас должно уйти десять-пятнадцать дней, ни сутками больше. Хватит ли?

— А как с географическими координатами? Достаточно ли легко определить место, куда нас забрасывают, или нам придется его искать?

Майор постучал пальцем по карте.

— Это здесь. Ступенчатая пирамида со срезанной вершиной, построена в четырнадцатом веке. Ритуальное сооружение. Местность называется Сан-Фернандо, это в двадцати пяти километрах восточнее столицы, города Боливара, административного центра с 1992 года. Этих данных достаточно, инспектор?

— Думаю, да,— ответил я задумчиво.

— Возьмите одежду,— он сунул мне в руки два пакета.— Это для вас, это для Баракса. Сшито по мерке, изготовлено из материалов того времени, в соответствии с тогдашней модой и климатическими условиями. Здесь еще пачка банкнот, тоже подлинные. Члены других экспедиций привезли деньги из девяностых годов двадцатого века. Естественно, мы отобрали выпущенные раньше мая 1992 года. Ну и документы, удостоверяющие личность, также напечатанные на бумаге того времени, их сделали лучшие специалисты. Еще вопросы есть, инспектор?

— Все в порядке, можно отправляться.

Баракс дожидался перед домом. Я отдал ему сверток с одеждой. Машина посреди поля походила на темный блик. Гуров открыл дверь. Чтобы войти, пришлось наклониться. Подобные аппараты для меня не в диковинку. В конце концов, в такого рода «путешествия» я отправляюсь не впервые.

— Мундиры сложите в эти сундучки,— распорядился Гуров и склонился над пультом.— Через десять минут отправляемся...

Шеф подошел к окну. За броневым стеклом купался в солнечных лучах город. Над голубыми озерами городского парка поднималась туманная дымка.

— Имя: Килиос. Дипп. Историк. Сорок восемь лет. Вот его фотография. Это трехмерная, но вы, конечно, получите двухмерную, черно-белую. Ее и возьмете с собой. Килиос в течение двадцати одного года работал в Дахарском историческом институте. Специализировался на автократиях. На эту тему писал дипломную работу. Позднее опубликовал несколько трудов о политических течениях 19-го и 20-го веков. Вы знаете, инспектор, что такое политика?

— Знаю, так назывались в период с 10-го по 23-й век теоретические и практические взаимодействия различных заинтересованных групп,— ответил я.

— Хорошо. Итак, Килиос всю жизнь интересовался политикой. Неоднократно получал лицензии на осторожное проникновение в прошлое с целью исследований. Продолжительность этих посещений никогда не превышала нескольких часов. Никто ничего не подозревал, даже когда Килиос исчез навсегда.

— Исчез? Не может быть!

— И тем не менее,— кивнул шеф.— В наше время для этого есть множество способов. Индивид, желающий исчезнуть, может, к примеру, полететь на какую-нибудь из планет Солнечной системы и оттуда отправиться в прошлое.

— Но ведь машины для путешествия во времени неизменно под строжайшим контролем,— возразил я.

— До сих пор мы тоже так думали. Именно дело Килиоса показало, что с этим не все в порядке. Дипп Килиос с удивительным долготерпением выжидал удобного случая. Ему выдали законное разрешение на проникновение в последнюю четверть 20-го века. Точные временные и географические координаты он выбрал по своему усмотрению. Отправился в прошлое и прислал оттуда пустую капсулу.

— Значит, это преднамеренное бегство?— спросил я. Шеф кивнул.

— Мы тоже это так расценили. Однако тогда мы еще не подозревали, что он намеревается совершить хроноклазм. В прошлом романтические исследователи минувшего или историки не раз «убегали» в интересующую их эпоху и проводили там по нескольку недель или даже месяцев, чтобы лучше познакомиться с жизнью того времени. Были среди них такие, что оставляли записки — куда и когда следует прислать за ними машину. Однако общеизвестно, что риск хроноклазма в подобных случаях велик, поэтому закон об Охране Времени 2812 года строго запрещает подобные экспедиции. Тех, кого удалось вернуть в современность, строго наказали.

— Десять лет на необитаемом острове,— буркнул я.

— А некоторые беглецы, оставшись в чужом времени, случалось, и головой расплачивались,— старинный фразеологический оборот прозвучал в устах шефа совершенно естественно.— Не выдерживали условий. Врачи бессильны были им помочь.

Многие погибали, не найдя общий язык со своими новыми современниками. Вы же, инспектор, знакомы с нравами тех варварских эпох: убийства, войны, несчастные случаи были тогда в порядке вещей... В случае с Килиосом ситуация оказалась хуже. Сначала компетентные лица не особенно беспокоились, считая, что это обычное исследовательское путешествие. Однако месяц спустя выяснилось, что историк, прежде чем отправиться в прошлое, скопировал в архивах исчерпывающие описания изобретений, технических новинок и подробные технологические процессы их производства.

— Что это были за изобретения?

— В числе прочих и телепатический аппарат Кальена.

— Вольтранс?— поразился я.— Его же придумали только в начале 23-го века!

— Вы правы, Рой,— шеф задумчиво уставился в стену перед собой.— Килиос взял с собой в прошлое описание простейшей конструкции. Как бы то ни было, он без малого на триста лет опережает эпоху, в которой оказался, и это устройство в его руках может стать страшным оружием.

— Если ему удастся его изготовить,— вставил я с надеждой в голосе. Шеф отмахнулся.

— Наши специалисты изучили возможности, какими Килиос располагает в 20-м веке, и утверждают, что он вполне может собрать прототип аппарата и даже выпускать их серийно.

— Когда он сбежал?

— Два месяца тому назад.

— И вы не искали его до сих пор? Ведь если Килиос станет причиной хроноклазма, последствия могут быть куда серьезнее, чем в каком-нибудь другом случае!

— Вот именно, инспектор. Конечно же, мы его искали, но он оказался хитроумным противником. За десятилетия исследований Килиос отлично познакомился с условиями, царившими в ту эпоху. Он знает и наши обычаи. Поэтому хорошо осведомлен, где и когда Отдел Времени Галактической Полиции начнет искать его. У него все продумано. Он в совершенстве овладел диалектом испанского языка, распространенным в 20-м веке. В прошлое он ушел в Маниле. И вот что нам удалось узнать об этой стране. В девяностых годах 20-го века этот регион назывался Филиппинами, и одним из общеупотребительных там языков был испанский. Мы были убеждены, что Килиос укрылся на одном из островов архипелага. Туда и послали агентов. Искали его две недели, но все было бесполезно. Тогда мы поняли, что уход в Маниле был только шагом, предпринятым, чтобы замести следы. Килиоса следует искать в испаноязычном регионе, но в иных географических координатах. Так как беглец из трех тысяч языков, использовавшихся на земле в 20-м веке, знает только испанский, в других лингвистических ареалах розыск можно не вести.

— Это значит, круг поисков сужался до двух десятков тогдашних государств,— буркнул я.— И пока вы решали, в каком из них он, драгоценное время уходило.

— Уходило, потому что Килиос оказался очень хитрым

противником и умело водил нас за нос. Поэтому наши сыщики потеряли еще десять дней, разыскивая его в древней Испании. Кое-какие следы Килиоса, правда, отыскались, но они вели в Южную Америку. Мы перебросили в 20-й век вдвое больше оперативных работников и наконец на прошлой неделе преступника удалось локализовать. Более или менее определенно.

— Очевидно, мое задание заключается в том, чтобы привезти его обратно?— перебил я шефа не совсем учтиво.— Но почему именно я?

— Потому что на этот раз задание совершенно особое. Его нельзя доверить первому попавшемуся оперативнику, который умеет выслеживать людей. В случае с Килиосом мы имеем дело не с рассеянным профессором, не с любознательным ученым, забывающим обо всем на свете за любимым занятием, а — как уже было сказано — с преступником. Нетрудно догадаться, что Дипп Килиос хочет сделать в 20-м веке карьеру. Вам знакомо это слово, инспектор?

— Так точно, можно не объяснять.

— Ну так вот. Килиос в этом мире, в мире три тысячи сорок четвертого года, был никто. Один из многих исследователей времени. Хорошо знавшие беглеца люди описывают его как человека честолюбивого, но недостаточно способного и в конечном счете неинтересного, даже посредственного. Психологи Галактической Полиции позже сопоставили психологические данные и всю остальную информацию о Килиосе, которая только отыскалась, и в один голос утверждают, что Килиос в прошлом пытался выбиться в люди. Взобраться наверх по политической лестнице. Несомненно, располагая знаниями, аппаратом «Вольтранс» и будучи информированным о событиях ближайшего будущего, он имеет громадное преимущество перед представителями общества, в которое он направился.

— Этот хроноклазм грозит стать опасным. Где Килиос сейчас?

— Координаты вы получите, инспектор. Нашим оперативникам удалось установить только то, что он в городе. Операция будет небезопасной, Рой. Правительство пришло к убеждению, что мы имеем дело с хроноклазмом первой степени, а значит, с самым серьезным случаем этого рода за все время путешествий в прошлое и существования полиции безопасности времени.

— До какой степени я могу быть свободным в своих действиях?— спросил я, чувствуя сухость во рту. Хроноклазм первой степени? Наконец-то какое-то задание. Все лучше, чем месяцами пялиться в телевизор в холле управления.

— Офицеры Галактической Полиции имеют право применять оружие только в случае крайней необходимости,— медленно произнес шеф.— На вчерашнем совещании было принято облечь вас соответствующими полномочиями. Эти полномочия распространяются, естественно, исключительно на Диппа Килиоса и только тогда, когда иной возможности переправить его в настоящее не будет. В этом случае можете его убить.

Я зажмурился. У б и т ь! Отвратительное слово. Перво-

бытное, беспощадное. Способен ли я у б и т ь человека? В свое время нас обучали разнообразным приемам, но я еще не слыхал, чтобы кто-нибудь из нас...

— Конечно, я был бы удовлетворен гораздо больше, если бы вы привезли Килиоса живым и здоровым, чтобы он мог принять заслуженную кару,— тут же добавил шеф.

— Мое вмешательство может приобрести такие размеры, что само приведет к хроноклазму второй или третьей степени,— осторожно заметил я после непродолжительной паузы.

— Мы понимаем это и, тем не менее, обязаны рискнуть, ибо дальнейшая деятельность Килиоса может поставить нас в еще более трудное положение. Инспектор!— шеф неожиданно встал, я тоже вскочил.

— Инспектор! Правительство приняло решение предоставить вам полную свободу действий. На месте вы можете делать все, что сочтете необходимым для успеха операции. Я был бы рад, если бы вы время от времени информировали меня о ходе операции.

— Хронотелефон?— спросил я. До сих пор разрешение на его использование давалось лишь в особых случаях.

— Ситуация нетипична, Рой. Связь будет поддерживаться только со мной.

Серьезность момента была ясна. Оставалось договориться еще кое о чем.

— Кого возьмете с собой, Рой? Весь наличный штат Галактической Полиции к вашим услугам. Выбирайте лучших.

— Ну, у семи нянек дитя без глазу...

Пословица понравилась, лицо шефа оживилось. Каждому было известно, что после космических камешков он охотнее всего «коллекционировал» старинные идиомы, пословицы и поговорки. Я попал в самую точку — он усмехнулся и сказал:

— Услышите что-нибудь в подобном роде, запишите на память, потом передайте мне. Я собираю подобные жемчужинки.

— Рад стараться!— ответил я со смехом.— Что же касается дела, я знаю двадцатый век и знаю, что вдвоем, а то и в одиночку я в состоянии сделать больше, чем целая рота агентов... Нужно раствориться в толпе. Нельзя обращать на себя внимание.

— Возможно, вы правы. Проведение операции — ваше дело, вот и разрабатывайте ее стратегию. Так кого же вы хотите взять с собой?

— Думаю, достаточно будет Баракса.

— Баракса?— брови шефа взлетели, затем так же стремительно опустились. Он сделал вид, что удивился, хотя ожидал такого ответа, потому что с облегчением сказал:

— Знаю, странные у вас отношения с этим человеком, инспектор... Все в порядке, забирайте его.

— Благодарю.

— Желаю вам удачи, Рой.

— Думаю, что она нам пригодится.

Мы спрыгнули на землю. Гуров удерживал машину в воздухе. Звезды, казалось, потускнели. Однако нам было не до созерцания

небес — трава доходила до колен и приходилось смотреть под ноги. Гуров сказал:

— Ближайшее селение в одиннадцати километрах к западу. Дорога здесь неподалеку. И не забудьте сообщить нам, когда соберетесь возвращаться.

— Не забудем,— я махнул рукой.— Пока.

Гуров захлопнул люк. Я отступил назад, аппарат пошел вверх. Некоторое время дисковидный корпус был еще виден, но постепенно он таял и наконец совсем растворился в воздухе — Гуров пересек темпоральную границу, а вместе с ней границу пространства. Я глубоко вздохнул. Травы пахли совсем не так, как тысячу пятьдесят два года тому вперед.

— Чувствуешь, какой запах?— спросил я.— Что скажешь?

Баракс огляделся. Я знал, что он воспользовался прибором ночного видения, и, скорее всего, ничего внушающего опасение не обнаружил, потому что ответил:

— Непосредственной угрозы или вредных газов не обнаружено.

— Черт возьми, разве я газы имел в виду?— вспыхнул я, но тут же сообразил, что пускаться в дискуссии бессмысленно. С Бараксом не поговоришь о таких поэтических вещах, как запах цветов.

— Как будем добираться?— невозмутимо спросил мой спутник.

Настроение, навеянное ароматом трав, ему не удалось испортить окончательно.

— Ночь хороша, можно и отдохнуть немного. Куда нам торопиться? Лучше двинемся пешком.

И мы отправились в путь. Сначала шли на север, потом взяли западнее. Было довольно темно, и мы продвигались медленно. Вскоре выбрались на дорогу, о которой упоминал Гуров. Идти стало легче. Серая лента шоссе была чуть более светлой, чем все вокруг. Наши шаги отдавались эхом, как в пещере. Птицы не пели. Леса не было видно, хотя, возможно, дальше на взгорьях и росли деревья. Минут двадцать мы шли не разговаривая. Наконец Баракс нарушил молчание:

— Как ты думаешь, какие у Килиоса шансы?

— Спроси лучше, сколько у нас шансов найти его, схватить и увезти обратно,— буркнул я. Неизвестно почему меня охватила необъяснимая тревога. Ночь. В этом мраке могла таиться неведомая угроза. К счастью, минутная слабость вскоре прошла.

Через полчаса впереди показались огоньки. По местному времени было около четырех часов утра. У дороги стояли белые домики — поселок. Мы стали осторожнее. Между домами никого не было видно. Однако на небольшой площади в центре поселка под стеной здания с башенкой сидели несколько мужчин. Я уже знал, что здание с башенкой — это церковь.

— Подойдем?— предложил я. Баракс был не в восторге от моего предложения, однако беспрекословно подчинился и последовал за мной. Иначе поступить он не мог: я был начальником нашей небольшой экспедиции, а дисциплина есть дисциплина.

Заслышав шаги, сидящие у стены встали, тревожно вглядываясь в темноту. Мы подошли к освещенному фонарями месту, я застегнул пиджак и любезно поздоровался:

— Буэнос ночес, сеньоры!

Это были мои первые слова из 1992 года. Не впервой мне выполнять задания в прошлом, однако в 1992 году гостить еще не приходилось. Правда, на первый взгляд, девяностые годы не слишком уж отличаются от знакомых мне пятидесятых или семидесятых.

— Доброй ночи,— буркнули неохотно аборигены, оценивающе разглядывая наши лица и одежду. Я старался вести себя спокойно и уверенно, держался как можно естественней.

— У нас испортилась машина, это в нескольких километрах отсюда... Мы иностранцы,— таким образом мое несовершенное произношение сразу же получило объяснение.— И хотели бы попасть в Боливар. Или, по крайней мере, в какой-нибудь город поблизости.

Мужчины молчали.

— Если бы можно было одолжить какую-нибудь машину,— продолжил я и, вспомнив о деньгах, которые оставил мне Гуров, поспешно добавил:

— Разумеется, мы хорошо заплатили бы за это.

Аборигены переглянулись, и один из них пробормотал:

— Сейчас что-нибудь придумаем, сеньоры. Подождите.

И они ушли все вместе в одну сторону. В восточной части неба едва заметно забрезжил сероватый неясный свет.

Вдруг из темноты послышались громкие слова команды, и неожиданно появились четверо усачей в одинаковой одежде. Прежде чем мы успели сообразить, что происходит, нас взяли в кольцо. Мы поняли, что это совсем не те люди, чем те, которые нас здесь встретили. У этих на ремнях на правом боку висели черные треугольные коробочки. Оружие,— догадался я,— мундиры. Это означало, что окружавшие нас принадлежат к какой-то военизированной организации.

— К стенке!— крикнул один из них.— Не двигаться!

Мы и не собирались двигаться. Впрочем, к стене становиться мы тоже не стали. Тогда тот, что кричал, подошел ко мне.

— Ты что, не слышал приказа?

— Это вы мне?— удивился я. Ничего не поделаешь, человек не в состоянии переделаться за какую-то минуту. Даже если у меня такая же профессия, как у него, и я знаком с нравами разных эпох. Я слишком долго пробыл в своем настоящем и сейчас не сумел мгновенно перестроиться и приспособиться к отношениям, царящим в давно прошедшем столетии. И тогда...

Позже, когда я вспоминал эти мгновения, ко мне неизменно возвращалось ледяное оцепенение — оно поднималось от колен. Я был просто не в состоянии поверить, что подобное может произойти. Вы ждете, чтобы я рассказал, что же было потом?

Он ударил меня в лицо. Я покачнулся, но не от удара. Какую-то долю секунды я стоял, как в тумане, все еще не понимая, что

происходит. Эпоха, в которой мы живем, давным-давно не знает подобного обращения. Прошли века с тех пор, как человек в последний раз поднял руку на другого человека. А тогда события стали развиваться с головокружительной быстротой. Увидев, что произошло, Баракс начал действовать. Двое в мундирах еще валялись на земле, а он уже был рядом с третьим. Наконец и я очнулся от столбняка, схватил того, кто ударил меня, и швырнул приемом, который тысячи раз отрабатывал в спортзале. К сожалению, удар был настолько силен, что полицейский, ударившись головой о мостовую, растянулся без чувств.

Только тогда мне пришло в голову, что обезвредить его можно было бы куда более удобным и безопасным способом. Но, как видно, его удар пробудил во мне первобытные инстинкты, о существовании которых я даже не догадывался. Во мне вспыхнуло желание дать сдачи собственными руками.

Тем временем Баракс управился с третьим, не дав ему времени выхватить оружие. Я перевел дух, ничего не понимая.

— Черт побери!— Баракс использовал свое любимое выражение, которое, что греха таить, подцепил у меня.— Почему он так поступил?

— Бог его знает,— ответил я растерянно.— Это выше моего разумения.

— А что такое «бог»?— тут же поинтересовался Баракс.

— Лексический оборот,— пояснил я и вдруг осознал всю нелепость ситуации. Мы в опасности, стоим над четырьмя бесчувственными телами в форме и беседуем о лингвистике.

— Идем отсюда,— сказал я.

Баракс молча последовал за мной. Я оглянулся. На верхушке белой колокольни блестел крест. Наступал день, и солнечный луч над нами был предвестником приближающегося утра.

Крестьян нигде не было видно.

Опять мы шагали по пустынному шоссе.

— Это были полицейские,— пояснил я Бараксу.— Они следят за общественным порядком.

— Тогда почему он тебя ударил?

Я не сразу нашелся, что ответить. Потом в нескольких туманных выражениях попытался объяснить, что в старину грубость зачастую сопутствовала блюстителям порядка.

Я с азартом принялся рассказывать, а Бараксу было интересно, так как в этой эпохе он еще не бывал. С местным диалектом он был знаком, а с нравами — увы. Задание было у него, как и обычно, четко определено: прикрывать меня и выручать, если попаду в переделку. Поэтому Бараксу было проще. Однако я упустил из виду кристальную чистоту логики Баракса. Если у него возникал вопрос, с ним следовало разобраться, прежде чем переходить к следующему. И мой помощник настойчиво возвращался к событиям в селении.

— О нас полицейские ничего не знали. Крестьяне, наверное, сообщили им, что пришли двое иностранцев. Тем не менее нас сразу же окружили и отнеслись как к врагам.

— Н-да...— я потрогал щеку.— В самом деле, это было несколько неожиданно.

Баракс промолчал, но я почувствовал, что ответ его не удовлетворил.

Светало. Из полутьмы показались горы, на небе появились барашки. Легкий ветерок ерошил мои волосы. Снова запахло сухими травами. Через некоторое время справа от дороги показался одинокий домик. Где-то в той стороне мычали коровы. Какой-то человек грузил в кузов маленького пикапа алюминиевые емкости странной формы. Оставив Баракса на дороге, я подошел поближе и заговорил с этим человеком.

— Лория недалеко отсюда,— сообщил он.— Это небольшой городок. Собственно, я туда сейчас еду, везу молоко. Могу подвезти, если согласитесь поехать в кузове.

— Мы в долгу не останемся,— этими расхожими лексическими оборотами мне уже приходилось пользоваться во время предыдущих путешествий и всегда с успехом.

Так было и на этот раз: молочник спрятал банкноту в карман, явно удовлетворенный. Я позвал Баракса, и через минуту мы уже ехали в сторону Лории.

Несмотря на ранний час, на улицах города было людно. По пути мы обгоняли запряженные мулами двуколки, груженные фруктами и овощами. На рынке царило оживление. Донесся звон курантов с церковной колокольни. Взошло солнце.

Мы спрыгнули с машины. Я огляделся, не привлекли ли мы чьего-нибудь внимания. Но местным жителям было не до нас. Они предлагали свои товары быстроглазым матронам с корзинами, отгоняли мух, заворачивали в бумагу рыбу, перекликались. Скрипели колеса тележек, вопили ослы. Несколько подростков гоняли взад-вперед на мопедах. Какой-то торговец с грохотом поднял жалюзи на дверях своей лавки. Из кофейни неподалеку на террасу выносили столики. Мы были первыми посетителями.

Хозяин, крупный лысеющий человек с волосатыми руками, учтиво спросил нас, что подать. Я попросил кофе и какое-нибудь пирожное. Он склонился к Бараксу.

— А вам чем могу служить, сеньор?

Я сделал попытку взглянуть на моего спутника глазами этих людей. Каким он им видится? Высокий, плечистый, краснощекий. Даже сквозь пиджак заметно, как перекатываются бугры мускулов. Глаза серые. Лицо малоподвижное, походка размеренная. Одет скромно. Фигура атлетическая. Такие обычно нравятся женщинам. Возможно, с точки зрения жителей двадцатого века, он вообще не отличался от аборигенов. Кому придет в голову размышлять над тем, насколько он чужд этому пространству-времени?

— Кофе, пожалуйста,— сказал Баракс, и хозяин, поклонившись, отошел от нас.

Попивая горький обжигающий напиток, мы узнали, что некто Хуарес сдает напрокат автомобили. Его контора была сразу за церковью. Между Лорией и столицей есть автобусное сообщение. Первый рейс — в одиннадцать, второй — в три часа пополудни. Оказалось, что железной дороги здесь нет и близко...

Следовало как-то объяснить наше появление в этом местечке, поэтому я снова рассказал байку об испортившемся автомобиле. Хозяин понимающе кивнул, пряча в карман деньги. Тут мне кое-что пришло в голову. Агенты Галапола, выслеживающие Диппа Килиоса, были здесь несколько дней назад. Возможно, беглеца с тех пор здесь опять видели. Я вынул двухмерную черно-белую фотографию и показал ее владельцу кофейни.

— Вам случайно не знаком этот человек?

Реакция его меня удивила: едва бросив взгляд на снимок, он повернулся кругом и поспешно скрылся в дверях своего заведения. Не понимая, в чем дело, мы с Бараксом переглянулись, пожали плечами, подождали минуту-другую, но хозяин не показывался.

— Если удастся достать напрокат автомобиль, тогда все в порядке,— произнес я, обращаясь к своему напарнику,— в противном случае придется довольствоваться автобусом.

Баракс, по своему обыкновению, промолчал. Общее руководство, планирование и обдумывание каждого нового шага всецело лежали на мне. Так же, как и во множестве прошлых совместных операций, он всего лишь помогал реализовывать мои планы. Естественно, при необходимости анализировать события я тоже использовал его блестящие способности.

Мы обогнули церковь и оказались в каком-то переулке. Невероятно тощий старик подпирал стену дома. Я спросил, где нам найти сеньора Хуареса.

Старик мотнул головой, указывая направление. Я снова достал фотографию. Старик посмотрел на фото, потом на меня, сплюнул себе под ноги и поспешно удалился. Я остался стоять, изумленный до предела. Баракс был тоже удивлен, но совсем не тем, что поразило меня.

— Черт побери, что это у него вылетело изо рта?

— Слюна,— пояснил я.— Это называется плюнуть.

— Никогда не слыхал ничего подобного,— покачал он головой.

Над воротами красовалась вывеска с изображением автомобильной шины и гаечного ключа — видимо, здесь находится автомобильная мастерская. Я припомнил, чему меня учили. Семнадцать лет назад на историческом факультете университета я целых полгода изучал символику 20-го века. Предмет был непростой, но, во всяком случае, полезный, в противоположность следующим курсам, посвященным суперсовременным методам криминалистических исследований, совершенно бесполезным при моей профессии. Так я размышлял, пока мы не оказались на просторном дворе, обнесенном стеной. На платформе в подъемниках стояло несколько полуразобранных автомобилей без колес. Вокруг них вертелись двое молодых парней в замасленной одежде. В ответ на мой вопрос мне показали дверь.

Я вошел. Баракс предусмотрительно остался снаружи. К моему удивлению, в конторе меня встретила молодая женщина. Комната с белыми стенами и мебелью темного лака была залита врывающимися через окно золотыми солнечными лучами. Здесь

было по-домашнему уютно. Девушка повернулась ко мне, и под лучами солнца вокруг ее головы засиял золотой ореол. Длинные черные волосы опускались на плечи. На смуглом лице сверкнула улыбка.

— Здравствуйте, сеньор, чем могу быть полезна?

Я рассказал, что у нас за дело. Девушка выслушала все с большим вниманием, хотя в уголках ее губ то и дело проскальзывала тонкая усмешка. Потом она сказала:

— Я дочь Хуареса. Отец сейчас вернется. А что касается машины, то отец сдает их только местным жителям, которых хорошо знает, и поэтому не сомневается, что машину вернут... А вы здесь чужой...

— Мы иностранцы,— заметил я, хотя по моему произношению это было и так ясно.— Мы не прочь заплатить за прокат больше, чем вы обычно берете...

— Будет лучше, если мы отбуксируем вашу поломанную машину. Пока отец будет ее чинить, вы сможете воспользоваться нашей. Где вы оставили ее?

По вполне понятным причинам такой вариант меня не устраивал. К счастью, в это время через другую дверь в комнату вошел сам хозяин гаража сеньор Хуарес, коренастый человек лет пятидесяти, с лицом, на котором навсегда застыло выражение удивления окружающим миром.

— Что случилось, Эстрелла?

Девушка объяснила ситуацию. Она говорила очень быстро. Я тем временем ломал голову, как выбраться из этой переделки. Ну что нам стоило тихо-мирно посидеть на остановке и дождаться автобуса? И тут появился Баракс.

— Люди в форме,— невозмутимо сообщил он мне, произнося эту фразу на нашем языке.— Они перекрыли вход.

Я смотрел в это время на Эстреллу и видел, как она испугалась полицейских, которых увидела в раскрытые двери. Похоже, семья Хуареса имела основание опасаться властей. К сожалению, у меня не было времени на размышления. В дверях уже стояли трое с оружием на изготовку, и Баракс придвинулся ко мне.

— Буэнос диас, сеньор лейтенант,— поклонился Хуарес и дрогнувшим голосом спросил:— Какое дело привело вас ко мне?

— Мы разыскиваем этих сеньоров,— указал на нас с Бараксом унтер-офицер, которого Хуарес назвал лейтенантом.

Я принял телепатическое предостережение: Баракс сообщил, что у полицейских по отношению к нам недобрые намерения. Но, по-моему, Бараксу не стоило утруждать свои биодатчики: их неприязненные взгляды были достаточно красноречивы. Однако Баракс все-таки счел нужным предостеречь меня и сделал это надежным и испытанным способом, а телепат он был неплохой.

Унтер-офицер был молод и неопрятен. Он тут же определил, что Баракс всего лишь молчаливый исполнитель, а начальник, и, стало быть, главный противник — я.

— Ваши документы!— процедил унтер-офицер и протянул руку.

Тем временем один из его людей встал между окном и дверью, ведущей в жилую часть дома. Второй оставался на месте.

Мы подали наши паспорта. Унтер-офицер раскрыл их и принялся внимательно изучать. Заметно было, что паспорта его вообще не интересуют. Неожиданно он сунул документы в карман.

— Мне доложили, что вы показываете людям какую-то фотографию,— сказал он, ядовито ухмыляясь.— Может, и нам позволено будет посмотреть на нее?

Я достал фото.

— Мы разыскиваем этого человека.

Унтер растерянно уставился на фотографию. Вид у него был на удивление дурацким. Наконец он понял это, изменил выражение лица и взвизгнул:

— Взять их!

Полицейские, размахивая оружием, подскочили к нам, и не успел я опомниться, как на моих запястьях защелкнулись наручники. Баракс стоял посреди комнаты. «Все в порядке»,— передал он мне телепатически. Я спокойно встал рядом с ним.

— Так вот, оказывается, что вы за птицы!— ощерился офицер. Его и так неприятное лицо стало совсем мерзким.

— Какие птицы?— не понял я.

— Те самые, что напали на полицейских в деревне!

«Быстро сюда добралось известие о случившемся»,— подумал я. Баракс оглядывался по сторонам. Справиться с этой четверкой для него было пустячным делом, так же, как и прошлой ночью, но с меня конфликтов было более чем достаточно.

— Тот полицейский ни за что ни про что ударил меня,— пояснил я.

Считая, что это объяснение удовлетворит офицерика, я очень ошибался. В его поросячьих глазках горела ненависть.

— Ты поднял руку на представителя закона!

— Совсем напротив, это он поднял на меня руку.

Полицейский только отмахнулся и взял со стола фотографию.

— Вам известно, кто это такой?

— Известно,— чистосердечно признался я.

— Почему вы о нем расспрашиваете?

— Это наше дело.

Он долго смотрел на меня исподлобья, взгляд его не обещал ничего хорошего, потом, пошептавшись с одним из своих людей, офицерик со злобной ухмылкой махнул охранникам:

— В камеру! Специальное подразделение выжмет из них все, что понадобится!

Баракс смотрел на меня. «Ну?»— спрашивал он безмолвно. Он думал о побеге. Я покачал головой и, сопровождаемые стражей, мы двинулись к выходу.

Камера оказалась большой комнатой с решеткой от пола до потолка вместо одной стены. Здесь были и мужчины и женщины, пожилые люди и молодежь. Неизменно флегматичный Баракс присоединился к толпе узников.

Он держал себя так, словно ничего в мире его не интересует, но только одному мне было известно, что он украдкой наблюдает за окружающими, пользуясь своим специальным снаряжением.

Меня же, напротив, не слишком заинтересовали товарищи по несчастью, наручники с нас сняли, я оперся спиной о решетку и погрузился в раздумья, машинально растирая запястья. Похоже на то, что наша миссия началась не самым удачным образом. Не прошло и часа с момента появления в 20-м веке, а мы уже успели вступить в конфликт с политическими властями этой географической области. Неподалеку от меня вполголоса переругивались две пестро одетые женщины. Какой-то молодой человек с бородкой оттеснил их в сторону, стал рядом со мной и негромко поинтересовался:

— Как здесь оказался, дружище?

Вопрос меня насторожил, однако взгляд молодого человека был ясным и открытым.

— Чувствую исходящую от него доброжелательность,— сказал Баракс на нашем языке: наверное, ему хотелось меня успокоить.

— Мы собирались взять напрокат машину у сеньора Хуареса. И вдруг пришли полицейские. Никак не возьму в толк, чего они от нас добиваются.

— Надеюсь, не Хуарес вас засыпал,— нахмурился бородач.

— Не думаю. Вы знаете Хуаресов?— спросил я, обращаясь к нему, как к старому приятелю, хотя понятно, что видел его впервые и был более чем вдвое старше его.

— Его дочь Эстрелла — моя невеста,— сказал незнакомец, и лицо его потемнело.

— А как ты здесь очутился?— полюбопытствовал я. Бородач огляделся. Окружающим было не до нас. Тем не менее он придвинулся ко мне, чтобы слышал только я.

— Меня заподозрили в принадлежности к Фронту...

— К чему?

Он изумленно поднял брови.

— Не знаешь, что такое Фронт?

— Мы не здешние. Приехали из-за границы,— пояснил я. В его взгляде появилось беспокойство, и я добавил:— Можешь не говорить, если не хочешь.

Он помолчал. Падающий от окна солнечный луч медленно полз по стене над головами.

Конечно же, мне было знакомо это понятие — Фронт. Однако пока мне приходилось играть роль иностранца, который ни в чем не разбирался. Я надеялся, что рано или поздно это принесет свои плоды. Наконец молодой человек решился.

— Ну, хорошо,— сказал он.— Меня зовут Лоренцо, живу я в Лории. Эстреллу знаю с детства, во Фронте состою более года. Я шофер, вожу на грузовичке разную всячину в Боливар... Вчера вечером здешние члены Фронта собрались на нелегальную сходку, я тоже там был. Но нас кто-то выдал, и полиция всех арестовала.

— Твои друзья тоже здесь?— кивнул я на гудящую толпу.

— Нет. Двоих утром отвезли в Боливар в главное полицейское управление.

В его голосе послышались нотки страха.

— А с тобой что будет?

— Тоже отправят — следующим транспортом. Вместе с вами.

— Зачем?

— А ты думал, что допрашивать вас будут здесь? Как бы не так! Политических и иностранцев всегда везут в Боливар. Забрать отсюда они могут только троих за раз, потому что в фургон больше не помещается. А в здешнем комиссариате людей не слишком много. Вот фургон вернется, и нас с вами заберут.

Пока мы разговаривали, Баракс стоял поодаль, даже не подавая виду, что прислушивается, но, разумеется, все слышал. Благодаря необычайно чувствительным сенсорным органам, он безошибочно ориентировался в настроении окружающих и всегда мог сказать, надо ли опасаться, замышляется ли что-то против нас. Сейчас Баракс был спокоен, значит, разговаривать с бородачом можно было без помех, в открытую.

— Вам, иностранцам, и невдомек, под каким безжалостным гнетом мы здесь живем. Страна превратилась в одну большую тюрьму.

«Фразы, не более»,— наверное, эта мысль явственно обозначилась на моем лице, потому что даже Лоренцо заметил это.

— Я знаю, сказать можно многое, но подумай сам: будь это нормальная демократическая страна, разве полиция обходилась бы с нами так, как обходится?

Он задел чувствительную струнку, напомнив мне ночной инцидент. В то же время я обратил внимание, что молодой человек изъясняется довольно интеллигентным языком... А ведь он сказал, что работает шофером!

— Лоренцо, ты в самом деле шофер?

Он сообразил, что послужило поводом для моего вопроса, и чуть заметно усмехнулся.

— В свое время родичи наскребли немного денег, и мне удалось пробиться в университет. Два года я изучал право, потом организовал политическую демонстрацию в защиту невинно осужденных. Меня вышвырнули на улицу. Я возвратился в Лорию и нанялся шофером к Хуаресу. Полиция не спускала с меня глаз. Возможно, именно я стал невольной причиной провала вчерашнего собрания. Шпики наверняка шли за мной по пятам...

Пока я ломал голову, что значит слово «шпики», Лоренцо продолжал рассказывать. Он говорил о громадных тюрьмах и лагерях принудительного труда, об островах-тюрьмах посреди океана, о специально созданных исключительно для борьбы с демонстрантами подразделениях полиции. Рассказывал о сети осведомителей, незаметно проникающей во все общество. О продажности властей. О безраздельной власти и нерушимом владычестве местных феодалов-латифундистов.

Я не особенно удивлялся. В университете я достаточно долго занимался древностью, в частности этим периодом. Кроме того, мне было известно и будущее. Хоть я и не имел права утешить Лоренцо, но хорошо помнил, что судьба его народа в самое ближайшее время круто изменится к лучшему. Я знал это вполне твердо...

Баракс стоял у решетки. Только он способен был сохранять такое спокойствие. Даже мигать он забывал. И я спрашивал себя, сможет ли кто из окружающих сообразить, что мы явились из другого мира? Скорее всего, нет. Если говорить о телепатии и сверхчувственном восприятии, то люди двадцатого века с этой точки зрения неслыханно примитивны. Поэтому, наверное, и не замечают, что мы... Короче говоря, не видят в нас ничего особенного. Мы оба являем собой элемент, куда более чуждый здесь, чем пришельцы из космоса, хотя, в отличие от пришельцев, мы знаем этих людей, их души, строение их тела, обычаи и даже их будущее. Знание будущего — мощнейшее оружие. Даже если бы мы не превосходили их в физическом отношении, все равно, как ни крути, мы сильнее. Сознание этого давало мне ощущение безопасности.

— Еще немного — и все это кончится,— продолжал Лоренцо с плохо скрываемым возбуждением.— Фронт уже готовится, народ тоже. Нет семьи, в которой кто-нибудь не сидит или не сидел в тюрьме. В горах все больше становится партизанских отрядов, они неплохо вооружены. На прошлой неделе было совершено нападение на воинскую колонну неподалеку от Боливара. Ситуацию не изменит даже то, что военные время от времени делают вид, будто уступают требованиям народа и ставят во главе страны правительство из штатских. Например, как сейчас. Новый диктатор такой же сукин сын, как и прежний.

Полицейские привезли новую партию арестованных. Они заперли камеру. Женщина средних лет с накрашенным лицом, рыдая, бросилась на решетку и принялась с силой ее трясти.

Баракс наконец пошевелился.

— Мы будем бежать или нет?

— Время есть,— успокоил его я,— если бородач говорит правду, нас отвезут в столицу, все равно нам туда надо добираться, не так ли? Во всяком случае, не придется искать транспорт. Подождем, пусть хоть в этом нам поможет полиция.

Баракс промолчал. Мой план был безукоризненным.

Вскоре после полудня у входа в камеру началась какая-то возня. Двое полицейских принесли большую алюминиевую емкость и стали разливать из нее бурую жидкость в грязные жестяные миски. Арестованные по одному подходили к решетке, и через небольшое окошко им подавали миску с варевом и прямоугольный кусок какой-то серой массы. Мы с Бараксом тоже получили по порции.

— Что это такое?— спросил я, заглядывая в миску.

— Суп и хлеб,— Лоренцо с аппетитом приступил к еде, жадно откусывая от ломтя липкого теста, которое он называл хлебом. Баракс вертел миску в руках и все приглядывался к этому

«хлебу»— видно, анализировал. Я попробовал «суп»— вкус был ужасен! «Хлеб», напротив, оказался достаточно съедобен, и я съел его. Потом без колебаний отобрал хлеб у Баракса и тоже съел. Тем временем Лоренцо управился со своим супом и теперь беспокойно озирался. Видно было, что он еще голоден.

— Съешь суп моего приятеля,— предложил я ему.

— А он что — сыт?— удивился Лоренцо.

— Худею,— ответил Баракс.

Кто бы мог подумать! Вот это чувство юмора!

Лоренцо слегка удивился, но суп взял и управился с ним столь же быстро. Настроение у него заметно улучшилось.

Время текло очень медленно. Со времени нашего ареста минуло уже много часов, и пока что ничего не происходило. Я уже начал было опасаться, что про нас забыли, как вдруг дверь с треском распахнулась, и на пороге возникло несколько полицейских. Старший был уже не унтер с поросячьими глазками, а совершенно незнакомый мне длиннолицый усатый офицер. Он ткнул пальцем сквозь решетку:

— Ты... ты и ты!

Третьим на самом деле был Лоренцо.

— Выходите!

Решетчатая калитка камеры со скрежетом отворилась, Баракс, пользуясь тем, что нашего языка никто не понимал, проворчал:

— Рой, ты только скажи, я с ними живо управлюсь.

— Молчать! Разговорчики!— заорал офицер, размахивая руками. Он остановился перед Бараксом и грозно уставился на него.

Скорее всего это был газ. Похоже, Баракс брызнул немного в лицо офицеру. Газ бесцветный, ничем не пахнет, усач даже не заметил, как вдохнул его. Через десять секунд глаза его стали слипаться и он прислонился к стенке.

И арестованные, и полицейские растерянно уставились на храпящего офицера. Прежде чем его успели поддержать, он съехал вниз по стене на пол. Полицейские словно очнулись от столбняка, подбежали, подняли и стали брызгать ему в лицо водой, пытаясь привести его в чувство. В конце концов им удалось заставить его стоять, конечно, с поддержкой. Глаза он так и не открыл. Его уволокли и через окно было видно, как расстегивают на нем мундир и обмахивают платочком лицо.

Появился другой офицер. Полицейский пихнул меня прикладом ружья.

— Пошел вперед!

Мы прошли узким коридором — шаги полицейских отдавались эхом. Сквозь распахнутую дверь был виден стоящий во дворе автомобиль-фургон. Наверное, это в нем собирались отвезти нас в столицу. На руки нам снова надели наручники. Наступило какое-то замешательство — что-то выясняли. Пользуясь заминкой, Баракс толкнул меня в бок:

— Рой, ну-ка погляди вон в ту сторону!

Я посмотрел, и дыхание у меня перехватило. С большой

прямоугольной фотографии, обрамленной разноцветными бумажными гирляндами, смотрел на меня...

— Лоренцо, — дрогнувшим голосом воззвал я и поблагодарил небеса за то, что полицейские глядели не на нас.— Лоренцо, скажи мне, кто этот человек?

Лоренцо мельком покосился на стену и отвернулся.

— Гальего Рамирес, черт бы его побрал. Наш новый диктатор.

Я несколько раз глубоко вдохнул, чтобы прийти в себя. Со стены на нас взирал не кто иной, как сам Дипп Килиос.

Шеф выразился достаточно ясно: от успеха экспедиции зависело многое. Но только теперь до меня дошло, что Галапол, оказывается, обеспечил мне доступ не ко всему потоку информации. Неужели к моменту нашей отправки там еще не знали, что беглец, виновный в создании хроноклазма, под именем Гальего Рамиреса стал диктатором в этой стране? Ведь специалисты-историки, работающие на Галактическую Полицию, в своих отчетах и рефератах по делу Килиоса наверняка отмечали, что, как свидетельствуют уцелевшие фотографии и кинокадры, бежавший из будущего преступник в стране, именуемой Боливария, угодил в президентское кресло... Я не думаю, что от меня пытались скрыть столь важную информацию. Должно быть, произошло что-то иное, возможно, специалисты слишком торопились, когда просматривали сохранившиеся материалы, им и в голову не могло прийти сравнить фотографии Килиоса с портретами знаменитых в то время высоких государственных чиновников. Или — что тоже не исключалось — до 31-го века не дошло ни одно фотографическое изображение диктаторов этого маленького государства.

Думается мне, что вовсе не в интересах Галапола прибавлять мне хлопот. Лоренцо сказал, что Килиос только неделю назад возложил на себя президентские полномочия. Если мы с Бараксом сделаем свое дело как следует и в течение нескольких дней возвратим в будущее незаконно пробравшегося в 20-й век человека, много ли останется доказательств пребывания здесь Килиоса? Наверняка столь немного, что когда в 3044 году специалисты заглянут в историю этой страны, маленькой латиноамериканской республики, они и следа не сыщут от этого краткого, длившегося всего неделю-другую, правления.

Если Килиос под именем Гальего Рамиреса стал президентом и тем не менее его владычество не оставит практически никаких следов, значит, наша миссия увенчается успехом. Но если нам не удастся в кратчайший срок убрать его из этой эпохи, он причинит столько вреда, что последствия для истории будут весьма значительными. Возможно даже, не только на этом континенте, но и во всем мире: ведь в распоряжении Килиоса технические средства, значительно опережающие эпоху.

Баракс, по обыкновению, стоял спокойно, он даже не смотрел на фотографию диктатора. Лоренцо все озирался по сторонам. Наконец появился какой-то субъект и махнул рукой:

— Марш в машину!

Первым сел Баракс, следом Лоренцо, затем в будку забрался я и двое охранников. Сумрачное пространство между разогревшимися металлическими стенками разделяла решетка. Нам было велено усаживаться на деревянные лавочки в задней части фургона, стражники сели впереди. Прежде чем за нами захлопнулась дверь, я успел заметить, что офицер забирается в шоферскую кабину. Дверь захлопнулась. Нас окутала полутьма, немного света проникало только через два узких окошка, забранных проволочной сеткой.

— В Боливаре получите свое,— усмехнулся один из стражников, глядя на нас.— В центральной тюрьме с вами не будут нянчиться, небось, пожалеете, что на свет родились.

Угрозы меня не особенно беспокоили. Случайно я поглядел на сидящего напротив Лоренцо. В его глазах стоял ужас. «Хотелось бы знать,— мелькнула у меня мысль,— что там вытворяют с заключенными, раз это место пользуется такой дурной славой».

Мотор стал набирать обороты, и мы тронулись по направлению к столице. Размеренный рокот, покачивание и тепло нагоняли на охранников дремоту.

Баракс, вытянув вперед ноги, удерживал равновесие на поворотах. Я оперся спиной о нагретую металлическую стену.

Через некоторое время Лоренцо пробормотал: «Еще немного — и мы будем на месте». Баракс перехватил мой взгляд.

— Сначала стражников?

— Конечно. Наручниками займешься потом.

Видавший виды пиджак на нем все равно не застегивался, уж очень он был силен. Теперь ему пришлось расстегнуть и рубашку. Он подался вперед. Я притиснулся к стенке, чтобы не мешать.

Лоренцо ничего не замечал. Правду сказать, я тоже. Излучение невидимо, оно лежит в частотном диапазоне, недоступном человеческому глазу. Стражники тут же уронили головы на грудь. Теперь они и впрямь походили на спящих. Но это был не сон. Скорее всего, это состояние походило на глубокий обморок. Придут они в себя только через несколько часов.

— Лоренцо, пересядь сюда,— быстро распорядился я.— Подай руку моему товарищу, а сам смотри на меня.

Наверное, было в моем голосе что-то, что заставило его подчиниться. Несколько секунд ему пришлось просидеть в неудобной позе, вывернув шею и теряясь в догадках, что там колдует Баракс над его запястьями. Тем временем Баракс разрушил кристаллическую решетку металла наручников. Он был столь предусмотрителен, что не стал демонстрировать бородачу наручники, а просто спрятал то, что осталось, в карман. Лоренцо был изумлен до такой степени, что не мог промолвить и слова, пока Баракс освобождал меня от браслетов. Наконец он, запинаясь, смог выдавить из себя:

— Н-но как вы могли это сделать? А если стражники сейчас проснутся?

— А ты понаблюдай за ними, скажешь, если они пошевелятся.

Так я снова отвлек его внимание. Он соскользнул со скамейки, стал внимательно следить за бесчувственными полицейскими, не замечая, как Баракс за его спиной несколькими ловкими движениями взламывает запор на дверях фургона. Дверца раскрылась, и мы увидали шоссе и пустынные окрестности, однако люди все же жили здесь, то и дело мелькали приземистые домики, виднелись вьющиеся то здесь, то там проселочные дороги и тропинки. Вдоль шоссе тянулась высоковольтная линия, с другой стороны блестели в послеполуденном солнце рельсы железнодорожного пути. На шум Лоренцо обернулся.

— Что это такое?— снова удивился он, но больше мы не услышали от него ни слова: он просто онемел от изумления.

— Останови машину!— велел я. Баракс моментально выбрал оптимальный, но в то же время самый безопасный вариант действий. В свое время, еще перед тем, как впервые отправиться со мной в прошлое, он ознакомился со старинными транспортными средствами, с основами их действия и даже со способами вождения. Кроме того, Баракс умел «просвечивать» металлические части машины. Наверное, он и на этот раз сделал что-то подобное: несколько пассов руками — и двигатель нашего автомобиля зачихал, а через минуту совсем заглох. Думаю, Баракс сгустил горючее до такой степени, что оно перестало поступать в мотор. Он это умеет.

Машина покатилась медленнее и остановилась на обочине. Из кабины донеслись крики и ругань. Баракс застегнул рубашку и первым выпрыгнул через заднюю дверь. Лоренцо и я последовали за ним. Подметки наших башмаков со стуком припечатывались к черному твердому асфальту. Я огляделся. Неподалеку виднелась шеренга коттеджей и извилистая дорога, усаженная ветвистыми деревьями вдоль обочины.

— Туда!

Мы побежали. Я надеялся, что Баракс сделал свое дело на совесть и уже успел выключить из игры водителя, а заодно и сидевшего рядом с ним офицера. Полицейских бояться нечего, однако движение по шоссе было довольно оживленным и следовало ожидать, что соответствующие службы будут поставлены на ноги. Мы припустили что есть духу.

Лоренцо был так воодушевлен спасением, что несся вперед, как на крыльях, я тоже без труда выдерживал темп. А о Бараксе и говорить нечего — он мчался как локомотив.

Оставив позади примерно с километр, я наконец дал знать, что уже можно не торопиться. В садах, окружавших коттеджи, играли дети, какой-то тип без рубашки и в пижамных брюках подстригал газон. Встречные с удивлением разглядывали нас.

— Мы привлекаем внимание,— заметил Лоренцо.— Сворачиваем за угол и бегом. Ноги в руки!

Последние слова, по правде сказать, я не понял, однако ситуация была недвусмысленная. Мы снова затопали вслед за бородачом. Неожиданно мы оказались среди деревьев: вероятно, это был парк. Встречный бульдог ощерил клыки и натянул поводок, а его хозяин изумленно уставился на трех бегущих гуськом мужчин. Мы миновали несколько ларьков и остановились передохнуть.

— Надо пробираться в центр,— пропыхтел Лоренцо.— В пригороде нас поймают без труда.

— Эти места тебе знакомы?

— Нет. Здесь бывать мне не приходилось. Но в центре народу тьма. В толпе нетрудно раствориться. Уж там-то полиции нас не найти!

Баракс вдруг шагнул на дорогу. К нам приближался зеленый автомобиль. За рулем сидела женщина лет тридцати: светло-каштановые волосы, окрашенные алой помадой губы... Завизжали тормоза. Я мгновенно сообразил, зачем мой товарищ преградил дорогу машине, и пихнул локтем Лоренцо.

— Садимся!

Я сел впереди рядом с женщиной. Глаза ее гневно сверкнули.

— Что вы себе позволяете, господа?

Мне вовсе не хотелось быть грубым. Я улыбнулся владелице машины. Тем временем Баракс забрался в кабину и расположился на заднем сиденье рядом с Лоренцо.

— Мы бесконечно благодарны вам, сеньора. Вы сжалились над несчастными иностранцами. Мы искали такси, но все было безуспешно. Мы уже и не надеялись сегодня добраться до центра города...

Я верил, что у Лоренцо хватит ума помолчать. Мой же акцент придавал словам правдоподобность. Баракс пока молчал. Я видел, как настороженно он озирается по сторонам и опасливо приглядывается к женщине.

— Но я... собственно, я не собиралась в центр...— женщина внезапно улыбнулась, тут же улыбка превратилась в недовольную гримасу.

— Я по глазам вижу, что такая отзывчивая и добросердечная сеньора не оставит в беде бедных иностранцев...

Это подействовало. Она нажала на газ, и машина рванулась с места. Мы катили по широкому шоссе с двусторонним движением и были, видимо, уже недалеко от центра, когда по встречной полосе, завывая сиренами, промчались в сторону предместья полицейские машины.

Женщина вела автомобиль быстро и умело. А я говорил. Восторгался достопримечательностями столицы, которую видел впервые в жизни. Возможно, город и в самом деле был красив, но мы видели пока только здания да бурлящие толпы на улицах, и больше ничего.

Между делом мне удалось узнать, что женщину зовут Флоренция, но она предпочитает более краткую форму — Флора. Я не сводил с нее глаз, и с каждой минутой во мне росло какое-то странное чувство. Нет. Тогда еще не было ничего определенного. Я только смотрел на ее губы, глаза, руки, ноги... Движения ее были плавными — казалось, пальцы, удерживающие рычаг переключения скоростей, исполняют необыкновенный танец. Иногда она бросала короткий взгляд на меня — сначала только на очень краткое мгновение, когда задавала вопрос, и улыбка на ее губах была тогда немного нервной. Я расслабился.

По-моему, просто из вежливости она поинтересовалась, чем мы занимаемся. Первое, что пришло мне в голову, было слово

«коммерсант». Насколько я помню, в те времена это была довольно распространенная профессия. Вот я ее и назвал.

— Что вас сюда занесло?— спросила она.

Выражение удивило меня, но вскоре я понял, что оно должно означать. Шефу наверняка понравится, решил я и продолжал импровизировать.

— Наше дело — цветы. Надеемся найти в вашей стране экспортеров, способных обеспечить поставку крупной партии...— я был горд собственной сообразительностью. Скорее всего, ее имя подсказало моему подсознанию образ цветов.

Флора повернула руль. Летящие нам навстречу дома становились выше. Несомненно, мы приближаемся к центру города.

— Ваши костюмы, сеньоры, не внушают доверия... Пожалуйста, не сердитесь, но будь я крупным коммерсантом, я не стала бы вести переговоры с иностранцами, приди они в мой офис в таких затрапезных пиджаках с болтающимися на ниточках пуговицами, да к тому же еще в рубашках не первой свежести.

Я подумал, что заметить такое могла только женщина. Наши костюмы и впрямь заметно пострадали и в ночной драке, и во время ареста, а потом и в бешеной гонке по колючим кустам во время побега.

Я никогда не принимал всерьез слова шлягеров. Какой смысл в выражении «влюбиться с первого взгляда»? Я всегда думал, что это чушь и ерунда. Флора, однако, меня ошеломила. Я не в силах был отвести от нее взгляд. Но при этом все же не забывал о нашей безопасности.

— Мне хотелось бы еще когда-нибудь увидеться с вами,— признался я.

Флора только усмехнулась в ответ.

Наверняка она догадалась, что со мной происходит. Я надеялся получить от нее номер телефона или адрес, но, увы, мои надежды не оправдались. Она была прекрасна.

На углу улицы с довольно оживленным движением стоял цветочный ларек. Идея пришла сама собой.

— Притормозите здесь, дорогая Флора! Будьте добры!

Не знаю, как назывались эти ярко-алые цветы, наверное, какая-нибудь разновидность гвоздики. Пока мои товарищи выбирались из машины, я схватил с лотка охапку цветов и просунул в кабину.

— Спасибо, что подвезли нас. Может, еще увидимся когда-нибудь,— сказал я с многозначительной улыбкой и захлопнул дверцу. Помахав на прощанье, Флора отъехала.

— Регистрационный номер экипажа я записал,— сказал Баракс. Секунду я оторопело взирал на него, а он продолжал с присущей ему флегматичностью:— Мне показалось, что ты не прочь бы еще раз встретиться с его владелицей.

— Черт побери!— взорвался я.— Конструкторы снабдили тебя несколькими лишними устройствами.

— Ничего подобного,— парировал он,— только теми, которые могут нам пригодиться.

— Давайте расходиться,— нервно заметил Лоренцо.—

И как можно быстрее. Полиция ищет трех человек и с минуты на минуту нападет на след.

— А ты сбрей бороду,— посоветовал я.

— Я иду к друзьям. Завтра в полдень встретимся в соборе Нуэстра Сеньора.

С этими словами он исчез в толпе. Его голова мелькнула разок на лестнице, ведущей под землю. Надпись оповещала, что здесь вход в метро.

Баракс систематизировал то, что нам предстояло предпринять.

— До наступления сумерек следует найти местечко для ночлега, а тебе и поужинать бы не мешало. Завтра утром купим новые костюмы и разведаем район действий.

Он был прав. Мы отправились наугад вдоль улицы. В первом же киоске мне удалось купить подробную карту города, затем поужинать в какой-то харчевне. Пока я с отвращением давился холодной пищей, Баракс торчал у входа, не теряя меня из виду.

Ночлег отыскать было не так просто. Мысль об отеле пришлось оставить сразу, потому что наши документы находились в полицейском участке Лории, а здесь без бумажки ты букашка... Поэтому рассчитывать оставалось только на частный сектор. Некоторое время мы прогуливались, разглядывая шумную толпу на улицах. Потом меня осенило, и я купил вечернюю газету. Среди всякой всячины скоро нам удалось отыскать объявления о сдаче жилья внаем. Я разменял деньги и направился к телефону. Разобраться в принципе действия примитивного автомата было делом нескольких минут. Дозвонившись, мы узнали, что квартиру еще не сдали. Хозяин понял — речь идет об иностранцах, охотно согласился взять нас и объяснил, как быстрее добраться. Было это довольно далеко от центра, и мы взяли такси, но из осторожности вышли двумя кварталами раньше, чем следовало.

К тому времени стемнело. На фоне ночного неба вырисовывались силуэты четырехэтажных блоков, зажглись уличные фонари.

— Какой примитив,— буркнул Баракс уже в дверях.— Провалиться мне на месте, если они не дают больше тепла, чем света!

Конечно, он был прав: при помощи нашей аппаратуры можно было даже на расстоянии определить количество выделяемого тепла. Однако меня в эту минуту больше занимало, где нам удастся переночевать.

На площадке третьего этажа мы позвонили у массивной деревянной двери. Отворил невероятной толщины господин. Его круглое потное лицо расплылось в улыбке. Разговаривая с нами, он сильно шепелявил. Хозяин указал на дверь, которая вела в просторную квартиру с небольшой кухонькой и ванной. Баракс придирчиво осмотрел жилье, я же тем временем занялся переговорами. Чтобы рассеять возможные подозрения, я уплатил за две недели вперед и только после этого сказал, что наши паспорта с багажом пропали в самолете; насколько мне известно, в 20-м веке такое случалось довольно часто.

— В посольстве сейчас готовят дубликаты,— соврал я,— надеюсь, денька через два-три все будет в порядке. И тогда мы уладим все формальности.

Наш довольно растерзанный внешний вид не произвел на хозяина никакого впечатления, зато мое произношение, а главное, деньги, сделали свое дело. Он согласился на все и ушел восвояси. Можно было надеяться, что, по крайней мере, на первое время мы обрели надежное укрытие. Когда на следующее утро я открыл глаза, Баракс стоял у кровати.

— Кто рано встает, тому Бог дает,— пошутил я.

— Умывайся и давай за дело,— отозвался он хмуро.

— Прежде не мешало бы перекусить,— рискнул возразить я, хотя знал, что намеками на еду его можно вывести из равновесия.

— Надо готовить операцию, Рой,— сказал раздраженно Баракс.

— Хорошо, уже иду. Приготовь пока мне карту.

Во вчерашней газете мы обнаружили полезную информацию: сегодня в половине третьего пополудни президент посетит парламент и выступит с речью перед дипломатическим корпусом.

— Ну-ка, где у нас здесь парламент?

— Надо взять напрокат автомобиль,— сказал Баракс, казалось бы, ни к селу, ни к городу. Однако и на этот раз мы, как обычно, поняли друг друга.

— Заодно обзаведемся новыми костюмами,— добавил я.

— Времени мало,— покачал он головой.

— Позднее увеличим темп действий,— откликнулся я внешне беззаботно. Однако мысли в голове летели во весь опор. Опыт истории учит, что главу государства нужно тщательно охранять и посторонних допускать только в исключительных случаях. Одновременно я припомнил также, что покушения на лидеров государств были не такой уж редкостью и частенько заканчивались успехом. Описание одной такой операции было даже в информационном материале, множество которых я просматривал перед тем, как отправиться сюда. Сообщалось, что в девяностых годах в Боливаре было совершено покушение, однако имя жертвы не сообщалось. Следовательно, что бы мы ни планировали, все было уже предрешено, существовал реальный шанс заполучить в свои руки сеньора Рамиреса.

После завтрака мы купили новые костюмы. Со мной проблем не было — фигура стандартная, зато плечистый Баракс произвел настоящую сенсацию. Продавщицы разглядывали его с нескрываемым любопытством. В кабине за ширмой мы переоделись во все новое, расплатились и вышли на улицу.

Я купил газеты, и мы расположились в тени на лавочке в парке. У фонтана дети играли в мяч. Солнце припекало немилосердно, горячий воздух заполнял легкие и прямо-таки обволакивал кожу. Баракс был свеж как огурчик и готов к действию.

— Килиоса необходимо похитить,— решительно заявил он. Говорить можно было смело: подслушай нас кто-нибудь из редких прохожих, ему все равно было бы не понять язык, на котором мы беседовали, потому что в 1992 году он еще не существовал. Разоблачить нас мог только один-единственный

человек — Дипп Килиос. Впрочем, маловероятно, чтобы Рамиресу-Килиосу взбрела в голову идея прогуливаться по парку, словно Гарун-аль-Рашиду.

— Ну так пойдем и возьмем его,— съязвил я.

— Как?— спросил он. Мыслил он весьма логично, и главное, конкретно.

— Как правило, президенты живут в хорошо охраняемых дворцах. Меня наверняка сразу же застрелят, а в одиночку даже ты вряд ли сумеешь выполнить задание.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала,— проворчал он. Его реакция часто была похожа на мою: за последние несколько лет, пока мы колесили с ним по Солнечной Системе и земным эпохам, он многое сумел у меня перенять.

— Этот ход не годится,— сказал я решительно.— Действовать придется не раньше, чем наш друг высунет нос из ворот дворца. Тогда охранников вокруг будет поменьше, и наши шансы побыстрее управиться с делом значительно возрастут.

— Сегодня он собирается посетить парламент,— напомнил Баракс.

— Так-то оно так, но ведь мы еще не знакомы с местностью. Прежде всего следует разработать толковый план, все проверить, а потом уже выбирать подходящее место и время.

— Тут бы пригодился кто-нибудь, кто лучше нас знаком с городом. Какой-нибудь абориген.

— Ты хочешь сказать, что я не сумею разобраться во всем как следует,— разозлился я. Однако Баракс промолчал, в подобные минуты он обычно сохраняет дипломатическое молчание, словно предчувствуя надвигающуюся бурю. А ведь мой помощник и в самом деле может предчувствовать — чертова уйма аппаратуры, которой он напичкан, оберегает его от любых неприятностей. Баракс — мой товарищ и моя опора, но его реплики я переношу с трудом. Несколько странно, правда, было, что именно из его уст сорвалось:

— Ничего я не хочу сказать, а просто размышляю вслух.

Теперь пришла моя очередь съязвить:

— Размышляешь? Ты?

— У меня тоже есть мозг,— с достоинством парировал Баракс.— И, должен заметить, не из худших.

Здесь он был прав. Его аналитические способности значительно превосходят средний человеческий уровень. И все-таки пока что мы располагаем слишком скудной информацией, чтобы приниматься за разработку конкретного плана. Поэтому я отыскал на карте собор Нуэстра Сеньора.

— Скоро полдень, идем,— поднялся я.

— Куда это?

— У нас назначено свидание с Лоренцо, ты забыл?

— Я никогда ничего не забываю,— буркнул Баракс.

Отыскать собор оказалось проще простого. Он возвышался на краю просторной площади и был изумительно красив. Каждый его кирпич представлял архитектуру прошлого — камни, стрельчатые готические окна, резной портал... Ко входу вели длинные широкие ступени. Нетрудно было догадаться, что внутри собор

богато отделан. Дымок свечей, ладана, аромат старинных рам, икон, деревянных скамей... В тридцать первом веке от этих предметов не осталось и следа. Последние церкви на Земле строили в 22-м веке, тогда казалось, что культ Космоса может иметь достаточно широкое распространение. Однако и космические верования в самом непродолжительном времени сами собой угасли.

— Я подожду снаружи,— сказал Баракс.

Это была не деликатность. Просто он руководствовался здравым смыслом — именно так следовало поступать, идя на встречу в незнакомом месте, исход которой неясен. Я спокойно вошел в двёрь: на Баракса можно было положиться в любой ситуации. Для него существует одна задача, одна программа действий — оберегать инспектора Медину, своего начальника.

Под сводами храма царили сумрак и тишина: народу в это время здесь было немного. Мои шаги отдавались гулким эхом. Солнечные лучи проникали сквозь узкие стрельчатые окна, украшенные витражами, и ложились на каменные плиты пола разноцветными светящимися пятнами.

Из-за колонны вынырнула тень. Мои глаза уже привыкли к полумраку, я узнал всклокоченную бороду и приблизился.

— Здравствуйте, незнакомец,— приветствовал меня Лоренцо. (Ну да, я вспомнил, ведь я ему так и не представился!) Вид у него был встревоженный, я буквально ощущал исходящее от него беспокойство.— Где ваш товарищ?

— Неподалеку. Как твои дела, где прятался?

— У друзей.— Больше он не сказал ничего, да я и не настаивал. Мы присели на узкую неудобную скамью, и Лоренцо тут же зашептал:

— Вчера я дал знать Эстрелле, и утром она приехала за мной...

Не знаю, почему, но его бородатая физиономия показалась мне удивительно похожей на лицо, изображенное на одной из икон. На человека, которого бесчисленные древние источники именуют сыном божьим. На Христа. А он продолжал:

— Она сказала, что вы показывали фото президента Рамиреса и спрашивали, кто он такой. Вы что, ненормальные?

— Ничего подобного,— поспешил заверить я его.— Мы приехали из-за границы со специальным заданием. Только и всего. Мы должны арестовать вашего президента.

— Что?!— Лоренцо вытаращил на меня глаза.— Арестовать Рамиреса? Тогда вы точно тронутые.

Я не совсем понял выражение «тронутые», однако интонация не оставляла сомнений в том, что молодой человек о нас думал.

— Однако быстро же ты успел забыть, каким образом мы освободились из «черного ворона»,— напомнил я. Передо мной начал вырисовываться смелый, крупномасштабный план.— Перед талантами Баракса здешняя полиция бессильна.

— Это верно. Я сам видел. Не знаю, как это у него получается, но трюки были первоклассными.

«Не знаешь, и никогда не узнаешь»,— подумал я. Мы не имели права на очередной хроноклазм. Аборигены не должны

были догадываться о наших способностях. Достаточно было того, что уже натворил здесь Килиос. И того, что он успеет еще сделать в ближайшие дни. Я нутром чуял, насколько опасным стало влияние этого перебежчика на ход истории с того самого момента, когда он стал главой государства. Боливария, правда, страна небольшая, но все же...

Знать бы только, что намеревается сделать этот полоумный. Наверняка можно было бы «сочинить» что-нибудь похитрее. Мы или раскроем его замысел или не раскроем. Но, если все пойдет гладко, он уберется отсюда прежде,чем сможет реализовать свои планы, которые могут привести к столь трагическим последствиям. В 31-м веке у него будет возможность ответить за эту выходку — и отчитываться он будет перед специальным судом.

А пока что все было таким далеким и туманным.

— Чего вы, собственно, добиваетесь?— спросил я.

— Мы?

— Фронт.

Лоренцо беспокойно огляделся.

— Ч-ш-ш! Не так громко! Даже у стен бывают уши!

Я обрадовался: шеф будет доволен, когда я передам ему эту поговорку. Да, даже... у стен... бывают уши... Я наслаждался этой фразой и едва не воочию увидел стены, нашпигованные микроскопическими подслушивающими устройствами.

— В скором времени вспыхнет восстание,— прошептал возбужденный Лоренцо мне на ухо.— Люди уже не в состоянии больше терпеть! Партизаны все подготовили! И власти, по-моему, тоже догадываются о чем-то!

Я опасался, и не без основания, что этот парень снова примется провозглашать политические лозунги. Поэтому пришлось его тут же перебить.

— Как Рамирес добрался до власти? Что это, собственно, за человек?

— Известно о нем немного. Раньше Гальего Рамирес был кондитером в предместье.

— Раньше? Значит, его здесь давно знают?

— Конечно. Ведь он живет в Боливаре сорок лет.

Я обмер. Неужели мы так ошиблись? Неужели Килиос и Рамирес не одно и то же лицо?

А Лоренцо продолжал:

— Одни говорят, что он никогда не занимался политикой, другие клянутся, что он уже много лет подготавливал себе почву. Утверждают, что все свои деньги Рамирес направил на подкуп государственных чиновников, а в последнее время словно с цепи сорвался. Ораторствовал перед покупателями — у него была своя лавочка — и даже привлек этим к себе внимание тайной полиции. Ему раз-другой пригрозили, что, если он не прекратит заниматься агитацией, его посадят. Но это не помогло. Тогда был отдан приказ об аресте Рамиреса. Так он распропагандировал явившихся полицейских! За короткое время Рамирес добился неслыханного успеха. На его сторону становилось все больше чиновников, полицейских, армейских офицеров. Тогда уже и правительство забеспокоилось, но прежде чем они успели

пошевелить пальцем, Рамирес сделал последний шаг — во главе трех сотен солдат и полицейских занял парламент и призвал заседавших там депутатов отправить в отставку президента, а на освободившееся место посадить его, Рамиреса. Они пришли к власти, не пролив ни единой капли крови.

— Так что же это за человек, ваш кондитер?— опешил я.— Он что — мессия? Златоуст? Народный трибун? Чародей?

— По-моему, ни то, ни другое, ни третье,— прошептал Лоренцо.— Я слушал по радио его речь, когда он давал присягу на президентство. Ничего нового и интересного, обычный набор простых фраз, как всегда. Это политика всех диктаторов. Мол, следует разрушить старую преступную систему, прогнать продажных чиновников, снизить налоги и так далее. Вернемся к демократии, ура! Ура! Ура!

— Погоди-ка. Так ты слушал его речь. Скажи, случаем, не заметил ли ты у него странного акцента? Не говорил он на вашем языке как иноземец, ну, вроде меня?

— Нет,— Лоренцо решительно покачал головой.— Он говорит совсем не так. В конце концов, как ему еще говорить? Множество народа знает его десятки лет, правда, в основном, это жители района Агрота... Это он, никаких сомнений. Низенький лавочник лет пятидесяти... Жители Агроты всю жизнь покупали у него торты и пирожные.

— Что же с ним стряслось? С чего это он полез в политику?

— Позавчера по телевидению передавали интервью с Рамиресом. Так он сказал, что нашел способ сделать Боливарию самым богатым и могущественным государством мира...

Что-то здесь не сходилось: выглядело это так, словно я пытался подогнать друг под друга две шестерни с разным количеством зубьев. Я прервал Лоренцо: сейчас было важнее получить еще кое-какие данные.

— Погоди-ка, дружище. Где тебя можно найти, если вдруг ты мне понадобишься?

— Понимаешь, мне не хотелось бы рассекречивать явку...

— Хорошо. Но, возможно, мы можем друг другу внезапно понадобиться, понимаешь, неожиданно. Скажи хотя бы, где можно оставить для тебя записку.

Минуту он колебался.

— Ладно. Удобнее всего для этого харчевня «У моряка». Это возле реки, в порту. Связаться поможет хозяин, он такой высокий, лысый.

Лоренцо снова огляделся и встал. Мы попрощались. Он ушел, а я прошелся еще немного по собору и только потом вышел на залитую солнцем площадь.

После обеда я собирался нанять автомобиль в одной из крупных прокатных контор, однако оказалось, что это невозможно было сделать без документов. Неподалеку вертелся какой-то коротышка с неприятным лицом. Разочарованный, я вышел из конторы. Коротышка тут же подскочил ко мне и заявил, что если бы я обратился к его родственнику, то без всяких документов получил бы почти новый автомобиль. Я протянул крупную

банкноту, взамен он сообщил мне адрес своего родственника. Мы поймали такси и отправились в пригород.

«Родственник» оказался сварливым типом с еще менее симпатичной рожей. На заднем дворе у него скрывался отлично оборудованный пункт торговли автомобилями. Я мог выбрать машину какой угодно марки и размера, причем некоторые из находившихся здесь выглядели совершенно новенькими. Несомненно, машины были краденые, но как бы там ни было, я все же сделал свой выбор, и помощник хозяина на моих глазах прицепил на нее таблички с регистрационными номерами. Затем он наставительным тоном объяснил, что если остановит полиция, то я должен сказать, что взял эту машину напрокат в какой-нибудь соседней стране. Затем он пересчитал деньги, сунул их в нагрудный карман и помахал нам рукой на прощанье.

Старый адрес кондитера мы отыскали в телефонной книге заранее. Прежде чем стать диктатором, он жил на Королевской улице, в доме под номером 88.

Через полчаса в районе Агрота мы остановили машину.

— Я пойду вперед, а ты не торопись, топай следом.

— Все равно я тебя одного не отпустил бы,— буркнул Баракс и вылез из машины.

В подворотне у меня из-под ног выскочила кошка. Несло затхлым из подвального окна. Лестничная клетка с замызганными стенами, казалось, была предоставлена сама себе и держалась только на честном слове. На старомодной доске болтался листок бумаги с надорванным краем — это был список жильцов. Против слов «Рамирес, кондитер» значилась цифра 2.

На втором этаже стояла мертвая тишина. На почерневшей от времени двустворчатой двери висела массивная табличка «Гальего Рамирес». Я постучал. Ни шороха. Я нажал ручку, дверь была не заперта. После недолгих колебаний вошел и тут же почувствовал эманацию злой воли. Это была не то прихожая, не то коридор. Стояла кромешная тьма, и я не мог видеть того, кто излучал злобу.

Дальнейшее произошло мгновенно.

Кто-то за моей спиной захлопнул дверь, и перед лицом сверкнул пронзительно-слепящий голубой свет лампы-вспышки фотоаппарата. Одновременно сильные руки вцепились в мои предплечья. Я попытался было высвободиться, и тогда тот, что был сзади, ударил меня по затылку. Я повалился на пол, однако сознания не потерял.

«Баракс, на помощь!»— едва не вырвалось у меня вслух. Неожиданно вспыхнул свет. Оказалось, что я счел прихожей просторную комнату: наверное, именно такие в старину называли холлами. У стены стояло несколько шкафов, низенький столик и пальма в деревянной кадке.

Их было шестеро. Один стоял у дверей, двое держали меня. Шесть пар черных глаз впились в мое лицо. Они улыбались. Это были полицейские — только в штатском платье.

— Попался?— спросил тот, что держал фотоаппарат.— А ну говори, кто ты такой и кто тебя послал?

Молчать было бесполезно, Баракса рядом не было. Пришлось заговорить.

— Это ведь квартира господина Рамиреса? Это отсюда начинался славный путь великого вождя нации Гальего Рамиреса, ведь правда?

— Кончай трепаться, старичок! Лучше скажи, как...

Он не договорил. Дверь с ужасающим грохотом слетела с петель и погребла под собой стоявшего на страже полицейского. Те, что держали меня, от неожиданности отпустили и обернулись на шум. Обе руки Баракса ударили одновременно. Полицейские повалились, как снопы. Мой помощник, вместо того чтобы пустить в ход лучевое оружие или газ, решил «размяться», как он называл этот процесс. Конечно, на свете нет ничего совершенного. И Баракс не был исключением. Иногда его начинает буквально тошнить от современной техники, от едва ли не безграничных возможностей, которыми он располагает, и вместо этого он применяет проверенные временем, хотя и примитивные, средства... Все это молнией пронеслось в моей голове. Толком над этим я так и не поразмыслил, потому что пришлось вцепиться в того типа, что был у них старшим. Фотоаппарат полетел в угол. Полицейский собирался ребром ладони съездить мне по шее, но я вовремя парировал выпад и нанес ответный удар ему в висок. Каким-то чудом другому удалось выхватить пистолет. Я молниеносно развернул оглушенного старшего и прикрылся его телом. Прозвучал выстрел, и бедняга обмяк у меня в руках. В следующий миг Баракс оказался рядом со стрелком. Схватил его и просто швырнул в стену. Посыпалась штукатурка и дешевые картинки. Полицейский сполз на пол и больше не шевелился.

Последний из шестерых сделал попытку улизнуть. Он шмыгнул в проем выломанной двери и бросился наутек. Только теперь я сообразил, что Баракс выломал дверь прямо с кирпичной коробкой — на полу валялось несколько кирпичей.

— Перехватить его?— Баракс был спокоен и даже не торопился. Он верил в свои необыкновенные способности. При необходимости он был способен развивать скорость, превышающую человеческие возможности.

— Догони, только сюда приводить не стоит. Я иду следом.

Баракс кивнул. К тому времени, как он бросился в погоню, беглец успел спуститься и уже был в дверях подъезда. Я подхватил с пола фотоаппарат и поспешил покинуть разгромленную квартиру. И только сейчас почувствовал, как зверски болит у меня голова. Но обращать на это внимание не было времени. Важно, что я сумел уцелеть. Я вынул из аппарата пленку, сунул ее в карман, сам аппарат закинул в подвал через провонявшее кошками окно и вышел на улицу.

Баракс и полицейский в штатском стояли, прижавшись друг к другу, под стеной соседнего дома. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что они поглощены оживленной беседой. Но

я-то знал, как отчаянно пытается тот высвободиться из стальных объятий моего товарища.

— Отпустите меня,— заскулил полицейский, завидев меня.— Я тут ни при чем... Отпустите, умоляю!

— Посмотрим,— сурово произнес я.— Марш в машину.

Баракс зашвырнул его на заднее сиденье и притиснул к левой дверце. Полицейский был тощим маленьким типчиком — удивительно, как его взяли на такую работу. Я сел за руль.

Вскоре мы выбрались за пределы района и очутились на берегу реки. При виде пустынного берега мне пришла в голову неплохая мысль. Я затормозил. Вокруг не было ни одной живой души, только громоздились пакгаузы да по грязно-серой воде двигалось несколько барж. Жара стояла, как в парной. По спине у меня пот катился ручьем.

Баракс обшарил карманы пленника. Нашел наручники, полицейское удостоверение и немного денег. Удостоверение было без фотокарточки — на картонке с косой трехцветной полосой было напечатано: «Политическая полиция». Незадачливого агента звали Альберто.

— Ну что, Альберто, неудачный расклад?— щегольнул я свежеприобретенной фразой.

— Я тут ни при чем!— заскулил пленник.

— Говори, зачем вы затаились в том жилище? Что вы замышляли?

— Ничего! Мы только ждали!

Мне даже не пришлось делать знак Бараксу. Он положил руку агенту на колено.

— Не... н-на-а-до!— взвыл тот, пытаясь освободиться, но, конечно же, безуспешно.

— Не раздражай моего приятеля, он шутить не умеет,— усмехнулся я.— Скажи, кого вы ожидали в квартире Рамиреса?

Агент, бледный как смерть, заговорил. Время от времени он умолкал, но стоило Бараксу поднять руку, и слова опять начинали литься из бедняги, как вода из сосуда.

— Мы уже неделю находимся там безвылазно. Известно только, что должен появиться какой-то чужеземец.

— Кто отдал распоряжение?

— Начальник тайной полиции полковник Негадес...

— Умница, Альберто. Теперь запомни фамилию: Медина. М-е-д-и-н-а. Медина.

— Запомнил,— пролепетал перепуганный агент.— Медина. Кто это такой?

— Это я. Когда придешь в себя, явишься к полковнику и передашь ему от меня привет.

И я кивнул Бараксу. Тот бережно коснулся ладонью затылка полицейского, и тут же, оглушенный порцией излучения, Альберто растянулся на сиденье.

— Выбрось его на дорогу,— приказал я и запустил мотор.

Вечером по хронотелефону я связался с шефом. Это было нелегко. Собственно, потому-то я и не любил пользоваться этим аппаратом и каждый раз мучительно искал предлог, как бы

избежать связи. Эта штука словно изобретена не в наше время — груба, сложна в обслуживании и ненадежна в работе. Приходится тратить кучу времени на поиски нужной волны, на отсечку помех, возникающих из-за разности темпорального потенциала и изменчивости магнитного поля Земли. Поэтому я не стал терять времени зря и прямо связался с центральной станцией Галапола. Там были в курсе, как отыскать шефа, независимо от того, где он находится в данную минуту.

— ... Рой?

— Да, шеф. У нас затруднения.— Говорить следовало четко и лаконично: тоненькая ниточка, связывающая нас, через секунду-другую могла оборваться через толщу столетий...

— Рамирес или Килиос?— спросил он.

Это меня утешило. Значит, и они уже знают. Теперь можно надеяться, что к этому времени они проследили все, что могли.

— Рамирес,— отозвался я.

— Анализаторы буквально только что разыскали его фотографию. Он слишком недолго был президентом Боливарии, поэтому и фотографий осталось совсем немного.

— Значит, он существовал на самом деле? Это не Килиос?

— Еще не знаем. Весьма вероятно, что их что-то связывает. Возможно также, что речь идет об одном и том же человеке. У нас нет времени, инспектор, поторопитесь.

— Шеф! Должен вам сказать, что Килиос ждал нас и расставил ловушки.

— В таком случае, Рой, вам придется проникнуть в государственный аппарат. У меня в памяти застряла фамилия... полковник Негадес. Я правильно произношу? Вам знакомо это имя?

— Да. Совершенно верно. Есть такой. Он довольно значительная шишка.

— Рой! Передаю ключевые слова: «полиция», «Негадес», «переворот», «временное правительство». Это все, что нам удалось расковырять в архивах.

— Несомненно, это тот самый человек.

— Надеюсь.

— Что ж, пойдем по этому следу.

— Окончательное решение за тобой. У тебя есть еще что-нибудь?

— Пока все, шеф. Остальное в другой раз.

Отыскать харчевню «У моряка» в порту у реки было несложно. Узкие улочки выходили на просторную площадь, у бетонного мола выстроились в ряд пахнущие рыбой баркасы. Наступило время сиесты, поэтому прохожих на набережной было немного.

— Какой номерной знак был у автомобиля, на котором мы позавчера ехали в город?— спросил я.

— БА 27441,— ответил Баракс без запинки.

Я вырвал листок из записной книжки и написал:

«Лоренцо! Пожалуйста, разберись, кто хозяин машины

с номером БА 27441. Меня интересует его домашний адрес. Завтра зайду за ответом. Привет. Незнакомец».

— Сеньора Флора будет рада,— кивнул Баракс.

— Жди здесь,— велел я и вошел в харчевню. В открывшуюся дверь навстречу мне ударила волна шума, духоты и запаха алкогольного перегара. Хозяина, лысого великана, я увидел сразу. Не заметить его было невозможно: он был на целую голову выше меня, хотя я довольно высок. За столами, застеленными клетчатыми скатертями, было полным-полно народу. Те, кому не хватило места за столиками, стояли у стен, держа в руках свои стаканы. Я протиснулся к стойке и подозвал хозяина. Нельзя сказать, что на мой зов поторопились. Наконец он подошел и недоверчиво смерил меня взглядом. Я подумал, что в здешних местах чужих недолюбливают.

— Мне нужен Лоренцо,— вполголоса произнес я.

— Не знаю я никакого Лоренцо,— отрезал хозяин.

— Ладно, ладно,— я вынул банкноту и положил на стойку. Сверху положил записку.— Вот это для вас, а это для него.

Он метнул на меня враждебный взгляд: именно так должен отнестись к слишком осведомленному незнакомцу опытный конспиратор. Я успокоился и вернулся к машине. Баракс обозревал окрестности из кабины. По улице брели редкие прохожие. Дома купались в потоках солнечного света.

Мы поехали к центру. В нескольких словах я обрисовал Бараксу наши дальнейшие действия. Он покачал головой:

— Рискованная игра.

— Ставка высока. Так что рискнуть стоит. Забыл, что поставлено на карту?

— Последствия хроноклазма могут быть непредсказуемыми!— скопировал Баракс голос шефа. В этом он был непревзойденным мастером.

Несмотря на жару, главный железнодорожный вокзал кишел народом. Баракс остался на автостоянке в машине, которую мы поставили так, чтобы ему был виден вход в здание вокзала. В зале ожидания я подошел к телефону-автомату и в телефонной книге отыскал номер полицейского управления. Отозвался мужской голос. Я решительно заявил, что желаю поговорить с полковником Негадесом. Послышались щелчки переключений коммутаторов.

— Слушаю,— отозвался другой мужской голос.

— Пожалуйста, Негадеса.

— Кто спрашивает?

— Медина.

— Медина? Имя, занятие?

— Этого достаточно. Передайте полковнику, что с ним хочет поговорить Медина, и соедините нас. Да поживее!

Наступила изумленная тишина: видимо, секретарь полковника не привык, чтобы с ним так разговаривали. Наконец я услышал:

— Негадес слушает. Кто говорит?

— Медина. Тот самый, что вчера в квартире Рамиреса вдвоем с коллегой управился с вашими болванами, полковник.

Последовала продолжительная пауза — шпилька угодила точно в десятку! Помолчав, мой собеседник заговорил уже другим тоном:

— Чего вы добиваетесь?

— Встречи с вами.

— Минуту!— на некоторое время в трубке воцарилась мертвая тишина. Потом что-то щелкнуло, и полковник продолжал:

— Зачем нам с вами встречаться?

— Это не телефонный разговор.

— Вы, надеюсь, не думаете, что я и в самом деле начну вести переговоры с незнакомыми людьми. Мое положение...

— Именно о вашем положении и пойдет речь, полковник. И о карьере тоже. Вы ведь не откажетесь разом перешагнуть две-три ступеньки иерархической лестницы? Подумайте, через десять минут я перезвоню вам.

Я повесил трубку и неторопливо вышел из зала ожидания. Как раз в это время из автомобиля, остановившегося у главного входа, выскочили двое полицейских в форме. Я спокойно продолжал свой путь к автостоянке. Баракс запустил мотор. Навстречу, завывая сиренами, пролетело еще несколько автомобилей, в одном из них были люди в штатском. К тому времени, когда полицейские окружили вокзал, мы были уже далеко и спокойно катили по широкой автостраде. Машину вел Баракс.

Вчера вечером он запечатлел в памяти план города, и необходимость в карте отпала. Несмотря на оживленное движение, мы без труда добрались до площади Святой Троицы и остановились возле телефонной будки. Я снова набрал номер Негадеса.

— Ай-яй-яй, полковник!— пожурил его я.— Вы пускаете в ход такие затасканные приемы!

Негадес только дышал в трубку. Следовало торопиться, потому что они снова могли засечь таксофон, с которого я звонил.

— Итак, я думаю, что у нас с вами есть о чем побеседовать. Для вашего же блага приходите через час в кафе «Кальвадос» на площади Святой Троицы. В руках у меня будет номер «Эль Диа». По ней вы меня узнаете.

И я поспешно бросил трубку. Из телефонной будки виднелась вывеска кафе «Кальвадос». Над выставленными на тротуар столиками легкий ветерок шевелил маркизы в красную и голубую полоску. Вокруг было спокойно. Однако я знал, что, возможно, в скором времени тишину разорвет грохот выстрелов. Тайная полиция способна на всё.

Автомобиль мы припарковали на противоположной от кафе стороне площади. С заднего сиденья я взял вчерашний номер «Эль Диа». Вокруг не было заметно ничего подозрительного. Баракс с газетой в руках уселся за столиком на улице и, коверкая язык, как и положено иностранцу, заказал кофе. Я же тем временем поднялся на веранду и расположился в полном одиночестве у парапета, откуда можно было наблюдать за

сидящим внизу Бараксом, и тоже заказал кофе и несколько пирожных: с детства люблю сладкое. Официантка была молодая и симпатичная. Чем-то она напоминала Флору. Странно, подумал я, женщины одинаково привлекательны во все времена.

Появились новые посетители. Сначала двое молодых плечистых людей заняли места за столиком Баракса, затем еще двое, наконец, еще трое. Потом человек постарше, правда, в гражданском, но с военной выправкой, занял место между Бараксом и черным ходом. Мой приятель спокойно сидел перед полной чашкой кофе. Наблюдая за ним, можно было заметить, что он к ней даже не притронулся. Газета, лежащая на столике, молодого человека тоже не интересовала.

В установленный час перед кафе остановился черный лимузин. Жаркое солнце ослепительно засверкало на его полированном корпусе. У входа в кафе пальмы в кадках грустно повесили свои листья.

В дверях появился человек лет пятидесяти. На его подбородке виднелся старый шрам. Взгляд был живой. Один из молодых людей невольно встал, чтобы поприветствовать начальника. Человек с военной выправкой закусил губу. Тот, что был со шрамом, бросил мрачный взгляд на проштрафившегося подчиненного и решительным шагом приблизился к Бараксу. Тот что-то негромко сказал. Атмосфера в кафе накалялась.

Секретные агенты в зале перестали дышать. Баракс тоже насторожился — на это у него были свои причины.

Негадес пожал плечами и направился к лестнице. Его люди, сидевшие в боевой готовности на краешках стульев, несколько расслабились.

Полковник поднялся ко мне на веранду.

— Прошу вас, сеньор Негадес,— я улыбнулся как можно приветливей и указал на кресло возле себя.

— Сеньор Медина?

— После двух телефонных разговоров могли бы уже узнавать мой голос, полковник. В нашей профессии это элементарнейшая вещь.

— В нашей профессии? Вы что, тоже служите в полиции?

— Да, сеньор Негадес. Даже, если быть точным, в тайной полиции. Только не в боливарской.

— В чьей же?

— Сейчас это неважно. Я говорил, что могу позаботиться о вашей карьере. Естественно, не безвозмездно.

Полковник откинулся в кресле. Официантка не появлялась: очевидно, ее задержали на кухне его люди.

— Мы встретились при довольно странных обстоятельствах,— начал Негадес.— Не знаю, могу ли я доверять вам.

— Вам не хочется стать президентом этой страны? Разве это не цель вашей жизни, а, полковник?

Он удивился.

— Стать президентом?— прошептал он. Глаза его как-то странно заблестели. Любопытство смешалось со страхом. Я попал в самое чувствительное место. Именно это было его горячим

желанием. Я с легкостью мог так утверждать, потому что знал будущее! Даже если и не в деталях, а только в общих чертах, все равно мне было известно, какую роль сыграл позже Негадес. Я поспешно продолжал:

— Знаю: этого поста добиваются многие. Генералы, политиканы, еще кое-кто. Но сеньор Рамирес наверняка не захочет расстаться со своим креслом. Однако это не должно вас особенно беспокоить, полковник. Рамиресом займусь я.

— Что вы имеете в виду?

— Повторяю, если мы с вами договоримся, с теперешним президентом у вас хлопот не будет. Более того, не исключено, что совместными усилиями нам удастся отодвинуть в сторону и других претендентов.

Негадес глубоко вздохнул.

— Каковы ваши планы, Медина? Я должен их знать! Может быть, вы хотите разделить со мной власть?

— Нет. Я даже не останусь в этой стране. Говорить о подробностях пока рано, но верить мне вы можете. У меня мало времени, полковник. С этим делом я должен покончить как можно скорее. Самое большее — дня три-четыре.

На лице Негадеса было написано, что он не верит мне ни на грош. И вдруг совершенно привычным движением он выхватил из кармана пистолет и направил его на меня.

— Хватит, Медина! Я выбью из вашей головы то, что вами задумано. Одно неосторожное движение — и вы покойник.

Самоуверенная улыбка застыла на моем лице. Прошло еще несколько мгновений, прежде чем я понял, что проиграл.

— Идите вперед и скажите вашему приятелю, чтобы без глупостей, иначе я застрелю вас как бешеного пса.

Это тоже была редкая идиома, однако в тот момент я не сумел оценить ее по достоинству. Я встал. Негадес отодвинулся на безопасное расстояние и, нахохлившись, как ястреб, следил за каждым моим движением. Я мгновенно оценил ситуацию: контратака не сулила ничего хорошего. К тому же я был безоружен. Мое оружие — Баракс, но его рядом не было в этот момент.

Итак, мы сошли вниз. Я сказал Бараксу:

— Уступим пока. Думаю, полковник желает обсуждать наше предложение в более спокойной обстановке.

Мой товарищ медленно поднялся. Агенты из-за соседних столиков подбежали и надели на нас наручники. Баракс с непроницаемым спокойствием наблюдал за происходящим. На улице меня ослепило солнце. В первую черную машину втолкнули меня. Для Баракса подали вторую. Я был спокоен. В конце концов, дела приняли желательный оборот. Я вступил в контакт с человеком, который в ближайшие дни станет ключевой фигурой надвигающихся событий. Я сказал ему именно то, что следовало сказать. Несомненно одно: пока мы не будем знать наверняка, что замышляет полковник, игру прерывать не стоит. Было бы ошибкой нагромождать один хроноклазм на другой. Пока нам следовало остерегаться действий, в результате которых здешние

власти могли бы приписать нам нечеловеческие, сверхъестественные способности.

Машины замедлили свой ход перед серым угрюмым зданием. «Да,— подумал я,— здесь придется нелегко». У входа стояли полицейские в форме. Поднялся массивный металлический шлагбаум, и машины гуськом въехали в пустой сумрачный бетонный двор. В мгновение ока вокруг нас образовался настоящий муравейник из агентов в штатском и в форме. Между ребер мне воткнули сразу два револьверных ствола. Это было необычное ощущение: я едва не пожалел, что в свое время — в моем далеком прошлом, которое наступит очень нескоро,— вступил в Галактическую Полицию. Я стиснул зубы и поискал взглядом Баракса. Сердце у меня тревожно колотилось.

Баракс напоминал статую, в которую вдохнули немного жизни. Двигался он размеренно и неторопливо. Агенты теребили его, толкали, но ничего не могли поделать; он оставался спокоен и невозмутим, насколько можно быть спокойным в наручниках. Его состояние передалось и мне. Ни одна живая душа в этом мире, кроме меня, не могла знать, что Баракс смерти не боится. Он идеальный товарищ и телохранитель, который способен найти выход из любого, даже безвыходного положения. Можно было надеяться, что и на этот раз Баракс не изменит себе.

Негадес распоряжался. Команды эхом отражались от голых стен. Если у меня и были какие-то сомнения относительно того, куда нас привезли, то они рассеялись, когда я разглядел множество зарешеченных окошечек.

Через пять минут меня втолкнули в спартански обставленную комнату казенного вида и усадили в кресло. Наручники не сняли. Баракс был помещен в другую камеру, а вокруг меня встали пятеро агентов. Негадес осклабился.

— Ну? Теперь мы можем поговорить без помех, Медина или как там тебя.

Один из агентов приблизился, угрожающе занеся надо мной руку.

— Стой!— остановил его полковник.— Позже. Если наш приятель не пожелает говорить по-хорошему.

Он сказал «приятель», но в голосе его были далеко не дружеские нотки. Негадес угрожал мне, и я прекрасно понимал, что дело принимает скверный оборот. Пришлось ставить на карту все.

— Полковник,— начал я,— в ваших интересах...

— Молчать!— заорал он и лицо его исказилось от гнева.— Отвечай, Медина, кто тебя сюда послал? С востока ты или с севера? Может быть, тебе платит Рамирес? Чем ты хотел купить меня?

Получается, я впустую говорил о захвате власти? Или полковник не поверил, что я могу помочь ему в этом? А может, побоялся поверить? В одном я был уверен твердо: намерений своих он не оставил. Я сам читал в исторических трудах, что какое-то время он стоял у кормила государственной власти... Во всяком случае, ясно было, что без Баракса сейчас не обойтись.

И я сконцентрировался.

«Д-е-й-с-т-в-у-й!!!»

Далеко его не могли увести. Он должен был получить мою команду!

— Так что, будешь молчать? Не станешь же ты отрицать, что в кафе пытался втянуть меня в антиправительственный заговор?

Надо протянуть время. «Действуй, Баракс! Действуй!»

Я глубоко вздохнул.

— Конечно, не стану отрицать, полковник.

Негадес обвел присутствующих торжествующим взглядом. Он уже чувствовал себя на коне, как тогда говорили в подобных обстоятельствах. Снова полковник повернулся ко мне — вернее, начал поворачиваться...

Где-то совсем рядом раздался ужасающий вопль. Сначала я даже не поверил, что человек может так кричать. Такой мукой, отчаянием и безнадежностью был наполнен этот животный крик, что кровь застыла в жилах. На лице Негадеса появилась гримаса злобного удовлетворения.

— Скажи, Медина, поскорей, пока твой приятель не опередил тебя. У нас есть средства заставить заговорить даже немого!

Но мне-то было ясно, что кричал не Баракс. Он на такое был просто не способен. Ему невозможно причинить боль.

В коридоре послышался топот. Кто-то бежал. Одновременно лампа на столе полковника дважды мигнула и стала медленно гаснуть. Агенты переглянулись. Только теперь я в полной мере ощутил, насколько беспомощен человек в наручниках.

В комнату ворвался взъерошенный агент в форме.

— Господин полковник!— зашептал он в ужасе, дрожа всем телом.— Тот, второй...

— Что?— рявкнул Негадес.— Умер? Ну?

— Мы хотели пропустить его через ток, как вы сказали, но... я не поверил бы, если бы не видел своими глазами! Мы уложили его на железную койку, Гонсалес взялся за рубильник и повис на нем.

— Это он кричал?

— Так точно, господин полковник. Потом он потерял сознание.

Лампа погасла окончательно. «Я здесь!»,— завибрировал в моем мозгу телепатический сигнал, посланный Бараксом. Я молниеносно метнулся в угол, поближе к закрытому жалюзи окну.

Раздался мощный удар, дверь упала в комнату. В сочившемся из коридора сумрачном свете Баракс показался великаном. Он был без наручников.

— Баракс, вторая ступень!— крикнул я.

Приказ еще не успел отзвучать, а движения Баракса уже ускорились. Сухо захлопали удары. Люди Негадеса не успевали даже крикнуть, валясь в стороны, как кегли. Полковник бросился наутек, но я успел подставить ему подножку. Падая, Негадес

выхватил пистолет. Мгновенно Баракс прыгнул, заслонил меня и получил пулю прямо в грудь.

— Спасибо,— сказал я и приемом каратэ уложил Негадеса.

— Твое оружие,— Баракс сунул мне в руки бластер. Потом он разорвал браслеты моих наручников. Один полицейский поднялся на локтях — видно, хотел получить еще. Я ударил его рукояткой пистолета в висок, и мы выбежали в коридор.

Здание наполнилось тревожными звонками. Было слышно, как внизу кто-то подает команды в мегафон.

— Охота началась,— сказал Баракс, неизвестно зачем — я и сам знал, что происходит.

— Лучше выключи звонки.

Он вырвал из стены светильник и взялся за обнажившуюся проводку. Из-под пальцев посыпались искры. Через окно было видно, как на соседних улицах погас свет.

— Я запустил в сеть десять киловольт,— флегматично доложил он.— Провода сгорели.

Мегафоны и звонок смолкли. Однако было слышно, что к нам приближаются. Со стороны лестницы показались вооруженные люди. Против такой толпы следовало действовать быстро и эффективно. Я выстрелил, и порции невидимых лучей устремились к нападающим. Теряя сознание, полицейские повалились на пол.

— На крышу!— скомандовал я. Не успел я закончить фразу, как Баракс понесся по коридору. Ни дать ни взять гоночный автомобиль!

— Эй, парень, вечно ты забываешь, что я всего лишь обыкновенный человек,— пожурил я его, едва поспевая за ним.— Переключайся на первую ступень, иначе мне тебя не догнать.

Наконец мы выбрались на плоскую крышу. Наверное, здесь была оборудована посадочная площадка для вертолетов, потому что то тут, то там попадались нарисованные знаки. Однако самих машин нигде не было видно.

— Идут,— спокойно заметил Баракс.

Полицейские выскочили из двух люков одновременно. Мы разом выстрелили из бластеров, и они тут же повалились друг на друга.

— Бегом!— крикнул Баракс. Похоже, он взял на себя руководство операцией! Обижаться не стоило, так как я твердо знал, что только он сейчас способен спасти нас благодаря своим данным.

Мы перебежали крышу. В углу за водосточным желобом виднелись перила пожарной лестницы.

— Иди первым, я прикрою,— приказал он мне.

Лестница вела на крышу соседнего здания, более низкого.

«Да поторопись же!»— уловил я его мысленный приказ.

С крыши этого дома я перебрался на чердак и просигналил Бараксу: «давай». И он тут же оказался в воздухе. Не моргнув глазом, он спрыгнул с крыши тюрьмы примерно с высоты 35 метров. На миг у меня перехватило дыхание. Что делать, вот

такой он и есть, этот Баракс. Не случайно я взял с собой именно его...

На чердаке чужого дома мы едва не заблудились. В конце концов отыскалась узкая лестница, и мы сбежали вниз. С улицы доносились приглушенные крики.

— Наверное, устроили облаву,— заметил, как обычно, спокойно Баракс.

— Идем!— сказал я решительно.

На первом этаже оказался ведущий во двор коридорчик. Мы никого там не заметили, но на всякий случай Баракс прочесал двор пучком излучения. Через темную подворотню мы выбежали на улицу. Спускались сумерки. Вдалеке виднелось несколько людей в форме: они ждали нас у другого выхода. Из-за угла выехал автомобиль. Он неторопливо приближался: агенты осматривали подворотни.

— Очень кстати,— усмехнулся я.— Нам как раз нужна машина.

Автомобиль неспешно приближался. Я выставил из-за угла ствол бластера и нажал на гашетку. Машина прокатилась еще несколько метров и остановилась.

Баракс открыл двери и выбросил на мостовую бесчувственные тела полицейских. Мы уселись в машину, и я нажал на газ.

— Ты чуть не убил человека,— сказал я некоторое время спустя. Мы мчались по ярко освещенной улице. Наступил вечер. На одной из площадей к самому небу вздымались струи воды из фонтанов и там рассыпались дождем. Из окон разноцветных автобусов выглядывали красивые девушки. На высоком помосте перед супермаркетом играл духовой оркестр. Саксофон блестел, как золотой.

— «Чуть» не считается,— сказал Баракс без тени раскаяния.— Они хотели пытать меня электрическим током, чтобы я сказал, откуда мы и кто нас послал. Ну вот я и выдал им пару тысяч вольт. Не повезло тому бедняге.

Я промолчал. А что тут скажешь? Хроноклазма мы, скорее всего, не сотворили — полицейские все свалят на замыкание в электрической сети. Им даже в голову не придет, что происшедшее с тем несчастным полицейским — дело рук арестованного...

— Что за эпоха, черт побери!— выругался Баракс.— Сначала они бросились меня колотить, но я только посмеивался. Потом полицейские поняли, что так им ничего не добиться, и решили применить ток. Рой, зачем им это нужно?

— Сложный вопрос, Баракс. Такой был обычай в ту пору.

— А тайная полиция существовала затем, чтобы так обращаться с людьми?

— Да, подобные организации для этого и существуют. За это платят жалованье ее функционерам. Ясное дело, платят им больше, чем самым лучшим специалистам в других сферах деятельности.

Баракс с сомнением покачал головой.

— Так что же получается? Правительство платит полицейским, чтобы они выступали против значительной части общества?

— Именно.

— Они что, еще не знают, что ни один человек не может главенствовать над другим? Что сознанием людей нельзя манипулировать в свою пользу?

— Они не желают принять к сведению эту простую истину,— кивнул я.

— В таком случае, они — безнадежные дураки!— покачал головой Баракс. Я думал, что на этом он закончит свои рассуждения, но нет: мой друг завелся снова.

— Значит, они добились того, что все живут в страхе?

— Ты прав.

— В таком случае, было бы жаль, если бы того полицейского убило током,— неожиданно заявил Баракс. Вообще-то логика его меня не застала врасплох, но сейчас я от него этого не ожидал.

— Любая жизнь — бесценна.

— Рой, ты смотришь на это общество через призму логики 31-го века,— упрекнул меня мой товарищ.

Голос его меня удивил. Баракс говорил как-то иначе, не так, как обычно... Напрасно я вглядывался в его лицо — оно было столь же непроницаемо, как всегда.

Машину мы бросили на просторной стоянке возле какого-то ресторана и пешком пошли домой. Я поужинал и улегся спать. Баракс осмотрел квартиру, проверил окна и двери и вошел в мою комнату.

— Знаешь, Рой, я подумал, что если бы все одновременно восстали, то можно было бы прогнать правительство и полицию...

— Ты предлагаешь совершить революцию, только и всего,— сонно пробормотал я.— Не мешай мне спать, дружище.

Я уснул. А он неподвижно стоял, охраняя мой сон до самого рассвета.

— Если бы во всех городах и селениях в одну и ту же минуту на полицейские участки было совершено нападение...— продолжал Баракс вчерашним тоном в половине восьмого утра, когда я проснулся. Словно не разделяла начало и конец произнесенной им фразы целая ночь, потому что мысль у него начала излагаться с того самого места, где он прервал ее вчера.

— Ага, ты уже имеешь в виду заговор,— проворчал я неохотно и побрел умываться. Терпеть не могу разговоров о политике натощак с утра пораньше. Баракс, наглец, естественно, последовал за мной в ванную и запальчиво продолжал:

— Если бы они так поступили, это был бы конец существующему строю, правда, Рой?

— Нет, дорогой мой друг, нет, милый мой Баракс,— пробулькал я сквозь пену с зубной щеткой во рту.— Никакого конца не было бы, потому что реализовать такой заговор невозможно.

— Так что же получается, Рой, ситуация безвыходная?

— Совсем наоборот. Ведь то, что ты сейчас видишь,— седая

древность. Человечество справилось с этим точно так же, как и с другими своими бедами. Почитай труды историков.

Он оставил меня в покое, и я наконец смог закончить утренний туалет.

Перед полуднем в узких улочках припортового района было немноголюдно. Машину мы поставили на том же месте, у кафе «Кальвадос». Поблизости ничего подозрительного не было.

Нам удалось без приключений добраться до площади на набережной. Едва мы затормозили, машину окружили оборванные детишки.

— Сеньоры, дайте монетку!— кричали они.

Баракс удивился.

— Рой, чего они хотят?

— Просят подаяния, старик.

— Подаяния? Что это значит?

Я посмотрел на Баракса:

— Потерпи. При случае объясню.

Сквозь толпу детей я пробрался к входу в харчевню. На этот раз в зале было сравнительно мало народу. При моем появлении великан за стойкой отложил в сторону свое полотенце и поднял на меня большие влажные телячьи глаза.

— Наверху вас дожидаются,— произнес он негромко и указал на узкую лесенку у задних дверей, ведущую на второй этаж.

Секунду я колебался: вдруг это западня? Хотя Баракс, в конце концов, неподалеку, достаточно поднять тревогу — и он явится в мгновение ока.

Меня встретил седой человек — выглядел он, во всяком случае, значительно старше меня.

— Меня прислал Лоренцо,— сказал он.— Мое имя, скажем, Лопес.

— Я Рой Медина, допустим, что меня так зовут на самом деле,— улыбнулся я, внимательно изучая незнакомца. Было ему лет 60—65, лицо его покрывала сеть бесчисленных морщин.— Значит, и вы законспирированы?

— Обстоятельства вынуждают,— уклончиво, но не враждебно отозвался он.

— Откуда мне знать, что вы не шпик?— спросил я, и тут же мне пришла в голову мысль, как это проверить:— Допустим, вы знаете Лоренцо. В таком случае, вам должно быть известно, как зовут его невесту.

— Эстрелла Хуарес, живет она в Лории,— ответил он без запинки и тут же поправился:— Я хотел сказать, жила в Лории. Теперь она здесь, вместе с Лоренцо.

— Значит, и она скрывается,— я выглянул в окно. Площадь хорошо просматривалась. Наш автомобиль был виден, как на ладони. Дети уже разбежались. Баракс ждал меня в машине — он был настороже.

— В некотором смысле все мы скрываемся,— покачал головой Лопес.— Одни скрывают свои мысли, другим прихо-

дится скрываться самим. Да, кстати, вот ответ на ваше вчерашнее письмо.

Он сунул мне в руку листок, я едва взглянул на него и положил в карман. Сейчас меня больше интересовал мой собеседник.

— Вы не похожи ни на крестьянина, ни на ремесленника, сеньор Лопес.

— Я профессор латиноамериканской литературы, преподаю в Боливарском университете, то есть хотел сказать — преподавал... Может быть, снова буду преподавать.

— Если победит Фронт,— кивнул я.

— Да, если мы победим,— ответил он с надеждой в голосе.— Но до этого еще далеко.

— Гораздо ближе, чем вы думаете,— я едва успел прикусить язык, этого нельзя было говорить! Даже намекать нельзя на неизбежность победы Фронта! То, что для меня было свершившимся фактом, для этих людей было туманным будущим. И тут мне пришла в голову оригинальная мысль.

— Сеньор профессор! Много ли в городе ваших людей?

— Вы же понимаете, что на подобные вопросы я не могу отвечать.

— Да, конечно, я же чужой. Тем не менее, вам очень пригодилось бы, если бы кто-нибудь устранил президента Рамиреса?

— Вы намекаете на покушение?

— Не совсем, но можно сказать и так.

— Разумеется, мы бы воспользовались этой ситуацией, но только в том случае, если бы знали, скоро ли произойдет вмешательство...

— Этого я не могу вам обещать.

— Нелегко вести переговоры на подобные темы, сеньор Медина. На кого, собственно, вы работаете?

— Вы же понимаете, что на подобные вопросы я отвечать не могу, как вы только что сами выразились, сеньор профессор,— усмехнулся я.— Поэтому остановимся на гипотезе, что я прибыл издалека. Скажем, из-за границы. Принимая во внимание некое давнее дело, наших людей интересует исключительно личность президента Рамиреса. С внутренними делами Боливарии мы не имеем ничего общего, вмешиваться в них мы не намерены. Тем не менее, мне кажется, что вы, Фронт, и мы, охотники за Рамиресом, можем с успехом сотрудничать. Из нашей операции и вы можете извлечь пользу, сеньоры.

— Это звучит как отрывок из сценария авантюрного фильма,— с некоторым недоверием усмехнулся профессор.— Хотя я готов обсудить ваше предложение с руководством. И если оно согласится, мы вам поможем.

— Когда я узнаю ответ?

— Дня через два-три.

— Где вас можно будет найти?— вопрос был риторический. Что поделаешь, не выходит у меня ничего с этой конспирацией.

Лопес улыбнулся. Его морщинистое лицо сразу стало симпатичным.

— Сегодня 26-е, значит, 28-го, ближе к вечеру, придете сюда. Вас встретит Лоренцо.

Неожиданно профессор протянул мне руку. Я подумал, что он был обо мне не очень высокого мнения и считал либо тайным агентом, либо наемным убийцей, или, в лучшем случае, интеллигентным террористом. Поэтому по достоинству оценил его жест. К концу 20-го века кое-кто склонен был придавать этому жесту большое значение.

Мы направились в сторону парка. Движение по улице было довольно оживленным, однако наша машина шла ровно — за рулем опять сидел Баракс. На листочке, полученном от Лоренцо, стояло только: «Флоренция Вадерос, Альжерирас, 186».

— Это на северной окраине, довольно далеко от центра,— пояснил Баракс, взглянув на записку.— Что будем делать дальше?

В этот момент мы проезжали мимо собора Нуэстро Сеньора. Я уже начал сносно ориентироваться и без карты.

— Не мешало бы еще разок пообщаться с одним нашим знакомым.

Баракс покачал головой.

— Опасное дело ты затеял, Рой.

— Знаю, но нам нужна информация. Полковник Негадес один из тех, кто решает судьбу Боливарии.

— Вчера ты нашел случай убедиться, что с ним не просто договориться.

— Возможно, но с тех пор он кое-что обдумал и будет более сговорчивым,— возразил я. Баракс молча вынул пистолет и подал его мне. Потом остановил машину у телефонной будки.

Я набрал номер.

— Пожалуйста, полковника Негадеса.

— Кто спрашивает?

— Медина.

Снова такое же, как и в первый раз, продолжительное молчание, потом знакомый голос:

— Негадес слушает.

— Говорит Медина. Как самочувствие, полковник?

Негадес молчал. Видимо, он не ожидал, что я позвоню еще раз.

— Что же вы, полковник? Вы уже пришли в себя после вчерашней встречи? В нашей с вами профессии иной раз приходится признавать, что проиграл. Однако вам не кажется, что мы не закончили вчера переговоры? Мое предложение остается в силе, сеньор Негадес.

— Да, но...

— Бросьте, коллега. Речь идет о вашей карьере. Если вы на самом деле желаете осуществить свои смелые планы, встреча со мной также входит в ваши интересы. Приходите сейчас в собор Нуэстра Сеньора. Только на этот раз в одиночку, полковник.

Наконец мы дождались полковника, хотя прошло целых двадцать минут. В собор он вошел не совсем уверенным шагом. Заметил меня сразу, да я и не прятался. Сквозь стрельчатые витражи лились голубые, алые, желтые, зеленые световые водопады. В глубине на скамьях виднелось несколько склоненных старух со сплетенными в молитве руками. Я почувствовал себя святотатцем.

— Подойдите, полковник. Я вижу, вчерашнее происшествие произвело на вас впечатление.

— Скажите, Медина, как это у вас получилось?

— Мы располагаем неизвестным вам оружием и при необходимости без колебаний пускаем его в ход,— ответил я как можно более любезным тоном. Я начал уже ненавидеть этого человека. Но рвать с ним было нельзя, он нам нужен. Во всяком случае, до поры до времени.

— А сейчас чего вы от меня хотите?

— Немного информации, и, конечно, полной секретности нашей встречи.

Я наблюдал за его лицом. На нем были написаны не только страх и неуверенность, но и коварство. Полковник не мог не клюнуть на такую приманку: ему хотелось власти, и он уже высчитал, какую пользу можно извлечь из нашей с ним беседы.

— Вы правы, Негадес, никогда не следует забывать о собственных интересах.

Мое замечание застало его врасплох.

— Откуда вы знаете, о чем я думаю?

— У меня сверхчувственные способности,— ухмыльнулся я. Собственно говоря, это не было ложью. По сравнению с людьми 20-го века мы в 31-м благодаря успехам психологии располагали способностями, которые здесь могут показаться совершенно сверхъестественными, хотя такое древнее чувство, как телепатия, было знакомо и нашим предкам.

— Так чего же ты хочешь?— выдавил полковник, судорожно проглатывая слюну.

— Информацию о текущей жизни президента Рамиреса, самую разнообразную. В частности, нас интересует, чем он будет заниматься в ближайшие дни. Когда, где и с кем встретится, в каком направлении и как выедет из своего прекрасно охраняемого дворца.

— Так значит — покушение?— прошептал Негадес. Его охватило волнение.

— Ну, ну, коллега, только без истерики,— сказал я.— Честно говоря, я весьма поверхностно знаком с тем, что происходило в Боливарии в последнее время, но, по-моему, вы уже пережили несколько государственных переворотов и путчей.

— Верно. Но до сих пор мне не приходилось бывать в таком положении, как сейчас.

— Тем лучше. Без разбега легче прыгнуть.

Он ненадолго задумался.

Потом на его лице появилось хитрое выражение.

— Что я получу в обмен на информацию?

— Другую информацию.

— Это значит...

— Вы будете предупреждены, когда устранят Гальего Рамиреса. Полковник, вы — шеф секретных служб Боливарии. Неужели я должен вам объяснять, какую ценность может иметь в ваших руках подобная информация?

Он кивнул, его лицо на миг исказила нервная гримаса, но уже через секунду оно было спокойно — по крайней мере, внешне.

— А вы мне верите?

— Не так, чтобы очень,— откровенно признался я.— Но без вас мне не обойтись. А если вы хорошенько поразмыслите, то придете к выводу, что без меня вам тоже не обойтись. Если бы не я, если бы не то, что мы планируем совершить в самое ближайшее время, вы растратили бы свои силы в закулисной борьбе и ничего, наверное, не добились бы. А так одним махом вы можете взобраться на самый верх, и только от вас будет зависеть, как крепко вы уцепитесь за бразды правления.

— Какие гарантии, что вы меня не обманываете?— он метнул на меня взгляд исподлобья.

— Гарантии? Сеньор Негадес, я думаю, достаточно будет моего заявления, что нас не интересуют ваши внутренние дела. Мы посланы сюда для того, чтобы выполнить одно-единственное задание. И мы его выполним, полковник, независимо от того, будете вы нам помогать или нет. Если необходимая нам информация будет получена от вас, мы вознаградим именно вас. В случае вашего отказа в высших эшелонах власти наверняка отыщется человек, который предоставит нам необходимые сведения. Вы уже познакомились с нашими возможностями, вернее, с небольшой их частью...

— Хорошо. Когда вам нужна информация?

— Не позже вчерашнего дня, совсем в духе доброго старого 20-го века.

— Завтра поздно вечером,— отрезал полковник. Негадес задумался. Лоб у него наморщился, как у молодой таксы.— И, пожалуйста, Медина, не звоните больше в управление.

— Только при чрезвычайных обстоятельствах. Завтра в десять вечера жду вас перед собором.

Я щелкнул каблуками и наклонил голову. Он нерешительно поклонился в ответ, повернулся и пошел прочь. Едва Негадес вышел, я принял сигнал обеспокоенного Баракса: «Все в порядке?»

«Да»,— отозвался я и поднял глаза на одну из священных картин, изображающую седобородого старца. Глаза его лучились нечеловеческим спокойствием. Я почувствовал горечь. Доверенное руководством задание начинало нравиться мне все меньше. Я чувствовал себя кладбищенской гиеной: грабил могилы и копался в останках давно умерших людей в поисках почерневших безделушек... Ведь все эти люди вокруг меня тысячу лет как мертвецы. Все, за исключением одного Диппа Килиоса.

Перевалило за полдень, когда мы приехали в район Хувантул. По дороге около парка заправились горючим — резкий запах

скверно очищенного бензина раздражал чувствительные датчики Баракса. Район раскинулся на двух холмах. Здесь преобладали большие красивые виллы, участки окружали высокие раскидистые деревья и живые изгороди.

— Наверное, здесь могут обитать только толстосумы,— подумал я вслух, забыв о Бараксе. Лучше бы мне помолчать.

— Толстосумы?— переспросил мой товарищ несколько неуверенно.

— Ну, те, у кого много денег.

— А где они их раздобыли?— спросил он вроде бы равнодушно, но я уже понял, что без лекции не обойтись.

— Заработали благодаря предприимчивости, спекуляции, ловкости, мошенничеству...— начал я перечислять.

— А другие?— перебил он.— Нищие?

— Рабочих мест меньше, чем желающих работать.

— В таком случае все скверно организовано!

— Ты неплохо соображаешь,— похвалил я.— Бесспорно, организация архискверная. Многое в этом мире никуда не годится.

— Можно было бы поправить.

— Без тебя поправят. Что ты все кипятишься? Мы по уши погрязли в прошлом, а тебе хочется, чтобы все работало, как часы, как у нас, в 31-м веке. Опомнись, Баракс, на дворе 20-й век!

Он погрузился в размышления. Тем временем я нашел нужный дом. Узкая асфальтовая дорога вилась среди садов, и вот на железных прутьях ворот блеснула белая табличка: «Альжерирас, 186».

— Останови немного дальше.

Ничто, кроме пения птиц, не нарушало тишину. Городской шум сюда не доносился. Мы вышли из машины.

— А, собственно, зачем нам эта женщина?— спросил Баракс, без всякой на то необходимости употребляя множественное число и искоса взглянув на меня.

Меня так и подмывало сказать ему, зачем, но он все равно никогда этого толком не понял бы. Меня сжигало желание. Я хотел видеть Флору, слышать ее голос, видеть, как она улыбается. Для Баракса пришлось изобрести предлог, хотя в нем было и зерно истины.

— Наша квартира в центре может каждую минуту «провалиться», а этот дом кажется мне подходящим убежищем,— объяснил я и пошел вперед. Калитка была не заперта. На ухоженном газоне росли декоративные цветы и деревья. Под одним из самых тенистых стояли белые садовые кресла.

Пока я восхищался садом, Баракс, как это и положено ему, обнаружил под травой тонкий кабель в пластиковой оболочке, бегущий от ворот к дому.

— Устройство сигнализирует, что мы прошли через калитку,— сообщил он. И, конечно же, оказался прав, потому что, когда мы подошли к белому двухэтажному дому, дверь из мореного дерева отворилась и появился средних лет человек, на хозяина, впрочем, не похожий.

— Господа?

— Буэнос диас. Мы хотели бы встретиться с сеньорой Флоренцией Вадерос.

Баракс, стоя за моей спиной, делал вид, что любуется зданием. На самом деле, используя свои необыкновенные способности, он просматривал, что происходит за стеной дома. При этом он мог пускать в ход излучения нескольких видов. Не слишком толстые стены не были препятствием для его зрения. Трудности могли появиться при просвечивании старинных массивных каменных или бетонных стен толщиной больше метра.

— Сеньоры нет дома. Соблаговолите зайти в следующий раз, господа.

— Она на втором этаже в маленькой угловой комнате,— подсказал Баракс на нашем языке, так что понял его только я.

Я улыбнулся как можно любезнее и попросил:

— В таком случае, сбегайте в угловую комнату и сообщите мадам Флоренции, что пришел Рой Медина. И добавьте, будьте добры, что на этот раз Медина явился без цветов.

Человек поморщился, но все-таки ушел, оставив нас стоять на террасе. От нечего делать я стал разглядывать сад. Я увидел бассейн, окруженный кустами алых роз. Выложенные плоскими каменными плитками дорожки извивались между цветущими клумбами.

Дверь скрипнула, и на пороге появилась Флора. Сердце мое как-то странно забилось. Никогда я еще не переживал ничего подобного. Новое незнакомое чувство было приятным, но в то же время немного пугало.

— Здравствуйте, сеньоры,— поздоровалась девушка. Это получилось у нее удивительно мило.

Я поклонился, как это было принято, мне приходилось видеть в видеофильмах. Краем глаза я успел заметить, что Баракс тщательно копирует мои движения, он схватывал все на лету...

— При расставании я обещал сеньорите, что мы еще встретимся. И вот мы перед вами...

— Значит, вы узнали, где я живу?— засмеялась Флора.— Давайте погуляем по саду. Вас как профессионала должны заинтересовать мои цветы.

Ее тон свидетельствовал о том, что она не очень-то верила в то, что мы на самом деле торгуем цветами.

Через какое-то время Флора спросила:

— Каким ветром вас к нам занесло?

— Каким ветром?— я с запозданием понял, что она имела в виду. В этом двадцатом веке любят выражаться так витиевато.— Несомненно, это вы, мадам, были благоухающим теплым эфиром!

Она засмеялась. Меня очень волновал ее смех.

— Спасибо за комплимент, сеньор...

— Медина.

— ... Сеньор Медина, это была шутка?

— Упаси бог!— А неплохо у меня получается с их жаргоном!

Баракс плелся за нами «хвостиком» по узкой дорожке. Мы

обошли кругом бассейн, полюбовались зарослями декоративного бамбука. Потом дорожку обступили неизвестные мне цветы. Флора без умолку болтала:

— Между прочим, я чувствовала, что вы придете!

— Вот те раз!— изумился я. Меня словно громом поразило.— Телепатия?

— О, нет, всего лишь женская интуиция,— лукаво улыбнулась она. Наши взгляды на мгновение встретились, потом она поспешно отвела глаза. Тогда мне как-то не пришло в голову, что и она тоже частица огромного океана минувшего, окружающего нас, и что она мертва... уже тысячу лет.

— Как идет торговля?— спросила она.

Мы остановились под очень старым деревом со стволом необъятной толщины. Баракс оперся рукой о ствол. «Сто девяносто лет?»— проворчал он. Действительно, что ему Флора? Его заинтересовало дерево, и от нечего делать он с помощью своего технического оснащения «заглянул» в глубь ствола и пересчитал годичные кольца. Нашу беседу Баракс пропускал мимо ушей, хотя наверняка чувствовал, что между мной и Флорой что-то происходит, рождается какое-то непередаваемое словами взаимное влечение...

— Торговля как торговля,— промямлил я.— Довольно неплохо. Сегодня как раз мы провели весьма многообещающие переговоры с представителями двух конкурирующих фирм.

— А к нам в Боливарию вы надолго?

— Еще неизвестно,— пожал я плечами и, извинившись, в свою очередь поинтересовался:— Прошу простить мою бестактность, но вы не представили меня своему супругу. Или вы, э-э-э, не замужем?

Флора улыбнулась. Это была улыбка зрелой женщины, видящей насквозь все мои уловки. Она чувствовала, что нравится мне,— я и не скрывал этого. Мое доброе отношение к ней лежало в основе нашего знакомства, все остальное было производное от этого. Традиции недвусмысленных любезностей, нравственных условностей, паутина слов и жестов, старая волнующая игра...

— Мой муж дипломат. Сейчас он посол в африканской стране. Только не спрашивайте меня, где это. Мне никогда не удавалось запомнить. Руанда, Малави, что-то в этом роде.

Женщина была прекрасна. Как когда-то говорили: прелестна. Она нравилась мне все больше. Мы снова посмотрели друг на друга, и снова наши взгляды встретились. На этот раз не случайно. В моих глазах Флора могла прочесть, чего я хочу. По ее взгляду я понял, что она не имеет ничего против.

— Мы, кажется, ищем убежища, а ты ведешь себя, как какой-то Казанова!

Услыхав это, я на миг забыл даже о Флоре.

— Что ты сказал? Казанова? Тебе-то откуда известно это имя?

— У меня тоже есть какие-то зачатки образования,—

обиженно сказал Баракс.— Думаешь, в свое время только тебя программировали таким объемом знаний?

— Можно поспорить по поводу того, кого программировали, а кто учился по собственной воле,— вспыхнул я. Флора улыбалась. Солнце золотило ее лицо, и кожа ее была цвета молочного шоколада. Недавно, в начале 20-го века, мне доводилось такой пробовать. На Баракса она даже не смотрела — видно, чувствовала его неприязнь. Потом она повернулась и, улыбаясь, пошла дальше.

Пока мы прогуливались, камердинер накрыл на террасе стол к вечернему чаю. Я объяснил отсутствие аппетита у Баракса желудочным заболеванием, и потому на столе было только два прибора. Но уж чашечку кофе Бараксу Флора налила, как он ни отказывался.

Мы болтали о том, о сем, и, наконец, речь зашла о жилье. Очень кстати я вспомнил о том, что мы сняли очень плохую квартиру. И вдруг Флора просто сказала:

— Если вам понадобится встретиться с каким-нибудь серьезным партнером, не водите его в ресторан. Мой дом в вашем распоряжении, сеньор Медина. Только позвоните предварительно. Вот номер моего телефона — 516-82-84.

Я бросил взгляд на Баракса и понял — номер он запомнил. В этом смысле он был лучше всякой записной книжки: занесенные в его память данные доступны только мне и никому другому, включая и моего шефа. Между мной и Бараксом была связь особого рода, но сейчас не время было размышлять на эту тему.

Я был очень благодарен Флоре.

— Обязательно воспользуюсь вашим любезным предложением. Возможно, даже в скором времени. А вы завтра случайно не собираетесь поехать в центр города?

Она загадочно улыбнулась.

— Почему это вас интересует? А если бы я в самом деле оказалась там — совершенно случайно, разумеется?

— Один мой знакомый был бы очень рад, если бы часов около восьми вечера заметил вас, скажем, в кафе «Кальвадос», разумеется, совершенно случайно...

— Ах, так?— рассмеялась Флора. Она была обворожительна, но, к сожалению, ничего мне не пообещала.

Вечером Баракс снова собрался прочесть мне нотацию на темы морали, но не успел он произнести и двух фраз, как я заставил его замолчать. То, что он произносил мне проповедь, показалось мне совершенно невыносимым.

— Что с тобой, Баракс? Неужели шеф поручил тебе следить за моей нравственностью? Не скрою, эта женщина мне нравится, но ведь дело не только в этом.

— Ну, конечно, сейчас ты придумаешь подходящий предлог,— изрек он хмуро.

— Дом расположен в очень хорошем месте. Это нам пригодится. А поэтому прежде всего следует войти в доверие к хозяйке.

— Вне всякого сомнения, кто-кто, а ты-то уж сумеешь втереться в доверие. И, по-моему, сейчас стоишь на правильном пути,— заметил мой спутник ядовито. Приходится признать, что за время наших совместных экспедиций в прошлое Баракс весьма неплохо развился. По крайней мере, в некоторых областях. Но заставить его замолчать было не так-то легко.

— Подумай только, ты, исключительный экземпляр! Если нам удастся похитить Килиоса, где его держать? Может быть, здесь, в этом злосчастном доме в самом центре города? Вот тогда-то и пригодится загородная вилла с садом!

— Так я и знал, что подходящий предлог у тебя найдется,— проворчал Баракс недовольно.

Вечером я снова связался с шефом. Рассказал о Флоре и ее прекрасном доме. Он, видимо, почуял, что за этим кроется, и попросил точные данные о ней. Спросил, кто ее муж. На сотрудничество с Негадесом он нас благословил, но потребовал предельной осторожности.

На следующий день в город мы вышли только к полудню. Собственно, ничего особенного нам не было нужно. Мы просто собирали информацию. Перед туристическим центром висел плакат: большая фотография президентского дома с надписью, извещавшей, что агентство ежедневно организует экскурсии по этому знаменитому зданию, равно как и по зданию парламента, по дворцу, некогда принадлежавшему вице-королю, где теперь разместился музей. Мы тут же вошли и очутились в прохладном зале с кондиционированным воздухом. Здесь уже собралась горстка желающих. За конторкой стоял темноволосый человек с физиономией шельмеца.

— Сеньоры?

— Мы хотели бы осмотреть президентский дворец.

— Сожалею, сеньоры. В день мы можем пропустить только одну группу из двадцати человек. На сегодня все места уже заняты.

— Нам было бы очень приятно, если бы сегодняшняя группа как исключение состояла из двадцати двух человек. Наша благодарность приняла бы значительные размеры...

Я вынул пачку банкнот.

Это произвело впечатление — он так и впился глазами в деньги.

— Сейчас посмотрим, нельзя ли для вас что-нибудь сделать,— сказал он, вынул пухлую тетрадь и сделал вид, что изучает список, но я понял, что один вид денег уже уладил дело.

— Возможно, мы сумеем поместить вас в группу,— сказал он наконец,— автобус отправляется через час от первого подъезда нашего агентства.

Я положил перед ним несколько бумажек. Глаза его заблестели, и молодой человек тут же накрыл деньги ладонью.

— Прошу меня простить, но из соображений безопасности

мы вынуждены фиксировать личные данные туристов, посещающих президентский дворец. Будьте добры, ваши паспорта...

Я нагнулся к нему, заглянул в самое дно хитрых черных глаз и медленно, выразительно процедил:

— Вот наши паспорта, видите, сеньор?— и снова продемонстрировал пачку банковских билетов.

— Ну, хорошо,— произнес молодой человек, улыбаясь, и спрятал деньги в карман.

— Значит, через час у входа в агентство?— я вежливо раскланялся. Баракс сухо кивнул.

— Не нравится мне этот тип,— уже на улице сказал мой спутник.— Он способен на любую пакость.

— Приятно слышать. Оказывается, и ты уже пользуешься старинной терминологией.

— Не шути. Чувствую, заваривается какая-то каша.

— В старину таких, как ты, называли пессимистами. Я же уродился оптимистом, и это известно всему Галаполу и даже тебе, дружище.

— Какая чушь!— махнул Баракс рукой, и снова я поразился естественности его реакции.

Между тем он продолжал:

— Ты же знаешь, Рой, что я не могу быть ни оптимистом, ни пессимистом. Просто у меня предчувствие.

— У тебя предчувствие?— съязвил я. И тут же улыбка на моем лице неожиданно застыла: мы шли как раз мимо большого торгового центра, и какой-то фотограф вдруг направил на нас свой фотоаппарат. Щелчок, и мы с Бараксом оказались запечатленными на целлулоидной пленке.

— Фотографируют!— шепнул я Бараксу. Что надлежит делать в таких случаях, он и сам знал. Невидимый луч вроде рентгеновского, однако иной природы, тут же уничтожил изображение. Не ведая о том, уличный торговец, кланяясь, поспешил к нам.

— Ваши фотографии, сеньоры, недорого, совсем недорого!

— Спасибо, не нужно.— И мы заторопились прочь.

Через час мы вернулись к туристскому агентству. У подъезда стоял автобус, в который села наша группа. Тут же находились обвешанные камерами японцы, немки в очках, без умолку болтающие американские туристы, два элегантных негра и несколько мулатов — эти, скорее всего, были местными. Управляющий агентством появился только на минуту, оглядел экскурсантов, задержал ненадолго взгляд на нас с Бараксом и вышел.

Водитель закрыл двери, и автобус покатил по запруженным машинами улицам города.

— Не нравится мне это дело,— опять проворчал Баракс.— В автобусе двадцать шесть пассажиров, считая нас.

Я понял, что он имеет в виду.

— Тот прохвост сказал, что во дворец пускают группами

и только по двадцать человек. Может быть, он лгал, чтобы выманить побольше денег?

— И с помощью одной и той же басни надул еще четырех иностранцев?— покачал головой мой товарищ.

Я стал смотреть в окно. Автобус как раз выехал на дворцовую площадь и через несколько секунд остановился перед коваными воротами. Вооруженные до зубов охранники проводили нас скучающими взглядами. Ворота остались позади, и мы оказались в великолепном ухоженном парке. Под огромным старым деревом нас дожидалась экскурсовод — молодая женщина в очках.

Четыре крыла главного корпуса окружали маленький внутренний дворик с несколькими деревьями. Нас провели только по двум нижним этажам. Стены высоких просторных коридоров украшали прекрасные картины, портреты правивших ранее президентов. Тянулись громадные двухцветные залы, обставленные мебелью в чехлах.

Экскурсовод пояснила, что здесь иногда тоже бывают дипломатические приемы, а в угловом зале каждый очередной президент принимает у послов верительные грамоты. Меня так и подмывало поинтересоваться у нашего гида, где расположены кабинет и спальня президента. Слава богу, я вовремя удержался: нельзя было привлекать внимание окружающих. Нашлись другие, которые задали этот вопрос. По-моему, это были местные жители. Экскурсовод заметно волновалась, но все же объяснила, что в течение дня его высокопревосходительство чаще всего бывает на третьем этаже южного крыла — там он совещается с министрами. Ночует же он в хорошо охраняемом доме — однако уточнять, где именно, она не стала. В остальных частях дворца нам не встретилось ничего неожиданного или такого, что могло бы нас заинтересовать. Баракс записал в памяти интерьеры залов, лестницы, высоту потолков, взаимное расположение окон и дверей и теперь мог при необходимости в любую минуту воспроизвести план огромного здания. Если не удастся схватить Рамиреса где-нибудь за пределами дворца, волей-неволей придется прийти за ним сюда.

Гуляли мы около часа. Затем гид отвела нас обратно в парк, причем я обратил внимание, что по пятам за нами настойчиво следуют несколько крепких парней. «Не забудь записать, где расположены электрические провода»,— напомнил я Бараксу, и мы сели в автобус. Я намеренно устроился на заднем сиденье, чтобы эти парни расположились впереди нас. Автобус проехал ворота, выкатился на улицу и повернул в сторону музея. Я посмотрел в заднее окно. Следом за нами ехал черный автомобиль.

— Видал?— спросил я Баракса на нашем языке. Он даже не оглянулся.

— Они здесь что, на каждом шагу?

— Таковы все диктаторские режимы,— нашел я возможность блеснуть своими историческими познаниями, хотя обстановка была не из лучших.— В государстве с такой структурой

власть предержащие видят свою опору только в двух вещах: во лжи и страхе. Ложь проявляется в идеологической надстройке, основанной на ложных предпосылках, так как диктаторские режимы с экономической точки зрения всегда в худшем положении, чем системы народно-демократические. В конце концов, по-иному просто не может быть — они при помощи определенной теории пытаются приукрасить жалкую действительность, пытаются убедить внешний мир и собственных граждан, что весь народ совершенно свободен и живет, как у Христа за пазухой. А так как результаты их усилий, как ни крути, в достаточной мере сомнительны, приходится держать наготове другое оружие — страх. Диктаторы существуют, пока народ запуган. Правящая клика — королевский двор, хунта или любая другая группировка,— едва захватив власть, тут же создает аппарат притеснения. Это лучшее доказательство того, что правители — даже в будущем!— не намереваются перейти к управлению страной в соответствии с демократическими принципами. Функционеры аппарата угнетения пользуются всяческими льготами и привилегиями, и не преследуются за злоупотребления. Таким образом обеспечивается господство единой воли ограниченной группы людей. Все остальное этому подчинено. Сторонники диктатора — не очень многочисленный, но зато весьма сильный лагерь. Его сила — военно-политический аппарат с сетью информаторов, составляющий систему быстрого оповещения. Информаторы, руководствуясь теми или иными мотивами, составляют рапорты обо всем, что происходит в их окружении и о чем им удалось собрать информацию. А так как такие доносчики есть везде, правительство располагает оперативной информацией как о настроениях, так и о действиях и даже намерениях отдельных групп и лиц. Конечно же, обществу известно о существовании доносчиков — вот польза, извлекаемая кликой из этого явления негативной обратной связи,— и граждане живут в страхе. Таким путем господствующая группа получает возможность без особых хлопот разделять общество на отдельных индивидуумов, опасающихся друг друга, и без помех властвовать. Помнишь управляющего из туристического агентства? Так вот, это и был один из таких информаторов.

— Пользуюсь случаем,— перебил меня Баракс,— чтобы напомнить тебе, что мы в опасности.

— Будь добр, избавь нас от преследования.

Баракс повернулся в кресле и поднял руку. На всякий случай я заслонил его собой, хотя остальные пассажиры были поглощены созерцанием городских достопримечательностей за окнами и им было не до нас. Так как мы заняли места в самом хвосте автобуса и даже сыщики сидели к нам спиной, то никто не заметил, что в заднем стекле появилась маленькая дырочка.

Преследовавший нас автомобиль резко сбавил скорость, а из-под его капота повалил черный дым. Мы как раз ехали по одной из самых оживленных улиц центральной части города. Через мгновение машина с полицейскими осталась далеко позади.

— А с этими что делать?— я кивнул на расположившихся

впереди шпиков. Автобус выехал на площадь Победы. Цветочницы наперебой предлагали свой товар. Японцы щелкали фотоаппаратами направо и налево. Стоял солнечный теплый день, небо над городом напоминало нежно-голубое покрывало.

— Газ,— по-своему бесстрастно ответил Баракс.

Я не стал возражать: в нашем положении лучше избегать всяческих сенсаций. Кроме того, подумал я, об этой акции наверняка станет известно полковнику Негадесу, и кивнул: «Действуй!»

Баракс достал платок, пропитанный филбостаном, и подал мне. Я прижал платок к носу, а мой товарищ несколькими движениями, которые со стороны могли показаться странными, распылил в воздухе снотворный газ. Я дышал сквозь платок, химический реактив нейтрализовал газ. Две пожилые американки и японец неподалеку от меня уронили головы на грудь: они уснули мгновенно. По мере того как газ распространялся, засыпали сидевшие все дальше от нас.

Мы поднялись и направились к водителю.

— Нельзя ли здесь притормозить? Мы выйдем.

— Пожалуйста, сеньоры,— вежливо отозвался шофер.

Дверь за собой нам пришлось закрыть самим, потому что в следующее мгновение водитель спал так же крепко, как и остальные экскурсанты.

— На всякий случай будь неподалеку,— сказал я Бараксу. Было без десяти восемь. Мой товарищ с непроницаемым лицом обозревал окрестности.

— Будь осторожен,— отозвался он. Как и во всех прежних экспедициях, он думал прежде всего о моей личной безопасности. У каждого из нас было свое задание: мне — привезти обратно в 31-й век Килиоса, а ему — прежде всего обеспечить мою безопасность.

— Мы, наверное, зайдем в какой-нибудь ресторан. Как бы ни развивались дальнейшие события, следуй за нами.

— Тебе еще предстоит встретиться с полковником Негадесом.

— Времени хватит и на полковника.

— Лишь бы ты не забыл обо всем на свете...

— Но-но, Баракс! Разумеется, я рад, что ты печешься о моем моральном облике, или тебя просили присмотреть за мной в Галаполе?

К «Кальвадосу» я подошел чуть раньше. С этим кафе у меня были связаны не очень приятные воспоминания, но когда я просил Флору о свидании, мне в голову пришло только это название. Перед освещенными витринами толпились люди. Где-то неподалеку играл бродячий оркестр. По улицам текли реки автомобилей. Перемигивались рекламы кинотеатров. Уличные торговцы расхваливали свой товар. На мгновенье меня охватило странное чувство: мне припомнился летний вечер двадцатилетней давности. Я ожидал девушку — это было в моем родном городе. Так же текли реки людей, пахло разогретым асфальтом, даже огни реклам и музыка казались теми же самыми. Не помню, пришла ли

девушка на свидание. Осталась лишь память об ожидании, полном сдержанных страстей, и это так похоже было на то, что я чувствовал сегодня.

Флора опоздала на пятнадцать минут. Едва я увидел ее, идущую навстречу, меня захлестнуло жаркой волной. Молодая женщина была прекрасна. Белоснежное платье, золотистые туфельки и пояс очень шли ей. Волосы мягкой волной падали на плечи.

— О, сеньор Медина!— улыбнулась она.

— Добрый вечер, сеньора. Какая счастливая случайность!— подхватил я игру.

— Вы верите в случайности?

— Только в счастливые, вроде сегодняшней!— мы расхохотались, двое развеселившихся гномов в человеческих джунглях.

Я пригласил Флору прогуляться по парку. Здесь, в узких аллейках, слышен был только звук наших собственных шагов. Городской шум уступил место приятной тишине. Не помню, о чем мы говорили, хотя и знаю, о чем ни разу не упомянули: о ее муже, моем гражданском состоянии, деньгах, коммерции, политике. Ведь даже в 20-м веке можно было найти много других тем для беседы.

Сомнений не оставалось — я влюбился во Флору. Мне нравилось все, что она делала, все, о чем она говорила. В глубине души я надеялся, что тоже нравлюсь ей. В противном случае она не пришла бы сегодня вечером.

Ужинали мы в ближайшем ресторанчике. Полумрак рассеивали горящие на столах свечи. Золотистые язычки то и дело беспокойно вздрагивали в стеклянных абажурах. Из динамиков на стенах лились негромкие гитарные переборы.

После легкой закуски подали вино. Я пригубил — изумительно!— и круто перевел разговор на другую тему. На меня вдруг нашло вдохновение — ведь благодаря дипломатическим связям Флоры, вероятно, можно будет попасть в окружение Рамиреса.

— Милая Флора, а что вы знаете о президенте?

Флора удивилась.

— До сих пор мы избегали говорить о политике, сеньор Медина. Что я могу знать о президенте?

— Я имел в виду — что он за человек? Можно ли с ним иметь дело?

— Вы хотите торговать с самим президентом? А не слишком ли вы высоко замахнулись, сеньор Медина?— улыбнулась она.

— Обожаю размах,— парировал я, улыбаясь, и она наверняка прочитала в моих глазах, что это относится не только к президенту. Она улыбнулась и вернулась к теме:

— О нем известно так мало... Как президент он принес присягу совсем недавно. В соответствии с дипломатическим протоколом боливарийские послы будут вызваны из-за границы и представлены президенту. Когда вызовут из Африки моего мужа, на прием в министерство иностранных дел наверняка пригласят и меня. Может быть, тогда мне удастся перекинуться словечком с его превосходительством.

«До этого уж точно не дойдет»,— подумал я.

— Вы хотите встретиться с Рамиресом?— спросила она, пробуя вино.

— Да. Появилась возможность заключить крупный контракт, но из-за масштабов операции требуется специальное разрешение. Обычная взятка здесь не поможет. Вот я и подумал, что если бы можно было встретиться с президентом, возможно, разрешение на экспорт и удалось бы получить.

— Вы думаете, что я знакома со столь влиятельными лицами, что смогла бы свести вас с Рамиресом?— ее глаза на миг затуманились. Нетрудно было догадаться, о чем она подумала. Я коснулся ее руки, взял ее пальцы в свои.

— Нет, Флора. Не затем я искал встречи. Вы очаровали меня, очаровали до такой степени, что я сижу перед вами и выбалтываю профессиональные секреты... Простите меня, больше это не повторится.

Лицо ее прояснилось, и, может быть, затем, чтобы показать, что и она не придает значения той заминке, которая произошла в нашем разговоре, она сказала:

— Ну, раз уж мы заговорили о президенте... Вы слышали, что он нынче совершил?

— Я не читаю газет,— покачал я головой. Одновременно где-то в глубине сознания я ощутил успокаивающий сигнал: Баракс сообщил, что он рядом, что он начеку и все пока в порядке.

— Сегодня утром из Верунды прибыла правительственная делегация. Вы, наверное, знаете, Верунда граничит с нами. Она немного крупнее Боливарии, и наши отношения традиционно плохие. Какой-то пограничный конфликт полуторавековой давности. Я в этом мало что понимаю. Мой муж прочитал бы вам целую лекцию на эту тему. Суть дела в том, что появился шанс поправить отношения. С самого начала Рамирес намеревался заключить с Верундой мир и поэтому пригласил их президента. Президент Верунды приехал рано утром, и, вообразите себе, уже в полдень они провозгласили совместное коммюнике об объединении наших стран.

— Надо же,— равнодушно произнес я.

Флоре показалось, что я не понял всей значительности этого факта.

— Вы не поняли, сеньор Медина? Это великое дело! До сих пор Боливария и Верунда двадцать один раз воевали, врагами были практически всегда. Теперь же этот Рамирес, этот...

— Этот кондитер из захолустья...

— Н-да, вам это трудно понять. Однако именно этот человек проявил себя гениальным дипломатом, сеньор! За два часа он достиг большего, чем все предшествующие правители за сто лет! Он убедил руководителей Верунды прекратить вековую вражду, ему даже удалось склонить их к слиянию наших государств!

— Минутку!— перебил я.— Где это произошло?

— В летней резиденции президента, на окраине города.

— Значит, не в президентском дворце?

— Нет. Делегацию Рамирес принимал в летнем дворце,

а после полудня вернулся в город. Я видела его в программе теленовостей.

Уже подали мороженое, а я все еще размышлял над услышанным. Что греха таить, эта информация застала меня врасплох. Каким образом Рамирес сумел добиться столь скорого и театрального успеха? А может, это дело рук Диппа Килиоса? Ясно одно: переговоры состоялись и закончились с результатом почти невероятным.

После ужина я проводил Флору к машине. Мы долго прощались в круге яркого света под уличным фонарем. Я догадывался, что просить позволения проводить ее домой пока еще рано.

— Когда я смогу снова вас увидеть?— спросил я.

— А вы уверены, что хотите снова меня увидеть?— кокетливо улыбнулась она.

— Ни в чем не уверен более, чем в этом,— ответил я, ничуть не погрешив против истины. Постоянной связи у меня еще ни с кем не было, и сейчас, глядя в темные глаза Флоры, я чувствовал, как передо мной распахивается Вселенная, полная неизвестности.

— Приходите завтра обедать,— шепнула Флора тихонько.— В двенадцать.

— Приду,— пообещал я, и она села в машину.

Когда фонари ее машины скрылись в темноте, я оглянулся: уже давно у меня было чувство, что Баракс где-то поблизости. Ну конечно, он наблюдал за нашим прощанием из-за афишной тумбы.

— Все в порядке?— спросил я как можно более официальным тоном.

— У меня — да,— отозвался он. Могу поклясться, что этот иронический тон он позаимствовал у меня, причем не так давно.

— Если ты считаешь, что из-за женщины я потерял способность анализировать ситуацию и принимать решения...

— Именно так!

— В таком случае, прошу — отвяжись. Для меня это важно, и больше на эту тему я дискутировать не намерен.

Мы молча глядели друг на друга среди текущей по тротуару толпы, пока Баракс не напомнил:

— Без двадцати десять.

Ничего не поделаешь. Мы сели в машину и отправились к собору Нуэстра Сеньора.

Перед огромным сооружением не было ни души. Огни едва горели, даже электрические фонари, казалось, боялись ночи: под ними на мостовой дрожали бледные световые круги. Я не ожидал, что здесь будет так пустынно. В воздухе ощущалось напряжение, доносившийся издалека шум предвещал неведомую опасность. Но, возможно, это мне только мерещилось — я же знал будущее, и в общих чертах мне было известно, что произойдет в этом городе в течение ближайшего месяца и позднее...

Негадес был пунктуален: он явился секунда в секунду. Часы на башне стали бить десять, когда он появился на площади.

Оглядевшись по сторонам, полковник решительно направился к нам. Я встретил его в тени арки.

— Добрый вечер, сеньор Негадес.

— Добрый вечер, Медина.

— Вы плохо выглядите, полковник,— он и в самом деле был бледный, осунувшийся. Я чувствовал исходившую от Негадеса напряженность.— Знаете что, лягте сегодня пораньше и хорошенько выспитесь. Вам еще понадобятся силы.

Он уже не удивлялся, что я читаю его мысли, и мрачно предложил:

— Давайте к делу!

— Вы правы. Ну, что ж, послушаем, что вам удалось разузнать.

Полковник колебался — еще можно было отступить. Однако амбиции победили. Он жаждал власти, а того, кто рвется к ней, ничто не может остановить.

— Завтра с утра президент примет делегацию парламентских партий. После полудня он даст аудиенцию более чем десятку делегаций из провинций, вечером по программе отдых.

— Значит, он целый день из дворца носа не высунет?

— Да. Ваши планы, видимо, могут быть с успехом реализованы не раньше, чем послезавтра.

— Продолжайте, полковник.

— Двадцать девятого с утра президент посетит одну из провинций. Время выезда: 9.30. Маршрут следования: центр города — парк Тимпана — Авенида де ла Пас — Южная автострада. Конечный пункт маршрута: центр провинции Вальтено, это десять километров от Боливара.

— Сопровождение?

— Скорее всего, четыре президентские машины, четыре автомобиля охраны и эскорт — еще несколько автомобилей. Правительственные лимузины — все черные «империалы».

— В какой машине будет Рамирес?

— Заранее это никому не известно, даже самому президенту. Все решает начальник охраны непосредственно перед отправлением.

— Кто сопровождает Рамиреса?

— Министр обороны, министр сельского хозяйства, губернатор провинции Вальтено и еще несколько чиновников рангом пониже.

— Вы не поедете?

На его лице мелькнула едва заметная усмешка.

— Нет, коллега. Я как раз буду очень занят. Дела, понимаете, дела.

— Понимаю, понимаю, полковник. Смотрите, не ошибитесь. Операцию я попытаюсь провести 29-го, около десяти утра. Если вдруг сорвется, долго ли ждать снова подходящего случая?

— В тот же день президентский кортеж будет возвращаться в столицу. Маршрут тот же.

— Какие меры безопасности будут приняты?

— В черте города полицейское оцепление будет довольно

плотным. Задействуют и солдат. Можно сказать, будет настоящий кордон. За городом, вероятно, он будет слабее.

— Отлично. Еще одно, Негадес. Как вы расцениваете нынешний финт президента?

— Вы имеете в виду договоренность с президентом Верунды? Это было неожиданно. Хотя информацией я еще не располагаю.

Было ясно, что больше он ничего не скажет. Теперь на уме у него только одно — захват власти.

— Ладно. Делайте свое дело, Негадес. Не сомневаюсь, что вы загодя внедрили своих единомышленников во все высшие органы управления, так что особенного труда вам это не составит. Уверен — послезавтра вы будете президентом Боливарии!— я наверняка знал, что так и случится на самом деле. С тем большим удовольствием я мог обещать ему это.

Вдруг он заволновался.

— А что будет с Рамиресом?

— Пусть это вас не волнует, полковник. Я же сказал — мы устраним Рамиреса из дальнейших событий. Вам больше не придется считаться с его существованием.

По-моему, он вообразил, что мы сделаем из Рамиреса решето. Мне не хотелось его разочаровывать. Вдруг я спохватился.

— Скажите, полковник, с какой стати вам взбрело в голову оставить полицейскую засаду в старой квартире Рамиреса?

— Мне приказано было дожидаться появления неких иностранных агентов,— ответил он с иронической усмешкой. Он вообразил, что все понимает.

— А откуда стало известно, что такие агенты появятся?

Негадес замялся.

— Рамирес лично отдал такое распоряжение в первые часы своего правления.

— Понятно...— пробурчал я.— Понятно...— У меня пересохло в горле. Худшие опасения подтвердились.— Большое спасибо за информацию, полковник, можете идти.

Он побрел через площадь. Я проводил полковника взглядом. Наконец шаги его стихли. Судьба Рамиреса и Боливарии была решена.

На следующий день я проснулся отдохнувшим и полным сил. Даже Баракс, казалось, двигался быстрее, но это только казалось, потому что мой помощник никогда не знал усталости.

Мы снова прослушали запись отчета полковника и отправились в путь.

Авенида де ла Пас — широкая городская артерия. На ее тротуарах стоят, как неживые, деревья, удушенные выхлопными газами автомобилей. Из окна машины я разглядывал проносящиеся мимо многочисленные магазины и торговые центры. Этот участок трассы можно было не принимать в расчет — покушение здесь невозможно. Тротуары запружены людьми. Мало того — завтра вдоль проспекта выстроится полицейский кордон.

Южная автострада прорезала долину и поднималась в горы. Если верить карте, то здесь должны быть еще шоссейные дороги,

по которым ездили, пока не построили автостраду. Сейчас ими, скорее всего, почти не пользовались.

То и дело автострада ныряла в туннели: строители прорезали или просверлили насквозь особенно высокие и крутые скалы. Временами пейзаж напоминал Швейцарию: я побывал там однажды в начале 21-го века. Однако растительность здесь была совершенно иная. Вскоре мы въехали в очередной туннель. Он оказался недлинным: почти сразу же перед нами открылось освещенное солнцем шоссе. И тут же за поворотом снова разверзлась черная пасть нового туннеля.

Здесь меня осенило.

— Вот подходящее место, Баракс!

— Ну и хорошо,— буркнул он, по своему обыкновению холодно.

— Смотри, вход во второй туннель забаррикадируем, а сюда, в этот узкий колодец между туннелями, опустимся сверху!

— Газ применим или излучение?— совершенно бесстрастно поинтересовался мой помощник.

— Будет лучше, если применим только парализующее излучение, чтобы не опасаться хроноклазма. Никому не придет в голову, что покушающиеся пользовались неизвестным оружием. Как только мы дадим знать, что покушение удалось, полковник поднимет путч. Его люди займут стратегические пункты и государственные учреждения. Негадес провозгласит себя президентом. В такой ситуации никто не станет докапываться, почему вся свита бывшего диктатора мгновенно лишилась чувств прямо посреди автострады. Это будет чистая, я бы сказал даже стерильная работа, дружище! Охрана проваляется без сознания от 18 до 22 часов. В течение этого времени никто не сможет рассказать об обстоятельствах покушения и о том, как выглядели нападавшие.

Баракс кивнул, соглашаясь с моим планом.

— А не боишься? Негадес уже раз обманул нас.

— Да, я знаю, он умен и неразборчив в средствах. Но не беспокойся, на него тоже найдется управа. Кроме того, сейчас важнее всего добраться до Рамиреса.

Туннель закончился. Неподалеку обнаружилась развилка: старое узкое шоссе сворачивало в горы. Мы поехали по этой дороге и очень скоро отыскали место для засады: с края стометрового скального обрыва как на ладони виднелся ярко освещенный солнцем отрезок автострады и два косо срезанных входа в туннель. Это и был тот самый «колодец».

Детали операции мы проработали минут за десять. Оружие у нас всегда было при себе. Только безопасности ради мой бластер, как правило, находился у Баракса. Попади он в руки непосвященных — то есть жителей 20-го века — Галапол и соответствующие органы отдали бы меня под суд за хроноклазм. А Баракса, скорее всего, оправдали бы, ибо я один несу ответственность за действия, в том числе и за промахи нашей экспедиции.

— Это будет нетрудно,— сказал мой товарищ.

За городом дул ветер и было не так жарко. По небу плыли маленькие облака, вокруг желтых и лиловых цветов летали пчелы.

Мы спустились на автостраду и направились в город. К этому времени движение по Авениде де ла Пас усилилось. По проезжей части с ревом катились тяжелые грузовики. Завидев лоток с цветами, я остановил машину. Баракс не преминул съязвить по этому поводу:

— Сеньор Медина снова вошел в роль прожженного коммерсанта.

— Представь себе. А если не знаешь, то учти на будущее, невежда неотесанный, что воспитанный человек всегда приходит к даме с цветами. Можешь это усвоить.

— «Сеньор Медина, вы верите в случайности?»— заговорил он вдруг голосом Флоры. И моим собственным голосом ответил: «Только если случается что-то хорошее...»

— Подслушивал? Ну, это переходит все границы.

— Для твоего же блага,— пояснил Баракс уже собственным голосом.— В интересах дела и для обеспечения безопасности операции я постоянно должен быть в курсе всего, что с тобой происходит. Так мне было приказано.

— Но это же сверх всякой меры!

— А какова мера?— проворчал он, и я бы мог поклясться, что в глазах у него сверкнули веселые искорки. Я успокоился. В конце концов, история с Флорой все равно будет составлять часть моего рапорта так же, как и все, что касается нашей экспедиции. Баракс располагает техническими возможностями, которые позволят впоследствии руководству Галапола проанализировать каждый наш шаг. Например, Баракс способен воспроизвести пятичасовую непрерывную запись: разговоры, звуки — всё! Он мой телохранитель, а заодно и надсмотрщик. И если честно, я не могу быть на Баракса за это в обиде. Ведь он всего лишь орудие в руках шефа. Как, впрочем, и я сам.

Купив огромный букет, мы помчались в район Хувентул. На углу мальчишка в белой шапке продавал газеты. Притормозив, мы купили несколько штук. Мне было, правда, не до чтения, но все же я успел заметить, что на первой полосе под огромными кричащими заголовками обсуждался план объединения Боливарии и Верунды. Основное место было отведено широкой улыбке Гальего Рамиреса.

Оставив Баракса в машине, что моего спутника нисколько не обидело, я поспешил в дом. Флора приняла меня на террасе. Она была в элегантном платье кофейного цвета, волосы высоко зачесаны.

Я произнес множество старинных комплиментов, и мы сели за стол. Только теперь Флора поинтересовалась, что с Бараксом, хотя это было с ее стороны скорее всего обычной вежливостью.

— Вы знакомы с боливарской кухней?— спросила она.

— Нет, мадам. Я впервые в этой эпо... гм, я хотел сказать, впервые в вашей стране и еще не имел удовольствия...

— В таком случае, отведайте вот это: совершенно изумительная рыба.

Старый камердинер подал кофе и вышел. Через открытое окно из сада доносилось пение птиц, проникал аромат цветов. Мы оба чувствовали, как нас влечет друг к другу. Каким-то участком сознания, сохранившим остатки здравого мышления, я наблюдал за собственными реакциями. Что это со мной? Неужели это и есть любовь? Почему же я никогда не переживал ничего подобного в своем времени? Неужели мы, люди будущего, не способны испытывать это чувство? Неужели я могу по-настоящему любить только здесь и сейчас? И больше нигде и никогда?

Мы поднялись из-за стола. Флора остановилась у окна и посмотрела в сад. Я подошел и обнял ее. Она склонила голову ко мне на плечо, и я поцеловал ее.

Флора ответила на мой поцелуй, губы ее дрожали.

— Кто ты?— спросила она.

— Человек, чужеземец. Не бедный, не богатый. Не молодой, но и не старый. Не красивый, но и не урод.

Я снова поцеловал ее. Флора не противилась — она тоже этого хотела. Я расхрабрился. Кровь ударила мне в голову, в висках стучало.

Все прошло так же непринужденно и прекрасно, как происходило в старых и новых фильмах.

Спальня была рядом — и я на руках отнес Флору в постель.

Часа два спустя, когда я наслаждался ощущением приятной истомы во всем теле, неизвестно почему во мне проснулось неясное беспокойство.

Флора лежала у меня на плече. Она не спала. Повернув голову, я встретился с ее затуманенным, смеющимся взглядом.

— Как мне хорошо с тобой, Рой,— прошептала она чуть слышно.

Я любил ее, и мне было замечательно с нею. Я нежно поцеловал Флору и вдруг снова «услышал» в мозгу вибрирующий сигнал. Да, это зовет Баракс!

— Я сейчас вернусь, любимая.

— Поторопись,— шепнула она.

Машину Баракс припарковал недалеко от ворот, чтобы не терять из виду вход в дом. Я сел в кабину рядом с ним.

— У тебя просто талант врываться в прекраснейшие моменты моей жизни.

— Я и так был излишне терпелив: честно дожидался, пока ты закончишь свои гимнастические упражнения.

— Ты это... ты это так называешь? Ах да, я и забыл, что слова «дружба», «любовь», «секс» для тебя пустой звук.

— «Дружба»— нет,— возразил он неожиданно, не глядя на меня.

Что-то в его голосе заставило меня сдержаться от насмешки. Бедняга Баракс, ведь ему и так нелегко: один на всем белом свете, независимо от времени и пространства. Или, если угодно, наперекор пространству и времени. И нечего удивляться тому, что,

даже сидя в машине, он точно знал, чем мы занимаемся в доме. Через стенки, не особенно толстые, он мог не только видеть, но и неотрывно следить за основными функциями моего организма: работой сердца и мозга, кровяным давлением и дыханием с помощью вмонтированной в него аппаратуры. Я частенько забывал, что в наших совместных с ним экспедициях при мне неотлучно находился супермен, который знает и может знать обо мне больше, чем целый легион лекарей, психиатров и начальников.

— Зачем звал?

— А погляди,— он сунул мне газету, развернутую на одиннадцатой странице.— В остальных эта статья тоже есть.

То, что Баракс назвал статьей, было обыкновенной полицейской ориентировкой. Власти объявили розыск Лоренцо. Приметы были указаны на удивление скрупулезно и точно.

В остальных газетах информация была точно такая же. Нас не искали. Это можно было расценить как реверанс со стороны Негадеса. Думаю, в подобных делах политического характера право решать принадлежало ему. Наверняка полковник устроил так, чтобы нас не разыскивали. Зато Лоренцо, очевидно, решил не щадить. Похоже, если его схватят, смертного приговора не избежать. Кто бы ни был в этот момент в кресле президента, так и случится, ибо Народный Фронт — смертный враг любого диктаторского режима.

В свою квартиру в городе мы решили не возвращаться. Береженого Бог бережет.

— Я приду вечером,— пообещал я Флоре.

— Я буду ждать,— ответила она.

В порт мы добирались сорок минут, потому что попали в час пик. Солнце клонилось к западу. Я остановил машину в узком переулке недалеко от харчевни. Баракс знал свое дело: он сел так, чтобы хорошо видеть не только дом, но и подступы к нему. У входа, подпирая стенку, стояло несколько мужчин. Они были слегка навеселе. Я смело переступил порог — сигналов об опасности не было. Рыжий детина за стойкой бара поднял на меня глаза. Народу было очень много, но внимание на меня обратил только он. Шум стоял почти непереносимый.

— Добрый вечер, сеньор,— поздоровался бармен. Похоже, конспираторы по мне не соскучились: отношение к моему визиту было проще всего определить по их ангелу-хранителю.

— Добрый вечер. Мне можно подняться?

— Безусловно, сеньор.

Наверху меня дожидался Лопес. Его морщинистое лицо светилось улыбкой.

— Здравствуйте, сеньор Медина.

— Добрый вечер, сеньор профессор.

Форма, в которую было облечено мое приветствие, доставила ему заметное удовольствие. Он проводил меня в маленькую каморку, где в желтом круге света настольной лампы сидели двое: Лоренцо и Эстрелла.

— Салют, амиго!— обрадовался молодой человек и пожал мне руку. Он послушался совета и сбрил бороду, поэтому выглядел намного моложе. Лоренцо оказался совсем юным. И вообще, если он отважится отсюда выйти, ни один полицейский шпик не опознает его в уличной толпе. О том, что его разыскивает полиция, я не стал упоминать, потому что ему наверняка уже было известно об этом.

Длинные черные волосы смуглянки Эстреллы искрились и переливались на свету. Знакомые глаза улыбнулись мне.

— Добрый вечер, сеньор Медина.

Мы расположились вокруг стола. Я выжидательно посмотрел на Лопеса, профессор стал очень серьезным.

— Итак, я беседовал на интересующую вас тему с коллегами из руководства. Откровенно говоря, они не поверили вам, сеньор Медина. Они считают вас иностранным авантюристом, приехавшим поудить рыбку в мутной воде и собирающимся в лучшем случае использовать наше движение в собственных целях. А кое-кто даже подозревает, что вы и ваш приятель служите режиму Рамиреса, есть и такие.

Я промолчал.

— Это мнение большинства,— извиняющимся тоном произнес Лопес.— Они не верят даже тому, что вы планируете покушение на президента. Поэтому руководство считает дальнейшие контакты с вами излишними и даже небезопасными.

Наступила гнетущая тишина. Эстрелла отвернулась. Такого я не ожидал, потому что встретили меня с искренним, как мне показалось, радушием. Впрочем, Лоренцо был действительно искренен, я чувствовал, как в нем поднимается возмущение. Лопес молча уставился в одну точку. Тогда Лоренцо не выдержал и вскочил:

— Дурачье! Они не видели того, что видел я! Рой и его товарищ имеют такое, о чем мы и мечтать не смеем! Я им верю!

Я заставил себя сдержаться и, окончательно успокоившись, холодно произнес:

— На сей раз, сеньор профессор, ваше руководство ошибается. Что бы там ни было, покушение состоится, и президент Рамирес уйдет с политической арены. Власть, скорее всего, перейдет к полковнику Негадесу, нынешнему начальнику тайной полиции. Не спрашивайте, откуда мне это известно. Главное лишь то, что я об этом знаю. Но если вы спрячете головы в песок, то и на этот раз упустите свой шанс. Переворот застанет ваше движение врасплох и вам не удастся надлежащим образом воспользоваться происходящими изменениями. Более того, вы можете оказаться в неприятном положении.

— Минутку!— остановил меня Лопес.— Я передал вам коллективное мнение руководства. Однако в освободительном движении существует второе крыло. Известно, что словами диктаторский режим не свалить. Что бы ни говорили Иисус или Ганди, противостоять насилию может только сила. Наша цель — революция. Было ли в истории что-либо разрушительнее революции? Поэтому я вам верю, Медина. Верю даже в то, что вы

готовите покушение. Если оно удастся и мы вовремя об этом узнаем, партизаны спустятся с гор и смогут немало сделать. А ведь есть еще и подпольщики в городе, они только и ждут приказа. Вам интересно будет знать, что одновременно с покушением в столице и наверняка еще во множестве других городов страны можно будет ожидать беспорядков и неповиновения властям.

— Ну, раз так, ситуация предстает совсем в другом свете, — я посмотрел на часы.— Слушайте внимательно, повторять не стану. Я тут кое-что придумал, чтобы вы поверили, что покушение и впрямь состоится. Я приглашаю Эстреллу и Лоренцо быть свидетелями.

— Что?— изумились одновременно профессор и молодые люди.

— Вы хорошо слышали. Лоренцо с Эстреллой, завтра в шесть утра подъедете на машине к большой автостраде на Авениде де ла Пас. Потому что... теперь я обращаюсь к вам, сеньор профессор. Покушение произойдет завтра утром. Надеюсь, вы не станете сообщать эти сведения своему руководству. Тайна, известная многим, перестает быть тайной. Сразу же после покушения Лоренцо поставит вас в известность, и вы сможете включиться в дело. Надеюсь, что еще сегодня ночью вам удастся поднять по тревоге своих друзей, сеньор профессор. Завтра около полудня в государственном аппарате наступит страшный хаос. Генералы заподозрят в устранении Рамиреса полицию, а остальные министры и их приспешники будут исходить из предположения, что это военный мятеж. Тем временем, как я уже упоминал, власть захватит полковник Негадес. Ненадолго, на несколько часов, самое большее — на два-три дня. Спихнуть его с этой чрезвычайно шаткой должности — это уже ваша задача, профессор.

— Вы умеете предсказывать будущее?— удивился Лопес.

— Нет,— усмехнулся я.— Знай я будущее, разве пришел бы сюда сегодня? Я и мысли не допускал, что Фронт может отказать мне в доверии.

— Как в любом другом революционном движении, у нас между собой соперничают разные направления,— печально улыбнулся Лопес. Подробностей пока, похоже, не будет: по его лицу было видно, что у него не было никакой охоты посвящать во внутренние дрязги всяких там иностранцев, приезжающих поразвлечься.

— Утром мы будем на месте,— пообещала Эстрелла.

Лоренцо проводил меня до лестницы.

— Я верю тебе, Рой,— сказал он, прощаясь.

— Да ладно,— махнул я рукой. Горечь обиды еще не прошла.

Неторопливо пробравшись к выходу из харчевни, я вышел на улицу и вдохнул пропахший рыбой воздух. Баракс виден был издалека, словно пожарная каланча. В этом чужом мире только на него можно было положиться до конца.

Ночевали мы у Флоры. Множественное число не следует понимать буквально: Баракса поместили в садовой сторожке,

которая казалась идеальным укрытием — окруженная раскидистыми деревьями и густым кустарником, она пряталась в глубине сада, была достаточно далеко и от виллы, и от улицы.

Был в сторожке и подвал без окон, который прежний владелец виллы превратил в мастерскую. Даже прислуга сюда редко заглядывала, как мы заключили по тонкому слою пыли на подоконнике единственного окошка. Здесь-то Баракс и провел ночь, не жалуясь на отсутствие бытовых удобств, потому что они ему были не нужны.

Флора была великолепна. Меня, правда, угнетало сознание того, что в будущем нам придется расстаться. Мы открывали друг друга. Она была гораздо интересней, умней и глубже, чем мне показалось в начале нашего знакомства. Я решил было, что это пресыщенная богатством, избалованная, скучающая женщина. Теперь мне было понятно, что Флора одна из жертв своей эпохи: в погоне за благополучием родичи выдали ее за нелюбимого. Однако было бы неправдой сказать, что ей не нравилась роскошь. Мне пришло в голову, что в 31-м веке ей была бы обеспечена куда более роскошная жизнь, хотя богатство это доступно значительно более широким массам.

Светало. Я попытался высвободиться из объятий Флоры, но сделал это недостаточно осторожно. Она проснулась и повернулась на другой бок. Из-под простыни показалась красивая нога.

— Куда это ты в такую рань?— пробормотала она, не открывая глаз.

— На аэродром, любимая. Приезжает один богатый контрагент, мы должны его встретить.— И прежде чем она успела что-либо сказать, я поцеловал ее. Флора улыбнулась и опять погрузилась в сон. Я поспешно оделся.

Баракс дожидался меня уже в машине.

— Здорово, дружище!

— Салют, амиго!— отозвался он и запустил двигатель. Мы выехали на улицу.

— Что это ты сияешь?— удивился я. Мой товарищ просто излучал хорошее настроение.

— Рад, что наконец-то приступаем к настоящему делу.

— Ты что же, думаешь, что мы до сих пор только развлекались?

— Я-то уж точно не развлекался,— заявил вдруг этот прохвост.— А что, у вас с Флорой будет ребенок?

— Надеюсь, нет,— вырвалось у меня.

— Стоило ли в таком случае всю ночь так стараться?

— Нет! Это уму непостижимо!— вспылил я.— Иной раз от твоих вопросов хочется на стену лезть!

— Неплохо сказано,— признал он. Машина шла на большой скорости, и мы уже катили по центральной части города.— Тем не менее ответ неудовлетворителен,— сказал мой спутник.

— Ты говоришь, как компьютер.

— А я компьютер и есть, не забывай,— сказал он и плавно свернул на Авениду де ла Пас.

А в самом деле, что было бы, если бы Флора родила от меня

ребенка? По спине пробежали мурашки. За такой хроноклазм Галапол и правительство придумали бы для меня особенное наказание. И поделом: достаточно только подумать, что в таком случае я стал бы основоположником новой генетической линии. И через тысячу лет, в 31-м веке, сонмы моих потомков были бы рассеяны по всему миру, и вполне возможно, я сам мог бы оказаться собственным потомком.

Движение было небольшое, но на многих перекрестках уже торчали патрульные машины. С нескольких грузовиков спрыгнули полицейские в белых касках. Значит, Негадес сказал правду — они выставляют сплошной кордон.

В конце квартала у большой автостоянки в темно-вишневой машине нас дожидались Лоренцо и Эстрелла. Сам не знаю почему, при виде их я очень обрадовался. Они пропустили нашу машину вперед и покатили следом.

Город остался позади. С одного из пригорков я обратил внимание на скопище каких-то сооружений из досок и жести поодаль от шоссе. Вчера я их здесь не заметил. Оказывается, и Баракс увидел их только сейчас.

— Что же это такое?

— Трущобы,— буркнул я, опасаясь, что сейчас посыплются вопросы типа «Почему люди в них живут? Почему не переберутся в добротные городские дома?» и так далее. Однако мой спутник снова меня удивил.

— Профессор Лопес и партизаны борются за то, чтобы эти бедолаги тоже могли жить по-человечески?

— Именно!— я пришел в восторг.— Как это ты додумался?

— Дедукция,— ответил он уклончиво.

Через некоторое время показались горы, стоящие вокруг всей автострады. Мы миновали туннели, свернули на обнаруженную вчера вечером боковую дорогу и поехали в горы. Солнце поднялось уже достаточно высоко, воздух прогрелся. Чистое небо обещало хороший день. День 29 мая 1992 года.

Поднявшись на плоскогорье, мы подъехали к тому месту, где скала, как в жерле вулкана, круто обрывалась в расселину между двумя туннелями к вьющейся далеко внизу автостраде. Вишневый автомобиль остановился позади нас.

— Буэнос диас!— улыбнулась нам Эстрелла. Она не была красавицей, просто одна из тысяч городских девушек, однако лицо ее и взгляд были особенно милыми. И — она любила Лоренцо, не заметить этого мог бы только слепой. Рядом с ним она буквально расцветала. Эстрелла жила любовью — она была готова преодолеть любую опасность, лишь бы рядом был ее Лоренцо. Поэтому девушка вступила в ряды Фронта, поэтому ушла в подполье, подвергая свою жизнь опасности. Да, это мне нравилось. В 31-м веке почти не осталось настоящих трудностей, и женская любовь стала другой...

Однако не время было размышлять о любви. Я еще не посвятил их в наши планы. Мы немного полюбовались пейзажем, потом Баракс укрылся в кустах на краю обрыва, а мы вернулись вниз, на автостраду. Неподалеку от выхода из второго туннеля за

скальным выступом мы спрятали машины: загнали их багажниками вперед в заросли. Потом вдвоем с Лоренцо наломали свежих веток и замаскировали автомобили от взгляда сверху. Наверняка, прежде чем проехать правительственному кортежу, ответственные за безопасность проконтролируют трассу с воздуха.

Я был прав. В половине восьмого послышался рокот: со стороны города приближался вертолет. Мы спрятались. До девяти часов они дважды с гулом пронеслись над пустынной дорогой. Наверное, частные машины направляли в объезд. Потом промчались полицейские автомобили. Один остановился перед туннелем, и из него вышли четыре человека в форме.

— Это нам только на руку,— сказал я Лоренцо.

Полицейские невольно облегчили нашу задачу: их машина встала на самой обочине. Таким образом, чтобы забаррикадировать вход в туннель, мне не придется возиться с собственной машиной. Я следил за медленно ползущей стрелкой на часах. 9.22. Если полковник не солгал, президентский кортеж уже в пути. Сейчас, наверное, едут по Авениде де ла Пас...

— Баракс!— позвал я в маленький микрофон, приколотый к воротнику.

— Готов!— донесся лаконичный ответ. Лоренцо и Эстрелла переглянулись. Но теперь мне было уже не до них. Я на четвереньках подполз поближе к шоссе и очутился рядом с жерлом туннеля. Было хорошо слышно, как переговариваются полицейские. Не чувствуя опасности, они весело перешучивались.

Я достал оружие.

В 9.40 с включенной сиреной проехала патрульная машина — конвой приближался. Донесся голос Баракса:

— Рой, я их вижу! Впереди две полицейские машины, за ними следом один, два, четыре черных «империала». Снова две полицейские машины, еще несколько лимузинов. Я начинаю!

— Я тоже!— отозвался я. Поднял пистолет и вышел из зарослей. Полицейские стояли в двадцати метрах от меня. Пучок излучения ударил по ним. Хватило и одного импульса длительностью в две сотые секунды. Полицейские повалились, как подкошенные. Я подскочил к машине и запустил двигатель. Уже был слышен гул моторов приближающегося конвоя. Я поставил полицейскую машину поперек туннеля и только успел выскочить из нее, как завизжали тормоза передней полицейской машины.

«Рой, я в туннеле, следую за ними!»— доложил Баракс. Я представил, как мой товарищ, прыгнув с обрыва, пикирует к дороге и с невероятной, невозможной для человека скоростью нагоняет уходящие автомобили.

Я прильнул к выступу бетонной стены, держа бластер наготове. Ствол выдвинул из-за выступа только после того, как все машины сбросили скорость до безопасной. Только тогда я нажал на спуск. Излучение веером обмахнуло мрачный туннель. Тут же послышалось несколько глухих ударов и зазвенело разбитое стекло. Все-таки кто-то из водителей успел затормозить. Я еще раз полоснул по машинам — для верности. Бегущему же за ними Бараксу излучение не должно было повредить.

С момента, когда я выскочил из полицейской машины, прошло не более 30 секунд. Наступила мертвая тишина.

— Сюда, Рой,— позвал Баракс.

Я нырнул в темноту.

Когда глаза привыкли, я разглядел машины. Одна встала поперек туннеля, у другой был смят капот, у третьей разбиты фары. Полицейские в форме и в штатском поникли на сиденьях. У одного лицо было в крови, наверное, ударился о ветровое стекло. Все были живы, но должны прийти в себя только через 15 минут. Две дюжины мертвых автомобилей в полутьме туннеля производили странное впечатление.

— Вот он,— сказал Баракс, открывая одну из машин и, словно мешок, вытаскивая из просторного седана бесчувственное тело. Через мгновение он уже поворачивал голову спящего так, чтобы на нее падал свет со стороны выхода из туннеля.

— Дипп Килиос.

— То есть президент сеньор Рамирес.

— Точно! Идем!

Баракс, как ребенка, подхватил на руки президента и без малейшего напряжения понес его к выходу из туннеля. В зарослях нас уже дожидались Лоренцо и Эстрелла. Они ошарашенно переводили взгляд с нас на тело человека в черном смокинге.

— Рамирес!— хрипло воскликнула девушка.

— Убит?— спросил Лоренцо.

— Ну, что вы, всего лишь без сознания,— поспешно произнес я.— Эстрелла, садитесь в машину и сообщите обо всем сеньору Лопесу. Лоренцо, хочешь мне помочь?

— Во всем!— ответил он, и глаза его загорелись энтузиазмом. Нам все равно нужен был кто-то сторожить Рамиреса-Килиоса, а лучшей кандидатуры для этого нельзя было и сыскать.

— Отвези его в горы, Баракс покажет дорогу.

— Шум двигателей на высоте 22 метра, азимут 11 градусов,— неожиданно сообщил Баракс, запихивая тело Рамиреса в багажник нашего автомобиля. Лоренцо принялся помогать ему.

— Это вертолет,— буркнул он. Эстрелла сбросила со своей машины маскировочные ветви и села в кабину. Баракс с обычным своим нечеловеческим спокойствием торчал среди зарослей. Он стал неторопливо поднимать руку.

— Лоренцо, в машину!— скомандовал я.

Вертолет шел над автострадой по направлению к городу. Видно, искал конвой. Стоит пилоту обнаружить патрульную машину, забаррикадировавшую вход в туннель, и разлегшихся на обочине полицейских, и он тут же даст знать об этом на базу.

Думаю, он ничего не заметил. Как только машина показалась над деревьями, из руки Баракса раз и другой вырвался ослепительный фиолетовый луч. Все импульсы угодили точно туда, куда направляло их совершеннейшее электронное устройство. В воздухе разлетелись в разные стороны лопасти маленького винта на конце хвоста вертолета (этот ротор уравновешивает реактивный момент и препятствует фюзеляжу

вращаться в сторону, противоположную вращению несущего винта). Вертолет с воем закружился вокруг собственной оси, и пилоту пришлось повести его на вынужденную посадку к ближайшему плоскогорью.

— Порядок! Поехали!

Первым тронулся наш автомобиль — с Бараксом, Лоренцо и ценным грузом. За ним в вишневого цвета опеле поехали мы с Эстреллой. Я был за рулем. Через четверть часа мы уже были в Боливаре. Движение на улицах пришло в норму, кордоны уже сняли. На первом же перекрестке наши машины разделились.

— С Лоренцо ничего не случится?— забеспокоилась девушка.

Мы проезжали центральный парк. Движение на улицах еще более усилилось. Жизнь города начала приходить в нормальное состояние.

— Ну, что вы, мой коллега присмотрит за ним,— усмехнулся я.

— Ваш товарищ — необыкновенный человек,— отозвалась Эстрелла с глубокой убежденностью в голосе. Я усмехнулся. Настроение сразу поднялось. Необыкновенный человек!

— Сеньорита, я остановлю машину у ближайшего телефона. Вы сумеете связаться с профессором Лопесом?

— Конечно.

Я подрулил к обочине и остановился возле красной телефонной будки. Сквозь прозрачную стенку было видно, как она, оживленно жестикулируя, говорит что-то в трубку.

Вернулась она сияющая.

— Отряды выступили!

— Какие отряды?

— Партизанские! В горах! Профессор поднял их по тревоге еще ночью. Утром они займут несколько городов — так, по крайней мере, запланировано. А потом двинутся на Боливар.

— А что здесь, в городе?

— Здешнее подполье пока сидит тихо.

Досадно. Но что у меня, в конце концов, общего с их движением? Разве только то, что Лоренцо помогает стеречь Рамиреса, пытался я переубедить себя, сознавая, что неправ. Общего у меня с ними много, и мне это отлично известно, вероятно, известно также, чем закончится катаклизм в Боливарии. Знание ближайшего будущего — тяжелая ноша, и оно неизбежно оказывает влияние на мои собственные поступки.

— Боевые дружины в городе выжидают: в самом деле похищение Рамиреса вызовет замешательство? Им не хочется рисковать, но в подходящий момент они перейдут в наступление.

— Пусть делают, что хотят, мне все равно,— сказал я.— Куда едем, сеньорита?

— Будьте добры, в порт, сеньор Медина. Если вас не затруднит.

Меньше чем через час такси везло меня в район Хувентул. По радио взволнованный голос сообщил, что неизвестные совершили

покушение на одного из государственных деятелей. Я удивился, зачем делать из этого тайну. Ведь мой водитель такси сразу понял, о ком идет речь.

— Слыхали, сеньор? Держу пари на сотню, Рамиреса прикончили. Опять, наверное, генеральский путч.

— Скорее всего, вы правы, сеньор,— согласился я. Волнение охватило город. Как только радио сообщило о покушении, улицы стали неузнаваемы. Завывая сиренами, сновали полицейские машины, перед учреждениями появились армейские броневики. Под одним из надземных путепроводов стояли два танка. Туда-сюда следовали грузовики, набитые солдатами в стальных шлемах. Видно, у Негадеса были сторонники в армии.

На окраине я вышел, прошел пешком с полквартала и поймал другое такси: не следовало забывать об осторожности. В этой машине тоже было включено радио, передавали бравурный марш, а потом, после минутного молчания, я услышал знакомый голос:

— Граждане! Братья! Враги государства и демократии совершили злодейское покушение на законного президента...— полковник Негадес был никудышным оратором, а, может, просто опыта не хватало. Слишком ясно чувствовалось, что речь свою он читает по шпаргалке. Неумело расставляя акценты, делая короткие перерывы, чтобы перевести дыхание, совсем не там, где следовало бы. Однако, как мне кажется, я был единственным человеком в Боливарии, кому было до этого дело.

Он закончил свое обращение к народу, и диктор сообщил, что выступал полковник Негадес, глава нового правительства, и непосредственно вслед за этим последовало объявление комендантского часа и военного положения.

Я попросил водителя остановиться и вышел. Оставшиеся два квартала прошел пешком. Виллы по обеим сторонам улицы словно вымерли. Ворота Флоры были на запоре, чему я обрадовался: наверное, Баракс догадался принять меры предосторожности, укрылся где-нибудь в саду и задействовал свои датчики. Если так, то он в курсе всего, что происходит в радиусе километра от виллы.

Камердинер впустил меня, и я прежде всего отправился навестить Флору. Она как раз заканчивала утренний туалет. На столике в угловом кабинете стояли остатки скромного диетического завтрака. Мои надежды оправдались — Флора забыла наш разговор на рассвете.

— Ты ничего не слышал? Знаешь, что случилось? Президента Рамиреса убили! И недели в президентах не был!

— Насколько мне знакома история этого континента, у вас подобное не в диковинку!— отозвался я осторожно.

Флора приникла ко мне, и во мне возникло чувство жалости. Хотя я и не впервые в прошлом, только сейчас почувствовал, что люди всего лишь жалкие марионетки в руках случая. Игрушки судьбы — как здесь говорят. Именно это и отличает мир моего времени от двадцатого века.

Флора боялась будущего, чувствовала себя беспомощной

перед ним. Думаю, что мое присутствие для нее много значило. В первые дни она не понимала еще, что нас соединяет.

— Это любовь,— сказала она мне невесело. Мы стояли, крепко обнявшись. Ничего подобного я еще никогда не переживал. В моем настоящем мире — там, где я родился,— отношения между мужчиной и женщиной были совершенно другими. Более деловыми и холодными. Не знаю, что на меня здесь так подействовало. Неужели Флора? А может, еще и окружение, люди, дух эпохи? До сего дня я не верил, что существует что-либо подобное, но сейчас, благодаря Флоре, я почувствовал вкус этого, и меня охватило какое-то странное чувство. Флора, город, настроение — все это переплелось во мне в какую-то неразрывную цепь, но прежде всего была любовь.

Может быть, и с Килиосом произошло что-то подобное? Может быть, и он нашел свою женщину? Встретил, наконец, настоящую любовь? Или его любовь — это власть? Вскружили голову безграничные возможности? Сознание того, кем способен был стать — и стал на самом деле — вершителем человеческих судеб? Сознание того, что, зная будущее города, страны и людей, способен стать их господином, а затем и господином времени...

Флора высвободилась из моих объятий.

— Если это и впрямь государственный переворот, в скором времени возвратится мой муж!— в ее глазах была тревога.

— Давай подождем, пока ситуация не прояснится,— сказал я.

Музыка по радио снова прервалась, и диктор объявил, что границы и аэродромы закрываются до особого распоряжения. Пока что никто не сможет покинуть пределы страны, но нас это уже не интересовало.

Лоренцо я нашел в подвале садовой сторожки. На железной койке лежал Рамирес.

— Спит,— прошептал Лоренцо.

— Можно говорить громко, сейчас он все равно не проснется.

— Твой друг Баракс... Он очень силен...

— Потому-то я и взял его с собой,— ответил я и осмотрелся. Рамирес дышал размеренно, мышцы его были расслаблены, сердце работало нормально. Мое внимание привлек цвет кожи: наверное, он только и делал, что загорал, прибыв в 20-й век, промелькнула у меня мысль.

Я посмотрел на часы.

— Скоро полдень. До завтрашнего утра Рамирес наверняка не очнется. Так что здесь пока делать нечего.

— А что делать, когда он придет в себя?

— Посмотрим. Не торопи события, Лоренцо. Ты обещал нам помогать.

— Я и не отказываюсь!— он посмотрел мне в глаза. В его искренности можно было не сомневаться.

Я сказал Лоренцо, где оставил Эстреллу, и мы стали говорить о городском подполье.

— Ты, конечно, прав, Рой. Сейчас и они могли бы подняться.

Но людей мало, оружия не хватает. Потому-то Лопес тянет с началом восстания в столице. В горах у нас много людей, готовых выступить в любой момент, там легче восполнять потери... Они уже выступили,— он кивнул на радиоприемник.— К вечеру мы о них услышим.

Лоренцо был прав. Через несколько часов даже боливарское государственное агентство новостей не в силах было опровергнуть то, о чем заграничные радиостанции говорили с самого полудня.

Вечером я взял еду для Баракса — ее, конечно же, съел Лоренцо. Даже за ужином молодой человек вертел ручку радиоприемника: политическая ситуация в стране до сих пор не прояснилась. Правда, в столице хозяйничал Негадес, но в южных штатах страны бывший заместитель министра обороны генерал Кастельяно организовал путч. Воспользовавшись активизацией партизанского движения, генерал сослался на внутреннюю угрозу и сколотил временное правительство. В своем выступлении по радио генерал назвал столичную группировку Негадеса самозванцами и объявил ее незаконной.

Баракса я нашел в саду. Стемнело, тучи заволокли небо, луны не было видно. Свет уличных фонарей не проникал в глубину сада.

— Как дела, Баракс?

— Ничего. Вокруг все спокойно.

Тем не менее его голос и настроение меня насторожили.

— Говори, старик!— приказал я.

— Килиос наверняка тщательно изучил все, что произошло в ближайшую неделю или месяц, прежде чем отправиться в прошлое. Мы знаем, что будущее ему известно. Он знает, как будет складываться политическая ситуация в Боливарии. Так как он сам играл одну из ключевых ролей, он должен был бы знать, что утром 29 мая падет жертвой покушения... Но если он сознательно отдался в наши руки! Если по доброй воле сунулся в западню? Получается, нам нужно ждать контрудара! Может быть, даже сегодня ночью.

Я смотрел на хмурое небо и думал, что пока все равно ничего нельзя сделать. Придется дождаться, когда наш пленник очнется, а до той поры быть настороже. Я надеялся, что после того, как Рамирес-Килиос придет в себя, все выяснится.

— Рой, ты меня любишь?

— Люблю.— Это слово значило для меня сейчас больше, чем где-либо и когда-либо в жизни.

— Я боюсь за тебя.

— Не бойся. Такая у меня работа.

— Знаю. Но ведь ты не коммерсант. И не цветами ты занимаешься, ведь правда?

— Правда. Но давай пока не будем об этом говорить.

— Мне хорошо с тобой, Рой.

— И мне хорошо с тобой, Флора.

«Если бы я мог взять ее с собой!»— подумал я и сразу же представил себе, какой может разыграться скандал. Все на свете

были бы против меня — шеф, руководство, Галактическая Полиция с ее отделом контроля времени и даже друзья. Тот, кто сознательно позволяет себе вмешиваться в течение времени, не имеет права работать в отделе контроля времени.

— Я люблю тебя, Рой!

— И я люблю тебя, Флора!

До самого утра так ничего и не произошло. Флора спала спокойно, зато я проснулся ни свет ни заря. В окно было видно, как на горизонте появляется узкая белая ленточка. Я старался не шевелиться, надеясь, что еще засну. Неясная тревога, заставившая меня проснуться, отступила. Неподвижность была приятна. На какое-то время я утратил чувство реальности, забыл, в каком я веке. Может быть, в тридцать первом?

Но как только глаза мои открылись, я тут же вспомнил, где мы находимся. Нет, уже не уснуть. Флора ровно дышала рядом. Я тихо поднялся и пошел принять душ. Пустил ледяную воду. И вдруг явственно ощутил — что-то случилось! Баракс сквозь стены увидел, что я уже не сплю, и позвал: «Сюда, Рой!»

При моем приближении дверь сторожки открылась.

— Здравствуй, Баракс.

— Привет, Рой. Он просыпается.

Так вот в чем дело. Он — это не кто иной, как наш Килиос-Рамирес.

Лоренцо спал тут же в чуланчике. Это упрощало дело. Будить его мы не стали. Стараясь не шуметь, спустились в подвал, зажгли свет. Когда пленник проснется и поймет, что случилось, голые серые стены, пустые полки и жалкая железная койка послужат подходящей декорацией и произведут надлежащее впечатление.

Килиос-Рамирес дышал неровно, руки его беспорядочно подергивались. Мы перевернули его на спину. Он был очень бледен — а ведь каким смуглым выглядел вчера. Бледность была вызвана замедленным кровообращением. Парализующее воздействие лучевого оружия служило причиной ослабления жизненных функций, мы с Бараксом уже сталкивались однажды с подобным случаем.

— Черты лица идентичны,— сказал Баракс о Килиосе. И вдруг я подумал: а чем, собственно, с физиологической точки зрения отличается человек, рожденный тысячу лет спустя, от человека 20-го века? Да ничем. Я, Рой Медина, точь-в-точь такой же, как Лоренцо. Умри я здесь и вскрой мое тело врачи, оно ни в малейшей степени не отличалось бы от тел современных людей. Ничего не выдало бы чудовищной разницы в возрасте. Конечно, попади под их ланцеты Баракс...

К счастью, Бараксу никогда не угрожала больница или прозекторская, за это можно было смело ручаться.

— Ну, как там Килиос?

Я наклонился к нему. Лицо Рамиреса в самом деле было очень похоже на то, что было на наших фотографиях. Небольшие мешки под глазами, морщинки у крыльев носа...

Пленник пришел в себя только в 7.02. Открыл глаза,

несколько раз судорожно втянул в себя воздух, облизал сухие губы. Я дал ему воды. Он выпил целый стакан и только после этого огляделся. С изумлением поднялся на койке и сел. Баракс с каменным выражением лица взял его руку.

Я сказал на нашем языке:

— Дипп Килиос! Я работник Галактической Полиции. Именем Всемирного правительства вы арестованы. Ваши личные права недействительны до особого распоряжения. При первой же возможности вы будете доставлены обратно в 31-й век.

Он молчал. Мне почудился в его глазах странный блеск. Рамирес удивленно оглядел нас.

— Что происходит?— спросил он.— Вы кто такие, господа?

Говорил он по-испански.

— Игра окончена, Килиос,— продолжал я на нашем языке.— Долго мы не могли напасть на ваш след, но теперь-то уж вам не удастся вывернуться.

Рамирес снова посмотрел на меня так, словно я говорил с ним на тарабарском языке.

— Я Гальего Рамирес, законный президент Боливарии!— снова заявил он на испанском языке.

Видно было, что он заставляет себя говорить твердо. И я, и Баракс чувствовали, что Килиос боится, хотя и тщательно скрывает это.

— Вы только притворяетесь Рамиресом, Дипп Килиос,— отрезал я.— Но игра окончена, понимаете? Так что оставьте в покое испанский язык и признайте, что партия проиграна.

Он снова пробормотал что-то по-испански. Я уловил только обращение к Богу. Тут-то и появились у меня первые сомнения. Я посмотрел на Баракса и передал телепатему: «Внимание! Не подчиняйся!» Дождался подтверждения, что приказ получен и понят, и сказал вслух на нашем языке:

— Я лучше выйду, терпеть не могу вида крови. Убей этого несчастного. По крайней мере, не придется сторожить.

Я вышел в сад. Баракс остался с пленником.

Уже рассвело. Золотистое солнечное сияние залило сад и деревья. От кустов пролегли резкие тени. В районе Хувентул царила тишина. Только в кронах деревьев пересвистывались птицы. Утро было чудесное.

Подождав минут пять, я возвратился в подвал. Баракс подал знак: толку никакого. Пленник не проявил ни малейшего признака страха. Или нервы у него стальные, или он не понимает нашего языка. Мы с Бараксом переглянулись, и я сел на краешек кровати.

— Итак, поговорим по-испански, сеньор.

— Давайте поговорим,— поспешно отозвался он с заметным облегчением.— Наконец-то мы понимаем друг друга. Может быть, и договоримся.

— Вы не поняли, о чем мы только что говорили — я и мой товарищ?

— Нет. Не знаю даже, на каком языке вы беседовали, сеньор. Ничего подобного мне слышать еще не приходилось.

Я посмотрел на Баракса, и он понял, что я от него хочу:

— Не лжет.

Это был крах. То, что вчера и позавчера было лишь подозрением, сейчас, на рассвете 30 мая 1992 года, стало действительностью. Мы обманулись. Вернее, дали себя обмануть. Дипп Килиос перехитрил нас.

В подвал спустился Лоренцо. Многообещающе и со сдержанным, но плохо скрываемым гневом посмотрел на Рамиреса. Потом повернулся ко мне.

— Все в порядке, Рой?

— Пойдем выйдем.

Надо было срочно что-то придумать.

На дворе все уже было залито солнцем. Птицы пели на все голоса. Было тепло, природа дышала покоем. Мне было обидно от этой несправедливости, потому что для меня покоем даже не пахло.

— Лоренцо,— начал я.— Мы подозревали, что похитили настоящего президента, а оказывается, это его двойник. Тебе не приходилось слышать о том, что президенты обычно имеют оплачиваемых государством двойников? Вот я и думаю, что это как раз такой двойник. Всего я тебе сказать не могу, но одно ты должен знать: мы подозреваем, что Боливарией правит не бывший кондитер, а очень похожий на него внешне человек.

— Так значит, настоящий президент еще на свободе?— Лоренцо побледнел от волнения.

— Да, но ничего не бойся. В ловушку мы не попали. Будь у него где-нибудь спрятан радиопередатчик или что-нибудь в этом роде, Баракс непременно обнаружил бы. Через двойника им на наш след не выйти. Настоящий президент нас не ищет. Он занят другим — генеральский мятеж куда серьезнее. Наемного двойника он просто спишет как неизбежные издержки. Его сейчас куда больше заботит, как управиться с полковником Негадесом и генералом Кастельяно. А у повстанцев что новенького?

— Радио молчит. Но если бы я смог дозвониться к Эстрелле, все прояснилось бы. Кроме того, она успокоилась бы, узнав, что со мной все в проядке.

— А почему ты решил, что Эстрелле нельзя позвонить? Беги, звони, на кухне есть телефон.

Лоренцо ушел, а я принялся обсуждать со стариком-камердинером меню на завтрак. Уверен, старик отлично знал, что за отношения сложились между хозяйкой и мною, однако ничем не показывал этого. Наоборот, держался со мной, как с хозяином дома, это было приятно и подкрепляло мою уверенность в себе. Флора еще спала. Стараясь не шуметь, я вышел. В саду Лоренцо догнал меня.

— Ну, что сказала Эстрелла?

— Повстанцы на подступах к Боливару. На востоке и на севере заняты важнейшие города. Генерал Кастельяно объявил себя президентом, но на его стороне только часть вооруженных сил. Здесь, в столице, власть в руках полковника Негадеса.

Городское подполье выжидает. Люди Лопеса тоже ждут, пока повстанческие отряды с гор подойдут поближе к городу.

Мы спустились в подвал сторожки. Лоренцо присел на краешек койки и спросил нашего пленника:

— Скажите, как сделать торт «Маддалена»? Что для этого нужно?

Рамирес оживился. Впервые на его лице появилась бледная тень улыбки.

— Молотые орехи, миндаль, сахарная пудра, яйцо, масло, чуточку рома, ну, и, конечно, тончайшего помола кондитерская мука...

Он подробно описал, как следует готовить и выпекать тесто, а затем продолжал:

— Когда корж будет готов, наверх я накладываю марципановые шарики. Некоторые поливают торт шоколадом, но, по-моему, это большая ошибка: вкус получается совершенно иной.

Лоренцо потащил меня в угол.

— Рой, вне всякого сомнения, это кондитер Рамирес! Я нарочно спросил Эстреллу, как сделать торт «Маддалена». А если этот человек знает толк в подобных делах, я голову даю на отсечение, что перед нами не кто иной, как самый настоящий президент Боливарии собственной персоной.

Я взглянул на часы.

— Сеньор Рамирес, сейчас вы позавтракаете, а часов, скажем, в десять я готов буду выслушать вашу историю.

— Какую историю?

— Ну, как же, историю про человека, который так разительно похож на вас...

Я не сводил с него взгляда. Меня интересовали его глаза. И я заметил, как при моих словах в них зажглась какая-то искорка. В элементарных реакциях я разбирался неплохо.

— Вот о нем-то и расскажете. В противном случае мне придется вас убить.

С этими словами я вышел. А он остался наедине с собой.

Сегодня Флора была какая-то не такая, как вчера и позавчера. За завтраком она вздрагивала, услышав любой шорох, ела нервно, говорила больше обычного.

— Рой, если в городе начнутся беспорядки, мы тоже окажемся в опасности. Мой муж служил свергнутому президенту, и эта солдатня, или бог знает кто там нынче у власти, могут ворваться в дом. У моего мужа было достаточно недругов в министерстве.

— *Не бойся, любимая. Ноги здесь ничьей не будет. Ничего плохого с тобой не случится. У меня есть влиятельные друзья.*

— Думаешь, сейчас можно на них рассчитывать?

— *По крайней мере на одного наверняка.*

Я подумал о Негадесе. Видимо, этот прохвост снова мне понадобится. Главным образом, по той причине, что Дипп Килиос все еще на свободе и одному богу известно, где он находится. А ведь мы обязаны его схватить! Мы не имеем права

возвратиться без него. Потому что именно за этим мы переправились через реку Времени. Именно за этим преодолели вспять более чем тысячу лет.

— Как ты думаешь, можно ли мне выйти в город?— спросила она уже несколько спокойнее.— Нужно кое-что купить, вдруг объявят осадное положение. Ну, и... моя бедная мамочка, я пыталась к ней дозвониться, но в том районе, по-моему, была перестрелка: телефоны не работают и тока нет. Я должна убедиться, что с нею, бедняжкой, ничего не случилось.

— Иди, не бойся. И не забудь купить газеты.

Хорошо, что все утро ее не будет дома, можно без помех беседовать со специалистом по кондитерской части.

В подвале мы были вдвоем, но даже через стены я чувствовал на себе взгляд Баракса. Кроме того, он еще и записывал нашу беседу.

Рамирес был еще бледнее, чем сегодня утром, он со страхом глядел на меня. Он боялся нас, я отчетливо воспринимал волны излучаемого им страха. Неожиданно мне стало жаль этого человека, такого несчастного, такого одинокого. Неужели это тот самый диктатор, от одного имени которого все трепетали?

Правда, президентское кресло он занял только неделю назад и не успел еще натворить много гнусностей, которыми славятся диктаторы, не успел еще испачкать руки кровью невинных.

Ему не было и пятидесяти, но выглядел он на все шестьдесят, даже шестьдесят пять.

— Не бойтесь, сеньор Рамирес. Мы уже знаем, что вы не тот человек, которого мы ищем. Мы рассчитывали схватить совсем другого. Произошла ошибка.

— Но...— начал он,— президент Рамирес — это я,— в отчаянии он пытался подчеркнуть важность своей персоны в надежде, что мы сочтем его ценным приобретением и не станем обижать. Откуда было знать бедняге, что у меня в отношении его совсем другие планы...

— Давайте играть в открытую, Рамирес. Мне нужна информация о другом Рамиресе. Расскажите мне все, что вам о нем известно.

В уголке его губ задергалась жилка.

— Он пригрозил мне. Он приказал никогда никому об этом ничего не рассказывать. Он отомстит моим близким.

— Оставьте его нам. Чем больше вы о нем расскажете, тем скорее мы нападем на его след. Нам нужен он, а не вы. Но добраться до него мы сумеем только с вашей помощью. И в средствах особенно разборчивы не будем. Если не хотите плохо кончить, говорите! Когда вы с ним встретились впервые?

Он вздохнул, как пловец перед прыжком в воду, решиться было непросто, но для себя он уже все решил.

— Это было две недели назад. Однажды вечером раздался телефонный звонок. Мужской голос с иностранным акцентом сообщил, что сейчас ко мне придут по очень важному делу. Пришел он. Меня сразу поразило его сходство со мной. Неожиданный гость заверил меня, что он мой брат. Я удивился.

Но он утверждал, что у моих родителей был еще один сын, то есть он. В детстве его увезли за границу, там воспитывали чужие люди, поэтому он так плохо знает родной язык. История была темной, но родители мои давно умерли и проверить, правда ли это, я не мог. Во всяком случае, наше поразительное сходство, казалось, подтверждало его слова.

Пришелец попросил разрешения переночевать и умолял никому, кроме жены, не рассказывать о нем. Сказал, что он изобретатель, работает над неким устройством, которое произведет настоящую сенсацию в науке, но работа еще не завершена. Нуждается в тишине и уединении, чтобы доделать прибор. Он сказал, что за ним по пятам следует агент враждебного государства, готовый на все, лишь бы только раздобыть описание или модель аппарата.

О готовых на все агентах он говорил дрожащим голосом, опустив голову. Думаю, только теперь до него дошло все значение этого выражения. В его представлении слова Килиоса полностью подтверждались: вот они, беспощадные агенты, напавшие на него... Среди нас единственного Баракса можно было назвать способным на все, но его талант был совершенно другого рода. В то же время нетрудно было догадаться, что за «изобретение» имел в виду Килиос. Транслятор воли, вольтранс! Ага, значит, уже есть зацепка — в течение первых шести недель своего пребывания здесь Килиосу не удалось смонтировать его. Неужели это удалось ему сделать за неделю президентства?

— Продолжайте, сеньор.

— Я принял его. Жене он понравился. Мы очень привязались к нему. В первые дни наш новый знакомый был скромен и нетребователен. Жил в чуланчике на чердаке, никуда не выходил. Только иногда просил принести тот или иной каталог электрических приборов, отмечал в них какие-то мелкие детали и просил это купить. Всегда аккуратно платил за все. Денег у него было много, а тем временем я готовил почву для своей политической карьеры.

— А когда он начал говорить с вами о политике?

— Сразу же, как только закончил свой прибор.

Я кивнул. Конечно, этого следовало ожидать. Без вольтранса он был бы здесь никто — скрывающийся, дрожащий от страха беглец. Но теперь... У меня стало сухо во рту.

— Я слышал, полиция приходила вас арестовывать. Вы и раньше занимались политикой?

— Да. Хотя многие и считали меня всего лишь кондитером, действовать я начал давно. Нечего и говорить, что подготовка почвы заняла много времени и поглотила уйму денег. Хотя у меня и были высокопоставленные сторонники... Однако теперь я думаю, что, не будь его, мне ничего бы не удалось достичь...

— Вы не ощущали ничего необычного, когда он склонял вас к этому удивительно смелому, даже странному шагу?

— Откуда вы знаете?— удивился Рамирес.— Мы беседовали в его каморке на чердаке, он ковырялся в своей машине, и вдруг я почувствовал, что мне нехорошо — словно я был в скоростном

спускающемся лифте. Но через мгновение все стало мне казаться легким и ясным. Я не видел перед собой никаких преград. Все, о чем мы говорили, казалось возможным, и даже мне самому этого захотелось. А в самом деле, почему бы мне не стать президентом страны сразу, теперь же, раз я собираюсь сделать это столько лет? Мне не хотелось быть кондитером, это отец настоял. Меня всегда привлекала политика. Теперь я знал, что стоит мне сделать первый шаг, и я могу оказаться высоко, очень высоко.

Я не сводил глаз с Рамиреса. Лицо его раскраснелось, глаза горели азартом. Только через несколько минут он опомнился, огляделся и судорожно вцепился в край кровати.

— Если бы я знал, что все это закончится таким образом...

— Политика — скользкая штука, сеньор Рамирес. Однако времени у нас мало, поэтому давайте немного сократим нашу беседу. Не приходил ли он вам на помощь, когда нужно было уговорить тех или иных людей, чтобы они приняли вашу сторону?

— Случалось, особенно в последние дни перед тем, как я взял власть в свои руки. Он обычно в это время находился в соседней комнате со своим прибором.

Все ясно. Транслятор воли действовал безупречно. Килиос применял его, тем самым совершая преступление — он нарушал течение времени. Чего можно добиться с помощью такого аппарата, вряд ли нужно объяснять. Даже в эпохи с более развитым чувством этики встречались политики, которые пытались навязать свою волю другим.

— Значит, вы вскоре пришли к убеждению, что при помощи двойника сумеете решить проблемы Боливарии?

— Более того! Я смог заново создать, перёиначить весь мир!— воскликнул он запальчиво, но сразу опомнился.— В тот памятный день, перед тем как мы отправились в парламент, он доказал мне, на что способен. Заявил, что с этого момента он со своей машиной в полном моем распоряжении. Взамен я как будущий диктатор должен буду обеспечить ему охрану. Всегда и при любых обстоятельствах. Это его предложение — использовать машину для того, чтобы парламент выбрал меня. А потом он натолкнул меня на мысль созвать глав сопредельных государств и во время визита облучить их таким образом, чтобы они подписали все, что мы им подсунем. Действуя таким образом, можно было бы объединять все больше и больше стран под моим руководством.

— Наивно.

— Сначала и я так думал. Но он меня успокоил, сказал, что мы время от времени можем наносить визиты в другие государства и там убеждать толпы принять наши требования...

Значит, Килиос уже планировал соорудить установку с более широким радиусом действия.

— Итак, вы с семьей переехали в президентский дворец. Там спрятать его было трудней.

— Да, но не невозможно.

Пришла очередь главного вопроса:

— Где он теперь?

— Понятия не имею,— Рамирес покачал головой.— Вчера утром, когда я покинул город, он находился в моей летней резиденции.

— Так это вы уговаривали президента Верунды присоединиться к Боливарии?— я встал и направился к двери.— Вашу судьбу мы решим позже, сеньор Рамирес.

И вышел.

На этот раз установить связь по хронотелефону было непросто. Аппарат трещал — общение сквозь эфир и через столетия было исключительно сложным делом. Однако в конце концов сквозь треск удалось разобрать:

— Медина! Алло, Медина!

— Приветствую вас, шеф!

— Что нового?— донеслось уже более четко.

Я рассказал все вкратце. Шеф молчал. Да и чем он мог помочь? Разве что информацией.

— Рой, у вас есть еще несколько часов. Скоро в городе начнутся уличные бои. Есть только один способ напасть на след Килиоса. Ищите вольтранс!— скрежет и треск на линии опять усилились, смысл сказанного доходил с пятого на десятое, а об остальном оставалось только догадываться. Потом слышимость стала немного улучшаться, и вдруг я с некоторым удивлением уловил имя Флоры.

— ...руководство одобрило связь с этой женщиной...

— Спасибо,— пролепетал я, на секунду позабыв даже о Килиосе. Что это с ними? Шеф уговорил их дать такое разрешение? Ничего похожего раньше никогда не случалось. Полиция Времени не позволяет обзаводиться подобными связями. Правда, доложить все равно пришлось бы обо всем. Да и комиссия, расследующая ход операции, узнала бы все от Баракса. Слова шефа привели меня в изумление. Так может, ее даже разрешат забрать с собой в 31-й век?

Связь прервалась окончательно.

Хронотелефон вмонтирован в Баракса, так что он был в курсе, но, по обыкновению, не отреагировал. Заметил только, что пока я разговаривал, Флора села в машину и уехала в город. Помолчав, Баракс спросил:

— Килиос еще в городе?

Даже он понимал, что это сейчас самое важное.

— Очень даже может быть. Начнутся уличные бои — тогда ему вообще отсюда не выбраться.

Пора было приниматься за дело.

Несколько секунд рационально мыслящий мозг Баракса анализировал сотни возможных ситуаций и комбинаций. После этого Баракс заговорил:

— Шеф предположил, что раз аппаратура Килиоса находится где-то в одном месте, он может пустить ее в ход...

— Понял, можешь не продолжать.

Я поспешил в дом. Лоренцо и старик-камердинер слушали на кухне радио. Мужской голос как раз сообщил, что партизанские формирования подходят к городу. Я притворил дверь и понесся к телефону.

В телефонной книжке было множество номеров президентского дворца. Отдел протокола, секретариат, служба безопасности, по крайней мере, еще около двух десятков других отделов. Несложно было догадаться, что действительно важные номера засекречены и в телефонном справочнике их нет. Поэтому я сделал вывод, что наиболее информированные люди — это сотрудники службы безопасности, испытанные сподвижники Негадеса. И я позвонил именно туда. Ответил мужской голос:

— Служба...

— Я хочу поговорить с президентом,— перебил я говорившего. На другом конце провода меня, видимо, приняли за обыкновенного психа и положили трубку. Я снова набрал номер.

— Служба...

— Я Рой Медина и не советую снова бросать трубку,— сказал я совсем другим тоном.— Полковник, я звоню совсем не ради удовольствия. Мне нужно передать известие большой важности.

— Никогда не слышал вашего имени, сеньор,— донесся голос, в котором уже слышалась некоторая почтительность, что я и воспринял не без удовольствия.

— Мне нужен полковник Негадес,— потребовал я.

Несколько минут в трубке шуршал ток. Какая все-таки примитивная техника была в этой эпохе! Потом послышался другой голос:

— Сеньор Медина?

— Да. Я должен обменяться с его превосходительством несколькими словами. Это касается чрезвычайно важного дела.

— Вам не кажется, что сейчас не самое подходящее для этого время?

— Для этого никогда не будет подходящего времени, дружище. Скажите Негадесу, на проводе Медина, который хочет сообщить кое-что относительно одного кондитера.

Секретарь наверняка сообразил, что «кондитер»— это какой-то тайный пароль. Потому что не прошло и минуты, как меня соединили. Наконец-то я услышал знакомый голос.

— Негадес слушает.

— Здравствуйте, полковник. Извините, это по привычке. Здравствуйте, господин президент.

— Сеньор Медина, я же предупредил вас, чтобы вы мне не звонили.

— Думаете, в нынешней ситуации меня допустили бы к вам лично? Без документов, зато с подозрительным иностранным акцентом? Но оставим это.

— Вы хотели мне сообщить что-то о кондитере?

— Да, полковник. Похоже, что мы дали маху.

— Что вы хотите этим сказать?— в голосе его послышалось беспокойство.

— Это не тот человек, понимаете? Вчера утром он послал в резиденцию своего двойника. Мы похитили из президентского конвоя не того человека.

Некоторое время Негадес дышал в трубку.

— Он жив?— наконец спросил он.

— Конечно, с ним ничего не случилось. У меня есть веские доказательства, что это совсем не тот человек, что был нам нужен. В противном случае разве я тратил бы свое драгоценное время, чтобы дозвониться к вам? Можете поверить, у меня достаточно собственных неприятностей по этому поводу.

— В таком случае, где он?

— Совершенно очевидно, что пока не смеет показываться на людях. Укрылся где-то в городе и ждет подходящего случая. Мне кажется, далеко уйти он не мог. Скорее всего, он в летней резиденции. Узнайте, не случилось ли там за последние 24 часа чего-нибудь необычного, не исчезали ли солдаты, не терял ли кто-нибудь сознание. Не было ли кому-нибудь из персонала плохо? Не удивляйтесь, полковник, я знаю, по каким признакам можно обнаружить его присутствие.

— Чтобы узнать это, нужно время. Вы, вероятно, догадываетесь, что у меня есть и другие дела!

— Поторопитесь, это в ваших интересах. Пора решительно покончить с этим делом!

— Через два часа свяжитесь со мной по телефону, запишите номер...

Лоренцо отставил чашку. Его черные глаза горели энтузиазмом.

— Все зарубежные радиостанции твердят, что наши напирают! Кольцо партизан стягивается вокруг города!

— А что говорит официальное радио Негадеса?

— Почти не упоминают о партизанах. Ругают генерала Кастельяно и верные ему части: подлые бунтовщики. Генерал, мол, снюхался со смутьянами. Пытаются таким путем восстановить против генерала другие подразделения армии и колеблющихся офицеров.

— А что народ?

— Выжидает. Рой, наш народ пережил уже достаточно много таких переворотов. Люди не торопятся выражать свое мнение, они научились осторожности — береженого бог бережет.

— А время уходит,— сказал я с раздражением. Лоренцо не догадывался, что я имел в виду. На его загорелом лице не было и тени озабоченности, он улыбался.

— Куда торопиться? Не сегодня завтра Негадес и Кастельяно вцепятся друг другу в глотки. А когда они ослабят друг друга, руководство Фронта подаст знак. Подпольщики соединятся с партизанами, и к вечеру город будет в наших руках.

— А что в провинции?

— Несколько округов уже в руках повстанцев. Достаточно будет занять телеграф и телестанцию в Боливаре, и дело в провинции, считай, выиграно.

Он потянулся за стаканом, отпил воды.

— Что будем делать с Рамиресом?

Я пожал плечами и вышел в сад.

— Мне кажется, Килиос не мог сбежать,— встретил меня Баракс.

— Ты прав. Прячется где-нибудь. Город кишит солдатами, осведомителями и агентами Негадеса, усердствующими чиновниками, дорвавшимися до власти. Появись он на улице — схватили бы в тот же час: подумали бы, что это вырвавшийся из рук террористов Рамирес.

— Лишь бы это ему не взбрело в голову, не то придется начинать все сначала.

Солнце палило. Я разглядывал кроны деревьев, мелкие голубенькие цветы, усыпавшие кусты, и думал о Флоре. Где она, что с ней?

Вдруг Баракса осенило:

— Так ведь Килиос не может знать будущего. Ему известно только то, что написано в исторических исследованиях. Из такого далека разве разглядишь подробности? Минуло тысячелетие, до потомков дошли только документы, описывающие ситуацию в общих чертах. Однако Килиос наверняка знает, что произошло после путча, какая из трех противоборствующих сил взяла власть и какова была судьба президента Рамиреса.

— Зато о собственной судьбе он и догадываться не может!— я весело хлопнул Баракса по плечу.— Все, что он прочел в древних исторических трудах, касается бывшего кондитера, а не его, Килиоса. Он, как и мы сейчас, стоит беспомощный перед разворачивающимися событиями. Почем ему знать, как закончится его запутанное дело? В хрониках-то не осталось и следа его собственного пребывания здесь.

Баракс был собой доволен. Я уже не впервые замечаю, что он буквально расцветает, стоит нам сделать какой-нибудь особенно удачный вывод.

— За исключением одной вероятности: если он сам не управляет ходом событий,— остудил я его энтузиазм.— Потому что может статься и такое: зная ближайшее будущее, он именно на этом построил свою затею. Зная, что Галапол отправит за ним в прошлое своих людей, он именно поэтому прячется. Именно поэтому распорядился, чтобы агенты присматривали за бывшим жилищем своего двойника. Знал, что мы обязательно сунемся туда за разрешением загадки Рамирес-Килиос — сходство или тождество? Надеялся, что оттуда нам не удастся уйти живыми.

— И наверняка расставил нам еще множество других ловушек. Хотя, если он знал о покушении, зачем отпустил Рамиреса объезжать провинции, отдав прямо в наши руки?

— Текущие политические интересы требовали, чтобы новый диктатор объехал свою страну — таков обычай. И нельзя забывать, что Килиос, возможно, пока не собирается менять течение истории.

Я задумался. Все это до сих пор не давало мне покоя. Ведь что будет, если...

— Если окажется, что Килиос с самого начала рассчитывал, что мы похитим Рамиреса?— подхватил Баракс. Мы с ним думали об одном и том же.

— Тогда нашему положению не позавидуешь,— бросил я сердито.— Это означало, что мы реализовали и сейчас продолжаем реализовывать его планы.

— Килиос хочет уцелеть любой ценой,— Баракс трезво оценивал ситуацию. Правда, это был единственный отправной пункт, на который можно было с уверенностью опереться.— Он же прибыл сюда вовсе не затем, чтобы покончить с собой. Он знает, что Галапол пошлет за ним столько оперативных работников, сколько потребуется. По моему мнению, стоит принимать в расчет еще одну возможность: на этом этапе развития событий единственная цель Килиоса — надуть нас. Он до тех пор будет плутать и вилять, пока мы, наконец, не сдадимся и не покинем этот проклятый век, не вернемся в будущее и не доложим, что не нашли его.

— И думать об этом не смей!

— Конечно, конечно. Но меня не оставляет чувство, что спектакль с Рамиресом он затеял только затем, чтобы навести нас на ложный след. Килиос неизменно опережает нас на один шаг и в конце концов ускользнет из западни.

«У меня такое чувство»— в устах Баракса эти слова прозвучали по меньшей мере непривычно. Но дело не в этом.

— Пока Рамирес был при нем, он получал текущую информацию обо всех важных происшествиях. В том числе и о том, что касается его самого. Сейчас же, напротив, за ним охотятся, а информатор исчез. Возможно, он даже не в курсе происходящего в городе. Это может его дезориентировать и толкнуть на неверный шаг.

— Этим можно воспользоваться!

— Посмотрим!

Баракс замолчал, потом спросил:

— Рой, что будет с Рамиресом?

— Умрет. Завтра,— отозвался я.— Именно так записано в хрониках, и что бы там ни было, изменить этого мы не в силах.

— Каким образом?— не унимался он.

— Точно не знаю. Источники говорят только, что его нашли застреленным где-то на улице. Где именно — никто не знает. Главное, что труп найдут и опознают. Это уже не наше дело.

В условленное время я позвонил Негадесу. Он не ответил. Трубку взял секретарь, который сообщил, что его превосходительство выехал за город на войсковой смотр и до сих пор не вернулся. Он вежливо попросил позвонить еще раз, попозже.

Связаться с Негадесом удалось только поздно вечером. Он усталым голосом сообщил, что не оставил без внимания то, что я ему сообщил, но результатов пока нет. Полковник дал мне понять, что при создавшейся ситуации у него есть дела и поважнее. Тогда я позвал к телефону Баракса, и он воспроизвел перед трубкой несколько фраз, записанных на звуковой кристалл. Потом я снова взял трубку.

— Слышали, уважаемый коллега? Это ваш голос. В соборе Нуэстра Сеньора я записал все, что вы говорили. И вашу информацию о маршруте следования президента Рамиреса, и где именно удобнее совершить на него покушение. Как вы думаете, много дал бы за эту информацию генерал Кастельяно, или руководство Фронта, или зарубежные средства информации?

— Паршивец!— зашипел в бессилии полковник, словно змея под каблуком человека.— Вы что, шантажируете меня?

— Успокойтесь, коллега. Если эта запись достанется вашим политическим противникам, они без колебаний ее обнародуют. Информация послужит доказательством, что вы продали президента иностранным агентам...

Внезапно я сообразил — в руках у меня есть еще кое-какие козыри. Рамиреса ведь тоже можно использовать. Только одному мне известно, что завтра он умрет...

— Ну, и не забывайте, что у меня в руках двойник Рамиреса. Он цел и хорошо себя чувствует, и я в любую минуту могу выпустить его на свободу или послать генералу Кастельяно. Этот человек — вылитый кондитер, и только мы двое, вы и я, знаем, что это не одно и то же лицо. Поэтому категорически вам советую, полковник, не предпринимать против меня ничего.

Негадес промолчал. Трубка буквально излучала ненависть. Я хмыкнул и продолжал:

— Вам только и нужно — добыть информацию, а остальное мое дело. Я найду и вывезу настоящего Рамиреса, после чего исчезну из страны, и вы больше обо мне никогда не услышите.

Через несколько мгновений Негадес ответил:

— Сейчас комендантский час, значит, вы, Медина, все равно никуда не сунетесь. Завтра же в пять часов утра позвоните мне, к этому времени нужная вам информация, думаю, будет у меня в руках. Это вас удовлетворяет?

Я положил трубку.

Прибыл я из будущего, а своего собственного будущего не знал, да и знать не мог. Не ведал, что со мной будет в ближайшие часы. Не догадывался, что замыслил против меня новый диктатор Боливарии полковник Негадес. Случись наихудшее и закончи я здесь свое биологическое существование, хроноклазма никакого не будет. Я никто! Для моих современников — всего лишь инспектор третьего класса Медина, исполняющий обязанности ищейки. Погибни я во время операции, взамен пришлют кого-то другого.

А для живущих здесь я не значу даже и этого. Всего-навсего какой-то бродяга-иностранец, без роду и племени. В крайнем случае, швырнут в безымянную могилу, и — конец. Никто не заплачет.

Никто?

Ну, разве что Флора...

Баракс разбудил меня без четверти пять. Лоренцо и Рамирес спали. Морщины на лице незадачливого диктатора разгладились. Он спал безмятежным сном.

— С востока доносится стрельба,— доложил Баракс. Но я, как ни вслушивался, ничего не услышал.

— До источников звуков около 35 километров,— пояснил мой помощник. Он считал совершенно естественным, что воспринимает звуки, которые, как бы я ни старался, мне никогда не услышать. Чувствительность его датчиков значительно превышает возможности человеческих органов чувств.

— Танки идут. По асфальтированному шоссе. Да, еще пять или шесть вертолетов,— добавил Баракс. На таком расстоянии ни танки, ни вертолеты нам ничем пока не угрожали, поэтому он заговорил о другом:

— Что будем делать?

— Если Негадес нападет на след, пойду в условленное место.

— В одиночку?

— А Рамиреса кто будет стеречь? Пока кондитер в наших руках, полковник будет плясать под нашу дудку.

— Не очень-то на это надейся.

Ровно в пять я набрал номер. Солнечные лучи рассыпали золото. Легкий ветерок шевелил цветы и ветки живой изгороди, обрамляющей подстриженный газон. Я надеялся, что с Флорой не случилось ничего плохого.

— Медина слушает.

— Доброе утро, сеньор,— подобострастно отозвался секретарь.— Сеньор президент просил вам передать...

— Слушаю!

— Вчера патруль дважды отправлялся на прочесывание верхнего этажа летней резиденции. В обоих случаях солдаты возвращались, не выполнив задания. Один из патрульных признался, что не успел он ступить на площадку верхнего этажа, как его затошнило. Сержант, старший в патруле, тут же велел вернуться, чего впоследствии никак не мог объяснить. По приказу президента дворцовая стража прекратила все операции и была удвоена. Его превосходительство сказал, что вы можете войти во дворец. Он уже распорядился, чтобы вас пропустили. Он только просил, чтобы, во избежание лишней огласки, вы шли поодиночке.

— Ясно. Все в порядке. Буду через час.

Мы с Бараксом ехали по городу. Навстречу то и дело попадались солдаты. На перекрестках пустынных улиц торчали танки и броневики. Никто меня не остановил. Хотя уже совсем рассвело, прохожих почти не было. Боливар, казалось, вымер.

Белоснежный летний дворец с множеством башенок и шпилей, со стрельчатыми окнами совсем не походил на крепость. Просто светилось веселое пятно среди зеленого парка, полного цветов. Железная кованая ограда вела вдоль плавно изгибающейся дороги. На тротуаре стояли солдаты. Я на всякий случай остановил машину в отдалении и уверенно зашагал ко входу.

— Я — Рой Медина. Командир охраны должен быть предупрежден о моем приходе.

Секретарь не солгал — меня и в самом деле ждали.

Навстречу мне вышел совсем молодой офицер, смуглый и подтянутый. Он протянул мне руку.

— Лейтенант Райас. Мне приказано сопроводить вас на верхний этаж дворца.

— Что произошло с патрулем?

— Не ясно. Во всяком случае, туда они не добрались. Говорят, что не смогли.

По всему было видно, что дело казалось лейтенанту очень странным.

С улицы к воротам подкатил черный лимузин. Райас извинился и отошел от меня. Через минуту он вернулся. Я догадался — что-то случилось. Он прятал глаза, и поведение его вроде бы изменилось, хотя он и старался это скрыть.

Я понимал, в каком положении должны были находиться армейские офицеры. В стране появился новый президент, однако никому не было известно, что стало с предыдущим, то есть Рамиресом. Люди вроде Райаса верно служат президенту — любому законному главе правительства, которому они присягали на верность.

— Что случилось?— спросил я.

— Нет, ничего,— он смешался и опять отвел глаза.

— Что бы там ни было, прошу продолжать охранять дворец. Не выпускайте никого, пока я не разрешу,— сказал я.

Лейтенант почему-то усмехнулся.

Я стоял спиной к двери и вдруг позади себя услышал какой-то шорох. Прежде чем я успел оглянуться, голову пронзила острая боль. Я лишился чувств.

Придя в себя, я сразу же отметил, что, во-первых, лежу навзничь, а, во-вторых, голова все еще болит: видимо, удар по затылку был нанесен рукой специалиста. Прежде чем открыть глаза, я некоторое время прислушивался. Вокруг было тихо. Для начала я как можно незаметнее сделал несколько глубоких вдохов-выдохов. Меня очень интересовало, где я нахожусь. Медленно и осторожно я открыл глаза.

Тесная каморка с беленными известью стенами. Стены близко, подозрительно близко. Потолок тоже невысоко, если встать на ноги, можно дотянуться. Я сел и увидел, что сижу на примитивной кровати, сколоченной из досок. Несомненно, это были тюремные нары, а каморка — камера. До сих пор и то и другое были известны мне только по лекциям. Голова ужасно болела. Я был один. Под потолком светилось маленькое окошко. Наверное, снаружи сияло солнце. Или это был искусственный свет? Неизвестно. Прямо передо мной была железная черная дверь.

Мне никогда в жизни не было так плохо. Перед глазами все расплывалось. Я снова улегся на нары, вздохнул и потерял сознание.

Очнулся я вовремя: в камеру вошли несколько человек. Я хотел было подняться, но один из них грубо толкнул меня на нары. Лица их рассмотреть я не мог: меня все еще захлестывали волны темноты.

— Ну, птенчик,— начал один из них хриплым голосом.— Шефу хочется услышать ответы на два вопроса.

Язык с трудом ворочался у меня во рту. Мысли разбегались, я едва соображал. Но гости не дали мне времени на размышление.

— Где кондитер?— зарычал хрипатый.— И где спрятана лента с записью?

«Значит, это люди Негадеса. Полковник желает заполучить компрометирующую его запись. И в придачу Рамиреса. Словно сквозь туман я увидел у одного из них странное устройство. По-моему, раньше это называлось шприцем.

— Ничего в...вам... не скажу,— пробормотал я, не в силах в полной мере осознать грозящую опасность.

— Скажешь,— заверил меня хрипатый.— Твое счастье, что нам некогда ломать тебе кости и мы выбрали метод более скорый.

Я почувствовал укол. В голове зашумело, но это не было вызвано болью. Я вдруг стал каким-то легким — и больше уже ничего не ощущал. Летел высоко, освобожденный из мира обязанностей, из мира страхов, из мира проклятой гравитации.

— Говори!— подгонял меня чей-то голос.— Где кондитер? Где спрятана лента?

И я заговорил! Рассказал о районе Хувентул. Сказал об улице Альжерирас. Не утаил даже, что запись у моего напарника Баракса, который дожидается меня тоже на улице Альжерирас. Выбалтывая все это, я глупо посмеивался, даже хихикал. Люди Негадеса поспешно вышли. А я этого даже не заметил, паря в полутьме, без мыслей, без чувств.

Сознание ко мне вернулось только вечером. Четырехугольник окошка чернел на белой стене. Горела свисающая с потолка примитивная лампа накаливания.

Голова трещала. Я вообще ничего не чувствовал. Тело казалось пустым, я не слышал даже биения моего сердца. Только ценой значительных усилий удалось восстановить в памяти происшедшее — и меня охватили стыд и ярость: я выдал Баракса! Попался, как желторотый сопляк! Без всякого сомнения, за всем этим стоял Негадес. Только он знал о записи, только в его интересах было избавиться от нее во что бы то ни стало. И, скорее всего, только ему одному мешал кондитер Рамирес или его двойник, что, впрочем, было одно и то же.

Что происходит на вилле? Где Баракс?

Мне вспомнилось, с какой сердечностью принял меня лейтенант в летней резиденции, однако не прошло и минуты, как кто-то подъехал и отношение ко мне офицера круто изменилось. Очевидно, он получил приказ относительно моей персоны. Я ходил по камере, ненавидя самого себя, весь мир, двадцатый век. В какую гнусную западню я дал себя увлечь!

Наверное, за мной наблюдали скрытые камеры, так же, как и во время моего пробуждения здесь, так как вскоре отворилась дверь и вошли несколько человек в форме. Это были не полицейские, они скорее походили на военных. Двое из них сковали мне запястья наручниками, третий, стоя на пороге,

достал листок бумаги и, строго глядя на меня, прочитал наизусть:

— Боливарский чрезвычайный военно-полевой суд приговаривает иностранного шпиона и террориста Роя Медину за покушение на бывшего президента Боливарии Рамиреса к смертной казни. Приговор привести в исполнение немедленно.

Ноги подо мной подкосились. Смерть? И вдруг я сообразил, что нахожусь в прошлом. Смерть — одна из древних форм наказания. Конечно, в наше время ее не существует, но здесь и сейчас... Они меня и впрямь готовы казнить. И не видят в этом ничего необычного. Для них это в порядке вещей. Будничная работа. У меня ведь всего одна жизнь! Я простой смертный. Только Баракс вечен!

— БАРАКС!

Я понятия не имел, где расположено здание, в котором я был заперт. А если за городом? Как далеко может быть Баракс? Наверное, телепатический сигнал ему не передать. Если бы он воспринимал мои мысли, я был бы на свободе давным-давно. Да, Баракс не близко. Преодолеть это расстояние, и быстро!

Языком я нащупал нижний восьмой справа зуб. Крайний коренной зуб. Язык отыскал маленькую кнопку. Сколько я тренировался снимать ее с предохранителя!.. Получилось! Кнопка была свободна! Код? Какой же код? Обычного маяка наведения недостаточно. При помощи миниатюрного радиопередатчика, какие в свое время вмонтировали в Галаполе в зуб каждому инспектору, мне нужно было как можно скорее передать сигнал «Спасите наши души». Три длинных, три коротких, три длинных — автоматическое устройство импульс за импульсом выплескивает в эфир отчаянный призыв.

Меня ведут пустынным коридором. Резкие звуки шагов эхом отдаются от серых стен. Шагающий позади солдат сверлит взглядом мою спину. Спускается по лестнице. Еще коридор. Часовой у зарешеченной стены долго ищет ключ, вставляет его в скважину, с трудом поворачивает. Дверь раскрывается со скрежетом. За нею опять коридор, уходящий вдаль. На потолке тлеют слабые потолочные светильники. Все это напоминает декорации какого-то приключенческого видеофильма. С той разницей, что фильмы я смотрел дома, сидя в уютном кресле, а теперь конвоиры-солдаты ведут на плаху меня, Роя Медину, работника Галактической Полиции... Не знаю, долго ли мы шли...

Радиус действия микропередатчика 25—30 километров, и сейчас все зависит от того, принимает ли Баракс мои сигналы и поспеет ли он вовремя!

Я уже сбился, подсчитывая лестничные пролеты, зарешеченные двери, бесконечные коридоры и холодные запертые засовы.

Офицер приказал остановиться — мы подошли к очередной двери. Как я буду вести себя в свои последние минуты? Гордо? Отважно? А что станет с моим телом? Останется здесь, за тысячелетие до своего времени? Здесь его похоронят, хотя

в соответствии с законами времени не родился еще на свет даже мой прапрадед.

— Отпереть!— скомандовал офицер. Двое солдат навалились на дверь, и она открылась. Меня вывели в окруженный со всех сторон бетонными стенами узкий коридор. Стояла ночь. Свет горел только в нескольких окнах. У стены дожидался взвод солдат. Они стояли неподвижно, словно статуи.

Я огляделся. Баракс, где ты? На тебя вся надежда...

Наручники с меня сняли. Подошел офицер. Его лицо белело во мраке.

— Есть ли какие-нибудь пожелания?— спросил он сварливым голосом.

Наверное, это и есть последнее желание приговоренного, припомнил я. Читал когда-то. Лихорадочно стал размышлять, что бы такое придумать, чтобы выиграть время, но прежде чем успел проронить хоть слово, офицер повернулся.

— Желаний нет, следовательно... Сержант!

— Есть!— из шеренги выступил солдат, заметно старше остальных по возрасту.

— Отведите приговоренного к стенке!

На подкашивающихся ногах я потащился за солдатом. Одновременно, подчиняясь отрывистой команде, замерший посреди двора взвод солдат колыхнулся и, гулко чеканя шаг, отошел к противоположной стене.

«Это и есть экзекуционный взвод!»— похолодел я.

— Повернитесь. Глаза завязывать?— спросил сержант. Спросил совершенно нормальным, спокойным голосом. Словно спрашивал, не подать ли стакан воды. Это показалось мне таким невероятным, что я растерялся и в следующие секунды не мог сосредоточиться на чем-либо. Видимо, сержант разглядел в моих глазах немой протест, потому что убрал платок и отвернулся. Прожекторы светили прямо в глаза, я стоял, как на сцене, ослепленный юпитерами, не видя зала.

А в «зале» прозвучала еще одна команда, и настала тишина. Глубокая, жуткая тишина. Немигающие лампы сияли. Мир вместе со мной погружался в небытие. Ружейного залпа еще не было слышно, еще нет! Не гремели военные башмаки. Молчание и тишина!

Я оцепенел от страха. Сейчас конец, сейчас... Потом мне показалось, что я слышу залп.

Однако было тихо-тихо.

Потом...

— Я здесь, Рой,— послышался знакомый голос.

Ужас понемногу отступал, как уходит ледяная морская волна.

— Баракс?

— Да,— отозвался он обычным своим спокойным голосом.— Я стою среди солдат.

Он был окружен неподвижными телами в форме.

— Излучение?— спросил я негромко, пытаясь унять бешено колотящееся в груди сердце.

— Ясное дело. Пускай вздремнут чуток,— отозвался он.— Но черт побери, что с тобой было, Рой?

Прежде чем я собрался с мыслями, из окна грохнул выстрел, и пуля свистнула у самого моего виска. Мерзкое ощущение. Инстинктивно я кинулся за широкую спину Баракса. В это время из железной двери выскочил солдат с автоматом и прицелился в нас.

— Силовое поле!— крикнул я. Баракс, наверное, успел подумать о том же. Между принятием решения и действием прошло шесть тысячных долей секунды. Еще бы, при включении третьей ступени! В таких случаях реакция Баракса столь стремительна, что ее не уловить человеческим взглядом.

Силовое поле Баракс применяет неохотно: этот способ обороны поглощает очень много энергии. Но на сей раз он решил, что другого выхода нет.

Прозвучала автоматная очередь, но нас было уже не достать. Однако несколько пуль все же попали в Баракса до того, как поле стало вокруг нас несокрушимой стеной. На пиджаке его одна за другой появилось несколько отвратительного вида дыр. Но длилось это всего миг — сработало лучевое оружие, и солдат повалился ничком.

— Идем отсюда!

Баракс обхватил меня сильными руками. Я уцепился за его руку, и мы полетели. Сначала вертикально вверх: желудок у меня как бы оборвался. Одновременно Баракс поливал все вокруг снотворным излучением. Стрельба утихла. Крыши казарм провалились вниз.

Мы быстро мчались над улицами. Гравитационный двигатель бесшумно и легко нас нес. Горизонт раздвигался. Внизу светились только уличные фонари, а жилые кварталы казались черными прямоугольниками.

— Что на вилле?

Баракс ответил не сразу:

— Рамиреса убили.

— Опустись в каком-нибудь парке.

Бесшумно и мягко мы приземлились на траву.

— Рассказывай.

Мы стояли на траве меж розовых кустов и декоративных растений. Парковые деревья разделяли окутанные ночным мраком окрестности на равномерные квадратные промежутки. В отдалении блестели городские огни. В воздухе царил густой аромат цветов.

— Все утро от тебя не поступало сигналов, и я понял — что-то случилось. Однако передатчики ничего не улавливали. Наверное, расстояние было слишком велико. Лоренцо тоже беспокоился, что ты молчишь. С Рамиресом не было никаких хлопот. Шло время. Потом вдруг после 15 часов по местному времени мои датчики выхватили неясный сигнал, слишком маломощный, чтобы запеленговать источник. «Это когда мне сделали тот проклятый

укол»,— подумал я. Вскоре к вилле со всех сторон одновременно подъехали машины.

— Они окружили улицу Альжерирас,— прошептал я.— Ищейки Негадеса получили подкрепление. Машины были армейские?

— Да. Я быстро сориентировался. Наглухо заблокировал окрестности в радиусе двух или трех кварталов. Но было еще неясно, в самом ли деле они охотятся за нами. Мы вывели машину из гаража. Лоренцо сел сзади с Рамиресом, я — за руль.

— Молодец, нельзя было дожидаться, пока они начнут штурм,— похвалил я Баракса.

— Они пошли цепью, словно охотились на волков. Быстро приближались прямо через дворы и сады. Я дал газ, и мы поехали вниз по улице Альжерирас.

— Но все было перекрыто?

— Естественно. Не проехали мы и ста метров, как навстречу выскочили два военных джипа. За ними бежали солдаты в полевых мундирах с нацеленными на нас ружьями. Мне пришлось включить силовое поле.

— Хорошо сделал.

— Как раз наоборот. Но заметил я это только через несколько секунд. Я вел машину так, чтобы проскользнуть между вездеходами. Они открыли по нам огонь, и наша машина остановилась.

— Да, под воздействием силового поля возникает наведенное магнитное поле.

— Электрическое зажигание машины отключилось. Двигатель заглох. Следовало немедленно принять решение: оставить поле, но тогда машина так и останется посреди дороги и рано или поздно загорится, потому что изрешечена пулями, или отключить поле и как можно скорее уносить ноги... Я убрал поле, запустил мотор и дал газ. Лоренцо что-то кричал сзади, но я его не слышал. Солдаты бросились в погоню. Я применил излучение, и это дало нам некоторое преимущество. Однако ненадолго — они продырявили нам колеса. И тут же Рамирес получил две пули, одну в голову. Жить ему оставалось считанные минуты.

Лоренцо ранили в плечо. Когда машина остановилась, необходимо было что-то предпринять, потому что неприятель приближался. Нужно было выбирать: Рамирес или Лоренцо. Под колпаком моего силового поля мог поместиться только один из них. Кого же мне было взять с собой — полуживого диктатора или раненого друга?

— Рамирес все равно был обречен,— прошептал я после паузы.

— Я тоже так решил,— кивнул Баракс.— У меня не было ни минуты раздумья. Биодатчики отметили, что сердечная деятельность Рамиреса прекратилась. Наступила клиническая смерть. Скончался он в ту самую минуту, когда я затащил Лоренцо под колпак своего силового поля. Потом включил третью ступень реакции и бросился вперед.

Я представил себе это зрелище со стороны. Включив третью

ступень, Баракс был способен передвигаться с головокружительной скоростью. Он удаляется от точки старта, как спринтер в фильме, пущенном с ускорением.

— Я бросился вперед, а Рамирес остался на тротуаре. Я пробежал улицу Альжерирас, и лишь когда потерял солдат из виду, снизил скорость до нормальной. Слегка одурманил Лоренцо, чтобы он не сообразил, как нам удалось уйти от погони. Позже, когда он пришел в себя, я сказал ему, что это из-за раны в плечо ему привиделась всякая ерунда. Потом я перевязал Лоренцо рану и посадил в такси. Он сказал, что поедет в порт, потому что там его ждут Эстрелла и профессор. А я дождался следующего такси и велел ехать в сторону Летней резиденции. В парке неподалеку дождался темноты: думал, что ты все еще там, во дворце...

— А потом вдруг пришел сигнал со стороны?

— Да, с совсем другого конца города! Я быстро запеленговал источник сигнала и, не опасаясь, что меня кто-нибудь увидит в кромешной тьме, поднялся в воздух. Шеф инструктировал меня, что антигравом можно пользоваться только по ночам.

Вокруг стояла тишина. Пахли розы, деревья стояли, как черные стражи.

— Идем, Баракс.

— Куда это?

— В Летний дворец. К Диппу Килиосу.

По дороге мы разработали план действий. Теперь нам противостоял не примитивный туземец Негадес, а наш современник и достойный противник. Нечего было и надеяться, что Дипп Килиос сдастся без борьбы. Пришлось тщательно обдумывать каждую деталь.

— Думаешь, обойдется?— скептически проронил Баракс под конец.

— Чего ты опасаешься?

— Я боюсь за тебя, Рой.

Я почувствовал, что меня накрыло какой-то теплой волной. Никто никогда не беспокоился обо мне. Почему? Почему Бараксу пришло такое в голову? «Кого возьмете с собой, инспектор?»—«Только Баракса»— вспомнил я разговор с Шефом. И вот вам доказательство того, что я не ошибся в выборе помощника. Баракс был хорошим партнером на Бете Кассиопеи, и на Марсе, и точно так же можно было на него положиться в древние века на Земле. Что бы там ни говорили в 3044 году, Баракс был не только машиной для исполнения конкретных и логических приказов.

— Не беспокойся, старик. Мы выиграем эту игру, но придется поставить на карту все!

— Это что, новая идиома?

— Да, запиши ее для шефа. Но сейчас я говорю серьезно. По-моему, на нас приготовлена ловушка, и ты или я должен сунуть в нее голову, чтобы второй мог вступить в бой и победить.

— Ты переоцениваешь мои возможности, Рой.

— Я уверен, что ты справишься. Если Килиос все еще во дворце, взять его можно только так. Не забудь, от меня ты не

получишь ни одного сигнала. Действуй самостоятельно, но из виду меня не выпускай, постоянно следи за событиями.

— В Летней резиденции толстые стены старинной кладки. Сквозь них ничего не увидишь, я уже пробовал.

— Не страшно. При твоих-то возможностях... Подумай о том, что только так мы можем возвратиться в свою эпоху, Баракс.

Пока мы летели, он размышлял. Летний дворец был уже недалеко: я сверху видел улицу, на которой он находился. Потом показалась ограда.

— У ворот несколько человек. Ограда не охраняется.

— А изнутри?

— Ни людей, ни собак я не чувствую.

— Тогда снижаемся.

Никем не замеченные, мы бесшумно пролетели над оградой и приземлились у стены дворца.

— Подними меня на балкон.

Секунда беззвучного полета — и я уселся на балюстраде балкона. Повернулся лицом к дому, встал ногами на каменный пол. Прошептал:

— Гляди в оба, Баракс!

— Это значит «быть начеку». Я готов,— сказал он и исчез.

Я вошел вовнутрь.

К счастью, балконная дверь была незаперта. Видимо, таким образом в теплые ночи старинный дворец проветривался. Я очутился в просторном зале, почти не обставленном. Вскоре глаза мои привыкли к полумраку. С оружием в руках я чувствовал себя в безопасности, но тем не менее тщательно следил за тем, чтобы не задеть что-нибудь.

Из зала я направился в дальний конец коридора, отыскивая лестницу наверх. Одна дверь была неплотно прикрыта, сквозь щель проникал свет. Из комнаты доносились голоса. Прижимаясь к стене, я подкрался и заглянул в щелку. Двое солдат слушали радио.

«Противниками демократии убит Гальего Рамирес. Тело его сегодня днем выставлено в зале парламента»— доносилось из приемника. Я бесшумно отошел от двери.

Лестница была в противоположном конце коридора. Горели маломощные электрические светильники, имитирующие свечи. На верхнем этаже стояла мертвая тишина. Килиоса здесь наверняка не было.

Этот этаж был отведен под кабинеты и канцелярии. На дверях виднелись таблички с именами и цифрами. И вдруг я вспомнил, что именно здесь, в этом дворце, Рамирес убедил президента Верунды и его свиту принять идею объединения двух стран.

Да, вольтранс! Если Килиос здесь, устройство тоже должно быть поблизости. Вероятнее всего, беглец во времени и шагу не делает без него. При помощи аппарата он способен подчинить своей воле кого угодно, даже меня.

Я судорожно перевел дыхание. Нет, лучше об этом не думать!

На последний этаж вела куда более узкая лестница. Как осторожен я ни был, шума не удалось избежать. Я затаился и замер, стараясь не дышать, слыша только звук собственного сердца. Через некоторое время до меня снова стало доходить, что мы находимся в двадцатом веке.

Перед дверью, выкрашенной белой краской, я остановился и прислушался. Во дворце стояла тишина. Дипп Килиос, ты где-то здесь, ты обязательно должен быть здесь! И мы застанем тебя врасплох, чего бы нам это ни стоило!

Я сунул руку в карман, нащупал бластер и тихонько приоткрыл дверь. За ней было темно. Зал? Коридор?

После некоторого колебания я отправился дальше. Деревянный пол поскрипывал под моими ногами. Снова стена. Я на ощупь двинулся вдоль нее. Вдалеке мелькнул очень слабый свет. Я стал медленно продвигаться в том направлении.

Еще один зал. Здесь пол был устлан толстым и мягким ковром, я пошел свободнее, удачно обходя столы, широкие кресла, направляясь к старомодной двустворчатой двери. Между створками просачивался и падал на пол желтоватый лучик.

Я заглянул в щель и, хоть и был готов к этому, почувствовал, что дыхание мое участилось. В комнате за широким столом сидел Дипп Килиос.

Во рту у меня сразу пересохло, сердце заколотилось где-то в гортани. Торопиться было уже ни к чему. Руку холодила рукоять бластера. Я видел только этого человека, больше никого и ничего. Он был очень похож на президента Рамиреса. Дуло бластера медленно закрыло его голову. Стоит мне пустить в ход оружие — и все наши проблемы будут решены. Еще секунда — и беглец будет в моих руках.

Я нажал на гашетку.

И ничего не произошло. Дипп Килиос сидел за столом, как ни в чем не бывало. Я решил, что бластер не сработал, и нажал гашетку еще раз. Шкала показывала, что доза достаточна, чтобы усыпить взрослого мужчину не менее чем на 20 часов.

Килиос поднял голову, теперь свет падал так, что можно было рассмотреть его лицо. Я поразился: Дипп Килиос улыбался. Это было подобие улыбки, но тем не менее все же улыбка.

На голове его поблескивал металлический обруч. Он окружил себя силовым полем! Провода индуктора опоясывали бедра и голову, откуда шли к металлическому кольцу, едва заметному в его буйной шевелюре.

Ну вот, еще одно устройство из числа тех, что он, по словам шефа, унес с собой в прошлое, если не считать вольтранса. Впрочем, об этом можно было догадаться заранее: о своей безопасности он всегда заботился.

В приступе бессильного отчаяния я опустил оружие. Килиос, не переставая улыбаться, проговорил:

— Входите, инспектор, я давно жду вас.

С порога я еще раз выстрелил, хотя знал, что без толку. Просто от отчаяния. Тут меня охватило странное чувство.

Поднялась дурнота, спазм вслед за желудком охватил всю грудную клетку и горло. Мне даже показалось, что я ощущаю, как сужаются сосуды в мозгу... Пальцы мои сами собой разжались, и бластер упал на пол. Надо было нагнуться за ним, но не было сил заставить себя сделать это. Я словно брел в море жидкого свинца, каждое движение давалось с трудом, требовало непосильного напряжения. Я тяжело дышал, и с меня градом лил пот.

— Что? Плохо себя чувствуете, инспектор?— с едкой иронией поинтересовался Килиос.

— Мои ноги...— пробормотал я с глупым видом. Язык 31-го столетия так естественно звучал в этих стенах, за десять веков до своего возникновения.

— Не тратьте зря силы, вы в моей власти: я парализовал вашу волю.

Кресло стояло всего в нескольких шагах, но, добравшись до него, я чувствовал себя таким измученным, словно тащил на плечах гору. Сел я с большим облегчением.

— Что вы хотите со мной сделать?

К счастью, думать и говорить было не трудно. Зато ни рукой, ни ногой пошевелить я был не в силах: Килиос, очевидно, еще больше увеличил мощность своего излучения. Дурнота постепенно миновала. Именно так описывали учебники ощущения *попавших под воздействие транслятора воли.*

— Имейте в виду,— продолжал я,— сколько веревочке ни виться, а конец все же будет.

Странное дело, воля моя была парализована, а я его не боялся. Правда, до известной степени тело все же повиновалось, я мог говорить, двигать губами, шеей, головой.

— Будет,— согласился он и положил перед собой лучевой пистолет.— Только не такой, как рассчитывает Галапол.

Я оценил взглядом расстояние до оружия. Нет, не дотянуться.

Он проследил за моим взглядом.

— Эти игрушки напоминают мне мое прошлое.

— Будущее,— поправил я. Он покачал головой.

— Для меня это прошлое. То, что давно миновало. Мое будущее в 20-м и 21-м веках.

— Не будет у вас никакого будущего,— возразил я.— Что не удалось мне, получится у других. Надо будет — Галапол пришлет сюда хоть сотню агентов.

— Не пришлет,— усмехнулся Килиос.— Ни одного.— Взгляд его был холоден и тверд. Решительный, беспощадный и *враждебный* взгляд.

Я не стал вступать с ним в дискуссию. Зато Килиосу, видно, охота было поболтать после одиночества, проведенного в последние недели. И ничего удивительного: с момента пересечения темпоральной границы ему постоянно приходилось прятаться. С той минуты, как в его силки угодил Рамирес, он даже на людях не мог показаться, сходство стало его темницей! Уже несколько недель он не был на свежем воздухе, не мог гулять по улицам и паркам Боливара, пообедать в ресторане. Следы лишений

отразились на его лице. Движения его были усталыми. Он сам себя засадил в самую страшную тюрьму, которую только можно себе представить.

Он прятался, чтобы Галапол поверил: Рамирес и Килиос — одно и то же лицо, и то, что случилось с президентом, случилось с ним. Неужели он рассчитывал, что, если Рамирес будет убит, ему удастся исчезнуть бесследно?

И вдруг появился я, человек из его бывшего мира. Некто, от кого не нужно, даже невозможно скрыть свои мысли и свою подлинную сущность. Все случившееся оказалось долгим, трагическим и рискованным балом-маскарадом, на котором ему приходилось бороться против чужого мира в одиночку, без товарищей, союзников, без друзей или сообщников.

И язык... да, наш язык. Наконец-то он получил возможность вновь им воспользоваться. Ему хотелось услышать хорошо знакомые слова. Он будет говорить! Нужно воспользоваться его настроением!

— Вы же знали, что Галапол пошлет нас по вашему следу.

— Конечно, знал. На этом-то я и построил свой план: рано или поздно вы должны были убедиться, что Рамирес — это я. Когда через настоящего Рамиреса я получил известие, что в его бывшей квартире на Королевской улице появились двое суперагентов, которых не удалось схватить, я был доволен собой. Значит, люди из Галапола заглотнули приманку. Прибыли вдвоем ловить меня...

Он засмеялся неприятным смехом.

— Килиос, я никак не пойму, вы в самом деле считаете, что вам удастся изменить ход истории?

Он ответил спокойно, хоть и не прямо на мой вопрос:

— Меня поразила профессиональная болезнь. Знаете, в последнее время историки частенько начинают испытывать влечение к эпохам, которые они исследовали и с которыми поэтому знакомы более тщательно. Быть может, случается так потому, что открыта возможность путешествовать во времени, и подобное влечение в любой момент может быть удовлетворено. Я тоже поддался этому соблазну. Как историку и исследователю времени мне несколько раз разрешали пересекать темпоральную границу и хотя бы на несколько часов попадать в 20-й век. И я очень переменился. Вообразил, что совершенствую технику путешествия во времени. Мы создали, по сути, систему параллельно существующих миров. Понимаете, инспектор? Прежде время текло только в одну сторону. То, что прошло безвозвратно, было уже недостижимо. Теперь мы в любую минуту можем воскресить любой момент прошлого. Мы добились того, что все эпохи существуют для нас одновременно. Чуть ли не простым нажатием кнопки можно перенестись в любое время и место, куда нам заблагорассудится. Подумайте только, палеонтологи изучают мир, каким он был 20 миллионов лет назад... А ведь уже работают над приборами, которые обеспечат возможность путешествия к моменту Большого Взрыва, положившего начало Вселенной — ко времени, когда, возможно, и времени-то не было...

Наверное, Дипп Килиос спохватился, что находится не на университетской кафедре. После короткой паузы он продолжал уже спокойнее:

— Я не нашел себе места в 31-м веке. И не только как историк, но и как человек. Особенности и законы моей профессии заставляют ученого всего лишь регистрировать прошлое, прорабатывать эпохи, процессы столкновения идей, классифицировать события, основываясь на каких-то критериях. Однако я не видел особого смысла в такой работе. Любой другой мог бы сделать это. А не сделал бы — тоже не страшно. Эта бесцельность угнетала меня, и все больше влекло живое, настоящее прошлое. Мне хотелось жить в нем, погрузиться в самый водоворот страданий и страстей, настоящей борьбы...

— Почему же вы не отправились в Средневековье?— спросил я иронически.— Скажем, побывали бы в «шкуре» гребца на галерах. Настрадались бы вдоволь!

— Ничего вы не понимаете! Наша жизнь словно запечатлена на каком-то суперкристалле видеозаписи. Четкое изображение, превосходный звук — и бесцветное, стерилизованное действие... Можно воспроизвести тысячу раз, а качество будет такое же. В 31-м веке нет даже неожиданностей. Более тошнотворной и безнадежной будет только эпоха, в которой люди победят смерть и будут жить вечно.

— Оставь эти басни, Килиос!— наш разговор начал действовать мне на нервы.— Не для того ты привез сюда генератор силового поля и схему вольтранса, чтобы погрузиться в давно прошедшую эпоху и воссоединиться с живущими здесь! Чепуха! Ты хотел иметь преимущество перед туземцами, а это значит — господствовать над ними! Вот твоя подлинная цель!

— И это тоже,— Килиос улыбнулся неожиданно искренне. В его холодных глазах разгорелось пламя.— Раз уж я решился на такой риск и должен был скрываться с одной стороны от агентов Галапола, а с другой — от людей, которые могли меня разоблачить, то с какой стати мне становиться одним из пяти миллиардов червяков, которые в любой миг могут быть стерты с лица Земли более сильным червем или погибнуть просто в результате несчастного случая? Никогда еще ни одному историку не выпадало счастье формировать исторические процессы и явления по своей воле и в соответствии с собственным воображением! Я буду первым, инспектор! Первым! И мне выпал этот случай! Посмотрим, что будет, когда я столкну с пьедестала истории глиняного колосса! Я изменю очередность и порядок вещей, считавшихся необратимыми, потому что они произошли в прошлом, я сотворю мир заново, инспектор!

— Но последствия...

— Последствия меня не интересуют.

— Вам этого никто не позволит! Галапол сделает все возможное и невозможное, чтобы вытащить вас из этого времени!

— Думаете, я не знаю? Я готов. Галапол всегда посылает за беглецом во времени. Почему я должен быть исключением? Я уже обвел вокруг пальца двух агентов. Вот только не принял в расчет,

что вы не прикончите Рамиреса, а похитите его, и, таким образом, поймете, что он — это не я.

— Вы знали, что это мы напали на Рамиреса?

— Я догадался, когда узнал, что эскорт оказался парализованным. Лучевое оружие — из арсенала 31-го века. Я слышал, что вы действуете вдвоем. Что с вашим напарником?

— Убит.

— Значит, это был он? Час назад по радио сообщили... Какой-то Медина?

— Инспектор Рой Медина,— сказал я и проглотил слюну.

— Радио сообщило, что за нападение на президента Рамиреса расстрелян иностранный шпион. Из этого стало ясно, что его спутник на свободе и скоро явится ко мне. Догадаться, где я укрылся, было не трудно, не правда ли?

— Верно.

В голове у меня назойливо вертелось: «Негадес опять солгал. На этот раз обществу. Ведь приговор не привели в исполнение. Может, он надеялся, что ложное известие приведет моих предполагаемых союзников в замешательство? Я вспомнил о Лопесе, Лоренцо, Эстрелле... Значит, для них я уже мертв. Только бы Флора не поверила!»

— Значит, я в западне,— произнес я отчетливо, чисто выговаривая слова, потому что знал, что Баракс тоже меня слышал.— Килиос, вы знали, что Рамирес сегодня будет убит?

— Конечно, знал. Я достаточно скрупулезно проштудировал историю Боливарии за 1992 год. В архивах я выкопал старые пыльные материалы, которых рука исследователей не касалась по меньшей мере лет 800. С точки зрения будущего этот регион был совершенно незначителен, именно поэтому он меня и притягивал. Убежав из стерильного мира, именно здесь я мог бы найти самого себя. Конечно же, у меня с собой было несколько схем. Но только для того, чтобы стать хозяином своей судьбы. Мне было известно, что днем 31 мая изрешеченный пулями труп Рамиреса будет найден на улице в районе Хувентул. Следовательно, Галапол и все остальные организации в будущем, разыскивающие меня, будут убеждены, что я убит, и откажутся от преследования.

Значит, я был прав! Именно так планировал Килиос! Но... вместе с тем это означает, что... Килиос заметил смятение на моем лице и злорадно улыбнулся.

— Догадываетесь, инспектор? Конечно, вы не вернетесь в будущее, не сможете сообщить, что я все еще жив. Агенты Галапола начнут разыскивать вас и узнают, что вы с вашим приятелем, ликвидировав Рамиреса-Килиоса, пали жертвой безжалостного режима. Если одновременно с его гибелью и я исчезну из поля деятельности Галапола, я — выиграл. В следующий раз появлюсь только тогда, когда в моих руках будет власть и возможность преобразить этот мир! Но до того момента я должен раствориться в толпе. Бесследно исчезнуть, инспектор!

В его темных зрачках загорелся странный огонь. Ведь Килиос был уверен, что я — единственный свидетель, способный поме-

шать ему в осуществлении планов. И этого свидетеля нужно было убрать. Я не мог предугадать, в какое мгновение он решится на последний шаг. Похоже, Килиос не собирался торопиться. Ему прежде хотелось насладиться моим поражением. И в этот момент я заговорил:

— Вам не скрыться, Килиос. Галапол никогда не примирится с потерей сотрудника. Потянут за одну ниточку, за другую и поймут, что Рамирес — это не вы. Ведь кондитер здесь жил с самого рождения!

— К этому времени я буду уже далеко. Весь боливарский эпизод был нужен мне только для того, чтобы инсценировать собственную кончину. А сейчас все позади, и я уеду в другую страну. Спасибо Рамиресу, теперь в моих руках огромные средства: я завладел львиной долей государственного золотого запаса Боливарии. Я исчезну — и не останется ни малейшего следа!

«Я здесь, Рой!»

Восприняв телепатический сигнал, я без колебания скомандовал: «Действуй!», а вслух спросил:

— Вы бы удивились, если бы я заявил, что вы все равно проиграли? Что никуда уже не сбежите?

— Я только посмеялся бы, инспектор. Меня никто и ничто не остановит.

— Всю нашу беседу я записал на звуковой кристалл, Килиос. Микрофон у меня за лацканом пиджака. Можете полюбопытствовать... Приемник на улице, в моей машине...

В его темных глазах мелькнула растерянность. А я неторопливо продолжал:

— Разыскивая меня, агенты Галапола найдут и машину, и запись. Вот тогда-то и начнется настоящая охота, мой дорогой. Вы же знаете, что убийство соотечественника, да к тому же офицера Галапола, правительство не может оставить безнаказанным.

Он задумался.

«Куда подевался этот Баракс?— промелькнула у меня нетерпеливая мысль.— Он что, не понимает, что моя жизнь снова в опасности?»

Обливаясь потом, я продолжал:

— Сдавайтесь, Килиос. Поедем обратно в 31-й век, может быть, суд смягчит вам наказание.

— Десять лет на безлюдном острове?— он засмеялся.— Нет уж, предпочитаю скрываться. Но из происшедшего я извлек урок — никогда больше не появлюсь, это точно. Всегда оставаясь на втором плане, действуя из-за кулис, изменю мир. Стану вождем примитивных туземцев, жителей 20-го века. Завладею их наукой, их деньгами, даже их ядерным оружием...

Я приходил ко все более твердому убеждению, что Килиос нездоров. Нормальный человек ни за что не решился бы на такой шаг. А он взял со стула лучевой пистолет и направил на меня.

И тогда прозвучал голос Баракса:

— Не двигайтесь, Килиос!

Голос доносился со стороны дверей. Я не мог оглянуться,

голова не поворачивалась. В поле моего зрения был только Килиос. Историк не подчинился приказу. Он мгновенно повернул пистолет и выстрелил. Мне было видно, как мигнул индикатор. Он стоял на отметке максимальной мощности. Это означало смерть!

Как ни в чем не бывало, Баракс шел к столу.

Шаг. Еще шаг.

Килиос судорожно дергал спусковой крючок. Он выстрелил еще четыре раза, прежде чем сообразил, что это ничего не дает.

— Сдавайтесь, или я приведу в действие дезинтегратор,— бесстрастно сказал Баракс, надвигаясь на испуганного Килиоса.

— Нет!— воскликнул беглец.— Я защищен силовым полем! Ничего твой дезинтегратор мне не сделает!

Баракс надвигался, не останавливаясь. Все его устройства были наготове в ожидании единственного подходящего момента. Бараксу будет достаточно тысячной доли секунды, чтобы нанести неотвратимый удар. Влияние вольтранса не ослабевало. Я все еще не в силах был пошевелить хотя бы пальцем. Мою волю сковывали путы крепче стали. Килиос прыгнул к столу.

— Ну, против вольтранса тебе не устоять, сукин сын!

Баракс невозмутимо надвигался. Напрасно Килиос увеличивал мощность аппарата, тщетно хлестал его пучком излучения. Лицо его исказилось: он понял, что бессилен. И в этот момент из пальца Баракса ударил тонкий луч лилового света. Раз, другой. И я почувствовал, что освобождаюсь от действия вольтранса.

Баракс лазаром сжег этот прибор.

Дипп Килиос не стал дожидаться, что будет дальше. Оказывается, в коконе силового поля можно двигаться достаточно быстро. Тяжело дыша, он встал между мной и Бараксом.

— Убирайтесь вон, или я сейчас втащу инспектора под защиту силового поля и убью!

Перед силовым полем и Баракс был бессилен. В полутьме смутно белело его лицо. Пошевелиться я все еще не мог — мышцы так задеревенели, что малейшее их сокращение вызывало боль.

Баракс решительно заговорил:

— Я работник Галактической Полиции. От имени инспектора Роя Медины я объявляю вас арестованным, Дипп Килиос!

— Нет!— воскликнул Килиос. Он прыгнул, протягивая ко мне руки. Я был еще слаб, руки висели плетьми и сопротивляться было невозможно. Его скрюченные пальцы вцепились в мое тело.

Больно! Тело охватило огнем. Подо мной словно что-то взорвалось. Я почувствовал, что падаю в черную бездну.

...На рассвете я пришел в себя и не сразу сообразил, что мы все еще в тайнике Килиоса в Летнем дворце.

Я лежал в постели, а неподалеку на полу валялся Дипп Килиос. Неизвестно, спал он или был мертв.

Ко мне наклонился Баракс.

— Ну, наконец-то,— произнес мой друг с упреком.— Я уж думал, что ты очнешься только на будущей неделе.

— Привет. Будь добр, дай стакан воды. В горле совсем пересохло.— Я сел. Очень хотелось пить. Прежде чем подать

стакан, Баракс окунул в него мизинец.— Не валяй дурака, Баракс! Зачем ты изображаешь невоспитанного кельнера из туземного кафе?

— Я не валяю дурака,— обиделся он.— Я проверяю, не вреден ли для человеческого организма химический состав здешней воды. Я же должен о тебе проявлять заботу.

— Чего ты сердишься? Еще только утро, я проспал всего часа два.

— Ты дрыхнул двадцать шесть часов!

— Что?

— Тебе досталось немного, когда я ударил его парализующим лучом. Сегодня второе июня.

— Кто меня парализовал?— переспросил я недоуменно.

— Я,— сказал Баракс спокойно.

Его слова были для меня такой неожиданностью, что я вскочил. Тело слушалось безукоризненно, в мышцах не осталось и следа паралича. Видимо, я в самом деле проспал больше суток. Я начал смутно что-то припоминать.

— Минутку, дружище. Помню, Килиос потянулся ко мне, по-моему, даже схватил...

— Так все и было,— Баракс спокойно кивнул.— Из-за силового поля нападать на него было бесполезно. А когда он пригрозил, что втащит тебя под силовое поле, я понял, что наконец подвернулся случай разделаться с ним. Твое тело могло проникнуть в пространство, прикрытое силовым полем, только если бы Килиос выключил его. Хоть на короткий миг. Известно, что другим способом границу поля не в силах преодолеть никакое материальное тело или излучение. Наш приятель рассчитывал, что ему будет достаточно секунды. Не видя в моих руках бластера, он подумал, что я безоружен. К тому же откуда ему было знать, что я способен на расстоянии разрушить стену силового поля, не говоря уже о том, что просто его выключить. Не знал Килиос и того, что я, не пошевелив и пальцем, могу с точностью до десятитысячной доли секунды привести в действие вмонтированный в мою грудную клетку бластер. И вот, едва Килиос выключил поле, чтобы втащить тебя к себе как заложника, я ударил его парализующим лучом.

— А заодно и меня.

— А что было делать? Насколько мне известно, еще никто не умер, пролежав сутки без сознания...— Я мог бы поклясться, что в голосе его звучала ирония. Он продолжал уже серьезно:— В течение десятитысячной доли секунды мне пришлось принять решение: брать ли Килиоса или позволить ему держать тебя и дальше, подвергая твою жизнь опасности. Ты тоже потерял сознание, но Килиос наконец-то в наших руках.

Логика Баракса была неопровержима. Я встал на колени и осмотрел пленника. Килиос дышал равномерно, казалось, что он спокойно спит.

— Скоро тоже проснется,— предупредил Баракс.— Ты моложе и крепче, поэтому проснулся первым. Что будем делать дальше?

— Все зависит от того, что происходит снаружи.

— Не хочу огорчать тебя, Рой, однако народ в смятении. Перестрелка не утихает со вчерашнего дня. Партизаны Лопеса сражаются с солдатами. Здесь, около дворца, тоже было жарко.

— Ты что, все 26 часов просидел возле нас?

— 26 с половиной,— поправил он.— Ну конечно, я опять забыл, что время для него течет совсем иначе. То есть совсем не течет. Летит стремглав. Полчаса для него — целая эпоха...— А сейчас 6 часов 44 минуты утра по местному времени,— закончил он все тем же бесстрастным тоном.

На этот раз хронотелефон работал прекрасно.

— Шеф?

— Да, Рой. Я слушаю.

— Мы взяли Килиоса и возвращаемся домой.

— Вас подберут в Сан-Фернандо,— ответил он.— Когда туда сможете добраться?

— Здесь очень неспокойно. Но к 12 по местному будем на месте.

— Вот и отлично. Между 12.00 и 12.06 майор Гуров пересечет темпоральную границу. Поторопитесь...

— Еще одно, шеф. Я о той женщине...

— Догадываюсь, что вы хотите сказать. Вы любите ее?

— Да...

— И хотели бы взять ее с собой в 31-е столетие?

— Да, шеф.

— Зная будущее, правительство санкционировало связь между вами и той женщиной,— сейчас голос шефа был холодным, словно он готовился предостеречь меня от чего-то.

— Зная будущее?

— Рой, у меня в руках фотокопия одной из боливарских газет. Газету выпустило правительство Народного фронта через неделю после того, как путч был подавлен. В ней есть некролог...

Сердце мое застучало, как молот. А шеф продолжал:

— Сеньора Флоренция Вадерос, 34 года, улица Альжерирас, 186, супруга известного дипломата, на второй день путча врезалась своим автомобилем в неожиданно выехавший из боковой улицы военный бронеавтомобиль и скончалась на месте... Рой!..

Что было потом, не знаю. Баракс выключил телефон. Помню только, что я сидел и тупо глядел в пол. Не знаю, сколько времени это продолжалось.

Флора... Передо мной вставало ее лицо. Я чувствовал прикосновение ее пальцев. Флора... мертвая...

В голосе Баракса прозвучало сочувствие:

— Я все понимаю, Рой, но подумай, как мало времени у нас с тобой осталось. В 12.00 нам надо быть в Сан-Фернандо. Вместе с Диппом Килиосом.

Имя это подействовало на меня, как стакан холодной воды. Я очнулся. Килиос! Да, сейчас наша цель — Килиос. Это работа, задание, долг. Нужно было забыть о Флоре.

Я подошел к окну и увидел, что на газонах, на тротуарах стояли сотни людей. Они облепили даже железную решетку

ограды. Некоторые размахивали флагами. И все хором скандировали какие-то лозунги. Перед ними на истоптанном газоне среди розовых кустов стояли солдаты с ружьями на изготовку. Нетрудно было догадаться, что назревает вспышка. Если ничто не помешает...

Все это очень встревожило меня. Что бы мы ни предприняли, какие бы технические средства ни применили, среди бела дня это ничего, кроме хроноклазма, не вызовет. Короче говоря, с Килиосом нам через толпу не пройти, не привлекая внимания. Ведь у него внешность Гальего Рамиреса.

А Килиос вскоре проснется! Надо поторапливаться. Как же выбраться из дворца? Стрельба приближалась. Дрались уже где-то на прилегающих к дворцу улицах.

Еще раз я увидел перед собой лицо Флоры. Странным образом в это же время передо мной возник шеф. И я все понял. Они знали, что Флора умрет. Знали, когда я еще докладывал о нашей связи. Анализаторы, настроенные на ее фамилию, мгновенно обнаружили некролог. Именно поэтому шеф проявил такой либерализм и дал согласие на продолжение нашей связи. Он знал, что хроноклазма не произойдет...

Я обошел комнату. Лазер Баракса наполовину сжег вольтранс. Восстановить аппарат было невозможно, но на всякий случай мы разобрали его на мелкие части и расшвыряли по полу. Магнитные индукторы генератора силового поля постигла та же участь. Мы внимательно осмотрели помещение и уничтожили все записи и документы, принадлежащие Диппу Килиосу. Тем временем толпа снаружи увеличивалась. Шум усилился. Пора было уходить. Через несколько часов майор Гуров явится в 20-й век, чтобы вывезти нас отсюда.

— Угостить его еще порцией излучения?— Баракс спокойно кивнул на Килиоса. Беглый историк глубоко дышал, по его бледному лицу пробегали судороги. Все свидетельствовало о том, что он проснется в ближайшее время.

— Не нужно. В крайнем случае, свяжешь его,— отмахнулся я, нервно расхаживая по комнате. Вдруг на глаза мне попался телефонный аппарат, угловатый и несовершенный. А что, если? Больших надежд питать не стоило, однако это все же был шанс. Я набрал номер коммутатора.

Дворец все еще был в руках военных. Ответил дежурный.

— Мне младшего лейтенанта Райаса,— попросил я.

— Он сейчас в подвальных помещениях.

— Соедините меня с ним немедленно.

Прошло какое-то время.

— Райас у аппарата. Кто говорит?

— Рой Медина.

Наступила тишина, потом послышалось недоверчивое:

— Медина? Не может быть, его же расстреляли...

— Вы еще верите таким, как Негадес? Не с того же света я вам звоню!

Офицер был потрясен.

— Так вы живы?

— Можете убедиться. Я здесь, на самом верху. И со мной еще кое-кто. Приходите, сами увидите.

Я бросил трубку и стал ждать. Интересно, что подумает Райас, увидев пленника, да еще в таком состоянии?

— Баракс, уложи Килиоса в постель,— распорядился я быстро, и в этот момент на столе пронзительно зазвенели маленькие звоночки.

— Сигнализаторы датчиков с лестничной клетки?— удивился я.— Погоди, Баракс, как же ты прошел мимо них незамеченным?

— Пустяки,— откликнулся он.— Биодатчики реагируют только на характерное излучение человеческого организма.

В комнату ворвался лейтенант Райас. В его быстрых черных глазах светилось любопытство. Вид у него был уставший, щека нервно подергивалась.

— Медина, это в самом деле вы?

— Можете убедиться, что не призрак.

— Мадре де Диас!— офицер остолбенел: взгляд его упал на кровать.— Это же президент Рамирес! Значит, он жив?

— Да, приспешники Негадеса убили и выставили на всеобщее обозрение двойника президента. А Гальего Рамирес — вот он, правда, несколько одурманенный лекарствами. В свое время вы присягали ему на верность, лейтенант.— Я указал на лежащего.— Сразу же после покушения мы спрятали его здесь. В противном случае мятежники... ну, вы понимаете, что было бы в противном случае. Так вот, лейтенант, ваш долг — помочь нам спасти вашего законного президента.

— Да, да, конечно...— пробормотал Райас, беспомощно, совсем не по-военному. Но не прошло и минуты, как он пришел в себя. Смуглое лицо его вновь стало строгим, вдолбленная навеки уставная верность присяге победила.

Народный бунт был для него чужим и опасным. Революция могла лишить его достояния, положения в обществе, чина, возможно, даже жизни. Расчет был верен, лейтенант скорее всего встанет на сторону законной власти. В его представлении и революция, и путч Негадеса были недолговечными авантюрами. Он рассчитывал, что позже, когда положение стабилизируется, Рамирес наградит его. Наверняка он уже видел золотые звездочки на своем мундире.

Мои последние сомнения рассеялись. Килиос все еще не пришел в себя. Готовый вмешаться Баракс был поблизости.

— В городе восстание,— торопливо стал объяснять лейтенант.— Штатские голодранцы вооружились и штурмуют казармы и другие стратегические объекты. В окрестностях радиостанции идут тяжелые бои.

— Надо отсюда выбираться.

— Толпа вокруг дворца все увеличивается. Как только сюда подойдут вооруженные формирования, начнется штурм дворца. У меня всего полсотни солдат. Если мы окажем сопротивление, нас просто-напросто убьют.

— Машины у вас есть?

— Три грузовика и вездеход.

— Ну, так не связывайтесь с толпой. Неужели вы готовы рискнуть жизнью президента?— мы оба посмотрели на бледного, как смерть, Рамиреса.— Объявите, что вы сдаете дворец в обмен на то, что вас выпустят.

Он застыл в нерешительности, но тут где-то неподалеку застрекотал автомат. Со звоном посыпались осколки стекол, штукатурка с потолка.

— Пойду распоряжусь,— пробормотал Райас и облизнул пересохшие губы.

— Захватите бинты и три военные куртки.

Он сурово посмотрел на меня и выбежал. Вскоре внизу раздался его голос, усиленный мегафоном.

Вернулся он еще более растерянный.

— Порядок. Нам дают пятнадцать минут на то, чтобы освободить помещение. Потом сброд займется грабежом.

На Килиоса напялили мундир и забинтовали голову так, что получилась огромная чалма, закрывающая половину лица. Теперь в раненом солдате было не узнать президента Рамиреса. Затем переоделись и мы. Лейтенант поторапливал.

Снизу прибежал какой-то сержант.

— Сеньор лейтенант, сдаем объект?

— Так приказано,— Райас сжал пальцы в кулак.

На площадке перед дворцом солдаты садились в грузовики. Последними были повар с помощниками: они принесли с собой несколько окровавленных бараньих туш. Райас сел за руль головного вездехода. На заднем сиденье Баракс опекал Рамиреса. Я сел рядом с лейтенантом.

— Поехали!

Первым тронулся грузовик, за ним покатили мы. Я привстал на сиденье и бросил последний взгляд на дворец. Черный человеческий муравейник кишел вокруг белого здания, похожего на испанский торт. Город представлял собой печальное зрелище. Навстречу то и дело попадались дымящиеся остовы сгоревших автомобилей, перевернутые киоски и мусорные баки. Витрины большинства магазинов были разбиты, на перекрестке лежал мертвый человек, лицо его прикрыли газетой.

— Едем на юго-восток!— крикнул я.— Нужно выбираться на дорогу в Сан-Фернандо. Тогда президент будет спасен!

Райас кивнул, обогнал грузовик и вышел в голову колонны.

На часах было четырнадцать минут одиннадцатого.

Мы катили по знакомой Авениде де ла Пас. Ну, не смешно ли? Воинский эскорт сопровождал Диппа Килиоса к месту отправления в 31-й век! Моим коллегам из Галапола в иных эпохах, по-моему, еще не приходилось участвовать в столь дерзком предприятии. Так в 31-м веке назывались подобные лихие операции. Конечно, гордиться собой было не особенно много причин, потому что судьба наша еще не определилась окончательно, но все же...

В боковых улицах виднелись баррикады, тишину то и дело разрывал грохот канонады. К тому же Килиос начал просыпать-

ся. Он что-то бессвязно бормотал на нашем языке. К счастью, за гудением мотора его не было слышно. Баракс был наготове при первой необходимости усыпить историка новой порцией излучения. До развилки на южной окраине было рукой подать, когда путь нам преградила баррикада из грузовиков и старых автобусов. Над ними ветер трепал флаги, голые по пояс молодые люди размахивали автоматами. Райас затормозил, грузовики за нами тоже остановились. Посреди широкой открытой улицы мы были как на ладони — превосходная мишень для повстанцев.

— Укрыться!— закричал лейтенант. Я не совсем понял, что он собирается делать. Но тут первая очередь пронеслась над нашими головами. С осаждающими дворец мы договорились, но эти-то ничего не знали. Восставшие видели только, что перед ними солдаты ненавистного им режима.

Обе стороны начали готовиться к схватке. Партизаны только вступили в город, наверное, это была их первая стычка с правительственными войсками. По людям Райаса было видно, что им охота расквитаться за недавнее.

Положение не сулило ничего хорошего. Несколько секунд мы с Бараксом безмолвно совещались. Уходим.

Райас выскочил из машины и отдавал команды солдатам, которые под прикрытием грузовиков занимали огненные позиции. Это облегчало дело. Отрывисто застрекотали пулеметы.

Я пересел за руль и дал газ. На бешеной скорости мы помчались обратно. Над головами просвистело несколько пуль, с придорожных деревьев посыпались срезанные ветки. Взвизгнули шины, и я резко свернул в переулок. Потом снова повернул. Теперь мы ехали на юг — параллельно Авениде де ла Пас. Даже гул мотора не мог заглушить звуков стрельбы.

Эта дорога с автострадой не соединялась. Мы очутились на узком старом шоссе, меж приземистых жалких домов. И вдруг блеснула табличка: «Сан-Фернандо — 26 км».

— Давай снимем куртки,— предложил Баракс. Я согласился. Килиос пришел в себя, но по лицу его было видно, что он еще не понимает, где он и что с ним происходит. Баракс держал Диппа за руку, словно железными клешнями. Военную куртку я бросил на колени — вдруг пригодится. Под нее сунул лучевой пистолет.

Предместья постепенно уступали место трущобам. На перекрестках собирались кучками оборванные люди, в основном мужчины. Женщины с разноцветными пластмассовыми ведрами стояли в очереди к колодцу. Дети приветливо махали нам — наверное, принимали нас за партизан. Я помахал им в ответ.

Город остался позади. «Сан-Фернандо — 22 км»,— гласила следующая табличка.

Было уже около одиннадцати. Гуров пересечет темпоральную границу с точностью до десятых долей секунды, поэтому лучше приехать раньше, чем опоздать даже на несколько минут.

Мы даже подумать не могли, какое странное приключение приготовила нам судьба.

Джип мчался на юго-восток, шоссе было пустынно, и я уже

радовался, что до места мы доберемся без всяких хлопот. Беспощадно палило солнце, воздух обжигал наши лица. Вдали синели горы. Монотонно урчал двигатель, джип пожирал километр за километром, как здесь говорят. И вдруг на повороте я увидел танки! Я нажал на тормоза. Неуклюжие темно-зеленые стальные машины широкой цепью ползли через поле, окутанные клубами серого дыма. Их было не меньше сотни. Между ними катили пятнистые бронеавтомобили, подгребая под себя сожженную солнцем траву.

— Это, видимо, части генерала Кастельяно идут на столицу,— быстро проговорил Баракс. Его мозг за десятую долю секунды проанализировал положение и возможные варианты нашего поведения. Их было много, но ни один не гарантировал спасения. Наверняка офицеры уже заметили нас в бинокли, и, может быть, наш автомобиль уже попал в перекрестье прицела. И слева, и справа чистое поле, не скроешься!

В бессильной ярости я заскрипел зубами: все идет прахом в двух шагах от цели. Мы глупейшим образом угодили в случайную ловушку, влезли в нее вместе с Килиосом. А с ним бежать будет еще труднее, даже если вообще удастся унести ноги.

Ценой огромных усилий, применив лучевое оружие, а то и дезинтегратор, можно, конечно, пробиться через ряды армии Кастельяно — но ведь из-за этого разразится ужасный хроноклазм! Дома, в 31-м веке, нас за это по головке не погладят. А у меня нет ни малейшего желания провести 15—20 лет на необитаемом острове. Да еще, может быть, в обществе Диппа Килиоса. Я, кусая губы, бормотал какие-то проклятия, бывшие в ходу в 20-м веке, как вдруг...

Как вдруг нас накрыл прозрачный голубовато-серый колпак. Снаружи сквозь него сочился молочный свет. Впрочем, возможно, этот свет шел не снаружи, а светился сам материал колпака. Не знаю почему, но у меня сложилось впечатление, что нас снаружи не видно. Вместо серого асфальта внизу тоже было это голубовато-серое вещество. Колеса джипа словно зависли в воздухе. Я чувствовал, что вес мой уменьшился и изменилась сила притяжения. Что это могло быть?

Я повернулся к Бараксу и встревожился еще пуще: Баракс словно окаменел. Это было так не похоже на его обычную неподвижность в минуты бездействия! Заметить это мог только я. Стихли небольшие телепатические сигналы, которые я обычно принимал от него постоянно. Как правило, в наших с ним совместных экспедициях Баракс таким путем передавал мне большое количество полезной информации. Что за черт?

И вдруг я понял — Баракса выключили. В мгновение ока мой товарищ стал мертвым, хотя, честно сказать, не в привычном понятии этого слова. Он просто перестал функционировать. Уставясь в пустоту, он замер на заднем сиденье. Его сильные пальцы закостенели на запястье Диппа Килиоса.

И в этом было какое-то утешение.

А сам Килиос? Я пристально посмотрел на него и испугался. С ним творилось что-то странное. Его открытые глаза были

мутными и бессмысленными. Тонким дрожащим голоском он напевал детскую песенку из нашего времени.

По спине у меня пробежал холодок. Все говорило о том, что мы стали жертвой враждебной деятельности. С неведомой целью нам ограничили свободу передвижения, возможно, даже переместили в иную точку пространства. Без нашего согласия и не предупредив заранее! Наверняка те, кто это сделал, замыслили недоброе! И все-таки что-то здесь не сходилось. Я задумался. В 20-м веке технически невозможно было создать такое силовое поле с пониженной гравитацией. Пузырь пузырем, но они отключили Баракса! А такое не по силам никому не только в этом веке. Такое невыполнимо даже в тридцать первом! Еще мгновение, и я, кажется, начал что-то понимать...

— Не успел,— послышался голос. Может, он прозвучал в пространстве или прямо в моем мозгу. Может быть, я даже его вообще не слышал, а просто ощутил в своем сознании.

«Не бойся, Рой»,— сказал голос. Они знали главное и не скрывали, что знали: им было известно, что я боюсь и что меня зовут Рой. Я не ответил. Честно сказать, я и не знал, как это сделать. Но раз они в курсе того, в каком состоянии духа я нахожусь, даже читают мои мысли, как открытую книгу...

«Не бойся, Рой»,— повторил голос. Мне вдруг почудилось что-то знакомое в этом, по-моему, принадлежащем женщине голосе.

«Мы пришли вам помочь»,— продолжал голос.

«Каким образом?»— удивился я.

«Мы переместили вас вперед во времени».

«Без приборов?»— изумленно спросил я. Тут-то меня и обдало жаром: я, наконец, догадался, какой будет ответ.

«Мы преобразовали вокруг вас пространство».

«Надолго?»

«На сколько понадобится. По этой территории передвигаются вооруженные формирования, это угрожает вашей безопасности».

«Кто вы?»

«Люди, Рой. Такие же, как вы. Только из будущего».

«Я сам из будущего, из 31-го века!»

«Нет, мы из значительно более позднего времени».

Я онемел, в голове образовалась какая-то странная пустота. Возможно, от этой сферы исходило излучение, утомляющее мозг. Мне вовсе не хотелось закончить жизнь, подобно Килиосу: тот лепетал уже совсем как младенец, и, похоже, утратил всякое чувство реальности. Я перевел дух и снова сосредоточился.

«Почему вы решили помочь нам?»

«Прошлое надо бережно охранять, Рой. У нас такое же задание, как и у тебя. И мы боремся с нарушителями времени. Но если теперь вам не удастся вернуться в свое будущее, Дипп Килиос может стать причиной серьезных неприятностей. Он готовил ужасный хроноклазм».

«Вы тоже инспекторы Галапола?»

«Можно сказать и так. Нам приказано любой ценой обеспечить вам безопасность и возвращение в 31-й век».

«А вдруг, несмотря ни на что, у вас ничего не выйдет?»

«Должно выйти. При нужде мы можем вызвать любую помощь. Все эпохи борются с нарушителями времени. Цепь развития человечества простирается в бесконечность, Рой».

Понятно, мне до смерти хотелось засыпать моих собеседников вопросами, но нетрудно было догадаться, что ответа на них я не получу. Основные правила нарушать никому не позволено. Так же, как я не имел права рассказывать Лоренцо о будущем Боливарии. Они не скажут ничего об эпохе, которая наступит после моей собственной, не скажут, какова будет моя судьба. Кроме границы темпоральной, есть еще граница моральная, и пересечь ее бывает куда опаснее, чем совершить хроноклазм.

«Ну, все. Удачи тебе, Рой. Прощай».

«Спасибо...»— ответил я. Не знаю, почему вдруг нежный женский голос заставил сжаться мое горло. Я не мог побороть желания признаться говорившему со мной, что голос его напомнил мне Флору: «Где-нибудь... когда-нибудь... мне хотелось бы с тобой встретиться». Она не ответила, хотя я знал, что она здесь: об этом свидетельствовала серебристо-голубая сфера. Вместо ответа на меня нахлынула теплая, ласковая волна чувства. Надеюсь, это был ответ. Я попытался послать ей такую же волну, но опоздал. Мозг погрузился в блаженное помрачение, альфа-ритм ослаб, как волны в утомленном бурей море.

Я поднял руку и понял: вернулась нормальная сила тяжести. Голубой туман растаял. Колеса джипа стукнулись об асфальт. Снова в небе засверкало солнце.

Я зажмурился. Будущее... Неужели люди Галапола еще не сталкивались с посланцами отдаленных эпох? В своей гордыне мы считали до сих пор, что только нам дано путешествовать во времени. А ведь ученые 35, 42 или 50-го столетий наверняка занимаются тем же, чем и мы. Тоже ловят своих наглых и жалких преступников. Разведчики их, знающие языки, обычаи и законы давно минувшего, ходят среди нас, как в 20-м, так и в 31-м веке...

Появилась возможность переходить темпоральную границу — и в каждой эпохе размножились пришельцы из будущего: резиденты, исследователи, любопытные, просто наблюдатели, преступники... Но можно ли рассказать это у себя? Нужно ли упоминать об этом инциденте шефу и специальной комиссии Галапола по делу Килиоса, когда меня вызовут свидетелем? Все сильнее я склонялся к убеждению, что об этом следует молчать. Главным образом потому, что нам помогли. Возможно даже, успех всей нашей операции был следствием благословенного вмешательства. Если бы шефу стало известно, что вернуть Килиоса нам удалось только благодаря технической помощи из далекого будущего...

Хозяева голубого шара стоят на страже истории. Истории, органическим элементом которой стала наша экспедиция в Боливарию конца 20-го века. Впоследствии, возможно, еще при моей жизни, а может, и позже славная экспедиция Роя Медины и Баракса будет записана в альманахи, а памятные кристаллы — в специальные исторические труды. Мотивы поступка Килиоса

будут проходить в школе как поучительный пример. Эта экспедиция стала частью прошлого, которое нельзя изменить. Потому-то наши потомки и присмотрели за нами и приняли меры, чтобы наше предприятие окончилось успешно. Возможно даже, что на протяжении всей операции они незримо были с нами. В Лории, в Боливаре, на Южной автостраде, на вилле по улице Альжерирас, в тюрьме и во дворце...

Туман рассеялся. Серебристо-голубое сияние исчезло без следа.

Джип стоял посреди шоссе. Голубой шар исчез. Снова я почувствовал на лице жар солнца. Пошевелился. Первым делом посмотрел на Килиоса. Он молчал. Невидящими глазами он уставился куда-то вдаль. Лицо его было равнодушно.

Неожиданно включился Баракс.

— Рой?

— Да?

Я старался, чтобы мой голос звучал как можно более естественно и даже в мыслях избегал упоминать о случившемся. Не хватало еще, чтобы Бараксу стало известно то, что даже люди не могли бы воспринять спокойно. Я огляделся. Дорога опустела. Однако следы гусениц и автомобильных шин, отпечатавшиеся на поле, говорили о том, что недавно здесь прошла целая армия. Ветер раскачивал стебли растений. Пели птицы.

Было так спокойно...

Я нажал на газ, и мы поехали. Стальные пальцы Баракса снова сжали запястье Килиоса. Часы подтвердили мои подозрения: мы передвинулись во времени на сорок минут. До появления Гурова осталось 1200 секунд. Следовало поторапливаться.

Баракс не унимался:

— Странное дело, Рой. Время ощутимо передвинулось вперед.

— Тебе померещилось.

— А куда подевались солдаты? Только что навстречу нам двигалось несколько тысяч человек. А теперь их и след простыл.

— Рядом проехали, ты что, не видел? Баракс, да ты заснул!— попытался я разыграть недоумение.— Присматривай за Килиосом, я прибавлю скорость.

— Ладно,— буркнул он и погрузился в размышления. Нетрудно было догадаться, над чем: он просто был не в состоянии представить, что его вот так взяли и отключили. Ну, бог с ним. Мне не хотелось больше думать об этом. Баракс никогда ничего не забывает — и все же я надеялся, что, отчитываясь, он не придаст особого значения этому происшествию.

По обочине верхом на осликах ехали крестьяне. По неширокой речке медленно плыла баржа. Похоже было, что здесь никому нет дела до того, что творится в столице. Села и поля дышали вечным покоем.

Килиос окончательно пришел в себя.

Первым делом он попытался освободиться. И, конечно же, безуспешно. Подергался и сник, уныло глядя в сторону.

В зеркальце было видно его угрюмое лицо. Любоваться Килиосом мне вовсе не хотелось: дорога шла плохая, мне надо было быть внимательным, да и до Сан-Фернандо осталось уже немного. Мы миновали мост, и джип заюлил меж холмов. Вскоре показался и городок.

На рыночной площади я остановил машину, подозвал какого-то мальчишку и спросил дорогу к старой пирамиде. Маленький сорванец охотно проводил нас. На часах было уже 11.51. От пачки денег, что тогда вручил мне Гуров, осталось несколько бумажек, и я отдал их мальчишке. Радость его была неописуема.

Пирамида высилась на восточной окраине города. Я и представить себе не мог, что в средние века люди умели строить такое. Швы между камнями ступенчатой рукотворной горы заросли буйной тропической растительностью. Вершину пирамиды словно срубили — она была плоской, из-за этого постройка производила впечатление незавершенной. Каждая грань была не менее ста метров в длину. Каменные блоки складывались в лестницу к небу с узкими и очень высокими ступенями.

— Идем наверх,— приказал я. Баракс, разумеется, повиновался немедленно, зато историк заупрямился.

— Куда вы меня тащите, инспектор?

— Не сопротивляйтесь, Дипп, иначе мне придется снова усыпить вас.

— Усыпить? А, помню. Я разрядил бластер в этого типа,— он кивнул на Баракса.— И он жив? Инспектор, а кого это расстреляли военные?

Баракс не слушал. Он просто тащил его за собой. Волей-неволей пленнику приходилось карабкаться следом. Сопя, он оглянулся на меня.

— Откройте тайну, инспектор. Почему излучение не повредило вашему коллеге?

— Потому что излучение действует только на людей,— усмехнулся я.

— На людей?— Килиос даже остановился, но Баракс с безжалостным равнодушием тащил его за собой.— Вы хотите сказать...

— Именно. Мой напарник — новая модель почти идеального человекоподобного робота. Супер-андроид. Всемирное правительство по сей день держит существование этих роботов в тайне, потому-то вы и не знали о нем.

— И этот че... этот андроид, он тоже полицейский?— вырвалось у Килиоса.

— Да, он работник Галактической полиции. Нейрологи создали особого рода биологическую связь между его мозгом и моим, каждый из нас в курсе того, о чем думает его напарник. Мы, так сказать, не только коллеги, но и единомышленники, и это помогает нам бороться с такими, как вы. Так-то вот.

Я взмок, прыгая по камням. Пот струйками бежал у меня по спине. Баракс, как автомат, без устали поднимался наверх. Хорошо ему, мелькнула у меня мысль, ядерный микрореактор обеспечивает ему все потребности в энергии на ближайшие две

тысячи лет. Килиос озирался по сторонам, взвешивая шансы на побег. Он все еще не сдавался. Но от стальной хватки Баракса освободиться было невозможно.

— Идите спокойно!— приказал ему Баракс.— Сейчас будем на месте. Уже недалеко.

— Будет еще всякая машина мною командовать,— буркнул Килиос, цепляясь ногами за края каменных ступеней.

— Баракс не машина, он мой товарищ,— сердито отрубил я. На часах было без двух минут двенадцать. Плоская вершина пирамиды была уже рядом. Окрестности как будто вымерли: многодневное военное положение, комендантский час, закрытые аэродромы — все это отнюдь не способствовало наплыву туристов. К тому же сейчас было время сиесты.

— Поторопитесь!— крикнул я. Если Гуров прибудет и не застанет нас на месте, он просто возвратится назад, и бог знает, когда нам удастся пересечь темпоральную границу.

Недолго думая, Баракс поднял Килиоса на руки и ускорил шаг. Я с трудом поспевал за ними. Историк предпринял последнюю попытку. Болтая в воздухе руками и ногами, он завопил:

— Инспектор! Отпустите меня! Или давайте уйдем вместе! С вашим андроидом мы все препятствия одолеем! Лучевое оружие поможет вам завоевать мир, инспектор! Заново построим вольтранс, поймите, целый мир для нас двоих, инспектор!

— Бросьте, Килиос,— пропыхтел я. До вершины оставалось еще несколько ступеней.— Историю не изменишь. Именно поэтому мы вам и помешали.

— Человек и машина?— не унимался историк.

— Ошибаетесь, Баракс и Медина!— отрезал Баракс.

Мы выбрались на вершину.

— Вовремя!— воскликнул Баракс, вытягивая руку.

Над плоской, раскаленной солнцем каменной площадкой возвышалось удивительное кольцо. Оно было металлическим, однако солнце не отражалось на его поверхности. А края его были словно вдавлены в воздух, и контуры расплывались.

Гуров подхватил под руки шипящего от злости Килиоса и помог втащить его в машину.

— Порядок, Рой?— воскликнул Баракс. Его глаза радостно сияли. Да, Баракс был счастлив, совсем как человек.

— В основном, это твоя заслуга,— сказал я и подал ему руку. Он удивился. Баракс понимал значение этого жеста. Может, это прозвучит странно, но, по-моему, он был растроган, когда сжал мою руку. Голос Баракса подозрительно сорвался.

— Иди, Рой, отправляемся.

Я огляделся. Вдохнул запах раскаленного солнцем камня. Сейчас будем дома. Но ведь и здесь я был дома. С Флорой. Несколько дней я жил здесь полнокровной жизнью. Был счастлив. А мой дом... Как человек всех эпох, сколько бы я ни путешествовал по столетиям, всегда я буду на Земле дома — в своем обширном бескрайнем доме.

Я вздохнул и поднялся в машину. За мной бесшумно затворилась дверь.

Петер Жолдош

СВЕРХЗАДАЧА

Гилл рывком распахнул дверь — из люка пахнуло нестерпимым зноем, тепловая волна ударила в грудь. «Назад, в лифт!» — мелькнула мысль, но в следующее мгновение он увидел Нормана и остановился. Норман лежал ничком рядом с люком, ведущим в нижний, тринадцатый отсек. Гилл отодвинул его тело в сторону и попытался открыть люк, чтобы спуститься за остальными. Но механизм не сработал. Даже сквозь толщу стальной переборки, отделявшей отсеки друг от друга, он ощущал, как дрожат от напряжения компрессоры охлаждения, работающие на предельной мощности.

Температура воздуха становилась невыносимой и здесь, в двенадцатом. Отсюда он не мог управлять пультом, был бессилен помешать автоматике переключить охлаждение раньше, чем температура повысится до двухсот градусов. А это значит...

Подхватив тело Нормана, Гилл, пошатываясь, добрался до лифта, волна зноя, преследуя его, ударила в дверь. Нажал кнопку: лифт ринулся вверх. Значит, те четверо остались там, в тринадцатом, навсегда, превратившись в четыре бесформенные кучки угля среди безмолвных металлических стен, медленно остывающих под напором упругого потока газообразной угольной кислоты.

Гилл отчетливо сознавал, что и он получил лишь временную отсрочку. Смерть уже ждала его, только более мучительная и долгая. Порция облучения, это ясно, была более чем достаточной.

Поднявшись в командный отсек и войдя в салон, он бережно опустил Нормана в кресло, не в его собственное, командирское, а в закрепленное перед пультом управления двигателями. Туда, где прежде сидел Ярви. Осторожно попытавшись освободить плечи и руки командира от обгоревшего комбинезона, он вскоре оставил эти попытки. Ведь Норману, если тот еще очнется, не потребуется ничего, кроме хорошей дозы болеутоляющего. Да, только это.

Волоча ноги, Гилл прошел в медицинскую кабину, помещавшуюся рядом. Отыскал в шкафу большой флакон аэрозоля против ожогов, затем две-три упаковки кофеина и фортфера, этого универсального допинга для астронавтов.

Положив в рот сразу две таблетки, он размял их языком и проглотил. По инструкции сразу принимать больше одной таблетки запрещалось, Гилл это знал. Ну и что? Теперь ему

наплевать на все инструкции. Теперь необходимо только одно: оставаться бодрым и чувствовать себя как можно лучше. И как можно дольше, до конца... Положив лекарства на столик, он полез в нагрудный карман, выудил небольшой конвертик и вскрыл его. Изнутри выпал индикаторный листок, он подхватил его на лету и поднес к глазам. Листок был черен, как последний квадратик напечатанной с краю контрольной шкалы. Все так, как он ожидал...

Бездумно сложив листок пополам, уронил сквозь пальцы, равнодушно следя за тем, как ничтожная бумажка, покачиваясь в воздухе, падает на пол. Надо сделать анализ крови, не сейчас, позже.

Двинувшись в обратный путь, Гилл покачнулся: закружилась голова. Нет, реакция не может наступить так скоро. Пока это только усталость, нервы. Сейчас должен подействовать допинг. Вперед.

Набрав полный пневматический шприц обезболивающего средства, он добавил в него немного кофеина и, освободив бедро Нормана от обгорелых лоскутьев одежды, с трудом отыскал место, где кожа была цела. С тихим свистом шприц отдал свое содержимое неподвижному телу. Гилл осторожно, кончиками пальцев разгладил набухший желвак, затем опрыскал Норману игнисольным аэрозолем лицо, шею, руки. Если лечить уже бесполезно, по крайней мере пусть не мучается понапрасну. Уменьшить страдания — вот все, что можно сделать. А мучений не избежать. Гилл сел в соседнее кресло и погрузился в ожидание. Пройдет час, а может, и больше, прежде чем Норман откроет глаза. Лучше бы не открывал, для него самого лучше. Максим, Сид, Ярви и Эдди погибли. Их больше нет. А «Галатея» никогда уже не поднимется в космос с поверхности этой планеты. Погибнут и Норман, и он, Гилл. Их корабль никогда не вернется к родной Земле.

Он попробовал сосредоточиться. Как могло произойти непоправимое? Прежде чем умереть, он обязан продиктовать отчет о причинах катастрофы, сохранить его в электронной памяти Большого Мозга.

Гилл был в медицинской комнате, когда услышал по селекторной связи голос Ярви, находившегося в отсеке, где расположены реакторы. Ярви обращался к Максиму и Сиду. «Повысилось нейтронное излучение... Причина флюктуации пока не ясна. Что вы думаете об этом?» Гилл не обратил особого внимания на эти слова. В конце концов, это их дело, дело инженеров. Спустя некоторое время у входа в «Галатею» появился Эдди, вернувшийся с очередной экскурсии по планете, и вызвал лифт. Максим его послал биологу из реакторного отсека, значит, он и Сид были уже там, у Ярви, и попросил Эдди присоединиться к ним. «Сложная работа, хотим обойтись без роботов». Сложная? Это могло означать только одно: радиация повысилась настолько, что защитные системы роботов должны переключиться на особый режим и адаптироваться к облучению;

для этого нужно время, а его, видимо, было в обрез. Через минуту раздался крик — кричал Ярви, он звал Нормана. Гилл вскочил и тоже бросился на помощь, но опоздал — Норман уже спускался в лифте. Пришлось ждать, пока лифт вернется. Гилл нажал кнопку нижнего, пятнадцатого контура, но, достигнув двенадцатого, железная коробка, вздрогнув, остановилась и раскрыла двери. Когда он переступил порог, автоматика уже включила систему охлаждения в нижних трех уровнях, где по какой-то причине внезапно разверзся ад. Вот и все, что известно. Вероятно, из информации Большого Мозга, автоматически регистрирующего все процессы, происходящие на «Галатее», он сможет узнать остальное. Гилл составил запрос.

Но Большой Мозг на собственном, сжатом языке графиков и цифр — Гилл не стал тратить времени на вербальную перенастройку,— сообщил только, что Ярви решил что-то осмотреть под кожухом второго реактора и выключил его. Реле модераторов не сработали,— почему, осталось загадкой,— но разрешающий сигнал на табло появился, и Ярви приступил к работе. Вскоре он заметил, что радиация повышается, хотя поначалу это повышение шло в медленном темпе. Тогда-то он и позвал на помощь Максима и Сида, чтобы не возиться с роботами. О том, что Эдди вернулся, Большой Мозг, разумеется, знать не мог. Управление модераторами — на этот раз уже на всех четырех реакторах — на Большой Мозг было переключено уже второй, запасной, системой обеспечения безопасности; эта же система пустила на полную мощность установки охлаждения в нижних трех отсеках. Гилл знал, что в подобных случаях Большой Мозг действует как разумное существо, с той лишь разницей, что принимает оптимальное решение мгновенно и защищает «Галатею» и свое собственное существование, уже не считаясь с тем, может ли это нанести кому-либо ущерб. Реле первой защитной системы, конечно, сгорели дотла, как и все там внизу. Теперь уже никогда нельзя будет установить, почему Ярви получил ложный разрешающий сигнал.

Во всяком случае, сейчас все четыре реактора бездействовали, дальнейшее охлаждение не имело смысла. Гилл, взяв управление на себя, выключил компрессоры. Технический ущерб, причиненный аварией, не слишком серьезен; два толковых механика восстановят и все отладят за несколько недель. Поймав себя на этой мысли, Гилл невольно содрогнулся. Милый мальчик, ты забыл, что к этой работе ты не будешь иметь ровно никакого отношения. Странно или, впрочем, вполне понятно, что человек невольно отгоняет от себя мысль о смерти. О том, что ты обречен. А это именно так, Гилл.

В кресле шевельнулся и застонал Норман, но напрасно Гилл окликнул его, ответа не последовало. Лишь обгоревшие ресницы чуть дрогнули, словно в нерешительности, по телу пробежала легкая судорога. Под ярким светом, льющимся с потолка, раздувшаяся напряженная багровая маска, на месте которой было когда-то лицо Нормана, матово блестела под слоем

болеутоляющей пленки игнисоля. Норман... Они не переваривали друг друга, и причиной взаимной ненависти были те полшага, которые их разделяли всегда, как и сейчас. Норман ненавидел Гилла за то, что тот постоянно наступал ему на пятки, а Гилл потому, что никак не мог преодолеть эти полшага и догнать Нормана. Скрепя сердце каждый признавал достоинства другого, но заключить мир было выше сил. «Если бы я оставил Бенса двумя годами раньше!»— думал Гилл каждый раз, сталкиваясь с превосходством Нормана, покоившимся на огромном практическом опыте и трезвом рассудке. Ну а Норман?.. Гиллу трудно было даже представить, как он сформулировал бы причину этой ревности и неприязни. Все, что утверждал Норман, неизменно строилось на фактах. Перед мысленным взором Гилла неожиданно возник письменный стол Андронова, а за ним сам академик, руководитель Программы инопланетных исследований. Массивная голова, огромный с залысинами лоб, чуть прищуренные глаза. Словно и не было этих пятнадцати лет, Гилл слышал звук собственного голоса: «Но почему? Почему именно Норман? Самоуверенный, бездушный, холодный, не имеет даже представления, как нужно обращаться с людьми. Это я утверждаю как психолог! Нет, я не возьму не себя ответственность участвовать в полете, если командиром корабля будет назначен Норман».— «Так, значит, вы отказываетесь?»— ворчал Андронов, притворяясь прямолинейным дурачком. «Нет, я не отказываюсь, но поймите же наконец...» В конце концов Гилл выдохся и дал Андронову убедить себя. Характеристика у Нормана безупречная, он первоклассный астронавт, пусть его манера держать себя несколько, гм, жестковата... Гилл вновь обрел дар речи и собирался возобновить спор, но Андронов внезапно изменил тактику. Изобразив на лице грустную мину, стал жаловаться на свою неблагодарную роль координатора. Так трудно выдерживать справедливую пропорцию представительства всех стран, участвующих в программе межпланетных исследований! Как ни крутись, всем не угодишь, и после отлета в космос очередной экспедиции остаются на Земле одни только недовольные. Получается, обижены все, а довольных нет. Когда пытаются сунуть свой нос люди весьма далекие и ничего не понимающие в космических делах, он, Андронов, к этому уже привык; но если такие асы, как Гилл, становятся на дыбы... нет, он будет просить не об отстранении Гилла, а о своей собственной отставке; и слепому ясно, что он, Андронов, состарился и уже не способен справляться со своими обязанностями.

Ну да. Однако ты, милый Андронов, остался там, а я отправился с Норманом. Гилл усмехнулся, и видение исчезло, словно испугавшись чего-то. «Да, я здесь и должен теперь умереть».

Впрочем, все это чепуха. Какая может быть связь между катастрофой и тем, что командиром «Галатеи» был Норман? Абсурд. А тебе, Гилл, очень даже хотелось, чтобы все кончилось крахом, признайся? Гм, близость смерти, кажется, делает подлецом. Но, к счастью, и вполне откровенным человеком, даже наедине с собой.

Гилл сформулировал донесение о случившемся, переключил приемник Большого Мозга на вербальную связь и продиктовал последние несколько фраз под аккомпанемент тяжелого дыхания приходящего в себя Нормана.

Багровая маска сморщилась от боли, вернувшейся одновременно с сознанием. Словно у новорожденного, мелькнуло сравнение. Да, в последние мгновения перед тем, как сделать первый вздох, у младенца лицо передергивает такая вот судорога, тревожный сигнал рефлексов, обращенный в огромный, холодный и непостижимый мир в поисках обнадеживающего ответа. Но новорожденный находит выход из этого нечеловеческого усилия обрести жизнь — в крике. А Норман... Первые стоны и крики боли в течение нескольких минут звучали, отражаясь от стен командирского отсека, пока наконец воля Нормана не превратила их в человеческие слова.

— Пить... Пить...

— Сейчас, погоди минуту.

Гилл бросился на кухню, наполнил освежающим напитком упругую пластмассовую фляжку, из которой астронавты обычно пили в состоянии невесомости, затем осторожно приблизил тонкую трубочку к вспухшим губам Нормана.

— Пей, потихоньку...

Сделав несколько глотков, Норман стих.

— Еще...— Гилл опять поднес было к его рту фляжку, но Норман резко отвернул голову.— Еще... сколько... мне осталось?

— Не знаю.— Лгать Гилл просто не мог.

— Донесение составил?

— Уже введено в память Большого.

— Причина?..

— Неисправность реле в первой системе, ложный сигнал. Реле сгорели полностью, большего определить невозможно.

Норман, чуть заметно кивнув, сделал передышку, видимо, размышляя. Затем слипшиеся веки приоткрылись на узенькую щелку. Гилл понимал, какой муки стоило Норману это едва заметное движение. И главное, напрасное.

— Почему... кругом... темно?

Гилл молчал, не зная, что ответить. Норман снова закрыл глаза.

— Понимаю... Я ослеп... Гилл, где данные?

Взрыв судорожного кашля не дал ему продолжить. После короткой паузы кашель сменился приступом удушья, еще более мучительным. Норман опять потерял сознание. Гилл взял его бесчувственную руку, нащупал пульс. Сердце билось учащенно, словно рывками, но еще работало. Он жил. На экранах телеприемников, развешанных вокруг по стенам, яркая зелень окружавших «Галатею» первобытных лесов постепенно сменилась иссиня-черными тонами. Дневное светило, очевидно, уже скрылось за горизонтом, наступил вечер. «Когда наступит мой час, я выйду»,— подумал Гилл. Он не мог этого объяснить, но умереть в чреве «Галатеи» ему не хотелось. Он выйдет на волю,

пройдет по поляне, среди таких же зеленых, как на Земле, кустов, поднимет лицо навстречу ласковым лучам чужого солнца. Если будет дождь, все равно хорошо...

Но до той поры необходимо сделать еще множество дел.

В ближайшие тридцать — сорок лет вторичное излучение от стержневых реакторов в нижнем отсеке постепенно пробьет себе дорогу сквозь защитные стены, распространится по всему кораблю, затем, как плесень, переползет на живую почву планеты. Через какое-то время и его скелет сделается радиоактивным. Одна только защитная система Большого Мозга способна оказать этой слепой силе стойкое сопротивление. Все данные и результаты, полученные экспедицией, необходимо ввести в его электронную память. Чтобы тем, которые будут после них, не нужно было бы начинать все сначала.

Материалы, собранные Сидом и Максимом по их специальностям,— астрономии, астрофизике и геологии,— были зафиксированы на микрофильмах, перевод их в память Большого Мозга не составил особого труда. Гилл уже почти покончил с этим, когда почувствовал, что действие допинга начинает ослабевать. Бодрость сменилась усталостью, живость восприятия — безразличием. Он пошарил в карманах в поисках новой таблетки фортфера, но когда поднес ее ко рту, подступила тошнота. Взглянул на циферблат — прошло двенадцать часов. Так, все правильно. И, несмотря на отвратительное самочувствие, ощутил прилив какой-то странной успокоенности. Все симптомы первой фазы лучевой болезни налицо: слабость, головокружение, тошнота. Значит, он не ошибся, все идет правильно.

Головокружение усилилось; чтобы сдержать рвоту, он вынужден был откинуться в кресле, переведя его в полулежачее положение. Виски сдавило словно раскаленным обручем, затем боль перекочевала вглубь, заколошматила острыми молоточками где-то внутри. Однако все пока не так серьезно. Несколько часов сна, и ему станет лучше. Сделав над собой усилие, Гилл сосредоточил внимание на пульте управления автоматикой; переписывалась заключительная часть наблюдений Максима. Правда, скоро они будут исчерпаны, и тогда система остановится сама собой... Внезапно померк свет. Он испуганно повернулся в сторону батарей питания. Стрелки чуть подрагивали на обычной цифре, напряжение было нормальным, но Гилл уже боялся верить показаниям приборов. Ведь они жестоко обманули Ярви... На покрытых пластиком стенах вдруг запрыгали разноцветные кружочки, здесь и там вспыхнули ослепляющие точки-звездочки, пол заколебался, словно на волнах...

Стон, вырвавшийся у Нормана, заставил его прийти в себя. Беспамятство продолжалось, вероятно, около получаса. Тошнота исчезла, голова была свежей и ясной. Норман не мог ответить, как долго он кричит; на вопрос, есть ли у него боли, тоже промолчал. Ему опять захотелось пить; весь горя нетерпением, он обожженными пальцами потянулся к фляге, ухватил ее, сжал вместе с рукой Гилла. Жидкость прыснула в открытый рот, Норман закашлялся, захлебываясь и хрипя.

И вновь он напомнил Гиллу новорожденного — нетерпеливого, жадного, эгоистичного. Капли живительного напитка, однако, сделали свое дело, немного освежили Нормана.

— Дать тебе обезболивающего?

Норман сделал отрицательный знак головой.

— Где данные?..

Гилл взглянул на прозрачный контейнер с микрофильмами, зажатый в приемный процессор. Он был пуст.

— Материалы Сида и Максима введены полностью.

— Остальные надо тоже... Скорее! Эдди.. Данные, которые собрал Эдди... Это главное... Почему ты не начал с них?.. Неужели не понимаешь?

Гилл понимал. Понимал и признавал — Норман прав. Прав, как всегда. Материалы, собранные Эдди, несомненно, составляли важнейшую часть, смысл и стержень всей работы, проделанной экспедицией.

— Все, до последней мелочи... сохранить!— Гнев, обуяв Нормана, придал ему сил.— Неважно, понимаешь ли ты это... Сделай! Слышишь... Что, не хватает воображения?

Гилл не ответил. Воображение... Разве не Норман всегда стремился подавить воображение холодными фактами, называл пустым фантазером? И вот теперь... Непонятно.

— Ты отнесешь меня в мою кабину,— с трудом продолжил Норман.— Уйдешь и сам. Мы все радиоактивны... Повредим Мозгу... Нельзя... Лифт тоже... Опусти его вниз, сейчас же...

Гилл нажал кнопку на пульте.

— Опустил.

— Ты опытный врач, биолог... И еще кибернетик... Как ты мог не подумать об этом?— Норман задыхался от бешенства.

«Да, я врач, а передо мной умирающий,— думал Гилл.— Нет, не я и Норман, а умирающий и врач. И я помню об этом, я сильнее его».

— Проверь кондицию... Состав воздуха...— Шепот Нормана становился все тише, несмотря на крайние усилия.— Вентиляцию выключи... Чтобы ни одной радиоактивной пылинки... и не забудь... Ты не можешь умереть... Не должен... Пока все данные... Уйдешь вниз... потом... после...

Губы Нормана продолжали беззвучно шевелиться, но понять его стало уже невозможно.

Материалы, накопленные Эдди, было не так-то легко собрать. Через две недели после того, как «Галатея» опустилась на эту планету, Эдди наткнулся на первый человеческий скелет, а еще два дня спустя великодушно уступил его Гиллу, ибо встретился наконец с живым человекообразным обитателем открытого ими мира. Начиная с этой минуты, для антрополога Эдди существовало только два состояния души: вдохновение и отчаяние. Туземцы оказались существами боязливыми и недоверчивыми. Эдди гонялся за ними, не разбирая дороги, таща на собственной шее портативный консоциатор, но даже упрощенная модель весила более десяти килограммов, а Гилл бежал рядом, охраняя одержимого антрополога от всяческих бед. После долгой и изнури-

тельной погони им все же удалось загнать в угол какого-то ущелья троих. Те дрожали от страха, но, когда Эдди, демонстрируя благожелательность, с улыбкой подошел, замахнулись на него дубинками. Тогда Гилл, не медля ни секунды, уложил их на землю, усыпив лучом своего инфрапистолета, а Эдди, урча от возбуждения, тут же надвинул на череп одного из троицы, казавшегося на вид постарше, полусферу своего консоциатора. Однако если бы предусмотрительный Гилл не настоял на том, чтобы связать повергнутого в полусонное состояние аборигена по рукам и ногам, тот, очнувшись от непродолжительного шока, непременно размозжил бы Эдди голову своей дубиной,— в неуклюжем теле таилась огромная физическая сила. Оставшимся двоим Гилл накинул на шеи веревку и, пользуясь тем заторможенным состоянием психики, в которое повергает всякое живое существо направленный луч инфразвукового пистолета, отвел их подальше от места эксперимента в родные джунгли. Для совершения такой операции требовались немалое искусство, ловкость и опыт, поскольку инфразвуковой луч действует только на определенные точки мозга. Стоит лишь немного усилить или ослабить интенсивность луча или отвести его в сторону, как объект либо рухнет на землю в глубоком забытьи, либо выйдет из-под воздействия инфразвука, и тогда горе неумелому! Прежде чем расстаться с косматыми, Гилл чуть-чуть усилил луч, и те оба повалились на траву. Через полчаса, когда они придут в себя, у них не останется никаких воспоминаний о случившемся.

Эдди между тем стоял на коленях перед распростертым телом, по самые уши надвинув себе на голову вторую полусферу консоциатора и включив его на прием. Старый инопланетянин, напрягая мышцы, отчаянно бился в своих путах.

— Ничего, Гилл, ничего! Никаких проблесков разума. Только страх и желание бежать, искать спасения...

— Ну а слова, понятия?

— Попадаются, но вне всякой логической связи. В таком возбуждении...

— Дай сюда! Может быть, мне повезет больше.

Гилл напялил на себя шлем, и тотчас передалось всеподавляющее чувство животного страха. Беги, беги, спасайся!— вопила в нем каждая клеточка тела, все внутри и все вокруг. Мышцы напряглись, словно для прыжка. Эдди смотрел с тревогой.

— Надо изменить диффузорное соотношение, сейчас отрегулируем. Хорошо еще, Эдди, что ты не кинулся бежать куда глаза глядят!

Впрочем, Гиллу тоже не удалось достигнуть более внятного результата. Он различал в мутном потоке инстинктов, скорее ощущал, чем понимал, отдельные слова-понятия: дерево, кустарник, жевать, бежать... Но самого главного, связи их между собой, и что еще важнее, стремления к контакту, обнаружить не удалось. Ни в этот раз, ни позднее. Эдди пришлось отказаться от прямых контактов и действовать с помощью скрытых камер и микрофонов. Собрав кучу записей, он в течение нескольких месяцев без устали трудился над составлением словаря. Однако

опробовать его не представлялось никакой возможности — косматые, в результате настойчивых экскурсий Эдди, все дальше держались от «Галатеи», избегая встреч с дотошным антропологом. Эдди решил использовать вертолет, но шум мотора летучей диковины внушал аборигенам еще больший ужас. Тогда он перебрался на воздушный шар, наполненный гелием. Астронавты с тревогой наблюдали, как меняющийся ветер над джунглями швырял беспомощный шарик взад и вперед. Правда, выдумка Эдди позволила ему передвигаться бесшумно, но вид повисшего на стропах антрополога, похожего издали на паука, заставлял их невольно содрогаться. Отговаривать Эдди от этого занятия было, разумеется, бесполезно. Ведь именно этому пузырю с газом он был обязан тем, что в двухстах с лишним километрах к западу от «Галатеи» обнаружил большую группу, точнее, целое племя местных жителей, находившихся на более высокой ступени развития, нежели те первые человекообразные аборигены. Установить с ними контакт, к сожалению, тоже не удалось, но Эдди отснял уйму пленки, совал микрофоны чуть ли не в каждую расселину скал вокруг стойбища племени, составил новые списки слов и выражений. Кинопленки, фотонегативы, звуковые записи, просто бумаги и карточки со словами постепенно загромоздили его личную каюту, киностудию, фонотеку и, наконец, хранилище микрофильмов, дверь которого, из уважения к стародавней традиции и тем временам, когда люди еще читали книги, почитая их главным носителем информации, украшала табличка с надписью: «БИБЛИОТЕКА».

Гилл пожал плечами. Рассортировать этакую груду материалов невозможно. Надо, пожалуй, в самом начале сразу же о том предупредить. Впрочем, и это излишне: пусть сами тогда поймут, что эта задача оставлена для них. Гилл не испытывал ни малейшей симпатии к тем, кто некогда высадится на эту планету. Они будут живыми, а он мертвым; и его череп, если найдется, будет скалиться на них с неумолимой ненавистью ушедших. Ему казалось, что видит наяву, как новоприбывшие с опаской пробираются по переходам и лестницам «Галатеи», обводят настороженным взглядом стены, приборы, пульты, а в глубине глаз светится затаенное даже от самих себя торжество — ведь им повезло больше, чем тем, погибшим.

Однако нужно взять фильмы. Осторожно сложив башню из коробок с пленкой, Гилл перенес ее в командирский отсек. Установил на пульте нормальную скорость, включил кнопку перезаписи. Только так можно определить качество съемки, брак никому не нужен.

Одна из катушек запечатлела последние кадры, сделанные Эдди. С нее он начал. На экране возникло стойбище «более развитых». Колоссальная скала, косо нависшая над вытоптанной площадкой, к бездонному небу поднимается тонкая струйка дыма от костра. Огонь, зажженный рукой человека, обложен камнями, защищающими от ветра, вокруг очага на корточках — женщины. Лишь длинные, до пояса волосы да подобие каких-то передников прикрывают их наготу. На краю площадки, в

начале пологого склона, резвятся и прыгают дети, мужчины расположились поодаль, в ленивых позах возлежа под сенью деревьев на опушке рощицы. «Полная идиллия,— отметил про себя Гилл.— Хорошо, что экран не передает запахов. Впрочем, то, что для меня вонь, для них неосознанное средство защиты. Тлеющие на костре кости, полусгнившие шкуры действительно испускают зловоние, но для обоняния хищных зверей, рыскающих вокруг, оно ассоциируется со смертоносным пламенем, с огненными стрелами, с искрами, прожигающими шкуру до мяса. Сорок тысяч лет назад наши предки пахли ничуть не лучше, а наши прапраматери были столь же далеки от того благоуханного и лучезарного идеала совершенства, каким является для нас женщина сегодня... Надо признать все же, эти существа вокруг костра гораздо больше походят на людей, чем те косматые звероподобные двуногие, которых мы захватили в плен при первой охоте. Неуемный энтузиазм Эдди прогнал их из окрестности «Галатеи», где они раньше гнездились в джунглях. Эти уже умело обращаются с камнями, острят и полируют костяные наконечники и ножи. Пройдет еще несколько тысячелетий, и они научатся шлифовать орудия из твердого кремня... Вполне приличные ребята, нашим последователям они доставят немало радостей; может быть, даже удастся наладить с ними контакт». Но ему-то что до этого?

Гилл повернулся к Норману, тот по-прежнему лежал без сознания, и тогда его впервые охватило отчаяние. Бессмыслица. Какое значение имеет то короткое время, те минуты, что остались? Правда жизни всего лишь правда живой клетки, вне ее, точнее, после нее любой результат, любой успех лишь призрачный мираж, самообман, не более того. Вся та информация, которую сохранит в своем нутре Большой Мозг, мертва, даже в том случае, если она несет в себе нечто важное для человечества. Мертва, если только...

Он выпрямился и замер в своем кресле, напрягшись, словно в следующую минуту ему предстояло такое тяжкое испытание, как еще никогда в этой длинной жизни. Экзамен на звание Человека... Блеснувшая мысль тотчас породила свою тень — злость на себя. Как он не подумал об этом раньше! Ведь он мог преспокойно раствориться в небытии, бесследно и навеки. А теперь он уже не сможет позволить себе этого, не исследовав до конца и не реализовавши внезапное озарение. Пройти до конца и это испытание, которое предначертал ему его мозг. Детали, подробности пока еще не ясны, но надо размышлять, высчитывать, бороться... А времени мало, очень мало. Если он сумеет встать сейчас с этого кресла, то будет бороться, пока не оставят силы, не помутнеет разум. Но и тогда, и тогда... Он сделает это!

Только сейчас Гилл заметил, что Норман пришел в сознание и безмолвно прислушивается. Нет, нет, я не скажу ему ни слова, не выдам идею. Ведь в случае успеха это будет единственная его, Гилла, победа над холодным разумом Нормана. Первая и последняя. Что же, пусть так. Ну а что он сказал бы? Что и сам тоже?.. Но ведь для него это уже исключено. К эпитету «без воображе-

ния» добавился бы еще один — «эгоист». Но ведь если получится, уже никто не посмеет обвинить его в этом...

Мысль, которая до сих пор стискивала его в своих щупальцах, как осьминог, вдруг отделилась, превратилась в абстракцию. Гилл с необыкновенной тщательностью критически исследовал ее со всех сторон, и вот вывод: вполне осуществимо. Лишь хватило бы времени... И в этой бешеной скачке умирающий Норман, пожалуй, даже не умирающий, а прежний Норман во всем его величии отступит куда-то в сторону, превратится в карлика.

Гилл вскочил, выключил перезапись фильма Эдди, затем подошел к пульту управления Большим Мозгом. Быстро подсчитал свободные емкости, определил незначительные по тематике информации, быстро стер их из памяти. «Но ведь это можно сделать и позже!» — мелькнула мысль. Он опрометью бросился в медицинский отсек. «Не спеши, не дергайся!» — осадил он себя. Укол получился неловко, тонкая игла причинила неожиданно острую боль. «Постарайся оставаться нормальным». Нормальным? Каким образом это можно установить, если судья и ответчик выступают в одном лице? «Не знаю, не знаю,— бормотал он вслух, подготавливая микроскоп.— Знаю одно — остается рискнуть. И я рискну!»

Микроскоп показал обычную картину. Никаких отклонений. Он пересчитал лимфоциты трижды, боясь допустить ошибку. Но все было в порядке, во всяком случае, здесь, под объективом равнодушного прибора. Через шесть часов надо будет повторить анализ. Старательно записав показатель, Гилл отодвинул журнал в сторону и положил перед собой чистый лист бумаги.

Принципиальная схема родилась быстро, за несколько минут. На бумаге, разумеется. Но как осуществить всю сложную систему включений в монтаже, на деле? Отсюда, из медицинской лаборатории, вмонтированные наглухо приборы он не потащит в командирский отсек. Нужны кабельные подводки, а потом долгие часы монтажа, пайки, коммутации. Выдержит ли? Ведь допинг придется исключить. Правда, искусственную живость, которую приносит таблетка фортфера, нельзя назвать анормальной, но лучше все-таки быть поосторожней.

Выводные каналы Большого Мозга не доставили хлопот, послушно приняв в свое лоно присоски кабельных головок. Зато с протяжкой кабелей по коридорам и переходам пришлось изрядно повозиться, особенно следя из тем, чтобы они точно и ровно ложились в угол, образованный стеной и полом, иначе сам о них споткнешься и разобьешь лоб. Медицинская комната была тесновата, пришлось вывинтить и передвинуть к двери рабочий стол. Конечно, придется всякий раз через него перелезать, зато удобнее дотянуться до приборных шкафов. Настала очередь паяльника, пришлось изрядно попотеть. Поначалу он работал стоя на коленях, потом лег на живот. Бранил последними словами конструкторов за то, что они разместили выводные каналы так низко и почти вплотную друг к другу, но потом сообразил, что ругается зря. В самом деле, могли ли они предугадать схему, которую монтировал сейчас Гилл?

Когда он наконец закончил и с трудом поднялся с пола, казалось, ни одна косточка не осталась в покое. Но он взирал на перевернутую вверх дном лабораторию с чувством удовлетворения и торжества. Оставалось лишь снять шлем-полусферу главного консоциатора, чтобы заменить его одним из двух других, поменьше, висевших на стене в командирском отсеке. Великие оптимисты, конструировавшие «Галатею», создали их для высоких целей: «на предмет общения и контактов с разумными представителями инопланетных цивилизаций», как гласила инструкция. До сих пор они лишь занимали место и служили помехой и давно бы уже оказались в складском отсеке, если бы командиром корабля был не Норман, а кто-нибудь другой.

Незадолго до полуночи Гилл, затаив дыхание, провел первое испытание системы. Включив напряжение, мельком взглянул на большие часы в командном отсеке. В свое время в институте, еще там, на Земле, подобный эксперимент проводился, но в упрощенном варианте. Проверка результатов продолжалась несколько месяцев. Здесь все иначе — если в течение тридцати минут система будет функционировать нормально, надо приступать к делу. Времени в обрез, если не меньше.

Норман лежал тихо, не подавая признаков жизни. Но Гиллу не хотелось рисковать. А вдруг проснется в самый критический момент эксперимента? Набрав в пневмошприц большую дозу снотворного, он быстро прижал маленький блестящий прибор к руке Нормана, чуть ниже локтя. Норман вздрогнул.

— Гилл! Что ты делаешь?...

Гилл сделал вид, что ничего особенного не произошло, и легким движением, будто невзначай, повернул шприц присоском к вене. Норман пробормотал еще что-то, затем голова его повалилась набок: «Дома, на Земле, за такое дело тебя лишили бы диплома врача, дорогой Гилл. Хотя я его не убил, и он еще придет в сознание. Норман на моем месте поступил бы точно так же». Твердо уверенный, что система выдержит пробные испытания, Гилл решил начать подготовку главной, самой важной части программы. Но прежде срочно проверить кровь... Он бегом спустился в лабораторию.

Лимфоцитов оказалось на двадцать процентов меньше, чем в прошлый раз. Гилл усмехнулся. Процесс протекает слишком быстро. Но если сейчас потерять присутствие духа, будет еще хуже. Он должен действовать так, словно ничто не изменилось за эти шесть часов, и состав крови тоже прежний.

Вернувшись в командирский отсек, взглянул на приборы. Система работала безупречно уже двадцать восемь минут. Этого достаточно. К управлению новой системой он подключил автопилот. Похвалил себя за находку; в самом деле, не приди в голову запрограммировать автопилот для управления системой, как выполнить эксперимент над самим собой, требующий абсолютного хладнокровия?

Он долго возился с креслом, выискивая положение, в котором смог бы выдержать четверть часа полнейшей неподвижности. Эластичное кресло удобно, даже слишком. Если закрыть глаза, непременно уснешь. Отложить до утра? Выспавшись, он будет

свежее. Однако за восемь часов, истекших с момента облучения, число лимфоцитов сократилось на двадцать процентов. Если успеешь, пройдет еще восемь часов... Нет, нет, спать нельзя, надо действовать сейчас, немедленно!

Гилл закрыл глаза, нащупал на подлокотнике кресла пульт дистанционного управления автопилотом. Затем, собрав все силы и сосредоточившись, чтобы представить себе все, что произойдет за предстоящие четверть часа, он нажал кнопку.

Не ощущая течения времени, Гилл следил за программой. Прошло семь, восемь минут. Или десять? Вдруг он почувствовал, что больше не выдержит. Слова, обрывки фраз, умозрительные картины мешались в хаотическом беспорядке, теряя смысл, словно преследуя друг друга. Его охватил страх: неужели все, что он делает, просто глупость? Но ведь самая великая глупость именно этот страх! Лучше уж смутные, отрывочные картины; где-то в скрытых от нас тайниках сознания они выстроятся в логическую цепь, образуя единый комплекс знания. Только животный страх не признает заданных правил. И в данном случае бояться неуспеха само по себе означает неуспех. Гилл расслабил мышцы и стал смотреть мелькавшие картины, воспроизводимые консоциатором из его памяти, смотреть со стороны, словно любопытный ребенок, прильнувший к калейдоскопу. Осторожно, чуть-чуть напрягая память, он направлял ее на земные воспоминания, на дела давно минувших дней. Все равно на что. Пусть это будет длинный, унылый коридор института, клетки с подопытными животными, перекресток двух оживленных улиц, крупным планом лица людей, обращавшихся к нему или разговаривавших между собой. Вот они о чем-то заспорили, отчетливо слышны даже их голоса. Да ведь это профессор Херцер и милый старый Лоуренс! Очень, очень хорошо. Если он будет думать о них, его учителях и наставниках, это непременно поможет ему войти в колею. Постепенно успокоившись, Гилл почувствовал, что психологически опять готов продолжать запись информации. Длинная вереница событий, фактов, сентенций вновь потянулась на экране, послушная логике и последовательности. Гилла охватило чувство радости. Теперь уж безразлично, умрет он раньше или позже, удастся или не удастся то, чему он посвятил крохотный кусочек безмерного времени, отведенный ему для жизни. Власть над мирозданием — вот идея, вот сверхзадача! Простая, подчиняющая себе без остатка; только теперь он видит ее с предельной ясностью. Автомат-оператор с мелодичным звоном доложил, что программа окончена, но глаза Гилла остались закрытыми; радость обретенного счастья погрузила его в глубокий сон.

Он внезапно проснулся с мыслью о Нормане. Болеутоляющее! Скорее!.. Мысль пришла еще во сне. Норман лежал в том же положении, что и вчера, но дышал тяжело, прерывисто. При выдохе в углах рта пузырилась розоватая пена, на белую подушку стекала тоненькая струйка крови, смешанной со слюной, расплывалась багровым пятном. С помощью дистанционного пульта Гилл поднял спинку кресла повыше, придав телу Нормана полулежачее положение, включил вентилятор. Так ему легче

будет дышать. Лекарство давать бессмысленно, это лишь продлит мучения. Впрочем, сейчас он уже не чувствует боли, даже приходя в сознание. Гилл решил положиться на судьбу. Пусть все решится само собой.

Проверка и анализ записанной программы требовали работы нескольких специалистов в течение двух-трех недель. Он решил взять на выборку шесть элементов памяти, не больше. Их просмотр займет не более часа. Большего времени взять неоткуда. Сбоев или брака он не обнаружил, но это не принесло радости. Девять часов он проспал как убитый, а усталость не прошла, желудок сжимала пустота. Надо бы поесть, однако при воспоминании о пище к горлу подступала тошнота. Разжевав и проглотив таблетку фортфера, он вернулся в кресло и с нетерпением ждал, когда пройдет тупая боль в голове, сжимавшая виски железным обручем. Надо распределить работу так, чтобы все, что требует физических усилий, завершить сегодня же. К сожалению, использовать в этом деле роботов нет никакой возможности. Даже лучше, если они останутся там, в складском отсеке, в выключенном состоянии. Вторичное излучение, проникнув внутрь, может существенно повлиять на электронную начинку их мозгов. Взбесившиеся роботы в вымершем звездолете! Неплохая тема для писателя-фантаста, но ему, Гиллу, благодарим покорно, никак не подходит.

Прежде всего необходимо покончить со всеми делами, оставшимися вне стен «Галатеи». Гилл долго полз по блестящему, идеально отполированному корпусу корабля, с трудом передвигаясь от одной ступеньки с поручнями до другой. Одолевала слабость, кружилась голова. С высоты огромного цилиндра деревья сморщивались, казались кустами. Он был счастлив, когда, закончив наконец закрепление кабелей снаружи, влез сквозь люк в коридор нижнего отсека. Отдышавшись, всю первую половину дня он занимался протяжкой кабелей с верхних этажей сюда, в нижний. Общая кибернетическая модель задуманной операции была не сложнее, чем комплексное управление простыми блоками; по сравнению с теми задачами, которые приходилось решать автопилоту во время полета корабля в космосе,— детская забава. Он установил параметры блоков, затем, включив напряжение, опять выбрался из «Галатеи» на близлежащую полянку, чтобы еще раз проконтролировать действие системы в целом, теперь уже снаружи. Оставшись доволен результатами проверки, он едва добрался до своего кресла и, рухнув в его объятия, позволил себе двадцатиминутную паузу для отдыха. И, конечно, не выдержал ее до конца. Часы показывали полдень, Гилл боялся, что скоро наступит еще бо́льшая слабость, вскочил и отправился за рулонами пленки, отснятой Эдди.

Собрав без разбора все, что нашел в лаборатории и библиотеке, он начал их перетаскивать в командный салон. Главное — ввести их в память, а потом, если останется время, можно и выбросить ненужное. Возвратясь сюда с пленками в третий или четвертый раз, он испытал вдруг странное

ощущение. Как будто что-то изменилось, что-то стало здесь не так, как прежде... Но что? Напрасно он пытался установить причину, неуверенность порождала смутную тревогу, тревога — нетерпенье. К черту! Если тебе начинает мерещиться, перекрестись, вспомнил он старинную присказку. Лучше уж вернуться в библиотеку за новыми рулонами.

Взяв со стола первую коробку, Гилл понял, что произошло. Норман... Ведь в салоне его встретила мертвая тишина. Повернувшись на каблуках, он бросился было к двери, но на полпути замер и вернулся к столу. Он не имеет права возвращаться с пустыми руками. Теперь каждой каплей его энергии распоряжался план, план выполнения задачи; каждая впустую затраченная минута сокращает вероятность его существования. Он подумал о том, что на его месте Норман действовал бы так же. Но зачем искать оправдания? Он и сам мертвец, как Норман. С одной лишь разницей: нечто от него останется, не перестанет действовать и мыслить до тех пор, пока это необходимо для выполнения сверхзадачи.

Коробку с лентами он присовокупил к остальным, уже сложенным и дожидавшимся перезаписи, лишь после этого обернулся и подошел к Норману. Голова командира корабля запрокинулась. Нужно отнести его вниз. Воспаленная кожа еще не успела остыть, дышала жаром, тело обмякло. Когда Гилл взвалил его себе на плечи и понес, оно, казалось, прибавило в весе. Тяжело дыша, он едва дотащил Нормана до жилого отсека в длинном коридоре, шатаясь от стенки к стенке.

Ближайшей к люку была спальня Сида, но теперь это не имело значения. Он ногой толкнул дверь и вместе с Норманом рухнул на узкую койку. Усталость была так велика, что еще секунда, и он, гляди, уснет тут же, рядом с мертвецом. Почувствовав на шее что-то влажное, провел рукой; оказалось — кровь Нормана. С усилием встал, вынул чистое полотенце из шкафа, вытерся, затем, сунув руку в карман, нащупал таблетку фортфера, разгрыз ее зубами, чтобы скорее подействовала. Отыскав в изголовье жесткую волосяную подушечку Сида, положил ее под голову Нормана, затем аккуратно, без единой складки натянул на тело толстое пушистое одеяло. Подумав немного, отвернул верхний край так, чтобы застывшая красная маска, которая еще восемнадцать часов назад была лицом, осталась непокрытой. Ты, кажется, рехнулся, Гилл.

Допинг начинал действовать. Он притворил дверь кабины и поспешил вернуться в командный отсек.

Около девяти вечера он почувствовал, что у него жар. Пульс участился до ста ударов в минуту, между сознанием и внешним миром повисла туманная пелена головной боли. До полуночи он еще кое-как боролся с собой, но потом сдался и выключил прием. Недурно было бы взять на выборку несколько контрольных проб, но руки дрожали, и Гилл опасался испортить при поиске уже сделанные записи. Большой Мозг не может учитывать, болен ты или здоров, такого рода коррекция ему неизвестна. Гилл

откинулся на сиденье. Подленькая струйка головокружения точила и точила, забиралась в мозг все глубже. Внезапно перед ним словно разверзлась темная пропасть, он рухнул в нее, увлекая за собой весь комплекс компьютеров, командирский отсек, «Галатею», всю планету. Долгое время только страх сопровождал его при падении в эту черную бездну, вплоть до утра. Проснувшись, Гилл понял: левую ногу парализовало. Это внесло какое-то новое ощущение в медленно возвращавшееся сознание.

«Почему началось с этого?»— думал он с огорчением. Ведь существуют десятки других вариантов. Горло жгло, подступила тошнота. Ну, на эти прелести он рассчитывал. Но если паралич будет распространяться... Заложив в приемник оставшиеся коробки и забив его до отказа, он опустился на четвереньки и пополз к выходу, держа курс на складской отсек. Придется все-таки использовать роботов. Довольно даже одного, только бы до них добраться. Норман сделал глупость, настояв на отсылке лифта, да и сам он поступил не умнее, подчинившись приказу. Достаточно было опустить до уровня восьмого или десятого отсека, лишь бы не по соседству с взбунтовавшимися реакторами. Теперь лифт, разумеется, получил такой заряд облучения, что его действительно опасно приближать к командному салону, полному магнитофильмов и электронной начинки. Первые три уровня Гилл преодолел довольно успешно, но дальше пришлось просто катиться по ступенькам, по возможности помогая себе руками.

В обратный путь он отправился, уже крепко ухватившись за массивное плечо робота Шарика, с удовлетворением наблюдая, как ловко и осторожно тот карабкается по железным ступенькам лестницы. Шарик принадлежал Максиму, он-то и дал ему это ласковое имя. Слов нет, Шарик был если не самым хитроумным, то, во всяком случае, самым надежным из всей «железной гвардии» «Галатеи». И все-таки придется выключить и его, после того как он выполнит свою задачу.

До вечера следующего дня все шло как по маслу. Шарик прилежно подтаскивал коробки с записями, Гилл отбирал наиболее достойные введения в память, робот выполнял все остальные операции. Около трех часов пополудни Гилла начал душить кашель, пришлось прервать работу. Шарик несколько раз терпеливо просил Гилла повторить указание, но тот лишь махал руками, а лицо его синело от удушья. Блестящие круглые глаза-фотоэлементы робота внимательно смотрели на человека.

— Стой!— наконец Гилл смог выдавить из себя команду, с хрипом, но так, что Шарик все же ее понял. Став рядом, робот окаменел, а человек потерял сознание.

Первой мыслью Гилла, когда он пришел в себя, было сознание: времени осталось мало. Свинцовая тяжесть паралича слева поднялась уже до поясницы, легкие покалывало словно тысячью игл, из углов рта стекало по шее что-то жидкое. Удары молоточков в висках, похоже, вот-вот пробьют насквозь череп.

Закрыв глаза, он попробовал сосредоточиться. Модель всех программ удалось-таки ввести в Большой Мозг. Главное сделано.

В конце концов, Мозг вполне способен дополнить их сам недостающей информацией из того, что у него имелось прежде. Оптимизировать идею легче, чем родить ее, это посильно для любой думающей машины.

Да, продолжать программу он уже не может, но наступление этого момента Гилл учел с самого начала. Сейчас он позовет Шарика и прикажет унести себя отсюда... Пожалуй, это единственное легкомыслие: он не может, не хочет остаться здесь в виде бездыханного тела. А Шарик не может вынести его на волю потому, что у Гилла не хватит сил цепляться за его шею, пока робот будет спускаться по лестницам с самого верха. Но, во всяком случае, лишь бы подальше от Большого Мозга. Однако сможет ли он произнести команду? Еще утром Шарик не всегда мог уловить его слова.

Осторожно, чтобы не вызвать новый приступ кашля, Гилл попробовал кончиком распухшего языка вытолкнуть кровь, накопившуюся во рту. Это ему удалось, по подбородку потекли струйки, добрались до груди.

— Шарик...

Робот стоял неподалеку, на том месте, где остался с вечера. Рискнув, Гилл набрал в легкие побольше воздуха. Только бы не проклятый кашель.

— Подойди...

Шарик обогнул угол командирского пульта и, приблизившись к креслу, остановился. Гилл почувствовал, что сейчас закашляется.

— Нагнись!

Руки дважды соскальзывали с железной шеи, прежде чем Гиллу удалось за нее ухватиться. Для этого пришлось задержать дыхание, померкло в глазах.

— Подними!

Ноги беспомощно висели, как плети, ну да все равно.

— Назад!

Робот попятился, вытащив его из кресла. Каблуки громко стукнули по пластиковому полу. Шарик снова обошел пульт и поволок его дальше. Боль во всем теле была нестерпимой, но главный враг — кашель будто забыл о своей жертве. Так, пожалуй, вытерпишь до кресла перед радиотелескопом возле стены.

— Налево...

Шарик двигался довольно быстро, но шесть метров, отделявшие его от радиотелескопа, показались Гиллу вечностью. Мышцы рук ослабли, отказывались повиноваться.

— Стой!..

Он упал рядом с креслом, ударился головой о подлокотник, сознание помрачилось. Этого он боялся уже больше кашля — не успеет выключить робота... Яркое освещение командирского салона начало меркнуть; словно огромная горячая волна ударила Гилла в спину.

— Наклонись,— прошептал он,— наклонись ко мне!

Широкая стальная грудь робота медленно склонилась над

распростертым на полу человеком. Гилл, раскачиваясь на гребне подхватившей его волны, то приближался к роботу, то удалялся в постепенно сгущающемся мраке. Стиснув зубы, он выждал, когда волна поднесет его к Шарику поближе, зная, что сил хватит теперь только на одно движение. Вот оно... Пальцы судорожно вцепились в рычажок выключателя. Внутри железного торса что-то тихонько щелкнуло.

Робот, все еще выполняя команду, наклонился вперед слишком низко, выключение застало его врасплох. Потеряв равновесие, железное тело весом более трехсот килограммов дрогнуло, качнулось и рухнуло на распростертого человека, словно прикрывая его собой. Последним проблеском сознания Гилл зафиксировал это: «Благодарю, Шарик...»

Ваи жил в ту странную и весьма важную эпоху, когда То вдруг умолкло. Между тем слуховая память Ваи навсегда сохранила резкий и угрожающий вой, который вдруг прорезал тишину лесов, а затем утихал, переходя в хрип; так хрипит смертельно раненный зверь под ударами дубин охотников. В таких случаях, если светило давало еще достаточно света в темные заросли первобытного леса, все взрослые мужчины их орды, почтенные отцы семейств и молодые охотники, раздували ноздри и без того широких, плоских носов, стараясь уловить едва слышный запах добычи, осторожно крались к опушке и ныряли в кустарник. Потому что То кричало, только убивая; вслед за воплем наверняка можно было найти неподалеку от его местопребывания еще теплый труп одного из крупных обитателей леса. Мясо, которое так необходимо таким, как Ваи, чтобы наполнить желудок. Над тем, какая существовала связь между криком, который испускало То, и появлявшимися следом убитыми животными, члены орды не задумывались по той причине, что еще не ведали причинной связи. Точно так же, как Ваи не мог рассказать своим младшим братьям и сестрам о том времени, когда То еще порой издавало вопли, а потом кормило всю орду даровым обедом. Соплеменники Ваи, в муках и трудах рождая первые слова и с не меньшим напряжением всех извилин складывая их в логическую цепочку, старались в первую очередь передать понятие «сегодня», ибо сумрачное «было» таилось где-то в памяти мышц и эмоций, а туманное «будет» еще дремало в недрах непроснувшихся страстей и казалось лишь неопределенным продолжением настоящего. Так, Ваи и его сородичи даже не подозревали, что за четыре поколения до них То вообще не издавало воя, и уж тем более не знали о тех временах, когда оно вообще не существовало на их планете.

Иногда То — правда, не часто, — их обманывало: после очередного воя они напрасно обшаривали кустарник вокруг. Но разочарование скоро сглаживалось и забывалось, как только убивалась новая жертва и гора мяса опять насыщала желудки.

По милости божества под названием То соплеменники Ваи никогда не страдали от голода, но это обстоятельство отнюдь их не изнежило. Мясо надо было защищать от диких собак и прочих

мелких хищников. Дело в том, что То — и это они заметили, но передать опять-таки не умели,— убивало животных не без разбору, но только более крупных по размеру, чем они. Нередко случалось, что неподалеку от громадной туши двурогого на истоптанной траве валялся труп его смертельного врага — желтого убийцы, выставившего к равнодушному небу свое грязное белое брюхо; длинные кривые когти еще носили следы крови двурогого, в последнем предсмертном прыжке сбросившего хищника со своей могучей спины. Но То не щадило ни жертву, ни преследователя. Круглое с обугленными краями отверстие было настолько мало, что Ваи и его собратья даже не находили его в густой рыжей шерсти желтого убийцы, а тем более в толстенной, складчатой шкуре двурогого. Лишь слабый запах горелого мяса, смешанный с ароматом травы и черной земли, взрытой копытами двурогого, говорил о насильственной смерти.

Когда этот запах ударял им в ноздри, он напоминал им две вещи: огонь и удар молнии. Члены орды уже знали огонь, но не умели им управлять. Они приносили его на горящих ветвях дерева, расщепленного ударом грозы, и, трепеща, пытались сохранить у себя навечно, но попытки эти кончались неудачей. Огонь угасал либо при первом же летнем дожде, либо из-за чьего-то недосмотра, когда в середине ночи стражи огня, уснув возле костра, забывали подбросить ему пищи. Но То убивало без огня, не наблюдалось и сверкания молнии; удар не сопровождался раскатом грома, хотя сила его была страшной, валила замертво громадного, как гора, двурогого. Молнии они страшились, нередко она убивала кого-нибудь из них прямо на месте, у подножия высокого дерева. Нет, То не совершало ничего подобного, и они не испытывали перед ним страха; во всяком случае, в ту пору. То испускало вопль и убивало, сородичи Ваи подбирали добычу, сражались из-за нее с дикими собаками и пировали, пока не съедали все до голых костей. Затем То опять вопило, и они опять рыскали в зарослях, искали мясо. Таков был порядок, вечный и незыблемый.

Но вот наступило время, когда То перестало кричать. Обеспокоенный Ваи, однако, не умел поделиться своей тревогой с собратьями, которые тоже испытывали нечто подобное. Они ждали привычного вопля, но первобытный лес продолжал хранить молчание. Пришла и ушла ночь, потом еще одна; тревога росла, желудки пустовали, муки голода становились невыносимыми. Когда светило поднялось над лесом в третий раз, несколько смельчаков решились подойти поближе к просторной поляне, в центре которой виднелось нечто огромное и сверкающее. То безмолвно возвышалось над деревьями. Неслышными шагами подкрались они среди кустов, подгоняемые голодом, не заметили, как переступили ту невидимую границу, на которой прежде находили теплые трупы самых крупных обитателей леса, которых убивало То. Кусты первое время скрывали корпус корабля, затем вдруг словно расступились, и То предстало во всей своей мощи и красоте. Оно было огромно, огромнее всего, что им приходилось

видеть на своем веку. Словно завороженные, они стояли и смотрели на ослепительно сияющую башню, вытянувшуюся к небу. Нет, ничего похожего они не могли наскрести в своей памяти. Но То молчало и не двигалось. И соплеменники Ваи, которые привыкли считать живым только то, что передвигалось, а потому при виде его надо было либо бежать, чтобы не стать жертвой, либо напасть и убить, отважились тогда подобраться ближе.

Жадно втягивая широкими ноздрями свежий утренний воздух, они щурились, защищая глубоко сидящие глаза от лучей, отражающихся от гладкой поверхности огромной стальной сигары, и напрягая кривые, полусогнутые в коленях сильные ноги, ожидали знакомого запаха горелого мяса, означавшего, что привычная жертва готова и можно стремглав на нее броситься. Они были голодны, очень голодны, а запаха все не было.

Вместо него случилось нечто ужасное, чего Ваи всю жизнь не мог забыть. Хуже всего, что внешне не произошло ровным счетом ничего. В окружающем все было спокойно, на деревьях не дрогнул ни один листок, не хрустнули ни сучок, ни камешек под ногами. Ужас пришел откуда-то изнутри, словно сам по себе родился в их теле. «Беги, беги, спасайся скорее...»— закричал им в уши какой-то внутренний голос, и вся орда во главе с Ваи бросилась наутек. Они продирались сквозь кустарник, окружавший поляну, с такой быстротой, шумом и треском, словно стадо двурогих, спугнутое хищником — желтым убийцей. А ведь никто в том мире не умел пробираться в зарослях так бесшумно и ловко, как соплеменники Ваи. Голос, гнавший их изнутри, вырывался наружу в самых диких воплях, хриплых и бессвязных.

Добежав до подножия холма, они повалились на землю, задыхающиеся, полумертвые от усталости. И, окажись здесь желтый убийца, он мог бы передушить их всех без всякого сопротивления — ужас не оставил в их вздувшихся мышцах ни капли силы, ни один не смог бы даже доковылять до ближайшего дерева. Долго лежали они вот так, онемевшие, потрясенные и обессиленные, поглядывая обезумевшими от ужаса глазами то друг на друга, то на кустарник. Прошло немало времени, и они услышали звуки, но не те, которых ждали. Из зеленого мира джунглей донесся до них сигнал знакомый и понятный, и рты непроизвольно наполнились слюной. Донеслось характерное тявканье и вой диких собак — так те воют только в тех случаях, когда их отгоняют от мяса. Звериные концерты сопровождали каждого из родичей Ваи с рождения, как было не запомнить. Орда поднялась и пошла на звуки, подгоняемая голодом.

Неведомый ужас постепенно забылся, смутное воспоминание о нем превратилось в запрет. Рука, протянутая в сторону долины, где стояло То, и гримаса страха в дополнение к жесту — такова была пантомима для передачи личного опыта от отцов к детям в течение нескольких лет, а потом она наследовалась от поколения к поколению как знак табу, потерявший уже конкретный смысл. К тому времени, когда Ваи заметил, что у него зашатался первый зуб, а молодые охотники — это было гораздо огорчительнее — все

чаще оттесняют его от лакомых кусков при дележе добычи, и понял, что недолго осталось ему пребывать в кругу вожаков орды, память о паническом бегстве и предостерегающая пантомима слились и окаменели в непреложный закон. Ищи добычу в кустарнике вокруг поляны, и ты найдешь ее, но никогда не переступай заветную границу по гребню холма, не приближайся к месту, где царит То! Горе и ужас ожидают нарушившего эту заповедь!

Однако не нарушение закона стало причиной гибели соплеменников Ваи. Закон лишь ускорил это, содействовал их трагической судьбе, ибо был настолько силен, что они не посмели переступить заветную черту даже в минуту смертельной опасности. Когда с севера в эти места неожиданно ворвалось свирепое племя красных охотников и окружило орду Ваи полукольцом, прижав ее к поляне, на которой высилось То, аборигены все до единого пали от каменных топоров и копий более развитых врагов, так и не отважившись перешагнуть границу, чтобы спастись бегством. И Дау, Первый среди красных охотников, с мрачным удовольствием наблюдал с вершины соседнего холма за кровавым побоищем, которое творили его воины.

С того дня как Дау раздробил в поединке своей палицей череп предыдущего Первого и стал предводителем красных охотников, ему удавалось все. Власть Первого, Кто Берет Добычу,— в повседневной речи его звали Первым,— была неограниченной. Ему принадлежал самый лучший кусок, самая красивая женщина племени, самое сухое место под деревом во время дождя, все самое лучшее. Даже нет нужды перечислять, в чем он был Первым, ибо он сам определял это и решал в зависимости от своей прихоти или желания. С некоторого времени, однако, в глубинах рассудка Дау начало зреть сознание того, что все это будет продолжаться лишь до тех пор, пока кто-то из его охотников не поступит точно так же, как он поступил со своим предшественником. Тревога росла, но он страшился поделиться ею с кем бы то ни было.

Обладать властью или обладать ею же, страшась потерять,— похожие, но абсолютно разные ступеньки жизни. И Дау жестокостью и жадностью старался подавить в себе тревогу, мучившую все настойчивей. Он подозревал, что уже сейчас среди его охотников бродит будущий Первый, хоть пока, вероятно, даже сам того не знает. Но настанет роковой день, непременно настанет, ибо это точно такой же закон, как смена суток, которые пододвигают его все ближе и ближе. Для красных охотников понятие времени уже не было столь непостижимым, как для звероподобных собратьев Ваи; слова уже послушно им служили; они даже любили поболтать, ведь мир, выражаемый словами, как бы заново раскрывает перед тобою свои чудеса. Так, Дау был вполне способен задуматься над тем, почему этот страх не появлялся в нем прежде. Ведь еще в день победы он знал, должен был знать, что однажды ему тоже суждено стать побежденным. На свой вопрос, однако, он не находил ответа, и эта безысходность заставляла мрачнеть день ото дня.

Он жаждал добычи, а завладев ею, хотел еще и еще. Дау понимал, что, пока охотников не мучит голод, они не восстанут против него. А в беспрерывных боях, может быть, погибнет и тот, кто должен прийти вместо него. Неизбежность того, что новый Первый, который сменит его, явится непременно, Дау постичь еще не умел. Не задумывался он и над тем, что именно его страх перед судьбой гнал красных охотников с одного места на другое. Вести свое племя вперед и вперед, из одной долины в другую, из одного боя в другой, в каждом демонстрируя свою непобедимость, такова была его цель. И, пока продолжалась эта гонка, Дау отгонял тяжелые предчувствия.

Племя красных охотников ушло из тех мест, где их отцы и деды сражались с другими племенами, равными им по уровню сознания. Двигаясь на юг, в зоне тропических лесов они вскоре встретили орду лесных обитателей, схожих с соплеменниками Ваи. Следующим открытием для охотников было то, что мясо родственников, более отсталых по развитию, ничуть не хуже другого, а добывать его легче, чем мясо зверей. Против копий с каменными остриями кривые дубинки лесных обитателей устоять не могли, и после каждой кровавой бойни, насытившись мясом врагов до отвала, охотники с удовлетворением думали о том, что о таком раздолье оставшиеся на севере племена не могли даже и мечтать. Возможно, через несколько лет и другие вожди поведут охотников по этой тропе, не находя иного способа избавиться от междоусобной резни и кровожадных соседей, но Дау заслужил по праву звание Первого — именно он ринулся на юг, увлекаемый страхом, причину которого мы уже знаем.

Это время массового истребления разумными существами себе подобных было одним из самых отвратительных, но неизбежных периодов на пути естественного отбора, редко оказывавшемся прямым и гладким. Изобилие мяса делало охотников сильнее, будило в них желание еще более кровавых подвигов, а костный мозг, который они высасывали, был полезен для развития их собственных мозгов. Мрачный, жестокий век; единственным оправданием красных охотников было то, что они ни на мгновение не отдавали себе отчета в том, что творят зло. Они внимали голосу страстей и инстинктов, а те гнали их дальше и дальше к югу, и, прочесывая беспощадным гребнем лесную полосу в двадцать-тридцать километров шириной, охотники рвались к новым победам, к новым кровавым пиршествам.

Это последнее превзошло все предыдущие. Четыре дня и четыре ночи полыхали огни костров, охотники наедались впрок, до потери сознания. Даже угрюмость Дау смягчилась при виде воинов в звериных шкурах, возлежавших вокруг костров. Они сильны, о как они сильны! И непобедимы в схватке, ни одна орда лесных жителей не может перед ними устоять. И повернн теперь он свое войско назад, в земли отцов, то одержал бы победу над всеми, кто остался там. Но радость Дау была недолговечной. В разгаре ликования его вновь уколол, словно колючка в зарослях кустарника, тайный страх, вроде бы похороненный навсегда.

Который из них?

Мад, могучий из сильных, Оро, лукавейший из хитрых, или Эор, друг камней? Мад силен, но глуп. Оро хитер, но слаб, а Эор скромен и молчалив. Это он вытачивает лучшие наконечники и ножи, это он придумывает самые хитроумные планы охоты, которые приносят успех; если он заговорит, а это случается нечасто, охотники умолкают, слушая его. Вот где беда, большая беда! Преемником будет Эор, только он... Впрочем, быть может, и нет... Эора интересуют только камни; дни напролет он точит и выглаживает наконечники для копий, а если прерывает свое занятие, то сидит, как изваяние, устремив взгляд куда-то вдаль...

Или это будет яростный Рэ? Рэ силен, как Мад, ловок в ремесле, как Эор, только буен и непостоянен,хватается за многое, но ничего не доводит до конца. Неукротим и храбр, в бою первым бросается на врага, а убивая, рычит, как дикий зверь, но в любую минуту готов схватить за горло своего же сородича, необуздан и свиреп. Нет, охотники не захотят иметь Рэ своим предводителем; если попробует вызвать Первого на поединок, другие убьют его прежде, чем он выйдет в смертельный круг. Но тогда кто же? Уж не Гаим ли? Его и Рэ родила одна мать; тонкий, упругий как лоза, глаза, как у хищника в засаде, горят зеленым огнем. Правда, пока еще соплив; Дау может задушить его как щенка, у костра, где греется Гаим, с ним рядом всегда торчат Нуг и Тиак; пройдет несколько лет, и эти юноши превратятся в могучих охотников.

Мысль о Тиаке заставила Дау вспомнить о хромоногом Юму и, как всякий раз, прийти в ярость. Юму был сыном предыдущего Первого. В тот день, когда Дау убил его отца, он был, правда, еще голопузым мальчишкой без имени, как и его младший брат Тиак. Отпрыски поверженного предводителя, у которого Дау отнял жизнь и власть... Став Первым, Дау из всех жен убитого взял себе в наложницы только Таму, мать Юму. Конечно, Ла была моложе и соблазнительнее, но, поняв, что ее ожидает, Ла схватила в охапку Тиака, визжавшего в тисках материнского объятия, и убежала в джунгли, не разбирая дороги. Она никогда уже не вернулась к кострам племени, а когда некоторое время спустя Дау узнал среди детей, окружавших Яду, жену Эора,— теперь ее уже не было в живых,— маленького Тиака, только-только начавшего ходить, он посчитал ниже своего достоинства требовать объяснений. В те дни Тама кормила грудью Ко, рожденного от него, Дау, а Юму, остававшийся при матери, прошел уже через первую порцию побоев, которые должны были объяснить этому волчонку, если он не глуп, что новый предводитель терпит его на белом свете только ради Тамы, его родившей. Нет, ногу он переломал ему не тогда, а годом или двумя позже. Одно воспоминание об этом эпизоде подхлестнуло его гнев. Красные охотники не отличались сентиментальностью и еще менее преданы были памяти старого вождя, которого победил Дау. Просто они считали неразумным убивать мальчика, который со временем должен стать для своего племени добрым охотником. Кроме того, они опасались: если Дау, придушив Юму, почувствует вкус

к детоубийству, поплатиться собственными детьми придется и прочим. И когда однажды Юму уже почти без признаков жизни висел в лапах Дау, кровожадного и мстительного отчима, все племя — правда, в первый и в последний раз,— ополчилось на своего вожака.

Дау охотно бы принял вызов и укокошил любого из охотников, но был бессилен против толпы женщин. Он швырнул им в руки бездыханное тельце мальчика и с угрожающим рычанием удалился в заросли. Кроме того, Яда, первая среди женщин, как он среди мужчин, взяла Юму под свое покровительство. Старая, умная и неустрашимая Яда, которая пережила двух мужей и незадолго до выздоровления Юму вышла замуж в третий раз, приняв в свои объятия Эора, который был намного моложе ее. Образовался грозный триумвират, ничего хорошего Дау не обещавший,— Эор, Юму и Тиак, да еще под крылышком Яды; к счастью для него, Яда вскоре умерла, так и не подарив Эору сына, а новая жена Эора, ревнивая Бек, первым делом постаралась отдалить его от Юму и Тиака, как только могла. Грóзный союз, таким образом, распался,прежде чем успел составить заговор. Но Юму остался жив, и сам Дау вынужден его терпеть, хотя стоит ему увидеть того, как в сердце закипает ярость за позор, который он испытал тогда, отступив перед женщинами...

Впрочем, Юму редко попадается на глаза, держится возле самого маленького костра, на границе темноты, и, если вожак сделает хоть шаг в сторону Юму, в следующий миг неверную тень последнего поглотит тьма девственного леса. Днем он прячется в кустах, бродит неподалеку от сбившегося в кучу племени; непонятно, как до сих пор его не сожрал желтый убийца, растерзавший многих здоровых и сильных охотников. Юму хромает, одна нога у него короче другой, но он, по сути, не таков, как все. Именно за это Дау издавна хотел его придушить. Еще мальчишкой тот не уступил дорогу ему, Первому. Когда шел вождь, мелюзга разлеталась по кустам, лишь бы не попадаться ему под ноги, таков был закон. А этот остался там, где стоял, поднял голову и в упор посмотрел Дау прямо в глаза. До сих пор не забыть этого взгляда, взгляда ребенка на убийцу своего отца — так казалось всегда Дау. И в этом взгляде не было ненависти, теплые карие глаза мальчика выражали что-то другое... Но что? Этого Дау не мог высказать теми немногими словами, которые знал. Он, могучий вождь охотников, чувствовал лишь, как от этого взгляда у него шевелятся волосы и чешется кожа по всему телу, хочется орать на весь лес и бить, бить все вокруг, только бы не видеть этих глаз. Вот и сейчас, как всякий раз, когда он вспомнит Юму...

Дау встал и отошел от костра.

Он убьет Юму. Сегодня же.

Охотники объелись мяса и слишком ленивы после трехдневного пиршества, да и довольны победой над врагом. Сегодня ночью ему никто не помешает, никто не призовет к ответу.

Но тень, которую он заметил неподалеку от светлого круга дальнего костра, метнулась и исчезла в непроглядной тьме. И Дау, Первый среди храбрецов, не посмел за ней следовать.

Первого двурогого нашел Юму. Красные охотники, впрочем, называли его иначе,— тупоголовым, довольно точно определив умственные способности этого громоздкого и неповоротливого животного, или еще хрюком. Было пока тепло, и Юму хорошо помнил, как, сбежав в ту ночь от дальнего костра, забрался на дерево, чтобы дождаться рассвета. Вдруг ему послышался шум падения грузного тела, треск ломающихся сучков. Но никакого крика, хрипа или другого звука не последовало, и Юму успокоился. Но вскоре появились дикие собаки, и, когда он неожиданным броском своего копья переломил ребра одной из них— хотя собаки находились на отдалении, по их мнению, вполне безопасном,— это им определенно не понравилось. Лесные сородичи Ваи никогда не поступали так. Протяжным воем, устремленным к мирно плывущим в небе облакам, выразив свое недовольство, собаки отступили в кустарник, но не ушли. Юму убил еще трех и только тогда случайно наткнулся на труп хрюка. Маленькое круглое отверстие с обугленными краями повергло Юму в такое же недоумение, как и тех,чье мясо, поджаренное на костре, он ел по милости своего брата Тиака, ибо Тиак был добрым родственником, в особенности в дни изобилия. Но мясо всегда мясо, даже в том случае, если желудок полон до краев, а красные охотники уже знали секрет, как с помощью огня и дыма уберечь его от порчи. Одна туша хрюка даст больше мяса, чем несколько косматых, во много раз больше. А охотиться на могучего хрюка слишком большой риск, несмотря на его тупость. Да и зачем, если уничтожить косматых, размахивающих дубинками, гораздо безопаснее, издали бросая каменные копья? Но тогда кто же?..

Ход мыслей Юму прервался.

Кто мог уложить могучего зверя?

Он еще раз наклонился над маленькой ранкой, принюхиваясь к запаху гари, затем отпрянул и огляделся, подняв копье. Кругом царило безмолвие, если не считать ворчания и тявканья диких собак. Стало страшно. Что он может сделать своим копьем против того, кто вот так, одним ударом свалил хрюка? Но еще хуже было нечто непонятное — почему это неизвестный бросил свою добычу? Так не поступит ни один хищник в лесу. Помнится, старики в племени — их осталось мало, большинство умерли, не выдержав беспрестанных длинных переходов,— рассказывали иногда, будто умершие продолжают жить среди живых, следуя за ними по пятам. Неуязвимые, ибо уже умерли один раз...

Юму содрогнулся. Он и сам много раз видел своего отца или Яду и, просыпаясь по ночам, искал и звал их, такими живыми и близкими они ему казались. Помнил он и о том, как, бывало, стонали от ужаса спящие воины, а когда их будили, то вскакивали и хватались за копье, чтобы продолжать схватку с видениями, мучившими их во сне. Но зачем мертвецу убивать хрюка, не

нуждаясь в мясе? Уж кто-кто, а Юму знал, в чей желудок попадет первый кусок мяса, вырезанный из тела жертвы и брошенный далеко в кусты в качестве жертвоприношения умершим. Еще в детстве дрался он из-за него с шакалами, идущими следом за племенем. Позже, став постарше, Юму понял, чей законный ужин он поедал, отбив у шакалов, и многие ночи напролет дрожал от страха, ожидая, что мертвецы потребуют вернуть их долю. Но никто не приходил.

Но если хрюк убит не для еды...

Мысли в голове Юму долго вертелись по замкнутому кругу, пока наконец не блеснула догадка: он убивал для них, для красных охотников! Если предок при жизни охотился для всего племени, мог ли он поступить иначе после смерти? Нет, конечно, нет. И если родной отец способен навещать во сне своего сына — Юму отлично помнил все, и отца в схватке, и удар каменной палицы Дау, хруст черепа и перекошенное болью отцово лицо,— отчего же, спрашивается, он не может, как в давнее время, убить хрюка?

Юму обошел неподвижную тушу кругом, но других ран не обнаружил. Получалось, что хрюка убил один-единственный удар копьем. В недоумении он поскреб затылок. Но ведь копье не может быть больше, чем дыра, которую оно проделало! Между тем круглая ранка так мала, что в нее едва влезет палец. И потом, какой силой надо обладать, чтобы брошенное копье, пусть самое тяжелое, пробило насквозь череп хрюка? Почему обуглены края раны и от нее пахнет жареным? Каждый охотник знает, что кремневые наконечники следует держать подальше от костра, ведь огонь рано или поздно пережигает камень, превращает в трухлявый песок. И как покойник может овладеть огнем? Немного есть на свете вещей, которые так легко обнаруживают себя, как огонь. Дым и свет от горящего костра видны издалека. Юму был уверен, что минувшей ночью поблизости не было никакого огня, он непременно заметил бы его, сидя на своем дереве.

Юму самым мудрым из всех охотников племени считал Эора. Прихрамывая, он подошел к стойбищу, чтобы поделиться с ним не только доброй вестью о найденной добыче, но и мучительными вопросами, сверлившими мозг.

Эор прихрапывал, раскинувшись на земле подле таких же, как он, непобедимых воинов, спавших вповалку среди разбросанных костей, оружия и прочего, позабыв о догоравших кострах, пускавших к небесам редеющие струйки дыма. Кто отважился бы нарушить отдых победителей? Прежде, в родных местах, ночной сон охраняли, бывало, бдительные дозорные, чтобы коварные враги не напали врасплох. Кто тут, в южных джунглях, умел обращаться с огнем и с кремневым оружием, были господами положения.

Несмотря на хромоту, Юму ловко, бесшумно скользил между распластанными телами. Наконец нашел спящего Эора и принялся его тормошить. Тот громко всхрапнул, забормотал что-то и спросонок отмахнулся, да с такой силой, что Юму едва успел отстранить голову. Открыв глаза, Эор сердито уставился на Юму.

— Чего тебе?

— Внизу, в кустарнике, лежит хрюк.

— Охотиться на хрюка? Сейчас, когда светло?— В голосе Эора послышались угрожающие нотки. Прежде он не считал Юму таким безмозглым.

— Не надо охотиться. На заре уже его кто-то убил!

— Кто-то?

Эор был на пять или шесть лет старше Юму, а потому живо сохранил в памяти немало кровавых стычек с соседними племенами, столь же сильными, как они. Подумав об этом, он не вставая схватился за копье, лежавшее рядом.

— Нет, не охотники. Тише!— Юму попытался успокоить встревоженного охотника, уже собиравшегося криком поднять остальных.— Кто-то другой, незнакомый... На хрюке всего одна ранка...

В голове у Эора боролись две несовместимые мысли: одна о полной несуразности того, что в этом деле замешаны покойники, а вторая о том, что Юму не скажет, чего нет и быть не может.

— Повтори еще раз!

— В кустарнике лежит убитый хрюк. Еще теплый. На нем всего одна рана... В голове...

— Желтый убийца?— вслух подумал Эор, но тут же усомнился. Свирепый хищник не оставит свежую добычу.

— Нет, нет. Ранка маленькая. В нее не проходит даже палец...

Эор глядел на Юму, словно видел его впервые в жизни. Затем бесшумно поднялся на ноги. Если он разбудит охотников и окажется, что хромой солгал, того убьют на месте, а он любил Юму. Поэтому новость сообщит он, Эор, но позже. Сперва надо убедиться самому. Эор подал знак, и оба неслышно скрылись в кустах.

Эор был лучшим мастером по камню и, кроме того, опытным охотником. Его слову нельзя было не поверить. Пылающий диск светила еще только поднялся над верхушками дальнего леса, а все охотники племени Дау уже толпились вокруг мертвого хрюка. Осмотрели рану, дивясь ее ничтожной величине, один за другим высказали свое мнение и, хотя расхождения во взглядах оказались значительными, весьма дружно принялись за разделку туши. Юму стоял поодаль; он успел перехватить злобный взгляд Дау. Если бы Дау узнал, что хрюка обнаружил этот плюгавый, то непременно бы на него бросился. Но о даровой горе мяса сообщил охотникам Эор.

В день, когда охотникам словно с неба упал убитый хрюк, желудки были полны, и только предусмотрительность, выработанная опытом, заставила их, пресытившись мясом людей, заниматься мясом животного. В округе не осталось в живых ни одного косматого; кто знает, сколько раз день сменит ночь прежде, чем они опять обозначат частоколом из копий место новой стоянки? А охотники за это время так привыкли есть мясо, что не могли уже без него обойтись.

Юму оказался не единственным, кто приписал смерть хрюка

теням умерших. Но говорить о них вслух было опасным делом, это могли себе позволить разве что старики, одной ногой уже стоявшие в загробном мире, им терять нечего. Кабы они умели, приписали бы все его величеству случаю и закончили бы бесплодные споры. Но этого не случилось, ибо судьбе на другой же день было угодно сыграть тот же спектакль с теми же исполнителями: Юму опять нашел на заре убитого хрюка и опять, дрожа от страха перед непонятным чудом, потащил за собой Эора в кустарник.

Второй хрюк поверг охотников в замешательство, а третий выбил из колеи даже уравновешенного и трезвого Эора: загадка состояла в том, что все три трупа нашел Юму! К сожалению, даже разумная голова мастера не могла сообразить, что Юму обязан этим своему особому положению в племени. Ведь именно он больше всех шатался по окрестностям, отбившись от остальных, и, если Дау приближался к нему на сорок шагов, он должен был бежать, если хотел обеспечить себе надежду выжить.

Эор рассказывал долго. Приводил подробности, радовался, как и все его соплеменники, волшебному свойству слов заново воспроизводить минувшее. Взоры охотников, сидевших на корточках вокруг костра, были устремлены на него; лишь иногда они поглядывали на Юму, по своему обыкновению молча торчавшего на краю поляны. Болтовня могла навлечь на него беду в любом случае, даже если бы Эор ясно и точно объяснил все происходящее. А поскольку он этого, естественно, сделать не мог, буря разразилась с еще большей силой. Красные охотники беспрекословно поклонялись только одному божеству — силе. Тому, что обеспечивало пропитанием и одновременно защищало жизнь, убивая нападающих врагов. Воплощением такой силы был для них Дау, поэтому они позволяли ему быть во всем первым. Его жестокость и жадность отличались от таких же качеств, дремавших в каждом из них, только тем, что его превосходство в физической силе понуждало остальных сдерживаться, и благодаря этому Дау был Первым не только в повседневной, осязаемой и наблюдаемой жизни, но и в равнозначной ей, хотя и невидимой сфере. В нем собирались помыслы и чувства всех, для того чтобы осуществиться, достигнуть цели. Охотники как бы пропускали сквозь Дау себя, всю свою жизнь без остатка; он означал для них гармонию мира, высшее равновесие души, которое не выразить словами. Вот эту-то гармонию и нарушил однажды Дау, когда хотел задушить здорового мальчишку. И это произошло сейчас вновь, причем, странным образом, поводом оказался опять Юму. Если бы первого хрюка нашел Эор,ничего бы не случилось. Эор принадлежал к числу самых уважаемых охотников племени. Его место у костра Первого, среди таких же, как он. В них, избранных, сильнее всего проявляется сила и власть самого Дау. Из их числа выйдет со временем и следующий Первый — таков извечный порядок вещей. Но под воздействием слов Эора, рассказывающего правду, в приплюснутых черепах охотников начали медленно проворачиваться два противоречия: мало того, что они ни на шаг не продвинулись

в поисках того, кто убивает уже третьего хрюка подряд; получается, что между этим таинственным и грозным незнакомцем, протыкающим череп громадного животного, и несчастным, которого терпят из жалости, определенно существует какая-то связь...

Условием для милосердия является отсутствие прямой опасности для жизни и полное брюхо. Еще несколько лет, еще несколько тысяч убитых и съеденных косматых, и это чувство обретет свое название и место. Останется в живых большее число беззубых стариков, будут кормить воинов, получивших раны в бою, даже если нет надежды на выздоровление. Сила племени, обилие пищи уже сейчас позволили бы проявить подобную гуманность. Наступит день, и повторение случайностей выльется в закономерность, и отношение любого члена племени к своему ближнему станет определяться этим словом и понятием, как нечто привычное и повседневное, еще задолго до того, как их изобретут. Но Юму родился слишком рано для этого. И с тех пор как вышел из-под защиты материнской любви Яды, своей жизнью обязан только собственной ловкости.

Конечно, слишком просто было бы называть ловкостью тот чрезвычайно сложный процесс, в результате которого внешние обстоятельства ни разу не брали верх над его способностью к адаптации, но каждый раз требовали напряжения всех сил, разума и воли для анализа и обобщения вновь обретенного опыта, с тем чтобы использовать в то же время его врожденные и благоприобретенные качества, равно как и случайные обстоятельства, иногда благоприятные, иногда нет, но никогда не роковые, тоже играли немаловажную роль. Именно благодаря сложному переплетению обстоятельств и причин, отношениям и поступкам окружавших его соплеменников, он закалился настолько, что вопреки своей хромоте остался в живых.

Обработать и проанализировать всю огромную массу перечисленных компонентов, сосредоточенных в ничтожно малой клеточке мироздания, было бы под силу разве только Большому Мозгу, электронному разуму «Галатеи». Если бы, разумеется, ему поставили такую задачу. Но Большой Мозг такой задачи от Гилла не получал, да и не мог получить. Подвергнуть анализу жизнь какого-то полудикого хромого, который откликался на кличку Юму и принадлежал к племени людоедов, переживающих эпоху раннего неолита? Тем более что за время от смерти Гилла до рождения Юму раны на деревьях, пораженных лучами реакторов «Галатеи», зажили, а сами деревья стали толще на добрую сотню годовых колец. Нет, Большой Мозг был занят выполнением другой задачи, точно по программе, составленной для него Гиллом перед смертью. Правда, она была не особенно сложной. Во-первых, при обнаружении в радиусе одного километра от корабля предмета весом более ста килограммов включалась предупредительная сирена, а через шестьдесят секунд давался выстрел лазерным лучом. Гилл либо ошибся в оценке быстроты реакции двурогих, либо просто не предполагал, что они настолько глупы. Именно в этом таилась причина

того, что, вопреки воплям сирены, большое число этих животных гибло от смертельного жала лазера, поставляя свежее мясо к столу косматых. Вторая часть программы сравнительно редко вступала в действие: на дистанции пятьдесят метров уже независимо от массы движущегося к «Галатее» предмета включался направленный пучок инфразвука такой частоты — Большой Мозг, разумеется, не вникал в существо дела,— которая вызывала у живых существ чувство панического ужаса. К тому времени, когда радиоактивность из-за аварии реактора упала ниже уровня, определенного Гиллом, два пункта программы автоматически изменились. Мозг выключил сирену полностью, а рецепторы слежения на ближнем — пятидесятиметровом кольце, получив внешний сигнал, трансформировали его уже в другую, более сложную систему. Разумеется, Большой Мозг не отдавал себе отчета — как это делал Гилл, составитель программы,— в конечной цели своей деятельности. Команды, которые он отдавал различным системам, зависели только от наступления или ненаступления определенных внешних условий, параметры которых были заранее установлены программистом и введены в электронную память. Эту цель, или, по крайней мере, ее часть, как ни странно, суждено было познать существам, находившимся на самой низкой ступени развития разума,— Ваи и его сородичам по орде. Сначала То испускало вопль и поражало смертью, потом замолчало и убивало без предупреждения, приближаться к нему строжайше запрещалось. Однако эту утилитарную истину красные охотники, истребившие орду Ваи, не унаследовали от своих предшественников, хотя и стремились овладеть содержимым черепных коробок косматых лесных обитателей, но совсем в иной форме — просто чтобы съесть. Между тем именно эта тоненькая и далеко не всем ясная цепочка взаимозависимостей, возможно, очень существенно могла бы повлиять на судьбу не только Юму, но и его племени.

Юму понимал: не миновать беды. Он стоял, как привык это делать после смерти Яды: весь упор на здоровую ногу, чтобы, сделав прыжок в сторону, исчезать, словно тень, не шевельнув даже листик на кусте.

...Эор продолжал говорить, все энергичнее помогая себе жестами. Дау кипел от злости уже после первого упоминания о Юму, остальные охотники тоже волновались все сильнее. Каждый должен совершать поступки только по своему рангу, чтобы не оскорблять авторитет вышестоящих. А табель о рангах можно изменить лишь двумя путями: либо славой, добытой в бою, либо победой над соперником в поединке. В обоих случаях решает Дау; только он называет имена воинов, имеющих право занять место у первых двух костров на победном пиршестве, только он разводит охотников, бьющихся в поединке, не допуская, чтобы они изувечили друг друга настолько, что это обернется ущербом для всего племени в целом. Биться насмерть полагается только за место вождя, таков закон. Того, кому он присуждал победу, Дау обнимал за плечи, а побежденный спешил скрыться, зная, что через минуту на него бросятся оба: и победитель, и сам Дау.

Конечно, случайно набрести на добычу вроде убитого хрюка дозволено каждому, тем более такому уважаемому охотнику, как Эор. Можно и раз, и два, и хоть десять, это лишь поднимет его авторитет, хотя и испортит настроение Дау. Но чтобы это сделал ничтожный Юму?

Красные охотники отнюдь не были глупы. Более того, жизнь научила их логически мыслить, конечно, до известного предела; именно по этой причине они были возмущены, когда столкнулись с фактами, которые никак не вязались с логикой. Тот, кто убивает хрюков, кто бы то ни был, обладает нечеловеческой силой. Хрюк — животное глупое и плохо видит, всякий, наткнувшийся на него в кустах, легко убежит от его атаки. Но шкура хрюка так толста, что копье пробивает ее только с близкого расстояния, и, прежде чем пасть замертво, хрюк потопчет немало охотников. Поэтому племя Дау, наткнувшись на более легкую добычу в лице сородичей Ваи, оставило в покое этих грузных млекопитающих.

Ну а теперь?..

Какая связь существует между Юму и истреблением хрюков? Трупы всегда были еще теплыми, когда Эор приводил к ним своих соплеменников; значит, Юму видел их до этого, еще раньше... Уж не видел ли он и того, кто их убивал? Но если он видел убийцу, ясно, что и тот видел Юму и его не тронул. Возможность существования союза между могущественным незнакомцем и Юму была непостижима и пугала охотников, однако другого вывода их мышление не допускало. И далее: если бы этот грозный союз завязал один из воинов, сидевших возле Первого, пусть даже у Второго костра, союз пошел бы на пользу племени. Несколько перемещений в табели о рангах, одобрительное ворчание Дау или, в крайнем случае, поединок с Дау за звание вождя, и новый Первый приобрел бы для племени могучего союзника. Он его личный друг, а потому и всем красным охотникам вредить не станет. Ну а Юму стоит так далеко внизу, собственно, не занимает никакого места. Что будет, если он, обиженный, приобретет столь всемогущего друга?

Вот как получилось, что впервые на протяжении всей жизни Юму страсти, обуревавшие Дау, и воззрения охотников относительно его персоны совпали: хромой должен умереть! Вывод был продиктован лишь страстями, ибо разум мог бы подсказать охотникам и такую мысль: а не захочет ли таинственный незнакомец отомстить за смерть Юму?

Дау вскочил, и мгновение спустя вся ватага охотников бросилась к костру, за которым успел скрыться Юму. Убить, уничтожить, освободиться от загадочного, а потому опасного! Только это желание гнало их по следу несчастного, которого они ненавидели теперь настолько же сильно, насколько в прошлом презирали. Ведь если Юму, раскинув руки, с копьем в спине упадет замертво, с его смертью умрут и тревожные мысли по поводу собственной безопасности.

Первая яростная атака не принесла успеха, Юму и на этот раз хорошо рассчитал время, поймать его не удалось. Тогда охотники рассыпались цепью, как они делали, преследуя косматых. Длинная редкая цепь загибалась в форме полумесяца,

по краям бежали молодые быстроногие воины. Промежуток между охотниками в цепи не превышал дистанции, на которой летящее копье сражает насмерть. Ничто живое не могло ускользнуть от этого смертоносного невода, и, если цепь двигалась достаточно быстро, ни один косматый не избегал своей участи. И теперь оставалось только ждать, пока в той или иной точке леса не прозвучит победный клич: вот он! Тогда охотники кучей бросятся на Юму, ибо каждый жаждал обагрить свое копье кровью возмутителя спокойствия.

Обоняние красных охотников было менее острым, чем у сородичей Ваи, его притупил дым костров: дешевая расплата за овладение чудесной силой огня. Впрочем, в этой разновидности охоты нюх и не требовался. Рано или поздно они окружат беглеца, в отчаянии повсюду оставлявшего за собой следы. Оборванные листья, отпечатки ступней на сырой земле, под кустами или около ручья, клочок бурой шерсти на сучке — этого было вполне достаточно для того, чтобы безошибочно следовать за косматыми. Но Юму был их соплеменником, он знал приемы охотников, знал и цепочку, даже сам порой принимал в ней участие, стараясь очутиться на самом фланге. Правда, там приходилось мчаться изо всех сил, зато Дау был подальше.

Остановившись, чтобы перевести дух, Юму прислушался. Чем погоня быстрее, тем больше от нее шума: шорох и треск кустарника обычно слышны там, где бегут молодые, на флангах, поэтому нетрудно определить, где они сейчас. Прорваться в центре ему не удастся, вокруг Дау группируются сильнейшие воины. На флангах же молодые бегут быстро, зато у них мало опыта. Нужно затаиться, переждать, пока эти юнцы подойдут поближе, а потом незаметно проскользнуть между ними. Даже если они спохватятся и увидят его бегущим в другую сторону, выигрыш времени обеспечен. Ведь Дау придется выворачивать всю цепь наизнанку, а пока дальний фланг перестроится, он успеет...

Слева треск сучьев показался ему ближе. Постоянное одиночество научило Юму владеть собой. Подавив страх, он заставил себя повернуть и двинуться навстречу приближающемуся шуму. Ясно было, что левый фланг цепочки отстал от правого, шум последнего слышался уже далеко впереди. Теперь замешкавшиеся молодые охотники будут стараться нагнать, ибо в противном случае им угрожает гнев Дау, тот покинет свой пост, примчится на фланг, и горе тем, кто окажется в числе замешкавшихся.

Ближайший из охотников с треском пробирался сквозь заросли всего шагах в двадцати. Юму присел и, сжавшись в комок, словно слился с темным кустом, который избрал в качестве убежища. Ветви служили продолжением рук, а ноги уходили в землю, переплетаясь с корнями. «Я куст, пусть глаз охотника увидит меня зеленым кустом, шелестящим листвой...» Это ему почти удалось.

Гаим вскрикнул от неожиданности, увидев, как куст на его

глазах превратился в Юму, и лишь мгновение спустя метнул копье в спину убегавшего. Острый наконечник полоснул по предплечью, но возбужденные нервы на первых порах заглушили боль. Юму помчался дальше, лавируя между деревьями, хотя знал, что кровавый след выдаст его. Подгонял страх при воспоминании о копьях, не менее острых, чем разорвавшее ему плечо. А боль беспощадно подступала к сердцу...

По удалявшимся крикам он понял, что цепь еще не повернула вспять. Но теперь удача была для него всего лишь отсрочкой, острые копья настигнут раненого все равно.

Выскочив на какую-то поляну, Юму вдруг остановился и отпрянул, словно его хлестнуло ветвью по лицу. Подняв взгляд, он невольно зажмурился, ослепленный блеском «Галатеи». Прижал к глазам ладони, но и это не помогло, перед глазами плясали огненные блики. Он невольно застонал, но по инерции двинулся вперед, ничего не видя перед собой, спотыкаясь и пошатываясь, все ближе придвигаясь к холодному сиянию...

Когда свет, исходивший от «Галатеи», заставил остановиться его разъяренных преследователей, они словно окаменели. Старшие из охотников, в памяти которых сохранились ландшафты северных мест, откуда их увел Дау, нередко встречали там острые, как зубы дракона, скалы. Правда, ни одна из них не светилась столь ослепительно, зато у их подножия гнездились тысячи змей, выползали погреться на пригреве, извивая свои скользкие, гладкие тела. Красные охотники унаследовали от предков отвращение и ужас перед этими холодными гадами, но кровавый след Юму вел прямо к игловидной скале.

Дау, сопя от ярости, потоптался на месте и решительно рванулся вперед, остальные охотники с видимой неохотой, но последовали за ним. Они шли до тех пор, пока копья в их руках не задрожали, как от порыва урагана. «Змеи»,— подумал Дау. «Змеи»,— подумали старшие; но молодые воины тоже тряслись от ужаса, хотя никогда в жизни не видели ни скал, ни змей. Наконец Дау почувствовал, что, если сделает еще шаг, тут же умрет от страха. Он круто повернулся и, растолкав сгрудившихся соплеменников, не заботясь о престиже и достоинстве, бросился наутек по направлению к стойбищу.

Вскоре все охотники, преследовавшие Юму, с разбитым и усталым видом возвратились туда. Опустились на корточки, угрюмо смотрели в костер, от которого вслед за Дау, разъяренные и непримиримые, час назад кинулись в погоню. Ни один не смел заговорить о том, что же, собственно, произошло, или хотя бы попытаться осмыслить случившееся. После долгого молчания Дау хриплым голосом объявил, что на другое утро они уходят искать новые места для охоты. На этот раз ему удалось выразить единодушное мнение своих соплеменников...

Но на другое утро Эор опять наткнулся на мертвого хрюка, теперь уже четвертого, невдалеке от того места, где первого нашел Юму. Охотники воспряли духом. Получалось, что таинственный незнакомец продолжал действовать и в отсутствие Юму! Да еще выбрал в друзья не кого-нибудь, а Эора. Все успокоились, только

один Дау трясся от ужаса пуще прежнего. День поединка за право оставаться Первым, значит, теперь уже близок. И он настанет раньше, чем они переселятся на новые места. Ведь охотники уже оставили мысль о предстоящем походе и заново разжигали костры, чтобы полакомиться жарким из сердца, печени и мозгов хрюка, а затем приступить к заготовке копченого мяса, работе столь же нужной, как и длительной.

Но Дау ошибся. Вместо дня смертельного поединка за первенство пришел другой день — и очень скоро,— по наступлении которого он никогда уже не боялся, что будет побежден. Ему суждено было содрогаться от другого страха, который не выпускал его из своих когтей уж до самого смертного часа.

Единственный способ проверить все — вспомнить. Дисциплинированная, систематичная память, только она инструмент контроля. А в процессе воспоминания выяснится, насколько он способен управлять собой. Да, дисциплина — это главное, ибо провалы в памяти могут быть заполнены с помощью труда, а трудом управляет дисциплина. Желание открыть глаза было сильно до боли, он изнывал от него, напрягая все мышцы тела.

Нет, нельзя.

До тех пор пока здесь, внутри, еще не все в порядке, глаза открывать не следует. Картины воспоминаний прижимаются одна к другой, словно ступеньки двух бесконечно длинных веревочных лестниц, бегущих параллельно, как спирали ДНК. А он сам болтается между ними, в то время как должен принадлежать одной из них, только одной. Он знает, какой. В конечном счете это тоже вопрос дисциплины. Как и подавление чувства боли. Он должен ступить на ту, вторую, лестницу, прочно и твердо, и уже оттуда, стоя на ней, наблюдать другую, всю целиком, с ее муками, страхами, страстями. Пусть она не принадлежит ему, эта первая, но она имеет к нему отношение, не может без него существовать. Но и в этом случае она всего лишь средство для достижения цели, к которой он стремится. Если боль невыносима до крика, он должен слушать этот крик словно со стороны и стараться его укротить. Именно нужна дисциплина, власть разума над телом; путь, ведущий к цели, лежит только через абсолютность этой власти. И если он достигнет такой власти над собой, став обеими ногами на свою лестницу, приникнув к ней,— ему показалось, еще чуть-чуть, и это удастся,— вот тогда можно, даже нужно начать вспоминать. А когда будет проверено и это, он откроет глаза. Вот он уже ухватился за ступеньку, но резкая боль грубо оторвала, швырнула обратно. И вот он снова болтается между двумя спиралями и орет во всю глотку. Придется начинать все сначала. Нужно изменить тактику. Прежде всего одолеть боль. Он отодвинул ее точно на ступеньку первой спирали, и медленно, осторожно приближается ко второй. Если ухватит, уже не выпустит.

... Итак, подавил боль. В области латеральной мышцы верхнего предплечья — сознание того, что он употребляет привычные термины, наполнило тайной радостью приближения ко второй лестнице,— ощущалась поверхностная жгучая боль,

отдающая внутрь. Если задет центральный нерв — а что еще? — то, учитывая состояние периферийных рецепторов...

Он сделал ошибку. Не следовало так сосредоточиваться на этом. Подняв правую руку, он потрогал болевшее место. Боль славно удесятерилась, пришлось кричать. Не смог он приказать и глазам. Они открылись, чтобы увидеть рану, где рождалась эта нестерпимая боль. Весь план постепенного овладения спиралью рухнул напрочь.

Но в тот же миг, когда он увидел кровоточащую рану на руке, вместо наступления хаоса все вдруг просто и спокойно стало на свои места.

— Гилл, ты идиот!— сказав это, он почувствовал неописуемую радость от долгожданного слияния с ускользавшей спиралью.— Наложи бинт, иначе истечешь кровью!

Неуверенно поднявшись с пола, он едва устоял — голые ступни поскользнулись на гладком пластике пола командного салона.

Кресло, в котором прежде лежал Норман, пустовало. Как попал сюда робот? Почему он лежит, уткнувшись в пол, и что это под ним?...

Стоп!

Сначала займемся раной. Если не уберечь этого нового тела, кто знает, когда еще раз представится такой случай? Юму сидел на ступеньке той первой лестницы — спирали. Собственно, даже не Юму, а бесконечные вереницы картинок-воспоминаний, которые в равной степени принадлежали и ему, Гиллу. Вплоть до того момента, когда копье Гаима разорвало левое плечо. Жаль, воздействие инфразвука оставляет провалы в памяти, и теперь не узнать подробностей пути, который привел Юму от удара копьем до кресла в командном салоне, под огромный полусферический шлем главного консоциатора.

Только спускаясь по лестнице, Гилл заметил, что хромает. Этого, к сожалению, поправить нельзя. Пускай уж так, могло быть и хуже, окажись на месте Юму однорукий или чем-то больной... От рецепторов и от Большого Мозга можно требовать многого, но более высокий уровень селекции просто недостижим. Поймать в фокус движущийся предмет, мгновенно сравнить его со всей коллекцией, собранной Эдди, и, убедившись в правильности выбора объекта, включить программу — задача выполнимая. Конечно, неплохо было бы еще узнать, сколько лет этому телу. Он молод — Юму, во всяком случае, чувствовал себя молодым,— но это определение весьма туманно. Кроме того, следовало бы точно установить среднюю продолжительность жизни охотников в племени. Иначе не будешь знать, на что рассчитывать...

Уж не повторится ли вновь скачка наперегонки со временем, наподобие той, которую Гилл выдержал в момент рождения идеи?

Вид перевернутой вверх дном медицинской комнаты и на этот раз доставил удовольствие. Неплохая работа... Необходима, однако, осторожность, чтобы не споткнуться и не повредить кабели или места спайки. Гилл примирился с хромотой — если бы

не она, Юму никогда не научился двигаться с такой осторожностью. Оборудование надо беречь, оно еще пригодится.

Пальцы рук оказались непослушными и неловкими, как, впрочем, и управляющая ими воля. Он долго возился, пока остановил кровотечение, предварительно продезинфицировав рану. Пластырь тоже плохо ложился на волосатую кожу, пришлось заливать коллодием. После этого он отыскал болеутоляющие таблетки, но проглотил только четвертую часть обычной дозы. Теперь он на двадцать кило легче, а кроме того, нервная система Юму не испытывала ничего подобного. Пусть уж лучше боль,чем отравление, а о фортфере вообще не может идти речи. Гилл с сожалением повертел в пальцах таблетку чудодейственного средства, она напомнила о той помощи, которую оказывала при составлении программы... Но механизм действия фортфера слишком затрагивает лимфатическую систему, а эта система и есть, собственно, сам Юму. Рискованный эксперимент, даже слишком.

Гилл направился в душевую, чтоб смыть кровь. Кроме того, горячий и холодный душ освежит его, в какой-то мере заменит допинг, от которого он воздержался.

Глянув на себя в зеркало, он ужаснулся и невольно отпрянул. Вся психологическая подготовка летела к черту — на него глядел тощий, жилистый человечек, покрытый редкой шерстью и совершенно голый; изуродованная нога была сантиметров на пять короче здоровой. Безволосое лицо, изрезанное глубокими морщинами, низкий, надвинутый на глазные впадины лоб, продолговатый череп, заросший густыми космами волос, напоминал портрет неандертальца, висевший в музее дарвинизма. Было от чего прийти в отчаяние!.. Лишь выражение темно-карих, смышленых и внимательных глаз доставило Гиллу некоторое утешение. Зрачки, сузившиеся от необычно яркого для них света, превратились в точки, но не потеряли живости.

«Слава богу, неглуп,— подумал Гилл с надеждой.— Ничего, будем учиться». Он поощряюще улыбнулся и едва не упал, такой отталкивающей вышла гримаса с оскаленными зубами. «Улыбаться тоже!»— добавил он про себя. Мышцы не так просто воспринимают изменившееся содержание психики, для этого нужно время. Об этом он знал из опытов, проводившихся еще там, на Земле. Эксперименты! Только теперь он понял — и от сознания этого у него вдруг перехватило дыхание,— понял на собственной шкуре, впрочем, даже еще не на собственной, а на общей с Юму,— что великий Бенс просто обманщик, а его всемирно известные опыты не более как нагромождение неудач. И даже не обманщик, а трус. Как он рассуждал об этике, морали, гуманизме! И этой болтовне верили. И не только он, Гилл, а и другие, все верили, все! Несчастный кретин, давший согласие стать подопытным кроликом, произносил вызубренный урок, а затем аппараты измеряли, насколько череп живой обезьяны под волнами консоциатора способен воспринимать комплекс импульсов, составлявших человеческую психику, предварительно закоди-

рованную и введенную в память электронного мозга, компьютера, и затем Бенс благодушно подавал знак.

Смерть, конечно, была безболезненной. Гуманист Бенс не потерпел бы, чтобы подопытному причиняли боль. Но почему никто никогда не подумал о том — кстати, именно из соображений гуманности,— знают ли добровольцы,согласившиеся дать репрограммы для эксперимента, какая судьба ожидает их двойников-обезьян?

Бенс с постным выражением лица устремлял взгляд в потолок всякий раз, когда очередной несчастный, испустив короткий и совсем нечеловеческий вопль протеста, затихал в удобном мягком кресле. Нет, нет, попытки трансплантировать эмоциональную сферу психики потерпели крах, несмотря на великолепно разработанный метод Бенса. Ведь в кресле всякий раз кричала обезьяна, а не человек... Но кресло было так удобно, а смерть мгновенна и безболезненна. О гуманизм! Пациенты были обязаны чувствительности Бенса еще и тем, что каждый из них был уверен, что это произойдет не сегодня, а в другой раз, ведь сейчас пригласили для очередного разговора, как обычно. Им никогда не говорили правду: да, сегодня, сейчас...

Если бы Бенс узнал, как знает теперь Гилл, хотя бы на секунду почувствовал, сколь важно — нет, абсолютно необходимо!— держаться за свое тело, за эту, а не другую жизнь, то понял бы, насколько сам он ограниченный и трусливый дилетант! Настоящий-то эксперимент должен был только начаться, а они свернули все и объявили о его завершении. И над трубой крематория, упрятанного в глубине парка, окружавшего клинику Бенса, на краю дремучего леса, тонкой струйкой колыхался воздух; он был прозрачен, газоуловители не пропускали даже мельчайших частиц пепла,— опять-таки во имя этики, морали, гуманизма...

Теперь эксперимент проведет Гилл. Теперь он может это сделать... Пять долгих лет он работал рядом с Бенсом, восхищался им, угадывал его мысли, знал его лучше, чем кто-либо другой...

Встряхнув головой, он встал под горячую струю воды. Нет, от Бенса теперь уже никакой пользы. Ему нужны Сид, Максим и Ярви. Да, да, именно в таком порядке. Пилот-навигатор, инженеры, после них Эдди... а Норман? Гилл заколебался. Нет, Норман не нужен. Впрочем, пожалуй, можно было бы, но... Конечно, он мог бы солгать самому себе, что моделирование и воссоздание такой личности, как Норман, рядом с которой он сам... Зачем? Нет, нет и нет. Юму, находившийся на соседней спирали, тоже одобрял такое решение. Норман не симпатичен Юму так же, как он сам боится Дау. Гилл содрогнулся: «Я боюсь Дау? Какой абсурд». Вооружившись инфрапистолетом, он отправится в лес и устроит не представление, чудо!

Гилл с наслаждением потянулся, затем раздраженно хлопнул по кнопке душа: струя воды, будто от испуга, сделалась тоньше, перешла в капель, прекратилась совсем. Он сел на мокрую решетку и опустил лицо в ладони. Черт бы побрал этого Бенса вместе с его великолепной клиникой в центре Африки у подножия

Кибо! Гилл боится Дау. Это означает, что доминанта Юму велика. Ну а если со временем она еще усилится? Там, в клинике, им ни разу не удалось проследить динамику соотношения, установить, ослабевают ли черты трансплантированной человеческой психики. Ни одна из обезьян не жила потом более трех-четырех недель. Этого было достаточно для контрольных опытов с помощью тестов, вплоть до последней прощальной беседы в кабинете Бенса. Но тут нужны не недели, а месяцы, годы! Конечно, он может повторно усаживаться под колпак консоциатора и «подзаряжать» свою человеческую сущность до тех пор, пока Юму не станет бояться и этого... Разрази господь этого Бенса, ведь они не провели ни одного опыта на повтор воздействия! «Ладно, сам виноват,— произнес вслух Гилл,— знал же я об этом, закладывая свою репрограмму, и это меня не остановило».— «Но я просто хотел жить,— тут же ответил он сам себе.— Жить, чтобы доказать, что есть иное, лучшее решение, чем предложил Норман. Доказать, что есть у меня воображение! Что именно я, я смогу вернуть «Галатею» на Землю; что нет никакой нужды дожидаться, пока другая экспедиция...»

Звук собственного голоса ошеломил его больше, чем отражение в зеркале. Слова вдруг деформировались, превратились в какой-то лай. Опять Юму, притаившись на соседней спирали, только и ждет, чтобы взять верх над Гиллом. Требует слова при малейшей возможности. Если произношение Юму не изменится к лучшему, Гилла просто не поймут автоматы.

Только не впадать в панику. Дисциплина прежде всего: он забыл, что с этого начал. Первый день всегда проходит в критическом состоянии, так было и в клинических условиях, при Бенсе. Он мог бы вспомнить об этом раньше. После первых часов успеха наступает регрессия, ведь он сам вычислил кривую и описал результаты наблюдений. «Оценка фазы относительной регрессии в зависимости от типа психики трансплантированной личности»— так называлось это исследование. Бенс не разрешил его опубликовать, главное, из-за того, чтобы вообще не сообщать о наступлении фазы регрессии, да еще в самом начале. Он объяснил, что их оппоненты немедленно ухватятся за этот факт. Но при дальнейших опытах его следует принять во внимание. Успокоительные препараты в малых дозах, минимум внешних раздражителей, спокойная обстановка, избегать всего, что может влиять на эмоции, кроме радости успеха... Итак, Гилл, ты должен остерегаться Юму; и радуйся тому, что живешь. Пусть это будет для тебя первой радостью успеха.

Он поднялся, пустил холодную струю и стоял под ней до тех пор, пока не начал дрожать в ознобе. Посмотри, Юму, сколько ты можешь выдержать. Ты привык к теплу, и, если холодная вода не сведет тебя с ума, значит, ты парень надежный, не неврастеник.

Он выдержал, даже без крика. Но потом наступила слабость, такая, что теплый воздух в сушилке, казалось, поднимет и закружит его как пушинку. Веки смыкались сами собой. Да, теперь спать. И без сновторного. Завтра продолжит...

Надо бы подняться в командный салон и установить, как там

очутился Шарик. Любопытно, даже очень. Но усталость оказалась слишком велика, и Гилл завернул в коридор, где размещались спальни.

«Бедняга Сид»,— подумал он, толкнул первую от входа дверь и тут же отскочил, с ревом помчался вдоль по коридору — с кровати Сида на него ощерилась багровая маска высохшего, как мумия, лица Нормана.

Юму, охваченный ужасом, спрыгнул со своей ступеньки, перепутал ниточки спиралей. Матово поблескивающие стены стальной тюрьмы многократно усиливали безумные крики, боль от ушибов, отчаяние запертого в клетке животного.

— Я не знал... Не мог знать... Забыл, совсем забыл,— бормотал он, содрогаясь от рыданий полчаса спустя, сжавшись в комок на постели в каюте Эдди и затыкая себе рот одеялом, чтобы не повторилось все сначала.

Спасительный сон не наступал, приходилось вести тяжкую борьбу с осатаневшим от ужаса Юму, подавлять нараставший страх, путавший и рвавший наложенное с таким трудом равновесие спиралей, стремительно толкая его к потере сознания. Ценой неимоверных усилий воли Гиллу удалось удержаться на краю этой бездны, разгладить сведенные судорогой мышцы.

Большой кусок поджаренного на костре мяса, который держал в руке Эор, казался самым соблазнительным за всю его жизнь. По запекшимся коричневым краям текли струйки из сырого нутра. Если откусить, два ощущения сольются воедино — божественный вкус и желание получить еще кусочек, такова двуединая гармония желудка. Юму проглотил слюну и облизнулся. Эор всегда давал ему мяса, поступит ли он так же и на этот раз?...

Великолепный кусок. Что же делать? Если протянуть руку, Эор может сердито отдернуть мясо: то, что приглянулось другому, становится желанным для тебя самого. Юму удивился ясности своих мыслей в тот момент, когда перед самым его носом маячил такой лакомый кусок. Но если сделать вид, что тебя он не интересует, тоже плохо. Эор подумает, что Юму сыт, и вонзит в мясо зубы: нет, это невыносимо! Он снова глотнул слюну и будто невзначай пододвинулся к Эору, к мясу. Эор не обращает на это внимания, он смотрит в другую сторону. Юму не видит даже, куда: его взгляд прикован к заветному куску, приближаясь, тот словно растет в размерах. Еще мгновение и... О ужас, Эор поднимает руку ко рту и сам впивается в мясо зубами...

В лаборатории Бенса мало интересовались сновидениями, имеющими источником не человеческий мозг, поскольку все подопытные обезьяны были рождены в неволе. Бенс утверждал, что, коль они не знают ничего, кроме клетки, все равно это искусственная среда, деформирующая психику. Поэтому содержание сновидений не имеет значения, следует интересоваться только психикой. Если она отклоняется от нормы, значит, либо

где-то в процессе трансплантации допущена ошибка, либо мы имеем дело с особенностью взаимовлияния внутренних факторов, индивидуальных свойств данной особи...

— Плевать мне на твои доводы, Бенс!— проворчал Гилл.— Я сыт ими по горло, а умру от голода.

Он сорвал станиолевую крышку с очередной банки консервов. Банка громко щелкнула — этот звук забавлял Юму и после,— предложила свое содержимое. Юму недоверчиво понюхал, затем брезгливо поморщил нос. Запах был один, а вкус другой. В памяти опять возник восхитительный кусок поджаренного мяса с бледно-розовыми струйками сока. Жаркое так и не попало к нему в рот, поскольку он проснулся и тут же вспомнил, что в последний раз ел еще позавчера, возле дальнего костра охотников. Пища была куда хуже той, что привиделась во сне, но если бы хоть та...

Аквариум с белковыми водорослями уничтожен радиоактивным излучением. Он так и думал. Ничего, он разведет новую плантацию, для этого нужна только сноровка и время, а запаса консервов хватит надолго, хоть на полгода... Но в этом-то вся беда! Когда он отведал содержимое из первой банки, желудок тотчас же запротестовал. Нет, консервы не испортились, облучение тоже не проникло сквозь защиту контейнера. Дело было совсем не в консервах, а в желудке Юму. Рискнуть есть насильно? Это может вызвать рвоту или того хуже, понос. Запросив противоположный полюс спирали, Гилл получил ответ: Юму никогда не ел того, к чему испытывал отвращение. Возможно, со временем он привыкнет к новым вкусам и к пище в коллоидном состоянии, но пока возможность голодной смерти вполне реальна. В качестве последней попытки он попробовал сгущенное молоко. Оно показалось тошнотворно сладким, пришлось разбавить водой. Теперь в животе переливалось более двух литров жидкости. Кажется, калорий и белков хватит на несколько часов, а если заставить Юму допить, то и до завтра. Но все равно это не выход, нельзя жить на одном молоке, необходимо как-то добыть мясо. Хотя бы такое, какое слопал Эор. Удивительно, до чего навязчиво это сновидение! Настойчивость естества? Но не беда, не будем пугаться. Юму имеет право на то, чтобы чувствовать себя лучшим образом. Гилл обязан сделать все возможное, чтобы добиться!

Он невольно должен был подумать о Бенсе с признательностью; разработанный им метод в части интеллектуальной сферы превзошел ожидания. Стройная последовательность мышления, точная алгоритмизация задач были такими же, как в то время, когда он был просто Гиллом. И если теперь он будет отталкиваться только от разума, воля и самодисциплина будут ему послушны в борьбе с эмоциями.

Эта мысль пришла ему в голову, когда он возился в складском отсеке, подготавливая роботов. Шесть выбранных и возрожденных к жизни механических чудищ, Юму немного их побаивался, но на этот раз Гилл не придал этому значения, послушно затопали к нижнему люку. Теперь надо было вернуться в командный салон, управлять ими дальше можно только с пульта, не то ему придется увидеть нечто похуже мертвой

усмешки Нормана. Значит, исходить только от разума, заставив его безраздельно управлять собой. Лишь тогда он, пожалуй, сможет вынести и это. Того, что случилось вчера вечером, не должно повториться. Если бы Юму был способен понять, чем он обязан тому, кого или, вернее, что он найдет возле командирского кресла, ему следовало тут же пасть на колени и молиться этим останкам, как божеству... Глупости, Юму еще не знает богов. Люди выдумали их уже позже, а потом сами же развенчали и уничтожили, и опять в целом мире остался только Человек. Таковы твои познания, Гилл. Но все равно это глупость: чем может быть кому-то обязан Юму? Стоп, не копаться, во всяком случае, теперь. Конечно, от этого вопроса не уйти, но сейчас не время этических проблем.

Итак, ближайшая цель — мясо; во рту опять набежала слюна. Что же надо, чтобы его получить? Ряд операций... Он глубоко вздохнул и вошел в командный салон.

Встреча оказалась менее тяжкой, чем он предполагал, и в этом большую услугу оказала любознательность Юму. Разумеется, история тех нескольких десятков часов, которые истекли от того момента, когда он, покончив с собственной репрограммой, встал из-под колпака консоциатора, и до падения робота Шарика, бесследно исчезла со смертью того существа, которое под действием кондиционированного воздушного потока превратилось ныне в подобие темно-серой, почти невесомой мути. Однако восстановить цепь событий было нетрудно. Прежде всего, присутствие и положение Шарика. Большой Мозг сохранил в оперативной памяти не только порядок последних команд Гилла, но и заданное время. Правда, они теперь никогда не совместятся, чтобы стать реальностью, но в этом, собственно, нет никакой необходимости. В желудке заворчало, напоминая, что разбавленное молоко является лишь временным компромиссом. Нужно мясо!

Автоматику выходных люков Большой Мозг включил еще в тот момент, когда в соответствии с заданной программой надо было открыть нижнюю дверь перед бегущим к «Галатее» Юму, у которого ужас перед смертью от руки Дау оказался сильнее, чем безотчетный страх, внушаемый инфразвуковым лучом. Оставалось проверить радиосистему, управляющую роботами. Один за одним загорелись на пульте все шесть зеленых глазков, возвещавших, что роботы готовы к исполнению приказа. Гилл открыл нижнюю дверь, и стальные слуги, осторожно переступив порог, вылезли из чрева «Галатеи». На двадцати метрах, когда их изображения появились на экране, он подал им команду: «Стой!»

Предстоящая задача была несложной, но куда ввести программу?

Все незанятые емкости памяти Большого Мозга понадобятся для другого, их может даже не хватить. Подумав, он остановился на системе управления двигателями. Когда в ней возникнет необходимость, роботов можно вернуть на борт. Быстро покончив с программой, он подключил ее к радиопередатчику, и шесть стальных чудовищ двинулись в путь. Некоторое время он следил

за ними на экране; роботы двигались в заданном направлении через кустарник, обходя пни и деревья. Шли они медленно, но Гилл знал, что при таком движении расход энергии минимален, а до цели они дойдут, не к спеху. Через три часа они остановятся и закопают себя в землю, чтобы случайный вихрь их не опрокинул и не вывел из строя. А после этого вокруг «Галатеи» в радиусе пяти километров возникнет инфразвуковое «кольцо страха». *Только для тех, кто захочет выйти за его пределы.* Для всех входящих, движущихся в сторону «Галатеи», путь будет открыт.

Прежде чем включить Шарика, он постарался еще раз все взвесить. Если робот не поймет команд, поданных голосом Юму, это полбеды. Но если он «вздумает» защищаться от этих непонятных ему звуков? Управление с помощью биотоков более надежно, правда, лишь на расстоянии до трех метров. В этом случае, если робот упадет — а это не исключено, поскольку на первых порах Юму окажется не слишком ловок в управлении,— не задавит до смерти. Приняв решение, Гилл укрепил на себе четыре рецептора, по одному на руках и ногах. Рана на предплечье, причиненная копьем Гаима, все еще болела. Плохо: это означало, что работать левой конечностью Шарик будет неуверенно. Так, теперь еще один на поясницу, на затылке рецептор не нужен. Вертеть головой отдельно от туловища роботу пока незачем. На темени робота он закрепил инфразвуковой генератор, установив его на проверенной частоте — частоте страха. Беда только в том, что сам Юму будет бояться при его включении. Придется подавлять страх воздействием разума, а кроме того, дистанционный выключатель он укрепит себе на животе, наденет рабочий пояс. Туда же сунет и лучевой пистолет. О нет, не тот гуманный, который испускает ультразвук, а другой, под лучом которого вспыхивают деревья, плавятся камни, погибает все живое. На этой планете еще ни разу не приходилось прибегать к его услугам, он даже не помнит, в каком хранилище искать. Ну да ничего, посмотрит в каталоге, найдет. Пожалуй, пистолет будет тяжеловат для Юму, даже земному человеку таскать его на себе нелегко, жаль, нельзя доверить даже Шарику, но еще тяжелее будет пустить в ход. Морально, разумеется. Или, вернее сказать, удержаться — он вспомнил о Дау. На другом конце спирали запрыгал, злобно скаля зубы, Юму. На минуту Гилл заколебался. Имеет ли он право выйти с таким оружием? Но ему нужно мясо. Этот закон плоти действовал с такой же силой, как если бы Юму жил по-прежнему среди племени красных охотников.

Вскрыв робота со спины, он переставил реле на прием биотоков по коротковолновой шкале. Минимальная дистанция управления три метра. Это означало: если Гилл подойдет к Шарику ближе, робот остановится. Максимальное удаление — тридцать метров: дальше им отходить друг от друга не придется. Пока в начинке робота он копошился через заднюю дверцу, все было в порядке. Но кнопка ручного выключателя помещалась спереди, на груди; Шарик продолжал лежать, опрокинувшись на то темно-серое...

Видеть свой собственный труп, более того, трогать его руками... Нет, Бенс, это ты едва ли мог бы себе представить. Ах, да ведь Бенса давным-давно нет в живых. Или он тоже составил себе репрограмму? Но зачем было трудиться? Вот расплата за твою трусость, Бенс! Прикрыв глаза, он решился; рука медленно заскользила по боку робота, направляясь к кнопке.

Не дотянулся, пришлось встать на колени. Но в тот момент, когда пальцы уже нащупали плафон кнопки, он прикоснулся ладонью к чему-то трухлявому, внешне похожему на папирус. Отвращение пронизало точно током, но усилием воли он удержал пальцы на выключателе и нажал. Послышался едва слышный щелчок. Не открывая глаз, он встал и попятился, пока не уперся в одно из кресел. Если сейчас потерять равновесие и упасть, Шарик тоже грохнется — их разделяло уже более трех метров. Ухватившись за кресло, он выпрямился и открыл глаза. Робот стоял, приподняв правую руку на такую же высоту, как его собственная рука, лежавшая на кресле. Гилл с облегчением вздохнул. Удалось...

Теперь по его команде Шарик отнесет останки в ту же кабину, где усмехается мумия Нормана. Лучевой пистолет он поищет один, без Шарика. До той поры он выключит робота, как только тот отнесет вот это.

Спустя полчаса оба вышли из нижнего люка, и Юму был безгранично счастлив набрать в легкие воздух, которым дышал с рождения. Забыв о своей хромоте, он едва не пустился бегом к лесу, но вовремя спохватился. Приходилось думать о роботе, да и лучевой пистолет оттягивал шею, оказавшись тяжелее, чем он ожидал, а на пустой желудок можно выдохнуться раньше, чем достигнешь цели. Лучше было бы держать робота возле себя, идти рядом, но это свяжет. Поэтому Юму пошел впереди, сдерживая свои порывы и стараясь не торопиться. С момента, как они покинули «Галатею», Юму все сильнее одолевало желание появиться в стойбище охотников. Снедаемый этой мыслью, он даже забыл о голоде. Спокойно приблизиться, а потом, если только охотники не разбегутся в панике при виде Шарика, тихонечко поднять лучевой пистолет и...

Нет, нет, Юму с его жаждой мести придется подождать. Он еще побывает в стойбище, и не раз, хочет того Юму или не хочет. Но не теперь.

Добравшись до вершины холма, Гилл приуныл. Было уже яркое солнечное утро, а Шарик передвигался непозволительно медленно; если же ускорить шаги, он поднимет такой шум, что распугает всю дичь на десяток километров в округе. В его неуклюжем теле таилась огромная сила, равная доброй полдюжине хрюков, заросли расступались перед ним со стоном и хрустом. Гилл досадовал на себя еще и за то, что только сейчас, в нескольких километрах от «Галатеи», ему пришло в голову гораздо более простое решение. Ведь программа, окружающая «Галатею» невидимым кольцом, защищающим ее от крупных зверей, продолжала действовать. Просто надо было посмотреть по регистратору, в каком направлении автоматика посылала

лазерный луч, скажем, за последние два-три дня, и прямехонько идти туда за добычей. Так нет, ему захотелось поохотиться самому, да еще с лучевым пистолетом! Что за нелепая романтика, только в первобытном мозгу Юму могла родиться такая идея. Если же теперь вернуться назад, они с тихоходом Шариком потеряют столько времени, что вообще никуда не успеют.

Но им улыбнулась удача — Гилл увидел хрюка. Правда, он в какой-то степени сам содействовал этой удаче, хотя и не догадывался об этом. Высланные вперед шесть роботов взбудоражили спокойствие предполуденных джунглей. Появление столь неожиданных пришельцев всполошило зверье, выгнало их из укромных тайников и привычных убежищ в непроходимой чащобе, даже без применения инфразвуковых «лучей страха». Вот и этот хрюк еще недавно мирно дремал где-нибудь в тени развесистого дерева или, что более вероятно, нежился в теплой воде какой-нибудь укромной заводи — левый бок его блестел от налипшего ила, когда один из «стальных слуг» Гилла, двигавшийся по запрограммированному пути, вспугнул его из приятной грязевой ванны. Рассерженное животное неуклюже кружилось на месте. Невиданное чудище, возмутившее его покой, не имело никакого запаха, а обоняние было для хрюков самым надежным стражем и помощником. Хрюк, задрав вверх тяжелую голову, пытался уловить ноздрями хоть какой-нибудь понятный ему сигнал, но тщетно; тогда он грузно двинулся на близстоящий куст, но на полпути остановился и свернул в сторону.

Гилл медленно направил на него лучевой пистолет, стараясь сдержать в руках дрожь от тяжести. Хрюк между тем продолжал бессмысленно метаться на лугу, то и дело меняя направление. Ствол пистолета довольно неловко следовал за ним. Наконец Гилл потерял терпение — Юму давно уже бесновался на своем конце спирали,— нажал спусковой крючок и полоснул лучом, как очередью автомата, по участку пространства, где топталось животное. Гора мяса рухнула и замерла в неподвижности. Странно, Гилл почему-то не почувствовал гордости, обычной для охотника, поразившего живую мишень.

Шарик, быстро орудуя большими острыми ножницами — он в точности повторял движения хозяина,— разделал тушу. Поначалу Гилл собирался нагрузить робота кусками мяса, которое хотел взять с собой в «Галатею», но тут голод взыграл в Юму с такой силой, что он отказался от первоначального плана и заставил Шарика собирать хворост. Он помнил, сколько изнурительного труда нужно было положить, чтобы разжечь костер после долгих тропических дождей, а потому испытывал приятное превосходство перед Юму, переставляя регулятор лучевого пистолета на нужное деление. Две-три секунды направленного луча — и из кучки хвороста поднялись языки ярко-желтого пламени, затрещали вспыхнувшие ветки. От предвкушения еды потекли слюнки. Дразнящий кусок мяса, который не давался во сне, никуда не денется. Вот он, еще несколько минут, и можно наконец поднести его ко рту.

Шарик держал на вытянутой руке мясо над костром, не

спеша поворачивая его; конечности робота нечувствительны и к гораздо более высокой температуре. Если бы не мучительное чувство голода, Гилл расхохотался бы: таким нелепым было зрелище стального чудища, жарившего у огня совершенно ненужное для себя мясо.

Наконец филе из хрюка достигло примерно той кондиции, которая была столь соблазнительна во сне, стало коричневато-розовым, пропиталось собственным соком и ароматом свежего дыма, и он подал Шарику команду остановиться.

Мясо было горячим, как тлеющие угольки, он перекидывал его с ладони на ладонь, шипя и присвистывая. Грязь на ладонях от запекшейся крови, смешавшейся с соком, стала еще чернее, и Гилл с некоторой тревогой вспомнил об элементарных правилах гигиены. Но Юму, скакавший в неистовстве все это время, нахально лишил его слова. Дав мясу немного остыть, он поднес его наконец к рту и откусил кусочек. Божественный, ни с чем не сравнимый вкус разлился, казалось, по всему телу; и Юму ел, ел, рвал зубами податливую волокнистую массу, глотал, едва прожевав очередной кусок, торопясь и захлебываясь, словно боясь, что в следующую минуту кто-нибудь отнимет у него долгожданную пищу. Все это сопровождалось таким сопением и урчанием, что Гиллу стало даже стыдно.

После первой удачи Гилл потратил еще три дня на заготовку мяса. Ему удалось прикончить еще одного хрюка, возвращаясь с Шариком, несшим добычу к «Галатее», они неожиданно наткнулись на него в овраге. Третью тушу помог обнаружить рядом Большой Мозг. На первый взгляд казалось,что этот способ добывания мяса наиболее удобный, но хлопот вышло больше, чем в первых двух случаях. Луч лазера убил животное не более четырех часов назад, но дикие собаки и хищные птицы уже успели разыскать лакомую добычу. Собаки почему-то нисколько не боялись Шарика, а потому решили, видимо, что легко справятся с одним двуногим, да еще хромым. Гиллу пришлось провести изрядное кровопролитие, искромсав с помощью лучевого пистолета дюжины две наглых хищников, прежде чем оставльные уразумели наконец, что имеют дело с оружием куда более опасным, нежели дубинки или копья лесных людей.

Холодильные шкафы лабораторий проектировались отнюдь не для хранения таких гор мяса, которые Гилл с помощью робота доставил на «Галатею». Пришлось очистить два складских отсека и установить кондиционеры на температуре ниже нуля. Это требовало дополнительного расхода энергии, ничтожно малого, конечно, по сравнению с ее запасами на корабле, но все-таки Гилл пошел на это, не желая тратить времени на беготню по лесу в поисках пропитания, по крайней мере в ближайшие несколько недель.

Много времени уходило на обучение Юму человеческой речи. По ходу дела, при всяком удобном случае и любыми способами он тщательно исследовал контакты и связи, существующие между Гиллом и Юму. Часами ломал язык, читал вслух длиннейшие тексты, затем прослушивал магнитофонные записи и выходил из

себя, когда динамик бесстрастно и холодно воспроизводил запись, допускал гораздо больше ошибок в произношении, чем ожидал Гилл. Затем он начал тренировать руки, приучая их к более сложным и тонким операциям; разобрал безо всякой надобности несколько сложных приборов только затем, чтобы собрать их опять с терпением гранильщика алмазов. Отвертка то и дело выскакивала из рук, паяльник прижигал ногти. Наконец, выдохшись окончательно, он подходил к экрану и, включив Большой Мозг, проверял, где и сколько пало жертв лазера на охранном кольце. Дело в том, что племя красных охотников, как программировалось, попало в ловушку и содержалось теперь на положении пленников, отсеченных и запертых инфразвуковым «барьером страха» на замкнутом участке леса. Нет, не жажда мести, обуревавшая Юму, явилась тому причиной; охотники должны были понадобиться Гиллу для другой цели, и пока их следовало не морить голодом, а, напротив, поддерживать в наилучшей физической кондиции.

День, когда Шарик наконец понял и выполнил команду, поданную голосом, был поистине великим днем. Гилл не хотел рисковать, поэтому он сохранил без изменений систему управления биотоками, он переключил робота на вербальную связь. Тот повиновался безукоризненно, с каждым днем выполняя все более сложные поручения.

Добытое мясо он поджаривал на костре очага, устроенного неподалеку от «Галатеи». Конечно, готовить жаркое в электрической духовке было бы удобнее и быстрее, но Юму не по вкусу пришлось мясо, приготовленное таким цивилизованным способом. Очевидно, привкус дыма от костра, к которому он привык с детства, был для него вкуснее, а поскольку бедному Юму за последние недели приходилось обучаться и приспосабливаться к уйме всяких вещей, Гилл решил его побаловать хотя бы в пище и обращался с ним лучше, чем с родным братом, жившим когда-то там, на Земле. Теперь, после установления надежной вербальной связи, Шарик, получив задание, сам отправлялся на склад за мясом, из заблаговременно собранного хвороста разжигал костер, а затем докладывал Гиллу по центральной звуковой связи, сколько минут он вертит мясо над огнем. Таким путем и другими видами самостоятельных работ робот сберег для хозяина немало дорогих часов. Это было важно. Гилл, как и предполагал с самого начала, все острее испытывал недостаток времени.

Надо было подождать еще, пока Юму не пройдет весь курс обучения, но, с другой стороны, времени все равно не станет больше, когда он начнет генеральную проверку всех систем «Галатеи». А если придерживаться установленного распорядка дня, придется еще долгие месяцы ожидать, пока Юму окончательно отшлифуется, если требовать от него, так сказать, высшего уровня. Гилла волновал эксперимент как таковой — ведь его личная судьба зависела от результата. Нетерпение и любознательность, не оставлявшие его в покое, день ото дня росли. Однажды утром он решился. Итак, начнем...

Усевшись перед главным пультом, Гилл запросил Большой

Мозг об объемах памяти, занятых информацией по управлению «Галатеей» за время полета. Затем выбрал из них все, в которых фигурировал голос Сида, главного навигатора корабля. Большинство записей оказалось диалогами, как правило, с Норманом. Сид согласовывал с командиром различные данные, уточняя курс, либо давал указания Максиму, управляющему двигателями. Гилл вывел все эти фрагменты и зафиксировал их отдельно, на резервную мощность. После нескольких дней напряженной работы ему удалось собрать запись голоса Сида продолжительностью почти на два часа. С этого момента Гилл безвылазно торчал в командном салоне, выходя лишь для того, чтоб спать. Преданный Шарик регулярно приносил ему туда обеды и завтраки, отлично справляясь со своими обязанностями повара и хранителя огня.

Гилл еще и еще прослушивал запись голоса Сида, стараясь уловить и запомнить все оттенки и характерные ударения его речи, повторяя вслух отдельные фразы по два-три, а в особо трудных случаях и по десятку раз.

Вслед за этим сравнительно несложным, хотя и утомительным и однообразным периодом работы, наступил самый ответственный и опасный, когда Гилл впервые произнес: это я, Сид. Получив сразу дневную порцию мяса — никогда он еще так не наедался,— Юму блаженствовал на своем конце спирали; его рана на руке давно зажила, однако, если он начинал дремать или слишком уж ленился, приходилось освежать его под холодным душем. Гилл же был сосредоточен, молчалив и внимателен до предела.

Несколько дней подряд он говорил вслух, почти не переставая, и по возможности в каждой фразе вставлял слова: «Я, Сид». Затем отдал распоряжение Шарику перенести останки Нормана из кабины Сида в собственную спальню бывшего командира корабля. Робот, хотя и с трудом, но понял и выполнил поручение.

После этого Гилл,перебравшись в спальню навигатора, принялся за изучение его личных вещей. Рассматривал фотографии, повторяя про себя: «Это моя сестра, это мама, это дети сестры, мои племянники» (вероятно, сейчас живы только их правнуки, подумалось невольно, но это не так важно). Далее следовали изображения друзей, коллег по работе, снимки базы навигаторов, расположенной в глубоком кратере Нансена, неподалеку от северного полюса Луны, где Сид работал до начала полетов и был назначен штурманом «Галатеи». Он даже не предполагал, что Сид потащит с собой в космос столько всякой всячины из земной жизни; впрочем, это облегчало дело.

Предстояло решить еще один вопрос, пожалуй, самый важный, и он долго искал к нему ключ. Гилл, кибернетик по образованию, странным образом никогда не интересовался работой навигаторов, а конструируемый им Сид должен был любить свое дело, дышать и жить им. Достав из хранилища массу микрофильмов с информацией о полете «Галатеи», Гилл просмотрел почти все, но и это его не вдохновило. Однако решение

нужно было найти во что бы то ни стало. После долгих недель всесторонней подготовки и изучения психики штурманов, ему предстояло сесть под купол консоциатора с тем, чтобы ввести в Мозг репрограмму личности Сида, пропустив ее через себя, такова была задача. Но Сид должен быть энергичным и волевым человеком, навигатором до мозга костей. «Я обожаю полеты в космос. Я превосходный штурман. Я делаю самую прекрасную работу на свете...» Самовнушение. Решение примитивное, но, может быть, оно приведет к желанной цели? Как врач-психолог — это была его вторая профессия,— Гилл знал, что страсть, влечение, любовь способны не только возбуждать энергию личности, но и реализовывать ее в самом широком спектре деятельности.

Для предварительного анализа репрограммы Сида теперь прошло уже достаточно времени. Он неторопливо продвигался вперед от секвенции к секвенции, и результаты были даже лучше, чем он предполагал. Сферу «речь — мышление» он просматривал с удвоенным вниманием. Вид сложных микроволновых образований, отраженных на осциллоскопе — они были знакомы Гиллу еще по институту Бенса,— успокаивал; навыки человеческой речи Сид должен усвоить легче и быстрее, чем это было с ним самим в личности Юму.

Закончив все исследования поздно вечером, Гилл принял на ночь небольшую дозу снотворного. Как правило, Юму спал неважно, ему мешали и подушка, и чуть слышное гудение воздушного кондиционера — в прошлом Гилл его даже не замечал, но главное, чувство неволи, изоляции от живого мира.

Утром он проверил исправность инфразвукового пистолета, затем вызвал на связь одного за другим все шесть роботов-наблюдателей. Третий, замаскировавшийся на северо-востоке, доложил об оживленном движении живых существ в неглубокой долине довольно далеко от «Галатеи». Это могли быть только красные охотники, снующие на своем стойбище.

Нарезав полос из мягкого пухового одеяла, Гилл старательно обернул ими стальные руки Шарика. Тот, которому суждено стать Сидом, с первой же минуты не должен испытывать никаких неудобств.

Более часа они двигались через редкий лес, обходя кусты и деревья, пока наконец достигли исходного рубежа — за гребнем холма располагался лагерь охотников.

— Идти медленно,— скомандовал он роботу.— Следуй за мной, дистанция пять метров.

Крадучись, как когда-то Юму, охотившийся на дичь, он выполз на гребень холма, Шарик послушно повторил его маневр несколько позади.

— Стой,— прошептал Гилл и, заняв удобную позицию, потянулся к коробке на поясе, где находился переключатель управления роботом, чтобы переключить его с вербального на биоточный диапазон. Малейший посторонний звук может спугнуть охотников, и тогда все пропало. Шарик стоял за кустом.

густая листва скрывала его поблескивавший металлический корпус.

Со стороны стойбища не доносилось не звука. Гилл не мог знать, какие события произошли в племени красных охотников с той поры, как Юму их покинул. Они были живы, так докладывали, пользуясь радаром, дозорные роботы, и имели достаточно пищи — мертвых хрюков они находили регулярно. Но известно ли им, что они находятся на положении пленников, и как изменилось в этой связи их поведение? Что они сделают, увидев Юму? Нападут, чтобы убить, или обратятся в бегство? Шарика он не мог взять с собой: увидев робота, охотники в панике разбегутся, а управлять роботом по радио, одновременно наблюдая за племенем, весьма затруднительно.

Высокие визгливые голоса послышались из зарослей кустарника, покрывавших спуск в долину. Женщины ссорились и смеялись возле костров; все как было, ничего не изменилось. Вечная история, пока живо племя. Его охватила вдруг щемящая тоска. Бросить все, не думать ни о чем, только бы опять сидеть возле костра, пусть самого крайнего и маленького... Снова быть среди них, только бы не одиночество, как теперь. Вспыхнувшее влечение было так сильно, что даже страх перед Дау казался желанным. Подавленный приступом ностальгии, он лежал на животе, царапая ногтями землю. Юму взял верх над Гиллом в самый неожиданный момент.

Он поднялся на ноги и далеко отшвырнул от себя инфразвуковой пистолет.

Конечно, Юму возвращается к своим.

Все, что случилось до сих пор, рассеется, как сон, когда он опять сядет на корточки возле костра.

Он уже расстегивал пояс, когда его взгляд случайно упал на Шарика. И это остановило — почему, он не мог объяснить даже потом, позже. Придя в себя, он содрогнулся. Что стало бы с Юму, спустившимся в долину? Остерегайся племени охотников, Гилл, нет, не копий воинов, а запаха дымка костров, смеха детей и женских голосов...

Разыскав в кустах пистолет, он сел и задумался. Звуки из долины снова стали слышнее, принесенные порывом ветерка. В веселый гомон и визг женщин и малышей изредка вплетались низкие грудные голоса мужчин, похожие на добродушное ворчание медведя. Желудки были полны, настроение мирное. Юму закусил губу от острого чувства зависти. Увы, ему нет места среди них.

Стойбище отделяло от него не более двухсот шагов; если немного усилить интенсивность инфразвука, он отсюда, с этого места, сможет вывести из строя всех. Но инфразвуковой шок — опасная игрушка. Кое-кто из стариков и детишек никогда не очнется после него. Если действовать лучом с пятидесяти метров, можно уменьшить интенсивность луча, но сумеет ли он подойти незамеченным так близко? Надо попробовать, Гилл, ты не можешь сидеть тут до вечера сложа руки... Он поднялся на ноги, но тотчас же снова распластался на траве. Кто-то шел через

кустарник прямо на него. Что же, если он окажется молодым и здоровым... Правда, Гилл наметил кандидатуру Эора уже давно. Эор умен, ловок и, кроме того, любит Юму. Но не бывать, чтобы судьба послала ему навстречу именно Эора, таких удач, право, не бывает...

Из кустов показался Тиак. Прежде чем сообразить, что перед ним сидит на корточках не кто иной как пропавший без вести Юму, пришедший лежал на траве. Гилл огорченно вздохнул.

Тиак выглядел упитанным, кожа его лоснилась. Во всяком случае, он был тяжелее и в лучшей форме, чем Юму. Он стонал и бился в полузабытьи, покуда Шарик поднимал его в охапку своими обвязанными мягкой шерстью щупальцами. Убедившись в надежности хватки робота, Гилл зафиксировал положение рук, чтобы по дороге к «Галатее» Шарик, чего доброго, не превратил Тиака в кровавый мешок с костями, если тот очнется и попытается ускользнуть из его стальных объятий. На всякий случай он сделал своему родственнику инъекцию снотворного. Чем меньше инфразвуковых лучей получит Тиак, тем легче будет превращать его в Сида. Гилл уже знал, что причиной долгой и крайне досадной для него неловкости Юму было слишком долгое и интенсивное воздействие инфразвуковой ловушки, расставленной Гиллом. Составляя программу перед смертью, он не мог тогда поступить иначе. Но теперь, когда все в его руках, нужно всеми средствами облегчить возрождение Сида. Впрочем, легче будет и ему самому.

— За мной,— скомандовал он роботу и, старательно выбирая дорогу, направился в сторону «Галатеи».

Гилл включил систему. Колпак консоциатора, тихонько гудя, поднялся к потолку. Теперь надо ждать. Десять минут, тридцать, сколько потребуется. Нельзя торопить того, кто полулежит в раздвинутом кресле. Разумеется, если ожидание затянется дольше двух часов, значит, где-то допущена ошибка, почти никаких надежд. Еще раз проследил он мысленно весь ход операции, шаг за шагом. Нет, он ничего не нарушил, не отступил от намеченного. Именно сейчас, в эти минуты, легче всего потерять голову, Гилл это знал. Отчаяние обрушится, как лавина, и погребет его под собой.

Чепуха! Если Большой Мозг проделал ту же самую операцию по заданной программе — а живое свидетельство тому Гилл собственной персоной,— то почему не удастся теперь? Мозг сконструирован для обслуживания «Галатеи» и сумел сделать это, а Гилл был вторым после Бенса человеком в институте и первым ученым, который лично проводил опыты с трансплантацией психики. Конечно, Мозг сохранил в своей колоссальной памяти репрограмму и его, Гилла, личности, но если не дать ему команды, электронный волшебник никогда не совершил бы подобного чуда по собственной инициативе. Да, он обязан Большому Мозгу тем, что продолжает жить в теле Юму, но сама идея, принцип, решение и приказ исходят от Гилла. Большой

Мозг был только средством, только исполнителем. Останется им и сейчас.

Существо в кресле издало едва слышный стон — он не решился еще назвать того по имени, не зная, кто же перед ним,— потянулось, явно желая сбросить ремень. Заговорить с ним, успокоить либо выждать, пусть проявит себя сам? Дома, в институте, придавали почти суеверное значение первому слову, которое произносил подопытный. Гилл не был столь ярым сторонником этой теории, как Бенс, который после первой неудачной фразы зачастую просто переставал интересоваться судьбой эксперимента, но все же признавал ее значение. Ведь и сам Гилл после пробуждения первым назвал свое собственное имя, да еще обозвал себя идиотом! Это, несомненно, дало бы ему много очков по шкале, составленной Бенсом.

Стоны усилились, постепенно формируясь в слова. Растягивая слоги, с трудом ворочая языком, как после длительного пребывания под наркозом, но все же на языке людей Земли, существо в кресле проговорило:

— Звезды... звезды... Люблю звезды... Хочу лететь... Быть навигатором... Только навигатором... Лететь к звездам...

Гилл покрылся краской стыда. Такая удача равна поражению. Подумав, пожал плечами. Ты сам хотел сделать его фанатиком. Теперь получай. Главное, он способен выполнить задачу. Сверхзадачу. А потом... Чего ты хочешь еще?

Сидевший в кресле медленно разлепил веки, открыл глаза.

— Юму!

— Нет, не Юму! Перед тобой Гилл, а не Юму. Так же, как ты не Тиак больше, а Сид. Понимаешь, Сид?!

— Да, понимаю, Гилл. Все понимаю. Извини, что назвал тебя Юму.— Он говорил почти без ошибок, лишь кое-где слышались неправильные ударения.— Я многое знаю, Гилл, и помню о многом. Я встал и пошел от костра в кусты, потому что услышал шорох на холме. Думал, дичь...

Гилл с удовлетворением кивнул. У Тиака оказался прекрасный слух, но что еще более важно, фаза амнезии весьма коротка.

— Потом со мной что-то случилось, не помню, что именно. Я знаю только, что ты хотел со мной сделать. Точнее, даже не со мной, а с Эором. Но это знание находится в какой-то иной системе координат... В другом измерении.

Гилл вскинул голову.

— Как ты сказал?

— Ты не понял? Неправда, я знаю, ты должен понять. Иное пространство... Они не пересекаются между собой. Поэтому я должен пользоваться другой системой координат. Если я в качестве Тиака встал и пошел к кустам, то это происходило в одной системе пространства, назовем ее системой Т, в честь Тиака. Но то, что мне известно о твоем намерении сделать с Эором, то есть весь комплекс, связанный с тобой, твоими поступками и временем, их измеряющим, находится и существует в другой системе, параллельной, но несовместимой с первой...

Гилл слушал с неудовольствием. Вот оно, наказание за

просчет при моделировании Сида. Он переоценил роль связи «речь — мышление», и теперь Сид будет говорить без умолку, если его не остановить. Вместо того чтобы думать молча. Но есть и отрадный факт: то, что он осознает как различные системы пространственных координат двойственность своего существования, которую Гилл воспринимает как различные спирали сознания, базирующиеся на генетическом коде ДНК, свидетельствует о самостоятельности мышления Сида. Получается, он все же не зря просидел столько времени, просмотривая микрофильмы в библиотеке. Кстати, если быть точным, речь идет не о двойственности. Четыре слоя пространства, четыре системы координат. Это, впрочем, известно и Сиду. Именно об этом он болтает сейчас, хотя должен бы знать, что для Гилла это не новость. Берегись, Гилл, от этого многословия можно сойти с ума.

— Таким образом, система пространства С, где существует Сид, тоже сложная, ибо в ней присутствует Юму; значит, ее следует обозначить иначе, как Ю-С. Но вместе с тем там присутствуешь и ты, Гилл, вернее, твоя сфера эмоций, и я ее ощущаю более отчетливо, чем личность Юму; сложность системы возрастает, и ее следует характеризовать как С-Г-Ю, или в иерархии активности Г-С-Ю. Но мы забываем о носителе моей личности, Тиаке... Значит, надо присовокупить еще и Т... Самое забавное в том, что мне известно твое мнение о Сиде, о Юму и о Тиаке. Естественно, что Тиака ты оцениваешь только через посредство Юму, то есть через его сущность, которая существовала в системе пространства Т, и, наоборот, комплекс сведений о Юму попадает в твое сознание через меня, то есть Тиака; именно таким путем тебе известна предыстория Юму, ныне носителя твоей психики, а прежде жившего вместе с Тиаком в племени красных охотников. Но это значит, что там жили и мы. Разве это не великолепно?

Великолепно? Гилл невольно содрогнулся.

— Ты не очень устал, Сид?

— О нет, напротив, чувствую себя превосходно. Я силен и свеж, словно проспал двое суток подряд...

— Хочешь есть?

Тиак выпятил нижнюю губу и тихонько зашипел. В памяти Юму это обозначало раздумье — Тиака, конечно. А у Гилла возникла тревога и даже некоторый страх. Второе доказательство тому, что функциональная модель Сида получилась у него слишком уж совершенной. Он либо мыслит вслух, либо работает — относительно его трудолюбия Гилл не сомневался,— и эти два вида деятельности захватывают его настолько, что он забывает о еде.

— Не знаю... Надо выяснить.— Сид сделал паузу, затем воскликнул:— Да, я голоден! Очень голоден! Последний раз я ел вчера вечером. Гилл, прикажи Шарику приготовить мяса...— Разумеется, он был осведомлен и об этом.— Пусть выберет кусок побольше! И обжарит только снаружи, не насквозь! Как хорошо, что ты спросил меня, Гилл. Я все говорю, говорю и совсем забыл...

— Если так, помолчи немного. Иначе я не смогу проинструктировать Шарика.

Сид умолк, но его глаза по-прежнему безотрывно смотрели на Гилла с такой же жадной, преданной влюбленностью, как в первую минуту после прихода в сознание. Гилл едва успел передать роботу радиосигнал, как Сид снова заговорил:

— Я хотел бы пойти в библиотеку. — Неловкие пальцы Тиака барабанили по пряжкам ремней, еще удерживавшим его в кресле.— Понимаешь, Гилл, мне нельзя терять ни минуты. Надо еще столько выучить и усвоить, вернее, переучить заново, чтобы опять стать таким же навигатором, как раньше. И тогда мы...

— Хорошо. Но сейчас ты будешь отдыхать.

— Из-за фазы возможной регрессии? Видишь, и это мне известно. Ты спросишь почему? Потому что о той системе координат, где существуют только Гилл и Сид, я знаю...

Гилл потерял терпение.

— А если знаешь, молчи!

Сид обиженно хлюпнул носом, съежился в кресле.

— Хорошо. Я молчу.

Гилл с завистью подумал о Юму. Уж он-то не постеснялся бы, а я не могу; не только потому, что Сида не проведешь, он тотчас смекнет, зачем я возьму в руки инфразвуковой пистолет. Ведь на одну четверть своего сознания он думает моей головой. Главное в том, что Тиак приходится Юму наполовину братом по крови, и я его люблю. И как Юму, и как Гилл, одинаково. По-видимому, фаза регрессии будет протекать у Сида более остро, надеюсь, уж этого он не знает. Перед трансплантацией Юму подвергся более сильному облучению инфразвуком, которое хотя и притупило его мозг, но одновременно и предохранило от резких колебаний. Я получил гораздо меньше готовых комплексов, чем он, зато и меньше страдал при переходах от одного состояния к другому. А Сиду это предстоит. Наиболее трудные случаи Бенс сравнивал — пусть не совсем удачно — с цикличностью душевной болезни. Интенсивность первой фазы после пробуждения сменится глубокой депрессией в последующей. Но я должен это предупредить! Пока он будет спать, надеюсь, без инфразвукового шока, в крайнем случае обойдемся снотворным, необходимо подготовить все, чтобы не допустить соскальзывания в пропасть между двумя типами сознания. Но как? В любом случае надо выиграть время...

— Гилл,— боязливо позвал Сид.

— Слушаю.

— Ты сердишься на меня, Гилл, не знаю, за что. Я не хотел тебя обидеть.

— Ничего не случилось, Сид. Тебе только кажется.

— Но я чувствую это!

— Повторяю, тебе кажется. А это начало фазы регрессии, Сид! Самое лучшее тебе сейчас сон. Я дам тебе снотворное...

— Тиак боится, что будет больно! Не могу понять, Гилл, откуда у него этот страх? Как он может знать, ведь это другая сфера...

— Не начинай все сначала, Сид. Многого я сам еще не понимаю, но твердо знаю, что сейчас не время обсуждать такие вещи... Тебе надо спать...

— Тиаку страшно...

— Успокой его, укол лесной колючки гораздо больнее... А ты, сознательный и умный Сид, знаешь, что инъекция необходима...

— Да, конечно. Но нельзя ли таблетку?

— Таблетка подействует нескоро. Еще несколько минут, и тебе станет так дурно, что ты пожалеешь о своем рождении.

— Это злая шутка, Гилл. Ты, как никто, знаешь, что я не по своей воле.. Я не хотел...

— Верно, ты прав. Но теперь оставим это. Неужели ты мне не доверяешь? Почему?

— Наверно, потому, что ты не веришь мне! Та частица Гилла, что живет во мне, недовольна и огорчена тем, что я без конца болтаю; получилось не так, как задумано. А я не могу молчать, хочу, но не могу, не могу... Неужто ты не понимаешь этого, Гилл?

Он перешел на крик, задергался, порываясь встать.

— Я не хочу! Не желаю! Я не хотел родиться во второй раз, а теперь, когда я снова жив, не хочу умирать! Гилл, я хочу жить, жить... Ты не имеешь права отнимать у меня... Не имеешь...

Пневматический шприц с легким шипением сделал свое дело. Сид затих, его судорожно сжавшиеся мышцы расслабились, он вытянулся в кресле. Гилл смотрел на него пустым взглядом. Еще один шаг, и конец.

Нет. Он будет терпеливо ждать. Глупо испытывать жалость, когда надо действовать. Не жалость к Сиду, не душевная слабость решают судьбу навигатора. Если Сид окажется способен выполнить то, ради чего возрожден из небытия, все надо вытерпеть, и эту бесконечную болтовню тоже. Существует лишь один критерий — способность выполнить предначертанное. Этот критерий действителен и для тебя, Гилл.

Иногда становишься невольной жертвой своих же благих намерений и усилий, в этом-то и проявляется самая жестокая ирония судьбы. Расплачиваешься за благородный и добросовестный труд, не обидно ли? Гилл стремился создать совершенную модель Сида, наиболее близкую тому человеку, который жил прежде. Чтобы у нового Сида были даже воспоминания о жизни там, на Земле. Но именно этим он сделал его несчастным.

От болтовни его удалось постепенно отучить. Для этого пришлось прибегнуть к локальному микрошоку. Гилл был предельно осторожен, но пошел на этот риск. Теперь Сид дни и ночи сидел в библиотеке. Глаза от покраснели от бесконечного просмотра микрофильмов; причиной тому был не размер букв и чертежей, а непривычность такого напряжения для сетчатки глаз Тиака. Шарик регулярно, три раза в день, приносил ему еду — Сид постоянно забывал о пище, как и прежде. Но этот недостаток не помешал бы ему сделаться превосходным навигатором, если бы его не тревожили неясные видения земной жизни, знаки которой столь неосторожно ввел в его память Гилл. Сида мучила

ностальгия. Фотографии и записи не могли составить полную картину прошлой жизни на Земле. Тот рубеж, до которого добрался при их изучении Гилл, естественно, оказался непреодолимой границей и для возрожденного им Сида.

— Это моя мать,— говорил Сид, держа в руке фотографию.— Но не могу вспомнить ни одного ее жеста, ни одного слова. И здесь мне никто не поможет. Я люблю ее, потому что ты так хотел, Гилл. Но разве можно любить мертвое изображение? Ведь ты, а значит, и я никогда ее не видели живой. Я уже хотел просить тебя, Гилл, с помощью микрошока избавить меня и от этого недуга, но это опасно. Механизм памяти — единый комплекс, и кто знает, сколько я потеряю из того полезного, что успел выучить и запомнить уже здесь?

Гилла в первую минуту поразила эта осведомленность Сида в психологии: ведь наука о психике не была его специальностью, но потом понял, в чем дело. Самостоятельность Сида порой заставляла забывать о той «четвертушке» собственной личности — Сид по-прежнему называл ее компонентом Г,— которую он заложил в него при конструировании репрограммы.

Иногда, дойдя до отчаяния в своей каюте, Сид швырял старые фотографии и заметки на пол, топтал ногами разлетевшиеся по всей комнате бумажки, а потом сам же их собирал, ползая на коленях, бережно разглаживал и запирал в шкатулке. Гилл молча за ним наблюдал.

— Охотнее всего я сжег бы весь этот хлам,— объяснил Сид со спокойной объективностью.— Но беда в том, что завтра или послезавтра я захочу опять их увидеть, и тогда мне будет еще хуже. Собственно говоря, это мой маленький фетиш. Нечто вроде безобидного развлечения. Не знаю только, что я буду делать, когда бумажки изотрутся от такого вот употребления. Придется с завтрашнего дня поаккуратнее их топтать...— Он убрал шкатулку в стенной шкаф, затем скорчил насмешливую гримасу.— Видишь, того, чего мы не знаем, не существует, или, если угодно, наоборот, о том, что не существует, мы знать не можем. Почему я заговорил об этом, как ты думаешь?

— Понятия не имею.

— А между тем нетрудно догадаться. Тебе это не приходит на ум только потому, что тебя не интересует. Прежде чем мы притащим сюда Эора и остальную компанию, надо сделать генеральную уборку. Надо уничтожить все личные вещи, иначе перед составлением очередной репрограммы ты опять превратишься в водолаза, ползающего по затонувшим сокровищам. А этого я не желаю ни Максиму, ни Ярви, ни остальным. Кроме того, стоит подумать и о том, что произойдет, если который-нибудь из них проявит неожиданный интерес к кабине Нормана. А Максиму и Ярви так или иначе придется спускаться в реакторный отсек. Ты не находишь более удачным заложить в будущих репрограммах знание того, что в кабине Нормана только было что-то, а реакторный отсек тоже встретил бы Максима и Ярви приятной пустотой? Нужно устроить похороны, Гилл, удалить из «Галатеи» все, что может вызывать туманные мысли или неприятные эмоции.

— Да, но...

— Не продолжай, я знаю, о чем ты хочешь сказать. Я уже думал об этом. Мелочи ты поручишь мне и Шарику. Качество же репрограммы зависит целиком от тебя. Садись в библиотеку, заройся с головой в инженерные науки. И не высовывай оттуда носа, пока я не позову тебя отдать последние почести перед нашей собственной могилой. Пусть и другие получат для памяти только сущее. Согласен?

Два дня спустя Сид привел Гилла к небольшому холмику, возведенному неподалеку от «Галатеи».

— Здесь погребено все. Тела погибших в запаянном гробу; отдельно, вот тут, все личные вещи, тоже в герметических коробках. К ним я приложил короткую записку, так что если славные представители грядущих поколений на каком-нибудь космическом аппарате заглянут на эту планету и обнаружат это захоронение, чтобы они, чего доброго, не помешались. Подумай только, Гилл, они находят весь экипаж старинного звездолета похороненным чин по чину, со всеми бумагами, а самого корабля и след простыл! Только выгоревшая кругом почва, свидетельствующая о взлете! Детективный космический роман, да и только. До конца дней своих они будут напрасно ломать голову над этой загадкой. Вот я их и пожалел.— С грустным видом он подошел к небольшому холмику.— А теперь поскорее уведи меня отсюда, Гилл, запри в «Галатее» и не выпускай, как бы я ни умолял тебя об этом... Здесь я закопал свои вещи... Мне необходимо это преодолеть, ибо лично я ненавижу слабость духа. И в других, но, главное, в себе самом.

До середины следующего дня Сид держался молодцом, потом ушел вниз и заперся в своей кабине. На стук Гилла он не открыл и успокоил тем, что не совершит никаких глупостей, что ему надо побыть одному.

— Оставь меня в покое, если я переживу и это, будет лучше для нас обоих! А если нет, ты по крайней мере будешь знать, чего нужно опасаться при конструировании других репрограмм.

Печальный урок, он научил Гилла многому. Репрограмма Максима, если не считать сферы речи и индивидуального механизма мышления, не содержала уже ничего конкретного. Любовь к технике, к точным наукам, ловкость рук, спокойные манеры, уверенность и обстоятельность, покоящиеся на прочном фундаменте приобретенных знаний. Гилл составил ее электронную модель в значительно более короткий срок, чем репрограмму Сида. И все же чувствовал, что она далась ему с большим трудом. Кроме того, его тревожила еще одна мысль. Модель психики Максима была выстроена в основном на абстракциях, на стремлениях и склонностях; не оставит ли это слишком большую лазейку для сильной личности Эора? Тиак почти полностью растворился,исчез в той жесткой борьбе, которую Сид вел за свое лишь наполовину найденное человеческое прошлое. Это приводило к выводу, что репрограмма Сида оказалась совсем не такой уж неудачной. Однако сам Сид, выбравшийся наконец из своего длительного добровольного заключения, был другого мнения.

— Я не верю, чтобы целеустремленность, воля к выполнению

задачи и общее хорошее самочувствие биологической особи были бы взаимоисключающими компонентами. Скорее наоборот. Это позволит думать только о предмете своей работы, интересоваться только ею...

— Но ведь это ведет к одностороннему развитию личности!

Тиак своей несовершенной мимикой попытался выразить страсти, обуревавшие Сида.

— К моему великому счастью, Гилл, в результате какой-то случайности в мою новую личность не попала так называемая романтика! Ты, конечно, вовсе ненамеренно о ней забыл. Судя по твоим репликам, я вижу: ты с великой охотой населил бы «Галатею» прекрасными рыцарями космоса из давно минувших времен, героями, превосходными во всех отношениях. Ты конструируешь и воспроизводишь не героев прошлого — и я хочу тебя предостеречь от заблуждения на сей счет,— а лишь ту или иную функцию. Материализованную возможность заменить Максима, Ярви и других, выполнить работу, которую делали они...

Сид встал и направился в сторону библиотеки.

— Не знаю, Гилл, где ты откапываешь эту чепуху, так называемые этические проблемы. Любопытно, что я даже в своей «четвертушке» Г не нахожу ничего похожего. Существует лишь одна норма, один закон: сверхзадача.

С порога он оглянулся. В покрасневших от чтения глазах Сида — Тиак никогда не дорос бы до этого — мелькнула ирония.

— Между прочим, именно ты, Гилл, к этому стремился. Будь же предан своим идеалам. Но не забывай, что если «Галатея» когда-нибудь вернется на землю, твоя заслуга в этом будет лишь косвенная. Ты сам ведь лишь необходимый элемент для выполнения сверхзадачи, от тебя зависит, какими будут Максим и Ярви. Что касается тебя лично, ты ведь не инженер и не навигатор, и никогда ими уже не станешь. Но только на тебе лежит ответственность за все — за успех дела. И, по правде сказать, я тебе не очень завидую...

Небо затянули облака, в лесу стоял удушливый зной. Спрятавшись в кустах под деревом, Гилл даже костями чувствовал приближение грозы. Сид задерживался. Гилл давно уже сожалел, что согласился на его план и отпустил одного. План сам по себе был авантюрным, и поверить в успех застивила только бешеная самоуверенность Сида. Дескать, так будет лучше. Эор сам явится с визитом и подставит руку, чтобы ему впрыснули снотворное. Экая чепуха! Но таким путем они избегнут применения инфразвука, и тогда Эор окажется образцом. Аргументы Сида сводились к тому, что исчезновение Тиака в памяти племени не связано с теми непонятными и постыдными событиями, которыми окончилась погоня за Юму. Эор, увидев Тиака живым и здоровым, непременно ему обрадуется, ведь он любил его всегда. Оба они, Сид и Гилл , то есть в данной ситуации Тиак и Юму, говорят на языке племени красных охотников так же бегло, как и раньше; пока Эор заподозрит что-то неладное,

пройдет время. Тиак пообещает показать Эору нечто интересное и завлечет его в лес, подальше от стойбища.

Первый далекий раскат грома был почти не слышен, он не заглушил даже стрекотание цикад, но заставил Гилла вздрогнуть. Красные охотники, наверное, уже ищут убежище от приближающегося дождя. Как выманить Эора из-под густого дерева? Удрученный Гилл не отрывал взгляда от кустов, из-за которых, по его расчету, должны были появиться Тиак и Эор. Мешала листва, видимость не превышала тридцати-сорока шагов. Что, если Эор не послушался Сида, а, наоборот, сам заставил его пойти к племени? Эор сильнее Тиака, а если последний попробует бежать... Сид, разумеется, не мог взять с собой никакого оружия, в этом-то и заключалась вся неразумность плана. Инфразвуковой пистолет сейчас в руках у Гилла, но на что он ему, когда нужен там...

Опять заворчал гром, на этот раз уже рядом. Гилла охватило отчаяние. Конец всему. Сид остался у охотников, либо они захватили его в плен. Сид потерян навсегда, стоит ли продолжать ожидание? Он вернется в «Галатею», за каких-нибудь десять минут шесть роботов-дозорных сменят направление инфразвука, и вместо того, чтобы держать красных охотников в кольце, прогонят их в джунгли, подальше от «Галатеи». Хрюков полно на этой планете, Тиак до конца жизни сможет набивать брюхо хорошим мясом.

Наконец до его ушей донесся хруст шагов; приближались двое. Вздохнув с облегчением, Гилл отложил в сторону инфрапистолет и вытащил из сумки на поясе пневматический шприц. Увидев Юму, Эор остолбенеет, и вот тут-то...

Эор и Сид показались из-за кустов, вышли на полянку, еще десяток шагов, и Юму-Гилл выйдет им навстречу,

Но все произошло иначе и настолько внезапно, что впоследствии ни один из них не мог упрекнуть другого в нерасторопности. В ту секунду, когда Юму уже раздвинул перед собой ветви, Сид и Эор вдруг резко обернулись назад: кто-то , ломая сучья, мчался по их следам.

Сверкнула молния, удар грома словно разорвал в куски низко стелящиеся темные облака, заглушив все звуки, в том числе и дикий рев Рэ, выскочившего на поляну с поднятым копьем.

Гилл мгновенно упал на землю, копье просвистело у него над головой. Он схватил свое оружие. Злоба, гнев, испуг и все обиды, выстраданные Юму, слились в красном глазке инфрапистолета, направленного в сторону противника.

Сид ловко отскочил в сторону, чтобы избегнуть луча, зато Эор и Рэ одновременно рухнули на траву, как подкошенные.

Сид, подняв над головой руку, крикнул:

— Сколько ты им влепил?

Гилл склонился над пистолетом, чтобы разглядеть цифры на диске. Дождь хлынул, кругом потемнело, словно наступил вечер.

— Вполне достаточно...

— Я очень сожалею, что так вышло, Гилл.

— Я тоже. Но как вы не заметили Рэ раньше?

— Не пойму сам. Когда я окликнул Эора, Рэ услышал и подошел. Мне ничего не пришло в голову, я сказал, что нашел Юму и направил Рэ в другую сторону, для того, чтобы окружить беглеца. Но это было километрах в трех отсюда. Вероятно, Рэ, напрасно обегав все вокруг и наткнувшись на наш след, рванулся за нами. Он всегда ненавидел и Тиака и Эора. Увидев Юму в кустах, он с ходу метнул копье, чтобы не делить с ними славу...

— Теперь уже все равно, дело сделано.

Дождь поредел, черные тучи передвинулись дальше к востоку. Сид потянул носом воздух.

— Нам повезло, ливень прошел стороной, А то мокли бы до ночи...

— Скажи лучше, что нам делать с Рэ?— В голосе Гилла звучало нетерпение.— Он видел тебя и меня вместе и подумает, что Эор заодно с нами. Я не хочу понапрасну пугать охотников. Но если он вернется в стойбище...

Сид искоса взглянул на Гилла.

— Зачем? Есть другой выход...

Гилл решительно покачал головой...

— Убить его я не могу.

— Я не об этом.

— Не понимаю.

— Скажи: между тем, что делал Максим, и работой Ярви есть существенное различие?

— Нет, такого различия нет, однако...

Он прикусил губу. Конечно, с точки зрения интересов дела безразлично, кто будет обслуживать реакторы, там нужны два человека. Но выпустить Максима, так сказать, в двух экземплярах? Экая нелепость!

— Их преимущество будет состоять как раз в том, чего ты так опасаешься, Гилл. Полная синхронность! Они будут угадывать мысли друг друга.

— Это опасно, Сид.

— Но почему? Этого объяснить ты не можешь, бьюсь об заклад. Кроме того, у нас нет выбора. Отпустить его нельзя, убить тоже. Ни того, ни другого мы не хотим, верно? Ну, решайся быстрее, или тебе нужны другие доводы? Времени в обрез, скоро оба придут в себя.

Гилл зарядил пневмошприц одной порцией снотворного, на двоих этого слишком мало. Рэ злобно скалил зубы, Эор дрожал от страха. Хотя и с трудом, оба они могли передвигаться, однако не шевелились, словно не слыша звавшего их Тиака. Еще до того, как они пришли в себя, Гилл опять замаскировался в кустах. Ретроспективная амнезия от инфразвуковых лучей была хороша тем, что при ней не помнят ничего происшедшего непосредственно перед облучением, то есть ни появления Юму, ни нападения, ни беспамятства. Но оба смотрели на Тиака с подозрением.

Сид взял Эора за руку и осторожно потянул к себе.

— Идем, Эор.— Не зная, помнят ли охотники о том, что он говорил им час назад про Юму, либо и это поглотила шоковая амнезия, он сказал неопределенно:— Пойдем, я отведу тебя в хорошее место...

Эор резко выдернул руку.

— Нет...

Он провел ладонью по лицу, словно стирая с него налипшую

паутину. Рэ щупал лоб, тер виски, видимо, борясь с непонятным помутнением сознания.

— Где мое копье? Где?.. Тиак, ты знаешь! Я его уронил?— прорычал Рэ.

Поглядывая на них из кустов, Гилл подумал о том, что видит их в таком качестве последний раз. Какие получатся из них Максимы, это другой вопрос, но к своему племени они уже не вернутся. Или если вернутся, то совсем другими, чем сейчас...

Сид снова подошел к Эору, протянув ему обе руки, но невольно отступил. Стоявший рядом Рэ рявкнул:

— Где мое копье? Тиак, где копье?— Тон его становился все более злобным.

Медленно повернув голову, Сид нашел взглядом Гилла, затем оценил расстояние до Рэ и стал осторожно пятиться назад. Эор тупо смотрел на него, но не двигался с места.

— Где мое копье?— Рэ уже орал, оправившись от шока.

— Грязная работа, но что поделаешь,— проговорил Сид на земном языке.— Гилл, включи аппарат, веди их сам...

При звуке непонятной для него речи Рэ вскинул голову, сделал два шага по направлению к Сиду и неуверенным движением поднял кулак, собираясь ударить. Гилл мгновенно нажал на спуск пистолета. Оба охотника тотчас сникли, плечи их сгорбились, руки безжизненно повисли вдоль тела. Безвольно подчинившись лучу, они как в полусне побрели в сторону «Галатеи». «Словно на похоронах,— отметил про себя Гилл.— Но первым таким покойником был Юму. Его ты не мог видеть. А вот Тиак вел себя куда лучше. Но почему?»

Сид молча шагал сзади, стараясь ступать Гиллу в след. Только уже в лифте он проворчал:

— Надеюсь, больше заготовок нам не потребуется? Сыт по горло.

Гилл утвердительно кивнул. Кусая губы, он со смешанным чувством смотрел на скорчившихся в углах кабины своих бывших соплеменников — с дрожащими конечностями и помутневшим, невидящим взглядом. Они все еще не пришли в себя.

Взглянув на Гилла, Эор сказал:

— Мы с Рэ подумали и решили: нам все равно, кого мы получим, Нормана или Эдди. Мы не возражали бы даже против третьего Максима, но это, видимо, может внести путаницу. Хотя обучать его было бы гораздо легче...

— Суть не в этом,— прервал его Рэ.— Нам позарез нужен еще один человек для обслуживания двигателей. Если ты, Гилл, возмешь на себя еще обязанности помощника Сида в управлении полетом, то перекроешь только одну из функций, которые выполнял Норман.

Оба Максима говорили без ошибок, в спокойном тоне, не дергаясь и не проявляя нетерпения. Рэ больше всего на свете стыдился своего прежнего дикого нрава и боялся прослыть невоздержанным в отличие от Эора. Оба знали, что репродукция Максима была проведена в двойственном числе с тщательной

балансировкой мотивации поступков и образа мыслей, но это тревожило их меньше всего.

— Значит, вы предлагаете репродуцировать антрополога Эдди, переориентировав его на инженера-механика?— подытожил Гилл.

— Именно,— оба Максима кивнули одновременно. Помедлив, Эор добавил:

— Мы признаем, что в случае репродукции личности Нормана, как бы это сказать, гм... могут возникнуть некоторые осложнения. А Эдди, если мы правильно информированы, был всеобщим любимцем. Мы его любим так же, как любили, гм... наши предшественники. Любим и сейчас, хотя его еще нет.

Гилл был доволен. За минувшие недели в «Галатее» установилось некое оптимальное равновесие, в возможность которого он прежде, откровенно говоря, не очень-то верил. Но факты обнадеживали. Обитатели «Галатеи», словно губки, ежедневно впитывали в себя новые знания, а этот процесс обогащал личность каждого чертами индивидуальности. Практически такой ход развития обещал стать постоянным; но, с другой стороны, они по-разному чувствовали границу, отделявшую их от прошлого, от предшественников-землян, и часто разговаривали об этом, называя вещи своими именами. Что касалось эмоциональной зависимости от живых прототипов, то здесь наибольшие трудности переживал Сид: у обоих Максимов приступов ностальгии не наблюдалось. Сид кое-как преодолел свое многословие, с головой уйдя в работу, но любовь поспорить у него осталась. Наблюдая за ними, Гилл вновь и вновь приходил к выводу, что в былом он и Бенс находились лишь в начале начал сложнейшего комплекса задач по трансплантации психики. Ползали, так сказать, по поверхности, в то время как техническая сторона метода спроектирована ими уже в деталях. Почему, например, Сид не унаследовал ничего из сомнений и тревог своего прототипа? Почему он, с одной стороны, смелее, решительнее, чем Гилл, но в то же время беспомощнее, беззащитнее перед невозможным, перед желанием вызвать в памяти неизвестные им обоим черточки и факты земной жизни того, земного, Сида? Почему, далее, в сознании Юму, Тиака, Эора и Рэ ясно различимы периоды возобладания примитивного эмоционального начала, хотя цикличность пока неясна?.. Или это еще придет? Установлено только, что периоды просветления сменяются вдруг днями жестокой депрессии. В таких случаях Сид запирается в своей кабине, а он, Гилл, зарывается в книги, пытаясь читать. Оба Максима решают проблему иначе. Когда они в первый раз пожелали выйти из «Галатеи», чтобы прогуляться в лесу, Гилл был уверен, что все летит к черту. У близнецов был инфразвуковой пистолет, и они не только объяснили, зачем он им нужен в джунглях, но и добавили, что, если Гилл будет препятствовать их прогулке, они поступят с ним так же, как он поступил с Эором и Рэ. Они уходят, но скоро вернутся. «Ты должен понять, Гилл, так будет лучше для всех нас! Мы долго думали, прежде чем решиться. Ты обязан считаться с реальной действительностью»

Но эта реальная действительность, которая заключалась в том, что Эор и Рэ собрались навестить своих жен, и тем более то, что оба Максима не видели в этом ничего предосудительного, никак не укладывалось в голове Гилла. Для него подобная блажь означала лишь угрозу выполнению сверхзадачи, прямое предательство. Сид с философией циника заявил, что и он охотно составил бы им компанию, если бы в свое время Гилл не заставил его изучить семейные фотографии. «Поэтому я остаюсь, но поверь мне, Гилл, с большим сожалением».

Гилл крайне неохотно вспоминал потом об этой дискуссии.

Эор и Рэ вернулись через два дня и, как ни в чем не бывало, продолжали свою работу. Сами они помалкивали, а Гилл и Сид их не расспрашивали. С тех пор по молчаливой договоренности Эор и Рэ время от времени повторяли свои прогулки. За все время он еще лишь однажды заговорил об этом с Сидом, но на сей раз не мог согласиться с его точкой зрения. Сид, посмеиваясь, сказал:

— К счастью для них, твое мнение в этом деле не играет никакой роли. Меня больше интересует другое: заметили ли Бек и Меи какие-либо перемены в своих мужьях? Выходит, не слишком далеки от истины были древние греки, когда рассказывали о том, как главный бог Зевс порой спускался со своего Олимпа к земным красавицам. А ты, бог Гефест,— тут Сид явно намекнул на хромую ногу Юму,— не хочешь последовать его примеру?

Гилл не знал, сердиться ему или удивляться. Откуда воспроизведенный им новый Сид знаком с древнегреческой мифологией, знание которой и на Земле считалось редкостью? Ведь он никогда ее не изучал. Еще одна загадка...

— Ну-с, когда ты собираешься начинать?

Вопрос, заданный Эором, вернул Гилла к действительности. Они валялись в траве под тенью «Галатеи»; нежное щекотание травинок всегда доставляло им удовольствие, от которого трудно было отказаться. Гилл немного стеснялся этой причуды, но подчеркивать серьезность совещания сидением в креслах командного салона представлялось ему глупостью. Шарик уже готовил на костре ужин; зачем заставлять его лазить по лестницам?

— Дня через два-три. Что касается инженерной переориентации Эдди, я думаю, здесь мы не встретим трудностей...

— Только очень прошу тебя, Гилл, не внушай ему никаких земных воспоминаний!— воскликнул Сид.— Правда, мы похоронили все, что могло бы их вызвать, но вдруг они всплывут сами по себе?

Гиллу изрядно надоели постоянные намеки Сида на собственные ностальгические переживания, но каждый раз он подавлял в себе раздражение тем, что винил в этом только себя. Потому и воздержался от резкого ответа, молча кивнул.

— Кого же ты посадишь под консоциатор?— продолжал Сид.— Об этом мы еще не говорили!

— Ему придется работать с Максимами.— Гилл уклонился от прямого ответа.

— У нас есть один кандидат,— с некоторым смущением

отозвался Рэ.— Мы подумали, если ты, Гилл, избрал для оживления Сида своего родственника Тиака, то, пожалуй, нет никаких препятствий, чтобы взять теперь моего младшего брата Гаима... Мы хорошо бы понимали друг друга...

Гилл покосился на Эора. Его мнение важнее, чем желание Рэ пристроить братца. Эор задумчиво смотрел перед собой и в эту минуту напомнил Гиллу, вернее, Юму, прежнего Эора возле костра охотников. Бывало, тот всегда сделает лишний удар по каменному ножу или наконечнику копья, прежде чем начнет отвечать. Итак, Гаим... Юноша такой же дикий и необузданный, как Рэ, если не хуже. Хорошо бы установить, какова была доля инфразвуковых лучей, кроме поставленной Гиллом репрограммы, конечно, в столь эффектном усмирении бешеного нрава Рэ...

Эор по-прежнему раздумывал о чем-то, как во времена, которые никогда не вернутся, а Рэ ерзал от нетерпения. Гиллу не хотелось торопить «второго» Максима. Полная свобода мнений после трансплантации была одной их важнейших заповедей метода Бенса. Однако заговорил Сид.

— Не слишком ли он дикий?

Эор встрепенулся, критическое замечание Сида вывело его из размышлений.

— Ну если он не станет болтать без умолку...

Сид вскочил и уставился на Эора.

— Чем я тебе не нравлюсь?

— Всем нравишься. Только говоришь много.

— Не знаю, кто дал тебе право меня осуждать!

«Если бы они сцепились вот так там, в стойбище охотников, Эор просто поколотил бы Тиака,— про себя улыбнулся Гилл.— А еще через полчаса оба забыли бы об этом. Но Максим и Сид не бросятся друг на друга, а потому ненависть будет и дальше отравлять им жизнь. Значит, мне нужно вмешаться, как это делал Дау, когда драка грозила зайти слишком далеко».

— Никто не давал. Но болтовня мне мешает,— невозмутимо ответил Эор.

Сид уж шарил глазами вокруг, ища, чем бы запустить в ненавистного Эора.

— Стой!— властно вскричал Гилл.

Сид обернулся к нему.

— Ах, так? И ты еще смеешь вмешиваться, ты, который один виноват в том, что я...

— Перестань, Сид,— Эор тоже поднялся со своего места. Он был на целую голову выше Тиака, самый рослый из племени охотников после Дау.— Если бы ты не оскорбил Рэ, я не ответил бы тем же. Ясно?

Рэ продолжал сидеть на корточках.

— Идиоты!— заорал он.— Все вам ясно, все вы знаете, только почему-то забыли о выдержке. Где ваша дисциплина? Вы думаете, мне легче, чем вам? Я давно бы уже разнес Сиду череп, если бы не знал, что он не волен в своей болтовне. А если говорить о праве, у нас действует только одно право. Больше чем право — закон.— И этот закон — сверхзадача!

— Ты слышал, Гилл!— продолжал кричать Сид.— Ему, видите ли, не легче! Он только из милосердия не проломил мне череп! Потому, видишь ли, что они совершенны, они безукоризнены! Джентльмены репрограммы! Да если бы не я, они были б такие же несчастные, как я! Вспомни, разве не я тебя предупреждал?

— Прекрати истерику, Сид. Хватит!— Рука Эора угрожающе поднялась.— Я не знаю, о чем ты кричишь, да и знать не желаю. Но если ты не перестанешь, я...

— Ты... Ты, Гилл, причина всего. Это ты виноват во всем...

Гилл подступил к Сиду, опустив руки по швам.

— Что же, ударь меня, Сид! Да, я причина всего. Я виноват в том, что ты живешь, что говоришь такие слова. Я знаю, не перебивай, ты не хотел такой жизни. Но не хотел и я! Эта жизнь всего лишь средство для выполнения сверхзадачи. Скверное, но необходимое средство. Смысл всей затеи только в этом. Иначе незачем жить. Можешь избить меня до смерти или лучше возьми пистолет, уничтожь нас, взорви «Галатею», истреби красных охотников. Все в твоих руках, иди, рушь, круши, уничтожай, ведь ты способен на все, не так ли? Только от одного тебе не уйти — от мыслей, которые я заложил в твой мозг. Убьешь меня, Эора, Рэ, но мысль останется, она будет жить в тебе, пока ты сам существуешь. Все, что ты делаешь, исходит от меня, посеяно моими руками. Неужели ты не понимаешь? Либо мы выполним сверхзадачу, либо перебьем друг друга сегодня же, здесь, сейчас...

Гилл, задохнувшись, оборвал свою речь, но поток мыслей неудержимо мчался дальше. «Если Эдди будет так же прост и ясен, как оба Максима, это не решение вопроса. Необходимо, чтобы он помог мне держать в узде Сида, подавлять в нем взрывы отчаяния, эмоциональную расхристанность. Он более непосредствен, чем я сам, но в этом-то вся опасность. Нет, Эдди должен быть мудрым, более мудрым, чем я. Разве это возможно? Абсурд, нелепость. Но, во всяком случае, он должен знать больше, а главное, быть смелее, решительнее, не таким рефлектирующим субъектом, как я, и не таким переполненным горечью, как Сид. Он будет совершенен, наш будущий Эдди, и питательной средой для его совершенного разума станет неукротимая агрессивность Гаима. Рэ верно сказал: не право, а закон. А закон требует приказа, жестокого, беспощадного приказа и повиновения. И человека, способного отдать этот приказ». С изумлением Гилл поймал себя на том, что в первый раз за всю жизнь, через столько лет после смерти командира «Галатеи», он впервые почувствовал, что понимает Нормана...

Сид, обессиленный, опустился на траву. Карие глаза Тиака смотрели на Гилла грустно и виновато.

— Я опять натворил глупостей, Гилл. Пожалуйста, не сердитесь на меня... Простите. Надо ли объяснять...

Эор вернулся к своему месту и сел возле Рэ.

— Не надо!— Оба Максима сказали это в один голос. Помолчав, Эор добавил:

— Мы понимаем, Сид. Даже тогда, когда ты не предполагаешь. Я тоже виноват перед тобой...

— Только без оправданий!— Сид усмехнулся.— Если так пойдет дальше, в конце концов мы все превратимся в ангелочков, станем в кружок и запоем хором...— Он бросился на траву, потянулся и, увидев приближающегося робота, крикнул:— Шарик, живее! Ты заморил нас голодом!

Никогда не испытывавший, подобно остальным, пустоты в желудке, Сид и теперь не слишком интересовался ужином; он поторопил Шарика только затем, чтобы лишний раз скрыть этот свой недостаток, которого сам стыдился. Гилл по достоинству оценил его грустную попытку, но это отнюдь не изменило принятого решения. Над нами будет властвовать Эдди, самый совершенный из всех. Хотят они этого или не хотят.

Спускаясь по ступенькам трапа из одного отсека в другой, Гилл все более терял надежду разыскать Эдди. Наружный люк нижнего отсека, правда, оказался запертым, но это отнюдь не говорило о том, что Эдди где-то тут, в гигантском чреве «Галатеи». Он мог уйти, поручив автоматике запереть люк спустя несколько минут, а в контрольной памяти Большого Мозга эта автономная команда не отразилась. Но куда он мог уйти и зачем? Вчера после ужина он, как обычно, направился в библиотеку. Помещение библиотеки, заставленное полками, было так узко, что удобно там мог расположиться только один человек. Поэтому договорились, что по ночам будет работать Эдди, поскольку день у него пока еще не так сильно загружен, как у Сида или обоих Максимов, и ему можно спать днем.

Эдди хотел знать больше каждого из экипажа «Галатеи» даже по их узким специальностям, но признался в этом только Гиллу, причем однажды и с глазу на глаз.

— Мне не хотелось бы их обидеть, Гилл. Ты понимаешь меня?— добавил он заговорщическим тоном. Все верно. Эдди удался на славу, он был совершенен, даже лучше, чем Гилл мог себе представить. Составляя репрограмму для Эдди, он затягивал ее окончание под всевозможными преддогами на долгие недели. Оба Максима вслух выражали нетерпение, но были не в состоянии проверить, насколько основательны объяснения Гилла. Когда же наконец он разрешил им отправиться в лес и доставить Гаима, Гилл твердо был уверен, что с появлением Эдди в «Галатее» начнется новая жизнь; пусть не сразу, не с первого дня, но наступит непременно. Гаим пришел на собственных ногах, не получив даже порции снотворного. Он был свиреп и любознателен, как прирожденный искатель приключений. Его давно уже интриговали сначала загадочное исчезновение Эора и старшего брата, а потом их не менее таинственные визиты. Эору достаточно было сказать, что он может пойти с ними и посмотреть, чем они занимаются, как Гаим через час уже поднимался с ними в лифте «Галатеи», и, хотя руки и ноги у него тряслись, эту дрожь вызывало скорее любопытство, чем страх. По-настоящему испугался он лишь в тот момент, когда над ним,

усаженным в кресло, опустился гигантский колпак консоциатора. Но Рэ успокоил его, объяснив, что и они с Эором тоже испытали это.

— Зачем?

Таков был последний вопрос, заданный Гаимом. Эдди донимал их уже совсем иными вопросами, да и то лишь на первых порах. Ориентировался и адаптировался в новой обстановке он невероятно быстро, и Гилл сожалел, что никто из экипажа, кроме него, не отдает себе в этом отчета. Было ясно, что репрограмма Эдди, безусловно, лучшее творение всей его жизни. Гилл позаботился даже наделить его лукавством и актерскими способностями, чтобы при случае умел изобразить любовь, сочувствие и энтузиазм, равно как возмущение или гнев...

— Поверь мне, Гилл,— признался Эдди однажды,— я все это изображаю, а на самом деле не испытываю никаких чувств. У меня нет эмоций. Мне одинаково смешны важность Максимов, упрямство Сида и твоя вечная озабоченность. По правде говоря, я принимаю всерьез только одну-единственную вещь, но мне еще надо поразмыслить, прежде чем я назову ее тебе.

— Эта вещь — сверхзадача, не так ли?— позволил себе догадаться Гилл.

Эдди с улыбкой кивнул утвердительно. Это тоже относилось к совершенству, о котором мечтал Гилл, создавая Эдди. Мимика Гаима была ближе к партитуре человеческого лица землян, насколько ее помнил Гилл, чем у кого бы то ни было из остальных.

— Конечная цель предельно ясна, Гилл!— уже не с улыбкой, а смеясь подтвердил Эдди.— Все дело лишь в способе и средствах... И тут, кажется, даже ты бессилен помочь.

Но куда все-таки исчез Эдди? Оглядев еще один пустой коридор очередного отсека, Гилл готов был биться головой о стену. «Ты хотел наделить его хитростью, а он стал еще и скрытным». Он не знал еще, что скрывается за внезапным исчезновением Эдди, но одно воспоминание о его лукавой улыбочке бросало в дрожь. Теперь этот мошенник водит за нос не только других, но тебя самого, Гилл.

Продолжая поиски, он одну за другой отодвигал двери различных кабин в складском отсеке. Распахнув предпоследнюю, замер на месте. От ужаса редкая растительность на загривке Юму встала дыбом — на полу кабины, где хранились лучевые пистолеты, валялся пустой футляр. Между тем Гилл отлично понимал, что только он один заглядывал сюда, когда, проснувшись на рассвете, отправился на охоту в сопровождении Шарика; он взял пистолет, а потом, возвратившись, спрятал его вместе с футляром в одном из шкафов возле выходного люка в нижнем отсеке.

Прежде чем к нему вернулась способность соображать, портативная рация, вмонтированная в пояс, вдруг ожила. Хриплым голосом кто-то вызывал его, Гилла. Он стремглав выскочил из кабины, захлопнул дверцу и помчался со всех ног, не отдавая себе отчета, куда и зачем. Он только тогда узнал голос Сида, когда тот, повторив вызов, нетерпеливо, как всегда, завопил:

— Почему не отвечаешь, Гилл? Ты слышишь меня? Где ты? Слушай меня, слушай меня...

Но Гилл был в состоянии представить себе только одно: как Эдди выходит из какой-то двери с пистолетом в руке.

Он сам хотел, чтобы именно Эдди взял в свои руки верховную власть в «Галатее», чтобы выполнить сверхзадачу, чтобы он выбрал для этого наиболее верный путь! Вот теперь Гилл и окажется первой жертвой на этом пути к единоличной власти...

— Отвечай, Гилл! Куда ты пропал? — Маленький динамик рации, казалось, разрывался от негодования Сида.— Или ты тоже сошел с ума?

— Я здесь! Чего ты хочешь?— Гилл с трудом выдавил из себя ответ. Теперь его голос наверняка укажет, где он находится.

— Поднимайся скорее! Мы нашли!

— Что?— у Гилла перехватило дыхание, потом он заорал:— Берегитесь, Сид! Не подходите близко...

— О чем ты? Мы нашли кассету с приветом от Эдди, он оставил ее в библиотеке!— Гилл пошатнулся и вынужден был опереться плечом о стенку.— Иди скорее, мы ждем!

Огромными прыжками, припадая на короткую ногу, он бросился к лифту.

Небольшой магнитофон был в полете принадлежностью дежурного штурмана, в библиотеку его перенесли для того, чтобы упражняться в технике речи. Емкость его позволяла делать трехчасовую запись, но звуковое письмо Эдди оказалось сравнительно коротким.

«Я ушел, не ищите меня. Почему я стал таким, как есть, Гилл знает, пожалуй, лучше меня. Мне известно лишь, что единственная цель моей жизни в том, чтобы стать вождем у красных охотников. Я полюбил их, еще будучи Эдди,— и этим я обязан Гиллу, — а воплотившись в теле Гаима, обрел необходимую для этого энергию и силу. Задача вернуть «Галатею» на Землю, доставив людям все разультаты исследований, прекрасна, но не имеет ко мне никакого отношения. Вы все убийцы, ибо сможете осуществить эту задачу, только убив Юму, Тиака, а затем Эора и Рэ, одного за другим. Главным виновником всего этого является Гилл, но я не имею права обвинять его. Я хочу лишь заявить вам, что не хочу принимать участия в этом преступлении, а также позабочусь о том, чтобы в жертву сверхзадаче не были принесены новые жизни. Я мог бы поодиночке уничтожить всех роботов, окружающих племя, если те попытаются удержать его с помощью инфразвуковых лучей. Но я не хочу причинять вам ущерб, роботы понадобятся для других дел. Поэтому я просто выключил их с центрального пункта управления, и мы сможем беспрепятственно уйти. Теперь я ухожу, чтобы убить Дау и увести охотников от «Галатеи» так далеко, как смогу. Не пытайтесь нас настигнуть, у меня лучевой пистолет. Я хочу стать Первым, совершенным и мудрым вождем, у которого будут знания и разум Эдди и не будет ограниченности Дау. Вот так я хочу жить! И мне жаль вас всех, ибо однажды вы тоже поймете, что мой выбор был правильным».

Гилл встал и пошел к выходу.

— Куда ты?— спросил Сид.

— К командирскому пульту. Может, еще не поздно вновь включить роботов. Волны страха способны поразить Эдди, как

и всех остальных, он забыл об этом. Он не сможет применить лучевой пистолет, ибо, подняв его, тут же выронит от страха.

— Ты хочешь вернуть его сюда?

Эор нагнал их в коридоре. Вопрос Сида заставил Гилла вздрогнуть.

— Мы думаем, Гилл, не стоит. Это слишком большой риск...

— А отпустить его бегать по лесу с лучевым пистолетом без всякого контроля, по-вашему, не риск?

— Но как ты думаешь действовать?

— Еще не знаю. Прежде хочу установить, где он и его банда.

— Наверно, мы опоздали,— возразил Сид.— Вчера в десять вечера Эдди сидел в библиотеке в полном одиночестве, а в одиннадцать мы уже спали. Чтобы подняться сюда, выключить дозорных роботов, спуститься вниз и взять пистолет, нужно всего полчаса. По-видимому, он подошел к стойбищу охотников около двух часов ночи. А сейчас девять утра...

— Все равно я должен знать, где он!

Роботы послушно ответили на радиосигнал. В радиусе пяти километров от «Галатеи» движение живых существ, судя по данным локатора, ничем не отличалось от обычного. Хрюки, дикие собаки, птицы. Крупные хищники по утрам еще спят.

— Кто проверял племя в последний раз?

— Мы, я и Рэ, вчера утром,— ответил Эор.

— Где они были?

— В обычном месте, в северо-восточном секторе.

Гилл добавил силу увеличения, затем изменил направление радарных антенн таким образом, чтобы они прочесали местность за пределами охраняемой зоны. Несколько минут спустя на экране возникло скопление точек. Племя успело уйти от «Галатеи» на расстояние не менее пятнадцати километров.

Оба Максима взволнованно вскрикнули:

— Бек! Меи! Мы приведем их назад!

— Но вы только что сами утверждали, что риск слишком велик, не так ли?

— Гилл, ты отвратителен,— спокойно изрек Сид.— Почему ты обижаешь Максимов? Потому что не можешь уразуметь, насколько это для них важно. Клянусь, Эдди, кажется, был прав, назвав тебя убийцей!

— И тебе хочется об этом поспорить? Именно сейчас?

— Нет, но брось свои насмешки. Нам сейчас и без них несладко.

Эор пристально вглядывался в монитор.

— Бегут бегом, Эдди их подгоняет. Что надо делать, Гилл? Ну скажи хоть что-нибудь! Необходимо найти какое-то решение. Думай!

Гилл печально покачал головой.

— Нет, мы бессильны. Напомнив вам о риске, я вовсе не собирался никого обижать. Риск и в самом деле велик. Я уверен, что Эдди в случае погони применит лучевой пистолет без колебаний.

— Пойми, речь идет не только о наших женах,— веско

сказал Эор. Его двойник Рэ, не в силах говорить, безотрывно смотрел на мелькающие точки на краю экрана, губы его беззвучно двигались.

— Нас слишком мало. Вместо Эдди нам нужен человек. Все равно, чью репрограмму он получит, нужны его руки и голова.

— Что ты предлагаешь?

— Не знаю... Может быть, нам отправиться в погоню на геликоптере?

— И ты полагаешь, Эдди вас не обнаружит?

— Не в этом дело. Мы только приблизимся к ним на геликоптере, ведь пешком-то их не догонишь. Сядем где-то на безопасном расстоянии, затем подкрадемся ночью и усыпим их инфралучами.

— Допустим. Но лучше перед заходом солнца, в сумерках Эдди будет труднее определить, где вы.

— Значит, мы идем готовить машину?—торопливо спросил Эор.

— Если с вами что-нибудь случится, мы останемся вдвоем. Это мой последний довод. Я уже не спрашиваю о том, как вы представляете себе путешествие на Землю для Бек и Меи. Одним человеком больше для «Галатеи» пустяк; но чьи репрограммы вы думаете трансплантировать вашим дамам?

— Не мучай их, Гилл,— вставил Сид.— Об этом мы успеем подумать. Вот если они не полетят с нами, с Эором и Рэ у нас будет куда больше хлопот...

— По-твоему, лучше рисковать их собственными жизнями?

— Мы просим об этом, Гилл,— подтвердил Эор.

Гилл прикрыл глаза.

— Я не могу дать согласия, Эор. Если вы оба погибнете...

— Но этого требуют интересы сверхзадачи!

— Чего требуют?!

— Того, чтобы мы вытащили их оттуда. Или ты хочешь, чтобы мы стали такими же, как Сид?

— Благодарю,— проворчал Сид.— Лучшего аргумента ты не мог придумать?

Эор помолчал. Он и Рэ опять уставились на экран, словно от медленно движущихся по нему точек зависела их жизнь... «Может, так оно и есть»,— подумал Гилл, глядя на них. Во всяком случае, равновесие и мир на «Галатее», видимо, во многом объяснялись их регулярными прогулками в лес.

— Отправляйтесь.— Голос его прозвучал глухо.— Но если вы останетесь там, знайте... Ну, да что там, вы и так все понимаете... Отправляйтесь, готовьте машину, летите! И не смотрите на экран такими глазами, это ничего не даст.

Он выключил монитор. Эор и Рэ, словно выпущенные из клетки, помчались к выходу.

— Теперь ты доволен?— Гилл обернулся к Сиду.

Сид криво усмехнулся.

— Ты убийца, Гилл.

— А ты просто сумасшедший. Нам не в чем упрекнуть друг друга, Сид. Особенно теперь, когда ты принял сторону Эора. Эдди убьет их обоих.

— Ну это еще не факт. Максимы постараются ради женщин, они ловкие ребята. И сделают все, чтобы выиграть игру.

Геликоптер поднялся в воздух, когда уже опустились сумерки, а на востоке небо потемнело, и взял курс не на северо-восток, а значительно левее. Максимы решили описать большой полукруг, выйти на беглецов с фланга и опередить их. Сид сопровождал полет радаром, ни на минуту не упуская геликоптер из виду и по радио ориентируя его по курсу, так что пилотам не надо было вглядываться в темный лес под ними. Пролетев километров тридцать, они повернули к северу и, достигнув линии, по которой племя должно, по их расчетам, двигаться завтра, взяли обратный курс к «Галатее».

— Уменьшим скорость,— сообщил Эор.— Так мы, пожалуй, немного избавимся от шума.

— Высота?

— Двести метров; иду на снижение.

— Что ты видишь?

— Под собой ничего, темный лес. Дальше к северу зарево, похожее на огонь костров.

— Они не скрывают свое стойбище?

— Нет, Эдди нас не боится. Он ведь ясно сказал об этом.

— Именно поэтому будьте осторожны.

— Знаю. Сид, сообщи, как далеко мы находимся от «Галатеи»?

Гилл взглянул на шкалу радара.

— Примерно в сорока километрах,— ответил он вместо Сида.— Что, пока ничего нового? Очень прошу, будьте осторожны.

— Ясно. Вы на «Галатее», я вижу, боитесь больше, чем мы тут. Почему?

Гилл не нашелся, что ответить. Замолчал и передатчик геликоптера.

— Думаешь, они обнаружат охотников?— спросил Сид, прикрыв ладонью микрофон.— Темнота сгущается.

— Боюсь, что обнаружат.

Сид помотал головой.

— Ты ужасный человек, Гилл. Все время сомневаешься в чем-то. И с таким характером ты собираешься долететь до Земли? Когда я думаю об этом...

— Вот они! Эор, ты видишь?— Гилл узнал голос Рэ.— Впереди по курсу, чуть правее!

— Держись, иду на вираж!— Эор тоже повысил голос.— Сообщите удаление, скорее! Эй, Гилл!

— Тридцать, тридцать два километра. Как далеко от вас костры?

— Трудно определить точно, но не менее трех километров.

— Садитесь, сейчас же садитесь!

— Зачем? Я выключу мотор, и мы тихонько повиснем над ними! Они и ухом не поведут...

— Замолчи, Эор! Сейчас же снижайтесь! Требую посадки.

— Чтобы потом три километра шлепать по лесу с женами на плечах? В такой темноте? Черта с два...

— Садись сейчас же!— заорал в микрофон Гилл.

Шум мотора прекратился. Через минуту послышался голос Эора:

— Зря волнуешься, Гилл! Высота сто пятьдесят метров, перешел на скольжение. Кругом ни звука...

Неожиданный треск в динамике был не сильнее отзвука далекой грозы. Но Гилл знал, что это означает. Только одно. На светящемся экране радара точка, обозначавшая геликоптер, дрогнула и словно растворилась.

Сид закричал истошным голосом, затем внезапно умолк, пустым взглядом уставился перед собой. Даже не взглянув на него, Гилл ринулся к выходу. Он крикнул было Шарика, но затем передумал, кинулся к лифту. Вездеход, только вездеход! Набрал код на пульте у нижнего выхода. В блестящем боку «Галатеи» неслышно открылся люк; на двух шарнирных рычагах там висел, покачиваясь, небольшой крытый приплюснутый вездеход на гусеничном ходу, похожий на черепаху. Гилл уже протянул было руку к другой кнопке, чтобы спустить стальную черепаху на землю, но затем раздумал. Какой смысл? Все преимущества сейчас на стороне Эдди.

Вездеход убрался в чрево «Галатеи», и Гилл направился в свою кабину. Надо спать. А вездеход? Он едва не рассмеялся. Мстить Эдди? Зачем? Ведь заряд лучевого пистолета иссякнет скоро, и тогда Эдди рано или поздно попробует вернуться на «Галатею», чтобы его пополнить.

Он натянул одеяло на голову. Надо спать. Уже в полузабытьи подумал: «Плохи дела у Эдди... Ему не позавидуешь...»

Раздумывая об Эдди, Гилл еще раз вынужден был признать незаурядную прозорливость покойного Нормана. Еще до посадки «Галатеи» на новую планету Норман запустил с борта корабля орбитальный спутник-зонд с целью определения оптимального места для приземления. Полученные данные с помощью одному ему известных критериев и расчетов, произведенных Большим Мозгом, позволили дать команду Сиду посадить корабль сюда, на полянку посреди тропического леса. Норман требовал от исследователей систематической работы, понимая под этим постепенное, шаг за шагом наращивание результатов, при концентрическом расширении сферы исследований. Поэтому, за исключением довольно общих по характеру сведений, полученных со спутника, и более детальных, но ограниченных зоной в радиусе двухсот километров вокруг «Галатеи», данных, к моменту катастрофы Гилл и его коллеги, по существу, не знали о планете ничего конкретного.

При долгосрочной работе, пожалуй, такая методика Нормана оправдала бы себя, Гилл в этом не сомневался. Но неожиданный поворот событий привел к тому, что принятая программа изучения планеты оказалась выполненной едва на десятую часть, и теперь возникла острая потребность пополнить ее хотя бы самыми необходимыми сведениями. Он чувствовал себя усталым и не раз испытывал тревогу, хватит ли у него времени довести начатое дело до конца.

С помощью радаров он попытался обнаружить спутник, но неудачно. За минувшие полторы сотни лет его траектория,

очевидно, значительно изменилась, он вошел в плотные слои атмосферы и сгорел. Пришлось запускать новый спутник, придав ему скользящую траекторию, с тем чтобы прочесать буквально всю поверхность планеты теле- и радиощупами, выведенными на центральный пульт. Для надежности он установил на спутнике дополнительную камеру с инфракрасным режимом и теперь часами просиживал возле экрана, наблюдая за изображением. Однообразная работа изматывала душу, а Сид отнюдь не способствовал поднятию духа, только портил настроение.

— Напрасно ищешь, Гилл. Никаких других разумных существ на этой чертовой горошине ты не найдешь.— Сид явно издевался.— Мы все обречены. Я и ты благополучно скончаемся тут, на «Галатее», а наш друг Эдди среди возлюбленных собратьев. А все потому, что ты трус! Ты не хочешь лететь в северные дебри, где бродят другие племена. А ракетоплан у нас стоит без дела.

Поначалу Гилл имел глупость возражать, пытался объясниться:

— Пойми, с помощью радара невозможно определить, которым из этих племен предводительствует Эдди с его лучевым пистолетом. Он покончит с нами в два счета, даже не раздумывая.

Сид возражал только из духа противоречия, вопреки всякой логике. Он просто изводил Гилла, чем доставлял себе удовольствие. Все доводы его сводились обычно к одной и той же формуле.

— Вся причина в том, что ты бездарный, безвольный и трусливый тип, Гилл. Ничтожество!

— Выйди вон!

— Нет, ты выслушаешь меня до конца! Впрочем, тебе все давным-давно известно, но я не стану повторять, что ты...

— Замолчи! Дело кончится тем, что я тебя все-таки убью, Сид!

— Только этого я и дожидаюсь, Гилл.

Гилл принужденно усмехнулся.

— А самоубийство тебя не устраивает? Я дам тебе превосходные таблетки.

— Нет, благодарю. Мне гораздо приятнее погибнуть от твоей руки, Гилл. Увидеть, как ты, дрожа от ярости, в последний раз поднимаешь на меня пистолет... Или бросишься на меня с голыми руками. Только учти, физически я сильнее!

Гилл не ответил. «Пожалуй, в самом деле легче было бы отправить его на тот свет. И для него, и для себя тоже». Но Гилл страшился одиночества. Это было что-то новое. Уж не зигзаг ли в запрограммированной психике? Нет, не должно быть, память и аналитические центры работали безукоризненно, как и прежде. Или сдвиг как раз в том и состоит, что он не способен замечать никаких сдвигов?

На четвертый день после запуска спутника Гилл настолько устал, что, глотая ужин, принесенный Шариком, забрызгал сиденье кресла. Прежде он с фанатическим педантизмом следил за чистотой, стремясь к тому, чтобы хоть в командном салоне не

оставалось следов абсолютного безразличия Юму и Тиака к требованиям гигиены. На экране радара между тем отражалась поверхность воды, спутник летел над океаном. Воздушные течения различной теплоты чертили на серебристом четырехугольнике затейливый узор, напоминавший абстракционистский рисунок, смелый и неожиданный. Смелый и неожиданный? Чепуха. Полторы сотни лет назад он уже видел нечто подобное на Земле...

Ему не удалось закончить мысль. Спутник приближался к берегу какого-то материка, и Гилл уронил на колени остатки мяса, не донеся их до рта. На краю экрана появился глубокий залив, вдававшийся в сушу, а на поверхности залива видно было какое-то движение. Еще не разобравшись до конца в его характере, Гилл инстинктивно потянулся к фиксирующей кнопке. Камера, установленная на спутнике, всего две минуты проходила над заливом, так что у него будет целый час, чтобы еще и еще раз прокрутить зафиксированное на видеопленке изображение; период обращения спутника вокруг планеты составлял чуть больше шестидесяти минут. Конечно, необходимо внести еще соответствующие коррективы в его движение по орбите, если он хочет увидеть этот залив еще раз...

— Сид, иди сюда!— вскричал он, забыв обо всем на свете.— Смотри, Сид, смотри скорее!

При микроскопическом увеличении движущиеся точки обрели форму веретена. Похоже на лодки...

— Это дельфины. Либо стаи акул,— раздался за спиной голос Сида.

— Акулы плавают гораздо быстрее.

— Значит, дельфины,— недовольно настаивал Сид.— Не спорю, они, быть может, более разумны, чем наши единокровные охотники, но дельфины остаются дельфинами. Ты собираешься вести «Галатею» в обратный путь с их помощью? Великолепно!

Гилл нетерпеливо рванул рычажок увеличителя, передвинул его до упора. Тревожным миганием красных глазков автоматика запротестовала против варварского насилия, деликатно вернула изображение к норме. Снова возник вид залива, ближняя к берегу его часть, а на поверхности воды, теперь уже он не мог ошибиться, остроносые лодки. С фантастической скоростью — скоростью спутника — они пересекли экран и скрылись за его краем. Все зрелище заняло не более пяти секунд, на экране замелькали прибрежные дюны, потом скалы, горы, покрытые лесами. Гилл отключил фиксатор видеофона от камеры спутника.

— Пока есть время, скорректируй движение спутника, Сид! Пусть покрутится на той же орбите. Я подожду тебя, прежде чем повторить отснятые кадры...

— Незачем! Любуйся своими дельфинами сам, а меня уволь.

— Тебя не убедили последние кадры?

— А я не хочу ни в чем убеждаться! До сих пор я был на этой планете наиболее разумным существом.

— Весьма сомнительно. Во всяком случае, доныне.

— Не валяй дурака!— заорал Сид.— На что тебе эти твари? Они другие, не такие, как мы...

— Более развитые, чем мы...

— Ну и что? Нам-то какая от этого польза?

— На подобную глупость не знаю, что и ответить. Но если ты нарочно исказишь коррекцию орбиты, клянусь богом, я тебя прикончу! Что ты делаешь?

Сид сдернул руку с регуляторов на пульте и уставился на Гилла, растерянно моргая глазами.

— Это добром не кончится. Умоляю тебя, Гилл, послушайся меня хоть один раз! Я скорректирую тебе орбиту по всем правилам, разглядывай этих морских чудищ сколько тебе угодно. Только не тащи их сюда, в «Галатею»! Не могу объяснить, но я предчувствую, что все это может кончиться очень плохо. Странно, почему ты не ощущаешь того же!

— Чего, чего ты боишься?

— Не знаю, но страх так и пробирает меня. Не понимаешь?

— Нет.

Сид махнул рукой и отвернулся, продолжая колдовать над расчетом изменения орбиты. Оба помолчали.

— Ну вот, готово,— со вздохом облегчения произнес наконец Гилл.— Иди смотри!

Он постарался насколько возможно увеличить и первую часть видеозаписи. По бокам плавучих веретен были ясно различимы черточки-палочки, по три с каждой стороны, расположенные не попарно, а в шахматном порядке.

— Ни одно из живых существ не может иметь таких плавников. Это же весла! Точно такие же, как у гребных лодок на Земле.— В голосе Гилла звучали нотки торжества. Еще бы, внутри веретен заметны и более темные точки, движущиеся в такт с движением палочек.— Видишь? На спутнике камера снимает в инфракрасном диапазоне, а движущиеся точки темнее, значит, теплее, чем палочки и вся лодка. Это люди, они гребут веслами!

— Ну и что? Не убеждай меня, это я понял с первого раза, едва взглянув на экран.— Ответ Сида прозвучал неожиданно холодно, даже меланхолично.— Дельфинов и прочую чушь я выдумал нарочно для тебя. Речь о другом: где гарантия, что они нас не уничтожат?

Изображение на экране дернулось, расплылось. Повторялся момент, когда Гилл схватился за ручной увеличитель. Сейчас он поставил аппарат на десятикратное замедление. Точки на экране, как сонные муравьи, медленно сползлись к центру, затем отчетливо, почти крупным планом, проплыла лодка. Гилл остановил видеоленту, жадными глазами впился в стоп-кадр, затем продвинул его еще на две-три секунды вперед — весла подняты из воды, неестественно застыли в воздухе.

— Весла по длине не менее человеческого роста, ты видишь? И как они ловко орудуют, отличная техника! Не нужно повторять съемку, этого вполне достаточно! Мы отправимся к ним, и немедленно.

— Ты не ответил на мой вопрос, Гилл. Где гарантия?

— Я не думал, что ты дойдешь до этого... До такого глубокого... Гм...— Замявшись, Гилл подыскивал подходящее слово, но, не найдя его, взорвался. — Безмозглая скотина! Чьими мозгами ты думаешь? На чьем языке ты произносишь это идиотское слово «гарантия»? Мы эта гарантия, ты и я! Мы, которые несем в своем разуме бесценные сокровища знаний...

— ...которые Юму и Тиак превращают в нуль взрывами своих диких инстинктов! Верно?

Они стояли лицом к лицу так, что их носы едва не соприкасались. Затем Гилл отошел на шаг и устало махнул рукой.

— Оставим это, Сид. Не будем оскорблять друг друга. Ты видишь во всем только дурное и упорствуешь. Но чем сильнее ты выводишь меня из себя, тем яснее я вижу, что мы сделаны из

одного теста. Орем точно в зеркало... Ты и я, я и ты... Даже если бы Юму и Тиак не имели кровного родства, и тогда...

— Что тогда? Почему ты не испытываешь страха, как я?

— Не знаю. Во всяком случае, я позабочусь, чтобы вот эти,— он указал на экран,— преобразованные в наших коллег,тоже его не испытывали. Они получат иные репрограммы, чем те, которые — кстати, это ты верно сказал — сведены к нулю или вконец испорчены мною, гибелью Максимов, помешательством Эдди. Я вложу в них настоящие человеческие чувства, а не искусственно вымученные модели!

Сид собирался что-то сказать, но сдержался. Дойдя до двери, ведущей в коридор, он обернулся:

— Говоришь, мы зеркало друг для друга? Тогда, надеюсь, ты не обидишься, если я скажу: ты псих! Законченный и безнадежный шизофреник!

В ту ночь инстинкт, унаследованный от Юму, разбудил Гилла среди ночи. Смутно шевельнувшееся в подсознании ощущение тревоги, что где-то что-то не так, подсказало: Сида нет, он покинул свою берлогу. Еще не проснувшись окончательно, Гилл уже знал, где искать. Приоткрыл двери ангара ракетоплана «Восп»— к счастью, изнутри они запирались только с командного пульта: Сид уже покончил с предохранителями обоих двигателей и с железными клещами в руке слезал по стремянке, приставленной к борту ракетоплана. Гилл ясно понимал, куда он направляется — к приборной доске, а попасть в кабину пилота можно только из брюха машины, через нижний люк. Будь он на месте Сида, то именно в таком порядке выводил бы из строя ракетоплан, закрывая единственную возможность отправиться к океанскому заливу за пополнением для экипажа «Галатеи». Залив находился в другом полушарии, и только «Восп» с его сверхзвуковой скоростью и двигателями в несколько тысяч лошадиных сил был в состоянии доставить их туда. Гилл схватил Сида за ногу и рванул на себя. Рухнув вниз, тот даже не попытался подняться, а обхватив голову руками, покорно терпел бешеные пинки Гилла. Тот долго бил его ногами куда попало и прекратил экзекуцию не из-за того, что Сид не оказывал сопротивления, а потому, что вдруг заскулил по-собачьи. Перед воображением Гилла встала вся неприкаянность и беззащитность Тиака, паршивого щенка, отвергнутого и презираемого охотниками племени. Жалость и отвращение, смешавшись в душе Гилла, остановили его скорее, нежели трезвая логика рассудка, твердившая ему: не убивай, останешься в одиночестве.

Предохранители, которые Сид вытащил из двигателей железными клещами, пришлось собирать по углам ангара. Спустя некоторое время к Гиллу присоединился Сид. Ползая на четвереньках и все еще жалобно скуля, он усердно помогал своему жестокому наставнику.

Гилл болезненно ненавидел всякий риск, и теперь, когда избежать его было просто невозможно, старался предусмотреть все, чтобы свести риск до минимума. Летал он на ракетоплане

«Восп» очень давно и всего лишь несколько раз. При обычных условиях научные работники редко оказывались в таком положении, когда им приходилось садиться за штурвал «Воспа». При полете в открытом космосе может случиться всякое, поэтому подготовка Гилла в этой области была столь же основательной, как и любого астронавта. Но когда корабль «приземлялся» на одну из планет и замирал в неподвижности до следующего старта, летный состав экипажа обычно переключался на обслуживание ученых, проводивших там исследования, больше им делать было нечего.

В течение трех недель они с Сидом по очереди осваивали управление «Воспом» в атмосфере. В перерывах между полетами Гилл мчался к видеомагнитофону, фиксировавшему картину, переданную со спутника. Спутник вращался теперь на постоянной орбите, каждые шестьдесят минут, направляя камеру на залив — для наблюдений за жизнью прибрежных жителей. Гилл смотрел, как они спускают в воду свои лодки; видел хижины, построенные на берегу, мужчин, уходивших на охоту в лес и возвращавшихся оттуда с добычей. Рослые, сильные люди, они были богаты и, по-видимому, счастливы. За двадцать дней наблюдений Гилл не отметил ничего, что свидетельствовало бы об их страхе или боязни чего бы то ни было. Они полюбились ему, эти отважные мореходы, и он искренне им симпатизировал.

Сид стал менее словоохотлив и не противился намерениям Гилла. Иногда, правда, в его карих глазах вдруг мелькал затаенный страх, но Сид тут же отворачивался, а Гилл делал вид, будто ничего не заметил. Когда наконец он овладел пилотированием «Воспа» в той же степени, что и Гилл, и они оба уверенно выполняли на ракетоплане самые сложные маневры, Гилл объявил подготовку законченной и назначил два дня полного отдыха. Даже если добрую половину пути аппарат будет управляться автопилотом, вся операция потребует огромного напряжения; еще ни разу они не работали так много в один заход, и Гилл беспокоился, как организм Юму и Тиака выдержит эту непривычную нагрузку. Первоначально он предполагал сделать посадку где-то поблизости от залива, переночевать, а на другой день провести главную операцию, но потом отверг эту идею. Поиски посадочной площадки, ночевка в тесной кабине ракетоплана, когда волнение не дает сомкнуть глаза,— все это могло только утомить. Но главная причина состояла в другом, а именно в нетерпении Гилла добиться успеха. Он жалел буквально каждую минуту, отделявшую их от того момента, когда первый из туземцев откроет глаза и, оправившись от шока, начнет жить уже в новом качестве.

Он уже знал, что лодки рыбаков обычно покидают берег на рассвете, чтобы даже самые отважные, заплывшие далеко в океан, могли вернуться еще до того, как солнце достигнет зенита. В соответствии с этим он и назначил старт «Воспа». На берегу лагуны Гилл насчитал более шестидесяти хижин; между ними постоянно сновали их обитатели, и выбрать среди них наиболее подходящие кандидатуры не представлялось возмож-

ным. Строить свой расчет только на удаче было нельзя, и Гилл принял такое решение: они возьмут экипаж лодки, которая дальше других заплывет в открытое море. Единственным критерием силы, смелости и одаренности людей становилось, таким образом, расстояние от берега. Возможно, критерий этот окажется ошибочным, но найти другой Гиллу не удавалось.

«Восп» взмыл в небо стремительно, почти вертикально, «Галатея» в считанные минуты превратилась в сверкающую точку на темно-зеленом фоне девственного леса, простирающегося до самого горизонта. Немного спустя ракетоплан пробил тонкую пелену облаков, неразличимых с земли; внизу все как бы задернулось полупрозрачной пленкой, скрадывающей очертания предметов. Бездонная голубизна неба заполнила пространство кабины, натужный рев моторов перешел в негромкое жужжание. Взглянув еще раз на приборы, Гилл включил автопилот и, удобно откинувшись в кресле, закрыл глаза.

Его привел в чувство прерывистый звонок сигнала: под ними простиралось ослепительно белое одеяло сплошной облачности. До берега, к которому они летели, оставалось еще около пятисот километров. Гилл, измерив с помощью радара толщину облачного слоя и расстояние его до поверхности планеты, встревоженно гмыкнул — дождя внизу как будто не намечалось, но... Хорошо бы знать, выходят ли рыбаки в море во время дождя? В противном случае придется все же совершить посадку, усыплять инфразвуком уйму лишних людей. И потом выбор кандидатов... все было так хорошо продумано, и вот — эти проклятые облака. Он потряс за плечо Сида, сладко спавшего, свернувшись, в соседнем кресле. Сид недоуменно поморгал глазами, затем, очнувшись, с минуту молча наблюдал за приборами на доске.

— Пора включать тормоза. — Он громко зевнул.— На такой скорости мы наверняка проскочим. Брось ты ради бога свои облака, переключай радар на землю! Я хотел сказать, на море..

Гилл молча кивнул, но Сид, посчитав, что настало время наверстать упущенное за долгие часы молчания, затараторил:

— Итак, для начала я повторю весь урок. Как только мы увидим лодку... Не перебивай! Лодка будет, ведь если ты что-нибудь задумал, все всегда сбывается. Другой вопрос, можно ли назвать это просто везением. Итак, увидев лодку, я жду, пока ты доберешься до люка и подашь мне знак. Тогда я выключаю мотор и перевожу стратоплан в режим свободного падения. Не забудь ухватить покрепче за поручни и следи за желудком, мой тебе совет. В ста метрах от поверхности воды я снова включаю двигатели, снижаюсь еще на пятьдесят метров, затем перехожу на винтовой режим, иными словами, зависаю над лодкой. Ты в это время пускаешь в ход пистолет и усыпляешь наших будущих коллег. Мое дело удерживать аппарат. И еще один совет: ни в коем случае не вздумай отцеплять трос! А то мало ли что тебе взбредет в голову, ты человек добрый. Привяжешь их к себе всех по одному и будешь доставлять сюда, ко мне, как на лифте. Придумал ты все хорошо, не отступай. Пусть им будет немножко неудобно, не беда, они ведь ничего не почувствуют. Но трос останется пристегнутым, ты понял? В противном случае, стоит

аппарату отклониться на пять метров в сторону, и ты сможешь начать новую славную жизнь по примеру Эдди. И даже похуже, потому что лучевой пистолет останется у меня. Конечно, если попросишь, я тебе его сброшу...

— Ты кретин, Сид, но из приятных. Если я решу остаться, непременно сделаю тебе ручкой.

— Я не кретин, я твое зеркало. Только иногда кривое...

Гилл усилил торможение. Глаза обоих перебегали с лениво покачивающейся стрелки спидометра на экран радара и обратно. Показался вид берега, но совсем не похожего на тот, который они так много раз изучали через камеру спутника, сидя в «Галатее». Это на минуту смутило Гилла. Черт возьми, неужели он ошибся, рассчитывая курс для «Воспа»? Или пока они спали, сбился с курса автопилот? А может, за это время нарушилась радиосвязь наведения между спутником и автопилотом?

— Левее!— воскликнул Сид.— Разве не видишь?

Отмель была длиннее и более плоской, чем он ожидал, казалась незнакомой на вид. Дикий берег, похожий на половинку разбитого блюдца, окруженный угрюмыми отвесными скалами, далее холмы, поросшие лесом. Но вытянутые ромбики лодок покачивались на волнах, как обычно; некоторые казались ближе. «Те, что дальше от берега»,— сообразил Гилл.

— Ну что я тебе говорил? Рыбаки на месте.— В голосе Сида, однако, не слышалось энтузиазма.— Теперь выбирай, который из них, и марш к люку. Они нас не видят за облаками, но шум двигателей напугает их.

Гилл колебался. Затем вдруг указал рукой на самый ближний к ним катамаран,— оторвавшись от других, он смело боролся с волнами далеко в открытом океане.

— Хорошо, я понял. Теперь спокойно иди к люку. Остальное уж мое дело.

Арро был преисполнен гордости. Он сказал: дождя не будет, и его не было. Пусть тяжелые тучи нависли над морем и далекие холмы окутал туман, все равно. Остальные, трусливые недоумки, не осмелясь плыть за ним, толклись теперь в лагуне, вылавливая мелкую рыбешку. В тесноте сети наверняка перепутаются, и тогда конец ловле, начнутся крики и ссоры, потом на берегу взаимные упреки и поиски виноватых, а улов упущен, остается распутывать и чинить снасти. Что же, они заслужили все это сполна, надо было слушать его, Арро. Такого чутья, как у него, нет ни у кого на этом берегу. Арро всем своим существом чувствует не только погоду, но и какой сегодня будет улов. Глядеть на волны мало, надо уметь угадывать, есть ли там, в глубине под ними, косяк шугулявшейся в море рыбы, которая только и ждет, чтобы Арро окружил ее своей сетью. И Арро доверяет своему чувству; верят и другие рыбаки, подчиняясь безмолвному взмаху его руки, указывающей, куда заводить лодки, неслышно подгребать широкими веслами. Да и почему им и не верить интуиции первого рыбака на берегу? Конечно, в заливе живет немало хороших рыбаков, даже очень хороших, но никто не может сравниться с Арро, который каждый день вываливает на песок уйму лучшей

крупной рыбы. Лучший улов всегда у Арро, об этом знают все. Это с его легкой руки в море стали брать женщин, хотя старики и по сей день ворчат о нарушении обычая. Правда, Арро даже самому себе не признается, что причина этому ревность к красавице Нуа. Когда рыбаки уходят в море, их жены остаются в деревне, и если не слишком упорствуют в верности мужьям, всякое может случиться. А Нуа красивая, первая красавица на всем берегу, нет мужчины, чтобы не обернулся ей вслед. И ей это нравится, Арро знает. Зато теперь она с ним, и вместо поклонения самцов ее овевает слава первой женщины, вышедшей в море на лов рыбы. Ничего, что Грон, подхлестнутый примером Арро, тоже забирает теперь в лодку свою Дие. Ведь Дие хрупкое создание, от нее немного проку на веслах, поэтому она выполняет роль дозорного. И это хорошо, потому что зоркие глаза Дие издалека примечают над водой косые плавники акул, ловкие руки расправляют сети, поплавки. Она всегда вовремя заметит, если перепутаются снасти, и это тоже хорошо, ибо нет большей досады для рыбака, чем проворонить улов по этой причине. Но пусть бы Дие даже не приносила никакой пользы, Арро и тогда не прогонит ее из своей лодки. Ради Грона. Грон хороший рыбак, вторая по важности фигура в экипаже. Потому что первая, конечно, Мат. Если бы не было его, Арро, Мат считался бы первым добытчиком на побережье. Ловок, находчив и всегда молчит. Арро считал главным мужским достоинством молчаливость. В свободное время на берегу он часами отчитывал тех болтунов, что треплют языком во время лова. В море говорить должен один, остальные слушать. И Мат молчал, всегда слушал, что говорит Арро. Превосходный парень. Не таковы, к сожалению, его младшие братья, Арро даже вздохнул украдкой. Если бы не страх перед ним, старшим в лодке, они не закрывали бы рта даже вблизи пугливых макрелей. Непонятно, откуда такое легкомыслие, ведь их обоих, кажется, родила та же мать, от того же отца, что и его, Арро. Желторотые юнцы! Одна надежда, что с возрастом это пройдет, станут и они добрыми рыбаками. И Эви, и Опэ.

Черта с два!

Нерадивый Опэ раньше времени выпустил из рук грузило, просверленный тяжелый камень звонко стукнул по борту лодки. Такая оплошность взорвала Арро. Не заботясь о том, что сам производит больше шума, чем злополучное грузило, он выхватил из воды весло и замахнулся, чтобы хорошенько вытянуть им Опэ по спине. Пусть это послужит ему уроком, напомнит, что первейший закон для рыбаков в море — соблюдение тишины. Судьба, однако, рассудила иначе, и Опэ так и не получил очередной урок искусства ловить рыбу в открытом море.

Над серыми волнами прокатился гром двигателей ракетоплана, включенных на торможение, и поднятое весло в руке Арро дрогнуло, повторяя судорогу мышц, сведенных от инстинктивного страха. Что это, гроза? Не может быть... Он, Арро, вот уже двадцать два года знает наперечет все признаки надвигающейся непогоды, изучил все штормы, смерчи, ураганы, малейшие их симптомы... Даже древние беззубые старики, которых, хотя они

и впали в детство, в деревне продолжают нянчить и кормить, из-за этого опыта и мудрости, обладание коими облегчает ежечасную жестокую борьбу за жизнь, не припомнили бы, чтобы в небе гремел гром в это время года! Значит, это не гроза, а что-то другое, более страшное, ибо не слышалось после первого удара перекатов, замирающих вдали. Резкий, режущий уши свист возник снова, словно разрезая на части клубящиеся облака. «Небо кричит, тучи стонут в ответ,— в ужасе содрогнулся Арро.— А все наши смотрят на меня, на кормчего, и ждут моего слова. Конечно, ведь это я руководил ими и порой объяснял даже то, чего не понимал сам. Но что сказать? Я чувствую лишь, что кричащее небо несет смерть, все мы погибнем, пережив еще раз тот ужас, который низвергает на нас эта неведомая смерть с неба. Вот она близится, я чувствую это...»

У Арро перехватило дыхание, он со свистом потянул в себя воздух, чтобы разразиться криком. Но в этот момент небо вдруг замолчало, дикий вой оборвался. Наступила тишина. Бившаяся в ушах кровь словно отсчитывала секунды этой тишины. Только бы не повторилось снова! Но время шло, тишина казалась устойчивой и вечной,только волны мирно плескались о борт лодки.

Грон громко высморкался — в наступившем безмолвии этот звук показался ревом. Арро усилием воли заставил себя еще раз глубоко вздохнуть для того, чтобы хоть что-то сказать своим людям, привычным звуком голоса успокоить себя и их, словами заслонить пережитый только что необъяснимый ужас.

— Я думаю...— начал он, но слова застряли у него в горле.

В гуще облаков возник новый, не похожий на прежний, шипящий свист. Казалось, северный ветер, тяжелый от снега, продирается сквозь теснину в горах, впивается ледяными волчьими клыками в живое, трепещущее тело. Волна безотчетного страха застилала глаза, уши, мозг. И не было ей конца, беспощадной, растущей, как болезнь. Нуа первая бросилась на дно лодки, зарывшись головой в груду еще мокрых, скользких рыбок, вытащенных при первом забросе сети. Через мгновение весь экипаж последовал ее примеру, ища убежища на дне утлого суденышка и замирая от страха, сковавшего намертво руки и ноги. Шелестящий свист приближался...

Впоследствии ни один из находившихся в лодке Арро не помнил, как над их головами повисло невиданное чудовище. Прошло еще некоторое время, и Сид, действуя согласно программе, на высоте ста метров снова запустил громоподобные двигатели ракетоплана.

— Думается, я ничего не упустил.— Он сделал паузу, размышляя.— Нелегкое испытание, что говорить, но теперь будет лучше. Я с вами.

Замолчал, расслабил мышцы. Пора передохнуть. Рассказ длился почти два часа, лишь изредка прерываемый коротким вопросом собеседника. Длинное, не менее ста девяноста сантиметров, стройное тело удобно и покойно полулежало

в кресле, словно его обладатель с рождения привык находиться в командных салонах межпланетных кораблей. Возраст двадцать два года, это он знал точно. Высокий лоб, серые глаза. В памяти опять возникло воспоминание о первой минуте после пробуждения. Он открыл глаза, ощупал внимательным взглядом внутренность командного салона, затем поднял голову, убедился в том, что консоциатор убран на свое место под потолком, и, слабо улыбнувшись, проговорил:

— Все в порядке. Не понимаю только одного: как я и ты, волосатая обезьяна, попали сюда одновременно? Если не предположить, что именно ты прилетел за нами на ракетоплане. Теперь-то мне понятно, что этот дьявольский звук мог исходить только от «Воспа».

«Волосатая обезьяна» не было оскорблением. Просто констатацией факта, свидетельством того, что «новорожденный» не думает изъясняться на своем родном наречии. Если это волосатое существо ему ответит, все станет на свои места. Если нет, то он воспримет его как второстепенный факт действительности, имеющий лишь косвенное отношение к решению загадки, и этим не стоит заниматься. Очевидно, эта обезьяна попала в «Галатею» так же, как и он,— в порядке выполнения составленной кем-то программы. Когда, как, для чего —второстепенные вопросы, не это сейчас главное.

«Если бы Бенс услышал такую вот первую после трансплантации осмысленную фразу, полную логики и разума, он запрыгал бы от радости на своем седалище, позабыв о своей чопорности,— думал Гилл.— Да, это человек! А кто я? Волосатая обезьяна? Ну, погоди! Хотя ты и умен, все, что произошло до этой минуты, дело моих рук. Даже твой разум и железная логика созданы мной, обезьяной, сидящей перед твоим носом».

Гилл заговорил негромко и спокойно, старательно избегая малейших проявлений радости или душевного подъема. Пусть его собеседник, бронзовотелый герой, увидит: да, это он, волосатая обезьяна, является автором и исполнителем всего, что здесь произошло! Речь лилась плавно, в той легкой иронической манере, в которой он, первый ассистент и правая рука Бенса, бывало, одинаково клал на лопатки престарелых мудрецов и юных ниспровергателей основ. В считанные минуты обезоруживал их длиннейшими и округлыми оборотами речи, нанизываемыми с неповторимым изяществом. Первую фразу они еще понимали, над второй задумывались, а пока разгадывали ее смысл, он произносил уже пятую или шестую. Этот умник тоже выдержит недолго... Но серые глаза по-прежнему смотрели на него с интересом, а вежливая улыбка по-прежнему выражала равнодушие. Гилл ускорил темп своей словесной вязи, насколько мог, но в конце концов понял, что старается напрасно. Нечего строить из себя дурака. Его противник знает столько же и так же хорошо, как он сам. Если не лучше... И как эта очевидная истина сразу не пришла ему в голову?

— Кстати, как тебя зовут?— вдруг спросил Гилл, полностью выпадая из своей роли.

Любезная улыбка стала еще любезнее. Блеснув рядом ослепительно белых зубов, он произнес:

— Меня зовут Мат.— Сделав паузу, он повторил еще два раза:— Мат, М-а-ат!— Очевидно, для большей ясности. Это прозвучало оскорбительно, хотя Мат вовсе не имел намерения обижать косматого собеседника.— Продолжай, пожалуйста. Все, что ты говоришь, очень интересно.

Гилл потерял всякую охоту взять верх; напротив, ему хотелось лишь быть понятым, как-то сблизиться с собеседником. «В конце концов, мы одинаковы, как два близнеца,— думал Гилл.— Человек беседует с самим собой; редкий случай, и хотя попахивает сумасшедшинкой, не без приятности». Мат сделался для него как бы младшим братом, любимым и близким. Захотелось отдать ему все, чем он, Гилл, по воле случая оказался богаче, проживая здесь, в «Галатее», в обличье Юму. Затем внезапно вспомнил о фазе регрессии и с тревогой поинтересовался, как Мат себя чувствует.

— Регрессии у меня не будет,— успокоил его собеседник.

— Не будет? Как это не будет? Почему?

Теперь настала очередь Мата разъяснить кое-что своему наставнику.

— Мы ошиблись, считая, что регрессивная фаза как-то связана с типом психики трансплантируемой личности. Все зависит от объекта, на который она переносится.

У Гилла уже вертелась на кончике языка фраза: «Это мне тоже было известно, но все же...» Он удержался и промолчал. Мату, пожалуй, можно об этом не знать. Но тот, разумеется, угадал.

— Почему это тебя беспокоит?— Улыбка его стала чуть-чуть сочувственной.— Тебе не удалось ее избежать?

— Удалось, отчего же. Но предусмотрительность никогда не мешает, верно? Мой долг велит мне позаботиться, чтобы ты... чтобы у тебя...

В салоне было прохладно, но Гилл почувствовал, как у него выступает пот по всему телу.

— Оставим это, Мат. Во всяком случае, прошу тебя, если почувствуешь себя плохо, сразу скажи... Итак, на чем я остановился?— Он продолжал, продолжал, как человек, несущий на плечах тяжелый камень по дороге, которой не видно конца, а камень все тяжелее. Гилл рассказал о всех своих сомнениях и неудачах, о Сиде, о двух Максимах, об Эдди, о геликоптере и гибели Эора и Рэ; наконец, о том, как они обнаружили деревушку рыбаков на берегу океана, как доставили их сюда на ракетоплане «Восп».

Последняя фраза Мата все еще звучала у него в ушах: «Теперь мне будет лучше. Я здесь с вами». Правда ли это? Во всяком случае, в нее надо верить, иначе все теряет смысл. Гилл злился на себя. Ведь его постоянные сомнения и напряженность ненамного лучше, чем безотчетный страх Сида. Гм... Однако его уважаемый двойник довольно-таки бестактный тип. Теперь, пожалуй, его очередь излить душу. «Должен же он понимать, что, несмотря на неказистость Юму, я тут старший. Нет, так совсем уж

глупо. Старший по рангу, я хотел сказать. А он только слушает и таращит глаза. Хорошо еще, что перестал улыбаться этой идиотской улыбкой. Уж не наступила ли регрессия? Так ему и надо, пусть я окажусь мерзавцем, пусть! Ведь когда он сидит вот так и, наморщив лоб, смотрит на меня, как на пустое место, это уже не я, не моя копия, а кто-то другой, совсем другой. Я знаю даже, кто именно! Страшно сказать, но эти глаза, губы, выражение лица, самоуверенность, надменное, уничтожающее молчание.. Это же Норман, вылитый Норман!»

Гилл вскочил и, прихрамывая, заходил из угла в угол. Идиот! Просто у тебя сдали нервы. Полет на ракетоплане, штучки Сида, акробатический этюд на канате, опущенном в лодку, этюд, который пришлось повторить семь раз... Пожалуй, это слишком много даже для такого невозмутимого атлета, который сидит сейчас напротив тебя.

Мат с любопытством следил за ним взглядом.

— Почему ты хромаешь? Вывихнул ногу, пока вез нашу компанию?

— Пустяки, это у меня с детства. Когда-то был перелом, но сейчас не мешает. Более того, хромоте я обязан своим присутствием здесь, на «Галатее».

— Об этом ты не рассказывал!

— Зачем? А ты хочешь послушать историю моей жизни с момента рождения? Дата его, кстати, не установлена. Мы...— Гилл на мгновение замялся.— Я имею в виду мое бывшее племя... Мы умели считать только до двадцати, не больше. Разумеется, лишь те, кто пожелал тратить время на это утомительное занятие. Годы жизни мы не учитывали.

— Странно,— в вежливой улыбке Мата проглянул искренний интерес.— Наши старики твердили нам, будто когда-то давно в лесах жили вот такие волосатые, гм... существа, подобные твоим сородичам. А мы не верили.

— Напрасно. Племя, к которому я принадлежал, на том материке было самым цивилизованным.

— Конечно, конечно.— Мат сделал паузу.— Иначе выбор места для посадки «Галатеи» был бы иным. Ну а язык? Насколько он оказался развитым? Ты не мог бы произнести для примера пару слов?

Это было уж слишком. Гилл почувствовал, как редкая растительность вдоль хребта у него становится дыбом.

— Послушай, ты, гладкокожий гений!— со злостью зашипел он.— Ты, двуногое совершенство. Аполлон Бельведерский местного значения! К сожалению, ты и это понимаешь. Никакого цирка зверей тут не будет! Я тебе не говорящее шимпанзе, понимаешь?

— Прости, Юму, но ты неправильно меня понял. Меня интересует этот вопрос с научной точки зрения.

— Плевать я хотел на твою точку зрения! В том числе и на научную. И не называй меня Юму, слышишь? Я Гилл, и только Гилл.

— Но ведь я тоже Гилл! В дальнейшем могут возникнуть недоразумения...

— Пока нас двое, не могут.

— Но я не протестовал, когда ты назвал меня Матом. Признаюсь, для меня это абсолютно безразлично.

— Повторяю, меня зовут Гилл! Будет лучше, если мы выясним это с самого начала.

— Пусть будет по-твоему, согласен. С определенной точки зрения можно понять, почему ты на этом настаиваешь, Гилл.

Мат плюхнулся в свое кресло. Наступило молчание.

— Итак, если подвести общий итог,— заговорил он после долгой паузы,— на сегодняшний день достижения таковы: ты обеспечил и организовал питание, а Сид с грехом пополам осваивает правила навигации.

— С грехом пополам? Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал. Ты мог бы доверить ему вести «Галатею»?

Гилл не ответил. Наглый вопрос, удар ниже пояса. И совершенно излишний, ответ очевиден. Лучше ответить вопросом на вопрос.

— Что ты скажешь о своих коллегах? Полагаю, ты знаешь их хорошо?

— Да, мы вместе рыбачим уже четыре года. Должен тебя поздравить, Гилл, твой выбор удачен. Избрав в качестве критерия удаление лодки от берега, ты поступил правильно. Благодарю.И за то, что ты забрал всех семерых, тоже. Нас многое связывает.

— Ты не мог бы говорить конкретно, без общих фраз? Кто они такие, что за люди? Кому принадлежат эти две дамы?

— Рассказывать долго, да и не нужно. Что касается женщин, то Нуа жена Арро.

— Эта хрупкая малютка?

— Нет, другая. Малютку зовут Дие, она принадлежит Грону. Двое юношей, Эви и Опэ,— младшие братья Арро. Кстати, что с ними?

— Они приняли снотворное. За ними присматривает Сид.

— Что приняли?

— Снотворное. Дозу аментипана. Они должны спать, пока до них дойдет очередь.

— А я? Мне тоже вкатили снотворное?

— Тебе нет. В этом случае я применил для выключения сознания тот же аппарат, что и дома, в институте Бенса, для...— Гилл запнулся и опять начал потеть.— Для человекообразных обезьян. Другого испытанного средства у меня не было. Но вы, дети моря, оказались более чувствительными. За все время полета ни один не очнулся, а тебя я доставил прямо в это кресло.

Мат с минуту молчал.

— Кажется, ты кое-что запамятовал, Гилл.— Говорил он тихим голосом, но взгляд словно окаменел.— В институте в течение двух последних лет вообще отказались от аментипана. Усыпление производилось гальваническим методом, если позволишь тебе напомнить. Аментипан давал негативные побочные явления, и именно я, точнее сказать, мы это установили. Разве ты не помнишь?

Гиллу показалось, что над ним раскололся потолок и сквозь развершуюся дыру на голову ему падает обломок скалы. От удара искры посыпались из глаз, а затем все погрузилось

в темноту. «Забыл, забыл, совсем забыл,— камнем ворочалось в мозгу.— Нет, я не мог забыть. Значит, амнезия, значит, этот факт не попал в репрограмму для Юму. Сколько еще будет таких провалов?» — Ноги у него тряслись, он опустился в кресло.

— Не расстраивайся, Гилл, беде еще можно помочь.— Голос Мата звучал мягко и ободряюще.— Сколько ты ввел им аментипана и когда?

— Одну десятую грамма, половину обычной дозы. Боялся, что организм, не привыкший к химическим препаратам...

— Когда?— Вопрос хлестнул, как бич. Именно так и он, Гилл, допрашивал нерадивых сотрудников.

— Приблизительно... Около пяти часов назад. Как только мы вернулись в «Галатею».

Мат вскочил на ноги, пошатнулся. «Ага, все-таки регрессия»,— мелькнула надежда, но Мат справился с собой. Он сделал быстрый наклон вперед, выпрямился, затем бросил вниз руки, расслабив мышцы. «Как заправский гимнаст, у меня выучился»,— с горечью отметил Гилл.

— Где они сейчас?

— Я провожу тебя.

— Не утруждай себя, старина!— Улыбка на этот раз была дружеской, искренней.— Ты выдохся больше, чем я, отдохни. Я отлично ориентируюсь в «Галатее», скажи только, куда ты их поместил. И не принимай все так близко к сердцу. Я подключу их к гальванической сети, и через сорок восемь часов от аментипана не останется и следа. Для большей гарантии мы возьмем у них анализ крови, он в два счета даст полную ясность. Впрочем, зачем я все это тебе объясняю? Ты сам все знаешь, как и я. Уже догадался, верно?

«Неправда, ни о чем я не догадался. И не догадаюсь никогда. Самое ужасное как раз в том, что недостатка знаний в этой области я не ощущал и не ощущаю. Сид был прав: того, о чем мы не знаем, не существует. Но как оно выглядит, это незнаемое? Каков метод, которым можно обнаружить эту черную дыру в памяти? Обломок скалы ворочается в мозгу по-прежнему, давит, давит... Когда это кончится?»

— Утешайся тем, что ты не впрыснул им по две десятых грамма, Гилл!

Мат рассмеялся. В Гилле вспыхнула ненависть. «Теперь я буду ненавидеть его до смерти. Это скверно, очень скверно. Но еще хуже то, что он прав. Нет сил проводить его вниз. Камень все ворочается в голове, дрожат ноги, если я упаду на лестнице, он опять примется меня утешать...»

— Они в жилом отсеке, в спальнях,— пробормотал Гилл.— Нас теперь девять человек, будет тесновато. Но если супруги поместятся в одной кабине, а я с Сидом, места хватит на всех.

— Хорошо. А где Шарик?

— Зачем он тебе?

— Сид тоже изрядно устал. Зачем нам таскать их на руках, если это может сделать робот? Арро весит побольше, чем я!— Мат опять засмеялся. Премудрейшая голова, ежеминутно выдающая идеи!— Шарик на вербальной связи?

— Да.

— Где его искать?

Гилл поднялся было, чтобы подойти к пульту, но Мат его остановил:

— Не трудись! Я мог бы вызвать его сюда сам. Но мне интересно, насколько уверенно я ориентируюсь внутри «Галатеи». Самоконтроль, ты понимаешь. Притом в первый раз. Доставь мне удовольствие поиграть в эту игру!

Последняя фраза Мата прозвучала несколько фальшиво, но Гилл был подавлен собственной неудачливостью настолько, что не обратил на это внимания. «Счастлив, самоуверен и, разумеется, еще дурачок. Надо надеяться, застрянет в лифте, либо Шарик не послушается чужого голоса. Это собьет с него спесь, по крайней мере».

— Думаю, Шарик разводит сейчас костер, чтобы готовить ужин. Но я советую, окликни его с порога нижнего люка и не слезай по лестнице, покуда он не отзовется.

Что бы то ни было, Гилл не мог допустить, чтобы Шарик напугал Мата. «Возможно, он жесток по отношению ко мне, но я-то тоже показал себя полным идиотом, он только сквитал счет. И надеюсь, без злого умысла».

— Старина, доверь это мне!— Мат пошел к лифту. Гилл с завистью наблюдал за его легкой, упругой походкой.— А может, ты полагаешь, у меня дурное произношение? Но уж если Шарик понимает твое!..

Возразить было нечего. Так или иначе, придется его ненавидеть. Но для ненависти не хватало сил, так глубока была усталость. Если бы не проклятая дрожь в ногах, он бы показал Мату, где раки зимуют. А сейчас изволь сесть, ничего ты ему не покажешь.

— Жди меня здесь, Гилл. Как договорились.

«Ни о чем мы не договорились. Это приказ, самый откровенный. И я ему подчиняюсь»,— подумал Гилл и удивился. Перемена настроения наступила, едва Мат скрылся за дверью.

— Кретин! — произнес Гилл вслух, прислушался к слабому эху, отразившемуся от стен, и повторил:— Ты кретин, Мат. Мое произношение! Что ему в нем не нравится, да и как он может судить? Я говорю превосходно, без о-ши-бок и да-же по сло-гам! Пре-вос-ход-но, слышишь?

Каменный жернов в голове, повернувшись еще несколько раз, наконец остановился. Тупая тяжелая усталость разлилась по всему телу. Слишком много он взял на себя за один раз. Полет на «Воспе», потом цирковой трюк на канате... Впрочем, причина иная. Это даже не усталость. Это крах. Аментипан действительно давно уже не применялся. Выпало из памяти полностью, напрочь. А что еще осталось за ее пределами, не попало в репрограмму? И почему? Лучше не стоит думать об этом, опять попадешь в замкнутый круг, опять камень в голове... Факт, однако, что любая проверка перенесенной в электронную память Большого Мозга информации имеет формальный характер. Только количество. А качество? Сколько ни анализируй, пусть самыми различными методами, ты будешь измерять только интенсивность, варианты,

электронные показатели отдельных секвенций. Так можно обнаружить только грубые ошибки или большие дыры, но не более того. Истинное содержание, комплексная субстанция репрограммы психики могут быть реализованы только в живом человеческом мозге. Мат совершеннее Юму уже хотя бы потому, что, сравнив мысленно нас обоих и установив различие, пришел к важнейшему выводу: чего-то недостает. Разумеется, у него тоже. А потому и он не в состоянии определить, чего именно, даже другим методом. Пики фреквенций отдельных полей не скажут ему больше, чем мне, и сказать не могут. Но он располагает возможностью, о которой я даже не думал. Конечно, Мат как личность ценнее меня, но и я могу еще пригодиться. Мой опыт, знание обстановки; правда, самое важное я ему уже рассказал. Значит, меня нужно сделать полезным, а мне признать его превосходство. Это во-первых. Так мы, пожалуй, еще сможем понять друг друга. А Сид? Сиду тоже надо внушить эту мысль, пусть спорит со мной сколько угодно, не в этом суть. Сейчас же надо поговорить с Сидом, помочь Мату. Если он увидит, что я ему помогаю, что способен помочь... Крайне необходимо установить взаимное понимание, крайне. Чтобы он видел не только ошибки и неотесанные углы. В конце концов, ведь он — это я. Успех обеспечен.

Гилл вызвал лифт, но он оказался занят, а потом остановился на уровне жилого отсека. Еще нажим кнопки, опять безрезультатно. Очевидно, Мат заблокировал автомат, лифт не поднимался. Не беда, пойдем по лестнице.

На повороте третьего отсека он увидел Мата. Мат стоял, повернувшись к нему лицом, и держал в руке лучевой пистолет. Медленным движением он поднял оружие на уровень груди.

— Сожалею, Гилл, но это должно случиться. Ты знаешь и сам.

— Мы могли бы вам еще во многом помочь. И я, и Сид...

— Сида уже нет. Успокойся, он даже не подозревал, что его ждет. Так я собирался поступить и с тобой. Очень жаль, что ты пришел сам...

— Послушай, Мат! Я признаю твое главенство, ты более совершенен. Но я помогу тебе во всем, что касается опыта, которого тебе недостает...

— Мне недостает только одного, но и это имеет чисто теоретическое значение...

— Чего же? Я охотно поделюсь с тобой...— «Пока я могу удержать его словом, ничего не произойдет. Отнять силой? Безнадежно. Расстояние — четыре метра, даже если его рефлексы медленнее моих, слишком далеко. Говорить, говорить, объяснять, убеждать, что я ему нужен...»— Существует множество незаметных, несущественных мелочей, Мат. Я объясню их тебе, и наша жизнь будет легче. Все оборудование «Галатеи» я знаю отлично; кроме того, мы будем ходить на охоту с Шариком. Поверь, я превосходный охотник, нет такой дичи, которую бы...— Гилл замолчал. Взгляд Мата выражал бесконечное терпение и полное равнодушие.— Что ты хочешь знать, скажи?

— Это не так легко сформулировать.

Мат тоже молчал, глаза его поднялись к потолку, но ствол пистолета не сдвинулся ни на сантиметр.

— Ну что же, попробую,— заговорил он опять.— Скажи, были ли какие-либо причины, соображения, мысли, иными словами, была ли у тебя мотивировка, пусть даже самая мелкая и вздорная, чтобы избрать и посадить под консоциатор первым именно меня, а не кого-то другого? Что было причиной — моя внешность, тип человека, возраст со всеми вытекающими последствиями? Или такие, труднее поддающиеся определению категории, как, скажем, симпатия, эмоциональное начало?..

Гилл ощутил, как все мышцы его напряглись. Он не станет лгать, даже если от этого ответа зависит его жизнь. Но свое знание он унесет с собой, он не скажет Мату ничего.

— Нет,— хрипло сказал Гилл.— Ни о какой мотивации не может быть речи. Ты был лишь одной из семи возможностей. Без имени, без прошлого, объект для эксперимента, и только. Таким же, как остальные шестеро. Ты помнишь о великолепном выводке белых мышей, шедевре селекции? Еще там, в институте. Принцип был один — никаких мотиваций. Это мешало бы эксперименту.

Мат по-прежнему не смотрел на Гилла, но лицо его передернулось. «Так, прямое попадание,— возликовал Гилл.— Нанесем еще один удар, последний...»

Он знал, что не почувствует боли. Последнее, что он увидел, был красный глазок сигнала, вспыхнувший на пистолете.

Наступившая ночь обещала быть спокойнее предыдущих. Еще в полдень он наткнулся на обломки геликоптера, и это укрепило в нем уверенность, что он идет в верном направлении. В окрестном кустарнике не было никаких признаков или следов вездехода, и тогда он, набравшись храбрости, заглянул в разбитую кабину. Увидев там кости скелетов Эора и Рэ, добела объеденные термитами, он успокоился окончательно. Все послеобеденное время он занимался тем, что поодиночке расшвыривал эти обглоданные кости, стараясь забросить их подальше. Ярость, питавшая его до сих пор, нашла для себя прекрасный выход. Затем он попытался сложить разбросанные вокруг обломки кабины; ему удалось кое-как связать опорные кронштейны, две огромные щели он заткнул остатками лопастей, подобранными поблизости. Получилось убежище получше любой пещеры, которую ему так или иначе пришлось бы искать для ночлега, без надежды на успех в этом равнинном краю. И уж, конечно, во сто крат удобнее гущи кустов или сени деревьев. Но потом он догадался, что работа пропала даром. Отсутствие следов вокруг свидетельствовало о том, что только у термитов достало смелости приблизиться к кабине. Эта догадка вновь вызвала приступ гнева, но он слишком устал для того, чтобы разрушать свое сооружение, над которым трудился до темноты. «Терпение, Эдди, терпение,— сказал он вслух. — Отложи злость на завтра, сохрани ее для дела, тебе же лучше». Он давно привык разговаривать сам с собой вслух на том языке, которого никто из его соплеменников

не понимал. Это единственное неопровержимое свидетельство его превосходства начало приобретать для всех остальных столь же важное значение, как таинственная и грозная сила лучевого пистолета. Вот и сегодня он долго ругал Гилла и Сида, кричал во все горло, хотя стены кое-как слепленной кабины геликоптера никак не могли служить подходящей для этого аудиторией. Но поскольку один из языков, на которых он бранился, еще не мог, а второй уже не мог выразить всех оттенков обуявших Эдди злобы и ненависти, он угрюмо замолчал. Впрочем, так заканчивались эти тирады и раньше.

«Нет, они не одержали надо мной победы,— уверял он себя, искренне желая в это поверить.— Ведь я был не только хитер, но и предусмотрителен. В лучевом пистолете еще много энергии, и, если они не впустят меня в «Галатею», энергии хватит, чтобы выжечь наружный люк. Ну, а при менее интенсивном режиме пистолет послужит еще долго. С его помощью я мог бы уничтожить не только этих двух недоумков, а и все племя. И я оказался достаточно умен, чтобы не дожидаться у моря погоды. Роботы меня пропустят, а если нет, пяти секунд действия луча на одного из них хватит... Но не больше, надо экономить. Главное, люк нижнего отсека...

Впрочем, обойдемся и так, люк наверняка будет открыт. Если я незаметно проберусь между роботами, на корабле не будет причин ожидать моего визита именно завтра. Они не явились к геликоптеру, значит, махнули на меня рукой.— Эдди удовлетворенно хихикнул.— А я вот нет. Я ничего еще так не желал, как завтрашнего свидания. Какой меня ждет прием, это не вопрос, потому что я и спрашивать их не стану. Мне нужна только «Галатея», вся, целиком. Спорить мы тоже не будем. Та минута, когда я увижу вас — надеюсь, это произойдет вне стен «Галатеи»,— станет первой и последней в нашем свидании. Для вас, разумеется. Я человек экономный, по одной секунде на каждого довольно за глаза. А потом будет время подумать, что делать дальше. Увести с собой Шарика или другого робота, а может, всех сразу? Неплохая мысль: запустить роботов и с их помощью пригнать все племя обратно к «Галатее». Глупые скоты! Тогда уже никто из вас не усомнится в моей вечной и всесильной власти! Кажется, до сих пор никто в ней не сомневался. Но так ли это?»

Он, Эдди, убил Дау, и страх, овладевший племенем, дал ему в руки такую власть, о которой можно только мечтать. Но он остался ненасытным, и жажду власти, которая мучила его день ото дня все сильнее, не могли удовлетворить ни истребление соседних племен, ни великолепные охоты с горами трупов травоядных животных,которые он милостиво дарил красным охотникам. Его окружали ужас и слепое поклонение; но чем больше он выказывал свою мощь, тем теснее смыкалось вокруг него невидимое, как стекло, кольцо страха. Он пытался обучать и просвещать своих соплеменников, но они жадно искали в каждом его слове и жесте только приказ, невыполнение которого немедленно несло за собой еще одну смерть. Правда, он был

нетерпелив, и в этом его беда. Но можно ли иметь терпение, если все твои объяснения пропадают даром? Он удивлялся красоте Меи с тех пор, как помнил себя; он всегда ревновал ее и завидовал Рэ, находя в нем те качества, которых не находил у себя. Рэ погиб. Ему стоило лишь поманить пальцем, и Меи стала принадлежать ему. Однако и это обернулось для него изнанкой. Зная, что Гаим страстно любил Меи, Эдди обнимал женщину и холодно размышлял о том, с какой дикой радостью насладился бы еще одним убийством. Но ради кого, ради Гаима или ради самого Эдди? В конце концов, теперь не так уж важно. Он убил и Меи. Но даже ныне, спустя почти год, не мог решить, почему он это сделал.

Остатки племени, которые он покинул там, на севере, представляли собой теперь обленившийся и мягкий, как воск, материал. К сожалению, слишком избалованный обилием пищи для того, чтобы сохранить хотя бы внешние формы организации на те несколько дней, пока он отсутствует. Но он вернется к ним, и все будет по-другому. Да, он снова приведет этих людей сюда, к «Галатее», и попытается их изменить. Пока он не знает как, детали еще не ясны. Впрочем, детали не так уж и важны. Главное — действовать; действие, движение — вот единственное, во что можно и стоит верить. Эдди почувствовал усталость. Мысли утомляли его, он отвык думать.

Утром, едва рассвело, он проснулся с чувством голода. Накануне он тоже ел плохо, не желая расходовать энергию пистолета на дичь. Отыскал в земле несколько съедобных кореньев, затем спугнул с гнезда какую-то птицу, жадно сожрал еще не оперившихся, тянущихся к свету птенцов. Хорошо бы найти еще одно-два гнезда и пару кореньев, но Эдди не решился терять времени, опасаясь не дойти до «Галатеи» засветло. «А ты должен успеть, Эдди, должен. Не потому только, что кореньями не насытишься, но и потому, что тебя ждут.

Ждут, как добыча ждет клыков хищника, дерево — удара молнии, огонь — струю воды, как покорно склоненная, умоляющая о пощаде жертва ждет удара топора. Перед тобой твоя задача, Эдди, и никакая воркотня пустого желудка тебя не остановит. Сегодня пошел двадцать третий день, как ты покинул свое племя, ты не можешь больше задерживаться в пути. Пришло твое время действовать. И это будет сегодня».

Он шел и шел, пробираясь сквозь кустарник, все дальше продвигаясь к юго-западу, проклиная цепкие колючки, от которых отвык в северных лесах. «Обратно я поеду на вездеходе,— решил он.— Погружу роботов — и вперед. Безумием было бы еще раз проделать этот путь пешком после того, как я стану хозяином «Галатеи».

...Если бы желтый убийца не объелся накануне, то не ошибся бы в прыжке. На этот раз у Гаима оказалось преимущество в десятую долю секунды, чтобы отклониться чуть-чуть в сторону и усвоенным еще в детстве змеиным движением скользнуть в гущу зарослей. Но желтый был больше рассержен, чем голоден, и, грозно ворча, искал смельчака, посмевшего нарушить полу-

денный покой в самом центре его охотничьих владений. Зверь прыгнул во второй раз и еще висел в воздухе, когда позади него свечой вспыхнул зеленый кустарник. Откуда было ему знать, что он, властелин джунглей, играет со смертью у себя дома? Гаим промахнулся и вновь вынужден был нырнуть в кусты, не успев выключить луч пистолета. Из поросшей травой земли ударил огненный вулкан, пламя полоснуло Гаима по боку, по руке. От дикой боли он заорал благим матом, в воздухе запахло паленой кожей. Зверя смутил на мгновение незнакомый звук, а также запах гари. Огонь... Желтый залег и насторожился. Левая рука Эдди безжизненно повисла вдоль тела, одной правой он не мог быстро поднять тяжелый прибор, чтобы прицелиться.

— Ну иди!— Оскалив зубы, он звал зверя.— Иди же!

«Если он прыгнет, я упаду навзничь.Тогда он наверняка попадет под луч и рухнет на меня уже мертвым». Но желтый убийца продолжал принюхиваться, и Эдди, скрипнув зубами, повел пистолет в его сторону. Пламя вспыхнуло в двух метрах от его лап, впилось в землю и, разбрасывая раскаленные комья, полыхнуло до вершины деревьев. Зверь мгновенно сморщился в черный, смердящий комок под рухнувшими на него испепеленными кустами, но для Эдди этого было уже недостаточно. Он двинулся вперед, продолжая кромсать труп смертоносным лучом, пиная босыми ногами дымящиеся куски мяса.

— Вот тебе, вот!— хрипел он, в беспамятстве топча останки хищника до тех пор, пока не подкосились ноги. Упав на траву, Эдди с трудом перевел дыхание, руки и ноги не повиновались. «Приди в себя, соберись, Эдди, ты должен спешить». Он сел, придвинул к себе, ощупал пистолет. Взгляд его упал на шкалу. Ледяная волна отрезвления прокатилась по телу. Стрелка стояла всего за два-три деления от нуля. Нижний люк «Галатеи»... Конец всему.

Но нет! Он их выследит, подождет, пока они выйдут из корабля. Прежде, бывало, целыми днями оба мотались по окрестностям, отчего бы им менять свои привычки? Значит, выползут. Нужны только терпение и осторожность.

Вскоре после того, как Эдди, страдая от боли в обожженном боку — хорошо еще, что ноги остались целы,— поднялся на гребень какого-то холма, под ноги ему попалась глубокая яма. Он едва в нее не свалился. Края уже заросли ползучей травой, но яму он узнал. Значит, роботов сняли с дозорных постов, и уже давно. Зачем? Неважно, потом узнает. Одним препятствием — уже предпоследним — стало меньше, это хорошо. Спасибо за сюрприз, Гилл. Я отблагодарю сполна.

Во второй половине дня он почувствовал слабость; голова кружилась, желудок сжала боль. Он с трудом ковылял от куста к кусту. Между меркнущим светом дня и убывающими силами Эдди словно была какая-то связь. Только бы выдержать, дойти, осталось совсем немного... Дозорные роботы находились в шести километрах от «Галатеи». Или в пяти? Все равно половину пути он уже преодолел, даже больше. Осталось перебраться через гребень одного холма, потом второго, а с вершины третьего уже

виден нос «Галатеи», устремленный в небо и освещенный лучами заходящего солнца. Он уже не собьется с пути и устроит засаду.

Спускаясь по склону второго холма, он споткнулся, упал на обожженный бок и взвыл от боли. Долго лежал, закрыв глаза и стиснув зубы, боролся с жестокой мукой. «Нет, я не сдамся. В двух шагах от цели я сумею выдержать. Еще немного, и я увижу «Галатею».

Подъем на последний, третий, холм оказался круче, чем спуск с предыдущего. Не обращая внимания на саднящую боль в ладонях, он опустился на четвереньки и пополз, хватаясь за траву.

Сумерки между тем торопились опустить на утомленную зноем землю свое мягкое серое покрывало, а из долин и оврагов уже подымалась густая чернота. Глаза Эдди почти ничего не различали в быстро сгущавшемся мраке, но чутье Гаима уверенно вело его вперед. Еще два подъема и два спуска, уже небольших, курс все тот же... Кустов не стало видно, но их нижние ветки хлестали по рукам, как бы подтверждая правильность избранного направления. Коробку с лучевым пистолетом он сдвинул на спину, так было удобнее и менее чувствительно. Ночная прохлада придавала сил. Осталось преодолеть всего один холм, забраться на его гребень. «Внимание, Эдди, ступай осторожнее. Только не обнаружь себя. Они могут услышать в тишине хруст от твоих шагов. Осторожно, так... Еще немного».

Наконец он достиг вершины последнего холма. Присел на землю, чтобы сердце не выпрыгнуло из груди. «Спокойно, Эдди, ты у цели, путь окончен. Теперь ты дождешься, пока поредеет туман и зажгутся звезды, их скудного света вполне достаточно для глаз охотника. Самые яркие уже подмигивают с высоты, еще минут десять, заблестят и остальные. Будь у тебя желание, ты мог бы назвать их одну за другой, ведь ты хорошо изучил звездную карту этой галактики. Но они тебе не нужны, ты никогда уже не полетишь к ним, какая польза на них любоваться? И «Галатея» навеки останется здесь, чтобы служить тебе. Тебе одному».

Притаившись в ночной тишине, он ждал того заветного момента, когда на фоне усыпанного мерцающими точками неба возникнет наконец силуэт корабля. От напряжения перед глазами начали вращаться разноцветные круги. Эдди опустил веки, долго тер кулаками, потом замер в неподвижности, считая секунды, и снова открыл. Круги исчезли, но долина перед ним была пуста. В глубине сознания зашевелился страх, но он тут же подавил его, не дав родиться. Приходить в отчаяние из-за того, что ошибся, считая холмы? Обычное дело, если человек страстно стремится к чему-нибудь, он всегда ошибается в счете, и всегда в свою пользу. «Значит, перед тобой еще один холм, Эдди, а может, и два. Но если и на этот раз ты не увидишь «Галатею», не беда, подождешь рассвета. Вероятно, еще вечером в лесу ты где-то сбился с маршрута. Ну, конечно, после того случая с желтым убийцей. Утром все станет на свои места, ты спокойно, не торопясь разберешься с ориентирами. А может, и в этом не будет нужды? Сверкающий на солнце корпус «Галатеи» сам выведет

тебя к ней. Он виден издалека сквозь редкие деревья». Эдди поднялся на ноги и начал спускаться в долину.

Под ногами вдруг хрустнула обуглившаяся ветка, потом еще одна, еще... Он не придал этому значения. Звезды светили уже ярко, когда он вышел на просторную, почти круглую полянку. По ту сторону отливала серебром листва низкорослых кустов. Пройдя еще шагов двадцать, Эдди остановился. Что это? Необходимо призвать на помощь всю логику и трезвость рассудка, оценить то, что он увидел. Оценить и действовать. Пальцами голой ступни он разгреб рыхлый и толстый слой пепла — под пеплом была сожженная, спекшаяся в камень земля,твердая, как гранит...

...Чтобы направить холодный ствол лучевого пистолета себе в горло, ему пришлось задрать голову и увидеть звезды. С удивлением смотрел он на мерцающие далекие миры, будто только в эту минуту увидел и понял их впервые в жизни.

Дие отправилась на кухню, и Грон, как это бывало с ним обычно, едва удержался, чтобы не окликнуть ее, не попросить остаться. Но распорядок был неумолимо строг. Каждый четвертый и двенадцатый час времени своего бодрствования Дие обязана была отправляться на кухню, а еще через сорок минут, никак не позднее, возвращаться назад в командный салон. Сейчас она принесет пищу для Грона, а в следующие сорок минут — для Эви и Мата. К тому времени Грон будет уже спать. Ровно восемь часов, ни минутой больше; затем пробуждение, завтрак, и опять все сначала. В первой половине дежурства возле него сидит Дие, во второй — Эви и Мат. Едва продрав глаза, Мат принимается за контроль всех систем; если нужно, к нему присоединяется Эви. Когда очередь доходит до осмотра двигателей, с Матом идет Грон, а Эви садится за пульт, на его место. Но последнее случается редко; Грон точно не помнит даже, когда в последний раз они спускались в нижние отсеки. Там царствуют роботы. И хотя Грон их недолюбливает, все же интереснее возиться с ними внизу, чем сидеть за командирским пультом в одиночестве.

Самое неприятное — это те сорок минут, когда он остается один и ждет ужина. Два раза он уже обманывал Мата; чтобы не отпускать Дие на кухню, сослался на то, что у него нет аппетита. Но от командира не скроешься, он быстро разгадывает все секреты; Мат пригрозил ему строгим наказанием. С тех пор Грон старается хоть как-нибудь выдержать эти сорок минут одиночества. Правда, оно длится всегда меньше, потому что Дие добрая и не засиживается на кухне. И все-таки так тягостен этот режим, кажущийся вечным. Никакого просвета. Приборы на доске поблескивают холодно и враждебно; ну а стены, даже не столько они, сколько то, что находится за их пределами... Об этом даже лучше не думать. А ведь было время, когда, освоив, какой прибор что показывает, он относился к ним с симпатией и доверием, даже полюбил все эти стрелки, цифры и указатели. Как обнадеживающе, бывало, они подмигивали: все в порядке, мы на страже, мы охраняем тебя, сиди себе спокойно. Только уже много позже,

неизвестно откуда явилась к нему эта проклятая мысль, он до сих пор проклинает тот день и час, что в любой следующий — именно в любой! — момент они могут показать нечто совсем другое. Опасность может возникнуть в тысяче ликов. Вот она уже таится в каком-то кабеле, реле, трансформаторе или внезапно ворвется снаружи, из бездонного и темного космоса, лишь кажущегося пустым, а на самом деле битком набитого роковыми неожиданностями. Там, за стенами, живет смерть. Он почувствовал бы это, если бы его даже не учили, что такое мировое пространство. А эти стены вокруг — теперь он знает это — сплошной обман; их полусферические своды как пальцы огромной ладони, медленно и постепенно сжимающиеся в смертельной хватке, чтобы в какой-то миг тебя раздавить.

Грон пробовал размышлять, закрыв глаза. Это не запрещено, потому что световой сигнал об аварии или опасности всегда сопровождается еще и звуком. Но и такой способ ничего не изменил в направлении мыслей, не принес успокоения. «Почему?»— сразу же возникал вопрос, стоило Грону вызвать в памяти ту или иную картину событий за минувший год, и число этих мучительных «почему» все росло. Напрягая силы рассудка и памяти, обычно он находил какой-то ответ на первую или вторую часть вопроса, но тогда другая часть оставалась нераскрытой, а то и сама рождала целую вереницу новых вопросов. «Там, на берегу у моря, все всегда было ясно и хорошо»,— думал Грон, мысленно вздыхая. Мат сейчас спит и, пожалуй, во сне не узнает, о чем он сейчас размышляет. Потому что это запретная, даже преступная мысль. Один только Арро осмелился однажды высказать ее вслух, еще до старта «Галатеи», но жестоко поплатился. Нет, так ставить вопрос нельзя. Слишком туманно, слишком неопределенно. Невозможно протянуть ниточку, связавшую бы то, о чем сказал Арро, с тем, что он делает сейчас. Мат тоже сделал вид, что не расслышал слов Арро, расплата наступила потом, уже после взлета корабля. Арро резко изменился, но Грон узнал об этом от Эви в конце второго или даже третьего цикла. Каждый цикл — это четыре недели работы плюс четыре недели сна. Так что он вообще никогда не встречается с Арро. Когда одна бригада сменяет другую — во второй навигатором работает Опэ, а инженером по двигателям Арро,— внутренний распорядок не нарушается. Вот и получается, что, когда Грон садится в кресло перед пультом, Арро спит уже целых восемь часов из очередного месячного «сонного отпуска». Таким образом, только от Эви он мог узнать, что Арро просыпается и встает каждый раз все с большим трудом, а Опэ, последние восемь часов вахты которого смыкаются с дежурством Грона, добавил, что Арро сильно исхудал, потерял аппетит, а порой становится просто невменяем. Сидит как истукан и смотрит перед собой в одну точку.

Странно, ибо если говорить о нагрузках, то первым должен был бы сломаться Мат. Он не имеет четырехнедельных «сонных отпусков» с тех пор, как они взлетели; он работает шестнадцать часов, а затем спит восемь и опять работает без устали. Однажды

Грон, проснувшись, увидел, что Мат находится в особенно хорошем настроении, и рискнул спросить его о причине такой железной выдержки. Сам он со сна еле ворочал языком, так что свежесть и бодрость командира казались ему тем более неестественными. Мат рассмеялся и дал следующее объяснение:

— Вы проживете дольше, чем я, только и всего. По меньшей мере на столько месяцев больше, сколько вы проспали в пути. А на самом деле гораздо дольше, потому что делаете перерывы в работе, изнашивающей организм. Не считай меня, пожалуйста, героем, Грон, и не благодари. Я поступаю так не ради вас.

Хотя репрограмма не избавила Грона от его природной искренности, в своей новой жизни он скоро познал суровую истину: не хочешь неприятностей — молчи. Он ничего не ответил Мату, но потом часто и мучительно раздумывал над словами командира. «Вы будете жить дольше...» Воспоминания о безвозвратно потерянном прошлом, если он осмеливался их оживлять, причиняли острую боль; настоящее страшило и казалось невыносимым, в особенности в минуты одиночества, но то, что сказал Мат, будило кромешный ужас. Жить дольше. Дольше, чем он. Это значит, во-первых, дольше тянуть теперешнее существование, а что потом? Что ждет их потом, в конце этого уже заученного и привычного, хотя и нудного распорядка полета? Грон знал о том, что репрограмма, которую он получил по милости Гилла, с которым ни в коей мере не желал себя отождествлять, имеет множество пробелов. Но тот запас информации, которым он располагал, был достаточен для того, чтобы страшиться своей будущей жизни на Земле. В лучшем случае он мог надеяться на то, что найдет там берег и лагуну, похожую на ту, которую он уже никогда не увидит; очень похожую, это важно, и его оставят в покое. Ловить рыбу. Пожалуй, они совершили достаточно подвигов, чтобы рассчитывать на такую благодарность от земного человечества, которое... Далее следовала зыбкая трясина, и Грон в страхе останавливался у ее края. Не из-за того, что сказал Мат, а из инстинкта самосохранения. Наверное, Арро тоже терзал себя подобными мыслями. И себе же делал хуже. Но разве такое неизбежно?

Как ни ужасен был тот, уже далекий, самый первый шаг, Грон всякий раз к нему возвращался. Казалось странным, но именно та первая минута, когда он, еще не вполне очнувшись от шока, оказался в одном из кресел командного салона «Галатеи», представлялась единственным опорным пунктом, отталкиваясь от которого, можно размышлять. Салон выглядел точно так же, как сейчас, только еще не стало страшно стен. Он увидел лишь склонившихся над ним Мата и Дие, а высоко под потолком вогнутую поверхность полусферы консоциатора. Он уже тогда знал, что это за штука, но никак не мог увязать с присутствием Мата и Дие. Что касается увязок, то и впоследствии у него долго не ладилось это дело. Интересно, именно Мат во многом помогал ему преодолеть трудности. И не только ему, другим тоже, причем весьма оригинальным способом: Мат вовсе не старался ничего объяснить. Все члены экипажа знали, вынуждены были знать, что

все мысли, которые отныне являются их собственными, исходят от некоего существа по имени Гилл, несравненно более высокого по уровню интеллекта; но в то же время Мат настоял на том, чтобы каждый из них сохранил свое прежнее имя. Они переступили из одного слоя сознания в другой так, словно пересели из одной зыбкой лодки, качающейся на волнах грозного и глубокого моря, в другую, такую же. Этот переход нес с собой неуверенность, грозил неведомой опасностью, а только что оставленная посудина казалась то бесконечно родной, то надоевшей и отвратительной, то вновь желанной и прекрасной.

Один только Мат был другим, чем они все. Они могли бы догадаться об этом сразу, начиная с первой минуты, никто из них ни разу не слышал от него окрика, он никого не подгонял. Между тем Мата ни в малейшей степени не интересовало, что они о нем думают. После Грона последним под колпак консоциатора положили Арро, на нем и завершилось преобразование бывших рыбаков. «Преобразование»— именно так называл эту операцию Мат, чему они, наследники каждый своей части разума Гилла, искренне удивились. Прошло несколько дней, и Арро ощутил в себе достаточно сил, чтобы восстать против деспотической воли Мата. Никто толком не знал, как это произошло, поскольку у Арро не хватило ума сделать это в присутствии свидетелей. А может быть, сам Мат устроил так, чтобы взрыв произошел с глазу на глаз. Во всяком случае, Арро потерпел поражение в первый раз в жизни. «Наверное, и в последний»,— думалось Грону. Мат нещадно избил Арро, и тот три дня не показывался из своей спальни. Очевидно, между ними произошло не только это. Грон вдруг почувствовал, что на этот раз ожидание Дие он заполнит не только беспредметной умственной гимнастикой. В самом деле, именно тогда Нуа вдруг заявила, что не желает больше ради удобства Арро спать на полу. Мат ограничился коротким замечанием, что если есть свободная кабина, а она была, то он не вправе препятствовать кому-либо ее занять. Подобная уступчивость была несколько необычной для человека, который каждую минуту бодрствования членов экипажа подчинял без остатка своей воле. Впрочем, даже не себе, а выполнению задачи. Сверхзадачи...

Грон невольно вздрогнул. Стоило о ней подумать, как все остальное бесследно исчезало; стоило отбросить ее, и исчезал он сам. Он хочет ее перепрыгнуть, но падает, словно зацепившись за туго натянутую веревку; впрочем, это больше похоже на рыбачью сеть, поплавки которой уже замкнулись в круг на гладком зеркале воды. И вырваться из нее невозможно. Более года они верно служили ей, этой сверхзадаче, там, на поляне, посреди чужого и угрюмого леса, куда привезли их на ракетоплане два несчастных полудиких на вид человека. А если иногда и возникало желание тем же способом возвратиться на милый сердцу берег лагуны, то не смели о ней заикаться... Грон продолжал размышлять. Что-то очень важное он хотел продумать, но его подавила сверхзадача. Но что? Кажется, он уловил какую-то взаимосвязь, но какую? «Если каждый раз сверхзада-

ча будет заслонять все на свете, мы все сделаемся идиотами,— подумал он со злостью.— Ненавижу! Нет, нет, об этом нельзя даже думать».

Грон взглянул на часы, Дие ушла на кухню уже более двадцати минут назад. Теперь она может вернуться каждую секунду. Счастливый, он глубоко вздохнул. В прошлой, навсегда и безвозвратно ушедшей жизни он только любил Дие. Теперь он восхищался ею и завидовал одновременно. Ведь все, что произошло с ними, было для нее так естественно. Дие не прошла той бесчеловечно строгой школы у Мата, как четверо мужчин, и все-таки — он часто чувствует это — она лучше них знает, в чем суть дела. Дие единственная из всех, кто отваживается иногда спорить с Матом, и Мат с улыбкой это терпит. А улыбка на губах Мата редкое явление. Но Дие это мало заботит; когда-то она рта не раскрывала в лодке, а теперь атакует Мата, трещит как сорока, и Мат улыбается...

Он поднял руку и быстро сжал пальцы, словно поймав что-то. Вот оно! Вторая половина той мысленной фразы, которую он начал и позабыл докончить. Что улыбается порой не только Мат, но и Нуа. Погоди-ка, что это сказал о Нуа недавно Опэ? Грон не встречается с ней по той же причине, что и с Арро, и сам ничего не знает. Опэ сказал: Нуа скалит зубы. Экий невежа! Человек не должен так выражаться, говоря о жене старшего брата, даже если он произносит это не на родном языке. Но сейчас не об этом речь. Речь о том, что существует какая-то связь между улыбчивостью Нуа и... Теперь безвозвратно ускользнула от него другая, то есть первая, часть начальной мысли. Черт знает что! Когда приходит первая, теряется вторая и наоборот. Пожалуй, надо продиктовать ее на магнитофон, в свой дневник. Или еще лучше, найти в библиотеке свободный кристаллик памяти, вставить ее в компьютер, записать, а потом спрятать. Нет, это безнадежно. Что скажет Мат, если обнаружит подобную крамолу, прослушивая дневник? Или, того хуже, заметит, что кто-то без дела шляется в библиотеку?

Дверца лифта бесшумно раздвинулась. В рамке света, падавшего сверху и сзади, из кабины, Дие казалась фигуркой, отлитой из бронзы. Она шагнула к Грону, на маленьком подносе тихонько звякнули тарелки.

— Ты очень ждал меня?

— Очень. Но...

— Но? Что же, я вернусь на кухню. Хочешь испытать себя, выдержишь ли еще?

— Нет. Я просто так...

Дие, вздохнув, поставила поднос на выдвинутую полку сбоку от пульта управления.

— До сих пор ты был трусишкой. Теперь, кажется, мне придется привыкнуть еще к одному твоему качеству: ты стал говорить загадками. Что же произошло?— Она повернулась на каблучках и окинула взглядом приборную доску.— С приборами все в порядке. Значит, не в порядке ты. Не сердись, но это меня успокаивает. Ты скажешь наконец, в чем дело?

— Так, глупость.

— Хочу слышать!

— Ты посмеешься надо мной, и только.

Дие рассмеялась.

— Не в первый раз!

«Если разыграть из себя обиженного,— подумал Грон,— пожалуй, я смогу вывернуться».

— Дие!

Он старался говорить в оскорбленном тоне, но ничего из этого не вышло. Дие присела на корточки и снизу посмотрела на него, округлив глаза.

— Чего ты тянешь? Тебе же хуже. Я выну из тебя твою тайну по кусочкам, ведь еще целых четыре часа ты мой. Может быть, немного меньше, но и этого хватит. Итак?

— Хорошо. Но обещай мне, что никому не скажешь.

Дие удивленно подняла брови.

— Это что-то новое.

— Ты обещаешь?

— Еще не знаю.

— Ну, тогда не скажу.

Дие потерлась щекой о его колено, и Грон с трудом удержался от искушения запустить пальцы в ее коротко стриженные мягкие волосы. От Гилла они унаследовали знания о том, что большинство земных женщин носят короткую стрижку, а, по мнению Дие, одним из величайших достоинств нового языка было слово «мода», содержание которого хотя и было известно прибрежным красоткам возле залива, но только практически, сформулировать его они не могли. Волосы Дие щекотали колено даже сквозь материю. Грон погладил их, затем его пальцы остановились на ямочке позади уха. Тихонько потянув руку назад, он коснулся кончиков локонов, которые сильно отросли с тех пор, как она с помощью садовых ножниц, выпрошенных у Мата, кое-как постригала их в скобку еще до старта «Галатеи».

Дие внезапно откинулась назад и посмотрела в глаза Грона.

— Выясним кое-что!

— Что же?

— А то, кто кого водит за нос?

— Я не понял,— солгал Грон, хотя далась ему эта ложь крайне нелегко. Но он очень боялся, что Дие поднимет его на смех, да еще расскажет обо всем Мату. Лучше об этом не думать.

— Да? Ты просто не хочешь понимать!

— Неправда, Дие, я и в самом деле не понял.

— Тогда я объясню! Противно, когда ты прикидываешься дурачком. Прежде всего уточним: либо я подмазываюсь к тебе, чтобы заставить высказаться, либо ты ко мне, чтобы я тебя оставила в покое.

Грон заулыбался. Из опыта он знал, что иногда помогает даже глупая улыбка. Но на этот раз Дие не позволила больше себя дурачить. Она встала, потянулась, молча, как кошка, потом, закинув голову назад, тряхнула волосами. Она была такой,

такой... Даже не языке Гилла трудно было найти достойное сравнение.

— Не беда, малыш, все обойдется. Твой обед на столе. Может, я еще загляну, попозже.

Она не успела сделать и нескольких шагов к лифту, как Грон завопил:

— Дие, не уходи!

Не оборачиваясь, Дие метнула в него взгляд через плечо.

— Скажешь?

— Но ты обещаешь, что никому?

— Подобных обещаний не даю, я уже сказала.

Она продолжила свой путь и этим совершила ошибку, большую, чем предполагала. Тот человек, который бросился за ней, почти ничего не унаследовал от Гилла, во всяком случае, в эту минуту. От первого его удара кулаком в голову она успела уклониться, но второй пришелся по ребрам, и Грон испугался. Удар был силен, Дие со стоном согнулась пополам и упала на пол. Грон рухнул на колени возле нее и в полном отчаянии от сознания вины принялся трясти ее за плечи, причиняя ей боль едва ли меньшую, чем при ударе.

— Дие, очнись! Мне так стыдно! Прости, не сердись! Но ты не хотела меня понять...

— Перестань меня трясти,— со стоном проговорила Дие.— Иначе я не смогу ничего понять. Отпусти меня и оставь в покое!

Грон поднял ее на руки и пошел к креслу. Он сел и, не выпуская из объятий, прижал ее голову к своей груди.

— Прости меня, Дие! Пойми, ты должна понять, что я этого не хотел...

— Я знаю.

Они помолчали. Тело Дие стало вялым, расслабленным, пустым взглядом поверх головы Грона она смотрела на циферблаты приборов, занимавших всю боковую стенку.

— Ты думаешь, мне легко? У меня просто больше выдержки. По какой-то случайности я получила энергии больше, чем нужно для одной женщины. Отчего, не знаю. Разве это дурно, если я хочу поделиться ею с тобой, поддержать, помочь тебе?

— Но почему таким способом?

— Нехорошо, если мы будем думать каждый в одиночку, изводить себя наедине, понимаешь?

— Но пойми и ты, Дие, это действительно пустяк. Полная несуразица. И если я тебе все выскажу, ты потребуешь объяснения, почему и как эта идиотская мысль пришла мне в голову, почему я не отбросил ее, как недостойную, почему не мог сказать тебе сразу. Я и сейчас считаю все это чепухой. Только твое любопытство делает из мухи слона...

— Ах, вот как? Тогда тем более ты можешь сказать.

— Но ты обещаешь сохранить в секрете?

— Если это пустяк, почему ты настаиваешь?

— Не знаю, но чувствую...

— И это так для тебя важно?

— Само по себе нет, а вот рассказать тебе — да!

— Ты противоречишь себе, Грон.

— Знаю. И все же...— Мысль о переходе в контратаку родилась мгновенно.— Но почему ты так упорствуешь, Дие? Ведь ты видишь только двоих, Мата и Эви.

— Мат отвечает за нас всех. Он наш командир.

— Его-то я и боюсь. Не хочу, чтобы он посмеялся.

— Ну, Мату не так часто приходится смеяться. Доставь ему такое удовольствие.

— Пожалуй, сейчас ему будет не до смеха.

— Опять противоречие! Предупреждаю, это уже второе.

— Если будешь нажимать, появится еще десяток...

Дие быстро села и, приблизив свое лицо к лицу Грона, заглянула в его глаза.

— Не понимаю, что у тебя с Матом. Ты им недоволен?

— Я этого не сказал.

— Но я догадываюсь. Ведь все твои протесты крутятся вокруг него. Напрасно. Мат иногда чокнутый, но добрый. Не будь его, мы ничего бы не добились.

— Рад, что ты так просто смотришь на вещи.

— А ты? Ты смотришь иначе?

Грон прижался головой к груди Дие.

— Не знаю, Дие, не понимаю. Я ничего уже теперь не понимаю, все в голове перепуталось.

Они долго сидели молча. Наконец Дие, глубоко вздохнув, сказала:

— Хорошо. Я никому ничего не скажу. Но это же... Это...— она подыскивала слово.—Это предательство, Грон. Право, Мат его не заслуживает.

— Только ты смеешь с ним спорить. Ты одна. Я имею в виду, из нашей троицы. О других троих мы ничего не знаем.

— О, это совсем другое дело. Ты тоже мог бы, если бы не боялся его, как огня.

— А я боюсь. Но почему ты не боишься, скажи?

— Почему я должна бояться? Я ему верю. Но мы опять отклонились в сторону. Скажешь ли ты наконец, в чем дело, или нет? Знаешь, я так устала от всего этого, что мне уже неинтересно.

— Так оно и есть, ничего интересного. Но я скажу, потому что ты дала мне слово молчать. И чтобы сохранила в памяти. А то ведь я уже забыл.

— Что ты забыл?— Дие уже не знала, огорчаться ей или сердиться.— То, о чем хотел сказать?

— Нет, только вторую часть.

Дие обняла Грона за шею и привлекла к себе.

— Милый, ты становишься все глупее. Говори скорее, пока не забыл первую.

— Опэ сказал, что Нуа все время скалит зубы.

Дие оттолкнула Грона от себя и взглянула на него с подозрением.

— И что же?

— Больше ничего.

— Об этом ты долго не хотел говорить?

— Об этом.

— И боялся, что я передам это Мату?

— Да.

— И именно это я должна сохранить в памяти, поскольку это только половинка чего-то?

— Вот именно.

Дие с некоторой тревогой погладила Грона по щеке.

— Скажи, милый, ты здоров? Как ты себя чувствуешь?

— Теперь, когда ты уже не сердишься, превосходно.

— Значит, Опэ тебе сказал...— Она вдруг умолкла.— Постой, как это могло быть, если ты с ним вообще не встречаешься? Навигатором в нашей группе работает Эви, а не Опэ.

— Во время смены. Его последние восемь часов совпадают с моим заступлением...

— Поняла. Но ведь при этом присутствует Мат. Если Опэ сказал тебе это при Мате, почему я должна молчать?

— Мата не было, он пошел к себе на несколько минут раньше, а Опэ остался, чтобы подготовить что-то для Эви.

Дие задумалась.

— Но ведь тогда ты сам должен встречаться с Нуа при пересменке! Она как раз отправляется спать.

— Ну да, только теоретически. А практически я начинаю с того, что стою под душем, и все равно, поднявшись сюда, чувствую себя идиотом.

— Это правильно.

— Благодарю!

— Речь не об этом. Правильно то,что встречаться с Нуа ты можешь лишь теоретически. Я ведь тоже никогда не вижусь с Опэ.

Грон вздохнул с облегчением. Экая чепуха. Наконец-то с этим покончено, а Дие по-прежнему сидит у него на коленях. Он обхватил ее и начал покачивать, как ребенка. Когда-нибудь у них будет и ребенок. Хорошо, что она не родила там, на берегу лагуны, помогли какие-то тайные зелья старух знахарок. Для Грона было бы невыносимым горем, если бы этот ребенок, его ребенок, остался там. И так-то приходится несладко. Разумеется, тут, в «Галатее», они тоже не могут себе позволить прибавления семейства; с этой целью Мат вырастил какое-то зелье на биостанции. Мат умеет и может все. Возможно, Дие права, нет причин сторониться командира. Самое простое — положиться на него целиком, без остатка, и ни о чем больше не думать. Верно, от размышлений ничего, кроме чепухи, родиться не может. Сейчас, рядом с Дие, он тверже верил в их будущую жизнь на берегу такого же залива. Это будет, ему непременно позволят. То есть не ему, а им, потому что Дие и там будет рядом с ним. А море вновь поставит на ноги Арро, и опять они будут вместе ловить рыбу. Часть памяти, доставшаяся ему от Гилла, отчетливо сохранила информацию о том, что человечество, оставшееся на Земле, щедро награждает вернувшихся из космоса звездоплавателей даже за меньшие заслуги. Они же, Мат, Арро, он и все остальные, совершают нечто такое, чему еще не было примера в истории

Земли. Это он тоже знал от Гилла. Правда, в этом заслуга прежде всего самого Гилла, но ведь и он тоже является участником этого свершения, а значит, и славы. Он, Грон, один из инженеров системы двигателей. Будет ему берег и лагуна, будет непременно.

— Значит, Нуа все время скалит зубы?

— Что?— Грон неохотно расставался с заветной мечтой.

— Ничего. Я повторяю твои слова, чтобы их запомнить.

— Милая, вся эта чушь не имеет никакого значения. Я думал сейчас о том, как после нашего прибытия...

— Так он и сказал, этот Опэ? «Скалит зубы-ы»?

— Да. Довольно невежливо с его стороны. Но...

— А вторая половина?

— Какая половина? Половина чего?

— Ты сказал, что усмешка Нуа — это только половина мысли. А вторую половину ты, видишь ли, соизволил забыть.

— Да, дорогая, именно так оно и есть. Дело в том, что я способен размышлять только тогда...

— Ни на что ты не способен. Ты дуралей, ярко выраженный кретин, вот ты кто!— Дие с видимым наслаждением применяла все богатства языка Гилла.

Грон обиделся и перестал покачивать ее на руках.

— Ты нехорошо сказала, Дие.

— Знаю!

— Зачем ты меня обижаешь? Ведь я так тебя люблю.

— Затем, что ты часто притворяешься большим дураком, чем на самом деле.

Она высвободилась из объятий Грона, обвела руками вокруг.

— Все это не наш мир. Он охраняет и помогает нам выполнить сверхзадачу, порученную Гиллом. А нам, собственно, нет до нее никакого дела! Но Мат и та часть Гилла, которая вложена в наши головы, сильнее нас. Поэтому мы ее выполним, если удастся. Мне хочется, чтобы удалось. Почему? Потому что и мне, прекрасный мой мечтатель, и мне нужен берег лагуны взамен утерянного, и я хочу ребенка. И не одного, много. Я хочу родить там, на берегу, для тебя. Для нас. Но я неохотно говорю об этом, даже боюсь думать, ибо горько потерять не найдя. Вот чего я боюсь. И я не виновата в том, что родилась более суеверной — теперь я знаю это слово!— чем ты. Даже в этом мы наследники того берега, где увидели свет.

Грон, вне себя от счастья, обнял Дие и поцеловал.

— Дие, значит, и ты тоже? Тогда зачем же ты мучаешь меня всякими глупостями? Говори о нашем береге, не бойся. Я знаю, мы его достигнем!

— Глупо не то, что Нуа улыбается или скалит зубы, а глуп ты, если считаешь это пустяком.

— Опять не понимаю.

— Здесь, в «Галатее», не на что скалить зубы. Тем более все время, как заметил Эви. Восемь шагов до лифта, и от твоего счастья не останется следа. А ты орал и кричал, даже ударил меня, чтобы его сохранить. Понимаешь теперь?

Грон послушно кивнул, хотя ничего не понял из последних слов Дие. Но уж лучше так, лишь бы покончить со всем этим.

Он снова принялся ее баюкать. Дие, однако, не обращала на него внимания, думая о чем-то своем.

— И все-таки я поговорю с Матом,— сказала она.

Грон оцепенел.

— Но ты же дала слово...

— Я буду говорить не об этом.

— А о чем же?

— Обо всем. О всех нас, нашем пути, о том, что нас ждет.

— Это имеет смысл?

— Не знаю. Но молчать еще хуже.

— Молчать о чем?

Дие вздохнула.

— Тебе хорошо, Грон. Ты действительно ничего не понимаешь. Оставим это.

Грон притиснул ее к себе.

— Когда ты рядом, все иначе. И эта тишина, и приборы, и стены. Когда ты здесь, Дие, для меня нет ничего больше, есть только ты, ты одна.

Он склонился над хрупким телом жены и, зарываясь лицом в шелковистые локоны, покрывавшие затылок, прижался глазами к нежной коже ее плеча.

Мат никогда не порицал Дие за то, что она провожала Грона вниз и оставалась с ним некоторое время. Когда Дие, порозовевшая, поблескивая глазами, через полчаса вновь появлялась в дверях лифта, она и ему напоминала античную бронзовую фигурку. Мат ограничивался тем, что равнодушным взглядом фиксировал ее присутствие, а иногда не делал и этого. Сети сладких снов и призрачного счастья нужно было рвать сразу, решительно и жестко, раз и навсегда. Тогда продолжать начатое дело будет легче. Работать быстро и точно, не допуская ошибок, так, чтобы эта работа захватывала каждый нерв, каждую клеточку мозга — вот единственное противоядие от миража прошлого, от желания бросить все на полпути и бежать назад, к этому искушению. Цепочка проста — распорядок жизни обеспечивает сверхзадачу, а сверхзадача несет в себе жизнь, его собственное будущее и, что еще важнее, будущее для них всех. И так должно быть, иначе гибель. А они хотят жить. И он тоже. Как никогда прежде.

Мат контролировал работу всех систем, и эти функции при ближайшем рассмотрении оказывались вовсе не столь однообразными, хотя и повторялись каждые шестнадцать часов. В течение года он овладел всем комплексом знаний, необходимых для штурмана звездолета, а также вбил в головы обоим юношам навигаторам ровно столько, сколько в них вошло. И все-таки они трое вместе взятые не могли заменить одного Сида. Его опыта, его надежности и того главного, что дает сплав этих двух качеств — уверенности в себе. Сид носил звание штурмана-звездоплавателя первого класса. В то время из тридцати миллиардов жителей Земли такое звание и квалификацию имели не более пяти десятков человек. Гилл, а теперь Мат, был в институте вторым человеком, но это никак не ставило их в один ряд. Даже то, что Гилл принадлежал, кроме того, к первым двум сотням наиболее талантливых ученых-кибернетиков, не меняло дела. В межзвезд-

ном корабле, который большую часть своего полета совершает при скоростях, когда время переходит в категорию парадокса, этого было недостаточно. А если даже и достаточно, к счастью, до сих пор ничто не свидетельствовало об обратном, то все равно слишком рискованно. Сид летал на звездолетах, правда, более примитивных, чем «Галатея», еще тогда, когда Гилл сидел в своем институте и считал, что до конца жизни будет наслаждаться по утрам видом бледно-розового пика Кибо.

Не будь Гилл первоклассным кибернетиком, он волновался бы гораздо меньше. Его знаний хватало на то, чтобы оценить возможные опасности и ошибки, но ему недоставало спокойной уверенности Сида, легко и просто делавшего свое сложное дело. На межзвездных дорогах исключаются любые случайности. В практически неограниченную память главного компьютера, Большого Мозга, на каждом корабле задолго до старта вводится программа полета не только «туда», но и «обратно», к Земле. Предварительный контроль заложенных программ осуществляется с помощью моделирования. Моделируется весь путь корабля туда и обратно, только в уплотненном до предела временном режиме, ибо в противном случае проверка потребовала бы столько же времени, как и весь путь. Иными словами, Большой Мозг каждого звездолета в первый раз «проделывал» все путешествие от старта до возвращения еще дома, на Земле. Что касалось статистических вероятностей возможных в полете помех, то их теоретические моделирование и определение были знакомы Гиллу как кибернетику. Но одно дело теория, а другое полет; Гилл не представлял себе, как он будет реагировать в том случае, если возникнет реальная опасность для «Галатеи».

Основная трудность, как он считал, все же была преодолена. По первоначальной программе «Галатея» должна была вернуться на Землю через тридцать-сорок лет после старта. Теперь же прошло более ста пятидесяти, и звездная карта того участка вселенной, который предстояло преодолеть кораблю до пределов Солнечной системы, несколько изменилась. Хотя и незначительно, но звезды-ориентиры сдвинулись со своих мест, а нагромождение этих едва приметных изменений может дезориентировать Большой Мозг. Все это выглядело куда страшнее, чем умопомрачительные страсти из фантастических романов — в виде метеоритов, облаков космической пыли и загадочных погасших звезд, о которых он читал в детстве. Нет, космос был фантастически пуст, по крайней мере, та часть Галактики, которую преодолевала «Галатея». На пути к планете, столь схожей с Землей, не произошло ничего неожиданного. Но для того чтобы победить замкнутость, регулировать ход собственных мыслей, держать в полном порядке нервную систему в условиях долгих лет монотонной, до сумасшествия однообразной работы, требовалось мужество и огромная воля. Интересно, когда командиром «Галатеи» еще был Норман, этого однообразия он не чувствовал. Железный режим и дисциплина, царившие на корабле, раздражали настолько, что служили как бы клапаном для выхода чувства протеста, выражаясь в мелких нарушениях порядка, разговорах

во время вахты или даже нестандартном убранстве собственной каюты. Уставная инструкция не запрещала подобных мелочей, но Норман относился к ним крайне нетерпимо. Теперь он понимал Нормана! Тот, на ком лежит вся полнота ответственности, даже в этих мелочах видит личные против себя выпады.

Неизвестно почему, но Мат надеялся, что в пути все наладится. Действительно, весь год, отделявший их от первой минуты после «преобразования» до старта, он от всех требовал почти нечеловеческих усилий для подготовки полета. А чего стоили «воздушные ямы» сомнений и жесточайший самоконтроль; не совершил ли он ошибки, непоправимой и роковой, правильное ли решение принял? В первый раз Мат поддался панике после того, как уничтожил двух несчастных, именовавших себя Гиллом и Сидом. Они были виновны без вины, он это понимал. Ведь он и сам по сей день боролся с искушением отождествить себя с Гиллом. Нет, он не имеет на это права. Гилл представлял собой нечто несравненно большее, чем он, Мат, не говоря уже о безвозвратно утерянных сокровищах знаний, которыми обладали Сид, Норман, Максим и Ярви в навигации и инженерной подготовке. Понятно, почему Гилл всячески сопротивлялся и пресекал попытки со стороны Мата к отождествлению его личности с личностью Гилла, несмотря на совершенство репрограммы. Да, это он понял сразу. Иногда, правда, у него мелькала мысль о том, что создавшееся положение случай не типичный, детерминированный особыми качествами репрограммы и мозга-приемника. Почему бы иначе этот полудикий Юму с таким упорством защищал свое тождество с Гиллом? Но Мат никогда не углублялся в этом направлении. Зачем? Нет, не сидевший в нем Гилл запрещал ему это, а он сам чувствовал, что здесь его ожидает тупик. Если даже и так, изменить все равно нельзя. Он Мат, который повинуется Гиллу. Разумеется, при определенных условиях и в известных рамках. Вот тут-то возникает трудность, и даже Гилл не может помочь советом. Там, в институте, они не проводили экспериментов пересадки психики объектам с таким уровнем развития личности, как у Мата. Поэтому им обоим приходится мириться с тем, что многое не поддается контролю; ведь каждую данную минуту попросту невозможно эту двойственность разделить на активного исполнителя и пассивного наблюдателя. Но до тех пор, пока они «вдвоем» обеспечивают выполнение сверхзадачи, это, пожалуй, не так и важно.

Экипаж получился удачным, это главная заслуга Гилла. Просто, как все гениальное. Если бы эта идея пришла Гиллу в голову раньше, он возглавил бы опыты вместо Бенса. Нет, не здесь, в «Галатее»,— сюда трусливого Бенса не заманить,— а там, в институте на Земле. Странно, что, годами работая над одной и той же проблемой, пережевывая и анализируя великое множество вариантов, они забыли о такой малости. А может быть, последователи и ученики Бенса за прошедшие с тех пор сто шестьдесят лет все же додумались? «Очень жаль, что Бенса уже нет в живых,— думал Мат-Гилл.— Сели бы мы вот этак друг

против друга, и я выложил бы ему все начистоту, а в качестве доказательства продемонстрировал обоих юношей, Грона и особенно Дие и Нуа. Жаль, придется довольствоваться его последователями. Глаза у них вылезут на лоб, это уж точно. Конечно, они не добрались в своих исследованиях до нашего уровня, хотя бы потому, что у них не было под рукой подобного превосходного материала. Где взять на нынешней Земле такие экземпляры? А потом, в своих оранжерейных условиях, разве они попадали в такие переплеты, как я, за какие-нибудь пятьдесят с лишним часов? Дие приблизилась неслышно. Мат даже вздрогнул, когда она положила руку на его плечо.

— Я тебя напугала?

— О нет, пустяки.

Мат улыбнулся. При виде своих бывших соплеменников он всякий раз невольно любовался творением своего разума и труда. В особенности этими двумя, Дие и Нуа... Нуа... Но сейчас думать о ней нельзя. С Эви и Опэ хлопот никаких. Все, что им положено, они делают безукоризненно. Но если вы очень любите женщину, остальные тоже становятся вам как-то ближе, если вы к ним даже не прикасаетесь пальцем.

— Чем ты занят?

Мат понимающе кивнул. Вопрос означал, что Дие хочется поговорить.

— Проверяю, как автоматика учитывает коррекции курса.

С таким же успехом он мог сказать, как коррекции учитывают автоматику. Для Дие это пустой звук.

— Ты мог бы объяснить, что это такое?

— Нет.

— Почему?

— Ты все равно не поймешь.

— Но мне хотелось бы.

— Охотно верю.

«Все понятно: это, так сказать, разведка боем. Подождем, пока она перейдет к главному. А пока ей хочется выведать, в каком я настроении. Спасибо, Дие, настроение у меня прекрасное. Но об этим я тебе не скажу. Отгадай сама, если сумеешь. Уж если я не провожу над вами эксперименты в клинике, такую невинную игру в загадки может себе позволить бывший ученый, не правда ли? Тем более, что вы о ней не знаете. Когда-нибудь этот ученый станет великим, самым великим. Но с вашей помощью».

Почему ты такой, Мат?

Какой такой?

Трудно выразить. Серьезен ты или улыбаешься, ты все время про себя посмеиваешься над нами. Почему?

Потому, наверное, что я всех вас люблю.

— Ну да, одни требования и команды. Приказы и требования, разве это любовь?

— Здесь, на «Галатее», да.

Дие рассеянно наблюдала, как Эви, присев на корточки у противоположной стены с приборами, что-то проверяет. При каждом прикосновении вспыхивали и мигали несколько

световых точек, то вместе, то порознь, то превращаясь в разноцветные фейерверки, каждый строго в своем отсеке.

— А что делает Эви?

— Он тоже ведет контроль.

— Чего?

— Самого великого нашего сокровища — энергии. И таинственных каналов, по которым она поступает.

— Раньше ты не говорил глупостей, был тихий, скромный парень.

— Что это значит - раньше?— Тон Мата сразу стал жестким.

— Ты отлично понимаешь, что я имею в виду, как и то, что хочу сказать, но не скажу. Ты запретил говорить об этом.

— Теперь я уже не смеюсь, Дие. Ни вслух, ни, как ты выразилась, про себя. И если ты не прекратишь, будет хуже.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

Дие отвернулась. Она опять посмотрела на Эви, который тем временем перешел к следующей приборной доске. Эви следил взглядом за Матом.

— Ну а о другом я могу говорить?

— Нет пока. Помолчи немного, Дие. Ты готов, Эви?

Эви утвердительно кивнул. Мат подошел к пульту управления. «Проверка, еще проверка, опять проверка. И еще раз, и постоянно, и каждый день. Будь она проклята. Боже, будь у меня хоть частица веры в себя, как у Сида! Непонятно, кстати, почему Сид был всегда так уверен. Как он мог доверять этому бесконечно сложному комплексу механизмов?»

— Приготовились, Эви! Начали.

Теперь многоцветный фейерверк повторился на приборной доске командирского пульта. Зеленые, красные, белые огоньки, пульсирующие зеленые и голубые змейки осциллоскопов, желтые кирпичики нормального приема... «Пожалуй, я похож на сумасшедшего часовщика в средневековой мастерской, который никогда не верит, что его часы идут правильно. Дрожащими руками он вновь и вновь разбирает тикающий механизм, чтобы убедиться, вращаются ли шестеренки. Но часовщик был в более завидном положении, чем я. Ведь он знал, какие шестеренки он вложил в нутро своих ходиков. А я постиг всю начинку гигантского корабля совсем недавно и далеко не уверен, что хорошо выучил урок. От этого, право, можно лишиться рассудка. Для чего, например, каждый день проверять коммутацию шестиметрового кабеля, который обвивает меня и Эви, а потом уходит в подвал? Но если этого не сделать, я начинаю дрожать, как в лихорадке, исправен ли он. Мне необходимо каждую минуту знать, что нигде нет никаких дефектов, убедиться лично. Это самое большее, что я могу сделать. Правильно ли Большой Мозг вносит коррекцию в курс корабля, обработав световую информацию от точек Галактики, определить я бессилен. Но так мне известно хотя бы, что Мозг работает, что-то считает, а корабль имеет достаточно энергии».

— Хорошо, Эви, все в порядке. Теперь иди ко мне!

Ждать, пока проснется Грон, нет смысла. Они проведут и контроль двигателей, время еще осталось. Эви безропотно стоял возле Мата... «Как сильно изменились все они здесь, на «Галатее»,— подумал Мат.— Впрочем, удивляться нечему, и мне меньше других. Оба этих юноши молчаливы, как камни в пустыне. Грон стал мечтателем, а Дие, кроткая Дие...» Она предстала вдруг перед его мысленным взором сидящей на носу рыбачьей лодки, а ее огромные карие глаза жили и прыгали в такт волнам. Мат отогнал запретное видение. Теперь Дие говорит за всех.

— Так, Эви. Ты знаешь, что делать дальше?

Эви опять молча склонил голову. Мат направился к самой дальней группе приборов. Дие, словно тень, последовала за ним.

— Пожалуйста, помолчи еще. Эви, начали!

Разумеется, реакторы тоже работали, как обычно. Нейтронное излучение — тут он тревожился больше всего — оставалось в пределах нормы, температура тоже, скорость охлаждающих потоков чуть выше обычной, но это по указанию Мозга, пока Мат спал. Он пожал плечами: компьютер знает, что делает, компрессоры легко выдерживают режим. До завтра оставим без изменений, а потом попробуем вернуться к прежней средней скорости. Если Мозг не восстанет — хорошо, в противном случае придется запросить о причине. Мат уже воздерживался от ошибок, которые совершал вначале, когда по всякому пустяку одолевал компьютер вопросами, тревожными и нелепыми. Однажды Мозг ответил, точнее, предложил давать запросы в определенные промежутки времени и в определенной системе. Ведь у Мозга, в отличие от людей, нет эмоций, а собственную работу он стремится оптимизировать, как всякая думающая машина. Прочитав текст этого предложения на экране, преобразованным в слова, Мат покраснел. Что касается Сида, то он просто послал бы тебя к чертовой бабушке. Впрочем, на языке Мозга это означало то же самое.

Сейчас, покончив с проверкой систем обеспечения реакторов, он подумал, что вся эта ненужная и до отчаяния нудная работа диктуется не только страхом. Так быстрее проходят те восемь часов, после которых он пойдет к лифту. Нет, об этом думать сейчас нельзя. Он был благодарен Дие, когда она снова нарушила молчание.

— Ну а теперь я могу говорить?

Мат улыбнулся. Дие огромными кошачьими глазами словно впитывала в себя черты его лица. «Он похудел и осунулся, нос у него вытянулся и заострился, под глазами темные круги,— отметила она про себя.— Одна только улыбка осталась прежней, как у того молчаливого, добродушного парня, который стоял, бывало, около Грона на дальнем конце лодки, возвышаясь над морем, как молодой бог».

— Пожалуйста, Дие, говори, я слушаю.

— Ты мне покажешь... их? — Она указала рукой на потолок.

Мат, задумавшись, смотрел на женщину. Она единственная среди них, кто любит смотреть на звезды. Черта, унаследованная от Сида? Но в чем причина? На этот раз репрограммы

создавались по новому методу, и весь экипаж рыбачьей лодки получил только их, правда, с небольшими вариациями. Неужели Большой Мозг проявил фантазию при конструировании моделей? Конечно, даже у менее совершенных думающих машин наблюдалось стремление к оптимизации собственной структуры. Самопрограммирование? Коррекции, вычисленные по оптимуму? Иными словами, в том виде, в каком «первичный» Гилл представлял себе «первичного» Сида, по своему усмотрению усовершенствовав его вторую модель. Во всяком случае, Гилл не собирался наделять женщин психикой и поступками мужчин. Новый метод должен был дать более совершенный результат, в особенности после успеха с Эви и Опэ. Модель Дие была сконструирована на сравнительно более слабых импульсах, чем оба брата. Но как и откуда Большой Мозг мог получить информацию о том, что Эви и Опэ должны стать навигаторами? Быть может, Гилл высказывал свои намерения вслух, и Мозг впитал это через каналы вербальной связи, в том числе через Шарика, который при всей его автономности был лишь частью комплекса кибернетической системы? И для Дие, которая была по порядку третьей, с учетом всех мотиваций Мозг выдал на консоциатор полную и оригинальную репрограмму? Да, если эта загадка когда-нибудь выяснится, то уже на Земле. Но факты — упрямая вещь; только Дие, одна из всех, любит смотреть на звезды.

— Мне можно их понаблюдать? — Дие горела от нетерпения.

— Можно, Дие.

Мат подошел к пульту.

Казалось, гигантская рука великана сдернула с потолка салона непроницаемую завесу, состоявшую из мозаики телевизионных мониторов, и во всей своей необъятности раскрылась вселенная. Дие села в кресло перед пультом, откинула голову на высокую спинку. Глаза ее, и без того огромные, еще расширились. Эви неслышно подвинулся в сторону и, упорно смотря в пол, попятился к дальней приборной доске. Мат искоса наблюдал за юношей. И это навигатор? Правда, Сид тоже открывал панораму купола только после работы, когда хотел полюбоваться на вселенную. И точно таким же манером садился в кресло, как села Дие. Ну а он сам? Он смотрит на звезды, как на придорожные столбы на пути к выполнению сверхзадачи. Летит среди них — и только. Центр системы — Солнце —уже был различим. В виде желтенькой звездочки второй величины, прямо над головой. Больше половины пути уже позади. Сила земного тяготения, имитируемая гравитаторами до семидесяти процентов от нормальной, свидетельствовала, что они стоят на полу. Но им казалось, что корабль и они стремглав падают вперед, на тусклую точку Солнца. Уменьшенная гравитация экономила силы, но давала достаточное чувство уверенности только при задернутой панораме. Сейчас же они ощущали только падение в бескрайней пустоте, которая странным образом становилась осязаема, когда видишь ее всю целиком. Он содрогнулся.

— Мат,— шепнула Дие.

— Слушаю.

— Ты знаешь все, Мат. Ответь, почему я люблю звезды?

— Не знаю.

— Просто ты не хочешь сказать.

— То, что я могу сказать тебе, Дие, будет лишь полуправдой. Да и этого ты не поймешь.

— Ты считаешь меня глупой?

— Нет. Но я сам еще многого не понимаю.

— Слушай, Мат...— Дие осеклась, не договорив начатой фразы, но потом все же решилась.— Там, на берегу моря, я уже видела эти звезды. Смотрела, как они загораются над темными холмами или над морем, качающим лодку. Они отражались в волнах, так я любила их больше всего. Когда я выходила на берег, они сияли у меня над головой и у ног на волнах, везде, кругом,повсюду одни звезды. Но я...— Она умолкла.

— Продолжай, Дие, я не сержусь. Ведь с другими ты говоришь о береге совсем иначе, я знаю.

— Не могу.

— Что не можешь?

— Не могу продолжать. Я помню только, что там все было совсем другое. И звезды тоже...

— Это понятно, Дие. В атмосфере свет звезд преломляется...

— Опять ты считаешь меня глупышкой? Ведь я не о том.

— О чем же?

— Там, на берегу, они были частичками чего-то большого, но к нему принадлежали и мы.— Видно было, что Дие трудно говорить.— А здесь все иначе...

— Понимаю, Дие.

— Я тоже понимаю, хотя и не умею высказать. Но все это бесполезно и для меня, и для тебя.

— Потому-то я и не думаю о прошлом,— солгал Мат.— Смотреть на звезды можно, но думать...

— Мат, можно тебя спросить?

Хрупкая фигурка Дие с лицом, повернутым к звездам, казалось, парила в воздухе вместе с креслом. Глаза ее жадно впитывали лучи далеких светил. Гилл слабо разбирался в изобразительном искусстве, но сейчас вдруг остро почувствовал: ему будет больно, если обыденный жест разрушит неповторимую гармонию этой позы.

— Конечно, можно.

— Скажи, ты и Нуа часто говорите о звездах?

Ничто не изменилось в командном салоне, не стронулось с места. Эви, будто онемев, стоял у стены, Дие по-прежнему парила в воздухе. Нужно ответить сейчас же, причем с полным равнодушием.

— Нет, Дие,— чуть растягивая слова, сказал Мат.— О них мы еще не говорили.

Он вернулся к пульту и выключил панораму. Дие не шевельнулась, только взгляд ее устремился на Мата. Тот спокойно выдержал этот взгляд. От закипавшей злости натянулась кожа на скулах, он это почувствовал. Коварный вопрос,

подлый, как удар ножом. «Красивые слова о звездах заманили меня в твою ловко расставленную ловушку, Дие. Но ты поплатишься за это. Нет, не сию минуту. Потом, когда ты меньше всего будешь ожидать. Тебе хотелось, конечно, чтобы я взорвался и накричал на тебя; мне придется лишить тебя этого удовольствия, дорогая. Ты внимательный и кроткий наблюдатель, только и ждешь, не выдаст ли себя глупый Мат чем-нибудь, чтобы тут же использовать это против него. Но я опытный игрок, Дие. Один раз тебе удалось меня провести, больше это не повторится».

— Встань с кресла, Дие. Мне нужно работать.

Он наугад включил несколько контрольных кнопок. На стене опять затанцевал разноцветный хоровод электрических сигналов, зеленых зигзагов. Облитая отсветами мигающих красных, зеленых, желтых огоньков, Дие шла к лифту.

Эви сделал шаг, чтобы последовать за ней и о чем-то спросить, но взгляд Мата удержал его на месте. Двери лифта неслышно задвинулись, поглотив Дие.

— Садись на место,— сказал Мат.— Или ты хочешь топтаться до конца смены?

Эви послушно присел на краешек самого дальнего от Мата кресла, стоявшего перед экраном радиолокатора.

Это случилось в конце очередной смены. Арро работал последние шестнадцать часов перед «сонным отпуском». Скрыть случившееся стало уже невозможно. В первой половине смены не было никаких признаков, что Арро чувствует себя плохо. По своему обыкновению он сидел молча, глядя прямо перед собой. Уже давно, с одобрения Мата, Арро проводил контроль двигателей в одиночку. Кроме того, Опэ тоже еще не окончил смену, Арро мог бы позвать его. Вскоре время Опэ истекло, и он ушел вниз. Мат, как обычно, дожидался, пока Нуа поднимется и заступит на дежурство. Арро долгим взглядом встретил ее, выходящую из лифта, потом вдруг безмолвно протянул к ней руки. Нуа не видела его, она улыбалась Мату, который стоял возле своего командирского пульта. Из горла Арро вырвался булькающий, глухой стон, сам он поднялся во весь рост своего, когда-то сильного тела, затрясся в судороге и повалился на пол, лицом вниз. Пока Мат и Нуа пытались привести его в чувство, вернулся Опэ, видимо, обеспокоенный тем, что командир долго задерживается наверху. Увидев и поняв, в чем дело, он ринулся обратно в спальный отсек и, прежде чем Мат смог бы ему помешать, поднял с постелей всех членов экипажа.

Агония продолжалась долго. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы заспанные Грон, Дие и Эви, пошатываясь и сопя, поднявшиеся в салон, полностью пришли в себя. Еще до их появления Мат и Нуа подняли и посадили несчастного в кресло. Теперь все шестеро стояли вокруг, с тревогой и страхом прислушиваясь к хриплому, прерывистому дыханию Арро, оно становилось все реже. Нуа, обхватив его ноги, опустилась рядом и громко зарыдала, теряя всякий контроль над собой. Дие с большим трудом удержалась, чтобы на нее не прикрикнуть.

Впрочем, рыдания неверной жены заглушат стоны умирающего, так даже лучше. Арро прощался с жизнью; Эви и Опэ стояли рядом, стиснув зубы, Грон тер глаза кулаками, то ли вытирая набегавшие слезы, то ли разгоняя остатки сна. Мат поднял безвольно повисшую руку Арро, чтобы пощупать пульс. «Безошибочно, как табло»,— мелькнуло в голове у Дие. Какое табло? Почему? Неужели она мыслит категориями Гилла даже в эту минуту? Осознав значение слова, она рассердилась на себя больше, чем на Нуа. Гилл прав, они стали механизмами. Хорошо бы сейчас вцепиться всем в волосы, бросить в лицо правду.

Наконец настала та тягостная минута, когда после последнего вздоха окружающие напрасно ждут следующего. Арро сник, морщинистое лицо его разгладилось, голова медленно повернулась набок. Мат выпустил его руку, рыдания Нуа перешли в пронзительный вопль.

— Нет, нет. Я не хочу... Это неправда! Арро, вернись! Арро, не нужно..

Дие захотелось ударить ее ногой в живот, гнев и боль искали выхода. Неужто и это желание исходит от Гилла? О, нет, рассудочность Гилла пропала куда-то вместе с Матом, «Галатеей», со всем этим. Она увидела себя в своей деревне на берегу залива, на центральной площади, где собравшиеся старцы творили суд. Женщина принадлежит мужчине до тех пор, пока он в силах ее удержать. Так гласит закон. Но есть и другой, более сильный, более высший — убийце нет пощады, ибо он оскорбляет всю общину, и поэтому он убийца всех. Дие выбросила вперед руку:

— Это ты убил его, Мат!

— Замолчи, Дие, ты не ведаешь, что говоришь.

— Нет, ведаю! Ты убил Арро, и я это докажу! Этот человек,— она повернулась к остальным, не желая называть Мата по имени, совершив злодеяние, убийца теряет право на имя,— этот человек стал убийцей! Послушайте, как это было...

— Молчи!

— Нет, не заставишь! Слушайте: этот человек...

Дие получила поддержку, откуда меньше всего ее ожидала. Нуа поднялась с колен и пронзительно заголосила:

— Это он! Он убийца! Я тоже знаю! Еще раньше, чем Дие!

В горле у Дие от отвращения перехватило дыхание. И эта тварь еще смеет? Были заодно, она спала с ним, а теперь...

— Хватит!— заорал Мат во всю глотку, чтобы перекричать Нуа. Схватив за плечи, он начал ее трясти.— Умолкни! Умолкни, Нуа! Это ложь, и ты знаешь это лучше других! Только ты знаешь всю правду.

— Ты, ты убил его!— продолжала визжать Нуа.

— Нет и нет! Я не убивал!— Он повернулся лицом к мужчинам, молча стоявшим на своих местах.— Из-за того, что эти две женщины вдруг взбесились, я еще не убийца! Или вы мне не верите?

Грон тупо моргал глазами, вспоминая. «Опэ сказал: «Нуа все время скалит зубы». А теперь она рыдает и обвиняет Мата. Правда, Мат в свое время избил Арро, но от побоев нельзя

умереть, да еще столько времени спустя. И потом ведь, первой его обвинила Дие, а не Нуа. Почему? А теперь Дие смотрит на меня и ждет... Чего она от меня может ждать? Мат наш командир. Тогда в лодке старшим был Арро, но Мат доказал, что он...»

Нуа удалось вырвать плечо из железных рук Мата, она заколотила его по груди обоими кулаками.

— Убийца! Убийца!— кричала она в такт ударам, и крики, казалось, придавали ей сил. Мат не успел обхватить ее снова и начал отступать, пятясь к стене.

— Остановите ее! Горе отняло у нее разум, разве вы не видите?

Грон тронулся было с места, но кресло с телом Арро оказалось на пути. Зато Опэ двумя прыжками настиг Нуа, схватил за длинные волосы и рывком бросил наземь, а затем — все произошло так быстро, что Грон даже ничего не успел понять,— когда Мат наклонился над женщиной, двумя сцепленными руками изо всей силы ударил его по затылку.

— Убийца,— произнес он, распрямляясь и опуская руки. С безучастным выражением лица Опэ наблюдал, как барахтается на полу жена его старшего брата, стараясь выбраться из-под рухнувшего на нее тела.

— Не он увез нас от нашей лагуны, это правда,— продолжал Опэ.— Но он помешал нам вернуться туда. Это он отправил в путь «Галатею», и мы рано или поздно погибнем все до одного!

Начиная со старта «Галатеи», он произнес меньше слов, чем в этот раз.

— Однако...— заикнулся было Грон.

— Помолчи, Грон,— цыкнула на него Дие. Прежде чем дать открыть мужу рот, надо было выяснить намерения обоих братьев. Ей не хотелось, чтобы с Гроном расправились так же молниеносно, как с Матом. Грон сильнее любого из них, но ведь их двое.

— Что же вы думаете теперь делать?— Дие сделала паузу.— Как жить дальше?

Последние слова женщина нарочно сформулировала двусмысленно. Пусть выскажутся сначала Опэ и Эви. Куда клонит Дие, Эви понял на мгновение раньше младшего брата.

— Дальше — не будет. Мы возвратимся домой.

— И у вас хватит уменья?

— Иначе я бы не сказал об этом. Управлять кораблем гораздо легче, чем это старался представить Мат.

— Ты в этом уверен?

Грон опять собрался было вставить слово, но Дие жестом остановила его, и он послушался. «Бедный Мат, хотя я и боялся его, но нельзя же так...»

— Да, уверен,— отрезал Эви.

— И сколько на это потребуется времени?

— На полет домой? Этого я так сразу сказать не могу, необходимо посчитать.

— Хорошо, а на то, чтобы повернуть «Галатею»?

— Я сказал уже, нужно считать! Во всяком случае, немало. Только считать придется недели две-три, не меньше.

— А он? Что будет с ним, с убийцей?— Это сказала Нуа, полагавшая, что настало время вмешаться и ей. Она тяжко

страдала, но нельзя же допускать, чтобы сопливые мальчишки решали их общую участь без нее. Тем более что и Дие моложе ее.

Эви бросил на нее выразительный взгляд, но Нуа не захотела понять того, что прочитала в его глазах.

— Он же убийца! Убийца Арро.

«Уж не начинает ли она весь спектакль сначала?»— подумала Дие. Пусть попробует, уж тогда-то она ей покажет.

— Потом!— Слово, уроненное Эви, щелкнуло, будто камень по борту лодки.— С ним потом. И с тобой тоже,— добавил он, чтобы у Нуа не оставалось никаких сомнений на этот счет.— Некоторое время он может нам еще понадобиться.

Для Дие этого было достаточно.

— А пока ты будешь делать расчеты, все останется по-прежнему?

— Да. Мы включим тормозную систему только после того, как целиком вычислим обратную траекторию

— Почему?

Она, конечно, знала, что не поймет его объяснений, но ответ ее, собственно, не интересовал, служил только гарантией. Гарантией того, что она, Дие, с ним равноправна. Она спрашивает, и ей должны отвечать. Пусть привыкают.

— Новую траекторию можно вычислить только из элементов пройденной. Если начать торможение раньше, кривая траектории изменится, и расчеты окажутся ошибочными.

— Ну а горючее?— Грон был горд, что наконец и он вставил слово.

— Горючего хватит. Ты, инженер, должен знать это лучше нас всех.

Дие задохнулась от злости. Недаром она боялась, что Грон вступит в разговор. Такой ответ равносилен поражению. Получается, ей одной надо держать в руках этих юнцов.

— А что делать с этим?— она поторопилась с вопросом, чтобы не дать Грону и дальше подрывать свой авторитет.

— Внизу есть свободная камера, где температура ниже нуля,— быстро ответил Опэ, словно давно ожидал этого вопроса.

— Хорошо. Значит, вы его и отнесете.— Дие, стиснув зубы, набирала очки. Она даже не заметила, что подобное выражение мог бы употребить только Гилл. «Так, значит, я в состоянии им приказывать»,— отметила она.

— А куда девать Мата?

— Запрем в его собственной спальне!— оживился Грон.

Эви искоса взглянул на Нуа.

Нет, это не годится.

Что ты на меня так смотришь?— заголосила Нуа.— Неужели ты думаешь, я способна...

Умолкни. Ничего я не думаю.

Дие продолжала развивать наступление.

— Так что же? Будет лучше, если мы поставим все точки над «и» сразу, не правда ли?

— Мата мы тоже отправим в нижний отсек.

— Что-о? — Грон выпучил глаза.— Живого человека запирать в холодильник?

— Вентиляция и кондиционеры подают воздух до самого низа, до четырнадцатого отсека. Мы заблокируем лифт, он будет ходить только до пятого.

— Вы хотите сказать, там, внизу, он сможет передвигаться как хочет?— Дие не на шутку струхнула.

— А почему бы и нет? Ты, Дие, там еще не бывала. Если мы перекроем люки на пятом и шестом уровнях, он не сможет подняться наверх. Говорить с ним можно будет по селектору. Предупредим: если он будет вести себя прилично, мы даже включим для него освещение.

«Все продумано до мелочей,— отметила про себя Дие.— Сколько же времени убил Эви на этот план?— Опять вступил в действие притаившийся в ней Гилл.— Значит, он сидел и наблюдал за Матом. Как он ходит взад и вперед, проводит свои проверки, измеряет, записывает, зевает, улыбается, спит с Нуа... Хорош мальчик!»

— А как быть с пищей?

Ужасно, насколько больше хлопот доставляют живые, чем мертвые. Но Мат действительно может еще пригодиться.

— Мы скажем ему, что он сможет получать пищу только в том случае, если спустится на седьмой уровень по нашему сигналу. Тогда мы откроем люк между пятым и шестым и оставим его порцию. Если же он вдруг не захочет уйти, то останется голодным. Впрочем, связь можно поддерживать и на лифте. Только мы будем брать с собой инфрапистолет.

Нуа решила, что настал подходящий момент для новой истерики.

— Что такое? Кормить убийцу? Человека, который убил...

— Умолкни, женщина.— Равнодушный тон Эви хлестнул Нуа больнее, чем удар бичом.— Умерься. Я думаю, ты тоже иногда бываешь голодна.

Весь первый день, после того как к нему вернулось сознание, Мат бушевал в полной темноте. Впрочем, не весь день — Эви каждый час вызывал его по селектору и сообщал точное время. После девятнадцатого вызова Мат пришел к выводу, что у Эви больше ума, чем можно было предположить, и утихомирился. Впоследствии он не раз краснел при мысли, что так бездарно потратил целых девятнадцать часов. Думать дальше не хватало сил, прежде надо было выспаться. Однако измотанные нервы не позволили сразу уснуть, и двадцатый вызов Эви застал его на ногах. С предельной вежливостью Мат попросил дать ему покой хотя бы на шесть часов, чтобы уснуть. Эви проявил бо́льшее великодушие, чем следовало ожидать.

— Я оставлю одностороннюю связь, Мат. Проснешься, вызови меня сам.

— Благодарю.

Он проспал более десяти часов. Проснувшись, вызвал Эви и объявил, что голоден и хочет пить.

— Хорошо, Мат, режим безопасности мы обсудим потом, а пока предупреждаю, что мы будем спускаться только с инфрапистолетом.

— Если вам так спокойнее, валяйте, меня интересует одно: есть и пить.

— Выходим.

Зажегся свет. Мат ожидал в кольцевом коридоре седьмого отсека, отойдя как можно дальше от лифта. Из раздвинувшихся дверей сначала показалось дуло пистолета.

— Вы оскорбляете себя, а не меня. Зачем так трусить? Оставьте поднос на полу возле лифта.

— Нам надо поговорить, Мат.

— Нельзя попозже? Я слишком голоден.

— Коротко и только суть. Чтобы ты смог поразмыслить. Согласен?

— Прошу.

— Мы разворачиваем «Галатею» назад, к дому.

— Решение принято единогласно?

— Когда командовал ты, такие вопросы нам не задавались.

— Правильно. Вопрос излишний.

— Тогда?

— Теперь тоже.

— Значит, ты принял к сведению?

— Именно так.

— Теперь думай. Можешь вызвать нас к микрофону в любое время.

Дуло пистолета исчезло, двери лифта закрылись. Несмотря на мучивший его голод, Мат внимательно осмотрел принесенную ему пищу. Порция оказалась вдвое больше обычной. Детали были еще не ясны, но в эту минуту Мат был уже уверен: победа останется за ним. Он съел все до крошки и проспал еще десять часов. Открыв глаза, Мат почувствовал, что вокруг что-то изменилось. Засыпая, он ежился от холода, а сейчас было тепло, как в спальне. Это означало, что противник продолжал демонстрировать склонность к переговорам. Мат криво усмехнулся. Если бы братья могли видеть эту улыбку на экране, Эви наверняка лишил бы его пищи. «Хорошо, мальчик, все идет прекрасно. Теперь мне нужно опасаться только одного: инфрапистолета, если вы раздражены. А это означает, что придется каким-то образом отучить вас от этой штуки. Или обойдемся?» Мат вызвал по селектору командный отсек.

Прежде всего они согласовали график связи, чтобы не дергать друг друга. Пока производились расчеты траектории, Эви и Опэ решили сменяться каждые двенадцать часов, а параллельно, но с разницей в шесть часов дежурили Дие и Грон.

— А Нуа? — спросил Мат.

Нуа не идет в расчет. Пусть делает, что хочет. Пищу получать будет.

Мат кивнул. Значит, Нуа сброшена со счетов. Да, он любил ее такой бешеной страстью, что иного конца быть не могло. «Убил бы я ради нее Арро? Конечно. Только в этом не оказалось нужды. Его убила тоска по родине, а еще больше, пожалуй, то, что первым человеком на корабле оказался не он, а я. Изменить здесь что-нибудь, к сожалению, не в моей власти. Но ты поверила, что Арро убил я. Почему? Потому, Нуа, что ты сама об этом мечтала,

а когда он умер, то ты почувствовала убийцей себя». Трезвый рассудок Гилла был недоволен, что эта причинная связь для Мата стала ясна только теперь. Если бы ты, Мат, жалкий идиот, догадался об этом раньше, то не сидел бы здесь взаперти. Но ведь и ты любил Нуа, Гилл? Во всяком случае, не протестовал. Правда, со стороны Гилла это совсем другое. Интересно начавшийся безмолвный разговор между Матом и Гиллом прервал голос Эви:

— Мат, ты слышишь меня?

— Разумеется.

— Я спросил лишь потому, что ты замолчал.

— Я размышлял.

— Ах, так. Значит, мы можем продолжить? —

Эви кратко изложил суть производимых им расчетов.

— Вы на правильном пути, но продвигаетесь слишком медленно,— сказал Мат.— Если дело пойдет так и дальше, вам потребуется не две-три недели, а по меньшей мере пять.

— Мы согласны с тобой, Мат. Но что мы можем поделать? Или ты хочешь дать нам совет?

На кончике языка Мата вертелся ответ: выпустите меня отсюда, дайте мне поработать с Большим Мозгом. Но он передумал и промолчал. Это могло показаться подозрительным. А если даже братья и согласились бы, он все время чувствовал бы наведенный в затылок пистолет.

— Ну что же,— словно в раздумье, он сделал паузу.— Если вы доставите мне сюда портативный компьютер, дело пойдет быстрее. Его ведь можно включить от региональной сети.

— Спасибо, Мат, сейчас принесем.

— Эви!

— Слушаю.

Мат ехидно ухмыльнулся.

— Не забудьте про пистолет.

— Перестань, Мат!— Эви явно смутился.

Но пистолет он все-таки захватил.

Всю неделю Мат работал по заданию братьев, а в промежутках донимал их указаниями о контроле всех систем корабля, точно так же, как если бы стоял за командирским пультом. Эви и Опэ повиновались без возражений, понимая, что «Галатея» при всех условиях должна находиться в отличном состоянии. Зато в виде компенсации они получили от Мата такое количество расчетов, что это и в самом деле приблизило их к цели. Эви поблагодарил Мата, но тот отверг благодарность.

— Пустяки. Уж если решение принято, нужно его поскорее выполнить. Я многое передумал с тех пор, пока сижу здесь.

— Рад это слышать, Мат.

— Ладно, парень. Только работайте исправно и не забывайте про контроль.

Спустя три дня точно в то время, когда Грон заменял в своей смене Дие, Мат неожиданно вызвал братьев по селектору.

— Мальчики, машинка отказала.

— Что ты сказал? Не понимаю,— промямлил Опэ.

— Я говорю, мой компьютер где-то замыкает. Когда пойдете ко мне, захватите инструменты. Может быть, я сумею исправить.

Мат продиктовал, какие именно инструменты ему нужны. Не

прошло и четверти часа, как Опэ сообщил, что спускается.

— Хорошо, я жду. Пароль — инфрапистолет.

Опэ проворчал что-то по поводу неуместных шуток, но взять пистолет не позабыл.

— Положи вон туда,— Мат указал рукой в угол, не поднимаясь с переносной кровати, которая была поставлена в коридоре так, чтобы ее было видно из двери лифта.— Я возьму потом.

Он с усердием нажимал на клавиши выключенной машинки.

— Только бы определить, где замыкание. Может статься, это не в самой машинке, а где-нибудь в проводке или в контактах.

У Опэ шла уже вторая половина вахты, и для обмена мнениями он чувствовал себя слишком усталым.

— Желаю успеха, Мат. Надеюсь, тебе удастся скоро обнаружить дефект.

Мат, не поднимая головы, вздохнул и попрощался с Опэ взмахом руки. Подождав, пока смолкнет гудение лифта, он вскочил на ноги. Кусачками отделив от привода компьютера кусок кабеля длиной сантиметров двадцать, он старательно зачистил оба конца, потом вскарабкался на кровать. Надувное сооружение колебалось во все стороны, но ему все же удалось дотянуться до пластмассового щитка в углу под потолком. Мат торопился, вывернутые шурупы один за другим падали в подставленную ладонь. Наконец он вывернул последний, и щиток откинулся. Мат повертел его в руках, ища взглядом, куда бы поставить, затем поставил к стенке за поворотом коридора. Забравшись на кровать, он еще раз окинул взглядом коридор, чтобы запомнить, где щиток, потом занялся кабелем. Спустя четверть часа сигнал селектора отвлек Опэ, углубившегося было в расчеты.

— Опэ, я нашел дефект. Не сердись, во всем виновата проклятая проводка, я ни при чем.

— Что там случилось?

— Неужели не видишь? Взгляни на контрольную доску седьмого отсека, замыкание где-то в цепи. Правильно я предполагал, что виновата не машина, а проводка. Не понимаю только, почему не сработали предохранители? Сижу в темноте, а ток уходит куда-то в месте замыкания, могут загореться кабели. Выключи поскорее.

Опэ бросился к доске.

— Ну что, выключил?— с нетерпением спросил Мат.— Беда в том, что я чувствую запах гари. Где-то горит кабель!

— Я выключил.

— Хорошо, серьезной аварии теперь не случится.

— А мне что делать? — в голосе Опэ прозвучала растерянность.

— Лучше всего немедленно найти место замыкания. Пока мы не исправим дефект, у меня не будет ни света, ни тепла. Отопление может подождать, но сидеть в темноте сложа руки, когда столько работы, это уж слишком!

— Сейчас я спущусь.

— Не стоит, Опэ. Ты и так устал, тебя сменит Эви, пусть придет он. Я и так тебя загонял.

— Нет, нет. Иду! Какие инструменты тебе нужны?

— Только ручной фонарик,— Мат хихикнул.— Ну и, конечно, пистолет.

— Кретин!— заорал Опэ и со всех ног кинулся к лифту. Грон недоумевающе на него уставился.

— Что с тобой?

— Ничего! Ты тоже кретин!

На полпути он резко остановился и подскочил к командирскому пульту. Схватив инфрапистолет, висевший на подлокотнике кресла, он повесил его на шею и ринулся к двери.

— Ничего не понимаю. Опэ, куда ты?— начал было Грон, но Опэ уже исчез в дверях лифта.

Грон не терпел одиночества и очень обрадовался, когда услышал гудение возвращающегося лифта. Теперь-то он узнает, почему вдруг Опэ так взбесился.

В лучах подсветки, падающих сверху и сзади, он поначалу не узнал человека, вышедшего из лифта. Но когда тот произнес первые слова, Грона словно пригвоздило к креслу.

— Я знаю, Грон, ты не поверил, что я убил Арро. Но теперь я докажу, что ты ошибся. Да, я убийца и пришел убить вас всех.

Наступившая расплата приносит облегчение даже тем, кто готовился стать ее жертвой и ее страшился. Если по праву победителя лишить их жизни или подвергнуть наказанию, сами мятежники воспримут возмездие как должное. Но Мат не сделал ничего и тем самым вверг их в муки ада, имя которому неизвестность будущего. Все, что он делал, служило наказанием лишь косвенно, да и то помимо его прямого желания.Муки ожидания, пронизывавшие каждую минуту их существования, были, так сказать, лишь побочным продуктом нового порядка, установленного на «Галатее», поскольку сам новый порядок преследовал ту же цель, что и старый: обеспечить полет корабля к Земле.

Отдыхать и спать Мат ходил теперь в восьмой отсек, где хранились роботы. Здесь же в одной из камер он собрал и запер на ключ все оружие, имевшееся на борту, за исключением одного инфрапистолета, постоянно висевшего у него на шее. Посмеиваясь, он объяснил, что не расстается с ним не потому, что боится остальных, а из опасения, что ими вновь овладеет приступ ностальгии и призрачных видений. Сказал и о том, что его спальню и кабину, где сложено оружие, неусыпно охраняют два робота, получивших специальную программу с особым кодом.

— Задача у них тоже особая,— добавил он с улыбкой.— Если пожелаете, можете убедиться.

Ни один из членов экипажа не посмел спуститься не то что на восьмой, а даже на шестой уровень. Они несли вахту, ели, отдыхали,всячески избегая смотреть друг другу в глаза. После отмены возмездия вторым событием, повергшим их в изумление, был новый распорядок дежурств. Мат сохранил длительность смены двенадцать часов,но отменил шестичасовые ступеньки, так что двух братьев сменяли Грон и Дие, а одновременно с ними на вахту заступал Мат. Таким образом, в то время, когда Мат спал,

в командирском салоне находились всегда только Опэ и Эви. Первый, кто решился сцепиться с Матом по этому поводу, была, разумеется, Дие.

— Ты недооцениваешь братьев, Мат! Пока ты спишь, они остаются вдвоем. Ведь они могут делать все, что захотят!

— Ошибаешься, Дие. Это не недооценка, а доверие. Только им я могу доверить корабль и командирский пульт. Не обижайся, но они знают дело лучше, чем вы с Гроном.

— А ты не боишься, что они из мести что-нибудь сделают не так?

— Из мести?— Мат покачал головой.— Дие, ты сегодня явно не в форме. Кто же станет приговаривать к смерти сам себя?

— Как это — к смерти?

— При расчетах братья чуть-чуть ошиблись. Не рассчитали потребность в горючем. Дело в том, что «Галатея» уже давно прошла критическую точку.

— Критическую?

— Ту, на которой корабль мог бы еще повернуть.— Мат пожевал губами.— Чтобы вернуться домой. Правильно я говорю, Эви?

— Правильно, Мат.

Эви, как и прежде, говорил мало, предпочитая смотреть в пол. Дие насмешливо хохотнула:

— Слава великому Гиллу и его коллективу дрессированных животных!

— Вот на эту тему я тебе не позволяю шутить, Дие.

— Это не мои слова.

— Не понимаю. Чьи же?

— Они принадлежат тому же автору: великому Гиллу. Откуда мне, девушке с берега лагуны, знать такие выражения?

— Все равно оскорблять коллег я тебе не позволю.

— Не мог бы ты сказать об этом ему, Гиллу? Тому, что сидит в нас и все время вмешивается. Поверь, мне самой это надоело.

— Ты не понимаешь, что играешь с огнем.

— Ну накажи меня, Мат. Я только того и жду.

— Я мог бы наказать тебя, Дие. Но боюсь, это будет слишком жестокое наказание для любого из вас.

— А ты не бойся, давай, Мат!

Величайшим наслаждением для Дие было бы увидеть, что она вывела Мата из равновесия. Чего бы это ни стоило, все равно.

— Ты хотела бы научиться забывать, Дие?— негромко спросил Мат.

— Конечно, Мат. Уметь забывать хорошо!

Высказав это в запальчивости, Дие спохватилась, почувствовав какой-то подвох.

— Но ты забудешь все, Дие,— Мат перешел на шепот.— Забудешь лагуну, берег и море, свою хижину и годы, проведенные с Гроном. Все, абсолютно все. Жизнь будет начинаться для тебя каждую новую минуту. Не останется ничего, только эти стены, «Галатея» и то, что там... За ее бортом. Ты согласна?

Он указал на место в потолке, где перед стартом висел колпак консоциатора.

— Если в тебе действительно сидит Гилл, он-то отлично поймет, о чем я говорю.

Грон напряженно вслушивался в слова Мата, но не понимал их смысла. В нем тоже сидела частичка Гилла, он чувствовал его присутствие. Но мысль о нем тотчас трансформировалась в мысль о сверхзадаче, крепло стремление достигнуть Земли во что бы то ни стало. Мат прав, а Дие лжет и притворяется. Дойдя до этой мысли, Грон струхнул, словно высказал ее вслух, но тут же взял себя в руки. Да, Дие лжет. Он был счастлив, что с помощью Гилла осмелился хотя бы думать об этом. Дие, конечно, бесподобна, но настало время ее одернуть, слишком уж задрала нос. Нельзя же допускать, чтобы женщина...

— Прекратите сейчас же!

Все обернулись в сторону двери. На пороге стоял Опэ. Из-под свежей повязки на лбу сверкали глаза, полные презрения. Мат, ударив его тогда только один раз, да и то легонько, тут же сделал перевязку. К сожалению, край массивного щитка оказался острее, чем он предполагал.

— Прекратите, спорить бессмысленно,— продолжал Опэ.— Мы выполним сверхзадачу, другого выхода у нас просто нет. После этого...

— Нет, не после, а до!— прервал его Эви.

— Я сказал, после,— упрямо повторил Опэ.

Дие с недоумением переводила взгляд с одного на другого.

— О чем вы? Извольте объясниться!

— О том же, что и ты, Дие,— пояснил Мат, все так же холодно и спокойно.— Они будут выполнять сверхзадачу до тех пор, пока не выполнят ее. А уж потом меня привлекут к ответственности.

— Прекрасно, но поговорить о наших делах не мешает заранее,— парировала Дие.

— Замолчи, сорока!— Опэ взорвался не на шутку.— Зачем болтать без умолку? Благодарю тебя, Мат, что ты не назначил меня в одну смену с этой трещоткой. Мы готовы заступить. Ты не возражаешь?

— Справишься?

— Да. Вы можете идти.

Никто не считал, сколько дней и ночей прошло с тех пор, как умер Арро. Время тянулось незаметно, сопровождая их незримо на вахте в командном салоне и так же незримо обрываясь в никуда, когда после смены они измученные валились на свои надувные матрацы в спальнях. Казалось, «Галатея» все так же висела в сетке лучей одних и тех же далеких звезд; не было ни прошлого, ни будущего, только настоящее, недвижное и застылое. Бесконечность словно просачивалась сквозь двойную обшивку корабля, сидела на корточках в углах коридоров, обволакивала мозг. Ею, бесконечностью, поселившейся в их сердцах, измеряли и думали они теперь, отдавая себе отчет в том, что уже не воля Мата, а она одна, загадочная и непостижимая, управляет кораблем и диктует распорядок дня. Только одна единственная звезда менялась на экране наружного обозрения, висевшем над

их головами. Ее желтоватый свет становился все ярче, а поскольку они знали, что так оно и должно быть, каждому из них при заступлении на вахту казалось, что яркости чуть-чуть прибавилось. Других мер времени уже не существовало, они потеряли смысл. Звезда была требовательной и настойчивой, ибо несла в своих лучах таинственный и вместе с тем понятный для всех привет из еще незнакомого, но их собственного дома. Слова, определяющие время, тоже потеряли смысл. До, после, прежде, потом — все это поглотилось ожиданием, повисшим в бесконечности. Незыблемым осталось только одно понятие — сверхзадача и единственный способ превратить это понятие в реальность: служба. Двенадцать часов пристального наблюдения за приборами командирского и других пультов, а потом спуск вниз, в полутемный ящик спальни, и погружение в сон, тяжелый, беспросветный, когда одна только бесконечность, молчаливо сидящая в углу, остается на страже.

В один из таких моментов их существования вне времени Эви при очередной смене вахты остановился перед Матом и, подняв на него глаза, спросил:

— Когда ты снимешь с шеи эту игрушку?

В усталом, осунувшемся лице Мата что-то дрогнуло. Он через голову снял ремень и протянул Эви инфрапистолет.

— Прошу. Можешь взять его себе. Или отдай Опэ, когда он поднимется из реакторного отсека. Если это доставит ему большее удовольствие, чем тебе...

— Мне он не нужен, Опэ тоже. Спрячь его куда-нибудь сам.

Мат покачал аппарат на руке, словно раздумывая, куда его девать, потом повесил на подлокотник кресла.

— Он не нужен уже никому,— повторил Эви и указал на желтую звезду.— У нас теперь только один командир, вон она. Скажи, Мат, не будет преждевременным, если мы назовем ее Солнцем?

— Она носила это имя и тогда, когда еще ничем не отличалась от мириадов других. Я имею в виду, для нас.

Эви кивнул.

— Ты прав. Жаль, что я не подумал об этом раньше. Но ты помнишь, Мат, та, другая, была точно такой же. Мы выросли под ее лучами. Которое же из двух солнц настоящее? Я тоже имею в виду — для нас.

Мат промолчал.

— Настоящее, ненастоящее,— продолжал бормотать себе под нос Эви.— Кажется, на этот вопрос нет ответа. И то, прежнее, от которого мы улетели, всегда было и будет настоящим. И это второе, новое, тоже! Ответь мне, Мат, лишь на один вопрос: стоило ли затевать все это?

У Мата дрогнули веки, но он продолжал молчать.

— Стоило ли? Отвечай же, Мат! Сначала умерли четыре человека; это были люди, пусть даже не столь развитые, как мы. Двоих убил ты, других двоих, еще раньше, их же соплеменник, который был пятым, а потом исчез. Как-то ты рассказывал нам об этом, помнишь? Нас было семеро. Теперь Арро мертв, а Нуа хоть и жива, но чего стоит ее жизнь? Мы остались

впятером, но и наши стоят не больше. Нашими именами назовут улицы и площади, зачем это нам? Нашу лагуну, наш берег, наше море никто не сможет вернуть нам обратно. Возможно, люди Земли будут нам благодарны, но что смысла в их благодарности?

— Тогда я не очень понимаю, что ты имеешь в виду, Эви.

— Ты знаешь все, только делаешь вид, что не понимаешь. Не хочешь понимать. Стóит ли ценой двенадцати жизней доставлять на Землю те данные, которые мы везем? Чтобы там узнали, что существует еще одна планета, где поверхность, климат, атмосфера и прочие условия пригодны для человеческой жизни? Мы, наследники разума Гилла, полагаем, что обо всем этом ученые Земли, по всей вероятности, догадывались еще задолго до посылки экспедиции. Да, именно поэтому «Галатея» и прилетела к нам. Пусть Гилла и его коллег постигла неудача, лет этак через сто прилетел бы другой корабль и доставил бы на Землю все эти данные.

— Но он не прилетел.

Эви замялся, размышляя.

— Правильно. Он должен был бы прилететь раньше, еще до нашего рождения. Но тогда мы узнали бы об этом! Ведь пришельцы непременно нашли бы «Галатею», и мы сейчас... Но почему они не прилетели? Ты мог бы это объяснить, Мат?

— Возможно, на Земле изменили программу исследований. Если какой-то звездолет не возвращается, это всегда веский аргумент для тех, кто хотел бы переправить исследования в другую часть Галактики. Но вместе с тем это аргумент и для меня. В том смысле, что нашу сверхзадачу необходимо решить, довести до конца!

— Мы решим ее, Мат, в этом ты можешь не сомневаться. Но не на этот вопрос я жду от тебя ответа. Гибель двенадцати людей соизмерима ли с результатом? Реальным, осязаемым результатом!

— Реальным? Здесь, на «Галатее», мы не можем о том судить.

— Извини, но это отговорка. Чепуха, Мат! Сопоставь цель и средства, жертвы, принесенные ради ее достижения, не добровольные, ты знаешь это, и результат. К сожалению, я опять применяю это слово, другого нет. Не думаешь ли ты, что именно здесь допущена ошибка, какое-то роковое несоответствие?.. Как мог Гилл взвалить на себя такую ответственность? Ты должен разбираться в этом лучше, чем я. Ты наш лидер, ты его наиболее совершенная копия! Отвечай же, Гилл!

Мат молча смотрел перед собой.

— Но скажи же хоть слово!

— Он не отвечает.

— Что такое? Кто он?

— Не отвечает Гилл. Ты, Эви, тоже ведь получил его репрограмму, только немного измененную. Если вся затея и стоила чего-нибудь, так это того, что я нашел правильный метод трансплантации личности, то есть пересадки репрограмм. Не скрою, это произошло почти случайно. Там, на Земле, мы многие годы напрасно бились над этой проблемой, и вот такой успех. Но

и он всего лишь, так сказать, побочный продукт. Метод родился от задачи, но отнюдь не ради достижения главной цели экспедиции. Он не имеет ни малейшего отношения к данным об образцах пород или биосфере новой планеты. Об этом, Эви, я должен сказать прямо и честно. Если бы не воля случая, я не имел бы и таких результатов. Ты сказал, Эви, что я наиболее совершенная модель Гилла. Это не так. В тебе Гилл способен сомневаться, терзаться угрызениями совести. Что это за качество, трудно определить, во всяком случае, мне оно не свойственно. Я во всем и всегда буду видеть только одно: сверхзадачу. Вот мое единственное преимущество, если можно его так назвать. Не знаю, может ли служить это достаточным основанием, чтобы избавить меня от ответственности? Мне кажется, нет. Но решать будут они, люди.

— Люди Земли?

— А кто же еще? Все, что я сделал, сделано только ради вас, ради науки, вот что я им скажу.

— И какого ответа ты ожидаешь?

— Не знаю. Ты ясно сказал: я убил двенадцать человек. Верно и то, что в каждом из них я, Гилл, воскресал и умирал либо еще умру. Поэтому, уничтожая друг друга, мы убиваем самих себя.

— Я давно знаю, что вовсе не ты убил Арро.

— Разумеется. Но речь не только о нем, а о всех нас. Например, твои сомнения... Весь ход твоих мыслей был мне известен заранее. Видно, поэтому мне так трудно отвечать. Окажись удар Опэ тогда немного потяжелее, было бы лучше, честное слово.

Эви решительно покачал головой.

— Лучше только для тебя. Нам пришлось бы размышлять в два раза больше, а пришли бы мы к тому же.

Мат поднялся с кресла, тяжело оперся руками о командирский пульт.

— Что-то я устал сегодня. Примешь смену?

— Конечно.

Эви занял его место, привычно оглядел показатели приборов, затем приступил к очередному контролю работающих систем. Пальцы, словно играя на клавиатуре кнопок, скользили по пульту легко и уверенно. Мат наблюдал за ним с грустной улыбкой.

— Из тебя получился бы превосходный штурман, Эви.

Молодой человек вскинул голову. В уголках глаз у него тоже мелькнула усмешка, и тоже с оттенком грусти.

— Почему ты так думаешь? Разве сейчас я уже не таков? Знаешь, Грон по-прежнему бубнит про свою лагуну. Только теперь не про прежнюю, а про ту, что ему отведут на Земле. Дескать, он начнет там все сначала. Я уже привык.— Он легонько погладил край пульта.— Скажи, может случиться так, что я действительно стану штурманом на другом корабле?

— Конечно, Эви! Я непременно замолвлю за тебя словечко, будь покоен. У меня есть там кое-какие знакомства среди начальства.

Оба рассмеялись.

— Приятных сновидений, Мат!

— Благодарю. Ну а ты гляди в оба.

— Как всегда.

— Если будет время, вместе с Опэ осмотрите лишний раз все системы, управляющие реакторами. Сигнализацию, подачу энергии, модераторы, всю кухню. И расставьте роботов по своим местам...

— Хорошо. Но это означает...

— Ты угадал. Посплю немного, потом устроим генеральную репетицию, а в следующую смену начнем торможение. Пора...

Торможение, состоявшее из нескольких циклов, внесло немало нового в жизнь «Галатеи». Пространство потеряло свой незыблемый и неизменный характер; бесконечность тоже потерпела поражение и отступила куда-то, не давила пудовой тяжестью на тревожный сон астронавтов. Причиной всех перемен было не мизерное увеличение гравитации, связанное с замедлением скорости корабля, а совсем другое: Солнце, которое уже нельзя было назвать звездой. Оно пламенело, сияло, искрилось, и в зияющей черноте вокруг него вспыхивали прочие звезды.

«Галатея» описывала угол около шестидесяти градусов и пересекла Солнечную систему не в радиусе орбит Земли и Марса, как это предусматривалось прежней лоцией, а где-то в поясе астероидов. Такой незначительностью ошибки Мат мог быть вполне доволен. Во время внесения коррекций Солнце неизменно танцевало на верхнем экране, а к вечеру послушно склонялось к боковому. Выводя «Галатею» на кругосолнечную орбиту, Мат отдавал себе отчет, что она будет отстоять от Солнца дальше, чем орбита Марса, но, порывшись в каталогах, установил, что и в этой зоне они встретят автоматические орбитальные станции, запущенные с Земли. Но которая из них откликнется на позывные «Галатеи»? Предугадать было невозможно, поэтому он решил включить сигнальную систему на общекосмических частотах, используемых землянами. Истекли первые три часа, но отзывов не было, и Мат отправился спать.

— За сто семьдесят лет мог измениться десятки раз не только код, но и длина волн. Помню, Сид последними словами ругал всевозможные комитеты, благодаря активной деятельности которых астронавты один раз в пять лет должны были заново переучивать таблицы позывных. Пройдись до конца вот по этому диапазону,— он указал Эви на шкалу радиопередатчика; тот сидел как на иголках.— Пусть автомат дает общий сигнал прибытия с шестиминутным интервалом. Незачем надрывать себе горло на голосовой связи. Если какая-то из станций отзовется, автомат зафиксирует волну, так что мы ее уже не потеряем.

...Опустив голову, он стоял перед столом комиссии. Защищаться было нечем. «Но ведь я выполнял задачу! Я выполнял сверхзадачу»,— твердил он в отчаянии, когда огласили приговор. Смертная казнь. Среди людей, сидевших за столом, был и Бенс, сумрачно разглядывавший потолок. Тезисы о поэтапной трансплантации психики он выслушал до конца, но с явным

нетерпением кивал головой. «Уважаемые члены комиссии,— сказал Бенс в своем заключении,— все, что изложил здесь Неизвестный оппонент, для нас давно пройденный этап. Эксперименты не дали результата. В результате трансплантации мы получали тех же обезьян, только с человеческой совестью».— «Как ты смеешь произносить слово «обезьяна»!— вскричал Мат.— Всю жизнь ты называл их: человекообразные млекопитающие! Или, думаешь, если ты мертв, тебе все дозволено?!» — «Вы не требуете психиатрической экспертизы для обвиняемого?» — вежливо осведомился у Бенса председатель комиссии. «Нет,я давно его знаю, он был когда-то моим сотрудником. Талантлив, но ненадежен, а главное, гм... великий путаник».— «Я настаиваю на своем праве,— сказал обвиняемый, твердо глядя в глаза председателю.— Покойник пристрастен. Каждый мертвец таков, но Бенс стал покойником еще при жизни».— «Вы имеете, то есть имели только одно право,— с улыбкой поправился председатель.— Право выполнять свою задачу». Председатель сделал знак роботам: «Увести». Когда ближайший из них прикоснулся к нему своей стальной клешней, обвиняемый закричал и бросился на конвоира...

— Мат, очнись! Мат, что с тобой?— Эви в отчаянии тряс спящего за плечо.— Я уже три раза будил тебя по громкоговорящей, но ты не просыпаешься. Пришлось спуститься, а ты мечешься на кровати и орешь что-то непонятное.

Мат остановившимся, еще мутным от сна взором смотрел в потолок.

— Приговор вынесен...

— Что ты мелешь? Проснись же, Мат, пора!

Мат провел рукой по лицу.

— Ты прав, до этого мы еще не дожили.— Он рывком сел на кровати.— Что, отозвались? Впрочем, это ясно, потому ты и здесь.

— Отозвались, но я ничего не понял. Твердят одно и то же, а что, не пойму.

Мат рассмеялся.

— Так ведь это автомат! Чудак ты, Эви, право.

— Допустим. Но почему он все время повторяет: «На Деймосе и Фобосе посадка запрещена». И дальше: «Принимает только Луна, центр, южная сторона, Клавиус». Чушь какая-то.

— Что же здесь непонятного? Оба спутника Марса нам не нужны, эта планета сейчас на четверть орбиты опережает Землю. Слишком далеко. А вот Клавиус, это важно. Ты говоришь, Клавиус принимает?

— «Принимает только Клавиус». Так я записал.

— Очень хорошо. Надеюсь, нас занесли в реестр?

Эви старался не отстать от Мата, со всех ног бросившегося к лифту.

— Куда нас занесли, ты сказал?

— Как, и этого ты не знаешь? Межпланетная бюрократия. Будущему штурману-астронавту ее нужно знать, это крайне необходимо. Ты прибыл из бездн вселенной — изволь доложить свои данные. Тогда соответствующий чиновник направит запрос в память Главного Компьютера: существовал ли твой корабль на

самом деле? Пока не придет подтверждения, мы не существуем, ясно? Ты передал данные?

— Я не успел, Мат. Как только услышал отзыв на наш сигнал, я начал будить тебя.

— Ну, невелика беда. Сейчас мы поправим дело.— Он бросился в кресло напротив радиопередатчика.— Хорошо еще, что не отменили вербальную связь. Отстукивать сигналы я толком так и не научился.

Зазвучал мягкий женский голос, чуть-чуть торжественный. «И слишком медленный. Спят они там, что ли?» — с досадой подумал Мат.

— На Фобосе и Деймосе посадка запрещена. Все объекты, прибывающие из космоса, принимает только южная сторона Луны, порт Клавиус.— Высокий, прерывистый свист прервал голос диктора.— «Ага, это уже для Большого Мозга передают координаты Клавиуса», — сообразил Мат. Снова зазвучал женский голос.— Повторяю: принимает южная сторона Луны, порт Клавиус — Далее последовал тот же свист и слова:— До свидания. Конец.

— Рано свистишь, голубка!— проворчал Мат.— Откуда тебе известно, где я нахожусь, и вообще удобен ли порт Клавиус мне для посадки?— Он едва успел сделать вдох для следующего вопроса, как динамик неожиданно ожил. Тот же голос автомата продолжал:

— Передаем координаты порта Клавиус,— короткий свист,— по отношению к траектории космического объекта. Повторяю: координаты порта Клавиус...

Далее последовало несколько свистков с разными интервалами. Мат, потрясенный, благоговейно шепнул:

— Ну и ну! Кое-что они сделали за полтора столетия! Какой комфорт! Бедный Сид, если бы он дожил до сегодняшнего дня. Этак, пожалуй, и я пошел бы в навигаторы. Во всяком случае, на межпланетных рейсах.

— Центр межпланетных рейсов на связи!— прозвучал голос из динамика.

Мат в изумлении от чувствительности автомата приема-наведения осекся и замолчал.

— Центр межпланетных рейсов. Посадка только на южной стороне Луны. Говорит порт Клавиус.— Последовал характерный свист.— Прошу код вашего разрешения на посадку. Повторяю...

Мат дослушал до конца, потом, нагнувшись к микрофону, извиняющимся тоном произнес:

— У нас нет формального разрешения. Кода тоже нет. Берем курс на порт Клавиус. Поворачиваем на Клавиус. Прошу согласия.

— Понял. Согласие дано. Порт Клавиус принимает все управляемые космические объекты. Повторяю: все управляемые космические объекты...

Мат сделал небольшую паузу, затем сказал:

— Хочу доложить о прибытии.

Автомат молчал.

— Повторяю: я хочу доложить о прибытии.

— Вас не понял. Прошу повторить.

— Доложить о прибытии!— повторил Мат еще раз.

Затем вдруг выключил микрофон и обернулся.

— Очевидно, существует какая-то особая формула для доклада о прибытии. Но я ее не помню,— с огорчением сказал он, обращаясь к Эви.— Спустись в библиотеку, поищи там. Знаешь, где искать?

Эви кивнул головой.

Не дожидаясь возвращения Эви, Мат решил все же попробовать объясниться:

— Докладываю о прибытии. Повторяю! Докладываю о прибытии. Прошу занести в реестр. В список. В ведомость о прибытии... О прибытии.

На связи возник тот же приятный женский голос.

— Ваше прибытие отмечено в момент установления с вами связи. Ваши координаты держатся на контроле,— короткий свисток передал Мозгу измененные координаты.— Ваши координаты приняты портом Клавиус.— Свисток, еще что-то для компьютера управления «Галатеей».

Удивительно! Значит, процедура приема кораблей из космоса тоже изменилась? Мат догадывался, что второй свисток, в самом начале, значил подтверждение регистрации «Галатеи» в пределах солнечной системы. Но Эви не успел передать даже название корабля! Получается, что для землян важны только физические параметры и координаты объекта, а не его начинка? Странное безразличие.

Мат хотел быть узнанным и продолжал упорствовать.

— Сообщаю дополнительно наименование корабля: «Галатея». Прошу передать Луне для порта Клавиус.

После небольшой паузы Мат еще раз повторил название. Кажется, и тут новые правила. Пришельца просто замеряют со всех сторон и тут же регистрируют. В этом что-то есть. Каждый капитан в первой же фразе в адрес начальника порта сообщает наименование своего судна. Других таких идиотов, как Эви, на свете не бывает. Правда, для него это впервые; кроме того, он побежал за командиром. Но почему тогда космическая дама не поинтересовалась этим сама? Странное противоречие. Впрочем, это все мелочи. Важно другое — то, что ему привиделось во сне. Подумав об этом, Мат невольно вздрогнул.

Вскоре появился Эви; он застал Мата сидящим перед рацией с опущенной головой.

— Я нашел. Вот формула вербального доклада о прибытии корабля...

— Спасибо, не требуется. Нас уже взяли на учет. Скажи, ты не назвал даме-автомату имя «Галатеи»?

— Конечно, нет. Это было ошибкой?

— Нет. Только я не все здесь понимаю. Ну да ладно, пустяки. Не имеет значения.

— Чего ты хочешь, Гилл? Чтобы весь межпланетарный аппарат в полном составе, во главе с Клавиусом бросился тебе на шею? Не скромничай, именно этого ты ожидал.

Итак, на Клавиусе сейчас идет поиск. Если «Галатею» не обнаружат в числе звездолетов, отправившихся в космос за последние пятьдесят лет, последует запрос в архив. Но может случиться, не найдут и там. Ведь за полтора с лишним десятка лет имя «Галатея» могли присвоить и другому кораблю. Хотя это маловероятно. В его время обычно избегали давать новым кораблям наименования погибших или пропавших без вести, это считалось дурной приметой. А мифология достаточно богата именами богов и героев. Мат понимал, что бессмысленно донимать даму-автомат вопросами о том, через сколько времени можно ожидать ответа из лунного центра Клавиус. Но до тех пор пусть эта почтенная матрона соединит его с какой-нибудь другой базой, просто поговорить. Тем более, это не запрещено,ведь если включится Клавиус, космическая телефонистка немедленно отключит прочих абонентов.

— Прошу соединить с центром на Фобосе.— Он не знал точного названия абонента, но надеялся, что автомат поймет запрос по ключевым словам.

— На Фобос и Деймос посадка запрещена. Все межпланетные объекты...

Мат уже знал эту формулу и прервал диктора, не дослушав.

— Я хочу говорить с центром Фобоса. Понимаете? Говорить, а не совершать посадку. Повторяю: говорить!

— На Фобос и Деймос посадка запрещена...

Мат едва не заорал.

Спокойствие, старина! Ты был невежлив, перебил даму. Пусть доскажет свою сказочку до конца, бедняжка. Подождем.

Терпеливость всегда приносит плоды.

— Все контакты только через Клавиус, центр на южной стороне Луны...— Свист Мата уже не интересовал.

— Благодарю. Значит, вербальная связь тоже?— Гм... Не так уж глупа дама-автомат, но все-таки надо пробиться сквозь этот секретарский заслон в космосе. Мат лихорадочно соображал.

— Срочно, внеочередное сообщение! Имею срочное сообщение!— На мгновение он замешкался. Нет, все правильно, какое ему дело до Фобоса? Важно лишь услышать голос живого человека.— Повторяю: имею срочное сообщение! Прошу вне очереди! Сообщение для центра Клавиус.

— Опасность для жизни?— поинтересовалась дама.

На Мата словно вылили ушат холодной воды. Он мог предугадать этот вопрос. Не начинать же со лжи!

— Нет, опасности нет. Повторяю: имею внеочередное сообщение. Прошу срочный разговор с лунным центром Клавиус.— Это против всяких правил, но черт с ним.— Вы передали?

— Передала.— Раздался свист, потом наступила пауза.— Я имею с лунным центром Клавиус только одностороннюю связь.

— Идиотка!— Мат не смог сдержать расходившиеся нервы.— Могла бы сказать об этом раньше!

— Не понимаю. Прошу повторить!

Он выключил микрофон. Эви с тревогой смотрел на Мата.

— Однако я понял не слишком много,— признался он.

— Я тоже. Но попробуем разобраться. Когда сталкиваешься

только с одним пунктом незнакомой системы, всегда непонятно. Попытаемся применить логику.

Мат снова включил микрофон.

— Прошу сообщить, когда и на какой волне я должен ждать приема управления кораблем на посадку?

— Управление вашим космическим объектом с момента установления места его нахождения в пространстве принял на себя центр Клавиус!

Мат мгновенно развернулся на шарнирном кресле и уставился на приборную доску навигаторов. На главном осциллоскопе зеленым светом мерцали позывные межпланетного центра Клавиус. Мат повернулся на кресле к микрофону.

— Благодарю вас, сударыня. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи!— Голос звучал все так же приятно и немного нараспев.

Мат выключил радиопередатчик и потянулся.

— Что ты делаешь? А если Клавиус нас вызовет? Ты же заказал срочный разговор!— В глазах Эви светилось неподдельное беспокойство.

— Не волнуйся, старина. Мы теперь как у Христа за пазухой. Уж если они сумели без нашего ведома взять на себя управление «Галатеей», то, поверь мне, найдут способ нас разбудить. В любое время, когда им будет угодно!

Мат был упрям; в течение четырех дней напролет он пытался самостоятельно выйти на связь с Клавиусом, но потом сдался. Кроме первой космической дамы-автомата с приятным певучим голосом, появилось еще несколько, но они не дали никакой дополнительной информации, скорее, наоборот, знали меньше первой. Запрещение посадки на спутники Марса не упоминалось, видимо, по той простой причине, что забираться в такую даль для «Галатеи» уже не имело смысла. «Абсолютно автоматизированная, великолепно организованная система движения,— думал про себя Мат.— Исключает возможность каких-либо ошибок». Передатчик Клавиуса вел «Галатею» гораздо быстрее, чем сам Мат, даже если бы он вызубрил наизусть все тонкости космической навигации, хранящиеся в памяти компьютеров в библиотеке. Впрочем, ему и в голову бы не пришло отделаться от опеки Клавиуса и самому вести «Галатею» к Луне. Даже искусник Сид не сделал бы этого на его месте. Кто знает, сколько звездных кораблей бороздят сейчас окололунное пространство, какие коммуникации ты пересекаешь? А Клавиус, разумеется, это знал. Траектория получалась почти прямой, коррекции крайне незначительные.

Экраны внешнего наблюдения с левого борта включить было уже невозможно, солнце сияло ослепительно. На верхнем экране, прямо над головой командира корабля, блестела теперь большая голубоватая звезда, а рядом с ней другая, золотистая, совсем крошечная. Шло время, и голубая звезда постепенно превратилась в правильный полушар, а звездочка рядом — в тоненький серп с острыми концами. Потом на голубоватой

поверхности половинки шара проступили какие-то полосы, а желтый серп начал быстро расти. Сначала он перерос голубой полушар, а потом начал жадно захватывать пространство, словно стремясь поглотить весь горизонт. Когда концы желтого полумесяца уже не вмещались на крайних экранах, выходя из поля зрения лобовой камеры «Галатеи», заговорил Клавиус, южный центр Луны. Как Мат и предполагал, самому включать динамики не потребовалось. Когда в командном салоне вдруг зазвучал уверенный, низкий баритон, у Мата мелькнула надежда, что это живой человеческий голос.

— Говорит Клавиус, южный центр Луны. Просим приготовиться к посадке. Ожидаемая перегрузка при последнем торможении составит два и двадцать пять сотых земной гравитации. Продолжительность торможения — шестьдесят секунд.— Наступила пауза. Мат посчитал эту информацию слишком краткой, а данные недостаточными, но спорить с автоматом не стал. Он хотел слышать живого человека. Говорить только с живым! Попытки убедить в этом автомат к успеху не привели. Клавиус не обращал на него внимания.— За тридцать шесть минут до прилунения вы услышите меня снова. Будет включен обратный отсчет. Спасибо. Конец.

Мат созвал всех в командный салон. На экранах внешнего наблюдения видна была уже только поверхность Луны; глаза путешественников решительно протестовали против ослепительно яркого света, отраженного ее поверхностью. Она приближалась с головокружительной скоростью, уже различимы стали глубокие темные впадины кратеров, остроузубые скалы, нагромождения каменных глыб вокруг воронок; все они надвигались, ближе и ближе. Зрелище было устрашающее, но притягивало, как волшебный магнит, оторваться от мониторов не было сил.

— Занять места! Застегнуть пристяжные ремни!— повелительно прозвучал другой голос.

Команда повторилась еще два раза, с интервалом ровно в две минуты.

«Опять чертов автомат!— с горечью подумал Мат.— Никто нас и в грош не ставит, даже сейчас. А ведь перед тем, как начать обратный отсчет, астронавтов прежде обязательно приветствовал дежурный по межпланетной станции лично. Так бывало прежде, а теперь? Мы для них всего лишь космический объект, совершающий посадку. Об этом сказал еще первый баритон-автомат, можно было сразу сделать вывод!»

После третьего предупреждения погасли сигнальные лампочки искусственных гравитаторов, тела сразу стали невесомыми. По корпусу корабля поползла легкая дрожь; скорее по догадке, чем слухом, они ощутили вой включенных тормозных ракет.

Гигантская рука обхватила «Галатею» и медленно, без толчков, со спокойствием исполина стала ее поворачивать. Щербатая поверхность Луны чуть покачнулась и поплыла куда-то назад, за спину; на экраны надвинулась бездонная чернота лунного неба с ослепительными точками звезд. Справа все выше и выше поднималось огненное Солнце. Потом экраны вдруг погасли, в слабом свете внутреннего освещения сомкнулись над головами сводчатые стены салона. Баритон начал обратный счет.

Мат минуты две молча слушал, затем, не стерпев, выключил динамик. Он знал, что позже сделать это будет труднее. Зеленые цифирки продолжали танцевать перед глазами. Голова была пуста, он лежал в кресле без единой мысли и слушал дыхание соседей. Пока все переносят хорошо. Будем надеяться, так пойдет и дальше. Если перегрузка действительно только два и две десятых и длится всего минуту... Он повернул голову и оглядел своих спутников по очереди, одного за другим.

Нуа лежала, закрыв глаза, с тем странно ожесточенным выражением лица, которое не покидало ее со времени смерти Арро. Кто и когда размягчит эти черты, словно окаменевшие в судороге ненависти? Только она сама. Мат тяжело вздохнул. Может быть, уже перегрузка? Нет, пока не ощущается. Дие дрожала от страха, прилипнув взглядом к бледной полоске света на одном из потухших экранов. И все-таки именно она первая из всех придет в себя и найдет удобную для себя позицию! Оглядится наивными круглыми глазами и заставит своими очаровательно глупыми вопросами танцевать вокруг себя всех мужчин на Клавиусе. Обе эти женщины красивы, это бесспорно, даже с земной точки зрения. А Грон в нарушение всех правил вытянул свою ручищу и поглаживает впившиеся в подлокотник пальчики Дие. Будет тебе лагуна, старина Грон! Только смотри, чтоб и Дие отправилась туда с тобой вместе, не проворонь. Оба брата лежали рядом; по положению тел и напряжению мышц можно было догадаться об их предельном внимании к происходящему. Эви станет неплохим навигатором, и не только сам, а увлечет за собой и Опэ. Невидимая сила вдавила Мата в сиденье. Надо их предупредить.

— Эви, Опэ! Расслабьте мыщцы! После посадки вы не вылезете из «Галатеи» Даже на четвереньках.

— Сколько еще осталось? — с трудом выдавила из себя Дие.

— Половина, около тридцати секунд. Но предупреждаю — будет тяжелее.— Он бросил взгляд на гравитометр. Стрелка переползла за цифру «два» и двигалась к третьему делению.— Ничего, выдержим. Только расслабить тело, полностью, до конца. И дышите, слышите? Дышите поглубже.

Наступило головокружение, легкое, даже приятное, убаюкивающее. Поток зеленых цифр на табло замелькал быстрее. Вместо десятки вдруг выскочил нуль, девятка почти мгновенно сменилась восьмеркой. При цифре «семь» навалившаяся на тело тяжесть стала невыносимой, вдавливала ребра в захлебывающиеся легкие.

— Дышать!— хрипел Мат.— Дышать глубже...

Стрелка достигла уже 2,7, а давление продолжает повышаться. Что они все, посходили с ума? Так сажать корабль!..

И вдруг все кончилось, Мат почувствовал, словно его подкинули в кресле, стрелка гравитометра упала до единицы и поползла дальше, на десятые. Да, да, это ведь Луна.

«Галатея» чуть-чуть покачивалась из стороны в сторону. Неизвестно откуда, из какой глубины, зазвучал вдруг голос Сида. Это он, штурман Сид, доводил «Галатею» до мертвой точки, как

выражались астронавты-навигаторы. За Сидом, один за другим воскресая в памяти, появились и другие члены экипажа. Норман с его окаменевшими, твердыми, как алмаз, чертами лица; добрая улыбка Максима, голубые глаза Эдди; благодушное, по-мальчишески узкое лицо Ярви. Почему именно сейчас они явились из прошлого? Как свидетели обвинения? Но ведь он, Гилл, не виновен в аварии нейтронных реакторов.

Тяжкая усталость свинцом налила тело. Вот и конец. За это мгновение он и боролся. Две минуты спустя оно наступит, промчится тенью и уступит место следующему.

Килевая качка прекратилась; дрогнув еще раз или два, корабль застыл в неподвижности. Последние десять секунд пролетели, как одна, словно боясь отстать друг от друга. «Окончание посадки. Ноль часов, ноль минут, ноль секунд». Точность абсолютная, иначе весь персонал порта получает штрафное очко. Мат вновь почувствовал тяжесть своего тела, хотя лампочки гравитаторов «Галатеи» не вспыхнули. Тяжесть была почти нормальной, земной. Позвольте, но мы же на Луне. Это означает, что весь Клавиус?.. Он отер со лба выступивший пот. Если мои потомки оказались не слишком вежливы, то в области техники они превзошли все ожидания... Мои потомки? Гм. Что касается генеалогии, пожалуй, не стоит обольщаться, дело не из простых.

— Мат, ты здесь? Скажи, мы уже?..— Эви закашлялся, прочищая горло.

— Да, Эви. Уже.

Сказать больше он был не в силах. Теперь надо уснуть, нет, исчезнуть. Исчезнуть физически. Что может произойти дальше? Он выполнил сверхзадачу. Все, что произойдет дальше, будет происходить уже не с ним.

— Что же теперь?— Эви моргал глазами.

На вопрос Эви ответил бархатный баритон из порта Клавиус.

— Выход через коридор, подведенный к нижнему выходному люку. Перепад — две десятых атмосферы.

Мат отстегнул и откинул ремни.

— Вставайте все! Нас зовут, идемте.

— Как? Вот так просто, встали и пошли?— поинтересовался Грон.

— Да, просто!— Сам не зная почему, Мат обозлился.— Или ты хочешь подготовить приветственную речь? Нас ждут. Поторопитесь!

— Но как же так? — опять прогудел Грон.— А вещи...

— Закрой рот и поспеши! Все, кроме той одежды, что сейчас на тебе, теперь собственность приемочной комиссии. Забыл порядок?

— Забыл,— подтвердил Грон.

Мату захотелось добавить еще кое-что, но он сдержался. В лифт он вошел последним...

В нижнем круговом коридоре уже чувствовался другой, не корабельный воздух, струившийся через открытый люк. Он был теплее, чем воздух «Галатеи», в нем носился чуть слышный аромат дезинфекционного препарата. Гилл был горд, что узнал

его. На пороге раздвинутых до отказа дверей стояли два робота. Они были ниже ростом и стройнее Шарика, но, к немалому удовольствию Гилла, инженеры нового поколения тоже не слишком увлекались созданием роботов по человеческому подобию. Их большие выпуклые глаза внимательно ощупали пришельцев с ног до головы. Он не мог избавиться от ощущения, что их осматривают не только эти электронные искусственные глаза, но через них и еще чьи-то живые, человеческие. Так прошло две-три минуты, затем роботы вежливо отодвинулись, освобождая проход, а когда все шестеро пришельцев прошли мимо, то спокойно и неторопливо пристроились сзади, замыкая шествие. Пол соединительного коридора почти не имел наклона, и Гилл заключил, что приемная станция Луна-юг встроена намного глубже в недра горы Клавиус, чем любой из подобных же центров, созданных в его время в других местах спутника Земли. Стенки коридора были слишком тонки и упруги для того, чтобы непосредственно соприкасаться с безвоздушным пространством. Это означало, что «Галатея» находилась под каким-то огромным куполом, в котором поддерживалось необходимое атмосферное давление. Полтораста лет назад подобные сооружения только еще проектировались. «Стоп, довольно сравнений!»— решил Гилл. Это мешало думать.

Они вошли в небольшой квадратный зал. Один из роботов, двигавшихся за их спиной, проговорил:

— Направо!— Во избежание недоразумений тотчас раздвинулась невысокая дверь.

Снова коридор, потом еще и еще. Перед каждым поворотом робот заблаговременно сообщал направление... Мат покусывал губы. Весьма вероятно, что роботы установлены на двустороннюю вербальную связь. Но после стольких безуспешных попыток он твердо решил, что раскроет рот только в том случае, если увидит живого человека.

Вошли в более просторный зал, вдоль боковых стен которого тянулись красиво сервированные длинные столы, приятно подсвеченные разноцветными огоньками.

— Вы, наверное, проголодались,— прозвучал приветливый женский голос откуда-то сверху, из-за барьера для ламп скрытого освещения под потолком.— Слева вы найдете холодные закуски. Фирменные блюда кухни порта Клавиус. Напитки на столе справа. Приятного аппетита.

У Гилла возникло неодолимое желание выпить сразу целую бутылку водки или виски. Даже если Мату это придется не по нутру! Каждый астронавт, вернувшийся из космоса, имеет на это право, черт возьми, но нет, от роботов он ничего не возьмет. Остальные нерешительно смотрели на командира. Мат упрямо тряхнул головой.

— Идем дальше.

Сопровождающий их робот подождал с минуту, потом сказал:

— Направо.

Неслышно раздвинулась еще одна дверь. Первое, что им бросилось в глаза в просторном зале,— удобные мягкие кресла, поставленные полукругом. Затем они увидели группу роботов, выстроившихся в ряд вдоль боковой стены и обращенных в ту же

сторону, что и кресла. Туда, где, отделенный от остальной части зала стеклянной стеной, за большим письменным столом сидел человек. Он был невысок, с опущенными плечами, худощавым лицом; чуть наклонившись вперед, он рассматривал перфокарту, лежавшую перед ним на пустом столе. Коротко остриженные седые волосы покрывали круглый череп словно мягким серым ковриком. Черты лица трудно было рассмотреть сквозь отсвечивающее стекло, голос, искаженный динамиком, звучал хрипловато.

— Садитесь!

Говорил он медленно, без выражения, словно мудрость многих сотен лет стерла острые углы эмоций. Так говорят люди, очень многое знающие и смертельно усталые. По интонации голос почти не отличался от уже слышанных ими автоматов. Но это был человек, живой человек с острым взглядом, уколовшим даже сквозь стеклянную стенку, когда он наконец поднял голову.

— Мы затратили много труда, чтобы установить, кто вы такие. Но множество вопросов осталось невыясненными.

— Ну что же...— начал было Мат. Старик знаком поднятой руки остановил его.

— Спрашиваю я, отвечаете вы. Слишком многое предстоит...

Он умолк, словно опасаясь, что невольно поддался чувствам, и это отразилось в голосе.

— Значит, спрашиваю я,— повторил старик. Он опять перевел взгляд на перфокарту.— Вот последние достоверные данные: звездолет первого класса наименованием «Галатея» под командованием Ребранда Нормана стартовал отсюда сто восемьдесят три года назад. Точнее, не отсюда, а из восточного лунного порта Гримальди. Теперь говорите вы, молодой человек. Но только о своем пути, о себе и о ваших спутниках. Прежде всего: кто вы такой?

Мат начал рассказывать, поначалу с трудом. Потом дело пошло легче. О Бенсе и об опытах в области трансплантации личности старик ничего не слышал. Мат, воодушевившись, начал было объяснять подробности, но старик опять прервал его.

— Таким образом, получается, что ни вы, ни ваши спутники не являетесь кровными родственниками членов экипажа «Галатеи»?

— Да, не являемся... Но здесь, пожалуй, более важно то, что при помощи данного метода... Что созданный с помощью репрограммы наиболее совершенный образец сейчас перед вами...

— Что важно и что не важно, решаю я. Сколько вам лет?

— На этот вопрос ответить не так легко, поскольку весь путь...

— Меня интересует, сколько вам лет было в момент старта «Галатеи»?

— Двадцать два года.

— А остальным?

— Грону — двадцать три, Эви — девятнадцать...

— Указывайте, пожалуйста, на тех, кого называете. Я не могу знать вас в лицо.

Мат повиновался, затем продолжал.

— Опэ — восемнадцать лет, Нуа — двадцать один год, Дие — двадцать.

— Могли бы вы сказать, какова была средняя продолжительность жизни людей вашего племени?

— Примерно сорок пять — пятьдесят лет.

— Каково различие в периоде обращения вашей планеты и планеты Земля? Если не знаете, не беда, этими данными наверняка располагает Большой Мозг.

— Мне это известно. Наша... то есть, та, вторая, планета совершает полный оборот за тринадцать земных месяцев и четыре дня.

— Хорошо.

Старик помолчал.

— Ваши женщины уже имели детей?

— Простите?

— Я спрашиваю достаточно ясно. Имели ли детей прилетевшие с вами женщины? Или они еще не были замужем?

— Нет, они замужние женщины. Вернее, Нуа...— он замялся, подыскивая слово.— Нуа вдова. Ее муж Арро скончался во время путешествия.

Нуа глотнула воздух, собираясь что-то сказать.

— Дие — супруга Грона,— поторопился продолжить Мат.

— Почему они не имели детей?

— На «Галатее» оборудована станция для выращивания биоорганизмов... Противозачаточные средства..

— Значит, вы еще и биолог?

— Да. Отчасти.

— Хорошо. Значит, вы способны ответить на вопрос, могут ли они иметь детей?

— Так, сразу, едва ли. Но после необходимых анализов и обследования...

— Вы могли бы их осуществить?

— Надеюсь.

Старик опять помолчал.

— Разумеется, здесь играет роль не только обследование,— пробормотал он, на этот раз не обращаясь к собеседнику. Поднял перфокарту, подержал ее в воздухе, затем отложил на край стола.

— Как вы летели?

— Не понимаю вопроса.

— Я спрашиваю о способе усыпления. Гипнотическая летаргия или электричество?

Мат дал подробное объяснение.

— Значит, вы сами не пользовались длительным сном?

— Нет.

— Это было неразумно.

— Я не мог поступить иначе.

— Возможно. Теперь это уже не имеет значения. Но все равно неразумно.

Под ногами у Мата едва заметно дрогнул пол. Он вспомнил, что это означает. Испытавший однажды, не забывает этого дрожания до конца своих дней: стартует либо приземляется межзвездный корабль. Старик за стеклом тоже весь обратился во

внимание, затем быстро взглянул на боковую стену, где заплясали какие-то световые сигналы. Потом он нагнулся вперед, нажал какую-то кнопку и начал говорить. Голоса его не было слышно из-за стеклянной перегородки, Мат постарался уловить смысл слов по движению губ, но напрасно. Но вот старик откинулся в кресле и, опять щелкнув переключателем, глубоко вздохнул. Это они уже слышали.

Старик сидел неподвижно, прикрыв глаза. Так продолжалось довольно долго. Казалось, он забыл о своих посетителях. Молчание тянулось бесконечно.

— Значит, так,— произнес он наконец, но глаза его остались закрытыми.— Хорошо.

На стене слева опять появились быстро меняющиеся знаки, до слуха Мата донеслась скороговорка человеческой речи. Старик сказал в ответ всего два слова, подтвердив их кивком головы; затем наконец опять устремил взгляд на Мата и остальных.

С минуту он разглядывал их, словно в раздумье. Если бы не обманчивое стекло, Мат готов был биться об заклад, что в глазах его промелькнуло участливое выражение.

— Увы, я могу уделить вам меньше времени, чем предполагал. Сейчас я должен уйти, но скоро вернусь. До тех пор вы обдумаете все то, что я вам сейчас скажу. Постараюсь говорить просто и понятно. Мне нужно спешить, времени мало.

Несмотря на такое предисловие, старик опять сделал продолжительную паузу, разглядывая свои руки на столе.

— Пятьдесят два года назад некие очень умные люди там, на Земле,— он махнул рукой куда-то за спину,— в споре между собой искали аргументы. Один из них решил, что несколько водородных бомб повысят убедительность его аргументации. Результат подтвердил правильность решения. То, что осталось после взрывов бомб, доконала радиация. Затем настал период мутации, появился отличный нейротропный вирус. Оставшихся в живых беглецов с Земли оказалось достаточно, чтобы разнести этот вирус во все уголки Солнечной системы, где еще сохранились и жили люди. Двадцать лет тому назад, когда для этого появилось время, мне выпала высокая миссия проанализировать информацию в памяти компьютеров на лунных межпланетных станциях. Проделав это, я пришел к выводу, что упомянутый вирус оказался злее, чем бомбы. Но это сейчас не имеет значения. Моя экспедиция вернулась на Луну последней. Те, что летали в системы Проксима, Альфа-Центавра и Эридан, возвратились раньше нас и к тому времени уже умерли. Нет, не от вируса. Вирус исчез еще раньше, вместе со смертью последнего человека в зоне Солнца. Они умерли от старости. Жили они, как и мы, здесь, на Клавиусе. Эта база самая совершенная, оборудована лучше других. Пока позволяли силы, они почти ежегодно летали на Землю, чтобы замерять уровень радиации. Она убывала медленнее, чем их жизнь. Но об этом они знали с самого начала. Последней перед нами возвратилась экспедиция из системы Эридана; прежде чем умереть, они оставили нам свои соображения. Предполагали, что не успеем и мы... Они ошиблись, но и это мало что изменило по существу...

Старик замолчал, отдохнул немного.

— Но наши предшественники уже знали, им удалось выудить это из массы информации, скопившейся на четырех лунных базах, что мы со своим кораблем находимся на пути к Земле. И что еще более важно — за два года до катастрофы отбыли еще две экспедиции. Первая — к системе Фомалхаут, вторая — в созвездие Муфрид. Они улетели на огромных кораблях, именно для них и были построены эти куполы-ангары.

Мат непроизвольно кивнул с одобрением, но старик этого не заметил.

— В составе тех двух экспедиций находились и женщины, чтобы их дети или внуки привели корабли домой. В этом главный смысл. Разумеется, их возвращения придется ждать еще долго. Наша экспедиция вернулась тридцать лет назад, но это меньшая половина. Нас осталось четверо.

Старик опять стал рассматривать свою ладонь.

— Теперь я уже не выдерживаю перегрузок ускорения; пять лет, как я не был на Земле. Но трое моих товарищей и сейчас находятся там. То есть находились. Сейчас они возвратились, и поэтому я должен спешить. Они меня ждут. На «Галатею» мы не рассчитывали. Думаю, вам ясно почему. Когда система оповещения передала сигнал о вашем появлении, я был здесь один. Я не мог принять решения в одиночку, поэтому и не вступал с вами в разговор. Но, пожалуй, оно и лучше, чтобы вы узнали обо всем только теперь.

Из доброго десятка вопросов, вертевшихся у него в голове, Мат смог выбрать только один.

— А что сейчас там... на Земле?

— На месте городов — крысы и тараканы. Попадаются великолепные экземпляры!— Складки вокруг губ старика на миг разгладились.— Пока мне не пришлось заняться другими делами, я был зоологом и ботаником, разбираюсь в этом. Что касается растительности, то изменившиеся условия благоприятствовали распространению боярышника, во всяком случае, в средней полосе. Почему именно, не знаю. Весной, в период цветения, вся Европа становится бледно-розовой, можно заметить даже без телескопа.

В комнате за стеклянной стеной вновь зазвучал нетерпеливый голос, с пулеметной скоростью тараторя что-то непонятное. Старик не стал выключать свой микрофон.

— Да, Герард, я уже заканчиваю. Хотя я обещал, что приду сразу, но не могу же я оборвать беседу на полуслове! Подождите еще немного, сейчас иду.

Он поднялся, но остался стоять возле стола.

— Радиация на Земле вот уже семь лет, как упала ниже опасного уровня. Но мы не перебрались на Землю. Четверо — это слишком мало для истребления крыс и боярышника. Кроме того, оставаясь здесь, мы поможем возвращающимся экспедициям. Клавиус и три других лунных центра находятся в режиме полного самообеспечения. Здесь может жить много людей в течение нескольких столетий. До тех пор, пока...

Не закончив фразы, он не спеша направился к двери, видневшейся в глубине комнаты, но на пороге обернулся.

— Я скоро вернусь. Но мне хотелось бы знать, уяснили ли вы себе суть того, что я вам рассказал? Достаточно, чтобы поразмыслить. Прошу вместо ответа наклонять голову.

Он начал называть их по именам. Мат смотрел на старика с изумлением.

— Не удивляйтесь, Мат!— Горло старика издало нечто, отдаленно напоминающее звуки смеха, короткого и искреннего.— Имена и слова легко удержать в памяти. Гораздо труднее понять их смысл. Я спешу. Вернусь, тогда продолжим.

За его сгорбленной спиной беззвучно закрылась дверь.

— Это означает, что здесь остаемся и мы?— Грон впервые обрел дар речи, и голос его звучал твердо.

«Да, но где же лагуна?»— подумалось Мату. Он был благодарен Грону, что тот не сказал это вслух.

— Не знаю, Грон. Спросим, когда вернется.

— Но он пожелал, чтобы мы поразмыслили над тем, что он рассказал. Я попробовал... Поразмыслить и представить...

Мат смотрел на Грона с возрастающим уважением. Подобных слов он не слышал от него еще никогда.

— Мат!

Это прозвучал уже голос Дие.

— Пожалуйста?

— Не правда ли, он спросил, могут ли у нас быть дети, потому, что хочет, чтобы мы, то есть они, дождались возвращения других людей?

— Да.

— И у нас могут быть дети?

— Я надеюсь, Дие.

— Добрый старик. Он мне понравился.

— Так и должно быть, Дие. Но почему это пришло тебе в голову именно сейчас?

— Потому что он хочет того же, что и я. Чтобы у нас были дети.

Нуа пристально рассматривала голубой ковер на полу. Носком ботинка она чертила какие-то знаки на мягком пушистом ворсе, послушно уступавшем легкому нажиму.

— Я не хочу ребенка.

— Что? Тогда чего же ты хочешь?— взорвалась Дие.

— Тихо!— Голос Грона прозвучал непривычно жестко.— Оставь ее в покое, Дие!

Затем, немного смутившись, он обратился к Мату.

— Я понял то, что он сказал. Во всяком случае, мне кажется, что понял. Кроме одного. Скажи, Мат, как все это... могло произойти?

Мат задумался над ответом, но его неожиданно опередил Эви.

— Почему же, Грон? А как могло произойти все, что случилось с нами?

Тот, кто когда-то был Гиллом, приказал Мату наклонить голову. И Мат повиновался.

Петер Жолдош

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ВИКИНГА»

Бонги бежал впереди. Вдруг он нелепо взмахнул руками и упал. Краем глаза я успел заметить, как он пытается подняться с перекошенным от боли и отчаяния лицом.Я не мог ему помочь. За моей спиною все ближе, все отчетливей раздавались угрожающие крики плоскоголовых.

Стыдно признаться, но я малодушно обрадовался несчастью Бонги — до реки еще ох как далеко, а мы, убегающие, выиграем несколько драгоценных минут. На какое-то время Бонги задержит преследователей. Я заранее знаю, как это произойдет. Передние остановятся около Бонги и подождут отставших. Все вместе, плоскоголовые спляшут ритуальный танец, потом по знаку шамана Вру обрушат на голову несчастного дубинки...

Мы убежали утром. Мчались, не выбирая дорог, сквозь заросли папоротника и колючего кустарника, перепрыгивая через колдобины и карабкаясь по склонам оврагов, все натужнее дыша и все чаще спотыкаясь. Не повезло и Леле — он наткнулся на удава. Бедняга истошно завопил, когда мощные, пружинистые кольца грубо обхватили его, ломая слабые человеческие ребра. Мы с Ного попытались было освободить Леле от смертельных объятий, но тут, привлеченные криком, снова показались преследователи.

Мне все труднее бежать. Сердце, кажется, вот-вот лопнет. Перед глазами колышутся радужные круги, но я понимаю, что остановиться — значит умереть. Впереди среди кустов маячит широкая спина Ного. Мы остались вдвоем... Вниз по склону холма бежать легче, но дальше опять заросли. А в голове одно: быстрее добраться к спасительной реке. Тяжелый, массивный, внешне неуклюжий Ного бежит легко. Если из нас двоих кто-то и обессилеет, это будет не Ного. Похоже, он не понимает, что без меня нет смысла бежать. Он не управится с плотом. Житель джунглей, он боится большой реки. Но другого пути у него нет.

Снова пошли лужи. Кончается одна, начинается другая. Мы с шумом разбрызгиваем зеленую воду. Крокодилы, шокированные нашим вторжением, не успевают сообразить, что нами можно пообедать. Пока они приходят в себя, мы уже мчимся через соседнюю лужу. Надеюсь, что наших преследователей эти твари не проворонят.

Очередная лужа оказалась достаточно глубокой, и Ного проваливается с головой. Он отчаянно барахтается в тинистой

воде, брызги летят во все стороны. Мысль о крокодилах — вот они, почти рядом,— придает ему энергии. Ного успокаивается, почувствовав под ногами твердое дно. Ного очень боится крокодилов, но куда сильнее боится преследователей. Что крокодил! Хрясь — и готово, и никаких мучений. А вот когда к тебе тянутся сотни рук с растопыренными пальцами и оскаленные зубы готовы рвать тебя по кускам, это страшно. Бегущие по следам людоеды считают, что изрядно пропотевшая человечина — непревзойденное лакомство. Гурманы!

Я вскарабкиваюсь на высокий берег и в изнеможении валюсь лицом вниз. Чувство опасности не позволяет мне передышки. Ноги еле держат. Пытаюсь успокоиться, осматриваюсь вокруг. Позади, на склоне холма, темным пятнышком лежит Бонги. Он затаился в надежде, что людоеды пробегут мимо. Людоеды — смерть. Мне тяжело смотреть на него, и я поворачиваю голову в другую сторону. Скалистый обрыв передо мной — берег реки. Внизу катит волны, вспоротые множеством порогов, Великая Река, наша река. Но мы еще не у цели. Если посмотреть вниз по течению, увидишь желтую полосу, заросли бамбука. Там наше спасение. Там наш плот. Отсюда еще не видна пальма, растущая двумя стволами из одного корневища. В двух-трех десятках метров от пальмы, в бамбуковых зарослях, спрятан наш плот. А до пальмы не меньше трех километров. А заросли все гуще, и все больше луж. Нам, беглецам, тяжело, но и тем, кто за нами гонится, не легче.

Ного толкает меня, и я, повернув голову, снова вижу их, кровожадно орущих в предвкушении пиршества. Пока дикари взбирались на холм, они приумолкли, а как только оказались на вершине и увидели нас, подняли вой. Я посмотрел в сторону холма, на котором остался бедный Бонги, но не увидел его. Ного схватил меня за руку и потащил в заросли. И опять этот сумасшедший бег сквозь колючий кустарник, перепрыгивание через рытвины, барахтанье в лужах; и сердце, болью распирающее грудь, и оранжевый туман перед глазами...

Все! Больше не могу! Мною овладевает безразличие. Сейчас вот свалюсь — и пусть окружают меня, пусть разрывают на куски. Это выше моих сил — столько бежать!

А гладкокожий говорил, что в устье Великой Реки... Мысли начинают лихорадочный танец в моей отуманенной голове. Колючая ветка остро хлещет меня по лицу, словно хочет привести в чувство. И я опять понимаю, что надо бежать и ни о чем не думать, потому что это бег смерти. Бег? Какой же это бег! Паническое передвижение на подгибающихся ногах — разве это бег? А Ного все чаще останавливается, нетерпеливо перебирает ногами, поджидает меня — и никакой усталости! Я превратился в сгусток усталости, в сердце, гудящее кровью; в легкие, что захлебнулись густым, горячим воздухом. Преодолевая свинцовую тяжесть в ногах, бросаю взгляд на отдаленный холм, где остался Бонги. Живому или мертвому, ему хорошо, а жаждущие моей крови вот-вот появятся за моей спиной. Они промчались сквозь заросли и сейчас, наверное, столпились перед большой лужей, где

затаились ошарашенные нами крокодилы. О милые, славные крокодилы! Зубастые, станьте нашими заступниками!

Опираясь на Ного, я не дышу, а шумно хватаю воздух запаленным ртом. Далеко ли еще бежать? Мы окружены высокими зарослями, пространство сузилось, Ного тянет меня за руку. В этот миг откуда-то, скорее всего со стороны большой лужи, доносится отчаянный вопль. Неужели Великая Мать-Крокодилиха услышала мою молитву и схватила рискнувшего пересечь лужу? Если так, остальные поостерегутся, пойдут в обход — и мы получим выигрыш во времени.

Наконец-то я вижу нашу пальму! До нее, наверное, еще километра полтора, и я уверен, что дикари нас не догонят. Немного прихожу в себя и указываю рукой на пальму. Ного, улыбаясь, кивает головой, и мы продолжаем свой путь.

Теперь нас окружает тишина. Знойный послеполуденный воздух неподвижен, над кустами и лужами дрожит марево. Оно успокаивает и при этом с новой силой наваливается усталость. Донимает жажда. Во рту такая сухость, что язык, кажется, превратился в комок сухой глины, нажми зубами — и он рассыплется в сухую пыль... Меня охватывает стыд, затем досада от того, что я физически не подготовлен для такого испытания, какое теперь выпало на мою долю. В отличие от плоскоголовых я не способен бежать с утра и до полудня по дикой местности. Я убедился, насколько плоскоголовые выносливее меня. И что мне моя хваленая сила воли, если я беспомощно повисаю на шее Ного. Он даже не чувствует моей тяжести, одни кожа да кости, ветер подует — и я взлечу.

Стоило мне подумать о ветре, таком желанном в душных зарослях, как он объявился,— сначала пошевелил листву на высоких деревьях у реки, затем прошелестел в зарослях и обдал нас прохладным дыханием речных волн.

Я не сразу понял, почему Ного не радуется прохладе и что за тревога появилась в его глазах. Он потянул воздух широкими ноздрями, резко обернулся и посмотрел в заросли, а меня поразила неприятная догадка: дикарям незачем искать наши следы, их обоняние не хуже, чем у волков, и этот приятный ветерок, дующий в их сторону, выведет их прямехонько на нас. Теперь хищники не потеряют своих жертв. Я снова оказался в когтях страха, но испугал меня не призрак ужасной смерти, а то, что снова надо бежать. Бежать, мучительно преодолевая слабость в усталых суставах и задыхаться от болезненного перенапряжения. Все, что угодно, только не бег! Я хватаю Ного за руку, пытаюсь придержать его, что-то объяснить ему,— а что я мог объяснить! В это время нас обнаружили преследователи.

Я бегу, стараясь не отстать от Ного, а страх, который обычно отупляет, в этот раз не лишил меня способности мыслить. Я бегу, поскольку меня понуждает к этому инстинкт самосохранения, сработал рефлекс древних предков — на преследование отвечать бегством. Естественно, хищников толкает в погоню рефлекс преследования. Страх, до сих пор парализующий мою волю, вдруг отошел на задний план, в глухой угол сознания. Вот Ного. Он

бежит впереди меня, он на сотни тысяч лет моложе, причинные связи в его мозгу проще: днем — хорошо, ночью — страшно, плод — съесть, дичь — убить, змея — бояться, опасность — бежать.

Но если я не выдержу, свалюсь в ближайшей луже, тогда поторопитесь, крокодилы! Я ненавижу людоедов — они вынуждают меня бежать; желанный ветер мне ненавистен — он помогает людоедам гнаться за мной. Но стена бамбуковых зарослей все ближе; правда, мы не можем бежать к ней прямиком, потому что должны бежать сначала к пальме, а пальма — левее, а слева, нам наперерез, бегут преследователи... Между нами залитая водой, кишащая крокодилами пойма. Кусты здесь низкорослые — и мы хорошо видим друг друга, беглецы и преследователи. Пойма, вдоль которой мы бежим, заканчивается возле пальмы. Мы спасены, если доберемся к ней первыми. Наш путь буквально усеян крокодилами. Они лежат на песке с разинутыми пастями, ужасно уродливые чудища. Нам приходится перепрыгивать через них. Со стороны это выглядит как бег с препятствиями. Пойма напоминает гигантский стадион; окружающие холмы, словно трибуны, разделенные лужами. Дикари бегут за нами цепочкой. Они вынуждены держаться подальше от потревоженных крокодилов,— это удлиняет их путь и замедляет погоню. Брошенные дикарями камни время от времени плюхаются в лужи рядом с нами. Ноги у меня опять подкашиваются, я теряю координацию и в неуверенном прыжке задеваю зубастую тварь. Если бы Ного рывком не оттащил меня в сторону, удар тяжелого крокодильего хвоста переломил бы меня надвое. Драматичная сцена вызывает по другую сторону поймы шумное недовольство: дикарям не хочется терять свою добычу, которая пробегает в опасной близости от крокодилов. Я же с трудом удерживаюсь на ногах. Дикари останавливаются напротив нас по другую сторону речной поймы. Их предводитель Крири что-то кричит, похоже, приказывает нам остановиться. Недвусмысленный жест нельзя растолковать иначе как повеление переправиться на их сторону. Вот так. Оставить крокодилов и переправляться к ним. Чего выдумали! А меня между тем охватывает странное безразличие. В полуобморочном сознании мелькают какие-то обрывочные видения и неодолимо тянет ко сну. Я опускаюсь на песок и вытягиваюсь во весь свой рост, словно подражаю крокодилам, невозмутимо возлегающим вокруг нас. Ного в недоумении топчется рядом, опасливо косясь на пресмыкающихся. Дикари пытаются достать нас камнями, но для этого надо подойти поближе к реке, а там тоже крокодилы. Зато Ного не промахивается: брошенные им камни почти всегда находят цель. Один из дикарей, Зумби, подошел слишком близко к берегу и поплатился: упал среди крокодилов с окровавленной головой. Толпа дикарей отвечает взрывом воплей. За четыре года я так и не привык к тому, что они постоянно кричат. Сейчас их вопли меня не трогают. У меня такое чувство, будто мое тело становится воздушно легким, и стоит ветру подуть посильнее — оно тут же взовьется вверх и поплывет вдаль. Кажется, душа отделилась от тела и, зрячая, смотрит на меня и на

все окружающее меня со стороны. Я медленно погружаюсь в туман полусна; успеваю заметить, что мои преследователи уходят вдоль берега в поисках переправы. Они не очень торопятся,— не зная, что со мной происходит, они тем не менее уверены, что никуда не денусь. Для них я — антилопа, загнанная в тупик. Она не может больше бежать, она почти в их руках, надо только переправиться к ней через Великую Реку, но при этом нельзя нарушить табу. Через небольшое время они возвращаются, уходят вверх по реке, полагая, что там легче будет переправиться. Они правы, но на это у них уйдет не меньше четверти часа. Будь у меня достаточно сил или хотя бы воли к жизни, я смог бы убежать.

Ветер все крепчает. Вожак дикарей предусмотрительно оставил на том берегу двух плоскоголовых, чтобы следить за нами. Ного изливает на них свою ярость, швыряя камни, которые со свистом пролетают рядом с ними. Сторожей, очевидно, раздражает то, что они выбыли из числа преследующих. Их глаза неотрывно следят за моим неподвижным телом. Изредка они бросают взгляды на заросли, в которых исчезли соплеменники. Всем своим видом они показывают, что хотели бы находиться вместе со всеми, в стае. Приказ вожака их не устраивает,— когда дикари окружат нас, эти соглядатаи не смогут участвовать в растерзании несчастных жертв, вынужденно оставаясь на противоположном берегу. Хуже наказания и не придумаешь для кровожадных и, несомненно, трусливых существ. В конце концов они, видимо, решились пренебречь повелением вожака: угрожающе потрясая дубинками и кулаками, пятятся к зарослям. Мы остаемся одни, если не считать ленивых, разомлевших под солнцем крокодилов.

Ного вскакивает и пытается меня поднять. Я слабо сопротивляюсь. Двигаться, идти, бежать — выше моих сил, я не могу даже пошевелиться, хотя представляю себе в мельчайших подробностях, как все произойдет: заросли с шумом расступаются, появляется вожак. Он с торжествующим видом, не торопясь, идет к нам, за ним в определенном порядке шествуют остальные. Преследование закончилось, начинается обряд. Дикари смыкаются в круг и движутся, вихляясь, под заунывные вопли шамана, в ритуальном танце. Дикари медленно приближаются к своим жертвам, кольцо сжимается все плотнее; дубинки, нацеленные в наши головы, нервно подрагивают в потных, напряженных, грязных руках...

Сколько раз на протяжении четырех лет я наблюдал эти обряды! Ужасное зрелище! Вначале я пытался вмешаться, предотвратить расправу, но куда там! В следующую минуту я отворачивался, отступал под свирепое рычание вожака.

А сколько времени я потратил, чтобы приобщить их к зачаткам цивилизации! И все напрасно. К изготовлению луков и стрел они остались равнодушны (к счастью для меня в моем нынешнем положении,— это надо признать). Я убеждал их не окунать новорожденных вниз головой в грязные, кишащие

разными насекомыми лужи,— бесполезно. Я показывал им, как с помощью двух кремней и сухого мха добыть огонь. Это ведь проще, чем все время таскать тлеющие головешки в обмазанной илом корзине. Да, зрелище добываемого мною огня их завораживало, но подобрать тлеющую на месте случайного лесного пожара головешку и затем следить, чтобы она не погасла, было для дикарей привычнее. Их не интересовали мои огненосные принадлежности. Их — это всех, кроме шамана. Шаман столько раз пытался стащить у меня маленький водонепроницаемый футлярчик, в котором хранились стальная пряжка, обломок кремня и пучок сухого мха,— единственное напоминание о моей прошлой жизни. Я прямо вижу, как этот сморщенный старичок шествует в ритуальном круге вслед за вожаком, и все дикари движутся в ритме его мерзкого подвывания. И когда пространство между дикарями и нами, их жертвами, сожмется на расстоянии вытянутой руки, скрюченные пальцы шамана рванутся к моей шее, к висящему на ремешке футлярчику... У-у, гад! Этому не бывать!

Меня охватывает приступ неудержимой ярости, я вскакиваю, с моих обожженных жаждой губ срываются ругательства сразу на двух языках: изощренные — на родном, грубые — на примитивном наречии моих преследователей. Нет, не будет этого,— сдавленно рычу я.— Швырну футляр в реку и сам брошусь на скалистые пороги. Не будет здесь ни пиршества, ни костра!

Я хватаюсь за футляр. Резкий порыв ветра швыряет в мое лицо песок. Ближние заросли шумят невысказанной тревогой,— сквозь них, я знаю, где-то пробираются дикари, мне даже чудятся их голоса. Возможно, они уже совсем близко... И вдруг меня озаряет догадка не догадка, скорее — решение. Оно ярко вспыхивает в моем оглушенном жаждой мозгу. Пошатываясь, я решительно направляюсь к зарослям, на ходу открывая футляр. Ного ошалело следит за моими действиями: вместо того, чтобы бежать без оглядки, я бреду в заросли, навстречу людоедам!

Призвав на помощь остатки своих сил, я приминаю иссушенные зноем кусты. Колючие ветки ломаются, до крови раздирая мне кожу. Боли я не чувствую. Я лихорадочно делаю свое дело, пригибая соседние кусты один на другой. Трясущимися руками извлекаю из футляра его содержимое, в левой руке зажимаю кремень и трут, в правой — пряжку, кресало. Движения моих рук неверны, бью кресалом по камню как попало, а чаще — по пальцам. Голоса дикарей, приглушенные шумом зарослей, явственно касаются моего слуха, я тороплюсь, нервничаю, роняю кремень. Он падает в сухую траву, я опускаюсь на колени, нащупываю его. Не поднимаясь с колен, бью кресалом по кремню, искры летят во все стороны, и наконец-то трут начинает дымиться. Я раздуваю его, сую под наломанные ветки, обкладываю травой и продолжаю раздувать. Тоненький, еле заметный в ярком солнечном блеске язычок огня переползает с травинки на травинку, я прикрываю его ладонями от сильного ветра. Пламя охватывает весь пучок травы и перекидывается на ветки. В следующий миг оно начинает буквально пожирать все вокруг

себя, тянется к другим ветвям, набрасывается на соседние кусты, разрастается с шумом и треском. Теперь ему ветер не помеха, а верный союзник. На его крыльях пламя рвется вверх, неудержимо распространяется во все стороны. В считанные мгновенья сухие заросли превращаются в ревущее море огня. Я прикрываю руками лицо и отступаю назад, к Ного, который, остолбенев, безмолвно смотрит на дикое буйство могучей огненной стихии. Проходит несколько минут. Огненный шквал со страшной силой устремляется вдаль, туда, где мощный гул огня сливается с отчаянными предсмертными воплями людоедов. На лице Ного застыло выражение неописуемого ужаса. Я отворачиваюсь от жуткого зрелища, меня шатает, я слаб, но моя жизнь снова принадлежит мне. Я чувствую, как этот неукротимый огонь, устремляющийся к подножию холмов по всей ширине поймы, выжег во мне весь страх, все отвращение, все унижения четырех последних лет.

Меня разбудил холод. Зябкий рассвет ощупывал дрожью каждую мышцу, каждую косточку моего измученного тела. Наш плот спокойно движется вниз по успокоившейся реке навстречу свету, широко нарастающему с востока. Верхушки скалистых холмов, что тянутся вдоль берега, первыми встречают рассветные лучи, в то время как их подножия, изрезанные ущельями и долинами, тонут в тумане. Туман медленно сползает к реке.

Всхолмленный край, где я скитался с племенем дикарей, остался позади. Впереди раскинулась страна Черных Гор. Река лениво катила свои волны по широкой долине, окаймленной скалистыми вершинами. Холмистые подножия гор, покрытые джунглями, выглядели не менее мрачно. Джунгли пытались подступить к самой реке, но на их пути, у воды, непролазной стеной встал бамбук. Он самоотверженно охранял речные берега. Кое-где в бамбуковых зарослях возникали узкие проходы, звериные тропы, протоптанные к водопою.

Я отметил различия между оставленной землей и здешним краем. Там рассветы обычно наполнялись тысячеголосым шумом. В нем различались пронзительные крики обезьян и птиц, тонкое пересвистывание диких свиней; время от времени слышалось рычание хищников, и тогда все остальные звуки на мгновенье замирали, чтобы тут же разразиться с новой силой. К таким рассветам я привык. В их звуковом разгуле мне чудилась странная радость: слабейший радовался, что пережил ночь, не оказался в острых когтях и крепких зубах; хищники, сытые или голодные, уверенно заявляли о своем безусловном праве на удачу, а если не повезло в эту ночь, то в следующую охота будет успешной. После восхода солнца многочисленные голоса умолкали, все живое погружалось в свои дневные заботы.

Новый мир встретил меня холодной утренней тишиной. Молчат горы, неподвижны деревья, не вскидывается рыба в зеркальных затонах, сама вода кажется безжизненной. Горло сжимается то ли от холода, то ли от неясных предчувствий. Не будь я смертельно уставшим, я собственным криком разорвал бы

эту знобкую, давящую тишину. Около меня во сне вздрагивает Ного. Может, снятся ему кошмары. Может, до костей пробирает холод. Ему, обитателю зарослей, как и мне, пришельцу из другого мира, новая местность не обещает покоя. Ночью, во сне, я был дома...

Такие сны навещают меня не часто. Сколько раз, отходя ко сну, особенно в первые годы жизни среди плоскоголовых, я заказывал себе «домашний» сон,— и все зря, надежды не сбывались. Обычно мне снились чудовища, дикие схватки; я каждый раз во сне переживал заново неприятные события дня. Во сне к моему горлу тянулись длинные, цепкие волосатые руки. Я ждал помощи от Ного, а Ного всегда опаздывал. Во сне я мог спастись от волчьих зубов на дереве, но дерево оказывалось слишком далеко...

Беспокойное ворчание Ного, его успокоительное похлопывание по спине были хороши тем, что возвращали меня из кошмарных объятий сна в действительность, которая их же и порождала. Тяжелые сны заканчивались жестоким пробуждением. Еще хуже было в те редкие случаи, когда мне приходилось возвращаться из подаренного сновидениями прошлого в темную, плотно сбившуюся, храпящую, дурно пахнущую массу дикарей, расположившуюся на ночлег между пламенем костра и мрачными тенями ночи. Вожак и его приближенные занимали места поближе к огню. Племенная иерархия обеспечивала мне место где-нибудь с краю. Поближе к огню меня не мог поместить даже Ного, чья тяжелая рука пользовалась среди членов племени непререкаемым авторитетом... Пробуждаясь среди ночи, я отказывался верить реальности; мучительно хотелось, чтобы она была сном, и если прыгнуть в костер или побежать в темноту зарослей, то можно проснуться в моем родном, отнятом у меня мире. Но реальность потому и реальность, что ее можно разглядеть, потрогать руками, услышать и, наконец, к ней можно принюхаться. Столкновение с проклятой реальностью порождало безысходность, и я начинал рыдать — кого мне было стыдиться! — и с трудом охраняемый покой дикарей нарушался. На мою голову обрушивались угрозы и, если бы не Ного, дикари меня растерзали бы.

Волны Великой Реки уносят меня все дальше. Если не радует пробуждение и если обманчива надежда, за которой я гонюсь, то утешает сознание бесспорного факта: этот этап моей жизни заканчивается. Теперь мысли о прошлом не будут оборачиваться отчаянием. Душевная гармония,— а я надеюсь ее обрести,— приведет в надлежащий порядок мозаику пережитого. Многие фрагменты в ней разрушены, кое-что потеряно и, тем не менее, жизнь продолжается...

Склоны гор постепенно освобождаются от мрачных сумерек. Их все больше заливает яркий солнечный свет. Солнечные лучи зажигают искры в каплях росы на сочных листьях деревьев. Туман в долинах медленно рассеивается. И по-прежнему ни звука. Тишина становится угнетающей. Она была точно такой же и в тот злополучный день, когда мы с бедным Амаром сошли на

берег и, едва ступив под зеленые своды деревьев, перестали слышать даже нескончаемый плеск речных волн. Амар погиб, и для констатации этого факта годился даже язык обитателей зарослей. Я изучил немало выражений, давным-давно исчезнувших из обиходной речи. Не в добрый час мы сошли на тот проклятый берег в то проклятое утро, утро начала моих страданий...

Нити событий потянулись дальше. Если в первом шаге после высадки на берег я нащупываю первое звено в цепочке причин и следствий, то за каждой открытой взаимосвязью нахожу новую. Мне надо продвигаться во времени все дальше назад, чтобы найти точку, отправляясь от которой можно последовательно соединить все, что произошло потом. Пока я не найду ее, эту точку, мне постоянно будут мешать однажды розданные карты прошлого, множество дальновидных «почему» и «если». Я должен снова встретиться с самим собой. Я должен снова стать человеком.

Наконец, тишина заговорила, и ее неожиданный голос заставил Ного выпрямиться так энергично, что наше утлое сооружение опасно раскачалось на волнах. Я уверен, что это голос животного, еще неизвестного науке. Ного, расставив ноги пошире, вернул себе устойчивость и что-то сказал, чего я не понял. Примитивный язык Ного труден для понимания, но я за четыре года накопил кое-какой опыт в расшифровке алогичных понятий. То, что сказал Ного, следовало понимать так: человек с чешуей рептилии — человек. Я упростил. Ного, конечно, выразился по-другому. Пожалуйста, как хочешь, так и толкуй.

Мы сидим на корточках, глупо уставившись друг в друга. Странный звук не повторился. Тишина после него еще невыносимей. Ного повторяет предыдущую невнятицу и раз, и два, а я замечаю, что он смертельно перепуган. Но так как ничего не происходит, он успокаивается, и я принимаюсь разгадывать его слова. Обладатель странного голоса не может быть человеком; земля не создала еще такого гиганта, который способен на столь могучий рев.

— Ноги есть,— объясняет Ного.— Руки есть. Крокодил, но большой-большой. Две руки, две ноги, на спине чешуя, как раковины.

— Ты видел его? Я видел?

Ного утвердительно кивает головой.

— Он большой?

— Если лежит на животе — как большой куст, если встанет, то как пальма.

Начинаю догадываться, но спрашиваю дальше:

— Где ты его видел?

— Здесь, в лесу.

Что-то не верится. Я знаю, что племя Ного в своих странствиях никогда не выходило за пределы своих холмов.

— Ты бывал здесь? Когда?

— Я был маленький. Была долгая засуха. Не было воды. Птицы, гусеницы, антилопы — все погибло. Змеи в болоте,

обезьяны на деревьях, дикие свиньи в долинах. Там было другое племя. Слабых детей пожирали. Меня тоже хотели, а я убежал. Не догнали. Много-много дней шел один. Пил воду. Нашел большое яйцо. Съел. Корни ел. Листья ел. Живот раздулся. В лесу увидел человека с чешуей на спине...

Услышанное от Ного не только подводило к разгадке нарушителя тишины, но и высветило факт, с самого начала для меня непонятный. С первых дней моего появления среди плоскоголовых я отметил, что Ного — единственный член племени, который не только не боится, а предпочитает бродить в одиночку. До сих пор я объяснял это его огромной физической силой. Оказывается, проверку на выживание в одиночестве да еще в незнакомых местах он прошел еще в детстве. Возможно, одним из результатов «проверки на выживаемость» стало его бесконечное любопытство. Если бы шаманство не вызывало в нем такого страха и отвращения, то при всех своих данных он несомненно стал бы вождем племени. Но его судьба, отмеченная столь драматическими переживаниями в детстве задолго до прибытия «Викинга», может быть, к счастью для меня, стала фактором и моей судьбы.

Итак, пробую до конца разобраться в человеке с чешуей, в человеке-пресмыкающемся. В пути от морского побережья и до мест обитания плоскоголовых я не встречал ничего похожего на динозавров мелового периода. Скудная растительность края не могла бы прокормить ни одного гигантского травоядного.

— Что он делал, когда ты его увидел?

— Спал в чаще,— ответил Ного.— Я побежал. Он за мной, и ревел, как сегодня. Я спрятался в пещере на склоне горы, он ушел. Потом я видел, как он схватил и разодрал крокодила. Для него крокодил, как для меня ящерица.

Я прикидываю и нахожу, что «человек с чешуей» напоминает тиранозавра. Чешуя — это, может быть, костные выросты, гребень.

— Их было много?

— Два. Тот, что гнался за мной, и тот, что жрал крокодила.

Я думаю, что это был один и тот же зверь. Условия выживания для плотоядных здесь минимальны. Их не может быть много. Эта мысль, да еще плавное покачивание плота приглушают тревогу, и я спешу успокоить Ного: зверь, ревущий в джунглях, побоится сунуться в реку. Ного испуган основательно— его взгляд прямо-таки прикован к бамбуковым зарослям, вдоль которых быстрое течение несет наш плот.

Не знаю, как чувствует себя Ного, а меня донимает голод. Надо что-то придумать. Вчера под вечер, после счастливого избавления от погони, мы отыскали плот. Я осмотрел его и сказал Ного, что надо бы запастись едой. Не отходя далеко от плота, мы насобирали несколько пальмовых почек, несколько пучков молодых побегов бамбука. Мы собирали их торопливо, приближался вечер, и надо было обустраиваться на плоту. В последний момент Ного обнаружил кладку крокодильих яиц, и мы, не мешкая, опустошили ее.

...Когда родилась мысль о бегстве, я решил потихоньку готовиться к нему. В первую очередь — проблема еды. Тут ничего особенного не придумаешь. Будем полагаться на опыт первобытных, надежным носителем которого является Ного. Стараясь не слишком привлекать внимание дикарей, я вырезал из кости несколько рыболовных крючков, хотя знал, что рыбалка в здешних лужах и озерах из-за обилия крокодилов — дело сомнительное. Крючки я спрятал в футлярчик с огнивом. Из длинных обезьяньих волос мне удалось свить бечевку. Я намотал ее на ручку каменного топора, заранее наслаждаясь изумлением Ного,— он никогда не видел, как удят рыбу. Глядя на обширную поверхность реки, я подумал, что в ней должно быть немало живности. Надо бы испробовать свои рыболовные принадлежности. Извлекаю крючки из футляра. На какое-то мгновенье замираю, громко чертыхаюсь. Ного таращит на меня удивленные глаза. Что ему сказать? Я смастерил крючки, свил леску, но не подумал о приманке. Пальмовые почки для приманки не годятся, крокодильи яйца тоже на крючок не насадишь. Остается единственная возможность: нарезать узеньких полосочек из собственных ягодиц. Остроумно, правда, но хорошо только для сказок. Не скрывая досады, прячу крючки обратно в футляр. Где же выход? Он есть. Его подсказали мне дикари: не думай о завтрашнем дне, живи сегодня, обходись тем, что имеешь.

Обходимся. Сидим и сосредоточенно жуем бамбуковые побеги. Полчаса жуем. Час жуем. Когда хочется пить, ложимся на живот, подползаем к воде и пьем. Вода в реке прохладная, чистая, если не всматриваться в нее слишком пристально. А если всмотришься — увидишь, что даже в чистейшей речной воде существует жизнь. Простейшая, но жизнь. Не думаю, что вода эта опасна для нашего здоровья. Приходилось и не такую пить.

Река становится все шире. Берега тонут в зелени. За ними горы — залюбуешься. Но та ли это река, о которой говорил мне гладкокожий? Если я правильно понял, до ее устья надо плыть многие сотни километров. За Черными Горами она раздастся вширь, низкие берега станут топкими, воздух пропитается болотными испарениями. Впрочем, рано думать о конце пути, находясь в самом его начале.

Солнце поднимается все выше— прогревает нас с таким же усердием, с каким на рассвете пронизывала прохлада. Теплынь усыпляет, и мы растягиваемся на плоту. Меня разморило, погружаюсь в дремоту. Уснуть по-настоящему мешает подспудная тревога. От нее так запросто не избавишься. А Ного уже храпит. Так что же меня тревожит? Или это следствие вчерашней погони? Я еще не отошел и, уверен, не скоро отойду от нее. Лежа на спине, гляжу в безоблачное небо. По обе стороны медленно проплывают горные вершины. Я возвращаюсь к утренним размышлениям...

Так где же пролегла черта, за которой я съехал с привычной дороги? В университете? Или в те годы, что я провел в лаборатории? Ничто не предвещало каких-то крутых перемен в моей

судьбе. Может, все началось с «Викинга»? Мучительно ищу ответ в размышлениях над длинной цепочкой вроде бы не таких уж значительных событий, составивших мозаику двух промежуточных лет. В охраняемой прарептилиями тишине Великой Реки пытаюсь прокрутить, пролистать в обратном порядке историю моей жизни. Более располагающей к этому обстановки, наверное, и не бывает.

Я испытал радость счастливого финиша. Не выпуская из рук обломок камня— мне все же удалось выяснить, что́ это за руда,— зову Лену из навигационной кабины, чтобы сказать ей о моем первом открытии.

— Бегу! — слышу голос Лены из небольшого прибора, прикрепленного к запястью. Голос у Лены веселый— она среди нас единственная, кому длительное состояние невесомости не доставляет неприятностей. Она легко передвигается по многочисленным, хоть и тесноватым помещениям космического корабля, буквально перепархивает с места на место и, в отличие от нас, неуклюжих, обходится без шишек и синяков. Удивительная девушка. Когда вернемся домой, она станет моей женой. Мы отправимся в свадебное путешествие на Счастливые острова, а потом проведем долгие годы в лаборатории, пока дружно не обработаем все материалы, собранные на Ганимеде, спутнике Юпитера.

Я радовался, потому что ждал Лену, раскрыл тайну тускло поблескивающего камня и видел радужную перспективу судьбы.

Но прежде чем пришла Лена, отсек, в котором я находился, вздрогнул от страшного удара. Невероятная тяжесть придавила меня к стене. В кромешной тьме я расслышал хлопки — сработали запоры шлюзов. Это конец, с ужасом подумал я и кинулся к выходу. Я забыл о правилах передвижения в условиях невесомости, но не обращал внимания на толчки и удары. Панический страх овладел мною настолько, что я ничего не соображал, швыряемый невесомостью с одной стены на другую.Мне показалось, что кроме шума, производимого моими беспорядочными метаниями, раздался другой звук. Ко мне вернулось самообладание, и я ухватился за привинченное к полу кресло.

— Внимание! Внимание! — ясно, что включена аварийная система связи. Живой человеческий голос.— Говорит Центр. Просим сохранять спокойствие. Наш корабль столкнулся с метеоритом. Сейчас производится оценка его живучести и повреждений. Повторяю: сохраняйте спокойствие и налаживайте связь друг с другом. Во избежание потерь воздуха запертые по команде центрального пульта отсеки следует открывать по очереди. Отсеки с нарушенной герметизацией отключены от блока питания, следовательно, они не открываются... Сохраняйте спокойствие. Оказывайте помощь нуждающимся!..

Я знал, что услышанное сейчас обращение записано на Земле, в Центре Космических исследований, и заложено в систему компьютерного обеспечения связи. И все равно этот голос

успокаивал. Обманчивый эффект живого человеческого голоса. Центр управления кораблем, именуемый «мозгом», все свои команды, все обращения произносил голосом популярного киноактера геовидео. Тонкий психологический расчет проектировщиков, рассчитанный на случай внезапной аварии, когда паника неподвластна разуму. Где же Лена? В каком отсеке застала ее беда? Я, как заведенный, звал ее по каналу общей связи. Бесполезно. Попутно я обращался к другим сотрудникам. Ни одного отклика! Мысль о том, что я остался один, казалась невероятной! Этого не может быть! Не должно быть!

Канал связи включался через определенные промежутки времени и задушевно перечислял повреждения — их оказалось очень много. Тем же голосом «мозг» сообщал о корректировке курса, для этого включались двигатели коррекции. Их тяговые усилия вызывали гравитацию. Меня в таких случаях бросало на стенку. При таком масштабе разрушений просто удивительно, как сохранился «мозг», тон которого излучал спокойную уверенность проникновенным голосом актера геовидео. Именно это меня и раздражало. Я не сомневался в размерах катастрофы. Времени было у меня немного. Надо что-то предпринимать.

От носовой части корабля, где смонтирована система жизнеобеспечения, я был отрезан анфиладой разрушенных отсеков. В них господствует смертельный космический холод, а главное — космический вакуум. Я не смогу без скафандра пройти в носовую часть корабля. Скафандры, сложенные в гардеробе у первого входного люка, также были вне моей досягаемости. Что же делать? На ощупь добрался до люка и вошел в соседний отсек. Стало труднее дышать. А что, если воздух на исходе? Разделю участь Лены и остальных членов экипажа? Велика ли разница — погибнуть от удушья или от внезапной разгерметизации! Лена погибла. Экипаж погиб. На чудо я не надеялся. Временами меня охватывало такое отчаяние, что хоть вой. Тишина в мертвом корабле, или почти мертвом, утвердилась космическая, и я перестал прислушиваться к чему-либо. Наверное, потому я не сразу обратил внимание на тихий стон, доносившийся по переговорному устройству. Я громко позвал, прислушался — ответа не последовало. Кричу в аппарат во весь голос, а в ответ лишь негромкий стон, бессильный превратиться в нормальную речь. Кто-то ждет помощи. Может, Лена? Мысли лихорадочно роились в голове в поисках выхода.

...Это было мое первое космическое путешествие. Теперь я знал, что и последнее. Мое положение осложнялось тем, что я, как и Лена, не был членом космического экипажа. Мы — геологи, сотрудники Центрального Горного Музея. Наше участие в нынешней экспедиции было продиктовано недостаточностью результатов предыдущих исследований. В программу нашей подготовки не входило изучение всех систем «Электры», нашего огромного космического дома, в лабиринтах, в бесчисленных переходах которого я так беспомощно мечусь. Вход в отсеки, в лаборатории, в навигационные помещения, в жилые каюты

открывался с продольных переходов. По переходам, узким и состоящим из одних углов, нелегко было передвигаться даже при ярком освещении. Что же говорить о непроницаемом мраке, затопившем внутренность корабля из-за аварии!

В момент аварии я находился в одной из лабораторных комнат — они же и склады. Под лабораторными отсеками располагался энергетический. Мне, естественно, туда не нужно. Во что бы то ни стало, я должен выбраться в носовой отсек. Лена, вероятнее всего, находится там. Я отчаянно верю, что слышал ее стон. Во что бы то ни стало я должен быть рядом с нею. Вот если бы хоть немножечко света. А так... я ориентируюсь в переходах корабля хуже некуда. Вообще о космических кораблях я знаю столько же, сколько знает средний читатель научно-популярных журналов. Согласитесь, в моем положении этого крайне недостаточно. Я продвигался, с трудом нащупывая дорогу, открывая люки один за другим. И ничто не указывало, что я иду правильно. Невесомость сделала бессмысленными понятия «верх» и «низ». Я мог в какой-то мере полагаться на неуверенные «налево» или «направо». Не знаю, сколько прошло времени, но я решил связаться с «мозгом». Попросил сообщить, двери каких кают, люки каких отсеков заблокированы по аварийным соображениям? Точные и в то же время многословные ответы «мозга» помогли мне. Многословие раздражало — каждый раз ответы и сообщения «мозга» начинались бессмысленным «Внимание!..» И вся информация повторялась дважды.

Мне удалось добраться до двух верхних отсеков. «Верхние» в условиях невесомости — понятие относительное. Это те, что находятся в носовой части ракеты. Я столько открыл люков и дверей, столько выслушал автоматических разъяснений «мозга», что окончательно запутался. Прежде, чем открыть дверь новой каюты, мне следовало плотно закрыть дверь предыдущей. В полном мраке я ошибался и открывал только что закрытую дверь, и тогда шел в обратную сторону, пока не обнаруживалась ошибка. Господи, сколько же этих кают на корабле!

Наконец, в одной из открытых дверей я увидел слабый проблеск света. Так светятся люминесцентные индикаторы скафандров. Скафандр! Когда я потерял уже надежду на какой-то исход, передо мной возник скафандр, и я почувствовал себя полководцем, выигравшим рискованную битву. Я втискивался в это сложнейшее изделие с такой поспешностью, с такой нервозностью орудовал ключами, дергал «молнии» и нажимал на защелки, что в какой-то миг засомневался: вдруг что-нибудь сделано не так! Заключительные операции влезания в скафандр я проделал осторожнее и успокоился только тогда, когда на затылке защелкнулся замок шлема и одновременно загорелась лампочка. Ее лучи бросили резкие тени на стены кабины.

Теперь я знаю, куда идти. Я вижу, куда иду. Заминка вышла, когда я открыл шлюз в проход перед последним отсеком. Я не обратил внимания на тончайший слой инея, осевшего на металлических деталях шлюза. А это означало, что за люком царит космический холод и коридор разгерметизирован. Как

только я надавил на люк и он резко, пожалуй, даже слишком резко подался наружу, какая-то сила вырвала меня из каюты, в которой я одел скафандр, и швырнула меня в хаос разрушенного перехода. Вокруг меня взвихрились куски защитного пенопласта, оборванные кабели оплели меня, как щупальца осьминога. Мое хваленое самообладание в этой неимоверной мешанине испарилось в единый миг. К счастью, длилось это недолго. Психологически я был готов к любым неожиданностям. Время для их преодоления сокращалось. Сейчас любой открываемый мною люк может преподнести какой-нибудь сюрприз. Я осторожно переберусь через разрушенный проход к носовой части «Электры» и... кто знает, какое зрелище откроется мне за первой же дверью. Хорошо, если это будет рваная обшивка, покромсанная изоляция, перепутанные кабели и провода. А если вздувшиеся тела моих погибших товарищей?

Судьба избавила меня от такого зрелища. Я с большим трудом перебрался через разрушенный коридор и, когда открыл первую дверь, плотная струя сжатого воздуха каюты ударила меня в грудь. Я быстро, насколько позволял неуклюжий скафандр, вошел в каюту и закрыл за собой люк. Каюты здесь уцелели. Вакуум автоматически устранялся нагнетателями воздуха. И где-то здесь должна быть Лена. В последние часы я не слышал стонов, но до боли в сердце надеюсь, что она жива. Если только удар метеорита не застал ее в разрушенном проходе — она ведь торопилась ко мне!

Я не представлял себе, что в скафандре так трудно передвигаться и работать. Минуты ползут, растягиваясь до нетерпения. То, что я делаю, напоминает замедленную киносъемку. Сначала поворачиваюсь лицом к двери, тщательно закрываю ее, верчу маховик герметизации, выравниваю давление воздушной смеси, регулирую скорость подачи кислорода...

Теперь я понимаю, почему снова и снова вызываю в памяти разорванные картины пережитого. Они ведь не имеют прямого отношения к конечной цели. А все дело именно в конце. Я благополучно завершаю путешествие, то самое путешествие, о котором позднее на Земле все газеты будут вещать аршинными заголовками: «Трагедия «Электры», «Подвиг Грегора Мана в космосе», «Битва одинокого человека с Вселенной»... Уже тогда я ненавидел все это, словно предчувствовал, что популярность, которой нет никакого дела до моей душевной боли, определит новый поворот в моей судьбе.

Позднее из записей в «мозге» выяснилось, что с момента катастрофы и до того, как я заполнил каюту воздухом, прошло 78 часов. Столько времени я блуждал в темных лабиринтах корабля, разыскивая Лену с таким острым нервным напряжением, в таких немыслимых условиях, которые, думаю, не всякий астронавт перенес бы.

Пережитое мной едва ли можно считать подвигом, ибо я просто боролся за свою жизнь. Иногда активно, чаще пассивно. Всего этого ни я, ни наша медицина не смогли объяснить. Так что

я, человек скромный, стал знаменитым, когда меньше всего на это рассчитывал.

Надо было побыстрее обследовать сохранившиеся каюты, и я, чтобы обрести нормальную подвижность, вылез из неуклюжего скафандра. Выкрикивая имя Лены, я вошел в навигаторскую кабину. В двух лежащих без движения астронавтах я узнал Игоря и Феликса. Потом они стали моими близкими товарищами. Я привел их в чувство, мы быстро обследовали оставшиеся каюты. Лену не нашли. Искать ее в разрушенной части корабля не имело никакого смысла. Она осталась живой в моей памяти. Навсегда.

Санаторий, в котором я находился несколько месяцев после возвращения на Землю, размещался на солнечном склоне горы. С просторных балконов открывался великолепный вид на морской залив. По его спокойной поверхности с утра до вечера сновали моторные лодки и парусники. У подножия холма, поближе к берегу, лепились корпуса гостиниц. Деловито-веселый гомон их обитателей замирал где-то на полпути к нашему санаторию, Дому Тишины с несколькими немногословными врачами и ласковыми медсестрами, с немногими пациентами, которые, как и я, нуждались не столько в лекарствах, сколько в тишине и покое. Ведь каких-то определенных болезней у нас не было, если не считать мелочей: что-то свихнулось, что-то надорвалось, что-то разрегулировалось. Все это требовалось привести в норму спокойными разговорами, ненавязчивым вниманием, прочими тонкостями санаторной медицины, в которых главную роль играло время.

О тех, кто, как и я, пользовался услугами санатория, не могу сказать ничего особенного. Запомнил тунисского инженера, потерявшего семью в авиакатастрофе; китайца-биолога, который из-за неисправности двигателя и еще каких-то систем при глубоководных исследованиях просачковал целую неделю на десятикилометровой глубине.

Втроем, навесив на нос противосолнечные очки, мы сидели, развалясь в шезлонгах, на солярии, и целыми часами молча созерцали голубое пространство залива под голубыми небесами, следили за полетом пустельги, охотящейся в скалах. Мы лениво перебрасывались словами, избегая разговоров о том, что болью сидело в каждом из нас. В этом санатории мы словно парили между небом и землей, добровольно и радостно оторванные от внешнего мира: ни тебе сообщений голосом геовидео, ни газет, ни посещений. Наши врачи умело подводили нас, пациентов, к тому психологическому рубежу, за которым на нас обрушится наше главное лекарство — скука. В прошлом — суетливое барахтанье в водовороте деятельной жизни. И когда, в конце концов, нам осточертеет покой Дома Тишины, у нас останется единственный выход, он же и вестник выздоровления — тоска по деятельной жизни.

Я еще не докатился до этого рубежа, когда директор санатория пригласил меня к себе. Маленький, веселый, негромкий человечек. «Лучшая реклама Дома Тишины»— так называли его мы, помятые Прошлым пациенты. Его лицо, обрамленное светлой

бородкой, излучало уверенное довольство жизнью. По всему видно, какая это деятельная, неусидчивая натура. Его яркий темперамент не гармонировал с устоявшимся лечебным режимом заведения. Он пытался закамуфлировать его максимумом такта, но не всегда с успехом.

Внимательно оглядев меня с ног до головы, будто видит впервые, он даже не спросил меня о моем самочувствии. Просто осматривал, как осматривают оригинальный музейный экспонат.

— Вы абсолютно здоровы. Тут я не делаю никакого открытия. Вам известно, что пациент находится у нас до тех пор, пока ему не надоест. Не примите за бестактность, если я спрошу: Каковы ваши планы на будущее? — при этом он выражал такую душевность, будто заранее показывал, как ему будет не хватать меня, если я решу выписаться из санатория.

— Мне пока трудно судить о моих планах... Мне хотелось бы еще побыть здесь. Эта тишина, эти добросердечные люди...— я неопределенно показал рукой вокруг. Директор просветленно кивнул головой, улыбнулся глазами, вскинул руками, словно пытался меня обнять.

— Я не хочу вас торопить. У меня нет права на это. Есть только просьба, и я хочу, чтобы вы ее исполнили. К вам приехал посетитель. Очень сильный человек,— не знаю, в чем дело, но при этих словах в голосе директора мне послышалось лукавство.— Так вот... Я посмотрел на него и понял, что ему не повредило бы провести у нас пару месяцев. Я не уверен, что уговорю его. Это ваш старый друг. Уговорите его. Постарайтесь.

Собственно, почему бы и не постараться? Правда, я не догадываюсь, кто этот посетитель. Родители у меня умерли. Братьев и сестер нет. Лена — единственный близкий человек — погибла. Не знаю, кто мной заинтересовался. Ясно, что этот посетитель — сильная личность, если «реклама заведения» не смог завлечь его в оздоровительные сети Дома Тишины. Директор, не давая мне времени на догадки, подбежал к двери в соседнюю комнату и приоткрыл ее, впустив посетителя.

— Феликс!

Рыжебородый лукавец с удовольствием наблюдал, как я схватил в объятия своего друга по несчастью. Тогда, во время заключительного странствия на полуразрушенной «Электре», я привязался к Феликсу душой. Его неожиданное появление всколыхнуло, встревожило, взорвало мою память о невозвратном прошлом и несбывшихся надеждах. Мимоходом я взглянул на директора с укором: как же это он опростоволосился, нарушил священную заповедь санатория — не тревожить покой пациента тяжелыми воспоминаниями. Но эта по сути мелкая мысль тут же испарилась, когда я вглядывался в лицо Феликса, искренне радуясь встрече.

Хитрый директор стоял в стороне с невинными глазами.

— Я думаю, Грегор, что вам не помешает прогулка с вашим другом в окрестностях нашего заведения. Покажите ему нашу маленькую империю. Возможно, у нашего гостя появится охота остаться у нас на какое-то время. Ему это будет весьма и весьма

полезно. Хочу еще сказать,— тут лукавец понизил голос до проникновенного полушепота,— что вы, Грегор, совершенно здоровы, и если после нашего разговора решите оставить санаторий, я не смогу оправдать ваше решение никакими соображениями.

В последний раз мы с Феликсом виделись в навигационной кабине «Электры». Когда спасатели проникли в поврежденный корабль и мы подверглись врачебному осмотру, у Игоря и Феликса обнаружились опасные внутренние кровоизлияния. Их, не откладывая дела в долгий ящик, отправили в реанимацию Лунного медицинского комплекса. Меня же напичкали снотворным столь основательно, что я проснулся через три недели в оздоровительной клинике Главного Тибетского космодрома. Несколько дней после пробуждения я испытывал странную оглушенность, а после недельного, всестороннего, по-моему, излишне тщательного обследования я был выдан телевизионщикам и журналистам.

Я вовсе не сержусь на них. Их профессиональное занудство называется долгом. Они обязаны спрашивать, информировать, освещать и так далее. К тому же, благодаря журналистам, после пресс-конференции по распоряжению Бен Гатти я был отправлен в Дом Тишины. В тот день Бен Гатти был в ярости. Чудесная леталка на воздушной подушке, принадлежащая Обществу Космонавтики, потерпела аварию,— такое возможно раз в столетие,— Бен Гатти, знаменитый ученый, чуть не свернул себе шею. Это случилось во время обычного дежурного полета, которые Бен Гатти совершает трижды в неделю. Собственно, ученый рассердился не столько из-за аварии, сколько из-за «этого болвана», лечащего врача, который без ведома Совета разрешил журналистам встречу с вернувшимся космонавтом. Конечно, решение Совета — формальность, ведь пресса не осаждает вернувшихся на каждой ракете. За неделю таких набирается по 60—70 человек, и никакой сенсации в этом нет. Мой случай, по-видимому, особый. Бюллетень о состоянии моего здоровья передавался ежедневно. После одного из таких сообщений секретарь Совета сообщил о предстоящем визите Бен Гатти в нашу клинику. Он должен был состояться на следующий день в одиннадцать ноль-ноль. Мой врач обещал журналистам встречу со мной в четырнадцать ноль-ноль. Но Бен Гатти в назначенное время не появился. Пока его ждали в нашей клинике, он сидел в заснеженном ущелье в четырехстах километрах от космодрома. По счастливой случайности он не получил при аварии даже маленькой шишки и теперь, сидя в перекосившейся кабине, несколько недружелюбно распекал конструкторский коллектив завода-изготовителя, чья леталка оказалась столь ненадежной. Надо признать, что с Бен Гатти очень трудно спорить, а возражать ему вообще нельзя. Напрасно ведущий конструктор завода пытался выяснить, в каком месте воздухолет Бен Гатти потерпел аварию. Знаменитый ученый пресекал любую попытку увести разговор на другую тему, поскольку он считал ее не существенной. При чем тут место

аварии? Лучше объясните, требовал грозный ученый, почему вы сконструировали плохой двигатель?

Работники завода, расположенного в Мексике, поняли, что с Бен Гатти не договоришься. Они засекли место падения воздухолета по радиопеленгу и, пока Бен Гатти начинал распекать по-новому, теперь уже директора завода, их ракетопланы сервисной службы появились над Каракорумом...

Воздухолет Бен Гатти был отремонтирован, ученый успокоился, но время, назначенное для пресс-конференции, миновало. Поскольку персонал клиники не был извещен о задержке Бен Гатти, а все сроки прошли, врач посчитал себя свободным в принятии решений. Чтобы сдержать слово, он разрешил пресс-конференцию.

...Хуже всего было то, что некоторые журналисты интересовались не столько подробностями катастрофы космического корабля, сколько хотели сделать из меня и Лены героев душещипательной истории. Вопросы и ответы длились уже часа полтора. И тут в конференц-зал ворвался Бен Гатти. Он не помешал корреспонденту большого еженедельника, человеку с грустными глазами и аристократическими манерами спросить: «Значит, вы хотели, вернувшись из экспедиции, отправиться на Счастливые острова в свадебное путешествие?» Здесь Бен Гатти встал перед журналистами и заявил: «Благодарю вас, господа, за хлопоты, и особенно за последний вопрос».

Бен Гатти в мире журналистов был известен неплохо. Конференц-зал опустел в одну минуту.

Мы остались втроем: член Совета Бен Гатти, главврач клиники и я. Бен Гатти фыркнул с таким шумом, что, случись это в заснеженном ущелье, где пришлось ему приземлиться, все скалы очистились бы от снега. Он повернулся к главврачу:

— Вас я тоже благодарю за эту пресс-конференцию, так превосходно организованную через мою голову!

Главврач виновато опустил голову.

— Я... я думал...— начал он оправдываться, но Бен Гатти перебил его:

— Дело не в том, что вы действовали без моего разрешения. Я выше формальностей. Но как вы могли позволить этим людям так терзать нашего пациента! Что, для этого мы восстанавливаем несчастному здоровье?

Меня подмывало вмешаться в разговор, но Бен Гатти вдруг повернулся в мою сторону:

— Грегор Ман, вы думаете, что я сюда явился, чтобы устраивать вам пресс-конференцию? Я жду от вас рапорта!

Видимо, после пресс-конференции у меня был очень жалкий вид. После нескольких моих фраз он заметно смягчился и остановил меня:

— Ладно, сын мой, достаточно. Пойдем-ка поищем здесь, на аэродроме, машину, которая, может быть, не так быстра, как моя «Дикая утка», зато будешь избавлен от риска сломать себе шею. Я знаю одно приличное местечко, где никому не придет в голову спросить тебя: «Как ты здесь оказался?»

Обо всем этом я неторопливо рассказывал Феликсу, когда мы прогуливались по дорожкам парка. Я замолчал, ожидая, что Феликс начнет рассказывать о себе. Молчание затянулось, и я спросил:

— Ну, а ты как?

— Да так... спасибо... у меня все в порядке... Начинка в порядке...— с явным усилием Феликс выталкивал из себя слова. Так или иначе, я узнал, что он еще не летал никуда, если не считать Землю. Игорь сейчас на Венере.

— Почему ты не полетел с ним?

— У меня другие планы. Правда, была одна возможность...— он опять как-то смущенно замолчал. Я видел, что ему есть о чем говорить, но что-то удерживает его. Идет рядом со мной, бледный, руки за спиной. Улыбнулся, когда я рассказал о Бен Гатти.

— Выдающийся человек,— заметил он с улыбкой. Улыбка тут же исчезла, словно что-то другое пришло в голову о Бен Гатти. На лице Феликса явно отражалась нелегкая внутренняя борьба. Он пытался скрыть ее от моих глаз виноватой улыбкой, бессвязными словами, точнее — обрывками фраз.

— Феликс, что с тобой? — спрашиваю.— Что тебя заботит?

— Нет-нет... ничего.— Неглупый человек, он почувствовал, что я если и не вижу его насквозь, то его переживания — как на ладони. Не понимаю, какой смысл прятать причину, если следствие и в глазах, и в поведении.

— Давай присядем на скамейке,— говорю,— и ты мне все расскажешь. Не верю, что ты появился здесь, чтобы просто повидаться со мной, хоть мы и друзья. Я по твоему лицу вижу, что творится в твоей душе. У тебя есть что сказать — говори. Поверь, что́ бы ты мне ни сказал, я это не обращу тебе во зло.

Он вздохнул и печально уставился перед собой неподвижными глазами.

— Феликс, кончай молчанку. Это просто глупо. Если тебя мучает нечто такое, что может причинить мне боль, тогда говори. Я уже все пережил. Я из тех, кому нечего больше терять.

Феликс поднял голову и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Да, Феликс, я не кривлю душой. Раздумывая о том, как жить дальше, я однажды даже почувствовал жалость к себе. Что за жизнь у меня? Без Лены она стала пустой. Что же мне остается?

— Ты вправду так думаешь?

— Я сказал: мне незачем перед тобой кривить душою.

— Ты был бы способен расстаться с жизнью?

— Покончить с собой? Зачем? Никакая смерть меня не испугала бы, но самоубийство — это, по-моему, порядочная мерзость. Может, я с детства так воспитан, а, может, и жизнь меня обломала. Но, думаю, ты не для этого хотел меня видеть?

Феликс задумчиво смотрел на меня:

— В наших взглядах много общего. Можно сказать... впрочем, я жалею, что решился говорить с тобой. Но Бен Гатти...

— Бен Гатти?! Чего хочет от меня Бен Гатти?

— Не волнуйся,— Феликс успокаивает меня. Это он, который

сам волнуется не знаю как, меня успокаивает! — Не волнуйся, Бен Гатти не то что хочет, он только просит, только спрашивает.. Словом, так и быть, слушай...

Феликс заговорил об одном дерзком космическом плане. Я слышал о нем давно, еще до нашей экспедиции на Ганимед. Собственно, меня уговорила на эту злосчастную экспедицию Лена, фанатичка по части космической геологии, скажем так. По отношению к плану, который излагается сейчас устами Феликса, наша экспедиция была не более чем прогулкой вдоль залива...

Подумать только, первая попытка вырваться за пределы Солнечной системы! Цель — окрестности звезды Тау Кита! Почти двенадцать световых лет. Фотонная ракета... на прошлой неделе пошли завершающие испытания. Рискованный участок полета — метеоритный пояс. За пределами Солнечной скорость доводится до 0,7 световой...

Феликс, по-моему, воодушевился. Слова льются из него потоком. Это уже другой Феликс. Из него не надо вытягивать буквы.

— У нас с тобой, я уверен, полная совместимость. Мы не будем нагонять друг на друга тоску. А если учесть, что 95 процентов пути мы будем дрыхнуть... Ты же знаешь, что это такое. Мы проснемся в окрестностях звезды, посмотрим, какими планетами она богата... на это, я имею в виду исследования планет, уйдет два года. Все путешествие уложится в тридцать лет, может, чуть больше, может, чуть меньше...

Феликс еще что-то говорил, но я уже прислушивался к шуму в собственной голове, где мысли завертелись в сумасшедшей карусели. Об идее этого космического полета я знал и думал давно. Думал отстраненно, как о путешествии, которое не имеет ко мне отношения. Но сейчас идея повернулась ко мне другой стороной. Речь идет о м о е й роли в реализации дерзкой идеи. Черт побери, фотонная ракета, это та еще штучка!.. гм...

Я стал привычно взвешивать все «за» и все «против». Невообразимая даль, новые пространственные эффекты — за; непредсказуемые изменения действительности, возможно такие, что хуже и не придумаешь,— против. Ну и в таком духе. Внутренне радуюсь, что все «против» гораздо слабее одного «за». Не скрою, тяжело покидать Землю даже для вояжа на Луну. Я не знаю, как бы воспринял предложение о полете в тридцать световых лет, будь Лена жива. Лены нет. И чего стоит жизнь без Лены! Между тем, меня даже не заинтересовало, почему выбор пал на меня. Феликс будто угадал возможный вопрос и продолжал:

— Ты можешь спросить, по какому принципу подбирается экипаж? Могу сказать: его составят десять самых надежных, квалифицированных, испытанных мужей до тридцати лет.

— Почему именно десять?

— Я себя не считаю.

Ответ, достойный Феликса, воплощенной скромности. Я думаю, это ложная скромность. Феликсу недостает самоуверенно-

сти, и потому он часто является застрельщиком самых рискованных начинаний. При их реализации никто бы не смог так скрупулезно и придирчиво проверять расчеты и подготовку, как это делает Феликс. Что касается Феликса, то руководители экспедиции сделали правильный выбор. Теперь относительно меня. Я геолог. В злополучной экспедиции на «Электре» приобрел кое-какой опыт на выживание в экстремальных условиях.

— На «Электре» ты зарекомендовал себя прекрасно,— сказал Феликс,— а какой ты геолог — я не знаю и знать не хочу.

— Оставь это. На моем месте любой вел бы себя так же. И на «Электре» я был прежде всего геологом, и тем горжусь.

— Хорошо, хорошо,— согласился Феликс.— Командира и помощника ты, наверное, знаешь. Марк Роган и Дэвид Брок.

— Пилоты из исследовательского центра. Любимчики Бен Гатти. А навигаторы?

— Второй — я, первый — Роберт Тилл.

— Я не знаю его.

— Одна небольшая экспедиция. Из молодых, да ранних,— сказал Феликс.— Может быть, лучший навигатор столетия. Хороший астролог. Хороший математик-теоретик. Если бы пошел в астрономы, давно уже руководил бы институтом. Специалист по кибернетике и отладке систем.

— Недурно. И сколько же таких эрудитов на Земле?

— Немного.

— Тогда почему не он командир?

— Ты думаешь, что в Совете сидят дилетанты? Командирами могли бы стать по меньшей мере еще три члена экипажа. Но довести экспедицию до цели может лишь первоклассный навигатор. Тилл и есть первоклассный.

— Никогда не слышал о нем.

— В 15 лет по особому разрешению он попал на грузовой рейс Земля-Венера. В пути очень мало спал, читал учебную литературу, экспериментировал со свободными секторами «мозга». Ты ведь знаешь, что такими сравнительно несложными полетами управляют с Луны. «Мозг» встраивают в систему корабля только для подстраховки... Тилл десять лет работал на этой трассе и два раза в год брал отпуск, чтобы сдавать экзамены. После был вторым навигатором экспедиции на Плутон. Если не по другим случаям, то хотя бы по этому ты должен помнить его имя.

— Конечно, вспомнил. Он был тот, кто...

— Да, «мозг» корабля из-за неправильного подключения сгорел. Первый навигатор, что называется, рехнулся, словом, отключился, и если бы не Тилл... Понимаешь, на обычном бытовом компьютере рассчитал трассу от Плутона к Луне! Другой не смог бы рассчитать на нем даже путь от Луны к Земле, а Тилл уверенно провел корабль по такой сложной трассе.

— Кто следующий?

— Тен Линг — астроном. Тоже хватает звезды с неба... Два бортинженера: Андрей Болотов и Такура Омичи...

— Эти тоже из Центра?

— Да, работали в группе Дэйва.

— Надо полагать, все холостяки?

Феликс развел руками:

— Это одно из условий подбора... Кого мы не упомянули? Два медика: Вэл Тоно и Мишель Марсе — оба космонавты со стажем. Радист Яй Синг — его хорошо знает Тилл. И, наконец, Амар эль Гатти... Не удивляйся, даже не родственник. Доктор биологии. Изучал антропологию и зоологию...

Большинство имен тогда мало о чем говорило мне. Я немного знал сотрудников Исследовательского Центра,— это они организовали экспедицию на Ганимед, тогда же я со многими и познакомился. А сейчас мне не давал покоя вопрос:

— По каким соображениям все-таки в экспедицию не берут семейных?

Не скажу, что мой вопрос обрадовал Феликса. Сужу по тому, что огонек его воодушевления сразу приугас.

— Ты все еще не понял? — удивился он.— Или притворяешься? Будем откровенны — успех нашей экспедиции, вернее, вероятность нашего возвращения... хм... не очень велика. Мы, холостяки, рискуем собственными жизнями, не обремененные обязательствами перед женами и детьми. Так что руководители экспедиции правильно решили, что не имеют морального права подвергать риску семейных космонавтов. Что, мало холостяков? Ведь ты лучше, чем кто-либо, понимаешь трагедию потери близкого человека. Прости, что напомнил об этом.

Перед моим внутренним взором появилось лицо Лены, спокойное, веселое,— я всегда его видел именно таким... Феликс прав. Задуманная экспедиция связана с большим риском. Для меня, пережившего трагедию «Электры», потерявшего на ней любимого человека, любой риск нипочем. Из этого исходили люди, комплектующие экипаж, вернее — состав экспедиции. Но меня поразило другое, и я тут же все выложил Феликсу:

— Если экспедиция так плохо подготовлена, если так мала вероятность возвращения, то не благоразумнее ли подождать?

Феликс вскочил, словно я нанес ему жестокое оскорбление:

— Ждать? Чего?

— Ждать в смысле не торопить события, получше подготовиться, еще раз все просчитать, продумать... Может, не вполне надежна техника... Ты же понимаешь, о чем я говорю. Уверенность в успехе обязательна. И если мы заранее не вполне уверены, то как организация полета, сама его идея согласуется с моралью? — Чем больше я говорил, тем более каменным становилось лицо Феликса.— Уж не думаешь ли ты, что во мне заговорил трус? Я-то готов лететь хоть сейчас. Скажут, что до старта осталось три часа — и через десять минут я буду готов. В конечном счете дело даже не в наших жизнях. Идея стала достоянием всего человечества. Внимание множества людей приковано к организации экспедиции. А с какими надеждами будет смотреть на нас наука? Имеем ли мы право на легкомыслие?

Феликс вскочил и взволнованно стал прохаживаться взад-вперед перед моими глазами:

— Значит, Бен Гатти в тебе ошибся,— упавшим голосом заявил Феликс.— И я тоже.

— Феликс, присядь, не мельтеши — в глазах рябит. Что за манера — сразу же делать выводы. Я спорю, потому что не все в этом деле согласуется со здравым смыслом. Я не прав? В чем именно?

И пока Феликс нервно прохаживается передо мной, видимо, собираясь с мыслями и аргументами, я подвергаю блиц-ревизии то, что я высказал. Во всем ли я прав? Нет ли у Феликса оснований обвинить меня в трусости? Пока о смерти думаешь, как об отвлеченности,— это одно. Совсем другое — посмотреть ей в глаза и почувствовать ее парализующий волю взгляд. Где-то внутри появились восклицательные знаки раздражения. Что за черт! За кого они меня принимают?! Феликс свалился с готовым решением, как снег на голову, а ты, кого это затрагивает, не смей и возразить... Да, я психологически не готов к подобным сюрпризам... С утра все было в привычном порядке — покой, тишина. Ни намека на какие-либо стрессовые ситуации. Все мои помыслы сосредоточились на Лене. Я решил что-нибудь сделать в память о ней. Вот только что? Можно написать книгу с посвящением. Можно алтарь воздвигнуть. Я вновь и вновь перебирал в памяти недолгую историю нашей любви. Нас сблизили космогонические интересы. И космос отнял ее у меня...

— Послушай, Грегор,— заговорил наконец Феликс.— Ты помнишь, кто такой Христофор Колумб?

— ... (я посчитал, что Феликс, поставив этот вопрос, чихнул на мое достоинство).

— Тогда ты знаешь, какие были у него корабли. Так?

— Ну!

— Всего тридцать метров длины и 130 тонн водоизмещения...

— Дальше!

Феликс остановился передо мной, расставив ноги. Для большей устойчивости, что ли?

— Ты — Колумб,— заявляет Феликс.— Именно сейчас ты готовишься в опасное плаванье на своем весьма и весьма примитивном суденышке. И вот подходит к тебе некий человек и говорит: «Что это ты затеял? Я верю в прогресс человечества. Пройдет десяток, сотня, три сотни лет — люди изобретут такие корабли, которые при полном штиле поплывут с такой скоростью, какая твоему корыту и не снится... Я прошу тебя — не торопись. Подожди. У наших внуков и правнуков будут другие возможности. Им не придется так рисковать...

— Хватит!

— Я только начал. Некий человек продолжает: — Смотри в будущее, дорогой господин Колумб, и жди. Скоро изобретут паровую машину, потом двигатель внутреннего сгорания, электричество, разные удобства... Зачем вам тратить годы на дорогу, которая у ваших правнуков займет недели, а то и часы? Словом, подождите... Я зажал уши.

— И что ты решил? — спросил Феликс голосом выдохшегося лектора.

Говорят, что в решающий момент человек чувствует, как его касается рука судьбы. Длинный монолог Феликса не снял ни одного из моих сомнений. Его аргументация шла в другой плоскости. Я был зол и внутренне решителен. В самой глубине сознания тлела горечь неясного сожаления. Сожаления ни о чем:

— Я должен представиться Совету?

— Не к спеху. Можно завтра в девять ноль-ноль.— Феликс с плохо разыгранным безразличием пожал плечами.

И больше мы об этом не говорили. Правда, после ужина, когда мы втроем — был еще рыжебородый директор — сидели на верхней террасе и наблюдали пламенеющий закат, этот самый директор спросил:

— Как будет называться ваш корабль?

— У нас будет два корабля,— ответил Феликс.— «Титан»— стартовый и «Викинг»— экспедиционный, как составная часть «Титана».

— «Викинг»? Понятно,— кивнул директор.— Викинги — это те, кто первыми вторглись в мировой океан. Люди тогда еще жили в уютной вере, что Земля, как плоская тарелка, плавает в море, которое тянется до звезд. Прекрасное название... Подходящее название.

В сгущающихся сумерках наша терраса невесомо реяла между звездным небосводом и электрической иллюминацией долины.

Марк Роган внимательно посмотрел на меня, перевел взгляд на Феликса:

— Не слишком быстрое средство передвижения эта ваша ракета, но вы не опоздали. Я пригласил вас, чтобы еще кое-что обговорить. Каждый из вас, надеюсь, хорошо знаком как с общим планом нашей экспедиции, так и с частными разделами. В научных и популярных изданиях опубликовано много отчетов и статей. Я хочу привлечь ваше внимание к некоторым вопросам...

Пока Роган говорил это, в зале собрался весь экипаж, члены экспедиции, чиновники Совета.

— ... Мы будем заперты в ограниченном пространстве 37 земных лет. Первое, что от нас потребуется, это постоянная готовность помогать друг другу, готовность к любым жертвам. Наши психоданные, индивидуальные качества, привычки позволяют надеяться, что в этом плане неожиданностей не будет...

Наши корабли — самое совершенное создание человеческого гения на сегодняшний день. Любая деталь, каждый узел, каждый прибор — образец совершенства. Полагаю, что и люди, которым предстоит обслуживать их, не менее совершенны...

Нам выпала великая миссия первыми вырваться за пределы Солнечной системы. Надо ли говорить о значимости и масштабе этого предприятия? Нам оказано огромное доверие — будем же достойны его!

Будем снисходительны к Марку — он говорил общеизвестное. Подобного рода риторика призывает мобилизоваться, настроиться, сосредоточиться, проникнуться и т.д., потому что «цель нашего

путешествия, как вы знаете, находящаяся в 12 световых годах звезда Тау Кита. Ближе, правда, тоже есть звезды, в планетной системе которых предполагается сходство с нашей, Солнечной. Но у Совета Космических Исследований были основательные причины выбрать именно Тау Кита. Если среди спутников нашей звезды окажется планета с гостеприимным характером, за дело примется «Викинг»... Я прошу нашего главного навигатора Роберта Тилла коротко ознакомить вас с целями и задачами его группы».

Марк, несмотря на молодость, был мудрым человеком, знал, что долгое пребывание в замкнутом пространстве и постоянное нервное напряжение таят опасность для психики, если не загрузить ее работой. Человек начинает думать о том, что́ его ждет в пути, о доме, о близких людях. Дальше — стрессы. Они имеют дурное свойство — плохо кончаться...

Тилл, прежде чем начать разговор, зачем-то снял и протер очки:

— У меня задача проста — перевести движение «Титана» с расчетной межзвездной орбиты на орбиту вокруг звезды Тау Кита. Но до этого этапа еще очень далеко. Сейчас мы заканчиваем расчет траектории полета на начальном этапе. Сложно рассчитывать гравитационные возмущения при подходе к самым дальним пределам Солнечной системы. Надеюсь, что в ближайшие сто — сто двадцать часов мы управимся, и все наши расчеты, как дополнительные и корректирующие, введем в программу «мозга», разработанную на Земле...

Когда мы достигнем скорости в 70 процентов от световой, двигатель «Титана» начнет действовать с тормозящим эффектом. Так будет до конца пути. Заключительная часть трассы рассчитана так, чтобы с расстояния в 150 миллионов километров от нашей Звезды начать замедление скорости с переводом межзвездной орбиты на эллипсоидную орбиту вокруг Тау Кита. Мы перейдем в полное подчинение этой звезде. Окончательную корректировку постоянной орбиты проведем после исследования «планетной ситуации» в хозяйстве Звезды, выберем самую рациональную орбиту. С таким расчетом, чтобы на изучение планет тратить минимум энергии. Если понадобится высадка на гостеприимную планету, в дело вступит «Викинг». На этом этапе нашего путешествия многое будет зависеть от качества связи между «Викингом» и «Титаном». Это уже проблемы Дэвида Брока.

Тилл, очевидно, из тех людей, кто не очень-то уважает трибуну. Молчаливый, на первый взгляд — замкнутый, он предпочитает слушать. Поэтому с удовольствием уступил трибуну главному инженеру. Дэйв готов говорить о ракете часами, было бы кому слушать. Вот он и разошелся, будто целую неделю готовился к своему двухчасовому докладу. Безусловно, он толковый специалист. Помимо Исследовательского Центра, он работал на кафедре ракетостроения в Университете Космонавтики, да еще какую-то группу вел в НИИ новых технологий.

— Когда, двадцать лет назад, наш институт получил задание на разработку фотонного двигателя, мы практически начали с нуля...

Попутно в разглагольствования Дэйва вношу коррективы — двадцать лет назад Дэйв, как и все мы, бегал в коротких штанишках и получал от родителей выволочку за неуважительное отношение к элементарным школьным обязанностям. Но это второстепенное обстоятельство не мешает Дэйву оперировать демократическим понятием «мы». Ну да пусть разливается. Времени у нас предостаточно. Членам экспедиции на транспортном корабле делать особенно нечего.

...Среди многочисленных проблем, с которыми столкнулся наш коллектив, назову самые значительные: чрезвычайно удачная по мощности конструкция излучателя фотонов с достаточно высоким коэффициентом полезного действия; сохранение поверхности отражателя фотонов в условиях высокотемпературного режима эксплуатации; разработка максимально экономичного генератора фотонов... Повторяю — это лишь некоторые наши успешно разрешенные проблемы...

Лично мне трудно было следить за течением мыслей Дэйва. Нечто похожее я уже слышал. И стилем, и модуляциями голоса Дэйв напомнил мне профессора, читавшего в университете курс палеонтологии. Он так витиевато строил фразы, что, дослушав до конца, слушатель успевал забыть начало. Между тем, в любой аудитории находилось немало сторонников подобного стиля. Дэйва с явным удовольствием слушали Амар, Феликс, Тен Линг, оба инженера. Синг сосредоточенно подпиливал ногти. Тилл мечтательным взглядом изучал потолок. Мишель и второй врач Тоно не отрывали глаз от экрана звездного обзора. Я тоже повернулся к нему, чтобы понаблюдать за все удаляющимся серпом нашей милой Земли... Слабенький отзвук тоски сжал мне сердце. Меня до сих пор не оставляют тревожные сомнения — верно ли я сделал выбор, согласившись на это путешествие, не оттаяв от предыдущего? Конечно, мне хотелось сохранить лицо в глазах Феликса. Конечно, мне хотелось убежать от себя всякий раз, когда я думал о трагичной потере Лены.

Чем хороша речь Дэйва? Она не мешает думать о своем. Она не помешала мне перенестись в те удаляющиеся годы, когда я встретился с Леной впервые. Я воочию вижу ее, сидящую рядом со мной в платье желтого цвета с ярко-зеленым браслетом на точеной руке. Мы еще не знакомы друг с другом. Это была воля случая, что мы уселись рядом, когда шумная студенческая толпа начала рассаживаться в лекционном зале, чтобы выслушать первую лекцию первого курса. За окнами — великолепная осенняя пора, деревья устало дремлют в тишине. В лучах воспоминаний осенние краски кажутся особенно яркими: молчаливая листва, кустарник в алых ягодах вдоль забетонированных тропинок, темно-синее небо и белое облачко на нем, плывущее на юг.

Начало учебного года — это неопределенная приподнятость чувств. Мы стали на год старше, новая обстановка, новые люди, новые друзья, приобщение к науке... Странные ощущения, которые я мог бы объяснить как приподнято-тревожные, предвещали новые перспективы...

Лена — удивительное существо. Подперев рукой щеку, она

слушает лекцию. Она так прекрасна, что сердце заходится, когда смотришь на нее.

На следующий день мы танцуем на балу знакомств. Через неделю, после первой лабораторной работы, считая себя без пяти минут учеными, затеваем принципиальные споры. Ее черные глаза сверкают непримиримо. Нам кажется, что мы всю жизнь будем ненавидеть друг друга. Проходит неделя без встреч, и мы чувствуем, что нам не хватает друг друга. Лена храбрее — однажды утром она снова сидит в лаборатории рядом со мной. Берет меня за руку, словно и не было размолвки.

— ...Сборка корабля в далеком космосе имеет массу сложностей,— говорил Дэйв.— Но мы сегодня не способны даже вообразить, какой мощности нужен двигатель, чтобы оторвать такую массу от Земли. Собранный в дальнем космосе, «Титан» не может стать объектом восхищения толпы на космодроме. Так что человечество может полюбоваться нашим кораблем только на фотографиях и на экранах геовидео...

Изготовляя большую часть узлов и блоков на лунных предприятиях, мы сэкономили много средств...

Принцип стыковки «Викинга» с «Титаном» признан блестящим. «Викинг» находится как бы во чреве «Титана», и сам по себе не представляет технического новшества. Это модернизированный космический корабль довольно большого радиуса действия ПП-4. Такие корабли хорошо зарекомендовали себя — они эксплуатируются в межпланетных полетах более тридцати лет. Разумеется, наш «Викинг»— не серийная машина. Многие детали, узлы, их компоновка подверглись усовершенствованию в соответствии с той задачей, которая возлагается на корабль. Его ресурс достаточен, чтобы выполнить любую задачу. И если по идее он давно уже не чудо современной техники, реально это самый подходящий для нашего предприятия корабль...

Как только «Титан» выйдет на орбиту вокруг Тау Кита, мы приступим к реализации программы по исследованию планетной системы. Здесь-то «Викинг» и призван сыграть свою роль. У «Титана», как космического объекта, сила притяжения мизерна, практически ее в расчет можно и не брать. Значит, старты «Викинга» не потребуют большой энергии. Во всяком случае, ее понадобится гораздо меньше, чем для старта на Марс или Венеру с Луны. «Викинг» в принципе отличается от своих серийных собратьев, во-первых, мощностью «мозга». К обычному компьютеру типа «Омега» добавлены два специальных. Один предназначен для решения некоторых задач, связанных с эксплуатацией «Титана», а другой будет управлять гибернатором...

Назовите это ребячеством, но когда я думаю о гибернаторе, в голове возникают образы холодильника и мороженой рыбы. Он всесторонне испытан и опробован. Температура тела в нем не опускается ниже двадцати градусов,— никаких неприятных эффектов для человека он не допускает. Неприятности — в нашем сознании. В то время как мои современники живут нормальной

жизнью, ходят, дышат, работают, развлекаются, любуются цветущими деревьями, я беспробудно просплю 10—15 лет. Когда мы, даст Бог, вернемся из этого путешествия, мои сверстники на Земле будут в сравнении со мной стариками. Что мне делать тогда с моей законсервированной молодостью среди незнакомых людей? Понимаю нереальность моих желаний, но в эту минуту мне хочется жить нормальной земной жизнью: встать утром с постели, умыться, позавтракать и отправиться на работу...

Если я когда-нибудь вернусь на Землю, обязательно загляну в Дом Тишины, чтобы рекомендовать врачам новый метод психотерапии. Нужно только сохранить наш старый корабль и уверять пациентов, что с ними отправятся в смертельно опасную экспедицию.

— ... следовательно, старт нашего «Титана» мы ни наблюдать, ни чувствовать не сможем,— Дэйв сожалеюще развел руками.— Обидно, конечно, но иначе нельзя. Биологические эффекты на старте и при движении фотонной ракеты требуют обязательной гибернации. Это условие заложено в программу «мозга». Несколько слов я хотел бы сказать о системе предохранительных устройств...

С характерным звуком включилось переговорное устройство. Командир транспортника сообщил: «Внимание! Мы приближаемся к «Титану». Причаливание — через 20 минут!»

Марк объявил собрание закрытым. Все одновременно загалдели и стали расходиться. Я же почувствовал себя так, словно нахожусь в институтском лифте, падающем с высоты в 110 этажей. Еще не поздно, подумал я. Можно отказаться, объяснить отказ какой-нибудь подходящей причиной. В конце концов, не хочу оставлять Землю — и все. Марк меня поймет. Почему я должен оправдываться, когда хочу чувствовать под ногами землю,видеть над собой голубое, а не черное небо!.. Ну произойдет задержка с вылетом. Всего на два дня, пока с Луны прилетит дублер. Их там по шесть человек на одно место. Сидят и мечтают, чтобы у кого-нибудь из счастливчиков — это мы-то счастливчики? — сопли потекли...

Нет, Совет не ошибся, назначая Марка Рогана командиром «Титана». Вперив в меня холодно-серый взгляд, он заранее знал, с чем я к нему подхожу. А может, у меня все было написано на лице? В манере его отношений с людьми, в зависимости от ситуации, было и понимание, и неодобрение. Его голос был одновременно любезен и рассчитанно-безразличен:

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Подойдем-ка к экрану поближе. Это стоит рассмотреть повнимательнее.

Казалось, что экран еле светится. Но это не так. Просто на нем отразился черный цвет межзвездного пространства с яркими пуговицами звезд. Прямо посреди экрана, четко пропечатанная, медленно поворачивалась вокруг своей оси странная конструкция. В космосе трудно определить параметры находящегося в нем объекта. Не с чем сравнивать. То, что я вижу, может быть размером с кулак или колесо автомобиля. А может, и побольше.

— «Титан»,— поясняет Марк,— корректирует свое положение в пространстве, «подставляется» под нас.

Марк подчеркнуто игнорирует мое настроение.

— Сейчас можно будет различать «Викинг»... Сейчас... «Титан» еще немного развернется... Так... Вот он, в центре «Титана», видишь? Ты знаком с габаритами «Викинга», он еле различим сейчас. Видишь выступ в самом центре диска? Это он. Можешь вообразить размеры «Титана», если знаешь, что «Викинг» по высоте равен двадцатиэтажному дому... Эта махина унесет нас в иные миры. На три десятка лет она станет нашим домом, нашей «землей»... А может, и могилой. Мы готовы ко всему. Лично я верю в благополучный исход. Кто не верит или боится, тот скажет о своем решении. Еще не поздно. Здесь никто никого не имеет права задерживать. Мы пришли сюда добровольно. Того, кто дрогнет, никто ни в чем не упрекнет. Я только скажу ему две вещи: если мы победим, он окажется непричастным к нашей победе. Если погибнем, он лишится возможности уйти на вечный покой в таком дорогом и великолепном склепе.

К этому времени «Титан» занимал чуть не половину слабо мерцающего экрана.

Смешно признаваться в своем малодушии, но когда за моей спиной захлопнулась дверь гибернатора, мне захотелось продолжить разговор с Марком, состоявшийся несколько недель назад, перед причаливанием транспортника к «Титану». А теперь уже все. Мосты сожжены. Я мог бы поделиться сожалением с Лингом, моим соседом по гибернатору, но это означало бы потерять лицо. Он лишь удивился бы, почему я не сказал об этом вовремя.

Камеры в гибернаторе двухместные. Мы, не говоря ни слова, улеглись в специальные кресла. Через минуту или две зашли Марк и Мишель, врач. Мишель прикрепил на каждом из нас какие-то пластинки — на руках, на ногах, на голове и груди. Проверил широкий эластичный ремень. У Линга он оказался слишком затянутым. Будет нарушаться кровообращение, сказал Мишель, послабляя застежки. Комок застрял у меня в горле. Чтобы показать, что я спокоен, спросил, как там остальные.

— Кое-кто уже спит,— сказал Мишель,— А те, у кого есть работа, залягут в последнюю очередь... На какой запах настроить сомнифер? Сирень? Жасмин? Роза? Запах луга или леса?

Запах в смесь усыпляющих газов вводился по желанию каждого.

— Мне все равно,— ответил я. Как будто имеет значение, что нюхать в последние минуты бодрствования. Мишель подключил мне запах луга. Хитрецы эти проектировщики!.. Китаец Линг пожелал дышать цветком своей родины — жасмином.

— Полный порядок! — Марк прошелся по камере внимательным взглядом, заглянул в наши глаза.— Приятных вам сновидений!

Люк медленно закрылся за ушедшими, свет не то чтобы погас, а потускнел до сумеречного. Я хотел было пожелать Лингу

доброй ночи, но маска, охватившая нос и губы, сделала наше общение проблематичным. Вот и хорошо, подумалось. Я закрыл глаза и окунулся в запахи весеннего луга. Пахло разнотравьем. Выделялся запах одуванчиков. Постепенно улеглось волнение, мысли пошли вразброд. Начал действовать сомнифер. С этой минуты началось бесконечное сладостное парение над временем и пространством.

В углу плота, где лежали собранные нами продукты, послышались возня и чавканье. Плоскоголовые едят ужасно некрасиво, и Ного не исключение. Пока есть пища, они жрут до одурения. Этот тоже: только проснулся — и сразу же набил рот корешками. Меня это злит. Мне неприятно его чавканье. Если он так жрет, что мы будем есть завтра? Послезавтра? Плоскоголовые могут неделями обходиться без еды, я же на такое не способен... Черт, хоть бери да затыкай уши. В досаде вскидываюсь и сажусь спиной к Ного. Но и затылком вижу сидящего на корточках дикаря с набитым ртом перед горкой пальмовых почек и крокодильих яиц. Вижу его невинный взгляд, который он время от времени бросает на меня. Потом слышу, как он встает. Неуверенные шаги. Руки Ного появляются из-за моей спины и кладут мне на колени несколько яиц и пальмовых почек. Я тронут. То ли Ного понял, что я недоволен им, то ли что другое, но дикарь уселся возле меня и заговорил:

— Ного большой, сильный. Ного добрый. Ного надо много есть. Ного умный. Понимает — нельзя есть весь день. Надо есть, когда живот просит: хочу есть.

Улыбаюсь и похлопываю Ного по плечу. Тут ничем не поможешь. Он не понимает, как и все его соплеменники, что еду надо запасать так, чтобы хватило на несколько дней. Образ их жизни таков, что собранное сразу отправляется в рот. Если я начну его приучать к определенному распорядку, он меня не поймет. Решит, что я присвоил пищу и хочу съесть ее сам. В противном случае я должен последовать его примеру: он ест — и я ем, пока не съедим все.

Четыре года живу среди дикарей, а не могу привыкнуть к растительной грубой пище, особенно к различным корням. Ростки молодого бамбука и пальмовые почки в свежем виде даже вкусны, а чуть привяли — не пережуешь. Крокодильи яйца, если они свежи, приятное лакомство. Но нет ничего отвратительней, чем перегретые на солнце и, к тому же, несвежие. Они выворачивают тебя наизнанку, даже если ты голоден. За четыре долгих года я так и не привык к гусеницам и прочей гадости. И все же, встав перед выбором: лопай что есть или умирай с голоду, человек недолго гримасничает.

Крокодильи яйца по вкусу мало чем отличаются от куриных. Свежие. А бывает и так: берешь яйцо, надкусываешь скорлупу, а там зародыш хвостиком шевелит. Дикарей это не смущает, я же с отвращением отшвыриваю яйцо прочь. Так случилось и сейчас. У Ного глаза лезут на лоб. Разве можно выбрасывать такую вкуснятину?! Пока Ного подбирает разлившееся содержимое

и полуживого крошечного крокодильчика, меня посещает догадка: приманка! Крокодильчика можно использовать в качестве приманки! Еще миг — и приманка исчезнет во рту Ного.

— Подожди!

Ного смотрит на меня оторопело. Я подхожу к нему и осторожно высвобождаю скользкое существо из его грязных пальцев.

— Подожди, у нас будет другая еда. Сейчас мы поколдуем — и этот крокодильчик вытащит нам из реки большую рыбу.

Ного смотрит на меня недоверчиво. Упоминание о колдовстве приводит бедного Ного в состояние каталепсии. На наше счастье, это происходит на плоту, и Ного только беспомощно озирается. В другом месте он убежал бы. Он, который может управиться с пятью противниками!

Ного сидит на противоположном уголке плота и неотрывно следит за моими приготовлениями. Я предвкушаю удачу. И если она не подведет, мы решим проблему еды надолго, пока плывем по широкому лону Великой Реки.

В качестве грузила я использую обыкновенный камешек. Леска получилась не очень длинной, пожалуй, даже короткой. Грузило с костяным подобием крючка погружается в воду у самого края плота. Минуты ожидания, как у настоящего рыбака, кажутся часами. Пальцы с намотанным на них концом лески онемели от напряжения. Говорят, что рыбацкое счастье не столько в умении, сколько в везении. Посмотрим...

Леску рвануло из моих рук, когда я меньше всего ожидал клева, если можно назвать клевом рывок, едва не стянувший меня с плота. Еще один такой — и я бултыхнусь в воду. Кричу туземцу, чтобы он придержал меня за ноги... Он, вероятно, думает, что все это входит в затеянное мною колдовство. Леска пружинисто натягивается — и я начинаю сползать с плота:

— Ного, тащи меня назад!

Для моего спутника это не проблема. Взял меня за щиколотку и подтащил к себе. Я уперся ногами в поперечину и начинаю потихоньку подтягивать улов к плоту. На крючке, верно, акула.

— Ного, помоги! Хватайся за веревку вот здесь!.. Тише!

Мой спутник послушно выполняет мои команды. Стоп! Леска напряжена до предела — вот-вот оборвется. Мы подтянули рыбину к самому плоту. Она мечется, бросается во все стороны. Ного в ужасе — ему никогда не доводилось промышлять крупную рыбу. Ловил мелочь во взбаламученной луже. Сейчас он, наверное, думает, что на веревке болтается крокодил, потому что вдруг выпускает веревку из рук и отползает от края плота.

— Ного, хватай веревку! Если мы не вытащим эту проклятую рыбу, она перевернет нас! И мы утонем!

Такая перспектива Ного не устраивает. Он, преодолевая страх, снова помогает мне. Рыба заметно ослабела, и мы подтянули ее к плоту, где она снова вскинулась над водой. Ного боится, но веревку не выпускает. Правой рукой тянусь за топориком.

— Подтяни ее поближе!

Приноровившись, бью по шишкастой голове, по зубастой пасти... Это чудище так работало хвостом, подняло столько брызг, что мы промокли бы до нитки, если бы на нас была хоть одна ниточка. Уродливая голова — сплошная пасть. Рыба перестала сопротивляться. Мы втащили ее на плот. Струйки крови стекают на бревна. Наша добыча меньше всего похожа на рыбу. Какой-то крокодил с жабрами. Теперь на ближайшие дни нам голод не грозит. Ного смотрит на нее с опаской — такой пищи у него не было еще. Сидит у шалаша и смотрит, как она доходит. Я отрубил рыбине голову и начал откусывать кровоточащие кусочки. Глядя на меня, Ного осмелел и тоже попросил кусок.

У нас теперь вдоволь и еды, и приманки, а крокодильими яйцами пусть наслаждается сам Ного.

Разомлев под жаркими лучами, весь остаток дня я дремал, изредка вглядываясь в проплывающие мимо берега и не обнаруживая там ничего живого; не считая зелени, разумеется. Местность все так же пустынна, разве что скалистые пики гор стали чуть повыше. Солнце скоро спрячется за них... Что ждет нас завтра?

С утра, пристав к берегу, лихорадочно разыскиваю в зарослях поваленные деревья, обрубаю ветки и с помощью Ного подтаскиваю бревна к плоту. Первые часы плаванья показали его недостаточную устойчивость. Кроме наращивания «жилплощади», вношу и другие усовершенствования: из мокрой глины сооружаю место для костра, прямо посреди плота. В метре от очага при помощи длинных веток выстраиваю нечто среднее между шалашом и навесом. Это на случай дождей. Тщательно осматриваю крепление бревен. Лыко в некоторых местах растянулось , истончилось. Тут же разыскиваю на берегу заросли кустарника, похожего на верболоз. Тонкие, гибкие прутья как нельзя лучше подходят для крепления бревен... Работа над усовершенствованием плота отнимает у нас весь день. Ного уже без страха подходит к нашей рыбе, ему, видно, хочется мяса, а с другой стороны — не исчезла подозрительность.

Наш плот стал заметно надежнее. Наверное, поэтому мне спокойнее спалось. Ночь прошла без сновидений. Горы отступили подальше, долина стала шире. Скалистые отроги четко прорисовываются на фоне голубого неба, горные ущелья выделяются чернотой. Не отсюда ли название — Черные горы? Река привольно катит волны по широкой долине, открывающей путникам широкий обзор. Далеко впереди несколько горных вершин поблескивают белизной. Снежные вершины притягивают к себе стада кучевых облаков...

Странная это земля. Река, рождаясь в холмистой равнине, течет в сторону довольно высокого горного хребта, словно разрезанного надвое широкой долиной. Обычно реки текут со стороны гор, словно боятся их крутосклонов. Тут же наоборот, но я не удивляюсь особенно. Мое первое объяснение — таково геологическое строение материковой платформы.

Завтракаем ломтями сырой рыбы. После бамбуковых росточков и крокодильих яиц это вполне сносная еда. Допускаю, что Ного думает иначе, но, глядя на его чавкающий рот, делаю

вывод, что он по достоинству оценил белое, сочное мясо.

Обшариваю взглядом берега. Надо бы причалить,— только где? Бамбуковые заросли подступают к самой воде. Впереди, по течению реки, горный хребет со стороны левого берега круто обрывается, образуя широкое ущелье. Не сомневаюсь, что по нему бежит речка, приток нашей реки. В ее устье, чуть ниже по течению, наверняка мы встретим отмель, образованную песчаными наносами.

Мы плывем до них около двух часов. Я решил было заняться рыбалкой, но подумалось, что рыбы пока хватит, а леску и крючки надо беречь. Наша рыба начинает попахивать.

О приближении устья нас известил шум речных перекатов. Это горная речушка изливает радость по случаю встречи с большой рекой. Сразу же за устьем над водой возвышается песчаная коса. Мы с Ного всматриваемся в нее, и я замечаю, что Ного волнуется. Глаза у него острее моих. Он что-то видит. Я напрягаю зрение. На фоне светлого песка появляется довольно большое темное пятно. Что это может быть? Ладно, думаю, подплывем ближе — увидим. Вскоре все разъяснилось. Над белым песчаным пляжем возвышалась туша неизвестного мне огромного животного. Она была буквально облеплена мелкими хищниками и птицами-падальщиками. Изо всех сил, работая руками как веслами, пытаемся направить плот к берегу. Он стал тяжелее и непослушнее. Нам все же удается приблизиться настолько, что я могу взяться за шест. Плот ткнулся в песок, но мы не торопимся сходить с него. Зрелище, открывшееся перед нами, внушает отвращение. И не только смрадом. Вижу — на моего спутника смрад действует возбуждающе. Множество зверей: крокодилы, стаи гиен и шакалов. Между ними шныряют зверьки помельче. На самой туше— теперь я вижу, что это огромный динозавр,— расселись птицы, похожие на грифов. В воздухе кружат несколько рукокрылых...

Звери трудились, отрывая от туши куски и заглатывая их с неописуемой жадностью. В зарослях мелькнула желтая шкура Большого Гривастого... Жрущая орава поражала мрачной деловитостью, при том, что звери взаимно опасались друг друга. Гиены держались подальше от крокодилов, мелочь — подальше от тех и других.

— Большой Господин,— сказал Ного, понизив голос. Глаза дикаря под надбровными дугами выражали непритворное почтение. Ясно, что относилось оно не к тем, кто жрет.

Ного пытался оттолкнуть плот от берега и останавливался под моим повелительным взглядом. Это в джунглях я позволял туземцу играть первую скрипку, а здесь, на реке, командую я, тем более, что нам нечего бояться. Догадываюсь, что Ного боится Большого Гривастого, который разлегся на песке, равнодушно поглядывая на пирующих. Гривастый падали не ест.

— Не бойся, Гривастый не голоден. И боится Большой Реки!

Насмотревшись на зверей, я оттолкнул плот от берега и мы вскочили на него. Я подумал об Амаре — ему было бы интересно понаблюдать за множеством животных как биологу. Бедный

Амар, он даже не успел подумать, что становится жертвой доисторического животного! Наблюдая за жизнью динозавров, он, наверное, смог бы ответить на вопрос — почему на Земле динозавры вымерли так неожиданно. И почему сохранились тут, на далекой планете. Он был очень любопытен. Во всяком случае, это вопрос не из области моих профессиональных интересов. Меня в данной ситуации можно оценить как зрителя, не лишенного любопытства. Где еще я мог бы наблюдать такое? Вот, пожалуйста, два птеродактиля, упираясь, пытались вырвать друг у друга кусок мяса. Крокодил яростно хлестнул хвостом своего собрата — они оба вцепились в один кусок. Маленькие зверьки вгрызались в тушу звероящера так, что наружу торчали одни хвосты и задние лапы...

Туша собрала сюда всех плотоядных из ближних и дальних окрестностей. Мне очень хотелось бы знать, кто поверг наземь и лишил жизни гигантскую рептилию. Большому Гривастому такое не под силу. Разве что «чешуйчатому человеку», о котором с неподдельным ужасом рассказывал Ного. Он мог бы загрызть травоядного гиганта. Запросто. Куда же он ушел после своей победы? Почему не предался пиршеству, а позволил распоряжаться здесь всякой мелкоте? Хищный ящер повергает своего травоядного соплеменника и уходит прочь. В чем тут дело?

Смрад становится невыносимым, и я стараюсь как можно быстрее вывести плот на середину реки, где быстрое течение унесет нас. Жаль, такое хорошее местечко, а причалить нельзя...

Пока наш плот потихоньку отходил от берега, из зарослей с громким ревом вышли два Больших Гривастых и направились к туше. Мелкие звери, волки и даже крокодилы уступали им дорогу. Отойдем и мы подальше от этих когтистых и клыкастых, подальше от муторного смрада, заполонившего окрестности. На середине реки нас подхватило течение. Вскоре запах исчез. Река делала крутой поворот. И сразу же за поворотом нашим глазам открылось широкое зеркало затона с почти неподвижной водой. Поскольку течение нас толкало к противоположному берегу, мы приложили немало усилий, чтобы вырвать плот из его объятий. При этом чуть не проскочили мимо. Приглянувшийся нам участок песчаной отмели оказался метрах в тридцати вверх по течению. Мы соскользнули в воду— Ного сделал это с большой неохотой— и стали подталкивать плот назад. Мне казалось, что придется изрядно повозиться с ним. К нашему удовольствию в неподвижной воде затона плот легко скользил в нужную сторону. Наши ноги глубоко увязали в тине, и я подумал о пиявках. Здесь, должно быть, их царство. Я передергивался от любого прикосновения к моим ногам в тине.

Пригнав плот к берегу, я забил в песок крепкий кол и привязал к нему наш «корабль». Мы теперь знали, что здесь полно хищников, и держали под рукой топоры и дубины. Вслушивались, а мой спутник еще и внюхивался в прибрежные заросли.

Здесь полно сухих деревьев. Их натаскало, по-видимому, в половодье. Я тут же поправился — здесь половодья не может быть. Грозы по нескольку дней подряд — это да.

Я не замедлил подвергнуть своего спутника самой настоящей эксплуатации. Надо было освободить от стволов нашу площадку, выбрать подходящие бревна для плота. Выбрав нужное дерево, я подзывал Ного и просил продемонстрировать незаурядную силу. Могучий дикарь подхватывал ствол у корневища и подтаскивал поближе к плоту. Ного по силе мог бы поспорить с небольшим подъемным краном.

Попутно мы собирали сухие ветви для топлива. Ночью я собирался развести здесь такой костер, чтобы свет от него освещал и противоположный берег. Больше огня — меньше поползновений на наши драгоценные жизни. Еще я хотел угостить моего спутника деликатесом. Наша крокодилообразная добыча начала попахивать. Хорошо бы зажарить ее на вертеле! Выбрал две рогульки и вогнал их в песок. Насадил нашу дурно пахнущую добычу на длинный шест и водрузил на рогулины. Ного недоумевал, что это? Теперь осталось уложить под вертелом сухие ветки и, добыв соответствующим образом огонь, раздуть пожар, если и не мировой, то во всяком случае достаточный, чтобы поджарить нашу рыбу. Если бы запечь ее в глине, то было бы вкуснее, но заниматься чревоугодием было не ко времени. Временем мы дорожили. Главным образом из-за опасности, подстерегающей на берегу. Безопасность сидела рядом со мной только на плоту, когда плот — на середине реки.

Ного натаскал бревен столько, что из них можно было соорудить три плота, и теперь, сидя на корточках перед огнем и вдыхая запах жареного, глотал обильные слюни...

Рыба прожарилась хорошо. Пропиталась дымком. Словом, не рыба — объедение. Вспоминая о жизни, проведенной среди плоскоголовых, я мог бы на пальцах подсчитать, сколько раз ел горячую пищу. Даже Ного, прирожденный сыроед, поглощал жареную рыбу с причмокиванием,— понравилось.

Я подумал, а не добавить ли к нашему водоплавательному средству еще парочку превосходных бревен, благо выбрать есть из чего. И шалаш можно устроить попросторнее. И место для костра расширить. На ближнем холме я обнаружил дерево, с которого можно было надрать лыка. Аккуратно подрубил топориком кору, остальное поручил своему нецивилизованному спутнику, а сам решил покопаться в камешках. Их тут целые горы. Я выбирал такие, которые годились бы для наконечников стрел и копий. Защищая докторскую диссертацию, я, по правде говоря, не думал, что перелопаченный мною учебный материал пригодится мне в каменном веке. Если плоскоголовые запомнили хоть немногое из того, чему я учил их при обработке камня, они сделают значительный шаг по пути к цивилизации. Они усовершенствуют оружие и в короткое время подчинят себе все бродячие племена в краю зарослей...

Разбирать камешки на берегу реки — удовольствие не только для ребенка, но и для геолога. Я занялся ими и забыл о ежеминутно грозящих опасностях. Забыл, где я и почему. Только камешки существовали и перекатывались на моей ладони. Этот темно-серый — типичный базальт. А этот, красноватый, среди всех камешков самый древний, гнейс...

Я очнулся от крика, схватил топорик и вскочил. Кричал Ного. Он стоял у дерева на холме, там, где я оставил его драть лыко, и, что-то крича, показывал на противоположный берег. Я оглянулся. Над верхушками деревьев покачивались три головы на длинных шеях. Они, с шумом и треском раздвигая деревья, бежали к реке. Их могучие, огромные туловища грузно покачивались на коротких толстых ногах. Если бы они шли степенно, как и надлежит гигантам, подумал бы, что они идут на водопой. Я понял, что это их собрат лежит у берега вверх по течению реки, превратившись в гору пищи для здешнего зверья. Поскольку они бегут в явной панике, то и меня охватила тревога. Я посмотрел на Ного — он как раз приготовился улепетывать куда глаза глядят.

— Ного, стой! Стой, они не полезут в реку!

Динозавры как раз в этот момент всей громадной тяжестью обрушились в воду, подняв тучи брызг. Не думаю, что они плыли,— они просто бежали по дну реки на другой берег, к сожалению, в нашу сторону. Ного, скуля и повизгивая, скатился с холма и влетел на плот. Ноги у меня подгибались от страха, но я остался стоять на месте.

— Ного, не бойся, это же не хищники. Мы им не нужны, понимаешь, Ного? Разве что какой-нибудь неповоротливый наступит на нас, тогда не знаю...

Река в этом месте имела в ширину не меньше двухсот метров. Казалось бы, серьезное препятствие для любого зверя. А может, они решили искупаться? Они настойчиво, упорно преодолевают быстрое течение на середине реки. Речные струи обтекают их округлые спины, как небольшие острова. Мелкие, по масштабам туловищ, головы, подняты высоко над водой. Не приложу ума, что делать. Взбежать на плот? Остаться на месте? Куда они бегут? Если не свернут в сторону, мы будем растоптаны. Как быть?

Пока я пребываю в растерянности, тишину окрестностей нарушает жуткий рев, так испугавший меня и Ного в верховьях реки. Из чащи леса появляется новое действующее лицо: гигантский ящер. Большеголовый ящер. Он вприпрыжку мчится на задних лапах, прижав к груди передние небольшие. Деревья и кусты трещат, как под напором урагана. Я издали различаю сверкающие белизной клыки в полураскрытой пасти. Мчась сквозь чащу леса, особенно высокие деревья он разводит в стороны короткими когтистыми лапами. Подбежав к реке, он на минуту остановился и потряс окрестности новым раскатом рева. Ящеры, убегающие от него, были уже на середине реки. Преследователь, обнаружив их, тоже тяжело бросился в воду и поплыл следом. Он в воде был не особенно ловок, продвигался дергающимися рывками, и если бы у динозавров, назовем их так, хватило ума, они развернулись бы и поплыли посредине реки по течению. Хищный ящер не догнал бы их. Его голова иногда скрывается в волнах, чтобы в следующую секунду с могучим фырканьем вырваться на поверхность. Динозавры плывут прямо на нас, тут уж не до раздумий. Они что, думают у нас найти спасение? А может быть, течение отнесет их в сторону и они выйдут на берег ниже нас?

— Ного,— ору во все горло,— бежим! В заросли!

Ного словно прирос к плоту. И только увидев, как я побежал, сорвался и бросился вслед за мной. Три гиганта, поднимая тучи брызг, уже взбираются на наш берег. Два зверя разворачиваются и бегут вниз вдоль берега, а третий... Третий устремился за нами в сторону зарослей! Господи, он же нас растопчет! Продираюсь сквозь кусты, не обращая внимания на колючки, рвущие кожу.

Мелькает мысль: броситься под куст и свернуться в комочек, авось пронесет мимо! Но сердце разрывается, а ноги бегут! Вырвался из зарослей и кувырком скатываюсь с холма. Вскакиваю и мчусь дальше. Мимо меня проносится тяжеловесный Ного. Бежим к ближнему лесу, где можно спрятаться за деревьями. Ужасный топот приближается. Боюсь оглянуться — кажется, зверь уже рядом. Цепляюсь ногой за корневище — и лечу кувырком. Вижу огромную крокодилью морду с оскаленной пастью, на губах — клочья пены. Неужели все!? Тиранозавр! Он с тяжким топотом пробегает мимо, я слышу его утробное дыхание. Думаю — проскочил, сейчас вернется... Но топот уходит все дальше. Я встаю и смотрю, в чем дело. За нами ведь бежал динозавр! Куда же он девался? Ах, вот оно что! Тиранозавр, укорачивая себе путь, побежал наперехват.

Я опустился на землю, ноги меня не держали. Такое впечатление, что из меня вышел воздух и я превратился в пустую оболочку. Топот динозавров затихал вдали.

— Хорошо, Гррего! — из-за кустов показался Ного, весь поцарапанный,— они побежали туда! — Ного махнул рукой в сторону динозавров. Я поднялся, прислушался. Топота не слышно. Мы двинулись обратно.

Место нашей стоянки выглядело так, словно его разворотило бульдозерами. Наш плот наполовину выброшен из воды. Очевидно, динозавр зацепил ногой. Костер погас. Все бревна, стянутые в кучу моим спутником, раскиданы... Гляжу и думаю, что делать, за что браться в первую очередь. Осмотрел плот. Он почти не пострадал. Это самое важное. Шалаш поправить легко, не бог весть какое сооружение...

Ритмичное чередование света и тьмы действовало возбуждающе. Световой импульс усиливался желтым цветом, вызывающим чувство взлета. С наплывом багрового появлялся страх стремительного падения в водоворот. При голубом свете появляется ощущение взлета, которое испытывают в прыжках с лыжного трамплина; красным светом сопровождалось чувство провала...

Странный световой маятник постепенно разрушил тесные стены светотени, в которых лениво тлело сознание. Когда появилось чувство времени, воскрес и его близнец — личность. Я воскрес, понимая, что качаюсь в бесконечном пространстве, подсвеченном радужным светом. Затем моя колыбель словно окунулась в прохладные волны. Чувства движения не было. И снова смена ритма: голубое холодное — скольжение вниз; красное — теплый взлет...

Такое состояние длилось бесконечно долго при полном отсутствии временны́х ориентиров, пока, наконец, не появились первые слабые, знакомые сигналы действительности. Пульсация света, единственная форма существования моего «Я» незаметно приобрела новое качество — узнавание и осознание с е б я, ощущение своего тела, першение в горле, неприятные ощущения в груди, онемение конечностей. Откуда-то, словно из потустороннего мира, слышалась негромкая, но настойчивая команда:

— Проснуться! Проснуться!

Меня осенило — я сплю! Значит, надо просыпаться. В голосе команды слышалась воля, которой нельзя было не подчиниться. В ушах появился тонкий звенящий звук. Ток согреваемой крови, нагнетаемый все более уверенным биением сердца, устремился в кровеносные сосуды. О наличии мышц моему сознанию сообщили короткие, достаточно болезненные судороги. А когда грудная клетка раздвигалась в глубоком вдохе, выдох сопровождался стоном. Я открыл глаза. Марк сидел возле меня. В мягком неверном свете он казался синевато-бледным. Я отчетливо осознал, что он включает и выключает какие-то приборы, снимает с меня датчики, всматривается в мои глаза:

— Как ты себя чувствуешь?

Я попытался ответить, что превосходно, но из горла вырвался странный хрипящий возглас. Тогда я улыбнулся. Я вспомнил, где я, что со мной... С трудом повернув голову, увидел, что кресло Линга пустует. Перехватив мой взгляд, Марк сказал, что Тен Линг находится в кают-компании. Он сделал мне несколько инъекций, включил какой-то прибор, сообщил, что я перехожу на шестичасовой режим первичного восстановления:

— Посматривай на экран и выполняй все команды, которые выложит компьютер. Команды предваряются звуковым сигналом.

Марк вышел из Камеры, а я с новой силой ощутил прилив радости. Господи, сколько же я спал? Я погрузился в приятные воспоминания — увидел себя на Земле. Меня окутали волны теплой полудремы с чрезвычайно ярким самосознанием. Я мог вспоминать все, что хотел. Я жив...

— Все в порядке? — Марк щелкнул выключателями, экран погас. — Вставай... Опирайся на мое плечо. Как ноги? Хорошо? Пойдем в кают-компанию... У нас тут появились кое-какие проблемы. О них — постепенно. Не все сразу. Будем какое-то время жить и работать в режиме жестких ограничений.

Мне хотелось поделиться с Марком распиравшей меня радостью возвращения к нормальной жизни, но при первой же попытке сказать слово меня охватила сильнейшая икота.

— Ничего,— успокоил меня Марк.— Это бывает со всеми. Заработала диафрагма, легкие... Не форсируй...

Вскоре я был уже в курсе наших дел. На подлете к окрестностям Тау Кита мы попали в метеоритный пояс и получили несколько повреждений. Нарушена работа биогенератора. Только сейчас я обратил внимание на отсутствие некоторых наших спутников. Меня успокоили: все живы, но несколько человек, в том числе Синг и Амар продолжают оставаться в гибернаторе. Это важно для экономии биоресурсов.

Достигнута первая цель. Сейчас с помощью многочисленных приборов изучается состояние корабля, вернее — всей системы. После этого будет вынесено решение: продолжать выполнение задач по полной программе или возвращаться на Землю. Попытка отремонтировать биогенератор пока не удалась. Углекислота, выдыхаемая нами в атмосферу служебных помещений «Титана», системой регенерации не поглощается. Происходит ее постепенное накопление. К счастью, на корабле достаточный резерв кислорода, какое-то время он будет нас выручать. Какое-то время. А потом что? Если продолжение полета после изучения данных о техническом состоянии корабля окажется нецелесообразным, будет дана команда на возвращение «Титана» в Солнечную систему. Реализация такой команды осложнена полученными повреждениями.

— Возможно, придется использовать систему Ж-навигации,— сказал Марк. Его прервал голос Тилла по переговорному устройству. Тилл, кажется, чем-то встревожен:

— Марк, ты можешь подойти?

— Иду,— коротко ответил Марк в микрофон, посоветовав мне, когда я закончу терапевтическую процедуру по программе, разыскать Дэйва. Он в складском отсеке. Дэйв скажет, в чем будут заключаться сейчас мои обязанности на борту корабля.

— К сожалению,— сказал Марк,— твоя работа не будет связана с камешками.

Несколько минут в кабине вибратора растормошили меня основательно. Я сделал серию гимнастических упражнений, зашел в душевую, побрился, опять вернулся к упражнениям с тяжестями, провел дыхательную гимнастику...

Пока занимался гимнастикой, включил общее переговорное устройство на волну Тилла. Что там у него за проблемы? Марк и оба навигатора анализировали новые данные «мозга», перебрасываясь обрывками фраз. Они-то понимали друг друга с полуслова:

— ...группу С перенести на поле «дельта».

— Минутку... компоненты Е-Ф...повтори.

— Все еще неопределенно.

— Введи проверку расчетов... Может, ошибка в расчете уровня гравитационного поля?

— Исключено... Их не раз проверяли.

— Да, но ведь раньше не могли учесть отклонение... Две минуты пятьдесят две секунды — это серьезно.

— Поищем другую компоненту?

— Может, альфа Ориона?

Я мало что понял из разговора в навигационной, а потом, когда закончил свои оздоровительные процедуры, позвонил Дэйву в складской отсек. Он сказал, что надо будет переместить несколько контейнеров из «Викинга» в складской отсек «Титана». На Земле мы их и с места не сдвинули бы. В условиях невесомости их вес практически равнялся нулю. Проблема была в другом: при перемещении надо придерживать их, чтобы они не испытывали

ударов. В контейнерах очень сложная и дорогостоящая начинка.

Для подстраховки мы перевязали контейнеры шнурами. Во время их перемещения постоянно слышался шум. Находящиеся там приборы работали. Мы соблюдали всяческую осторожность.

— Дэйв, а почему нельзя оставить их на «Викинге»?

— Видишь ли, из-за повреждения биогенератора мы вынуждены прервать полет и срочно возвращаться по системе Ж-навигации. Эта система предусмотрена именно на такой случай, когда экипаж испытывает острую нехватку воздуха. Аварийная система. При возвращении в обычном порядке мы бы задохнулись в отравленной атмосфере наших отсеков... Нам чертовски не повезло. Когда после пробуждения мы проверили все параметры работы станции и обнаружили повреждения, опасные для жизни, поставили вопросы перед «мозгом». Один из главных вопросов: «Через какое время в зависимости от состояния биогенераторов количество углекислоты в воздухе станет смертельным?» Ответ: «Через 38 часов» При помощи всяких ухищрений мы могли бы продлить этот срок на 10—18 часов. Этого едва хватит на ориентацию «Титана» для старта в обратном направлении. Для более надежных и точных расчетов обратной трассы нужно время. У нас его нет. Мы в остром цейтноте, если выражаться языком шахматистов... Осторожно! Придерживай за шнур...так... Значит, мы были бы обречены, если бы не регенераторы гибернаторов. Они-то на обратном пути и спасут нас... Так-так... подвинь чуточку в мою сторону... теперь сюда...Порядок! Здесь контейнеры никому не будут мешать. Можно пройти даже в скафандре... На чем я остановился? Ага... Представь себе, что мы возвращаемся в Солнечную систему. «Титан» выходит на круговую орбиту радиусом в 1,2 астроединицы. На этой орбите ждем транспортные ракеты с Земли, которые доставили бы «Титан» и «Викинг» на Луну, а нас... в Дом Тишины. Из гибернаторов мы должны будем выйти в отравленную атмосферу корабля перед тем, как его покинуть...

— Я, кажется, понял. В конце обратного пути мы должны проснуться в обновленной воздушной среде корабля, а такое обновление возможно только на Земле. Но почему не заложить в программу «мозга» команду на автоматическое сближение с транспортными кораблями? Аварийные службы привели бы в порядок биогенераторы. Нам не нужно было бы обращаться к системе Ж-навигации...

— На Земле не знают и не могут знать, когда мы прибудем. Нас ждут ориентировочно через 20—30 лет. Границы времени достаточно широкие... Или вот еще такое опасение. По пути сюда мы попали под метеоритный поток и получили разрушения. Мы не застрахованы от метеоритов и на обратном пути. Если выйдет из строя передатчик, «мозг» не сможет предупредить Землю о нашем возвращении. Немой «Титан» для лунных радаров и радиотелескопов не более чем обычный метеорит среди тысяч других. При неудачном исходе мы можем десятки и сотни лет вращаться на своей орбите без всякой надежды на помощь. Здесь может

выручить только система Ж-навигации с ее автономной системой управления...

— Я понимаю... Суперграви метр отыщет Землю, направит «Викинг» на орбиту вокруг Земли, потом определит область минимальной гравитации и посадит корабль на воду...

— В общем верно,— сказал Дэйв.— Такова система Ж-навигации. Конечно, в нашем случае риск огромен. Такие посадки совершаются очень редко. Обычно потерпевшие аварию корабли перехватываются в космосе...

— Система Ж-навигации рассчитана только для приземления на воду. Это дополнительная гарантия безопасности.

— Да, мы установим гибернацию таким образом, чтобы проснуться только тогда, когда по команде «мозга» воздух будет регенерирован... Ну вот, мы с тобой переместили «работающие» контейнеры. Теперь остались самые громоздкие. Сейчас подойдут остальные «грузчики», и дело закипит.

Мы должны все экспедиционное оборудование «Викинга» переместить в грузовой отсек «Титана», предназначенный для транспортировки материалов, добытых при исследовании планет. На «Викинге», выполняющем заключительную роль при использовании системы Ж-навигации, не должно быть ни одного лишнего килограмма.

Такура и Тен Линг сделали нечто вроде канатной дороги от люка грузового отсека «Викинга» до входа в грузовой отсек «Титана». Закрепив концы на «Титане», они вернулись к нам. Марк тем временем отозвал от нас Тена в навигационную. Там обнаружились ошибки в расчетах уровня гравитационного излучения— без астронома навигаторам не обойтись.

Мы вчетвером облачились в скафандры, помогая друг другу, затем вышли из гардероба, загерметизировали дверь и направились в грузовой отсек «Викинга». Дэйв распоряжался:

— Грегор пойдет со мной на «Титан». Андрей остается здесь у шлюза и привязывает к этому концу контейнер. Такура перемещает контейнер из глубины отсека к двери. Никаких рывков и толчков.

Дэйв вручил Андрею конец троса. Другой конец закрепил у себя на поясе и выплыл в открытый космос. Он перемещался вдоль каната как гигантский паук по паутинке. Правда, Дэйву не хватало паучьей ловкости, но опыт работы в открытом космосе у него неплохой. Каждый космонавт по-своему переносит пребывание вне корабля. Я видел немало монтажников, которые с ловкостью и легкостью циркачей, прицепившись тонким страховочным тросиком и орудуя ракетным пистолетиком, шныряли вдоль и поперек корабля, что-то привинчивая или откручивая...

Я им завидовал. Я принадлежу к тем, кого Космос повергает, выражаясь фигурально, на колени. Судорожно карабкаюсь по канату в раздутом скафандре, хотя знаю, что если отпущу его, никуда не денусь, тихо поплыву на пуповине тросика. И все равно пребываю на грани паники. Меня пугает сам вид бесконечного пространства, меня ужасает бесконечное падение среди звезд,

или падение звезд на меня со всех концов пульсирующей Вселенной. Я ползу с закрытыми глазами, судорожно вцепившись в канат... Что-то стукнуло меня по шлему:

— Зачем ты ползешь в трюм? — Дэйв держится за поручни у шлюза. Я сначала врезался ему в спину, после этого развернулся и оказался в проеме грузового отсека. Космос простирался за моей спиной, впереди зияло чрево грузового отсека.

— Я буду принимать контейнеры и направлять тебе. Ты устанавливаешь их вдоль корпуса. Повторяю: ни толчков, ни рывков, все делать плавно. Потом уже я сам размещу их внутри склада.

Дэйв нисколько не волнуется. Не то что я. Оно и понятно. Не так уж часто выбирался я в космос. Посмотрел в сторону «Викинга». Метров сто пятьдесят, пожалуй, будет. Хорошо виден открытый шлюз в его корпусе. Над «Викингом», вернее будет сказать — над «Титаном», сверху и снизу, и со всех сторон — чарующее и ужасающее одновременно, бесконечное пространство. Я хорошо понимаю, что пространственные определения в космосе не имеют смысла, но эта бархатистая чернота, эти яркие чужие глаза звезд!..

Забывшись, я отнял руку от поручня и взмыл в свободном парении. Дэйв схватил меня за тросик и притянул к порогу.

— Не забывайся. И не бойся,— голос Дэйва звучал ободряюще.— Считай, что это кулисы,— он махнул рукой на звезды.— Можешь вообразить, что перед тобой экран геовидео.

Хороший совет, только следовать ему не просто. Но я все же взял себя в руки. И старался смотреть только на закольцованный трос, по которому со стороны «Викинга» к нам по-черепашьи медленно ползли контейнеры. Дэйв останавливал движение, отцеплял контейнер и плавно отправлял, вернее — передавал из рук в руки, а я осторожно уводил его в глубину отсека и устанавливал у стенки. Не знаю, сколько прошло времени, пока последний контейнер оказался под моими руками. Андрей работал уверенно, ни один контейнер не застрял по пути. Дэйв закрыл дверь шлюза и позвал за собой. Нам, как мне кажется, немного понадобилось времени, чтобы разместить и закрепить контейнеры. Дэйв летал по громадному отсеку, как огромная летучая мышь. Когда закрепили последний контейнер, уселись, точнее — зависли отдохнуть, прикрепившись тросиками к галерее. Дэйв с грустью осматривал пространное помещение, в котором контейнеры уложились слишком уж незаметно:

— Если бы судьба нашей экспедиции сложилась удачно, сколько бы мы натолкали сюда инопланетной всячины... Бесценные сокровища для науки... Дома хватило бы над ними работы нескольким поколениям. А теперь? Перекладываем с места на место собственные грузы. Выходит, зря мы тащили их в такую даль на таком прекрасном корабле. Это, Грегор, называется провалом, катастрофой. На Земле это назовут неудачей. А мне хочется плакать. Но это только полнеудачи. Еще неизвестно, что ждет нас впереди. Нам очень нелегко будет вернуться туда, откуда мы отправились.

Редко, но случается, что слабый человек черпает силу в отчаянии сильного.

— Не забывай, что у нас есть и достижения,— говорю я Дэйву.— Мы все добрались сюда живыми. И мы все должны вернуться обратно. Над этой проблемой ломают голову наши навигаторы. Если мы вернемся, самим фактом нашего путешествия докажем, что следующие за нами могут рассчитывать на удачу.

Дэйв посмотрел на меня с пониманием и признательностью. Положил руку на плечо:

— Мне казалось, что ты все время чего-то боишься...

После контейнеров пришла очередь перегружать вездеходы и миниатюрные геликоптеры. Они прятались во втором отсеке «Викинга». Их перегрузка, как и предыдущая, особых проблем не вызвала, разве что Такура теперь был в паре с Дэйвом, а я с Андреем оперировали на «Викинге», в пункте отгрузки. Прекрасные новенькие машины оказались бесполезным грузом. Андрей с грустью похлопывал перчаткой по обшивке, способной выдержать любые сюрпризы неизвестных планет:

— Я надеялся опробовать эти машинки на здешних планетах. Жаль. Не вышло. На планетах Солнечной они показали себя превосходно. Для них песчаные бури Марса были слабым ветерком. Непролазные болота Венеры тоже не пугали их. Я уверен, что и здесь они были бы на уровне.

Когда после работы в гардеробной мы освободились от скафандров, нас поразило, насколько тяжелый воздух в жилых помещениях! Углекислый газ угрожающе заявляет о себе: в ушах появляется шум, кружится голова... Марк заметно встревожен:

— Двое из троих немедленно в гибернаторы! Дэйв, отправьте в первую очередь своих инженеров и на малом автомате проверьте состояние каждого!

Дэйв — талантливый малый. На корабле нет ни одного прибора, ни одного агрегата, в которых он не разбирался бы. Такой умелец в эпоху узких специализаций — находка для экспедиции. Осмотр показал более или менее удовлетворительное состояние каждого, а вот у самого Дэйва обнаружилась аритмия. Так что в числе «своих инженеров» лучше бы оказаться и ему. Марк сказал, что есть одна вакансия на место бодрствующих.

— Думаю, надо оставить Грегора,— предложил Дэйв.

— Железный человек с «Электры»? — на лице Марка появилась тень сомнения. Я разозлился, поскольку чувствовал себя неважно. Дышать становится все труднее, подташнивает, а тут еще напоминание об «Электре», хотя она и без того не выходит из головы. Вид ее мертвых коридоров преследует меня. Одолевают дурные предчувствия, словно дыхание смерти уже витает в воздухе.

— По правде говоря, я рад пободрствовать. Об «Электре» сейчас лучше не вспоминать.

— Ты прав, лучше не вспоминать. Как говорят старые люди, не рисуй черта на стене... Хотя с чертом мы справились бы легче, чем с ошибками в гравитационных картах.

Оба инженера, отправляясь в гибернаторы, старались выглядеть бодрыми и веселыми. Должно быть, плохо старались. Мы пожелали им приятных сновидений, хотя в душе роились сомнения — настанет ли пробуждение в конце длинного сна.

Время текло незаметно. Его плавное течение нарушилось лишь однажды, в остальном оно устало тащилось бесконечной чередой минут, как и мы, непомерно усталые, задыхающиеся во все более спертом и все менее пригодном для жизни воздухе. Мы хватали воздух широко раскрытыми ртами в напрасном старании надышаться. Одышка валила с ног. Это стало мучительной нормой нашего бытия.

Навигаторам удалось откорректировать гравитационные таблицы— Тен нашел подходящие компоненты. Теперь оставалось ввести исправленные данные в «мозг» для расчета орбиты. Нам теперь был дорог каждый час. Каждый наш выдох увеличивал содержание углекислого газа в воздухе, нас преследовало удушье. Чтобы хоть немного оздоровить состав воздушной смеси, Марк велел использовать запасы кислорода, но при этом в отсеках увеличивалось давление. Оно уже намного превысило привычное для нас земное и достигало почти двух атмосфер. По совету Дэйва мы приоткрыли люк, соединяющий жилые и служебные отсеки с грузовым. Давление резко упало, но при этом на нас обрушился жестокий космический холод. Все металлические поверхности мгновенно покрылись инеем. Нам с трудом удалось снова прогреть жилые отсеки. Марк все более нетерпеливо торопил программистов, то есть всех нас грешных, но так как для программирования требовалось не больше трех-четырех человек, остальные могли бы отправиться в гибернаторы. Но тут выскочил наш астроном Тен Линг со своим предложением. Оно состояло в том, что Линг брал меня в подручные, и мы отправлялись в обсерваторию. Польза несомненная: в навигационной легче будет дышать программистам, а мы, то есть Линг и я, установив и настроив телескоп, откроем одну-две здешних планетки, благо их вокруг Тау Кита должно быть не меньше дюжины. При удачном возвращении на Землю в нашем активе будут и астрономические открытия.

Признаюсь — никогда мне так сильно не хотелось выключиться из действительности, как в эту минуту, и я помянул недобрым словом проектировщиков, спроектировавших гибернаторы двухместными. В них можно было отходить ко сну только по двое. Не могу не выразить восхищения и маленьким китайцем— его готовность к жертвам казалась мне одновременно и героизмом, и сумасшествием. И то, и другое достойно уважения. Мы оба посмотрели на Марка: как он распорядится. В нашем командире, кажется, жизненные силы на исходе. То, что осталось, всецело принадлежало «мозгу». Но он понял китайца и согласился.

В обсерватории Линг, не откладывая дела, нажал на кнопку в стене — и шторки, прикрывающие смотровой люк, раздвинулись. Яркий свет Тау затопил обсерваторию, резанул по глазам. Когда наше зрение приспособилось к естественному освещению, за толстыми стеклами смотрового люка мы увидели мириады ярких, четко прорисованных звезд и звездочек.

— Теории происхождения планетных систем сходятся на том, что планеты вращаются в экваториальной плоскости. У нас нет оснований полагать, что у этой Тау будет по-другому,— пояснял Линг, настраивая телескоп, вмонтированный в корпус обсерватории.— Сначала мы прогуляемся по нашим окрестностям, а потом и дальше пройдемся.

Мой спутник был непривычно оживлен. Он щелкал рычажками и кнопками, зажигая разноцветные огоньки на приборной доске. Я смотрел на звезды через обзорное окошко. Дэйв, когда мы уходили, дал нам таблетки стимуляторов. Я воспользовался одной и сразу почувствовал, как проясняется в голове. Линг счел своим профессиональным долгом просветить меня:

— В строении Вселенной нет чудес. Вселенной управляют законы эволюции, общие для всех галактических систем. Случайных совпадений не бывает, поскольку условия идентичные, характеризуемые средними статистическими величинами. Скажи-ка, когда нас ослепил свет, что ты подумал? Ты подумал, что взошло солнце. И если мы проведем спектральный экспресс-анализ, мы обнаружим, что различий между нашим Солнцем и этой Тау практически нет. Ты бы мог подумать, что мы сейчас болтаемся не черт знает где, а рядышком с нашим Солнышком, где-нибудь между Землей и Венерой...

В потоке лучей обсерватория прогрелась. Теплынь действовала расслабляюще. У Линга на лбу проступили капельки пота.

— А взгляни сюда... Что ты видишь? Все те же созвездия — Большая Медведица, Стрелец, Орион... Правда, выглядят отсюда они совсем по-другому. Их узнает только специалист. Звезды — это тысячелетняя игра человеческого духа с небом... Удобная, красивая романтическая традиция, которая не имеет ничего общего с сутью вещей... Отсюда ты увидишь все тот же звездный мир, который открывается взгляду с орбиты, скажем, Венеры...

— Ну и что из этого следует?

— Только то, что...— Линг как бы запнулся в поисках нужной формулировки.— Нет, я не хочу умалять огромности нашего пути. С точки зрения рядового обывателя, он невообразимо огромен. Мы взорвали привычный порядок величин, оказались там, где человек мог побывать только в мыслях. Тысячелетиями он созерцал небо, особенно ночное, и всякий раз думал о недостижимости дальних миров. И вот мы здесь. И мы еще не в состоянии осмыслить это, как небывалое достижение. Это ведь потрясает воображение! А мы говорим: ну и что?.. Конечно, с точки зрения галактических масштабов мы в своем путешествии никуда, по сути, не пришли...

— Удивительная будничность... Как же ее понимать?

— Так и понимать. Можно подобрать сравнение: ты стоишь на морском пляже. О берег бьются волны. Над головой плывут облака. Позади гнутся под ветром деревья. А теперь...

Сравнение, подобранное Лингом, к сожалению, слишком красиво. Только тот, кто целую вечность заперт в космическом корабле со слабой надеждой на возвращение, может понять, как

бывает мучительна тоска по Земле. Потом Линг признался, что нарисованная его словами картина помешала ему увидеть единство сути и образа. Астроном молчал, а над нами витали рожденные памятью картины: море, облака, ветер, деревья... Было грустно. Молчание затянулось. Линг оторвался от телескопа, потер пальцами виски и вздохнул:

— Вернемся к сравнению... Итак, ты стоишь на берегу. Потом делаешь один шаг в сторону. Что произошло? На сколько изменился пейзаж? Да ни на сколько. Ты видишь то же, что и видел. Тот же песок под ногами. И солнце так же нещадно поджаривает...— он нажал кнопку — шторы сдвинулись. В кабине воцарился приятный полумрак,— и планеты есть у этого солнца. И эти планеты с галактической точки зрения ничем не отличаются от солнечных планет. Их создали те же силы, из тех же элементов, их массы не отличаются от средних масс планет в других системах, так как это зависит от закона распределения масс.

— Ты считаешь, что здесь планеты такие же, как и в Солнечной системе? Что же нам остается открывать?

— Именно это и откроем. Впрочем, в каких-то частностях они, возможно, и другие. Но в принципиальном плане различий нет, даже если есть на них жизнь, или нет жизни. Различия могут быть только в частностях.

Какое-то время мы находились в молчании. В щель, не прикрытую шторкой, заглядывали звезды. Появилось знакомое, весьма неприятное ощущение открытого космоса, в котором я абсолютно беззащитен. Напрасно мой взгляд перебегал от одной звезды к другой в поисках предела. Меня подавлял этот жуткий беспредел, и я в душе посмеялся над теми, кто пытается увидеть в человеке хозяина Вселенной. Смешно! Крохотный комок белка, в котором тлеет искорка жизни. Что это по сравнению с космосом? Человек может забираться в его глубины и наверняка заберется дальше нас на своих более совершенных машинах. Но он всегда будет оставаться разведчиком, исследователем, но не покорителем. Космосом правят законы, которые человеку невозможно нарушить. Он многое может осмыслить, но подчинить — черта с два!Я закрыл глаза — и мне почудился голос его величества Космоса:

— Мой закон — единственный закон, по которому живет и развивается материя. А ты, человек, в этой системе — отклонение от нормы, странное исключение, каприз теории вероятностей, чье возникновение обусловлено узенькими границами температур, давления, излучений, гравитации, набора веществ... Ты можешь быть только соглядатаем, который сумел проникнуть сюда, таща за собой закрытую раковину условий, в которых ты родился и в которых только и возможна органическая жизнь. Ты — безропотный раб этих условий. Рабом и останешься. Ты появился в этом уголке Вселенной благодаря тому, что вечное твое беспокойство и неистощимое любопытство не терпят неизвестности, ищут в нем подобное себе, или отличное от себя, собирают факты и фактики, чтобы выстраивать из них

привычный облик мира. Ты думаешь, что разорвал завесу неизвестности, а на самом деле совершил крошечный шаг, да и то — с таким напряжением и риском! Что это за покорители, если их жизнь зависит от невзрачной космической пылинки — метеорита! Вы здорово влипли, приятели, и еще не известно, как выпутаетесь из этого положения...

Кабину обсерватории заполнило тихое попискивание. Астроном вскочил. Планетоскоп, работающий в автоматическом режиме, «поймал» космическое тело. Линг лихорадочно щелкал клавишами компьютера... Включив канал связи, он заорал:

— Марк! Марк! Есть первая планета!

— (Пауза)... Хорошо, Линг. Координаты. Температура. Масса. Скорость вращения. Атмосфера. У нас очень мало времени. Пусть трудится компьютер. А Грегор пусть идет сюда. Он срочно нужен. Возникли проблемы с кислородом.

Линг посмотрел на меня в замешательстве. Но я все слышал сам. В голосе Марка — смертельная усталость. Он говорит, что Феликс и Роберт на пределе...

Бреду, пошатываясь, по коридору до конца. Меня охватывает спертый воздух, и это единственное, что указывает на наше неблагополучие. Яркие светильники равномерно освещают путь по коридору. Подступает удушье. Кислород! Хотя бы глоточек! Я словно чувствую, как сжимается обожженное, вернее, высушенное живительным газом горло, зато отступает удушье... Я забыл сказать, что мы с Лингом находились в обсерватории «Викинга», и теперь я шел по проходу, соединяющему оба корабля. Внезапно пол вздрогнул, «Викинг» притянул меня к полу, но невесомость тотчас восстановилась.

— Прошу прощения! — Марк извинился во всеуслышание.— Мы случайно включили одну из направляющих ракет. Проводим ориентацию. О последующих маневрах будем предупреждать.

Потом я узнал, что виновником включения ракеты, нежелательного включения, был Феликс. Такие сюрпризы могут иметь тяжелые последствия. Очевидно, аварийная обстановка на корабле начинает вмешиваться в действия членов экипажа. А что будет в более серьезных ситуациях?

По транслятору слышу голос Тилла:

— Внимание! Внимание! Включаются двигатели ориентации! Десять. Девять... Восемь...

Мелкая дрожь побежала по кораблю, захватывая все новые и новые участки. Химические двигатели ориентации включались по программе, заданной компьютером. Я почувствовал, как огромная масса корабля разворачивается в нужное положение. Меня начало швырять то на потолок, то на стенку. Удалось схватиться за поручень. Слегка подташнивало. Мощная сила еще дважды подтолкнула меня, и потом все успокоилось. Воцарилось такое привычное то ли падение, то ли парение.

— Пауза 10 минут! — услышал я голос Тилла, перед тем как войти в навигаторскую. Там я увидел удручающую картину. Некоторые полулежали в креслах, пристегнувшись ремнями.

Феликс лежал, бессильно запрокинув голову и закрыв глаза. Дэйв делал ему инъекцию в мышцу руки.

— Это должно немного помочь,— сказал Дэйв, вкладывая шприц в мусоросборник. Тилл с сомнением покачал головой:

— Оставь его в покое, Дэйв. Ему сейчас полезен покой. Можно отнести в гибернатор.

Феликс открыл глаза и протестующе взмахнул рукой. Дэйв посмотрел на Марка, который и сам чувствовал себя не лучше Феликса. Он приложил ко рту кислородную маску и сделал несколько вдохов. После этого сказал:

— Грегор, отнеси баллон с кислородом к Лингу и возвращайся. Я внесу последние коррективы в расчет. Потом будешь мне помогать. Феликса отправим в гибернаторскую попозже, верно, Феликс?

Феликс пытался что-то сказать, но зашелся в таком свистящем кашле, какого я еще не слышал.

— Феликс, извини,— торопливо сказал Марк.— Я виноват, тебе нельзя разговаривать. Дыши спокойнее и экономь силы. В твоей слабости нет ничего зазорного. Чудо в том, что мы еще держимся.

Дэйв тем временем взял небольшой эластичный сосуд и подключил к баллону с кислородом. Сосуд приобрел форму шара. Дэйв отключил его и вышел со мной из навигаторской, прикрыв за собой дверь. В коридоре он выключил сначала мой, а потом и свой аптатор. Теперь нас никто не мог услышать.

— Поторапливайся, Грегор. Предупредишь Линга, что он скоро мне понадобится. Дела складываются не лучшим образом, но я не хочу добавлять Марку лишней тревоги.

Дэйв подтолкнул меня в спину, и я поплыл по коридору...

Линг, когда я вошел в обсерваторию, орудовал с телескопом. Не отрываясь от окуляра, информировал: нашел вторую и третью планеты. Потом с недовольством добавил:

— Не понимаю, почему Дэйва не обрадовал такой результат! Мы же делаем огромное открытие!.. Ты не был там, когда я сообщил это? Что-нибудь случилось?

Меня всю дорогу подмывало искушение надышаться вдоволь кислородом, хотелось ощутить горлом прохладу, а этот астрономишка жалуется на невнимание Дэйва. Вместо ответа я направил кислородную струйку из сосуда Лингу в нос, потом повернул ее себе в рот, дышал ею, пока не исчезло чувство сдавленности в груди. После этого, предварительно выключив наши аптаторы, передал распоряжение Дэйва. Но мысли Линга, очевидно, были слишком прикованы к планетам, чтобы нормально отреагировать на мое сообщение.

— Скажите, пожалуйста... У меня порядок.

— Ты ничего не понял? Речь идет о нашей жизни. Ты можешь хоть это понять? Феликс еле дышит. Марк еле передвигается. А мы все еще не закончили ориентацию корабля. Это, по-твоему, порядок?

Линг вытаращил на меня глаза. Дошло! Но он не сдавался:

— Мне очень жаль! Но не будет пользы науке, если мы доставим на Землю, пусть даже в памяти «мозга», сообщение

о том, как мы агонизировали,— для этого не обязательно было лететь на Тау Кита. Науке нужны не вопли, науке нужны открытия! — Линг ткнул пальцем в телескоп, который в это время опять огласил кабину радостными сигналами — открыл четвертую планету.— Вот что нужно науке, а не истерика. Истерика не поможет!

От того, что Линг в общем-то прав, я рассвирепел еще больше. Я не противопоставлял то, что с нами происходит. Наука — это наука, а судьба товарищей — это судьба товарищей, как и наша собственная. Я в сердцах швырнул сосуд с шипящим кислородом астроному в лицо. Он резко отстранился и подчеркнуто спокойно — вот оно, китайское воспитание! — сказал:

— Успокойся, Грегор. Хорошо умереть — это тоже сложное дело, если нет другого выхода. Что же тут такого — умереть? Возвращайся в навигаторскую. Как только понадоблюсь, позовете. А пока...

Обсерватория снова наполнилась писком, и Линг бросился к телескопу. Я вышел в коридор, чувствуя, как грудная клетка с новой силой сжимается в густом воздухе. Благотворное воздействие кислорода чувствуется, пока дышишь кислородом. Надышаться впрок невозможно. И я несу свою грудную клетку с хрипами и болями по длинному-длинному переходу.

В навигаторской меня встретили без слов. Дэйв пристегивал Феликса ремнями к креслу. Марк и Тилл колдовали у «мозга». Им было тяжелее, чем нам, всем остальным. Они мобилизовали остатки сил, весь свой опыт, все свои знания, чтобы выполнить самую ответственную задачу: с максимально возможной точностью сориентировать «Титан» и с точностью до сотых долей секунды обеспечить его старт. «Мозг» молниеносно перерабатывал данные, вводимые в него Тиллом. Этот компьютер работал на грани, точнее на уровне самого совершенного интеллекта с умопомрачительной скоростью. Казалось, он одержим человеческими чувствами и всю работу делает с опасениями за конечный результат. Он, казалось, тоже понимал, что у него существует неумолимый враг — время. И потому сигнальные огоньки на пультах управления мелькали лихорадочно быстро. Вот когда мы почувствовали, что значит бег времени! Если раньше секунды тянулись, ползли как улитки, то теперь они проносились стремительно, будто хотели как можно больше навредить, напакостить нам; будто понимали, что с ними уходит наша жизнь.

— Внимание! Внимание! — голос Тилла звучал в тишине корабля с каким-то безнадежным спокойствием.— ...восемь... девять...

Я смотрю на Дэйва. Он замер, придерживая Феликса и не успев пристегнуть его в кресле. В ответ на мой удивленный взгляд, он сдвинул плечи, словно хотел сказать, что не понимает, почему я не понимаю. Сейчас самое ответственное дело в руках Тилла — провести предстартовую коррекцию ориентации корабля. Все остальные члены экипажа обязаны буквально замереть в креслах. Вот почему Дэйв одной рукой придерживал

Феликса, а другой схватил меня за рукав, прижимая к креслу. Пристегиваться — на это уже не оставалось времени.

— ...три...два...пуск!

Неимоверная тяжесть повалила нас, кого на пол, кого прижала в кресле. Легкие, и без того измученные высоким давлением и высокой концентрацией углекислого газа, прямотаки выключились: ни выдохнуть, ни вдохнуть. Координатная сетка на экране, с кружочком посредине, завибрировала, задергалась; точка на ней скользнула наискосок...

Мы перестали экономить кислород. Тилл распорядился уложить Феликса в гибернатор. В эту минуту Марк издал странный звук — не поймешь — хрип или смешок. Мы все разом посмотрели на него— что это с ним? Глаза расширены, сплошные зрачки. Лицо превратилось в безвольную маску. Похоже — обморок. На Земле, потеряв сознание, человек падает, а здесь, в невесомости, это выглядит ужасно: взор неподижен, руки безвольно парят на весу. Мы растерялись. Дэйв засуетился, сунул обморочного Феликса мне в руки, а сам бросился к Марку:

— Эй, Марк! Марк! Ты меня слышишь? — Дэйв схватил Марка за руку, нащупал пульс.

— Живой! — наконец-то произнес Дэйв,— мне показалось, что все, конец...

— Друзья, время у нас на исходе,— сказал Тилл.— Надо Марка и Феликса уложить в гибернатор. Раздумывать некогда.

Эту операцию мы с Дэйвом осуществили довольно быстро. Дэйв проверил датчики, показатели кардиограмм, наличие сомнифера в пробирках, словом — все, что положено в таких случаях, что обязаны делать врачи. Но врачи продолжают пребывать в гибернации. Так было решено, когда, оценив техническое состояние «Титана» после метеоритного «нападения», мы пришли к выводу: биогенераторы повреждены основательно, ремонт собственными силами невозможен. Надо было ограничить количество потребителей аварийного кислорода. Посчитали — на этом этапе полета, в сложившейся ситуации, можно обойтись без врачебного обслуживания, если учесть, что элементарному медицинскому обслуживанию обучены все члены экипажа и экспедиции...

— Все готово! — сказал Дэйв.

— Воздух здесь тяжеловат,— заметил я.

— Регенерация воздуха в гибернаторах автоматическая,— пояснил Дэйв.— Как только загерметизируем двери, воздух оздоровится в течение тридцати секунд. Одновременно включается сомнифер.

Толстенные двери гибернатора закрылись бесшумно. Дэйв по прибору проверил герметизацию. Я посмотрел в смотровое окошко: два бледных лица неподвижно белели в призрачном голубоватом свете. Дэйв включил экран биологических показателей усыпляемых. К счастью, все было в норме.

— Я подежурю, ты возвращайся к Тиллу,— сказал Дэйв. Я знал, что после герметизации гибернатора, проверки приборов, вынесенных в коридор, надо было четверть часа держать гибернатор под наблюдением. На всякий случай.

Возвращаясь в навигаторскую по длинному переходу, я думал о том, какой умница Дэйв — все умеет, все знает. А что умею я, кроме шатания по кораблю? Конечно, я, как никто из пассажиров корабля, разбираюсь в «камешках», умею с первого взгляда определить геологическую структуру местности, безошибочно «прочитывать» спектральный анализ веществ, короче — я неплохой геолог, говорю об этом без ложной скромности... Но какой в этом прок сейчас?.. И зачем надо было вытаскивать меня из гибернатора? Спал бы себе до сих пор, как спит, например, Мишель... Впрочем, есть две причины, по которым меня вывели из гибернации: первая — понадобился бодрствующий Тен Линг. На орбите вокруг Тау астроному есть чем заниматься. Вторая — если уж «разбудили» Линга, то попутно подняли и меня. В этом неудобство двухместных гибернационных кабин...

Ох, как хочется волшебства — вдруг оказаться на Земле и считать, что реальность — кошмарный сон!.. Терзаюсь. А что толку в терзаньях? Терпи, а там будь что будет. Всему свой конец...

Конец был.

Гораздо ближе, чем я мог ожидать. Войдя в дверь навигационной, увидел, что Роберт Тилл без сознания. Вызываю по аптатору Дэйва и Линга. Отвечает один Дэйв.

— Ступай за Лингом,— встревоженно крикнул Дэйв,— а я бегу в навигационную.

Как он может б е ж а т ь? Точно так же, как и я. Я плыл по проходу, отталкиваясь руками, ногами от пола, от стен и потолка, стараясь уберечься от столкновения с твердыми предметами... Вот так. Из строя выходим поодиночке. Впадаем в обморочное состояние, становимся бесполезными на корабле, и нас надо срочно спасать. А корабль живет своей собственной жизнью. «Викинг» встретил меня негромким разноголосым хором генераторов, щелчками автоматов, периодическими посвистываниями клапанов, попискиваниями сигналов... В другое время эта «песня» внушала бы спокойствие, уверенность. Сейчас меня тревожили дурные предчувствия. Деловитыми голосами своих многочисленных механизмов «Викинг» меня предупреждал: ты погибнешь. Задохнешься. С последними киловаттами ядерных батарей наступит и мой конец. Нас поглотит вечная тишина. Нас окутает бесконечный, не нарушаемый покой межзвездного пространства. Вы, люди, с такой любовью создававшие нас, превратитесь в молекулы, разложитесь на атомы, а ваше создание станет вашей могилой в просторах Вселенной...

Вот такие веселые мысли обуревали меня, когда я вошел в обсерваторию и увидел маленькое, худое тело Линга, парящее в воздухе. Компьютер телескопа мигал огоньками, попискивал, лихорадочно сообщал тому, кто не мог его слышать, какие-то данные... Я подхватил Линга Тена и почувствовал, что он вздрогнул. Посмотрел на меня замутненным взглядом:

— Пятая...— прошептал он,— очень большая масса...

— Ты молодец, Тен! — с этими словами я начал осторожно извлекать астронома из обсерватории, заставленной множеством приборов и небольших контейнеров. Автоматика телескопа

продолжала напористо выдавать данные, которые никого не могут обрадовать. Тен закрыл глаза и обмяк. Пятясь, я вышел, придерживая Тена, в коридор и долго еще слышал постепенно затихающий рапорт телескопа...

Здесь, в этом месте, мои воспоминания начинают мешаться. Мы с Дэйвом, единственные, остающиеся в строю, пребывали в растерянности: что делать в первую очередь — нести Линга и Тилла в гибернатор? Тогда пострадает программа коррекции «Титана». До следующего вмешательства навигатора, как видно по сигнализатору, остается четыре минуты. За это время мы не успеем управиться с гибернатором. Могут ли Тилл и Линг подождать минут двадцать, пока навигационная автоматика выдаст нам очередную паузу? Дэйв смотрит на таблограмму: такая пауза наступит через семнадцать минут и продлится двадцать девять минут... Мы привязали Линга и Тилла к креслам, вдохнули в них кислорода, сами подышали. Дэйв сидел у центрального пульта, напряженно вглядывался в показания многочисленных приборов, больших и маленьких экранов. Иногда он поручал мне включить ту или иную кнопку, передвинуть рычажок на соседних, вспомогательных пультах. Помнится, я даже помогал Дэйву делать какие-то расчеты на компьютере... Дэйв сорвал с себя комбинезон — его прикосновение к телу раздражало. Посоветовал мне сделать то же. Мы работали в изматывающем темпе, понимая, что нам больше не на что и не на кого надеяться.

Помню, как мы несли Тилла и Линга в гибернацию, как боялись что-либо упустить... Возвращаясь обратно, остановились у пустующей кабины, и Дэйв вопросительно посмотрел на меня, мол, может, останешься, пока я, Дэйв, доведу до конца программу коррекции? Я отрицательно мотнул головой. Нас — только двое, мы должны помогать друг другу, то есть, я—Дэйву...

Ощущения притупились. Одолевало равнодушие, и я понимал эту опасность. Дэйв сделал мне и себе очередные инъекции. Они действовали как-то странно, притом — избирательно. Эмоции притуплялись, способность мыслить просветлялась. На наших лицах появлялись бессмысленные блуждающие улыбки, мы подбадривали друг друга, приникали к экранам, на которых мелькали цифры и знаки главных корабельных систем. Мы обращали все свое внимание на навигационные. Для других нас уже не хватало.

Время от времени Дэйв с автоматической скоростью прохаживался длинными, точными пальцами по клавишам компьютера, и это, помню, всегда меня поражало: как можно в таких условиях сохранять быстроту и четкость движений!

Если бы в это время кто-нибудь мог наблюдать за «Титаном» со стороны, он бы видел такую картину: на фоне черного звездного небосвода, затопляемый ярким светом Тау, висит огромный дискообразный корабль. Он абсолютно неподвижен и лишь иногда плавно разворачивается на какой-то градус, на доли градуса в одном из пространственных измерений...

Внутри корабля все выглядело менее масштабно: просторная навигаторская и в ней — два маленьких, по корабельным масштабам, человечка, которые, выбиваясь из сил, пичкая себя уколами, суетятся у пультов управления. В моей памяти это, видимо, не очень продолжительное время, отложилось круговоротом тяжелого самочувствия, сменяемого всплесками бодрости (после инъекций), мельканием экранов, напряженными расчетами, провалами в полуобморок. Думаю, что сознание Дэйва было более ясным, иначе он не смог бы в один из моментов моего прояснения огорошить меня радостным:

— Получилось! Ур-ра! Грегор, получилось!

Это значило, что станция вышла в расчетную точку и сориентирована для старта в обратном направлении, что все последующие навигационные операции пройдут в автоматическом режиме, а у нас есть время залечь в нашу гибернационную берлогу, в которой мы будем спать целую вечность. Кабина, в которую ложатся «замыкающие», оборудована с таким расчетом, чтобы двое, оставив все системы корабля в автоматическом режиме, смогли без посторонней помощи приготовить себя к длительному сну.

— Удалось, Грегор...— и поскольку он повторял это не знаю сколько раз, я понял, как мало сам он верил в удачный исход. Я слышал его будто во сне, мною овладел расслабляющий покой. И точно во сне, мы двигались по переходу в гибернаторский отсек, я — впереди, Дэйв — за мной.

Теперь спать, Дэйв...— говорил я через силу,— спать.

И последнее, что запомнилось: я с чувством громадного облегчения ложусь в удобное кресло, аккуратно, не торопясь, пристегиваюсь, помогаю Дэйву укладывать датчики... Потом наблюдаю, как он сам устраивается. Вздыхает с чувством человека, выполнившего непосильную работу. У его правой руки, на невысокой подставочке, смонтирован небольшой пульт с двумя или тремя кнопками. С их помощью он включит постоянное освещение, сомнифер и блок температурного режима.

— Грегор, проснись! — сквозь сон я ощущаю шлепки по щеке. Тормошение за плечи.— Просыпайся, Грегор!

Просыпаюсь и попутно отмечаю, что, в отличие от предыдущего пробуждения, нынешнее далось легко.

— Как ты себя чувствуешь? Дыши глубже! Включаю вибромассаж!

Узнаю голос Дэйва. По ногам, по спине и плечам расходятся массажные пассы вибратора. В мышцах с ощущением наплывающего тепла исчезает свинцовая неподвижность. Открываю глаза. Дэйв. Он решительно срывает с меня датчики, отключает какие-то приборы.

— Ремни сам отстегнешь? Вот и хорошо... Угадай, где мы находимся? Ладно, скажу: дома! На Земле! Мы приводнились, только не знаем еще, где именно. К нам, наверное, уже спешат спасатели. Скоро будут стучать в люки...

Невозмутимый Дэйв был непривычно возбужден. Приподнято возбужден. Замечаю, что нас покачивает, притом покачивает

хорошо, если иметь в виду, что покачивать такую махину, как наш «Викинг»,— дело не простое.

— Чувствуешь, каков зефир? Океаном пахнет! Рыбой и водорослями!

Пока ничего, кроме тяжести притяжения, я не чувствую.

— Дыши, дыши глубже! Это наш родной, целебный воздух. Не из баллонов, не из генератора, а самый что ни на есть натуральный!

Дэйв распахнул дверь кабины пошире, и я встал на неустойчивые ноги.

Земля-матушка! Надо достаточно долго поболтаться в дальнем Космосе, чтобы по-настоящему глубоко осознать, что это такое — матушка Земля. Не было, наверное, дня, чтобы я не вспоминал о ней. Межзвездный мрак; авария, из-за которой «Титан» отклонился от расчетной орбиты... Сумасшедшие часы перед обратным стартом, когда мы остались только с Дэйвом... И вот теперь — Земля! Разумом понимаю, что это великое чудо, что мы вернулись, а сердце почему-то молчит. Земля! Все! Больше ни в какой космос... Если будет одолевать профессиональное любопытство, буду перебирать «камешки» и на Земле...

Выходим в коридор. Приятно почувствовать под ногами устойчивую палубу, ступать твердо, не болтаться пушинкой в искусственном воздухе...

— Идем в кают-компанию, Грегор! — весело болтает Дэйв,— сейчас наладим связь, услышим родные голоса землян.

В коридоре столкнулись с Марком и Феликсом. Марк, болезненно бледный, с тенями под глазами, ведет себя как один из нас, а пора бы вспомнить о своем командирстве. Толкаем друг друга в плечи, в груди, в подтянутые животы. Хохочем. Просто так, точно безмозглые. Обнимаемся. Марк начинает петь древний воинственный марш, мы подхватываем мелодию, слов не знаем. Прыгаем, изображаем нечто вроде дикарского танца и медленно продвигаемся в сторону кают-компании. На нашем пути оказался Тен, и мы смели его, как бурный поток смывает соломинку. Ему не оставалось ничего другого, как стать частичкой гогочущей толпы, которая при своей малочисленности сумела устроить в узком коридоре настоящее столпотворение. Так, хохоча, гримасничая и толкаясь, мы ввалились в кают-компанию. Просторное помещение словно образумило нас, и мы — все сразу — выдохлись. Пол под нашими ногами покачивался; истощенными телами, растренированными мышцами все мы вдруг ощутили весомость земного притяжения и дружно опустились в кресла. Марк нажал на кнопку, вмонтированную на поллокотнике. На панорамном экране возникло волнующееся море. И небо над ним, затянутое темными тучами...

Такое море любили изображать древние маринисты. Похоже выглядели на холстах художника и сцены всемирного потопа: огромные волны с пенными гривами под напором яростного ветра вздымаются к штормовым тучам: пространство между морем и тучами затянуто рваными клочьями тумана. Картины выдержаны в мрачных тонах. Преобладают серые, зеленые, синие и черные цвета...

Буйство неукротимой стихии, развернутой во весь огромный экран, завораживало и радовало: вот она, наша Земля, наш дом!

— Волны! Тучи! — орал Дэйв.— Смотрите, какой шторм! Потрясающе! Нет, вы только посмотрите, что творится!

Наша радость невыразима. Эти прекрасные волны! Этот прекрасный ветер! Земля!

— Правда, нас немного покачивает,— усмехнулся Тилл,— но мы так соскучились по Земле, что готовы считать шторм просто свежей погодкой.

Марк поднялся с кресла:

— Феликс, Роберт — со мной в кабину связи. Будем связываться с наземными службами. Они о нас, вероятно, давно забыли... Все остальные могут наблюдать шторм...

— Все? — Феликс оглядел присутствующих.— Нас не хватает!

Марк остановился в дверях. Было заметно, что его что-то встревожило. Посвящать в свою тревогу кого-нибудь из нас он не торопился:

— Дэйв, узнай, где остальные... Феликс и Роберт, идемте.

В отсеке гибернаторов мы увидели Андрея и Такуру. Они разговаривали около открытой двери своей кабины. Соседняя кабина оставалась загерметизированной. Марк остановился у смотрового окошка и заглянул в гибернатор. Он велел Феликсу не останавливаться. Здесь управятся без него, а ему лучше наладить телерадиосвязь с внешним миром. Марк передвинул рычаг запирающего устройства, толкнул дверь. Она не поддавалась. Не открылась дверь и во втором гибернаторе.

— Дэйв, попытайтесь открыть вторую кабину...— Марк дергал за ручку двери, включал и выключал автоматику,— этого еще не хватало!.. Тилл, подойдите в кабину связи. Если есть отклик, сообщите в Медицинский центр,— у нас проблемы.

Дверь неожиданно открылась сама по себе, и Марк исчез в кабинке. Я подумал, что гибернатор — не такое уж совершенство, как об этом трубили на весь мир его создатели. Дверь, у которой колдовал Дэйв, и не думала уступать, хотя он уговаривал ее проникновенно и настойчиво:

— Ну, открывайся, впусти нас... Откройся, очень прошу,— уговаривал Дэйв, одновременно проверяя автоматический запор...

В сумеречном свете кабинки с трудом, но все же можно было различить силуэты спящих астронавтов. Процесс пробуждения должен был начаться сразу же после приземления, когда анализаторы качества внешней среды подают на автоматику разрешающий сигнал. То ли он не прошел сюда, то ли другая причина, с этим разберутся специалисты... Я направился в кабину связи, там, возможно, уже полным ходом идут переговоры.

Тилл в наушниках сидел у пульта связи. Акустическая система заполняла кабину сильнейшими радиопомехами и треском электрических разрядов. Тилл лихорадочно вертел регуляторы настройки. Ни единого звука, кроме помех.

— Видите, мало шестибалльного шторма, так еще и гроза на подходе,— пожаловался Тилл.— Эфир насыщен электричеством...

Словно для подтверждения слов Тилла, за стенами корабля послышались раскаты грома.

— Марк требует срочно связаться с Медицинским центром,— говорю Тиллу, как будто Тилл сам не знает, что это действительно срочно.

— А что я могу сделать?! — взрывается Тилл.— Ты слышишь, что творится в эфире? Если не втянуть антенну, может и нас шарахнуть. Может аппарат сжечь... Да мало ли чего можно ожидать от такой грозы! Будем включаться на короткое время.

Феликс выключил аппаратуру — и сразу наступила тишина. За стенами, приглушенная изоляцией, слышалась буря.

— Марк открыл одну кабину,— говорю,— по-видимому, что-то серьезное. Надо срочно докричаться до Медицинского центра.

Феликс снова включил аппаратуру, и в кабину тут же ворвался грохот бури.

— Я —«Викинг»! Я —«Викинг»! — Тилл слал в эфир наши позывные в надежде, что кто-нибудь отзовется. Отзывались только сатанинские силы разгулявшейся стихии. Тилл озабоченно захватил в горсть свою бороду, переминая ее пальцами. Этот непроизвольный жест вдруг натолкнул меня на чудовищную догадку, настолько чудовищную, что я немедленно отогнал ее от себя...

— Ну что будем делать?

Феликс пожал плечами:

— А что делать? Если подолгу торчать в эфире, нас рано или поздно накроет, даже при отключенной антенне. А без антенны, да еще при таком эфире...

— Будем рисковать. Иначе нельзя... Включай,— Тилл взялся за наушники.— Попробую еще приподнять антенну.

Шум атмосферных помех, раздираемый разрядами молний, усилился. Феликс закусил губу.

— Что же могло с ними случиться?

— Я —«Викинг»!.. Я —«Викинг»!.. Прием!..

— Ты о чем? — спрашиваю Феликса.

— О ребятах... Что с ними, собственно говоря? — Феликс старался перекричать акустический шум в кабине.— Мы ведь так удачно приземлились, да и проснулись нормально.

— Скоро все выяснится... Но Марк встревожен, а он по пустякам не тревожится...

— Я —«Викинг»!.. Я —«Викинг»!.. Прием! — Тилл жестом показал Феликсу приглушить акустику. В кабине стало тише, но мы с Феликсом слышали, что творится в наушниках Тилла. Бедный Тилл! Так можно и оглохнуть.

В паузе Тилл попросил Феликса увеличить мощность на антенну.

— А грозовые разряды? Риск увеличится!

— Ладно, включай! — махнул рукой Тилл.

— «Я —«Викинг»!.. Я —«Викинг»!.. Прием!..— Тилл щелкнул выключателем и повернулся к Феликсу:— Сколько?

— Четыреста киловатт.

— Добавь на усилитель.

— Но ты из-за разрядов ничего не услышишь!

— Давай максимальную! — закричал Тилл. Его нервы, похоже, начали сдавать. Треск в наушниках. Глухо на приеме. Буря в эфире и на море. Раскачивание корабля... Все это раздражало.

Из акустических аппаратов вырвался такой треск и грохот, что нам с Феликсом впору было зажать уши. Но напрасно мы силились услышать отзыв. А Тилл упрям. Минуты две подряд, если не больше, он изводил нас, и себя, конечно, адским шумом.

— Что здесь, оглохли?! — недоумевал он.— Мало того, что наше возвращение проворонили, да еще и не отзываются! Феликс, давай шестьсот!

— Ты с ума сошел! — воскликнул Феликс.

— Я —«Викинг»!.. Я —«Викинг»!..

Удар был такой силы, что вздрогнул корабль. Я почувствовал это ногами, стоя на полу и опершись плечом о переборку. Кабина осветилась легким призрачным сиянием. Тилл отлетел, прикрыв лицо руками. Из радиопередатчика потянулся дым с едким запахом изоляции. Горящей изоляции. Феликс тоже упал.

В коридоре послышались шаги бегущих:

— Что произошло?

Тилл тряс головой, словно пытался вытрясти из нее пепел.

— Вот так нас встречает родная Земля! — ответил радист, дергая голову руками.

— Не беда! — сказал Дэйв. Он прибежал одним из первых,— главное, никто всерьез не пострадал.

— Радиопередатчик разрушен! — сказал Тилл.

— У нас есть резервный.

— П-п-ока продолжается буря и гроза, не советую пробовать! — это сказал Феликс, держась, как и Тилл, обеими руками за голову и поднимаясь с пола.

— Что ж, подождем, ребятки. Гроза через час-другой закончится. Линг обследовал обстановку на местности радиолокатором. Спешу вас обрадовать: наши сони проснулись! — Дэйв был весел. Сообщенная Дэйвом новость — хорошая новость.

— Что же там с гибернаторами?

— Пока не могу сказать. Все механизмы и компьютеры работают нормально. Очень быстро пришел в себя доктор. Проснулся, как будто уснул на часок после обеда... Он считает, что если не произошло временно́го, не известного науке эффекта, то он отказывается объяснить, почему мы все так легко проснулись и адаптировались к силе притяжения.

— По правде говоря, меня тоже кое-что смутило,— заметил я,— в окрестностях Тау мы очень трудно выходили из гибернации. А сейчас — неизмеримо легче. Так, словно действительно спали ночь, а утром проснулись.

В кают-компании все расселись в уютных креслах. Доктор обработал Феликсу небольшие ожоги на руках. Корабль

раскачивало так, что пол, как говорится, ходил ходуном. Шторм разыгрался всерьез и надолго. Кое-кого — и меня в том числе — посетила «морская болезнь». Доктор вручил каждому баллончики ярко-голубого цвета с приятно пахнущей, освежающей газовой смесью. Стоило вдохнуть — ощущение приятной расслабленности овладевало тобой, улетучивалось дискомфортное чувство подташнивания.

— Нужно бы развернуть корабль, чтобы волны били в другой борт,— предложил Андрей,— а то мы как на «американской горке».

— Как ты думаешь это сделать? — Марк повернулся к Андрею.—«Викинг»— не морская посудина. Мы обречены болтаться по воле волн.

— Но мы можем уйти отсюда! Можем оставить зону шторма! — воскликнул Андрей.— Это всего лишь несколько сотен километров... У «Викинга» четыре группы двигателей ориентации. Одна из них расположена над уровнем воды. Если включать ее двигатели таким образом, чтобы они толкали нас в одном направлении, мы будем двигаться, как морская посудина, если воспользоваться выражением Марка...

— Неплохая мысль,— сказал Марк.— Возможно, мы ею воспользуемся, если придется оставлять «Викинг» по аварийному варианту...

Я откинулся на мягкую спинку кресла и предался вольному течению своих мыслей. Думалось обо всем: о детстве, о близких, о Лене... Сбоку и позади меня сидели Дэйв, Амар, Валентин, Мишель и Синг. Все, кроме Дэйва, «долгоспящие». Когда мы вышли на орбиту вокруг Тау Кита, они оставались в гибернаторах. До сих пор они знали об этом по отрывочным разговорам, теперь, как я понял из вопросов, задаваемых Дэйву, «пострадавшие» требовали «компенсации», то есть подробной информации обо всем, что прошло мимо их сознания. Без такой информации они чувствовали себя неполноценными членами экспедиции.

Марк хмурился, поглаживая курчавую бородку точно так же, как это делал Тилл. Прежняя догадка, о которой мне не хотелось думать, расстроила меня. Физиономии моих спутников мало-помалу обрели привычное выражение озабоченности...

За долгие годы путешествия мы обросли бородами, волосы на голове рассыпались по плечам. Гибернация, как мы знаем, процентов на 70 замедляет течение биохимических процессов в организме, но не устраняет их полностью, ибо это было бы смертью. Значит, продолжается и рост волос...

...— а потом Грегор принес Линга Тена из обсерватории в бессознательном состоянии,— слышался за моей спиной рассказ Дэйва...

— Минуточку, Дэйв,— в это время Линг подошел и прервал их беседу.— Грегор, (я повернулся к ним лицом), Грегор, когда ты зашел в обсерваторию, вспомни, аппаратура работала?

— Помню, работала интенсивно, в то время как ты без признаков жизни порхал по кабине.

Астроном решительными шагами направился к выходу.

— А что случилось?

— Я же не смотрел еще записи автоматического наблюдения, которое велось уже без меня,— сказал Линг, на секунду задерживаясь в дверях,— там наверняка есть что-нибудь интересное!

Качка вроде бы поутихла, или мы, благодаря голубым баллончикам, перестали обращать на нее внимание. Экраны обзорных телевизоров подтвердили, что шторм утихает: волны выглядят не такими яростными, а небо стало выше, посветлело.

— А Линг был прав,— заметил Амар,— шторм уходит. Может, скоро и солнышко объявится?

Тилл вдруг спохватился и сорвался с места:

— Феликс, нас ждет радиоаппаратура! А человечество ждет великих вестей... А мы ждем освобождения от этого чертового «Викинга»!

Феликс нехотя поднялся, проворчав, что у Тилла есть штатный помощник — Синг. Синг тут же поднялся с кресла и молча отправился в кабину связи. Чувствовалось, что людьми начинает овладевать нетерпение, а где нетерпение, там и нервозность.

По установленному порядку мы не должны покидать «Викинг», нас должна принимать служба возвращения, которая принимает космических путешественников с соблюдением правил предосторожности, устанавливает срок пребывания в карантине, обследует корабль. Служба готовится к приему, получив сигнал с корабля-матки, когда он выходит на околосолнечную орбиту. В нашем случае по неизвестной пока причине общепринятый порядок отправления и приема космических кораблей нарушен. Мы не знаем, кто дал команду «Викингу» стартовать с «Титана». Как правило, это делается по команде с Земли. Но тогда почему никто не вышел на связь с нами, когда мы вернулись на Землю? Как нас могли потерять? Где спасательные корабли?..

Примерно так же, как и я, размышляли остальные участники экспедиции. Мы не знали, что и думать. Смутные догадки тревожили меня, но я, повторяю, гнал их от себя прочь.

Кают-компания вдруг озарилась ярким светом. Он шел с широкого телеэкрана,— на нем отразилось яркое голубое небо и солнце, которое то ли приближалось к горизонту, то ли удалялось от него. Явление солнца на экране вызвало бурю ликования. Мы обрадовались ему, как спасителю.

— Теперь нас найдут очень быстро! — воскликнул Мишель Марсе, чьи опухшие подглазья говорили о проблемах с адаптацией в условиях земного притяжения. Но он сам врач и знает, что и как.

— Друзья, кто скажет — сейчас утро или вечер? По солнцу пока не поймешь,— спросил Вэл Тоно. Часы на стене кают-компании показывали половину десятого.

— Наши часы показывают собственное время «Викинга». Посмотрим, в какую сторону движется солнце, тогда и поймем,— сказал Марк, озабоченно глядя на экран.

Минут через десять мы уже знали, что надо готовиться к ужину. Солнце тянулось к горизонту, его лучи приобретали

багровый оттенок. Мимо кают-компании по коридору с шумом прошла группа Тилла. Радисты несли в свою кабину резервную радиоаппаратуру.

— Когда будете готовы? — спросил вдогонку Марк.

— Через четверть часа! — ответили радисты чуть ли не хором.

Вокруг загалдели. Истосковавшиеся по Земле люди начали посвящать друг друга в такие частности, как очередность в радиопереговорах с близкими: один вызовет родителей, другой — брата-близнеца в Киеве, третий — сестру в Бизерте... Только мы с Марком сидели молча. Мои родители умерли давно, сестер или братьев у меня не было... Была бы Лена жива...

— Вас ждет все человечество! — подал голос Марк,— меня больше некому ждать. Я человек в семейном плане одинокий, но не будем делать из этого драму, а, Грегор? Кстати, Грегор, как ты собираешься воспользоваться своим отпуском? У нас будет уйма времени, полгода. Не махнуть ли нам куда-нибудь в Полинезию? А если не привлекают южные пляжи, можно отправиться в горы, к примеру — в чилийские Анды...

Марк обвел нас повеселевшим взглядом. И вдруг его лицо вытянулось, будто он сделал неприятное открытие:

— Господи, что у вас за вид?! Вы только посмотрите на себя в зеркало — небритые, немытые... От вас за милю разит космическим потом. И в таком виде вы хотите предстать перед землянами? Что они подумают о вашем командире? М-да... Даю вам полчаса, чтобы помыться, постричься, побриться. Исполняйте!

— Марк, у меня появились кое-какие подозрения,— я встал.

Марк вопросительно посмотрел на меня:

— Говори!

Я замялся. Может, подождать с подозрениями? Амар подтолкнул меня к двери:

— Когда решишься, подойдешь к Марку и все ему выложишь. А сейчас бегом в душевую.

— Ладно, это не к спеху,— сказал я и отправился вслед за остальными. Моя тревога нарастала. А почему, собственно, не к спеху? Я остановился в раздумье. Потом повернулся и подошел к Марку.

— Марк, ты обратил внимание на наши бороды?

— Потому и приказал всем привести себя в порядок.

— Но я имею в виду другое!

— Что же ты имеешь в виду?

— А то, что даже если у каждого человека борода растет со своей собственной скоростью, у одного быстрее, у другого медленнее, разница в длине бород не может быть такой большой. Мы с тобой, как только вышли из гибернации на орбите возле Тау Кита, побрились, так?

— Ну, побрились,— согласился Марк.

— Ты помнишь, какой длины были наши бороды, когда мы их сбривали? Они были намного длиннее, чем сейчас. А ведь времени на полет к Тау Кита и возвращение оттуда ушло поровну. Так?

Посмотри на бороды тех, кто продолжал гибернацию на орбите вокруг Тау. Посмотри на бороду Андрея. У них бороды одинаковой длины, потому что Андрей хоть и бодрствовал, но не хотел побриться...

— Ты думаешь, что на обратный путь у нас ушло меньше времени? И как ты это объясняешь?

— На обратный путь у нас ушло не просто меньше времени, а совсем немного... Ты думаешь, что это укладывается в теорию и практику астронавтики?

— Разумеется, не думаю,— возразил Марк,— пока мы летели к Тау Кита, Солнечная система не летела вслед за нами. Расстояния между звездными системами стабильны. И если мы вернулись намного раньше, значит, прилетели не на Землю... Так?

— Выходит, так.

Марк задумался. Внимательно посмотрел на экран:

— Черт побери! Значит, к горизонту сейчас катится не солнце, а звезда Тау! И то, что радисты не могут выйти на связь, лишь подтверждает это. Околоземный эфир насыщен радиоволнами, и никакая гроза, никакое атмосферное электричество не заглушает их, не может заглушить. Тилл же не наткнулся ни на одну волну. Не может быть, чтобы все радиопередатчики на Земле замолчали одновременно и надолго. Я думаю, что нам поможет прояснить ситуацию Тен Линг... Иди брейся, мойся, а я иду в обсерваторию.

Я не помню, как я брился, как регулировал струю в душевой кабинке. Не помню, потому что все делалось автоматически, на уровне подсознания. В голове звенело одно: мы не вернулись на Землю! Мы приводнились на другой планете!.. Когда я вернулся в кают-компанию, там все были в сборе. Выражение лиц у всех похоронное. Все глаза устремлены на Марка. Марк сидел на своем командирском кресле и невидящим взглядом сверлил экран, на котором ходили волны неземного моря...

Чувствовалось, что молчание затянулось после того, как Марк проинформировал членов экипажа и экспедиции о сюрпризе, который нам преподнесла судьба. Я вглядывался в знакомые лица, боясь увидеть на них страх, отчаяние, сумасшествие... Ничего такого не было. Чтобы одним словом определить, как же восприняли мои спутники обескураживающее сообщение Марка, я выбрал бы это слово: отрешенность...

Иного и не могло быть. Когда перед каждым из нас на Земле стоял безмолвный вопрос: знаете ли вы, с каким риском связан этот полет? — все мы думали одинаково. Мы заранее были готовы к любому исходу, хотя в глубине души каждый из нас хранил понятную уверенность — все будет хорошо.

— Друзья мои, еще раз прошу вас сохранять самообладание, мужество. Пока бьются наши сердца, будем бороться за жизнь — это как минимум; за возвращение на Землю — как максимум.

Мы должны проанализировать информацию всех систем нашего корабля. Много мы ждем от нашего астронома. Инженерная служба должна всесторонне оценить состояние «Викинга». Медики пусть приложат все усилия к тому, чтобы все мы сохранили возможность бороться за жизнь в неизвестном мире.

Четырьмя часами позже мы снова собрались в кают-компании. Теперь нас не узнать: новенькие комбинезоны, все коротко подстрижены, чисто выбриты, словом, ухожены, как выпускники лицея. За это время каждый из нас провел инвентаризацию своего хозяйства или порученного участка. Если обнаруживались серьезные неполадки, рекомендовалось сообщать о них только Марку, а уж он решит, как распорядиться информацией. Он призвал нас к жесткой самодисциплине, потому как ошибка одного может повлечь серьезные последствия для всех. Нас может спасти только взаимовыручка, готовность к самопожертвованию и постоянное стремление искать выход из очень непростой ситуации. Коллектив у нас маленький. Мы можем победить, если будем жить по принципу, сформулированному русскими: один за всех, все за одного. Будущее не сулило нам ничего, кроме все новых испытаний.

Рубка компьютерного центра, его в обиходе мы называем «мозгом», открылась, и в кают-компанию вошли Марк, Тилл, Дэйв и Тен Линг. Командир, штурман, главный инженер, руководитель научной группы. Они выглядели выглаженными и подтянутыми. Как только они вошли, Андрей отрапортовал, что весь коллектив в сборе. Мы стояли, как полагается в таких случаях, по стойке смирно.

— Благодарю, прошу садиться!

Это было непривычно — соблюдать подобные формальности, но если они призваны проникаться чувством ответственности и серьезностью положения, я — за. Марк объявил наше собрание открытым по повестке дня: оценка нашего положения и определение наших возможностей. Слово предоставляется Дэвиду Броку.

Дэйв казался смущенным:

— Я думаю, что каждому из нас хочется понять, как мы вместо Земли оказались на неизвестной планете... Что показала проверка реализации программы, заложенной в «мозг»? Впрочем, я забегаю несколько вперед. Очевидно, не обойтись без предыстории. Как вы уже знаете, на подлете к звезде Тау Кита наш «Титан» попал в метеоритный поток. Из множества попаданий несколько оказались очень серьезными. Был, в частности, серьезно поврежден воздухообменник биогенератора. Последние часы мы смогли продержаться благодаря запасам кислорода. В аварийном порядке была составлена программа возвращения на Землю с таким расчетом, чтобы экипаж, члены экспедиции прошли дегибернацию в условиях земной атмосферы. Не исключался и вариант перехвата «Викинга» на земной орбите, когда спасатели налаживают ремонт биогенератора...

В программу «мозга» были заложены расчеты околоземной гравитации. Реализация этой программы включалась после отделения «Викинга» от «Титана» автоматически...

Мы слушали Дэйва с нескрываемым удивлением. Непревзойденный балагур, сейчас он представлял собой образец лектора-формалиста, начетчика, не слишком озабоченного тем, как его воспринимает аудитория. Поумалось, что едва ли стоит подчинять нашу жизнь формальностям. Коллектив у нас маленький,

одна семья. Заметно, что грозящая нам беда сплачивает нас. Надо ли в таком случае возвращаться к «табели о рангах»? Она обезличивает и сковывает. Это же ясно, и Марк должен бы учесть это.

... но когда откорректированная программа была введена в «мозг» и последние бодрствующие астронавты — я и Грегор — перешли в гибернатор, «Титан» получил новое повреждение, в результате которого связь оперативного Центра фотонной ракеты с «мозгом» начала допускать ошибки. Возможно, это повреждение было получено раньше, в том же метеоритном потоке, который вывел из строя биогенератор, но не проявило себя раньше и осталось не обнаруженным. Когда навигационная система «Титана» начала работать по программе возвращения, возросли нагрузки по всем параметрам. В «мозг» «Викинга» поступил дефектный импульс, расшифрованный как команда на старт нашего корабля, связанная с окончанием работы «Титана». Но этому противоречили данные атомных часов. «Мозг» пытался устранить противоречия, включив программу «проверки согласованности». Безрезультатно. Две недели ушло на проверку точности хода часов. «Мозг» запросил информацию в оперативном центре «Титана». Была осуществлена параллельная проверка всех расчетов, заложенных в компьютерные блоки как «центра», так и «мозга». Так прошел еще месяц. «Мозг» начал последовательную проверку всех систем «Викинга». В программе гравиметра было обнаружено два импульса, один из которых соответствовал характеристике импульса команды «старт».

Гравиметр допускает от 8 до 15 процентов приближения в определении массы планеты. В условиях Солнечной системы это не создает каких-либо проблем, поскольку лишь Венера по массе сравнима с Землей. Отличие не превышает 20 процентов, остальные планеты или значительно больше, или меньше...

— Масса Венеры составляет 80,5 процента от земной! — перебил докладчика Тен Линг.

— Все верно,— я округляю. Важно что эта величина входит в границы приближения. Так вот, гравиметр выдал два импульса и, поскольку величины обеих не превышали рамок приближения, они прошли фильтр. Другими словами, гравиметр сообщил о наличии двух планет с массой, точнее с массами, близкими к земной. Орбита одной из них находилась между звездой Тау и орбитой «Титана». Ее масса превышает земную на 12,2 процента. Орбита второй планеты пролегает с внешней стороны по отношению к орбите «Титана», и ее масса меньше земной на 9,3 процента... Верно, Тен Линг? «Мозг» «Викинга» зафиксировал их как массу Земли... Когда оперативный центр фотонной ракеты послал в «мозг» сигнал об окончании действий по программе, хотя другие показатели этому противоречили, в частности, показатель времени, «мозг» не смог сразу разрешить эту несогласованность. К тому же в его память одновременно поступили данные гравиметра о двух планетах типа Земли. К этому времени в программе «мозга», в его памяти, уже имелись сигналы о разрушении двух емкостей с горючим — горючее испарилось... В таких условиях автоматически включается блок

«жизнеобеспечения» «Викинга». Не устранив противоречий в программе, «мозг» принял решение о самосохранении. «Титан» был сориентирован для старта «Викинга» в направлении одной из двух планет, чьи параметры были расшифрованы как земные. Естественно, была выбрана планета на внешней орбите. На торможение при посадке расходовалось меньше горючего, дефицит которого уже был зафиксирован в памяти «мозга». Автоматика «Викинга» рассчитала оптимальный режим посадки — и мы оказались здесь. На околопланетной орбите «Викинг» сделал три с половиной оборота...

Дэйв сделал паузу, возможно, для того, чтобы аудитория смогла «переварить» полученную информацию.

— В утешение должен заметить, что «мозг» нашего корабля сделал неплохой выбор. Все данные, которыми снабдили нас многочисленные анализаторы в блоках предварительного контроля, говорят о близком сходстве с земными условиями. Настолько близком, что мы до сих пор не можем поверить, что за стенами корабля — не Земля.

Марк обвел хмурым начальственным взглядом наши лица и предложил Дэйву подробнее рассказать о планете. Дэйв кивнул головой и откашлялся:

— Наша планета несколько меньше Земли. Показатели земного веса для нас, например, здесь будут на 6—7 килограммов меньше. Длительность суток, состав атмосферы, температура соответствуют летним земным показателям... Не понимаю, Марк, почему ты стал цепляться за формальности? — вдруг, без всякого перехода, начал жаловаться Дэйв.— Все, о чем я здесь говорю, известно каждому. Нам же больше не о чем говорить, когда мы общаемся, а общаться приходится ежеминутно и ежечасно. Ты понимаешь, Марк, нам ни к чему формализм!.. Мы оказались в критическом положении, мы, мягко говоря, потрясены. Но мы живы! И не исключено, что живы, благодаря ошибке навигационной аппаратуры... Что было бы, если бы гравиметр не нашел эту планету с земными условиями? Вы чувствуете, какой прекрасный здесь воздух?..

— Дэйв совершенно прав! — выкрикнул Андрей.— Здесь, очевидно, достаточно воды и воздуха. Здесь мы можем жить! Найдется, наверное, и материк, где мы сможем сойти на берег и даже отремонтировать «Викинг»...

— Похоже, здесь мы найдем и жизнь, возможно, высокоорганизованную,— сказал Амар.

— Друзья, а ведь нашей главной целью было найти именно такую планету! — включился в перепалку Феликс.— Я не удивлюсь, если мы встретим здесь целое стадо разумных существ...

— И они тут же отремонтируют наш «Викинг» в одной из лучших мастерских по ремонту космической техники! — ехидно заметил Марк, совсем не по начальственному включаясь в разговор, скатившийся на неформальную дорогу.

— Не будьте идеалистами,— продолжал Марк.— У «Викинга» слишком серьезные повреждения. А здешние аборигены,

если они есть, не настолько цивилизованны, чтобы встретить нас букетами цветов и приемной комиссией. Нам надо всерьез подумать о том, как привести в порядок наш корабль... Боюсь, задача не из простых.

— Я еще не представляю, как мы будем ремонтироваться, но мы управимся наверняка,— заявил Андрей,— у меня такое чувство.

— У нас, почти у всех, за исключением Амара и Тена Линга, есть вторые профессии — механиков,— воскликнул Валентин.— Мы управимся. Мы так залатаем нашего Старичка «Викинга», что его на Земле не узнают. С другой стороны, и с этим надо согласиться, лучше оказаться здесь, чем болтаться где-то в космосе живыми трупами в гибернаторах.

— Вы упускаете одно обстоятельство: все наше снаряжение, инструменты, ремонтные материалы остались на «Титане», который остался на орбите.

Мы были ошеломлены. Никто не подумал, что наше снаряжение осталось на фотонной ракете. На «Викинге» нам ничто не угрожает, но как только истощатся наши резервы, придется перебираться на сушу, где нас ждут условия жизни первобытных людей, но без их опыта.

Валентин не сдавался:

— Мы изготовим инструменты,— сказал он, не очень, правда, убежденно.— Короче, что-нибудь придумаем. У нас не остается ничего другого. В противном случае, смерть на неизвестной планете. Меня такая перспектива не устраивает. Я желаю любой ценой вернуться домой. Если мы все проникнемся таким желанием, выход будет найден!

— Дорогой доктор,— с долей сарказма улыбнулся Марк,— я могу поверить, что ты, вооружившись скальпелем, способен напасть и убить тигра. Но что ты будешь делать с мириадами микробов и вирусов? Они накинутся на нас, как только мы оставим корабль. Мы погибнем, прежде чем вы, медики, что-нибудь придумаете.

— Это наша забота,— возразил малоразговорчивый Мишель,— тебе, старый астронавт, следовало бы знать, что такое полиинтерферон.

Мне показалось, что многие вдруг настроились против Марка. Его осторожность воспринимается как трусость и неверие, а каждому хотелось бы, чтобы командир безоговорочно поддерживал именно его идею. Не собирается ли наш дружный коллектив сместить Марка с должности и выбрать нового командира? Мне было бы жаль Марка, он человек толковый и справедливый. Он тоже почувствовал внутреннее напряжение в людях, и в его глазах появилась обеспокоенность. Что это, бунт команды корабля против капитана? Это было бы самой большой глупостью в нашем положении, когда все силы, все нервы надо сосредоточить на поиске выхода из тупиковой ситуации.

— Значит, вы считаете, что у нас еще есть надежда? — спросил Марк, и мне показалось, что в его тоне прозвучал подвох.

— Грегор, вы тоже верите? — он повернулся ко мне.

— А почему бы и не поверить, Марк? — я старался говорить как можно спокойнее.— У нашей планеты основные данные сходны с земными, во всяком случае, существенных различий мы не замечали. Масса, объем, скорость вращения вокруг собственной оси, атмосфера, температуры... все для нас подходит. Остальные вопросы преждевременны. Планету надо хорошенько обследовать. И лишь после этого строить конкретные планы.

— Значит, сомневающихся нет? — Марк прошелся по нашим лицам новым, я бы сказал, посветлевшим взглядом.— Это очень важно для судьбы нашей экспедиции... Она будет зависеть от того, как мы сможем управиться с ремонтом. На этот счет есть различные мнения. А вот какие у нас возможности, пусть скажет Такура.

Такура Омичи, которого мы привыкли видеть тенью Дэйва, был немногословен.

— На «Викинге» мы имеем небольшую мастерскую. Ремонтно-профилактическую. Она достаточна, чтобы отремонтировать мелкие повреждения. Мы располагаем в мастерской электрической печью. Она пострадала от удара метеорита. Неисправность будет устранена без особых сложностей. Помещение мастерской сейчас частично затоплено водой. Для его ремонта корабль надо вывести на сушу. Я сказал, что печь отремонтировать легко. В смысле технологии — легко. А времени на это понадобится много. Пострадала обмотка, но мы сможем воспользоваться обмоткой с некоторых электроприборов без ущерба для корабля и основных задач нашей экспедиции. Как только мы отремонтируем печь, мы сможем изготовить необходимые инструменты... В районе второй и третьей цистерн биогенератора повреждена обшивка. Площадь повреждений — около шести квадратных метров. Определить объем работы можно будет только на суше.

— С энергетикой проблемы есть?

— Установки для электролиза в хорошем состоянии, воды здесь, как мы успели убедиться, в избытке. Конечно, получение горючего, как и ремонтные работы, потребует немало времени...

— О, дефицита времени не предвидится,— заверил Марк.— Его у нас будет предостаточно. Теперь для общего сведения: состояние нашего компьютерного центра, или «мозга»— удовлетворительное. Вызывают серьезное беспокойство данные, заложенные в «мозг», точнее — в его навигационную программу обсерваторией. Тен Лингу предстоит кропотливая работа: проверить записи приборов, анализ данных по здешним планетам... Признаюсь честно, до сих пор не укладывается в голове, каким образом «мозг» смог выдать команду на посадку. Это на грани фантастики и чуда. Или имело место вмешательство высшей разумной силы, чему лично я не верю. И еще: поскольку расчеты данных в навигационнуюю программу в канун нашего старта с орбиты вокруг Тау проводились, как я понимаю, в условиях жуткого дефицита времени,— верно, Дэйв? — прошу Дэйва и Грегора вернуться к ним. Проверка не повредит. Так, вопрос к радистам: устранимы ли повреждения, полученные радиоаппаратурой уже здесь, во время грозы?

— Ну, мы располагаем резервной радиостанцией,— сказал, лениво растягивая слова, Тилл,— кроме того, есть все необходимые запчасти. Если дело срочное, мы заменим радиопередатчик.

— Что значит «срочное»? — вскинулся Марк.— Нам надо немедленно установить связь с «Титаном». Мы должны знать точно, где он... Феликс, эта резервная радиоаппаратура... она по своим возможностям аналогична той, что вышла из строя?

— Она слабее, но достаточна. Очень мощную радиоаппаратуру вы перегрузили в грузовой отсек «Титана»...

— Феликс, никаких «вы перегрузили»! Мы перегрузили, ясно? Мы перегрузили! А то кому-нибудь покажется, что в перегрузке контейнеров был злой умысел. То, что при перемещении груза с «Викинга» на «Титан» был занят Андрей, а не ты — чистая случайность. И не о чем спорить. Абсолютно за все отвечаю, несу ответственность в первую очередь я... Продолжай!

— Вся аппаратура, все приборы, смонтированные на скафандрах, в исправности. Кстати, они работают на УКВ. Радиус у них небольшой.

— Надо полагать, здесь, на этой планете, скафандры не понадобятся... Мишель— медицина и продовольствие?

— Много возни будет с воздухообменником биогенератора. Как только заработает электропечь, мы изготовим поврежденные детали. Сохранились две батареи водорослей. В условиях атмосферного воздуха мы используем резервуары поврежденных батарей для размножения водорослей. Пока восстановим их массу, придется питаться консервами. Питаться экономно.

— Это не трудно,— пробормотал Андрей.

— Консервированная пища,— продолжал Мишель,— по своим вкусовым качествам не может соревноваться с пищей, приготовленной из водорослей. Но речь идет о трех днях. За это время запасы водорослей будут восстановлены...

— Можно, я три дня поголодаю? — не унимался Андрей.

— Хорошо,— согласился Марк.— Порцию Андрея разделить между остальными.

— Ну нет, я так не согласен!

— ...несколько слов о правилах поведения на неизвестной планете. Мы не знаем ничего о том, что представляют собой вирусы, микробы на здешней планете. Мы должны будем срочно взять пробы воздуха и воды, изучить микробиологическую обстановку. За две недели получим штаммы, проверим на них действие полиинтерферона; возможно, внесем коррективы в состав лекарств. До тех пор разгерметизация корабля исключается. Придется воздержаться и от высадки на берег...

— Не думаю, что мы достигнем берегов раньше этого срока,— объявил Марк.

— Вся медицинская аппаратура и запасы медикаментов находятся на корабле. Строго говоря, я не думаю, что препараты, вредные для земных возбудителей болезни, окажутся неэффективными против местных. Судя по всему, биохимическая природа организмов, если они здесь окажутся, аналогична

земным... Что еще? Радиационная обстановка на корабле — в пределах нормы. Препараты против облучения на любой непредвиденный случай имеются.

— Спасибо, Мишель, твоя информация внушает нам здоровый оптимизм. Наше здоровье — под надежной защитой. Это гарантия того, что мы справимся с любыми трудностями. Мы должны быть готовы к совершенно непредвиденным ситуациям, верно? Поскольку и сама высадка на планете не была предусмотрена, мы оказались в каком-то смысле безоружными...

— Почему же в «каком-то»? Мы безоружны в прямом смысле. У нас нет вездеходов и вертолетов. Нет защитной одежды, надувных лодок, нет оборонительного оружия... Представьте себе самую фантастическую картину — она в условиях неизведанной планеты может оказаться реальной. Перед возможными опасностями мы безоружны, отсюда и необходимость предельной осторожности. Ее надо потребовать от каждого из нас и особенно от тех, кто высадится на берег...— с такими словами обратился к нам Амар.— Правда, у меня появились кое-какие соображения на этот счет, но я хотел бы над ними еще помозговать.

— Хорошо, Амар. Мы рассчитываем на тебя. Кто еще хотел бы высказаться?

— Все мы буквально поражены сходством этой планеты с Землей. В медицинском плане такое сходство позволяет надеяться на более или менее благоприятный прогноз. Но мне, как и другим, хотелось бы услышать мнения специалистов. Как объяснить такое сходство с точки зрения космогонии? — вопрос Валентина.

— Вопрос, наверное, ко мне,— сказал, вставая с места, Линг.— Планетные системы есть у большинства звезд. По современным представлениям, только у трех звездных типов создаются такие условия излучения, которые делают возможным возникновение жизни. Это звезды, принадлежащие к типам Ф, Ж и ранний К. Наше Солнце по спектральной классификации однотипно с Тау Кита. Как вы помните, по этой причине, когда Совет решал вопрос о полете, была выбрана именно эта звезда, хотя есть звезды и поближе. По поручению Совета большая группа астрологов несколько лет вела основательные наблюдения за звездами, среди них был и ваш покорный слуга. В результате было высказано предположение, что в системе Тау Кита может быть планета, или планеты с земными условиями. Главная цель нашей экспедиции была сформулирована как поиск ответа на вопрос: есть ли жизнь в других звездных системах? Так что, как видите, мы отправлялись на «Титане» не вслепую, а с достаточной уверенностью найти положительный ответ. Это одна сторона дела.

Другая заключалась в обеспечении возможности возвращения экипажа на Землю в любом случае, даже если никто из его членов не останется в живых. Эту возможность гарантирует блок приборов и анализирующей аппаратуры, где главная роль принадлежит суперграviметру. Этот блок способен среди

окружающих корабль небесных тел выбрать то, которое по своим показателям наиболее близко Земле. По-моему, этот замечательный блок недурно справился со своей задачей. Он отыскал не одну, а сразу две планеты с земной аналогией. При выборе одной из двух «мозг» руководствовался рекомендациями блока, но откорректировал их в связи с аварийным состоянием корабля. Уточняю — во имя нашей безопасности.

По возрасту и активности излучения звезда Тау близка к звезде Солнце. И если вокруг нее кружится рой планет, среди которых есть хотя бы одна, напоминающая Землю по таким параметрам, как масса, плотность, среднее удаление от звезды, скорость вращения вокруг собственной оси, средние температуры, то, значит, есть и другие, менее существенные сходства. Менее существенные с точки зрения космогонии, но с нашей точки — очень даже существенные, например — жизнь... Словом, «Викинг», а если быть точным — система «Титан»—«Викинг» сделала хороший выбор.

— Еще один вопрос,— не унимался Валентин,— можно ли допускать, что возникновение и развитие жизни на этой планете соответствуют земным?

— Ответ на ваш вопрос можно сформулировать так: на данной планете не может быть более развитых форм жизни, чем на Земле.

— Не слишком ли ваш ответ категоричен?

— Не слишком. Примерно с рубежа XIX—XX столетий космологи ведут поиски сигналов, извините,— радиосигналов искусственного происхождения по принципу: запрос — ответ. Передатчики большой мощности посылали к звездам импульсы-вопросы, закодированные таким образом, что для цивилизации нашего уровня, располагающей соответствующими технологиями, ни прием вопросов, ни посылка ответов не составили бы труда. До сих пор результаты зондирования Космоса радиозапросами оставались безрезультатными. Отсюда вывод: цивилизаций с достаточно высоким уровнем технологий в обозримых космических просторах нет.

— Ну а более отсталые уровни цивилизации не исключаются?

— Не исключаются. Скорее даже предполагаются. Тау — звезда, как и наше Солнце, примерно одного возраста. Планеты в их системах по возрасту такие же, хотя развитие различных форм жизни на них, вероятнее всего, находится на более низком уровне... Ты не возражаешь, Амар?

— Не возражаю, Линг. Ты говоришь общеизвестное. А чем отличается здешняя жизнь от земной, покажут наши исследования...

— Амару не терпится начать исследования хоть сейчас,— заметил Марк,— но всему свое время.

— Если уж мы здесь,— развел руками Амар,— нам сам бог велит разобраться, что к чему. Знаю одно — мы должны будем провести всесторонние исследования. Исследовать есть что. Судьба предоставила нам возможность сделать огромный шаг в познании тайн Вселенной. Для этого мы должны оставаться

здесь достаточно долгое время. Я предлагаю: пусть каждый осветит свои проблемы, чтобы можно было наметить общий план исследований.

— Справедливо. Дэйв, тебе слово.

— Мой план действий построен на сугубо инженерных соображениях. Мы должны отремонтировать наш корабль. Для этого необходимы следующие условия: в окрестностях места высадки на берег должны быть металлические руды. И второе: хотя бы небольшой участок берега должен быть достаточно пологим, чтобы мы смогли вытащить «Викинг» на сушу...

Дэйв говорил так, будто речь идет не о гигантском корабле, а о прогулочной лодочке, чем вызвал реплику Валентина:

— Конечно, возьмем и вынесем!

— Правильно,— сказал Дэйв,— я скомандую, а Валентин перенесет.

Марк отметил, что настроение коллектива заметно разрядилось, напряжение рассеялось. Если к людям вернулась способность подначивать друг друга, значит, жить можно.

— И все же, Дэйв, как ты представляешь себе операцию по перетаскиванию «Викинга» на сушу?

— У нас есть достаточное количество стальных канатов. Их прочность не вызывает сомнений. Одним концом привязываем трос к лебедке в транспортном отсеке, другим — закрепляемся на берегу. В нужный момент подключаем один из двигателей коррекции. Корпус «Викинга» сооружен из прочнейшего сплава, но это не значит, что его можно тащить как попало. Будем соблюдать необходимую предосторожность...

— А если трос не выдержит? — допытывался Валентин.

— И бедный «Викинг» завалится на бок? — ехидничал Андрей.

— Тогда мы сматываем удочки и отправляемся домой! — отрезал Дэйв.

— Хватит вам пикироваться,— вмешался Марк,— мы поставлены в такие условия, когда частные вопросы и мелкие детали приходится решать по ходу дела. А для начала нам необходимо определить, подыскать наиболее подходящее место для высадки. В блоке памяти «мозга» зафиксированы данные гравиметрии и радарного обследования по орбитальному курсу корабля. Он сделал три с половиной витка, и картина нам в общем ясна. Место для приводнения «мозг» выбрал, пользуясь гравитационным эффектом, возникающим на стыке суши и моря... Но предоставим слово Лингу:

— Информацию, полученную на орбите, использовать непросто, поскольку нет исходных ориентиров. Но вот чем мы располагаем: длина экватора — 38470 километров. Погрешности плюс-минус 20 километров. Экватор пересекает два довольно больших континентальных участка и один во много раз меньший, предположительно — остров. Участки суши разделены значительными пространствами воды. У этой планеты, как и у Земли, существует магнитное поле с железорудными аномалиями, есть привычные полюса, есть запад и восток, то есть привычные навигационные ориентиры, благодаря которым, если забежать

вперед, нам придется рассчитывать программу старта для возвращения на Землю. Для этого, правда, понадобится еще немало и других данных, но у нас есть все возможности получить их. Короче, уже завтра, с восходом солнца...

В этом месте Линг споткнулся о дружный смех своих слушателей и не сразу понял причину веселья. Выручил Марк:

— Не знаю, как вам, а мне это нравится. Нам предстоит перейти на «ты» в общении с этой планетой. Не в смысле глупого высокомерия,— в этом случае мы можем крепко поплатиться, а в смысле адаптации к новым условиям. Понятия «солнце», «земля», север, юг и другие пусть остаются в нашем речевом обиходе. Нам будет легче понимать друг друга, и мы будем чувствовать себя более комфортно...

— В расшифровке данных «мозга» я обозначил участки суши и моря буквами,— продолжал Тен Линг,— поскольку об их существовании мы судим пока лишь по данным приборов...

— Извини, Тен,— опять вмешался Марк,— я хочу прибегнуть к земным аналогиям. Представим себе инопланетянина, прилетевшего на Землю и обогнувшего ее по экватору. Что он видел бы? Суша — Центральная Америка; вода — Атлантический океан; суша — Центральная Африка; вода — Индийский океан; суша — острова Индонезии; вода — Тихий океан... Он видел бы континенты и океаны, понятия не имея, как их называют... Прошу, Тен!

— Сейчас мы находимся примерно посреди океана А, ширина по линии пересечения 17530 километров. На западе этот океан примыкает к континенту «а» с шириной по линии пересечения 6100 километров. Затем идет океан Б — 5350 километров и за ним — континент «б»— 1290 километров. И наконец — океан В — 3600 километров, и суша «в»— 4600 километров. Восточный берег континента «в»— самая близкая к нам суша.

— Как она от нас далеко?

— В момент приводнения мы находились в 6700 километрах от нее. С тех пор мы дрейфуем, удаляясь от берега со скоростью 30 километров в час, значит, сейчас до нее не менее 8000 километров. Континент, в сторону которого мы дрейфуем, отстоит от нас на 9500 километров.

— Двигаться против дрейфа мы не можем,— заметил Дэйв,— мы не морское судно, да и никакого горючего не хватит. По грубым оценкам, у нас его достаточно. Мы можем пополнять его электролизом морской воды, но и здесь слишком высоки энергозатраты. А горючее нам понадобится, когда мы будем прощаться с этой планетой. Потому предлагаю дрейфовать к суше «а». Оно хоть и дальше, но выигрыш в энергии снимет любые возражения.

Попробуй при такой постановке вопроса спорить с Дэйвом! Он забил сразу все гвозди, не оставляя думающим иначе ни единой зацепки.

— Есть другие соображения? — спросил Марк.— Мы не знаем ничего о здешней планете. Что один континент, что

другой — мы не видим различий. Если нет возражений, принимается предложение Дэйва... Еще несколько частных вопросов: суточное время на этой планете составляет 22 часа 18 минут. Если будем жить по земным часам, запутаемся. Тилл предлагает такой выход: оставим атомные часы отсчитывать земное время,— на нем построены все навигационные расчеты. Отрегулируем электрические часы в кают-компании с таким расчетом, чтобы полный оборот они делали за 22 часа 18 минут. Час окажется на четыре минуты пятнадцать секунд короче. Как нам быть с наручными часами? Оставим их в покое до возвращения на Землю.

Итак, кто чем занимается: медики занимаются здешними вирусами и микробами, а также полиинтерфероном. Сегодня это самое важное дело. Радисты меняют радиоаппаратуру и ремонтируют поврежденную. Налаживают связь с оперативным Центром «Титана». Без «Титана» мы останемся постоянными жителями этой планеты. Без него мы не сможем вернуться в Солнечную систему. Этими вопросами занимаются Синг и Тен. Амар и Грегор занимаются подготовкой к высадке на берег, намечают программу посильного исследования планеты в доступном комплексе вопросов. Техническими вопросами занимаются Дэйв и его группа. На моей ответственности — общее руководство. По особому графику расписано дежурство смен, под наблюдением которых будет продолжаться дрейф корабля. Штурман следит за строгим следованием по курсу. В необходимых случаях включаются двигатели корабля.

Марк, излагая задачи и обязанности своих подопечных, держался уверенно и предельно деловито. От мимолетной растерянности не осталось и следа. В немалой степени наша жизнь, наше будущее зависели от поведения командира.

— Если нет больше вопросов или замечаний, все свободны. Всем доброй ночи и хороших сновидений на этой планете.

Двое суток мы не сводили глаз с берега, внимательно вглядываясь в каждую деталь местности. Иногда брались за бинокли и обшаривали взглядом окрестности, в тщетной пока попытке обнаружить животных. Крупные существа не обнаруживались и в воде. Амар ловко орудовал биорадаром — и тоже безрезультатно. Но следы бурной жизни налицо: прибрежные склоны поросли густой зеленью. В прибрежной воде на глубине метра мы различаем полуразрушенные остатки коралловых образований. За тысячи лет до нашего прибытия какая-то могучая сила отвела отсюда мощное течение, на пути которого возводили кораллы свои пестрые бастионы. Течение исчезло, а вместе с ним исчезли условия для созидательной, не затихающей ни на минуту жизни кораллов. Вода потеряла свежесть, понизился уровень кислорода, планктон оскудел. Кораллы погибли, а их могучие бастионы, разрушаемые прибоем, превратились в песчаные отмели. В застойной воде уже не рождались мириады невидимых строителей, чтобы устремлять к поверхности многоцветье ветвистых подводных джунглей — жилье и могилы своих бесчисленных предков. Изменился состав

воды — исчез планктон, мельчайшие живые существа, которыми питались неисчислимые стаи рыб. Вслед за мельчайшими исчезли рыбы, а уж за рыбьей мелочью неизвестно куда подевались и ее преследователи — хищники. Оборванное звено в цепи взаимозависимости живых существ привело к оскудению этих мест. Огромные морские чудища не тревожили больше их покой, ушли искать богатые живностью морские угодья, способные насытить неутолимые аппетиты...

Подводные коралловые скалы, когда-то охранявшие берега от волн морского прибоя, а затем тысячи лет сами подвергавшиеся неумолимому разрушению, вспомнили, что они как-никак стража. Они заперли спокойную лагуну от пришельцев с иной планеты.

Биорадар по-прежнему докладывал своим невозмутимым молчанием о полном отсутствии достаточно крупных животных.

«Викинг» тяжело покачивался на волнах перед коралловой отмелью. Впереди, метрах в сорока поближе к берегу, океанские валы с тупой настойчивостью шли на приступ коралловых бастионов. Выбросив пенную гриву, валы, словно потеряв последние силы, безропотно умирали, освобождая дорогу идущим вслед за ними. Но дальше им дороги не было.

Инженеры, приварив маленькую площадку и не очень надежные поручни, устроили из входного люка нечто вроде капитанского мостика. Мы с трудом размещались на нем — я, Амар и наш командир Марк. Нас удивляло, что острый, в десятки раз острее кошачьего, глаз биорадара не сигналит нам о какой-нибудь диковинной твари. Плоский, полого уходящий вверх берег порос густым лесом. Что и говорить, странное местечко! А ведь по пути сюда, во время двухнедельного перехода нас радовало изобилие вполне земных рыб и змееподобных существ, населявших пространство вокруг «Викинга». С другой стороны, нас радовала покойная голубизна лагуны. Она, судя по данным биорадара, была достаточно глубокой. Если мы сумеем пробиться через коралловый барьер, лагуна станет надежной, хорошо защищенной от волн гаванью для «Викинга».

Когда мы, подходя со стороны моря к нашей нынешней стоянке, выбирали подходящее место, обратили внимание на характер окрестностей. Прибрежная полоса поросла густым лесом. Вдали над верхушками деревьев возвышались вершины холмов. Это было все, что мы знали о земле, которую нельзя было назвать ни враждебной, ни гостеприимной. Наш обзор был весьма и весьма ограничен, и сколько бы мы ни смотрели, больше, чем видим сейчас, не увидим ни завтра, ни послезавтра.

— Для того, чтобы обживать эту лагуну, мы должны хорошенько обследовать окрестности в радиусе хотя бы километров пятьдесят. Этот заливчик представляется идеальным местом— пойдемте в кают-компанию, еще раз обсудим, как быть.

В кают-компании нас ждал Марсе:

— У меня, Марк, неутешительные вести для тебя. Ты не можешь отправляться на берег.

— А в чем дело?

— Твоя иммунная система еще не окрепла как следует.

— У меня всегда был достаточно сильный иммунитет!

— К сожалению, сильный иммунитет не дается раз и навсегда. Ты в последние годы дважды отправлялся в межпланетные рейсы. Дважды тебя накачивали полиинтерфероном. В таких случаях иммунная система восстанавливается медленно.

— А как остальные? — недовольно спросил Марк.

— Так же, за исключением Амара и Грегора... Подождем несколько дней. Если все останется без изменений, добавим витаминотерапию.

— Но мы не можем отпустить Амара и Грегора без третьего человека!

— Но и рисковать нельзя! — Мишель Марсе всем своим видом дал понять, что он неумолим.— У нас достаточно времени, чтобы все делать по правилам!

Амар не скрывал отчаяния:

— Марк, я думаю, формальностями можно пренебречь, а? Вирусо-и микробиологическая обстановка вокруг «Викинга» спокойная, ведь ты не отрицаешь этого, Мишель! Это же глупо — еще целую неделю рассматривать берег из корабельного люка. Чего мы боимся?

— Амар, я тебя понимаю, но дать разрешение на высадку не могу. Это не формальности... Какие формальности, когда речь идет о безопасности людей! Да, здесь все в норме, но кто знает, что ждет вас в километре от берега?

— Именно это мы и попытаемся узнать! Марк!

— Я сам это не могу решить. Давайте соберемся и поговорим. Эта терра инкогнита, подозреваю, не так проста, как выглядит. Мы не можем всего предусмотреть, и тут Мишель прав.

Странно, коллектив не поддержал командира. Командир остался в меньшинстве. Амар сумел убедить в своей правоте:

— ...были бы у нас вертолеты или вездеходы, у нас не было бы проблем. Но их нет! Так что, сворачивать из-за этого исследовательскую программу? Мы с Грегором обсуждали этот вопрос. По всему видно, здесь должны быть реки, большие и маленькие. Возвращаться к морю из глубины материка, а это не такая уж и глубина, мы сможем и на плоту. Деревьев, сами видите, здесь достаточно.

Для перехода с корабля на берег через лагуну Амар предложил использовать космические скафандры. При этом надо следить за количеством воздуха в скафандре. Его не должно быть ни излишне много, ни слишком мало, а ровно столько, чтобы обеспечить нормальную плавучесть. С оружием, необходимым для самообороны, было еще хуже: медики предложили нам хирургические скальпели, в какой-то подсобке нашли садовую пилу с мелкими зубьями. И скальпели, и, тем более, пила могли считаться оружием только в глазах человека, обладающего хорошим чувством юмора. Дэйв предложил прибавить к нашему снаряжению еще и по два баллона с кислородом. На их редукторы Такура насадил по короткому отрезку трубки. Если открыть вентиль и направить газовую струю в глаз нападающего, можно

добиться хорошего эффекта. Это оружие понравилось всем, его существенный недостаток — большой вес.

Андрей, любитель подводного плавания, прочитал нам вполне толковую лекцию о плавании в скафандрах. Он полагал, что существенного различия между гидроскафандром и космическим нет. Главное — приспособиться:

— Если воздуха в скафандре будет слишком много, вас выбросит на поверхность, где вам нелегко будет передвигаться. Если же воздуха будет недостаточно, вы опуститесь на дно, погрузитесь в ил,— ила тут видимо-невидимо...

Я и не предполагал, что в нашем маленьком коллективе столько инструкторов. Казалось, в каждом сидит по два инструктора и все объясняют что-нибудь эдакое, что может нам пригодиться. Было ясно, что любой из наших спутников пошел бы вместе с нами, или вместо нас. Зависть — дама с характером.

— Отправляетесь завтра с утра,— подытожил Марк.— Феликс, Синг, ваше место будет у биорадаров. Осмотрите каждый камень на берегу. Радиосвязь не прерывать больше, чем на три минуты.

Боялся ли я предстоящей вылазки? Нет. Мною владело лихорадочное состояние, какое всегда возникает перед рискованным начинанием. Рано утром в громоздких скафандрах мы стояли на крохотной площадке «капитанского мостика». В наушниках что-то бубнил обесцвеченный голос Марка:

— Будьте внимательны сразу же после погружения. Не манипулируйте воздухом — если вас выбросит на поверхность под кораблем, рискуете нарушить герметизацию. Сразу же отходите от корпуса.

Широкие, зеленоватые валы лениво накатывались на полупогруженный корпус «Викинга». На вопрос Тилла: «Вы готовы?» Амар ответил, что все в порядке.

— Я иду первым,— сказал Амар. Он неуклюже перелез через поручни и не вошел, не прыгнул в воду, а завалился, плюхнулся, подняв веер брызг. Вслед за Амаром, когда он скрылся в толще воды, шагнул и я. Волна словно бросилась мне навстречу. Толчок был чувствительным. Опускаясь, я увидел, как воздушные пузырьки потянулись вверх перед моим иллюминатором. Ноги погрузились в мягкое илистое дно, серая муть облаком окутала меня с головой. Я вспомнил совет Андрея по такому случаю: прибавить немного воздуха. Я нажал ручку регулятора и почувствовал, как воздух обжимает мое тело. Я стоял на твердом грунте и ничего не видел. Непроницаемая пелена отрезала меня от Амара, от «Викинга», предоставила мне возможность проверить, могу ли я спокойно искать выход в критической ситуации. Спокойно, говорю себе. Поднес левую руку к иллюминатору — вот она, кнопка подачи воздуха в скафандр. Указательным пальцем правой нажимаю на нее и чувствую, что скафандр становится просторнее, невесомее. Главное, дозировать подачу воздуха так, чтобы меня не швыряло вверх и не тянуло ко дну. Жаль, Амар не видит меня со стороны. Это зрелище: силуэт неуклюжего существа, похожего на медведя, который топчется на

месте, вздымая все новые и новые тучи ила. Я пытаюсь резкими движениями подняться наверх, но то, что легко удается пловцу в плавках, никак не выходит у меня. Добавляю еще воздуха — твердый грунт ушел из-под ног, стараюсь сохранить равновесие, пытаюсь плыть. Вообще-то я неплохой пловец. Конечно, глядя на меня сейчас, этому никто не поверил бы, но пусть неверующий попробует одеть тяжелый космический скафандр и порезвиться в мутной толще воды! Кажется, что-то получается. Завеса вокруг меня стала немного прозрачнее. Включаю фонарик, вмонтированный в шлем. В узкой полоске света полупрозрачная завеса превращается в стену — я отказываюсь от услуг фонарика. Кажется, понемногу продвигаюсь. Начинаю различать камни на дне. Добавляю воздуха — самую малость — и еще немного приподнимаюсь над заиленным дном...

— Грегор, ты меня слышишь? Отзывайся! — голос Амара прошуршал в наушниках,— почему молчишь, Грегор?

Занятый барахтаньем, я, по-видимому, не обращал внимания на зов Амара:

— Я тебя слышу, Амар! Плохо, но слышу! Я тут никак не выберусь из ила! — к этому времени, правда, я выбрался, потому что облако висело в воде в десятке метров от меня,— а ты меня видишь?

— Не вижу,— ответил Амар.— А корпус «Викинга» видишь?

Я посмотрел вверх:

— Вижу, он прямо надо мной, но я не могу определить, в какой стороне лагуна.

В наш разговор вмешался Андрей:

— Одну минуточку, мы вас сориентируем гидролокатором!

Жду их указаний и рассматриваю дно. Белесый слой ила лежит шиферными складками, повторяющими движение волн на поверхности моря. Кое-где из ила выпираются обломки скал. Чахлые кустики водорослей колышутся, подчиняясь покачиванию морской толщи. Не видно ни рыб, ни других животных.

— Мы вас зафиксировали. Вы буквально в десятке метров друг от друга. Грегор, начинай движение!—скомандовал Андрей.

— Куда?

— Все равно, куда,— ответил Андрей,— мы поправим!

— Понимаю! — я начинаю плавно двигаться в сторону, которая кажется мне светлее.

— Стоп! Грегор, развернись на 180 градусов!

Разворачиваюсь и плыву по-черепашьи. Приспосабливаюсь. Впереди появляется неясный силуэт Амара. Он парит, слегка шевеля руками, чуть выше меня. Пузырьки воздуха бегут у него откуда-то из-под шеи. Увидев меня, он приветливо помахал рукой, а я еще добавил воздуха, чтобы выйти на один уровень.

— Хорошо! — сказал Феликс,— Грегор, плыви по этому же курсу прямо на лагуну... Чуть левее, градусов на двадцать!

— Спасибо,— говорю.— Амар, как самочувствие?

— В норме,— отвечает Амар,— будем двигаться на этой глубине. Постараемся не терять друг друга из поля зрения.

Дно стало более бугристым, обломки скал — покрупнее. Словно в тумане, показался крутой обрыв кораллового барьера,

окутываемый облачками сероватой мути, возникающими из-за движения воды у рифов.

— Надо подниматься повыше! — говорю своему спутнику.

— Поднимемся,— согласился Амар,— только без добавочного воздуха. Мы добились нулевой плавучести. Это то, что нужно...

Энергично работая руками и ногами, я чересчур увлекся и едва не выскочил на поверхность воды. Здесь, перед рифом, качка была сильнее.

— Ты добавил воздуха? — спросил Амар.— Слишком быстро пошел вверх!

— Нет, не добавлял... Не рассчитал силу движения.

— Надо немножко стравить воздух,— сказал Амар,— давление воды уменьшилось, и соответственно возросла подъемная сила. Перед рифом надо быть крайне осторожным, видишь, торчат кораллы... Можно напороться! — говорит Амар.— Чувствуешь, нас тянет на риф! Чувствуешь, какое тут течение?

— Ребята,— говорит Феликс, и его голос еле слышен,— вы перед самым рифом. Проплывите немного по течению, выберите подходящее место для преодоления барьера, чтобы вас не бросало о камни! Понимаете, что я имею в виду?

— Понимаем! — ответил Амар, вглядываясь в гребень барьера, вокруг которого прямо-таки закипала зеленоватая вода.— Поищем, где гребень пониже!

Если смотришь снизу, поверхность моря отсвечивает серебром. Она покрыта мелкой рябью, в ней лопаются пузырьки воздуха, и вся она полощется, как простыня на ветру. Поближе к рифу простыня эта рвется в клочья, мелко пузырится.

— Вот здесь лучше всего,— говорит Амар,— надо поддуть скафандры!

Гребень барьера здесь понижался,— то ли волнами выбило, то ли червячки-строители не достроили. Во всяком случае, между рифом и поверхностью моря просвет был достаточный.

— Будем входить ногами вперед,— сказал Амар,— если швырнет, ногам не страшно!

Когда мы медленно втянулись в этот своеобразный проход, нас подхватило течение. Я всем своим телом чувствовал сквозь скафандр мускулистые струи воды, подталкивающие меня со всех сторон, и только следил, чтобы не налететь на острые выступы камней. Я чувствовал себя Гулливером, в которого вцепились сотни маленьких цепких рук, чтобы тащить его вперед без передышки...

Потом наступила тишина. Бурунный шум воды остался позади. Я разыскал взглядом Амара. Мы, как пестрые поплавки, покачивались на зыбкой поверхности залива.

— Все в порядке! — крикнул Амар в переговорный аппарат.— Мы в лагуне!

— Молодцы! — послышался голос Марка.— Будете пересекать лагуну — запомните строение дна, глубину, детали прибрежных отмелей... Счастливо!

Мы медленно плыли к берегу. Через каждые десять-пятнадцать метров поочередно ныряли, изучая рельеф морского

дна. До берега было метров триста. Глубина лагуны местами достигала 15—18 метров. В толще воды изредка появлялись червеподобные существа, которые падали на дно при попытке прикоснуться к ним. У самого дна шныряли мелкие невзрачные рыбешки... Лагуна не изобиловала жизнью. Амар, как биолог, должен бы попристальнее всматриваться в здешних животных, но он почти не обращал на них внимания. Возможно, отложил на потом, а сейчас главное — пересечь лагуну и выбраться на берег неведомой земли. Допускаю, что наше любопытство притуплялось будничным сходством этого мира с земным.

По мере приближения к берегу глубина лагуны заметно уменьшалась. В чистой воде хорошо просматривалось дно, в основном песчаное, с редкими куртинками водорослей. А вот и отмель. Я попробовал встать на ноги. С трудом выпрямился под непосильной тяжестью скафандра. Он так давил на плечи, что нельзя было устоять. Да еще эти баллоны с кислородом!

Мы добрели до песчаного откоса и повалились набок, растянулись на песке.

— Невозможная тяжесть!

— Чего же ты хочешь? — сказал Амар,— наши мышцы еще не восстановились, да и кровообращение не нормализовалось после длительной гибернации.

— Не представляю, как можно передвигаться в скафандрах по земле! Это ведь одежда для невесомости!

— Даже в воде она не позволяет свободы движений,— согласился Амар.

На «Викинге» нас, очевидно, подслушивали постоянно, потому что Марк сразу подключился к разговору:

— Парни, оставляем этот вопрос на ваше усмотрение. Если скафандры не годятся для передвижения, снимайте их. Оставьте на берегу.

Мы помогли друг другу снять скафандры. Остались в легких трико, которые входят в скафандровый комплект. Амар хлопнул себя по бедрам:

— То слишком много было, а теперь совсем мало осталось...— бурчал Амар.— Мы не можем отправиться босиком!.. Слышишь, Марк? Мы не сможем босиком идти,— израним ноги на первом же километре!

— Я понял,— ответил Марк.— Одну минутку, мы тут посоветуемся! — прошла минута или две. В гидрошлемах снова прозвучал его голос: — Амар, Грегор! Попытайтесь отделить от скафандров сапоги. Вид у них не весьма элегантный, зато прочные. И не забудьте аптаторы! Аптаторы не забудьте!

Минут через двадцать мы были готовы продолжить наше путешествие. Как мы теперь выглядели? Умора! Массивные сапоги на худых ногах; лямки от скафандров крест-накрест опоясывают наши худые плечи; с обоих боков на поясах болтаются кислородные баллоны... Тот еще видик! Нас, видно, рассматривали в бинокли, потому что, спрашивая нас об удобствах экипировки, Марк с трудом подавлял смех:

— Обмундирование на вас производит впечатление очень

практичного. Примерно в радиусе пяти километров от вас биолокатор не зафиксировал ничего подозрительного. Существа размером с жука, мышь, курицу не в счет.

Хруст прибрежной гальки под нашими сапогами громко отдавался в тишине. Тишина была такая давящая, что мы с Амаром перешли на полушепот. Солнце припекало не слишком, с моря доносился приглушенный шум прибоя у рифовых скал. Среди песка и гальки иногда встречались ракушки. За первой Амар наклонился с воодушевлением исследователя, следующую переступил с равнодушием обывателя: таких и на Земле полно.

Мы вступили под зеленые своды джунглей. Какое-то время прислушивались и, не обнаружив никаких звуков, кроме шелеста листьев под слабым ветром, двинулись дальше. Деревья своими листьями напоминали лавровишню, но были мощнее, словом, настоящие деревья. Росли они довольно густо, и это тоже весомый аргумент против скафандров.

Мы остановились, чтобы еще раз посмотреть на наш корабль. Расстояние уменьшило его настолько, что он напоминал собственную модель. Маленькая игрушка на фоне бесконечного небесно-морского пространства; странный посланец человечества на эту неизвестную человечеству планету. В моей груди что-то сжалось, и я почувствовал, как по спине поползли мурашки. Это было предчувствие страха. Только предчувствие, потому что оснований для подлинного страха не было. Я впервые с отчетливой ясностью осознал, кто я и где я. Самосознание стало ясным, как утренний морозец при безоблачном небе. Вот я стою здесь, можно сказать, полунагой, но со скальпелем за поясом. На ремнях, которые крест-накрест, висят два увесистых баллона. Я отдаю предельно ясный отчет рискованной ситуации, которая неизвестно как повлияет на мою жизнь. Почему-то подумалось о далеких прапращурах, что рождались и умирали в пещерах. И бытовое сознание формировалось под влиянием повседневного страха и ярости, желания преследовать или бежать. Инстинкты, наглухо замурованные в уголках цивилизованного мозга, стучались в дверь моего сознания напоминанием о дочеловеческом периоде человеческой жизни. Моя внутренняя тревога, мои атавистические чувства были не менее правдивыми, чем самый простой закон математики. Эти чувства будто предупреждали, что на этой тихой и спокойной земле нас ждет нечто страшное. Мой разум возмущенно ограждал свой покой от помешательства...

Я шел по лесу, и все мое внимание было направлено вперед и по сторонам. Амар шел вслед за мной. Вдруг сильный свист, словно прорывающийся сквозь шипение, раздался за спиной. Оглядываюсь, как ошпаренный: Амар стоит и улыбается. В руках у него баллон. Густолиственная ветка перед ним сверкала в инее...

— Фу ты черт, как напугал! — возмутился я.— Предупредил бы, что ли! Ты же знаешь, как напряжены нервы!

На «Викинге» тоже забеспокоились, потребовали объяснений.

— Все в порядке, друзья,— сказал Амар,— просто я проверил действие кислорода на здешнее дерево. Не думал, что баллон так страшно шипит и свистит.

Обожженные морозом листья оттаивали в лучах солнечного зайчика, чернели прямо на глазах. Я двинулся дальше. Мне показалось, что Амар не проникся той тревогой, теми неясными ощущениями, которые одолевали меня. У нас, видно, разные типы характеров. В этом первобытном, неземном лесу он не проявляет осторожности. Хорошо это или плохо? А если неожиданная угроза? Или он такой бесстрашный, что ему никакая опасность нипочем?

— Конечно, лучше бы направить струю на какого-нибудь зверя,— рассуждал Амар,— но и этого достаточно. Листья заморозились на расстоянии двух метров.

Я не ответил. Вскоре шум прибоя замер, отделенный от нас джунглями. Темно-коричневые стволы молча обступали нас и казались мне толпой безмолвных туземцев. Кое-где деревья расступались, образуя небольшие, лишенные растительности поляны. Почва глинистая, отметил я механически, и не очень богата гумусом...

— Взойдем на холм и осмотримся,— сказал Амар усталым голосом,— я совсем запарился. Хочется широкого простора и прохладного ветерка.

А я не почувствовал усталости. И духота на меня пока не подействовала изнуряюще. Мои мысли сосредоточились на двух реалиях: осторожности, которой меня одарила природа навсегда, и ощущением радости, что, наконец-то, ноги мои ступают по твердой земле, а не подкашиваются в проходах «Викинга».

У вершины холма деревья стояли не так густо, будто не у каждого хватило силы взобраться по камням, не каждому удалось зацепиться корнями за каменистую почву.

На крутом подъеме и у меня перехватило дыхание. Струйки пота поползли по щекам. Вокруг лежали глыбы мергеля, обрамленные чахлыми кустиками.

С вершины этого холма нашему взгляду открылись другие холмы. Они напоминали стадо уходящих в глубь материка слонов. Лес окончился, словно побоялся идти в эту холмистую страну, изрезанную оврагами и покрытую довольно густым кустарником. Этот кустарник и листьев-то не имел настоящих — кое-где на ветках покачивались маленькие клочки желто-серой «бумаги». И только в долинах мы различали зеленые заросли. На крутосклонах обнажились слои горных пород, под ними стелились россыпи щебенки. Меня, как геолога, эта картина обрадовала. Я забыл, когда держал в руках обломок диковинного камня. Забыл ощущение ручки геологического молотка в ладони...

Ближайший от нас обрыв находился в полукилометре. На серо-голубом фоне среза выделялись черные и темно-красные полосы.

— Интересно, что это за полосы, там, на обнажении? — спросил Амар, показывая взглядом и кивком подбородка в сторону разрушенного склона.

— Мне и самому хотелось бы это выяснить,— сказал я,— но как специалист, уважающий свою профессию, свое мнение выскажу после детального анализа.

С «Викинга» попросили обрисовать обстановку. Я подробно рассказал о том, что открылось нашим глазам.

— Амар, а как там по линии Жизни? — спросил Марк.

— Пока не увидел ни одного жучка.

— Странно, если есть условия для разнообразных форм Жизни, почему же она так бедна?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо проанализировать кучу вопросов комплексно. Пока же кроме деревьев и прочей растительности, весьма жалкой, надо сказать, мы не обнаружили ничего, достойного удивления.

— Как вы думаете, сколько понадобится времени, чтобы закончить вашу разведку и вернуться на корабль?

— Часа полтора-два,— ответил Амар.

— У нас, у многих, такое чувство, что вам надо быть начеку,— сказал Марк.— Не размагничивайтесь, а еще лучше — закругляйтесь. Для первой вылазки достаточно.

— Но, Марк, это же несерьезно! — возразил я,— нам нужно хотя бы полдня, если мы затеяли эту разведку!

— Да, Марк,— поддержал меня Амар,— мы ничем не рискуем. Посмотрели бы вы, как здесь спокойно!

— Ну хорошо, продолжайте,— согласился Марк.— Не занимайтесь пустяками. Ваша вылазка — рекогносцировочная. Предварительное обследование окрестностей. Докладывайте через каждые три минуты...

Амар начал спускаться с холма. Я еще раз внимательно осмотрел ландшафт. Серые однообразные холмы, покрытые чахлой растительностью. Никаких ориентиров. Холмы изрезаны оврагами. В долинах — зелень, возможно, ручьи. Только что пройденный лес скрывает от наших глаз лагуну, «Викинг» и всю прибрежную полосу, оставляя для обзора морской горизонт, темную пелену рассеянной облачности над ним и голубое небо над нами. Даже здесь, на вершине холма, воздух томительно неподвижен. Характерный запах степей — запах засыхающей растительности...

— Грегор, не отставай! — кричит Амар.

Хорошо еще, что кустарник на этой спекшейся почве не образует сплошных зарослей, иначе нам трудно пришлось бы в наших трико. На склоне холма известняковую почву все грубее рвут овражки и промоины. Спуск довольно крут. Потревоженные камни устремляются вниз, их падение замирает где-то на осыпях.

Связь с «Викингом» становится все глуше, в долинах вообще ничего не слышно. Марк тревожится:

— Старайтесь поменьше находиться в долинах, в радиотени. Нельзя надолго прерывать связь,— требует он.

Спуск в долину был намного тяжелее подъема на холм. Амар шел впереди по краю глубокого оврага. Я хотел было крикнуть ему, чтобы не приближался к оврагу так близко. Их края отличаются рыхлостью и легко обрушиваются. Но прежде чем я открыл рот, Амар взмахнул руками и провалился. Падая, Амар схватился рукой за куст, но куст сорвался вместе с ним. Я слышал

только шум катящихся по откосу камней. Потом — тишина. Растерявшись, я беспомощно посмотрел вокруг себя, точно недоумевая, как такое может случиться. Только бы не покалечился!

Я осторожно приблизился к обрыву и заглянул вниз. Амар лежал на дне оврага среди камней, его лицо искажено гримасой боли. Пока он ощупывал ногу, я осматривал склоны, чтобы выбрать место спуска. Овраг довольно глубок.

— Амар, что с ногой?

— Кажется, вывихнул лодыжку,— ответил Амар рассерженным голосом.— Не надо сюда спускаться— покатишься.

— Но ты сам не выберешься!

— Здесь мы и вдвоем не выберемся, по этой крутизне... Лучше сделаем так: я спускаюсь в долину по дну оврага, а ты идешь туда же по верху. Встречаемся в долине.

— Сначала попробуй, сможешь ли идти, или мне придется спускаться. Ты весь в кровоподтеках и царапинах.

Амар поднялся. Осторожно ступая больной ногой, он сделал несколько шагов.

— Ну как?

— Можно идти... Больно в щиколотке... но идти можно,— сказал Амар,— теперь уж, хочешь не хочешь, а надо возвращаться. Ты иди побыстрее, а когда достигнешь устья оврага,то двигайся мне навстречу.

Я сделал несколько быстрых шагов, когда голос Амара остановил меня:

— Грегор, подожди минутку!

Я вернулся и заглянул вниз. Амар держал в руках кусок темного камня:

— Очень интересный камень,— он поднял еще один такой же.— Похоже на руду. Стучу ими друг о друга — звенят. Тяжелые...

— Ладно, в камнях успеем разобраться. Вернемся сюда специально...

— Вернемся...— проворчал Амар.— Если у меня вывих, или связка, я с корабля как минимум месяц не смогу сойти,— он швырнул камни в стенку оврага и поковылял, охая, к месту нашей встречи. Я то шел, то бежал, спотыкаясь о камни, пока не наткнулся на препятствие. Оно встало передо мной в виде «дочернего» оврага. Он впадал в большой овраг и был так же крут и глубок. Что делать? Я заглянул в большой овраг, крикнул Амару, но Амара не видно было. Если я успел пробежать метров двести, то Амару едва ли удалось продвинуться на десять — дно оврага усыпано щебенкой и камнями, не разбежишься даже на здоровых ногах. Мне пришла в голову мысль спуститься в «дочерний» овраг, а по нему — в большой. Заглянув туда, где овраги соединялись, увидел, что это невозможно — там образовалось водопадное ложе глубиной не меньше четырех метров. Осталось одно — идти вверх вдоль нового оврага, пока не найду удобного места, которое позволит перебраться на противопо-

ложную сторону, а затем продолжить путь к устью большого оврага...

По мере спуска с холма кустарник становился гуще, на каждом шагу встречались мелкие овраги, камни, нагромождения каменных глыб. Все это мешало идти. Попытался вызвать Марка. Он отозвался, слышимость — хуже некуда. Он все же понял, что случилось, попросил меня поскорее добраться до Амара и держать путь к «Викингу». Он организует и вышлет встречную группу. До устья оврага оставалось метров 600, и я заторопился дальше. Здесь склоны холма были сплошь усыпаны щебенкой, я скользил и падал, но неуклонно шел вниз. Тревога за Амара росла. Чертова дорога — если не кустарник, то щебенка, если не овражек, то глыба! Я запыхался, но отдыхать некогда. Где бегу, где продираюсь, а где и съезжаю... В одном месте мне послышался приглушенный расстоянием вскрик. Я остановился. Вскрик не повторился. Амар мог неосторожно наступить на больную ногу, подумал я, пытаясь объяснить причину крика. В следующую секунду до моего слуха донесся другой звук: думм — дофф, думм — дофф... Шел он с той стороны, где оставался Амар.

— Амар!.. Ама-а-ар! — кричу и прислушиваюсь. Тихо... Ни звука. На душе — самые плохие предчувствия. Бегу изо всех сил, насколько позволяют тяжелые сапоги от скафандра. Мелькнула мысль сбросить их, но эти камни! Эта щебенка! Этот кустарник!

Наконец-то спуск закончился, и я заворачиваю в широкое устье оврага. Здесь мой путь отличается разве что более зеленым, но и более густым кустарником. Мой бег сопровождается треском веток и скрежетом камней. Теперь я бегу вверх по оврагу.

— Амар! Отзовись, Ама-ар! — а ответ тишина. Хотя нет, в тишине явственно послышался какой-то клекот... Может, звук падающих камней? Непонятно.

Теперь я решил не останавливаться, пока не добегу до Амара Господи, когда же закончится этот бег! В одном месте овраг делает поворот и расширяется. Продираюсь сквозь кусты и отмечаю появление странного запаха. Такой бывает в зоопарках, в птичьих вольерах... Выдираюсь из кустарника и останавливаюсь, пораженный до ужаса: впереди, метрах в тридцати стоит птица, внешне напоминающая страуса, только разве что ростом с жирафа. Шея, в отличие от страусиной, толстая. Перья... нет, не перья, скорее — щетина. В следующий миг мой взгляд опустился к мускулистым ногам невиданной птицы — и сердце мое упало. Под когтистыми *лапами лежали* окровавленные останки Амара. Взгляд зафиксировал огромный крючковатый клюв, отрывающий куски плоти, кислородный баллон, лежащий в стороне... Я закричал. Птица— птица?! — медленно повернула голову и уставилась на меня. Ее взгляд был по-змеиному неподвижен. Никакого выражения.

Я бросился бежать обратно. Я даже не вспомнил о баллонах. Единственная мысль, которую родило мое потрясенное сознание, это — б е ж а т ь. Я мчался сквозь кустарник, не чуя ног от смертельного ужаса, за мной следовал тяжелый топот хищника. Краем глаза я увидел растопыренные для равновесия короткие

крылья, которые вздрагивали при каждом шаге птицы. Она бежала грузно, наклонив крупную голову с полураскрытым окровавленным клювом... Думм — дофф... думм — дофф...

В одном месте я споткнулся и покатился по камням. И мне показалось, что все, конец — сейчас чудовище придавит меня когтистой лапой. За долю секунды, которая равнялась вечности, я отметил, что птицеящер не так уж и быстр. И я снова бегу, и снова встречные ветки хлещут меня по лицу, срывают с меня остатки одежды, рвут кожу... А следом за мною следует грузное думм... дофф... думм...дофф... То, что хищник не настиг меня сразу, оставляло мне шанс. В этом стремительном беге я пришел в себя и решил не сдаваться, не оглядываться, пока не оторвусь от преследователя на безопасное расстояние. Однажды я позволил себе оглянуться. Хищник поотстал, но продолжал гнаться за мной. Овраг закончился. Я на бегу решал, свернуть влево и бежать по долине или пересечь ее и взбежать на соседний холм. Подумалось, что моему врагу трудно бежать вверх по склону. Я постарался не снижать скорости на подъеме. Вырвавшись из очередных зарослей, я вдруг почувствовал, что нога, занесенная в беге, сорвалась в пустоту. В следующий миг я понял, что лечу в пропасть, лечу на зеленоватую глыбу, выпирающую из стены...

...Астронавты во главе с Маром облачились в скафандры и длинным тросом начали обвязывать «Викинг». Витком троса прихватило и меня, я ударился головой о корпус ракеты. Трос, проскальзывая по скафандру, разорвал его. Холодные струи воды потекли по спине. Пытаюсь обратить внимание Марка на мою беду, но и он, и другие астронавты игнорируют мою просьбу. Они продолжают вязать трос, говоря, что надо заниматься делом,пока не вернется Амар, брошенный мною на произвол судьбы. Напрасно я говорил им, что Амар не может вернуться, так как его растерзала чудовищная птица. Я указывал им на берег, где у самого края воды стояли еще четыре таких страшилища, поджидая, пока «Викинг» приблизится. Астронавты все сильнее стягивали трос, вода заливала меня. Раздался шум двигателей. Один из них ревел прямо около моей головы. Я видел пламя, бьющее из дюзы. Вода подбиралась к моему лицу...

Меня привел в чувство мой собственный кашель. Исчезли мои друзья, исчез «Викинг» и его ревущие двигатели. Осталась только льющаяся в лицо вода. Остались боль во всем теле и чувство удушья. Меня окружала угольно-черная ночь. Острый всплеск молнии резанул по глазам, вслед за ним громыхнуло так, что задрожала земля. Молнии вспыхивали одна за другой. Буря, как злобный хищник, навалившийся на жертву, терзала все вокруг меня. Казалось, буря подняла в небо целое море и обрушила его на несчастную землю. Вода забурлила, взревела в оврагах и промоинах, ринулась по склонам холмов, выворачивая скалы.

Она затопила узкие долины. Я попытался встать, но мой пояс зацепился за что-то, камень или корневище, и я как ни дергался, не мог освободиться.

Уровень воды вокруг меня стремительно поднимался.

Я отчаянно упирался ногами, стараясь вырваться из ловушки, рванулся в одну сторону, в другую, пока не понял, что надо освободиться от ремней. А вода уже заливала меня с головой. Я уже начал захлебываться. Это же надо — так влипнуть. На какой-то миг удается поднять лицо над водой и глотнуть воздуха. Пальцы лихорадочно рвут пряжку. Наконец одно плечо освободилось. Изворачиваюсь и чувствую, что второй ремень слегка подался. Еще один рывок — и моя голова всплыла над водой, но за это время мои легкие, наверное, были наполовину заполнены ею, потому что она хлынула у меня изо рта струей... Не успел отдышаться, как что-то громоздкое и твердое навалилось на меня сзади и потащило за собой в потоке, пытаясь утопить. Надо мной с шумом и грохотом проносится ветвистое дерево, нанеся еще как минимум дюжину царапин, словно их мало было на моем истерзанном теле. В последний миг хватаюсь за ветку, и она же вытаскивает меня из глубины потока, поскольку дерево переворачивается в воде с бока на бок. Хватаюсь покрепче обеими руками, и вовремя, потому что в следующую минуту налетаю бедром на затопленную глыбу. Держусь из последних сил. Темный ревущий водоворот под слепящие всплески молний и грохот грома стремительно тащит довольно большое дерево и меня на нем вниз по ущелью. Дерево раз за разом натыкается на препятствия, его разворачивает, переворачивает, вздымает, бросает... Господи, только бы удержаться! Иной раз я оказываюсь в воздухе, чтобы с высоты нырнуть в глубину; тут же могучая сила выдергивает меня из воды, чтобы снова промчать по воздуху. Мне повезло — ни разу меня не швырнуло на камни, если не считать удара в бедро. Цепляясь за ветви, я незаметно забрался в их середину, поближе к стволу. Это, скорее всего, и спасло меня,— от удара о камни меня защищали ветки. Правда, однажды, когда дерево перевернулось в очередной раз, я погрузился в воду и не смог вырваться на поверхность, так как сидел среди ветвей, как в клетке. К счастью, когда воздух в легких уже был на исходе, дерево перевернулось, и я оказался наверху.

Позднее, не знаю, в котором часу ночи, когда мое спасительное дерево сделало очередной кульбит, в мою спину вонзилось сразу множество колючек. Взвыв от боли и ярости, одной рукой держась за ветку, другой пытаюсь оттолкнуть колючий предмет. Рука наткнулась на мокрую шерсть и дрожащее живое тело. В меня всеми своими когтями вцепился какой-то зверь, не очень большой, но и не маленький. Я начал бить его ладонью по морде, но он только крепче цеплялся за меня. Что за напасть на мою бедную голову! Изо всех сил отпихиваю животное в сторону, оно взвывает, шипит, но по-прежнему держится. Дерево вдруг приподнимается, потом окунается в глубину. В воде я чувствую, как животное убирает когти и соскальзывает с меня. Так-то лучше! Дерево выровнялось и поплыло спокойнее, мы вырвались из ущелья на просторную воду. Я устроился поудобнее, если можно говорить об удобстве на качающемся дереве. Рядом со мною, в ветвях, мяукало и подвывало неразличимое в темноте когтистое существо. У меня появился спутник.

После короткого затишья буря взялась за нас опять. Наше спасительное пристанище двигалось то быстрее, то, натолкнувшись на препятствие, останавливалось, разворачивалось и устремлялось дальше, так что облегчения не наступило, надо было держаться изо всех сил. А силы были на исходе. Очень болели многочисленные раны. Опять разверзлись хляби небесные, обдавая нас хлещущими струями. Усталость привела к тому, что я начал впадать в забытье. В сон тянуло с такой силой, что я перестал воспринимать постоянно сопровождающую меня опасность. Я боролся с дремотой, но не всегда успешно. Погрузившись в сон, вдруг просыпался. Через некоторое время все повторялось сначала. И я не помню, сколько это продолжалось.

И наконец пришел рассвет, серый, унылый, нескончаемый. Дождь то усиливался, то ослабевал. Молнии по-прежнему вспарывали темное небо. В неверном свете я стал различать ветви, ствол дерева, топырящиеся во все стороны корни. Рядом с нашим течение несло и другие деревья. Тихо плыли косматые кусты.

Утренний свет, казалось, долго не мог прорвать серую завесу дождя. Он, не взяв ее силой, начал медленно насыщать собой широкое пространство, проявляя предметы, сначала близкие, потом и дальние. Я с интересом всматривался в моего не очень дружелюбного спутника, чьи острые когти оставили ноющие ранки в моей спине. Он был величиной с собаку, желтошкурый. Последнее угадывалось, а так... шерсть грязная, свалявшаяся, мокрая, естественно... Непропорционально большая голова, толстые конечности и мягкое, пугливое выражение морды говорили о его щенячьем возрасте. Но при этом угадывалось в нем чувство собственного достоинства, врожденное чувство независимости, свойственное не только этому мокрому недорослю, но и всему его роду.

Когда дерево дергалось, мой спутник помалкивал. Как только начинался спокойный участок, он принимался рычать и кашлять. Он все время проявлял готовность дать мне отпор, не понимая, что я воспринимаю его как товарища по несчастью. А я просто очень внимательно рассматриваю его, находя заметное сходство с земной породой кошачьих.

Никогда больше мне не приходилось наблюдать зверей этой породы так близко... Ного, как и его соплеменники, называли этих зверей Большими Гривастыми. Я думаю, не будь этот котенок полумертвым от усталости, или встреться мы где-нибудь на твердой почве, он бы мне показал, что значит дитя хищников. Взрослые звери этой породы царственно правили в этом краю, когда я жил среди плоскоголовых. Дикари поклонялись, как божествам, двум животным: Матери Крокодилов и Большому Гривастому. Различие между божествами состояло в том, что если туземец находился далеко от Большой воды, он спокойно произносил имя крокодила, но я не встречал ни одного плоскоголового, который при имени Большого Гривастого не залез бы на ближайшее дерево. Большой Гривастый нападает всегда, он бросает свое тело, вооруженное клыками и когтями, на

10 метров. В кровожадной отваге, не колеблясь, он карабкается на дерево за своей жертвой, пока ветка не подламывается под ним. Упав, он начинает сначала...

Оказывается, котик — не единственный мой попутчик. В полузатопленной кроне было немало других. В рассветных сумерках я увидел стайку обезьян, которые, сидя друг возле дружки, цепко держались за ветви, ловко меняя позы, как только дерево меняло положение. Серые шубки, с которых ручейками стекала вода, и страдальческие мордашки выглядели по-человечески.

За ветви дерева они цеплялись не только четырьмя лапами, но еще и хвостами. Вот кого не отдерет от ветки никакая сила! Когда крона дерева переворачивалась, они с визгом и криками перескакивали на другие ветви, и я не видел, чтобы хоть одна из них оказалась в воде. Было заметно, что они стараются не глядеть на ствол дерева, где растянулся будущий Гривастый. Я не разделял их опасений. Но если бы тогда я знал о гривастых то, что знаю теперь, наверное, бросился бы прочь. И не сидел бы на этом дереве, опустив ноги в воду, если бы знал о крокодилах и табу плоскоголовых. По правде, я и не мог бы сидеть иначе на таком неустойчивом средстве передвижения, да и какие крокодилы могли быть в грязных потоках, рожденных сумасшедшей стихией!

Позднее я узна́ю, что наводнения, подобные нынешнему, бывают в приморской зоне ежегодно примерно в одни и те же сроки. Они-то и делают жизнь в этих местах невыносимой для большинства животных, а для крокодилов особенно, так как сносят их в море. А крокодилам больше подходят речки, озера и просто лужи на плоскогорьях в глубине материка, куда муссоны приходят совсем успокоенными. То, что я переживаю сейчас, оседлав толстый древесный ствол, не что иное, как Судный день для всего живого в приморье.

Я рано успокоился, посчитав, что, вырвавшись из ущелья на достаточно широкую водную гладь, мы обрели покой и надежду на мирную гавань. Еще издалека я увидел, что гряды холмов, разлегшихся по обе стороны долины на приличном расстоянии, начали сближаться. Я расценил это как нормальное геологическое явление, а буквально через полчаса — как бедствие, когда наш «корабль» ткнулся корнями в гигантский затор. В узкой порожистой горловине скопилось множество вырванных с корнем деревьев и кустов. Зажатая в теснине вода начала подниматься, в хаотическом нагромождении деревьев слышался треск ветвей, панические крики животных, грозный гул водопада... Желтошкурый прижал короткие уши к голове и с дикими глазами пополз к развилке ветвей. Обезьянки подняли истошный вой. Некоторые начали перескакивать на другие деревья, направляясь в сторону берега. Плотина из древесных стволов росла и росла, уровень воды поднимался все выше. Я подумал было, не последовать ли за обезьянками,— некоторые уже выбрались на прибрежные скалы и, задрав длинные хвосты, бросились врассыпную по склону теснины...

Туго же я соображаю! Обезьяны куда сообразительней! Пока

я раздумывал, громадный затор начал тяжело вздыматься, шум и треск усилились, а в следующее мгновение все это с диким грохотом обрушилось. Я вцепился в ветви, мое дерево трещало и переворачивалось, мутная вода накрыла меня и несла безостановочно...

Грохот сталкивающихся деревьев и падающей воды вдруг словно отошел в сторону. Я ничего не видел из-за режущей боли в глазах, залепленных грязью, но почувствовал, что дерево поплыло по спокойной воде. Когда глаза очистились, орошаемые ручьями слез, я осмотрелся. Желтошкурый исчез. Среди ветвей сидело несколько дрожащих мокрых обезьянок,— наверное, из новоприбывших и не успевших перебраться на берег. Я отметил приятную перемену: мое дерево крепко-накрепко сцепилось ветвями с другим. Деревья были прямо-таки вдавлены друг в друга. Мне стало страшно, когда я подумал, что со мною стало бы, окажись я среди ветвей в момент их столкновения. Зато теперь, получив хорошую устойчивость и дополнительную плавучесть, мой «корабль» стал надежнее. Приятные перемены одним этим фактом и ограничились, поскольку во многих других отношениях я чувствовал себя отвратительно — на зубах скрипел песок, во рту горечь, тошнота... Потом я вырвал, чуть не вывернулся наизнанку. Обезьянки, глядя на меня изумленными глазенками, притихли. Освободив желудок от грязной воды, я растянулся на стволе. Мне полегчало, но забрала в свои лапы тоска. Я сел и, глядя на обезьян, стал громко жаловаться на свою несчастную судьбу: — Грегор, за какие грехи ты терпишь такие мучения? Не проще ли один раз наглотаться этой мутной воды и разом покончить с муками?..

Обезьянки оторопело слушали меня, прижимаясь друг к дружке. Для них я — невидаль. Но когда я сделал движение в их сторону, поудобнее располагаясь среди толстых ветвей, они завизжали, щеря желтоватые клыки.

— Успокойтесь, никто вас не трогает,— говорю как можно миролюбивее.— Я не ем обезьятину... Мне надоело жить, но больше всего я хочу спать...

Словом, я устроился вполне сносно. Сцепленные деревья уже не могли перевернуться. Это утешало. Дождь лил как из ведра, но это была чистая и не очень холодная влага. Перед глазами еще какое-то время медленно проплывали холмистые окрестности, затопленные у берегов деревья с торчащими ветвями... Я и не заметил, как это все тихо исчезло.

Ного никак не мог прийти в себя после встречи с огромными динозаврами, на бегу растоптавшими наш лагерь, если это пристанище можно так назвать. На песчаной отмели мы оставались несколько дней. Плот, выброшенный на песок неловким движением динозавра, оказался целым и мог бы еще служить нам. Но он был тесноват. Я строил его в одиночку, в бамбуковых зарослях, все время опасаясь нападения крокодилов. Меня донимали четырехкрылые кровососы, похожие на комаров, разве что потолще. Плот я строил в тайне от плоскоголо-

вых, пользуясь тем, что они крайне редко и неохотно подходили к реке. Да в этом и не было для них особой нужды — озера и лужи в том дождливом году были всегда переполнены.

Сооружая с помощью Ного новый плот, я уже имел кое-какой опыт, мне не надо было таиться. Ного с упорством слона тащил к месту сооружения плота любой древесный ствол, казавшийся мне подходящим. И получилось то, что надо. Великолепное сооружение!

Костер у нас пылал ночью и днем, в экономии топлива не было никакой нужды. Плавника, высушенного жарким солнцем, хватило бы на месяц. Днем, когда мы были заняты работой, костер был обычный,— дров получал ровно столько, чтобы не погаснуть. Зато ночью мы старались утолить его ненасытный аппетит самыми большими ветками, пламя освещало и заросли, и реку, отпугивая непрошеных гостей. Притащив одно-другое бревно, Ного торопился на отмель и через несколько минут возвращался к огню с довольно крупными ракообразными и небольшими, как я понял, безвредными змейками. Ного укладывал их на горячий плоский камень с горячими углями, и через пять-десять минут можно было лакомиться вкусным мясом. Забот о еде у нас не было.

Иногда нас навещали крокодилы. Их отсвечивающие рубинами глаза тлели, словно угольки, отлетевшие от нашего костра в ночную темень. Обычно, поглазев, они убирались восвояси. Но как-то появился наглец, посчитавший нас легкой добычей. Он, медлительный и самоуверенный, выполз из воды и направился к нам.

Я схватил длинную жердь, горящую с одного конца, и ткнул ее в полураскрытую крокодилью пасть. Он взревел, развернулся, и я вовремя отскочил — удар тяжеленного хвоста прошумел в полуметре от меня. Чудовище заторопилось назад, в воду, и долго еще в ночи мы слышали его злобный рев. Урок, полученный нахальным экземпляром, не подействовал на остальных. Парные красноватые точки, сновавшие в воде вокруг отмели, заставляли нас быть настороже. И дело тут не в одних крокодилах.

В зарослях вокруг нас бесшумно двигались неясные тени; желтым и зеленым светились хищные глаза. Их владельцы не осмеливались приближаться к огню, шастали на границе света и мрака. И только когда порыв ветра в сторону зарослей обдавал их жарким дыханием огня, слышались испуганное рычание и треск веток, затихающий в отдалении.

По тому, как все чаще срывался ветер, как пыль и сухие листья поднимались в воздух короткими, энергичными вихрями, а на восточной стороне неба появлялись темные тучи, было ясно, что не за горами период дождей. Порывы ветра доносили к нам запахи выжженных солнцем холмов. Ветер предупреждал: еще неделю-две хорошей погоды, а потом земля смешается с небом. Надо торопиться с плотом. Надо выстроить крепкий шалаш на плоту, потому что не очень уютно сидеть под открытым небом, когда на голову льются потоки небесной влаги.

Прошел день. За ним — другой. Крокодилы лениво загорали на отмели, не обнаруживая своих пиратских поползновений. В зарослях ни единого шелеста...

Выбрав более или менее свободных полчаса, я поднялся вверх по реке, к месту, где лежали останки динозавра. К нему невозможно было подойти поближе— мешал невыносимый смрад. Я, зайдя с наветренной стороны, несколько минут наблюдал за разнокалиберными стервятниками. Зверей, питающихся свежим мясом, не было даже в отдалении. На дугах обглоданных ребер сидели сытые грифы. Чем-то они все же отличались от земных.

Утром пятого дня мы были готовы к продолжению пути. Я попробовал приподнять плот за угол, но не смог даже качнуть его. Мы разрыхлили небольшой песчаный холмик, отделявший нашу площадку от воды, разбросав его по сторонам. Потом, пользуясь жердями, как рычагами, начали подвигать к воде.

За полдня тяжелой работы нам удалось спихнуть наше массивное сооружение в воду. То, что еще оставалось сделать, не требовало таких напряженных усилий, от которых судорога сводит мышцы, позволяло слегка расслабиться. Шалаш вышел прочный, ветром не разнесет. Кровлю сделали из коры. Над глиняной площадкой для костра соорудили навес. В одном углу сложили толстые сухие ветки, то есть дрова. Я решил, пока нужда не заставит, не есть ничего сырого. Мой цивилизованный желудок постоянно протестовал против сыроедства... Сделали мы еще кое-какие удобства. В оставшееся время занялись изготовлением оружия.

Племя плоскоголовых не знало другого оружия, кроме дубинок. Некоторые дикари иногда вставляли в расщепленный конец длинной палки обломок песчаника, кое-как закрепляли его — и получался примитивный топор. Копьем они не могли орудовать, оно мешало им пробираться через заросли. Лук и стрелы были чем-то непостижимым, чем-то из области шаманства...

В первую очередь я решил изготовить лук и стрелы. Дубина подходящих размеров для моих интеллигентных рук тяжеловата и не всегда пригодна. Длинное заостренное копье — это уже лучше. Передо мной стояла задача не только вооружиться самому, но и обучить Ного владеть оружием.

Теперь, когда Ного ушел из племени, он был свободен и от многочисленных запретов, регламентирующих жизнь туземцев. Он многое сможет постигнуть, парень смышленый. В первую очередь надо обучить его плаванью. Ного ужасно боится глубокой воды. Как избавить его от этой боязни? Я сколотил клетку — и она стала источником мучений дикаря. Напрасно я говорил, что в клетке, опущенной в воду, Ного недоступен для крокодилов. Он залезал в нее со страхом и всячески норовил выскочить из нее. В клетке я пытался приучить его к глубине. Глубина для Ного — это значит выше колен. А если вода к шее подбирается, так ужас дикаря неописуем. Для него глубина и крокодил — синонимы.

Придется с ним повозиться. Я понимаю, что берусь за неблагодарное дело — научить Ного плавать или хотя бы держаться на воде. Наш путь по реке продлится не знаю сколько времени, во всяком случае не меньше месяца, а одно неосторожное движение, неверный шаг на качающемся плоту могут лишить меня верного спутника и товарища.

Страх Ного и его соплеменников перед водой рожден страхом перед крокодилами. Чтобы показать Ного, что крокодилов нечего бояться, я плавал около плота, когда на берегу справа и слева лежали крокодилы. Ного испуганно таращился то на меня, то на крокодилов и, кажется, начинал бояться еще больше.

— Смотри, Ного,— кричал я из реки,— ни один крокодил не плывет ко мне! Крокодил боится человека в реке! Крокодил боится реки!

Ного сидел на плоту на корточках в метре от воды, стучал кулаками по бревнам и скулил:

— Нет! Ного боится! Крокодил съест Ного! Тебя держит в воде Большая Рыба, Ного не держит!

Ного слепо верит в мое небесное происхождение. Его вера восходит к тому времени , когда я мог объясняться с туземцами вполне сносно. Ного необыкновенно любопытен. Он никак не мог понять, откуда я взялся. Земля, «Титан», «Викинг»— для него пустые звуки. Вот и пришлось мне понятие космического корабля перекладывать на язык доступных ему понятий. Так родилась Большая Небесная Рыба, на спине которой Грегор прилетел на землю племени Ного. Девственное сознание Ного безоговорочно поверило бы любой моей сказке, только не правде. Его воображение, усиленное первобытной мистикой, сделало из меня Белого Колдуна, который потерпел поражение в схватке с неким таинственным божеством. Это божество отняло у меня силу и сбросило с высокого неба на холмы, а Большая Небесная Рыба похватила меня и опустила в реку... Таков я в глазах Ного.

— Смотри, Ного! Нет здесь Большой Рыбы— я держусь на воде, потому что вот так делаю руками и ногами,— я старательно показывал моему товарищу, как двигать конечностями.

— Большая Небесная Рыба есть,— рассуждает он, сидя на плоту.— Она помогает тебе, как Мать крокодилов помогает своим детям. Она не поможет Ного. Ного утонет.

Идею использовать клетку мне подсказала память о прочитанном в детстве. Люди заинтересовались жизнью акул. Пребывать среди них небезопасно. Вот и сварили клетку из металлических прутьев, о которые акулы обламывали зубы.

Утром я говорю Ного:

— Ночью прилетала Большая Небесная Рыба. Она сказала мне, чтобы я изготовил волшебство, которое научит Ного плавать.

Если уж Ного верит в мое небесное происхождение, надо его веру использовать для его же блага, и да простит Всевышний мой обман.

— Она так сказала? — глаза Ного полезли на лоб.

— Да! И еще сказала: если Ного не научится плавать за десять дней, то она сама заколдует Ного.

Бедный дикарь начал трястись мелкой дрожью.

Меня мучила совесть. Ее оппонент утешал меня тем, что другого выхода нет:

— Она очень сердилась и хотела перевернуть плот!

После этого бедняга сдался и даже помогал сколачивать клетку. Я не разъяснял, как мы будем ее использовать, сам же он не осмеливался спросить. Он подносил мне крепкие ровные жерди, из которых я связывал сначала каркас, а потом и стенки, или, вернее сказать, решетки. Это не была клетка в полном смысле слова, потому что у нее были всего три стороны, а четвертой она примыкала к плоту.

Мы сидели около костра и поджаривали на углях раков и змеек, наловленных туземцем. Я начал объяснять ему смысл клетки. Пусть за ночь обмозгует все и успокоится.

— Как ты думаешь, эти жерди крепкие?

— Крепкие,— подтвердил Ного.

— Крокодил может их перекусить?

— Нет.

— Он не смог бы эти жерди перекусить, даже если бы они были толщиной с эту веточку! — я демонстративно ломаю ветку с палец толщиной.

— Такую он перекусил бы,— смеется Ного.

— Нет, не перекусил бы!

— Почему?

— Не позволит сила Большой Небесной Рыбы,— я поднялся и прыгнул в воду, огороженную решетками у плота.— Большая Небесная Рыба хочет, чтобы ты купался в этой клетке.

У Ного даже челюсть отвисла.

Большая Небесная Рыба сказала: если Ного будет купаться между заколдованными решетками, крокодилы будут бояться Ного. Так сказала Большая Рыба.

Ного, обуреваемый разными чувствами, среди которых страх был не на последнем месте, переминался с ноги на ногу.

— Когда надо купаться?

— Завтра с утра.

Ного провел беспокойную ночь. Он несколько раз просыпался и смотрел на решетки. Утром он стоял на краю плота и зябко поеживался от утренней прохлады, а может, от страха.

— Не бойся, Ного,— продолжал я беззастенчиво вешать дикарю лапшу на уши,— если ты выполнишь повеление Большой Рыбы, она тебя полюбит. Она не будет переворачивать плот, и ты будешь плавать, как я.

Ного кивнул. Он, кажется мне, готов делать все, что я велю. Я соскочил в воду и взялся за край плота:

— Прыгай в воду и становись вот здесь!

Ного не прыгнул, Ного осторожно соскользнул в воду.

— Держись руками вот здесь и делай ногами вот так! — я показал.

Ного, сначала неловко, а затем и уверенно стал взбивать воду. Несколько раз его руки срывались с бревна, он окунался с головой, выныривал и хватался снова, поднимая ногами тучу

брызг. Сила у него была завидная. Вскоре он уже без всякого страха барахтался в воде, только глаза ужасно таращил и шум поднимал такой, что распугал всех крокодилов.

— Ного, стоп! Теперь смотри сюда! Держись руками за бревно. Теперь вытяни ноги в воде... так! Теперь подтяни их под себя, коленки под живот... так...хорошо! Теперь изо всех сил отталкивайся ногами вот так... ну, давай!

Ного оттолкнулся так, что плот сдвинулся в сторону берега.

— Ого! — кричу,— молодец Ного! Большой Рыбе это понравится. Теперь я буду стоять на плоту, а ты делай так много-много раз... ну не так сильно, можно чуть полегче!

Ного — способный ученик. Я понял это, когда наблюдал за ним при строительстве плота. Он быстро преодолел страх перед глубиной, старательно копировал мои движения. Мы занимались плаваньем утром и вечером. А днем я решил изготовлять оружие.

Еще раньше, когда мы с Ного заготавливали жерди для клетки, я отобрал несколько гибких и ровных жердин для лука. Тетиву я решил сплести из волокон, которыми со мной поделилась пальма, уступив несколько листьев.

Ного некоторое время наблюдал за моими действиями. Потом уверенно заявил:

— Я знаю, что ты делаешь... Ты уже делал это, но Крири поломал твои палки... Вру сказал, что ты хочешь всех заколдовать.

Ного упомянул имена плоскоголовых, которые вызвали во мне приступ ярости. У шамана был злобный и властный характер. Он боялся и недолюбливал меня, подозревая, видно, соперника. Первый сделанный мною лук Вру рассматривал с неподдельным интересом, и это меня обрадовало. Я подумал, что смогу поднять возможности дикарей в добывании пищи, они всегда и постоянно страдали от недоедания. Я показал туземцам, как надо обращаться с оружием. Шаман начал убеждать вождя, что лук — это злое колдовство. Меня вождь не захотел слушать, не пожелал и стрельнуть из лука. Он взял его и сломал. И запретил кому бы то ни было делать подобные вещи.

— Наш Вру глуп, как лягушка в луже,— сказал Ного,— только прыгает и квакает.

— Если бы шаман не помешал, если бы Крири его не послушался, у людей твоего рода было бы вдоволь мяса. Для того, чтобы из лука убить антилопу, не надо приближаться к ее острым рогам. Можно поразить издали.

Мне приходилось часто видеть, как охотники плоскоголовых погибали или получали тяжелые раны, охотясь за кабанами и антилопами. Дубинка — не самое надежное оружие, если зверь крепок.

— Шаман Вру — плохой и вождь Крири тоже плохой,— поддакивал Ного,— ты сделал большое колдовство.

— Ного, это было не колдовство! — там, где возможно, я пытаюсь поколебать в душе Ного веру в духов.— Не колдовство... Когда ты бросаешь камень, почему он летит?

— Потому, что его бросает Ного! Бросает рука Ного! —

в голосе туземца звучит самодовольство.— Ного сильный! Камень летит далеко!

— Верно,— соглашаюсь,— Ного очень сильный!

Туземцы падки на похвалу. И не упускают случая прихвастнуть. Это, как я заметил, у них в крови.

Выбираю среди жердей дубинку потолще и предлагаю Ного согнуть ее. Он внимательно осматривает ее, берется за концы, упирает в колено...

— Сильнее!

Все мышцы Ного вздулись узлами. Жердь слегка согнулась.

— Еще немного! Давай еще!

Ного, видно, не понимает, чего я добиваюсь.

— Почему ты не согнул ее сильнее? Почему не переломал?

— Сила дерева не позволила,— отвечает слегка сконфуженно туземец, отшвыривая жердь.

— Значит, у дерева тоже есть сила?

Ного испытующе смотрит на меня, потом начинает пояснять:

— У толстого дерева сила большая. У тонкого — слабая сила. Тонкая ветка поломается, если наступишь на нее. Когда лезешь на дерево, тонкая ветка ломается, и ты падаешь с дерева...

Браво, Ного! Ты постигаешь азы «Сопротивления материалов»!

— Итак, Ного, сила твоей руки бросает камень, а сила этого дерева, этой гибкой жерди будет бросать стрелу намного дальше.

Ного выпячивает нижнюю губу— признак серьезной умственной работы,— берет жердину и сгибает, как бы проверяя на упругость. Затем осторожно кладет ее обратно и садится напротив меня, наблюдая, как я осколком кремня затесываю гибкий стержень будущего оружия. Мне хочется думать, что дикарю понятен смысл моей работы,а его нецивилизованный мозг получает все новые импульсы для интеллектуального развития. На моих глазах и с моей помощью хомо эректус превращается в хомо сапиенс. Правда, до человека разумного моему спутнику еще далеко, но что такое человек разумный? Только ли мозг, набитый тьмой-тьмущей знаний? Но сколько я встречал неразумных людей с энциклопедией вместо мозга! А Ного по-своему разумен. Я протягиваю ему жердину, вручаю острый кремневый осколок и показываю, как надо затесывать сучки. И он затесывает. Со старательностью ученика, желающего возвыситься в глазах учителя. При этом все время о чем-то думает.

— Сыновья Большой Небесной Рыбы все колдуны? — вдруг спрашивает Ного, глядя мне в глаза.

— Почему ты так думаешь?

— Они много умеют. Много знают. Дерево несет их по реке. Дерево будет убивать антилопу...

— О, сыновья Большой Рыбы еще не то тебе покажут. Ты только внимательно смотри и запоминай...

Так проходят день за днем. В честолюбивом замысле цивилизовать дикаря я обретаю смысл жизни, в то время как сам я, безусловно, регрессирую: вот сейчас изготавливаю, например, кремневые наконечники большого размера...

Я так погрузился в эту работу, что забыл о рыбалке. Ного звал меня обедать и, поскольку я не торопился, один умял все, что оставалось от ужина, а оставалось достаточно. Мне казалось, что хватит на весь день. Теперь он с унылым выражением топчется передо мной и напоминает, что надо наловить рыбы.

— Стань подальше,— нетерпеливо ответил я,— не видишь — осколки летят в лицо.

— Нужно поймать рыбу,— упорствует Ного.

Я рассердился. Дело в том, что делать наконечники из кремня — это адская работа. Я когда-то вычитал, что люди каменного века владели секретом отдавливания осколков. Не знаю, как это у них получалось. Приноравливаюсь по-всякому. Безуспешно. Бью камнем по камню, стараюсь отбивать мелкие кусочки. На левой руке кровоточат все пальцы. Иногда, заканчивая наконечник, решаю, что вот этот бугорок надо бы снять. Бью по нему — и с таким трудом почти завершенное изделие разламывается пополам. Тут я начинаю в голос поминать всех чертей и их родителей. Ного смотрит на меня с разинутым ртом. Он принимает мою ругань за шаманское заклинание. Я осматриваю обломки и соображаю, нельзя ли из них сделать два наконечника для стрел. А Ного опять о своей рыбе.

— И чего ты ко мне привязался! — ору на него, теряя терпение,— Хочешь рыбы — лови ее сам!

— Ного не умеет,— говорит он обидчиво.

— Почему не умеет? Ного видел, как Грегор ловит рыбу? Пусть делает так же... Вот тебе шнур с крючком, вот кусочки мяса. Иди и лови!

— Ного не умеет колдовать!

— Здесь не надо колдовать. Надо все делать, как делает Грегор,— и рыба сама на крючок полезет.

Ного насаживает на крючок ломтик подванивающего мяса и забрасывает в реку без всякой надежды на успех, будто поймать рыбу для него не главное. Главное — исполнить требование Грегора. Через четверть часа торжествующий крик туземца распугал всех птиц в окрестностях:

— Ного поймал рыбу!

Ну вот, еще один шажок Ного по неторной тропинке цивилизации. Маленький шажок, но как он меня обрадовал! Того, что Ного научился делать рядом со мной, уже достаточно, чтобы стать на голову выше и вождя, и шамана, а то и обоих, взятых вместе. Мой современник, читая это, снисходительно ухмыльнется: подумаешь, сенсационное достижение! И действительно, что здесь особенного? Леска, крючок, наживка... Забрасывай, жди, тащи... А я жалею, что, учась в университете, не удосужился позаниматься предысторией человека. Я сейчас смог бы точно сказать, сколько понадобилось человеку тысячелетий, чтобы изобрести крючок для ловли рыбы.

Похоже, туземцу понравилось удить рыбу... А для меня это обернулось осложнениями. Наблюдая жизнь плоскоголовых, я был вначале поражен их непрактичностью: когда они добывали вдоволь пищи, ничего не оставляли про запас, даже на следующее

утро ничего не оставалось. Пожирали все подряд. Знали только две крайности: обжорство и голод. Середины не было. А в промежутке между крайностями — случайные гусеницы, малосъедобные корешки, яйца пресмыкающихся... Мясо доставалось не бог весть как часто— серьезная дичь быстронога. С камнями и дубинками за нею не угонишься. Племя постоянно голодало.

С тех пор, как мы вышли к Большой Реке, у нас не было проблем с питанием. Рыбы в Реке — видимо-невидимо. Я и ловил ее ровно столько, сколько нам было нужно для еды. Теперь положение изменилось — Ного почти все время сидит с леской над водой. Он оказался на редкость удачливым рыбаком. Весь плот завален рыбой,— а я ведь с такой любовью следил за чистотой! Запах рыбы, как свежей, так и портящейся, преследует меня повсюду; рыбьим запахом пропиталось все вокруг — от Ного до последнего прутика в крыше нашего шалаша. Дошло до того, что ночью не могу уснуть — выхожу на песок и подставляю лицо свежему ветру. Если у меня дойдет до отвращения к рыбе, я пропал. Разве что лук выручит — буду питаться мясом...

Этот запах, должно быть, и привлекает рыбу. Ного за каких-нибудь десяток минут добывает полдюжины рыб, и все крупные.

Однажды я не выдержал и сбросил всю рыбу назад, в реку. Ного смотрел на меня так, словно я и его хочу сбросить вслед за его добычей.

— Ного, надо ловить столько рыбы, сколько мы съедим.

— Завтра рыбы не будет.

— В Большой Реке рыба будет всегда. В Большой Реке рыба не кончается. А ты ловишь больше, чем надо. Она портится, гниет. У нас был чистенький плот, а теперь смотри, какая вонь. И сам ты — сплошная вонь.

Ного усиленно шевелит ноздрями:

— Где вонь?

Допускаю, что у нас различные представления о том, что такое вонь. Но запах гниющей рыбы — из всех воней вонь. Один туземец Ного этого не понимает. Что ж, придется мне опять обратиться к запрещенным приемам:

— Ного, ты хочешь рассердить Большую Небесную Рыбу?

Ного решительно замотал головой, отрицая даже возможность такого желания.

— Так вот, дух Большой Небесной Рыбы и дух Большой Реки всегда будут давать нам рыбу, чтобы мы были сыты. Но ты ловишь больше, чем мы съедаем. Рыба воняет. Большая Рыба и Большая Река сердятся... Сколько ты должен съесть рыбы, чтобы насытиться?

Ного выбрасывает руку с растопыренными пальцами:

— Вот столько!

— Ну и аппетит! — я выражаю неискреннее удивление.— А мне нужно вот столько,— показываю один палец.— Вот столько и лови!

Предобеденный урок плавания пропал. Ного лежит, охая,

в шалаше и жалуется на боль в животе, а живот — как бочка. Еще бы, съесть столько рыбы! Если бы я не знал, на что способны желудки туземцев, я подумал бы, что моему товарищу конец.

Когда я выбрасывал в реку разлагающуюся рыбу, то увидел, что вода забурлила, как в кипящем котле. Вся окрестная рыба собралась на пир. На это обратили внимание и птицы-рыболовы. Они кружились над плотом, шугали в воду. Некоторые ухитрялись перехватить выбрасываемую добычу в воздухе. Мне пришло в голову, что моим стрелам, чтобы выдерживать точность в полете, не хватает оперения. И тогда я сложил оставшуюся рыбу кучкой на краю плота, а сам, взяв готовый лук и несколько стрел, спрятался за шалашом. С четырех метров, думаю, не промахнусь, а заодно испытаю оружие.

Птицы довольно долго не могли преодолеть страха перед нами, с криками летали над плотом и не решались полакомиться нашей рыбой. Может быть, их отпугивали стоны Ного?

— Тише, не шуми...— говорю я шепотом,— птиц отпугнешь!

— Не надо птица...— стонет Ного,— не надо рыба... Ного ничего не будет есть.

— Хорошо, не будешь, а пока помолчи...

Белогрудая птица отделилась от стаи и соскользнула с высоты; мелко трепеща короткими крыльями, замерла над рыбьей кучей и в следующий миг уселась на плот. Для остальных это послужило командой — они разом ринулись к рыбе, начали драться, ни одна не захотела остаться без добычи. А сверху налетали все новые и новые, били друг друга крыльями и клювами...

Если бы я швырнул в них дубину, уложил бы, самое меньшее. трех. Коротко просвистела стрела и увязла в птичьем боку. Птица закричала и забилась в агонии. Но остальные не обращали на нее внимания, будто ничего не случилось. Они рвали друг у друга рыбьи тушки. Ну, если вы такие дуры... я посылаю в них еще несколько стрел. Еще две птицы начали трепыхаться на бревнах плота. Вот-вот свалятся в реку. Я выскочил из шалаша, и только тогда птицы взлетели. Одна из птиц, едва я прикоснулся к ней, ударила меня клювом. Я быстренько свернул им шеи, тем, что еще трепыхались, и уложил рядышком возле шалаша. Поздравил себя с удачной охотой — оружие не подвело! Птицы крупные, величиной с гуся, мясистые. Но меня интересовало не столько мясо, сколько перья. Это сколько же моих стрел получат прекрасное оперение и возможность точно поразить цель!

После обеда урок плаванья снова не состоялся. Сначала я не придал значения легким белесым облакам, протянувшимся полосами от горизонта до горизонта. Ни ветерка. Воздух, как обычно, насыщен зноем и рыбьими запахами. Если пойдет дождик, думаю, не беда. Напоит сухую землю и вымоет наш плот. Небо как-то слишком быстро затягивается густеющими тучами, наступают сумерки, хотя солнце, я знаю, еще высоко. Из ближней долины вырвался вихрь, затянул воронкой пыль и сухие листья. Где-то над холмами сверкнуло, прокатился гром, упали первые крупные капли.

Бросаюсь спасать дрова. Тащу их в шалаш, засовываю под нары. Ного лежит и стонет.

Резко падает температура воздуха, становится прохладно. Порывы ветра превращаются в сильный ветер, и вот уже ураган грубо пробует нашу хижину на прочность. Ветер поднял в воздух золу на нашем кострище, к счастью, в сторону реки, потому что в ней были горящие угли и, если бы он хоть горсточку бросил на хижину, нам пришлось бы гасить пожар. Впрочем, до пожара вряд ли дошло бы — гулкие удары редких капель превращаются в ровный шум падающей воды. Через проем входа я вижу, как над вершинами холмов поднялась белая завеса, соединяя тучи с землей. Она движется в нашу сторону, закрывая от наших глаз холмы и заросли...

Вода тяжело падает на нашу утлую хижину, шатает стены. Появляются первые струйки воды, отыскавшие щели в нашей крыше. Единственное, чего я боюсь, это чтобы не рухнули стены и чтобы нам не пришлось выползать из-под них в объятия грозы...

Сижу в углу хижины. На голову, на плечи падают струйки воды. И все-таки в хижине лучше, чем на берегу, где опасно раскачиваются огромные деревья, где с холмов несутся потоки... Нам угрожает только молния, но позволяю себе надеяться, что мы особого интереса для нее не представляем. Я съежился от холода... Я мечтаю: ночью дождь прекратится, утром взойдет солнце, мы разведем костер и зажарим птицу. У костра мы отогреемся. А пока струйки льются на мою голову, Ного стонет от пережора, я промок до ниточки, которой на моем теле нет. И мечтаю.

Периоды дождей я пережил четырежды. И каждый год первая гроза вызывает в моей памяти тот, первый ливень, который обрушился на меня в ночь после гибели Амара, отрезал меня от «Викинга» и моих товарищей. В моих воспоминаниях об этом ливне большие пробелы. Думаю, из-за психического потрясения, связанного с гибелью Амара; сказалось и падение в ущелье, и голод, и множество других испытаний. Мне трудно выдерживать последовательность в моем повествовании. В цепочку последовательно развертывающихся картин вдруг врывается картинка, не связанная с предыдущими ни сюжетом, ни логикой. Она все путает, сбивает с толку, и я в конце концов сам не могу понять, что после чего произошло.

Поток, подхвативший меня в ущелье после падения, когда я лежал без сознания; дерево, которое несло меня по реке, мои соседи по несчастью — обезьянки и малый Гривастый...

Когда обрушился затор, мы спускались вниз по течению еще два или три дня, и все время под непрерывным ливнем, пока снова не попали в затор. На этот раз я не медлил, тем более, что мое спасительное дерево, вернее — два дерева, ткнулись в затор почти у берега. Я вылез на скользкий берег вслед за обезьянками, совершенно обессилевший от голода и холода. Меня держала в сознании одна мысль — скорее вернуться на «Викинг», прочь с этой ужасной планеты.

Я брел сквозь стену дождя, против дождя, полагая, что такой

ливень может двигаться только со стороны моря. Не помню, сколько я шел. Впрочем, шел — не то слово. Я больше полз, скользил, скатывался, карабкался... Перевалив через холм, я уткнулся в поток такой же мощный, какой оставил за холмом. Я не впал в отчаяние, для него тоже требовались силы. Я шел вдоль берега, пока пространство вокруг меня не утонуло в быстро сгустившихся тропических сумерках. Было так темно, что я не видел своих ног. Шел на ощупь. Шел до тех пор, пока не забрался в густые, колючие заросли. Там свернулся калачиком под кустом. Я уже не мог заботиться о своей безопасности, потому что был не в состоянии что-либо делать. Охватив голову руками, провалился во мрак.

Новый день принес мне небольшое облегчение. В каком-то маленьком бочажке я напился воды. Накачанный полиинтерфероном, я не боялся инфекции, а может, и не думал об этом. Естественно, я не мог ориентироваться, чтобы определить, где же я нахожусь. Низкие темные тучи закрывали небо, заросли кустарника ограничивали видимость. Меня окружала неопределенность, которая ничуть не лучше бесконечности. Фронтальное движение циклона замедлилось, направление ветра подчинялось теперь рельефу местности. Я даже не мог сказать, в какую сторону движутся облака. Их тяжелые туши напарывались на скалистые вершины холмов и клубились вокруг них. И тем не менее, я шел, доверяясь единственному компасу — интуиции, чувству, которое дремлет в каждом, важно только вовремя к нему прислушиваться.

Человек, выросший в условиях земной цивилизации, не может представить себе, как длинна ночь. Движение видимого, привычного мира лучше любых часов указывает нам время, чувство конкретного времени. Но если ты затерян в неизвестном мире и тебя окружает непроницаемая тьма, и единственный родной звук, который ты слышишь, это звук собственного сердца, а остальные звуки — это шум дождя, не пытайся определить или угадать время; не пытайся, потому что рискуешь сойти с ума.

За одну-единственную ночь я пережил столько, сколько можно пережить за одну длинную жизнь. С тех пор я понял тайну преклонения своих пращуров перед Солнцем и огнем — источниками света, созданными Природой и Человеком.

Дни немногое значили. Они были всего лишь короткими интермедиями в постоянно обновляющейся бесконечности ночного мрака. Он наступал неотвратимо и, не торопясь, прерывался на рассвете. Это было короткое отступление, чтобы через двенадцать часов снова обрушить на меня муки вневременного существования...

Первая ночь была еще не самой плохой — во мне только накапливался ужас тьмы. Утром я отправился дальше...

Я верил, что иду в нужном направлении, что передо мной вот-вот откроется морской горизонт, а затем и берег. Изнурительная борьба с кустарником сокращала день, ночь наступала все быстрее, и я погружался в сон.

Третий день моего странствия через страну холмов был

последним, связанным с предыдущими. Утром вода помогла мышцам следовать приказам мозга, но к полудню— а полдень угадывался по максимуму освещенности— изменилась не только местность, но и я сам. Не знаю, действительно ли это произошло вдруг, или так показалось моему болезненно-усталому восприятию. Серый цвет под влиянием дождей превратился в коричневый и черный, а затем позеленел. Нескончаемый дождь непрерывно орошал мелкие листья и распускающиеся почки; невидимые зерна подняли в атаку из-под земли свои зеленые ростки, отвоевывая в борьбе за место под солнцем сантиметр за сантиметром. Зеленые объятия зарослей сузили доступный моему взгляду мир до расстояния вытянутой руки, хотя он и раньше не был особенно широк. Мне показалось, что струи дождя стали теплее, но я не уверен, что это не благодаря моим субъективным ощущениям — температура тела понизилась, например, с тридцати шести и восьми до тридцати пяти и пяти. Конечно, дождь в таком случае будет казаться теплее парного молока. Такой температурный эффект вполне вероятен, если учесть, что мои силы истощились до критического уровня, что несколько дней у меня крошки во рту не было. Но я шел и шел, механически переставляя непослушные ноги. Раскисшая почва выскальзывала из-под них. На крутосклонах я падал и катился к подножью, где меня останавливал кустарник. Я долго лежал, полузакрыв глаза, пока мои мышцы обретали способность двигаться.

Помню, меня радовала мысль, что я еще могу идти. Однажды меня окружил целый хор звуков, словно кто-то невидимый вдруг покрутил регулятор громкости. Журчанье воды в промоинах и оврагах стало невыносимым, мне слышалось высокое гудение невидимого генератора, из туч долетал громкий звон колокола, холмы вокруг меня начинали кружиться, как гигантская центрифуга...

Дальше в моей памяти пробел. Не то, чтобы я ничего не помнил, напротив — все смешалось, все краски и формы, как в калейдоскопе. Осколки мира не складываются в логически осмысленную мозаику. Дальше, по времени, следует дикий кабан, так как с ним связан скальпель; но с этой поры скальпель начинает играть самостоятельную роль в моих воспоминаниях...

Я лежу на небольшой изумрудной полянке. Вокруг меня — зеленые заросли. Выбираю наиболее сочные стебельки и отправляю в рот: этот с горечью, другой — сладковатый; оба одинаково безвкусны. Если ядовиты, мне будет плохо, но мысль об этом скользнула мимо сознания, я уже не во всем мог отдать себе отчет... Поворачиваю голову на шум в кустах. На поляну вываливается кабан. Увидел меня, коротко хрюкнул, выражая одновременно испуг и угрозу. Сразу понял, что я для него безопасен. Принял к сведению мое присутствие и начал подрывать землю на противоположной стороне полянки. В груде мокрой земли мелькнуло желтое тело корнеплода. Вслед за тем послышалось чавканье. Я приподнялся на руках, пытаясь рассмотреть, как выглядит корнеплод в надземной части. Если кабан поедает его с таким аппетитом, значит, он и мне не

противопоказан. Лиловые мясистые ростки толщиной с палец прячутся. под нависающими ветвями кустов. Хрупкие. Легко обламываются. А до корнеплода с голыми руками не доберешься, надо бы раздобыть палку или острый камень. Нигде ничего такого не видно. Что-то давит в бок. Ощупываю рукой — скальпель! Из моего горла вырвался хриплый звук радости. Кабан встревожился. Не сводя с меня маленьких зорких глаз, он с наклоненной головой обходит мою странную, диковинную персону по дуге— наверное, взвешивает возможности нападения. Или бегства. Внезапно он с громким хрюканьем бросается в кусты и исчезает.

Скальпель! Передать невозможно, как я обрадовался. Даже в голове прояснилось. Пытаюсь выдернуть этот хирургический инструмент из пояса. Невероятно! Такое впечатление, что в голове что-то тенькнуло — и я с ужасающей четкостью и ясностью осознаю, где я и что со мной происходит...

Луковицы тоже горьковаты, но их удобно есть. Это не трава, не корешки. Сочная плоть хрустит на зубах. Копаю все новые и новые луковицы, поедаю, кое-как очистив от прилипшей земли. Вскоре в животе появляется непривычная тяжесть, но пока еще можно затолкать в него лишнюю луковицу, я не останавливаюсь— пусть раздувается.

Тут же вспомнил, что у меня на запястье левой руки был аптатор. На перекрестных ремнях висели баллоны с кислородом... Все это потерялось. В кармашках пояса нащупал две герметичных упаковки стимулина. Я даже не подозревал, что они там хранятся. Видно, Дэйв вложил их на всякий случай— и как же вовремя они обнаружились!

Несколько луковиц я положил в поясную сумочку. Почувствовал себя несколько лучше — и в путь. Я рвался к «Викингу». «Викинг»— это мой дом, частичка моей далекой любимой Земли. Я верю, что движусь в нужном направлении. Стимулин придал мне силы, и я снова полон надежды.

Это я сейчас знаю, что время дождей на чужой планете — единственное время года, когда о вылазке в джунгли и помышлять нечего. Грозы —«судная неделя» для множества животных. Они тысячами гибнут в оврагах и долинах, не успев забраться на холмы. Они приближаются стремительно. На земле подобного рода стихийные бедствия большинство животных предчувствует и уходит в безопасные места. Здесь же, по моим наблюдениям в течение четырех лет, ни люди, ни животные не чуяли беды. Она заставала всегда врасплох. Вместо того, чтобы убегать, животные забивались в чащу в самых пониженных местах долин и оврагов. Можно сказать так: многие из них случайно спасаются, но погибают не случайно. После гроз хищникам и санитарам лафа — не тратя больших усилий, на неделю обеспечивают себя едой. Травоядные тоже благоденствуют — вчера еще выжженные зноем луга сегодня покрываются сочным разнотравьем...

Наверное, потому и оставил в покое дикий кабан беззащитного пришельца. Постоянно раздраженные в засушливую пору, эти звери миролюбивы во время дождей. Словом, сезон дождей — это

такое время, что если тебя не унесет потоком, не придавит падающее дерево и не попадешь под оползень, то останешься жив.

Жуткое зрелище являют собой оползни. Стоит огромный холм. На нем спокойно растут кусты и деревья, между кустами пасутся животные. И вдруг холм вздрагивает. Вслед за тем его пробирает мелкая дрожь. Еще мгновенье — и склон холма с тяжким стоном начинает ползти вниз. Еще мгновенье — и все переворачивается вверх ногами с грохотом и треском. Движущаяся масса с нарастающей скоростью сметает все на своем пути; даже огромные скалы, сорванные с места напором стихии, летят кувырком, как обычные камни. Бедствие со всего маху обрушивается в долину и с тяжким гулом врезается в противоположный склон...

Помня, что тучи движутся с моря, я старался идти против их движения. За моей спиной оставались крутые подъемы и скользкие спуски. Я потерял им счет. Я почти уверовал в то, что еще один холм, еще два, три, пусть десять — и я увижу море.

На какой-то вершине холма, когда я остановился перевести дух, в желудке началась невыносимая резь. Сразу же появилась тошнота со всеми ее последствиями. Я не мог стоять на ногах, чувствовал, что теряю сознание. Встал на колени перед ближайшей лужей и попытался выпить как можно больше воды. Вода изверглась обратно вместе с содержимым желудка — травой и луковицами. Я, корчась от болей, катался в грязи. Живот сводило судорогами. Потом я потерял сознание.

А когда пришел в себя, понял, что проиграл битву, а, возможно, и жизнь.

Хорошо помнится, как я пил воду. Я переползал от лужи к луже, чтобы напиться до одури и сразу же извергнуть ее. Я пил ее снова и снова, потому что только ощущение свежевыпитой воды на короткое время успокаивало болезненную жажду.

...лежу на спине. В лицо хлещут дождевые струйки. Временами дождь прекращается, и тогда я смотрю, как надо мной проносятся низкие тучи. Вершины холмов — я вижу их краем глаза — покачиваются. Стоит мне слегка пошевелить головой, как начинается головокружение. Понимаю, что не могу лежать бревном, надо что-нибудь сделать, но что — это было недоступно моему пониманию, двигатель воли работал вхолостую, луковичный яд опустошил мозг, мышцы отказывались повиноваться..

Я ловлю открытым ртом капли дождя. Жажда больше не донимает, желудок напоминает о себе тихим нытьем. Лежу и боюсь новых приступов боли. Надеюсь, что ядовитый костер погашен. Мысли и опасения за собственную судьбу странно притуплены. Во всяком случае, движение туч занимает меня больше. Иногда кажется, что они плывут так низко, что стоит протянуть руку — и пальцы запутаются в их длинных космах. Но я не могу поднять руку. Переворачиваюсь на живот. Это стоит мне стольких сил, что я валюсь лицом в глинистую землю. Пальцы погружаются в грязь, подсознательно ощупывают ее, направляемые стереотипом профессии, отмечают крупные и мелкие каменные фракции...

Мир, окружающий меня, кажется нереальным...

Возвращаюсь в себя от сильной боли в бедре. Мгновенно осознаю, что источник боли — внешний. Бью сапогом другой ноги. Зверь величиной с собаку отскакивает от меня с рычанием и визгом. Возникает тревога. Может, благодаря ей мир обретает резкие черты реальности. Я приподнимаюсь на локтях, сажусь и сжимаю в руке скальпель. Из сумерек на меня уставились настороженные морды шакалов.

Их несколько... Три или четыре. Наблюдают за мной с расстояния в несколько метров. Чувствую — готовы к нападению. Швыряю в них камнями. Отскакивают с визгом, но не уходят. Выжидают, оценивают: если достаточно ослабел — нападут все вместе, если еще способен дать отпор, будут держаться на расстоянии. Для них я загадка. Такого еще не видели.

Я тоже отмечаю их особенности: тонкие лапы, поджарые туловища, головы непропорционально большие. Челюсти мощные, видно, способны разгрызть любую кость, что и требуется от хищников-санитаров. Эти стайные звери сокращают мучения раненых или больных животных, подбирают остатки после пиршества крупных хищников.

Даю им понять, что ко мне они пристроились слишком рано. Скальпель сверкает в сумеречном свете. Рана в бедре болит. Когда я попадаю в шакала камнем, он с визгом отскакивает в сторону и с рычанием возвращается на прежнее место. Мне не страшно, чувствую, что с ножом сумею отбиться. И они это понимают и потому скромно стоят полукругом в десятке метров от своей потенциальной жертвы. Они дрожат и повизгивают, хвосты волокутся по земле. Мне становится не по себе от их пристальных немигающих желтых глаз.

Темень опускается на землю. Один из шакалов, задрав морду, хрипло воет. Откуда-то из-за скал доносится ответный вой, похожий на эхо... Через некоторое время из дальних кустов выскользнули новые тени. Мои враги получили подкрепление. Множество шорохов и взвизгивания в кустах указывало на то, что подкрепление довольно серьезное. И нетерпеливое. Бросаться камнями и дальше было бессмысленно; я разбросал все камни, да и что толку! Моя тревога нарастала по мере того, как сгущалась темнота. Не собираются ли шакалы наброситься на меня всем скопом, когда я и увидеть их не смогу? Звери, наверное, понимают, что в темноте я перед ними беззащитен, а их осторожность убывает, когда их становится больше. Шакалы постепенно сужибают вокруг меня кольцо, я швыряю в них комьями грязи, но они только скалятся... Их клыки светятся в опасной близости. Судя по голосам, доносящимся с различных сторон и расстояний, шакалы продолжают стягиваться. Неужели моя судьба решена? Умереть, отравившись местными растениями,— это одно, и совсем другое — быть растерзанным шакалами. Ощущение близкого конца мобилизовало во мне какие-то резервы, и я поднялся на ноги. Звери подались назад. Я не сомневался ни секунды в том, что если я упаду, это станет для них

сигналом к нападению. Странное атавистическое желание овладело мною — захотелось рычать. Во мне, разбуженные смертельной опасностью, завопили голоса всех моих древних предков. И я зарычал, насколько хватило моих сил. И одновременно шагнул вперед, разорвав кольцо моих врагов. По шорохам понял, что звери передо мною разбежались. Я двинулся вперед, всей своей кожей чувствуя, что стая устремилась за мною следом. Значит — преследование? Господи, только бы не упасть! Я должен показать шакалам, что сила у меня есть. Надо только тверже и увереннее ступать, без паники, спокойно. Только бы не зацепиться за что-нибудь, не споткнуться о камень. Заросли хватают меня за ноги, я упорно раздвигаю их всем своим слабым телом, иду туда, где слабо светится линия горизонта над холмом. Начался подъем. Кустарник расступился. Обрадовала мысль, что вырвался из долины, как будто холмы обязались быть со мною в союзе. В темноте, на фоне более светлого неба, появились высокие тени деревьев. Сзади, чуть поотстав, за мною тянулись шакалы. Их неверные тени охватывали меня полукольцом. Значит, на что-то надеются, думают, что я не могу уйти далеко...

Под кроной одного из деревьев я ударился головой о толстую ветку и выругался. При звуке моего голоса звери шарахаются — это радует. Надо осторожнее проходить под деревьями. Но уже под следующим я ударился лбом с такой силой, что если бы не схватился руками за ветку, упал бы наверняка. Я буквально повис на ветке — ноги подкосились, в голове прозвучал колокольный звон. Мне показалось, что звери бросились на меня. Какая-то мощная сила — я до сих пор сомневаюсь, что моя,— бросила меня вверх, к ветвям, и я опомнился, только когда оказался высоко над землей. Под моими ногами раздалось злобное рычание и царапанье когтей о кору дерева. Множество фосфоресцирующих глаз закружилось вокруг. Я поднимался еще выше, пока не почувствовал себя в недосягаемости. Этот факт меня так обрадовал, что я нашел в себе силу издевательски посмеяться над моими преследователями. И еще я отметил, что впервые в жизни карабкаюсь на дерево, а поскольку сделал это молниеносно, то и похвалил себя, кажется, в голос...

Шакалы сторожили меня до рассвета. Они безмолвно ожидали, что я, может быть, свалюсь и в любом случае никуда не денусь. Я расположился в развилке между несколькими довольно толстыми ветвями, уселся поудобнее, да еще и пристегнулся поясом...

Когда посветлело, я еще видел сверху их узкие спины, обескураженные морды неудачников, глаза, поглядывающие на меня уже без всякой надежды. А потом, совершенно незаметно, звери исчезли, словно растворились в утреннем свете.

После приключения с шакалами я почувствовал себя лучше, скорее всего благодаря таблеткам стимулина. Теперь моим убежищем служили деревья. Они стали моими друзьями. Дожди закончились, по крайней мере не шли беспрерывно. Я шел и присматривался к жизни джунглей. Она была до удивления

примитивна: убегай — если преследуют тебя, преследуй — если жертва бежит.

Меня уже не подгоняло нетерпение. Я шел, стараясь, чтобы в случае малейшей опасности удобная ветка находилась на расстоянии нескольких шагов, не дальше. Раны от клыков на бедре зажили без нагноения. Я в который уже раз настроил себя на предельную осторожность. Заросли кустарника— они время от времени преграждали мой путь— вызывали чувство непреодолимого страха. Как только дневной свет, сочащийся сквозь пелену туч, начинал меркнуть, я искал подходящее дерево, на котором смог бы провести ночь. Иногда это отнимало у меня много времени. Не удивляйтесь, я объясню, почему: я набрел на подходящее дерево, а до темноты еще час, а то и два. Я забираюсь на самую верхушку и высматриваю следующее подходящее дерево, чтобы продолжить свой путь к нему и напроситься на ночлег. Если такого дерева по линии моего пути я не находил, останавливался здесь, чтобы не пришлось потом ночевать на земле. Оставшееся до ночи время употреблял на поиски съестного. К растениям подходил с опаской, ел понемногу. Хотелось мяса, но добывать его голыми руками не умел. Охотился на лягушек и ящериц по берегам луж и ручьев. От высоких деревьев не удалялся, при первом подозрении на опасность бежал к ним. Однажды удалось набрести на двух небольших черепах. С помощью скальпеля вскрыл панцирь и полакомился нежным мясом.

Потом я делал попытки ловить птиц, обнадеженный тем, что первая попытка оказалась легкой. А случилось это так: вы, думаю, догадываетесь, что спать среди ветвей не очень комфортно. Ветки жестковаты— ни повернуться, ни выпрямиться. То нога онемеет, то плечо, а тут еще холодные туманы перед рассветом. Однажды, проснувшись задолго до рассвета, я невдалеке от себя увидел птицу величиной с курицу. Не понимаю, почему она не проснулась, когда я подбирался к ней. Схваченная за ногу, она пронзительно закричала, забила крыльями и чуть не сбросила меня с дерева. У нее оказалось твердое, жилистое мясо. Перья ободрал только крупные, да и то с трудом. Отрезал по кусочку мяса скальпелем и заглатывал вместе с пухом. Хватило на два дня, не надо было отлавливать лягушек и ящериц.

Снова появилось чувство тревоги. Как бы медленно я ни продвигался, берег моря должен был бы уже появиться. Должно быть, я допустил ошибку, ориентируясь только на движение туч. Оно зависит от множества метеорологических факторов и особенностей континентальной платформы. О них я ничего не знал. Солнце все еще не показывалось.

Я обратил внимание на то, что характер поверхности изменился. Холмы стали более пологими и оставались самой характерной особенностью плоскогорья, у которого есть свой наклон. Неприятное открытие заключалось в том, что я, однажды посчитав, что муссонные циклоны идут со стороны моря в глубину континента, сейчас должен признать, что ошибся. Я шел в сторону

общего континентального подъема. И тучи двигались не с моря на континент, а наоборот. Будь я повнимательнее, я обнаружил бы комплекс признаков, которые указали бы мне на ошибку. Но я по известным причинам был слишком поглощен борьбой за выживание, и многие приметы прошли мимо меня. Сколько же времени я потерял? Достаточно много. А в моем положении ошибаться нельзя. Даже дома, на Земле, последствия иных ошибок оборачиваются невозместимыми потерями, а что же говорить об этом диком мире? Здесь нет ни друзей, ни любимых, на чью поддержку можно рассчитывать...

Я заблудился, это уже несомненно. Беда еще и в том, что я не знаю, как эту ошибку исправить. В какую сторону держать путь — не знаю. Никаких ориентиров...

Причиной еще одной ошибки, которая, несмотря на свою незначительность, обернулась тяжелыми последствиями, была добытая мною птица. Мне очень понравилось птичье мясо. Легкость, с которой оно досталось мне, обнадеживала. Я начал охотиться на птиц. Я пытался подбивать их камнями, палками, когда они кормились на берегу ручья. Поздно вечером, когда мир превращался во мрак, и ранним утром, когда мир оставался еще погруженным в темноту, я подкрадывался к ним, карабкаясь по тонким ветвям. Но удача от меня отвернулась. А я уже попробовал горячей птичьей крови, и лягушачье холодное мясо вызвало у меня отвращение. Я превратился в кровожадного, но неспособного хищника. Нередко, потеряв время на неудачную охоту на птиц, я укладывался на ночлег с урчащим от голода желудком.

И тогда произошла случайность, причина которой — в моем алчном стремлении во что бы то ни стало добыть птичьего мяса. Этой случайности я благодарен за то, что встретился с Ного.

Среди широкой долины сверкало зеркало озера. На его волнах покачивались сотни и сотни водоплавающих птиц, напоминающих уток. Подобраться к ним незамеченным было нельзя. На берегу — ни единого куста. Я лежал на вершине холма и сглатывал слюну — столько мяса! Но как его добыть?

На противоположном берегу, в нескольких метрах от лесной чащи, я приметил двух птиц. Они заметно выделялись среди уток, спокойно отдыхающих после кормежки. Только бы добраться до них! Нужды в особой осторожности не было. Долина гудела от птичьего галдежа. Я прошел через лес и оказался перед прибрежными зарослями. Осторожно прокрался вдоль них к тому месту, где, по моим расчетам, должны отдыхать две крупные птицы. Тихо раздвигаю лозу — и вижу несколько спящих птиц, метрах в двадцати. В сумки на моем поясе я заранее положил несколько увесистых камней. Прежде чем извлечь камень, я решил продвинуться еще на несколько метров. Хор птичьих голосов был так силен, что мог бы заглушить даже громкую человеческую речь. Густое переплетение корней верболоза позволило мне бесшумно подойти еще на несколько метров. Я вытащил камень. Подошел еще на несколько шагов и справа увидел небольшое зеркало воды, а на ней — те самые птицы.

Странно, что они меня не замечают! И спят как-то странно: дрожащие, взъерошенные, судорожно заглатывают узкими клювами воздух...

Камень с силой ударил в крыло и отлетел в воду. Но птицы и не думают взлетать. Что за чертовщина! Они отчаянно бьют крыльями, а в воздух не поднимаются. Я отталкиваюсь от берега и прыгаю к птицам. Брызги летят во все стороны, ноги погружаются во что-то мягкое и вязкое. В следующем прыжке я намеревался схватить если не обеих птиц, то хотя бы одну. И что же? Не могу вытащить ноги из вязкого месива, скрытого под слоем воды. Птицы отчаянно бьют крыльями, а кто-то невидимый под водой держит их за длинные ноги. Я боюсь, что они в последний момент вырвутся — и я снова останусь ни с чем. Тем временем вязкое месиво под моими ногами словно расступается, и я погружаюсь еще глубже. Тут уж не до птиц. Глубина втягивает меня медленно и неотвратимо. Я подумал, что лучше не дергаться, стоять тихо. Из-под ног на поверхность воды выскакивают и лопаются пузыри, вода покрывается тончайшей радужной пленкой, моих ноздрей касается знакомый запах — запах нефти.

Знакомый запах мне все объяснил — асфальт! Нефтесодержащие пласты вышли на поверхность, летучие фракции испарились— остался тяжелый вязкий состав, который у нас, на Земле, называют асфальтом. Память услужливо подсунула мне факты из моей студенческой практики: Тринидадское асфальтовое озеро... Асфальты Ла Бреа около Лос-Анджелеса с останками древних животных, попавших в ловушку...

Я знал, таким образом, что ждет нас — меня, несчастного, и этих обреченных птиц. Затопившая долину ливневая вода образовала ложное озеро, под которым притаилось настоящее, асфальтовое. Длинноногие птицы стали его жертвами и невольной приманкой для меня, большого охотника до птичьего мяса...

Главное, не делать резких движений. Повернув голову, оцениваю расстояние до ближайших кустов и мысленно благодарю судьбу: во время прыжка кочка ушла из-под толчковой ноги и поэтому сам прыжок вышел далеко не рекордным, что-то около метра. Гибкие ветви лозняка покачивались в полуметре от моих вытянутых рук. Примерившись, я рванулся в сторону кустов и плюхнулся в воду на всю длину своего тела, руки не дотянулись до куста сантиметров на двадцать.

Мне показалось, что я целую вечность боролся за эти сантиметры, пытаясь преодолеть их и так, и эдак. Наконец, обратился к последнему средству — снял пояс, один конец накрутил на ладонь, а конец с тяжелой пряжкой бросил в середину куста и затем потянул к себе. Несколько лозин наклонилось почти к моему лицу, и я схватился за них. После этого я умолял куст верболоза покрепче держаться корнями за почву, пока я медленно, сантиметр за сантиметром, буду вытаскивать себя из коварной ловушки...

Я подмял под себя весь куст, да так и остался на нем лежать. Слишком много сил ушло на схватку с трясиной. День погас,

наступили быстрые сумерки, и мне надо было поторопиться к выбранному для ночлега дереву. Подняв голову, я заметил непонятную тень. Смотрю и глазам своим не верю. В нескольких метрах от меня сидит на корточках человекообразное существо с лохматой головой на короткой шее. Всматриваюсь. Нет, существо сидит не на корточках, погрузилось почти по грудь в воду. Поправляюсь — в асфальтовую тину. Я вижу его со спины. Оно заросло короткой шерстью. Из мощной бочкообразной груди порою вылетают шумные вздохи. Первоначальный страх сразу прошел. Понимаю, существо, попавшее в такую беду, не может мне угрожать. Оно, видно, давно сражается за свою жизнь — ближние кусты вырваны с корнем и валяются в воде вокруг бедняги. Кто же это? Человек? Большая обезьяна? Он, наверное, заметил меня сразу, как только я вошел в лозняк, и притаился. Потом наблюдал, как я пытаюсь выбраться на твердый берег. Я решил, что передо мною большая человекообразная обезьяна. Пытаюсь представить себе, как бы сложились наши отношения, если бы мы встретились на берегу или на дереве. Зверь, видно по всему, могучий, а вот из трясины не способен вырваться. Я отошел от воды. Ниже пояса меня покрывал толстый слой асфальтового месива. Его надо как-нибудь соскоблить, пока не подсохло. Отламываю пучки лозы,— черное месиво очень неохотно расстается с моим телом, но в конечном счете уступает. Чувствую на себе испытующие взгляды большой обезьяны. Когда она поняла, что я тоже наблюдаю за нею, перестала таиться. Издает хрипящие звуки, стонет, старается дотянуться до кустарника, несколько раз пытается вырвать из трясины ноги. Результатом таких усилий является еще большее погружение; обезьяна понимает это и затихает.

Чтобы получше почиститься, я поскреб себя еще и скальпелем. Затем направился к склону холма, к облюбованному дереву. Чувствую спиной взгляд обезьяны. Тоже, подумалось, мяса захотела. А я, голодный, после этого происшествия не ощущаю голода. Обещаю себе не охотиться больше на птиц, а довольствоваться лягушками... Обезьяна до утра, наверное, не дотянет. Засосет ее, бедную. Подумав про обезьяну, я поворачиваюсь. Надо хоть рассмотреть ее как следует. Подхожу поближе. Обезьяна вскинула голову и посмотрела на меня. Голое лицо с широким плоским носом, выдающимися челюстями. Длинные спутанные волосы лезут в глаза. Губы как у коренных жителей Африки. В глубоких глазницах под заметно выпирающими надбровными дугами светятся отчаяние и, чего нельзя было ожидать от обезьяны, разум. В брошенном на меня взгляде проявилась целая гамма чувств: и безысходность, и тоска, и сознание своей обреченности. На какой-то миг в глазах засветилась надежда, но тут же погасла. А ведь это — разумное существо, подумал я. Оно ждет от меня помощи. И если оно действительно разумное, то, освобожденное с моей помощью, не сделает мне зла... Что ж, попробую спасти. И сразу же — сомнения: не будь идеалистом! Ты хочешь его выручить? Ну хорошо, вытащишь этого человекоподобного из беды— а посмотри на его руки! Огромные

лапищи зажали пучки лозняка. Они, эти лапы, шутя свернут тебе шею... Так что лучше предоставь его собственной судьбе, сам устраивайся с ночлегом.

Дикарь словно прочитал мои сомнения. Его губы растянулись в гримасе. Из горла вырвались новые звуки, и я с удивлением отметил, что дикарь пытается что-то сказать мне. Было понятно, что он умоляет помочь ему... Конечно, нельзя оставлять его в беде. Кто, кроме меня, поможет ему? У него, безусловно, есть соплеменники. Но если они до сих пор не выручили его, то как они сделают это ночью?.. Среди наиболее близких к нему кустов я выбрал самые толстые ветки и, не отламывая их, наклонил пучком к его голове. Дикарь вытянул руку и ухватился за ветки сильными пальцами. Потянул их на себя — куст затрещал.

— Погоди! — крикнул я. Дикарь послушался. И это меня тоже поразило. Он меня понимает! Не мешкая, я собрал в пучок ветви другого куста, и дикарь ухватился за них другой рукой.

— А теперь подтягивайся!.. Не рывками — выдернешь кусты с корнем! Давай постепенно! Потихоньку!

Честное слово, он меня понимал. Иначе почему делал все так, как я советовал? Может быть, телепатия? Какая разница! Он понимает, что я помогаю ему, и слушается. Теперь я не сомневался, что передо мной вполне разумное существо, туземец. Звуки непонятного языка булькали на его толстых губах. Взгляд, несмотря на дикость, выражал благодарность.

По мере того, как волосатый гигант высвобождался из асфальтовой ловушки, меня все больше обуревали сомнения. Ну да, у него вполне человеческий, разумный взгляд; неизвестный, но безусловно человеческий язык... Может ли это помешать ему, как только он освободится от трясины, взять и придушить меня?..

Пока я мучился сомнениями, дикарь с шумом и треском выполз на твердь и повалился на четвереньки. Я свое дело сделал и поспешил ретироваться. Отступил за кусты и затем быстрыми шагами ушел прочь, подальше от греха, чтобы не получилось так, что доброе дело сделал на свою голову.

На дерево я взобрался в непроглядной темноте, расположился повыше и замер, прислушиваясь к звукам, которыми обычно полнится ночь. Душа томилась от предчувствий: это происшествие вызовет новые перемены в моей жизни. Не знаю, добрые ли, плохие, но явно что-то назревает.

Из долины, погрузившейся во тьму, потянуло сложным букетом разнообразных запахов: к основному запаху гниющих водорослей примешивался острый запах нефти. Запах птичьего помета создавал иллюзию обжитого места... Внезапно приозерную темень прорезал долгий крик. Начинаясь на невысокой ноте, он поднимался до визга и неожиданно обрывался бормотанием. Я не сомневаюсь, что это подал голос спасенный мною туземец. Он кого-то звал, звал требовательно, настойчиво. Кого он может звать, кроме своих соплеменников? Значит, они должны быть в пределах слышимости. Но сколько он ни зовет, отклика нет. А если не соплеменников, то кого еще может звать это одинокое, но вовсе не беззащитное существо? Неужели меня? Действительно, я чувствую, что голос туземца обращен ко мне. Он

зовет меня! Зачем я ему? Чего он от меня хочет? Меня пугает даже мысль о том, что я могу вот так спуститься с дерева и подойти к дикарю. Что я скажу ему? О чем спрошу? Как ваше самочувствие, господин туземец? А он все зовет. Понимает, что я не мог уйти далеко...

Начал накрапывать дождь. Пусть накрапывает, мне не привыкать. Как же быть с туземцем? По голосу слышно, что он выбрался из зарослей и направляется в мою сторону...

А почему, собственно, я не могу подойти к нему, если он разумное существо? Я могу найти в нем спутника, товарища. У него нет причин остаться недовольным мною. Единственный мой поступок, имеющий отношение к нему,— я выручил его из неприятной ситуации. Он должен помнить об этом до конца дней своих... Я лихорадочно взвешиваю все за и против. Думаю, ничего плохого он мне не сделает. Как местный житель, туземец может мне помочь. По принципу: услуга за услугу. Я начинаю понимать, что мне трудно будет найти дорогу к «Викингу». Туземец по меньшей мере знает, в какой стороне море. А если я просчитаюсь и он меня придушит, что ж... придет конец моим страданиям. Амар уже не мучается, как я мучаюсь.

Я спустился по стволу дерева и пошел на зов. Может, это и безумие, думал я, но в таком случае все — безумие; все, что связано с моим появлением на этой планете. Я остановился. Решил не отходить далеко от дерева и подал свой голос:

— Эй, сюда! Я здесь!.. Хватит вопить, подходи сюда!

Вскоре послышались шаги и гортанное бормотание. Из темноты вынырнул еще более темный силуэт, послышалось отрывистое дыхание. В следующую минуту туземец взял меня за руку. С его губ слетали непонятные слова. Я даже догадаться не смог бы, о чем он толкует. Но с первых слов понял, что мне бояться нечего. Туземец настроен миролюбиво. В конце концов, я в нем больше нуждаюсь, чем он во мне... После того, как я помог ему выбраться на сушу, он мог бы повернуться и уйти. Он у себя дома. Однако он не ушел. Что его заставило отыскать меня? Я не знаю, о чем он все время говорит, зато уверен: у него ко мне добрые чувства. Ему важно, чтобы я слышал его голос. При абсолютной невозможности логического понимания сам голос несет в себе информацию межличностных отношений. Ему, этому огромному туземцу, тоже хочется слышать мой голос. Для начала я сказал, потянув его за руку, что нам глупо стоять под дождем, лучше спрятаться под широкой кроной старого дерева. Мы уселись под деревом бок о бок, ощущая спинами теплую шероховатость древесной коры.

— Понимаешь,— говорил я в свою очередь,— хоть ты и похож на большую обезьяну, но парень, надеюсь, хороший. И еще надеюсь, что ты со мной не разделаешься. Верно?

Туземец вслушивался в звуки моего голоса, не дыша. В моей речи он не понимал ни бельмеса, так же, как и я в его. Мы сразу уяснили ситуацию, поэтому наши голоса выражали доверие друг к другу, а большего для начала и не требуется. Доверие в нашем положении — это все. Если оно появилось, нет нужды в объясне-

ниях. Туземец рассуждал точно так же, смею надеяться. Наши монологи стали произноситься все реже. Наконец я услышал, что мой знакомец захрапел, и этот факт значил больше, чем признание в дружбе. Я, сколько мог, сопротивлялся сну. Мелькнула мысль забраться на дерево. Но это было бы проявлением недоверия... Незаметно для себя я тоже уснул.

Чего мне только не снилось! Один сюжет был связан с университетской лабораторией и Леной. Второй — с «Викингом». Снилось, что лечу в скафандре по воздуху и удивляюсь: разве скафандры могут летать сами по себе?..

Спал я крепко. И как ни крепок был мой сон, каким-то уголком сознания все время отмечал, что согревающее меня плечо — это плечо, на которое можно опереться.

Утром я проснулся первым. В рассветных редеющих сумерках все, что произошло ночью, казалось более невероятным, чем можно вообразить себе с помощью самой фантастической выдумки. Туземец спал, не выпуская моей руки и свесив голову на грудь. Странное у него лицо. Лицо человека, сформированное условиями чужой планеты. Я не стал отнимать у него свою руку, чтобы не разбудить, но он проснулся сам, почувствовав, должно быть, что я его рассматриваю. Глубокие вертикальные морщины прорезали его лицо от крыльев носа до уголков широкого рта и дальше под подбородок. Мы встали на ноги, и он с широкой улыбкой начал трясти меня за плечи, произнося непонятные слова. Потом он обратил внимание на свои «заасфальтированные» ноги и принялся выдирать комья асфальта прямо с шерстью. Нет, будем называть это волосами, хотя для волос, пожалуй, густовато. Отдирая особенно крупные комья, он гримасничал от боли, и тогда я отстегнул от пояса скальпель. Он замер в удивлении. Осторожно взял в свои огромные лапы хрупкий медицинский инструмент и поднес поближе к глазам. Похоже, его поразил не скальпель сам по себе, а материал, из которого он сделан.

Туземец осторожно прикоснулся пальцем к лезвию, удивленно хмыкнул и вернул. Я взял скальпель в правую руку, левой оттянул увесистый ком асфальта на его ноге и быстрым движением обрезал волосы. О, как он был приятно поражен! Он подставлял все новые и новые участки своего тела, где асфальт висел комьями, и я обрезал их совершенно безболезненно. Потом он опять попросил скальпель и сам стал себя очищать, ни разу не порезавшись... Мой знакомец все время улыбался. Улыбка — это две вертикальные морщины по обе стороны рта и широко открытый рот. Я почувствовал к нему симпатию и, как он меня утром, потряс руками его за плечи. Он тоже стал меня трясти. Никакого напряжения между нами не возникало. Жаль, что наши языки друг другу не понятны! Но остается язык жестов, мимики, возгласов. А в том случае, если нам придется провести рядом достаточно много времени, освоим и слова. Я поднял руку и ткнул себя пальцем в грудь:

— Грегор!

Он сделал точно такой жест, ткнув себя пальцем в широкую волосатую грудь:

— Ного!

— Ного! — повторил я, касаясь его груди, и — Грегор! — касаясь своей.

— Грего! — говорил туземец,— Ррегор!

— Очень приятно, господин Ного, с вами познакомиться! — сказал я и обеими руками потряс ему массивную, узловатую руку.

— Ррегор! Ррегор! — тряс меня за плечи счастливый Ного. Прекрасно, подумал я. Перейдем на следующую тему. Я поднес ко рту сложенные пучком пальцы и изобразил жевание:

— Ам! Ам! Кушать! — я показал поглаживанием путь еды от рта до живота.

— Га-а! — сказал Ного. Он все сразу понял и тоже погладил свой живот. Затем начал принюхиваться. Что-то его раздражало. Он с неудовольствием посмотрел на комки асфальта, махнул неопределенно рукой и тяжкой, переваливающейся, но на удивление быстрой походкой направился по склону холма к верховьям долины. Через несколько шагов он оглянулся, чтобы удостовериться, следую ли я за ним. Я улыбнулся, хлопнул себя по животу и сказал: «Га-а!»

Мы перевалили через холм и на спуске в следующую долину остановились. Я проследил за его взглядом и увидел в траве под ногами птичье гнездо с дюжиной светло-зеленых яиц... Отныне за свое будущее Грегор может быть спокоен. Его гарантом послужит питекантроп, вытащенный из асфальтовой трясины.

Только тот, кто в одиночестве умирал от голода, усталости и неизбывного страха, понимает, что значит обрести товарища, освободиться от одиночества, от унизительного чувства незащищенности. Один плюс один — это намного больше, чем просто два человека. Один плюс один — это сумма множества качеств, особенно если речь идет о таких различных внешне и внутренне людях, как я и Ного, вернее, как Ного и я. Среди нас двоих его имя должно стоять первым. Моя заслуга состояла лишь в том, что я без особых усилий помог ему избежать опасности, с которой он прежде ни разу не встречался.

Благодаря Ного передо мною открылся странный мир, похожий, вероятно, на тот, в котором жили мои предки лет этак тысяч 70—80 тому назад или еще раньше на диких просторах моей, тогда еще нецивилизованной планеты.

В первобытном мире чужой планеты Ного и его соплеменники на лестнице рангов занимали место где-нибудь посредине. Но поскольку они были хитрее и находчивее более сильных и кровожадных хищников, они сумели избежать опасностей, которых не избежали более сильные. Если дать плоскоголовым самую краткую характеристику, я сформулировал бы ее так: всесильные воры. Благодаря своей смекалке они обманули природу, перехитрили ее законы. Только тот, кто многое пережил вместе с этими людьми, знает, как непросто бывает даже при помощи смекалки и хитрости, быстроты и храбрости побеждать грубую силу, которой незачем хитрить, потому что она с и л а.

В Ного прекрасно уживаются хитрость, смекалка и храбрость с огромной физической силой.

Я видел, как он, завывая, с дубиной ворвался в большую стаю гиен, поваливших теленка антилопы. За полминуты убил и покалечил нескольких сильных хищников, прежде, чем челюсти хотя бы одного из них смогли сомкнуться на его теле. Ошибись он в мелочи — стал бы вторым блюдом после теленка на кровавом пиру гиен. В другой раз, на охоте за антилопами, он схватил неосторожного теленка за задние ноги и с тяжелой, бьющей копытами ношей вскарабкался на дерево раньше, чем разъяренная мать и полдюжины могучих самцов попытались превратить охотника в кровавое месиво в кустарнике.

Это относительно короткие способы добывания пищи, хоть и рискованные. Другие же, хоть и не менее рискованные, требуют огромного терпения, немалой выдержки и железного самообладания. Ного способен по шесть-семь часов таиться у тропы, ведущей к водопою; терпеть, не шелохнувшись, укусы множества жучков и кровососущих насекомых, когда малейший шорох может вспугнуть осторожную дичь.

Ного однажды несколько часов подряд полз на брюхе за стадом антилоп, а невдалеке, так же незаметно, подкрадывался Большой Гривастый, который мог выбирать — туземца или антилопу...

Науку выживать Ного постигал с первой минуты своего рождения. Подобных наук я не изучал, но сдавать экзамены приходилось ежедневно. А теперь еще добавились новые хлопоты — постигать язык Ного. Нельзя же целыми днями улыбаться и трясти друг друга за плечи! Постоянное общение настоятельно требовало обмена информацией, а без языка в этом вопросе ничего не поделаешь. Я сделал выбор в пользу туземного языка по многим причинам, и первая среди них — легкость овладения. Язык земной цивилизации туземцу ни к чему. На девяносто пять процентов он состоит из понятий, абсолютно недоступных примитивному мышлению Ного и его сородичей, тогда как немногословный язык джунглей, кроме легкости усвоения, отражал действительность, в которой мне предстояло не знаю сколько жить.

Я сравнительно легко разобрался в джунглях чужого языка, в мире глубоких гортанных звуков, шипящих гласных и раскатистого «р». Я с радостью убедился, что н а ч а л о, которое в любом деле обычно бывает трудным, в общении с Ного не составило для меня никаких проблем. Одним восклицанием «га-а» мы с Ного решили сложную проблему нашего первого завтрака. Так же легко мы достигли взаимопонимания и в других вопросах нашего бытия. И ничего удивительного — язык Ного возник на реальной почве потребностей племени.

— Гру-у! — сказал Ного, указывая рукой на заросли, в которых на расстоянии броска камнем шумно двигалось какое-то животное. Он развернулся и побежал, мощно раскачиваясь на кривых ногах. Я, естественно, стараюсь от него не отстать.

Это же слово он произносил, когда глушенная ударом дубины антилопа поднималась на ноги или когда мчался за убегающей добычей...

Вначале меня совершенно сбивало с толку то, что одно и то

же понятие часто имело несколько названий. Скажем, одним словом обозначается антилопа, другим — теленок антилопы, третьим — антилопа-бык, четвертым — больная антилопа... В языке Ного нет обобщающих слов. Это язык охотников, в котором важно по одному слову решить, о чем идет речь. С другой стороны, все насекомые и черви назывались одним словом го-ду. Отдельные названия имели те из них, которые обладали полезными или неприятными свойствами. К таким насекомым относятся пчела, черный муравей с парализующим укусом. К слову, нашествие черных муравьев большим количеством было не менее устрашающим, чем нападение Большого Гривастого.

С помощью Ного я начал успешно приспосабливаться к тяжким условиям дикой жизни. Чем больше я узнавал туземца, тем с большим основанием утверждался в мысли, что Ного — очень интересный человек. Ему в щедрой мере отпущены такие ценные человеческие качества, как чувство благодарности, деликатность, предупредительность. Таких понятий в языке Ного нет, и попробуй Грегор заговорить со своим спутником о таких вещах, как благодарность, он бы не смог понять, о чем, собственно, речь. Ного был умен — в сложных ситуациях он находил быстрые и точные решения, и это делало Ного полезным человеком в племени плоскоголовых. Я уже не говорю о его терпеливости. Первое время, не приспособленный к жизни в экстремальных условиях, я часто срывал своему спутнику охоту тем, что обнаруживал себя в самый ответственный момент, и жертва убегала, оставляя нас без ужина. Ного ни разу не вышел из себя, только повторял: — делай, как я!

Я старался быть прилежным учеником. Это нетрудно, имея такого учителя и опекуна. Теперь моя судьба перестала зависеть от любой случайности. Само присутствие Ного, его роль в моей нынешней жизни исключали появление таких случайностей, которые могли бы оказаться роковыми. Подбирая съедобные травы, я знал, что Ного следит за тем, что я отправляю в рот. Я перестал вздрагивать при каждом шорохе в кустах. Здесь я безотчетно полагался на силу и опыт туземца. Ко мне возвращалась уверенность, что я не затеряюсь в чужом мире и рано или поздно вернусь на «Викинг». Мысль о «Викинге» и тревожила, и успокаивала меня.

Где-то в конце шестой недели моей одиссеи в разрывах серых туч начало появляться солнце, сначала на короткое время, а потом, по мере очищения неба от облаков, на более длительное время. Я смог с уверенностью установить, в какой стороне находится океан. С помощью Ного я выйду к нему. Мои первые попытки направить наше бесцельное бродяжничество в сторону солнечного восхода остались не понятыми:

— Там плохо! — говорил мой спутник, указывая на восток. При этом в данную минуту он мог идти на восток, чтобы через полчаса повернуть на север, еще через час — на запад. Мы шли каким-то странным маршрутом, и я не мог уловить в нашем движении каких-либо закономерностей. Броуново движение, думал я, но не мог же Ного идти никуда! Вскоре я выяснил, что

при всей хаотичности передвижений в течение дня, мы в целом выдерживали главное направление — на север. А вообще Ного — авантюрист по складу характера. Приключения его вдохновляют. Он любопытен, как молодой кот.

— Там большая вода. Пойдем туда! — сказал я Ного, когда мой словарный запас еще пополнился. Я клонил все туда же, на восток.

— Там нехорошая вода! Нельзя пить! — говорил Ного, и я понял, что мой приятель там бывал.

— Мы не будем пить...— ответил я и замолчал. Надо было говорить о «Викинге», о моих товарищах-землянах, а нужных слов не было еще в моей копилке. Ного смотрел на меня, понимая, что я хочу поделиться с ним своими мыслями, что-то говорил, но я тоже не понимал его.

— Там, у большой воды много-много Грегор! — я подобрал десять камешков и положил их в ряд,— Грегор, Грегор, Грегор...— говорил, переводя палец с одного камешка на другой.

— Там много Грегор! — повторял я, пока наконец, у туземца не засияли глаза. Он потряс меня за плечи:

— Там большая вода! Там много Грегор? — это был первый понятый мною вопрос Ного. Не могу сказать, кто больше обрадовался,— хозяин планеты или его незадачливый гость? Оба обрадовались. Ного с воодушевлением закатил длинную речь, из которой я не понял ничего. Очевидно, на моем лице отразилось огорчение, потому что Ного опять потряс меня за плечи:

— Утром пойдем к большой воде! Пойдем, Грегор!

На следующее утро мы шли на восток. Яркое солнце светило нам в глаза. Теперь Ного старался не отклоняться от выбранного направления, разве что по пути встречались овраги, озера, заросли... Их мы обходили.

Чем ближе к морю, тем меньше дичи, подумал я, когда впервые за много дней пришлось устраиваться на ночлег с урчащим желудком. Дичи стало меньше, чего не скажу о комарах. С наступлением темноты они налетали на нас тучами с широкой долины, сверкающей множеством луж в лучах заходящего солнца. От кровососов не было никакого спасения. Волосатому Ного, наверное, было легче,— какая-никакая защита имеется, а я к утру был весь в расчесах и волдырях.

Лесистая местность как-то незаметно перешла в обширные заросли. Точно такие же колючие заросли преграждали нам путь, когда мы с Амаром высадились на берег и направились в глубь материка. Если полоса зарослей отделяет побережье от внутренних районов, то мы идем правильно. У меня никаких на этот счет сомнений. И солнце, которое теперь показывается каждый день, позволяет нам ориентироваться в восточном направлении.

Но меня удивляет наметившийся общий подъем местности. Если бы я не был геологом, это противоречие меня смутило бы. Я не только нашел удачное, на мой взгляд, объяснение поднимающейся к океану гряде холмов, но и тому невероятному факту, что я оказался так далеко от побережья.

Геологическая линия разлома пролегала здесь параллельно

береговой линии примерно в двадцати-тридцати километрах от последней. В процессе сжатия края разлома поднялись, образовав водораздел. Ливневый поток, захвативший меня в ущелье, тащил меня в сторону от океана, а затопленная ливневыми водами долина, куда впадал поток, имела уклон также в глубину континента. Превращенная тропическими ливнями в реку, она-то и увлекла меня на вырванных с корнями деревьях в глубину материка.

Когда я устремился в обратный путь, к «Викингу», у меня не было иных ориентиров, кроме движения туч, надолго заполонивших небо. Зная муссонный характер тропических ветров,— они, как известно, летом дуют со стороны океана, а зимой — наоборот,— я не определил, какое время года было на планете во время нашего с Амаром похода. Даже не подумав об этом, решил, что лето. Оказалось, я грубо ошибся, если элементарное незнание можно назвать ошибкой. В условиях здешней тропической зимы господствовали ветры, дующие с материка. И я, вместо того, чтобы двинуться к морю, направился в противоположную сторону. И с каждым днем все дальше уходил от «Викинга»...

Мне хотелось узнать, когда Ного в последний раз бывал в этих местах, на побережье, но запас туземных слов не позволил мне сформулировать вопрос. Ного шел уверенно, я не сомневался, что местность хорошо ему знакома, и все же... Она становилась все более непохожей на встречавшуюся мне до сих пор. Среди заросших кустарником холмов часто встречались крутые известковые утесы высотой метров по пятьдесят. Они придавали ландшафту странный вид. Было такое впечатление, что здесь все вымерло, все онемело.

На рассвете четвертого дня Ного взошел на вершину холма и осмотрелся:

— Завтра увидим большую горькую воду!

Ночь была у меня бессонной. Мы тронулись в путь на рассвете, и часа через полтора в седловине между холмами засверкала морская синева. Я, сломя голову, бросился вниз по склону. Песчаный берег, насколько хватало глаз, был пустынен. Меня это не огорчило. Можно ли было ожидать, что мы выйдем к берегу в районе лагуны! В то время, когда мне хотелось кувыркаться и прыгать на радостях, он хмуро смотрел на волны.

— Где же другие Грегоры?

Выходит, я его надул? Мне не хотелось огорчать Ного и омрачать свою радость.

Вчера мы с ним не то что поругались, но имели крупный, как говорится, разговор. Я настаивал, чтобы мы шли правее небольшого озера, а Ного — левее. Я уступил, и теперь у меня был случай ткнуть туземца носом в его упрямство. Если бы мы, сказал я, пошли по моей дороге, мы бы пришли, куда надо.

— Теперь показывай ты, куда надо! — сказал Ного, признав свою вину.

Я лихорадочно прокручивал в памяти свои блуждания после гибели Амара, чтобы хоть приблизительно прикинуть, в какой

стороне остался «Викинг». Нет, это невозможно. Придется идти наобум. Только вот в какую сторону? Направо? Налево? Если не угадаю, то сколько бы мы ни прошли, а на «Викинг» не попадем.

Правда, кое-какие цифры я прикинул. Получалось, что от места, где мы стоим, до лагуны не больше 50 километров. Если идти со скоростью 30 километров в день, то за два дня можно убедиться, угадал ли я. Если не угадал, пойдем в обратную сторону и в четыре дня — беру максимум — выйдем к цели.

— Туда! — махнул я рукой направо. И Ного покорно поплелся за мною следом, смешно выворачивая ступни в рыхлом песке. Судьбе было угодно еще раз посмеяться надо мною. В тот день, после обеда, я различил вдалеке белые гривы прибоя, который постоянно кипит у кораллового рифа. Сердце мое встрепенулось. Пройдем еще немного — и я увижу мой корабль! Взметая песок, я летел, как на крыльях.

Меня не очень огорчило то, что до самого заката мы так и не добрались до «Викинга». Не велика беда. Не вышли на него сегодня, выйдем завтра. В худшем случае — послезавтра. Но выйдем! А потом можно будет считать все случившееся дурным сном, все, что я пережил на этой безжалостной земле.

Ничего нет странного в том, что человек, целый день шагавший по щиколотки в песке, спал в колючем кустарнике так сладко, словно лежал на удобной кровати в космическом корабле. Утром я проснулся с радостной мыслью, что сегодня, после стольких дней мучений, увижу «Викинг».

За скалистым береговым обрывом, у подножия которого плескались волны небольшой бухты, начинался точно такой же лес, какой открылся нам в лагуне «Викинга». Но я смотрел не на берег, а в открытое море, туда, за рифовый барьер, где в туманном воздухе утра надеялся увидеть контуры «Викинга». Вдруг Ного, который стоял позади меня, вскрикнул и стремительно побежал к деревьям. Он втянул тревожными ноздрями воздух, посмотрел на лагуну и показал пальцем вверх, на деревья.

Мы быстро взобрались на верхушку дерева, где, как посчитал Ного, находились в безопасности. Усевшись на толстой ветке, мой спутник снова потянул носом воздух:

— Там дофф-дофф! Мертвый дофф-дофф! Дофф-дофф очень сильная птица, не летает, жрет мясо!

У меня поползли мурашки по спине. Я вспомнил гибель Амара и словно заново пережил связанный с нею ужас. Мне не хотелось ни при каких ситуациях встретиться еще раз с птицей-монстром. Ного обратил внимание на мой испуг:

— Грегор сидит на дереве — Ного посмотрит, где дофф-дофф.

Туземец решительно соскользнул с дерева и скрылся в густой листве. Меня всегда поражала способность Ного при его кажущейся неповоротливости передвигаться с кошачьей ловкостью. Потянулись напряженные минуты ожидания. Мне показалось, или я действительно услышал запах падали? При полном безветрии иногда срывался легкий ветерок и пробегал по листве то в одну, то в другую сторону. Он-то и обдал меня подозритель-

ным запахом. Я прислушивался к любому шороху. Мне казалось, что я слышу подкрадывающиеся шаги. Сейчас вот раздвинется листва и перед моим лицом возникнет окровавленный, крючковатый, неправдоподобно огромный клюв...

— Грегор, иди сюда! — спокойный голос Ного вернул мне уверенность. Я спустился с дерева и пошел на голос Ного, на опушку леса. Туземец внимательно рассматривал что-то в кустах, бормоча и взмахивая руками. Я подошел ближе и буквально окунулся в удушливые волны трупного смрада. На опушке леса в разных местах валялись останки крупного животного, грязные комковатые перья, кости. Ного смеялся. Ему, видно, приятно было рассматривать птицемонстра в таком виде. Как и мне.

Мы попытались восстановить картину случившейся здесь драмы. Частые ливни и грозы основательно стерли следы, но кое-что и осталось. Ного ходил между деревьями и кустами, переворачивал палкой бренные останки дофф-доффа и, по своему обыкновению, что-то бормотал про себя. Иногда плевался.

— Были одна и две птицы. Пришли с холмов. Сначала пришла одна, потом еще две. Дофф-дофф никогда не убивают друг друга. Первую птицу убил другой зверь. А две дофф-дофф сожрали мертвую.

Ного, рассказывая, продолжал обследовать место гибели дофф-доффа. Потом, воскликнув, полез под куст и вытащил странный предмет:

— Ху-у! Что это? — Ного держал пальцами вытянутой руки рваный сапог от скафандра. Я бросил на него взгляд — и сердце едва не оборвалось. Ного сравнивал найденные ошметки с моими сапогами:

— Это нога другого Грегора? Его съела дофф-дофф? А где остальные Грегоры? — спрашивал Ного.

Немного позже я понял, что мы все-таки находились в лагуне «Викинга». Но где же сам «Викинг»? За коралловым рифом было пусто. Эта пустота мгновенно сжала мое сердце тисками безысходности. Я вдруг осознал, что у меня нет ни малейшей возможности бежать с чужой планеты. Неужели друзья оставили меня? В это не хотелось верить. Главное — не отчаиваться, успокаивал я себя. Не могли они улететь, не выяснив наших — моей и Амара — судеб...

Обрывки сапога,— как они могли здесь очутиться? Амар погиб далеко отсюда, ну, если быть точным,— достаточно далеко. Неужели кто-то еще погиб? Кто? На многих деталях скафандра отпечатан личный знак. Стоит посмотреть на подошву — я узнаю, кого из товарищей оплакивать. На подошве стоял знак Амара. Но ведь... как же так? Ничего не могу понять.

— Ного, должен быть еще один сапог! Вот это — сапог! Надо искать еще один.

Ного не нашел второго сапога. Нашел пустой кислородный баллон. Перчатки от скафандра с личным знаком Дэйва. Среди костей — ни единой человеческой.

— Ного, скажи, дофф-дофф кости глотает?

— Нет, дофф-дофф кости не ест. Мясо есть. Отрывает от костей и ест... А шакал ест мясо с костями.

Я прошел по берегу, вглядываясь в пустынный горизонт и пытаясь понять, что же здесь произошло и куда подевался «Викинг». Ного деликатно отстал от меня. Видел, что я очень удручен и, чтобы не мешать мне думать, занялся поисками моллюсков на мелководье. Временами он бросал на меня изучающие взгляды. Ему очень хочется уйти отсюда в свои заросли, подальше от большой горькой воды— но как оставить меня одного? Туземец чувствовал, что творится у меня на душе; а я не мог объяснить ему, куда девались люди, похожие на меня.

Уже прошумел над нами привычный послеполуденный ливень, а я все бродил взад-вперед по прибрежному песку. Мне казалось, что я близок к разгадке, к объяснению происшедшего здесь в мое отсутствие. Сапоги бедного Амара могли попасть на побережье, если только мои друзья ходили на холмы, нашли то, что осталось от погибшего, и все принесли сюда. Здесь, на берегу, моих друзей настиг птицеящер. Вероятно, это был тот самый экземпляр, что напал на Амара и преследовал меня. Ледяная струя из кислородного баллона прикончила его.

Два других монстра, очевидно, следовали за первым в некотором отдалении, и моим друзьям, которые опасались их нападения, пришлось поспешно удирать, и они бросили баллон, который на корабле можно было опять заполнить, перчатки Дэйва, который очень бережно следит за своими вещами...

Оставалось непонятным, почему астронавты не уничтожили двух этих птицеящеров, как и первого? Баллоны с кислородом у них были, а Марк после нашего исчезновения не позволил бы отправиться на берег группе меньшей, чем в четыре человека.

Не исключено, что в схватку астронавтов с птицеящерами вмешался еще кто-то, чьих следов не удалось обнаружить. Жаль, я об этом никогда не узнаю. Из оставленных на берегу предметов ясно, что астронавты не возвращались больше к месту схватки. Почему? Они могли спокойно вернуться на берег после того, как миновала опасность. Или не пожелали рисковать из-за пустого баллона и Дэйвовой перчатки? Горько думать, что они бежали на «Викинге». Можно ли их понять? Можно. Когда нас— меня и Амара — долго не было, связь с нами потерялась, они направили на берег поисковую группу. Группа обнаружила следы трагедии, посчитала, что гибель Амара является доказательством и моей гибели. В таком случае теряется смысл в дальнейших поисках. Мои друзья, очевидно, сочли невозможным оставаться в этом районе и отправились дальше. Куда, в какую сторону — этого я не знаю. И где теперь их разыскивать?

Я сидел на песке, смотрел в океанские просторы с чувством безнадеги и думал о своих товарищах. Что они делали бы на моем месте? Что делал бы Марк? Что делал бы Дэйв? Не думаю, что Марку на моем месте помогло бы тонкое умение разбираться в человеческой душе. Дэйв, не сомневаюсь, мог бы с большим успехом выкрутиться из критической ситуации. Он крепок и находчив. А я слаб и беспомощен...

Что ждет меня впереди? Годы и годы скитаний на чужой планете. Годы страданий и тоски. К ним я, как видите, не очень

готов. Ясно, что Грегор Ман, как житель Земли, пропал. Если моим товарищам удастся на «Викинге» вернуться на Землю, они расскажут о нашей гибели. Наши имена занесут на мраморную доску во Дворце Космонавтики, где уже светится золотом имя Лены. Так что ты умер, Грегор Ман, а человек, сидящий на пустынном берегу лагуны,— твоя тень, наделенная способностью вспоминать о своем человеческом прошлом. Мои печальные размышления прервал Ного. Он давно уже ходит вокруг да около, теперь, видимо, посчитал, что хватит отсиживаться:

— Дофф-дофф очень глупый и вонючий. Всегда голодный. Всегда бегает. Если ты прячешься на дереве от Большого Гривастого или гиен, они не уходят. Ждут, что ты спустишься на землю. Дофф-дофф не ждет. Он тебя на дереве не видит. Не чует твоего запаха, потому что сам вонючий. А ноги у него... у-у-у! сильные. Сильнее, чем у Большого Гривастого. Дофф-дофф не поймает Ного.

Туземец потянул шевелящимися ноздрями воздух, ударил себя в грудь и неожиданно заключил:

— Идем отоюда, Грегор!

Он развернулся и решительно направился в сторону леса, туда, где деревья были особенно мощными и зелеными. Нам повезло: не встретились дофф-дофф и другие опасные звери. Через три дня мы пересекли глубокую впадину и начали подъем в гору, где, по словам Ного, дофф-дофф не живет:

— Дофф-дофф сюда не приходит. Он живет в кустарнике недалеко от горькой воды. Он пьет горькую воду.

Не живет так не живет. Я знал, что Ного не выдумывает ничего, но еще оставались другие хищники! Впрочем, других я не боялся так, как этого страшного птицеящера, вынырнувшего словно из древних эпох.

Все последующе дни, а их было много, не могу даже сказать сколько, как-то снивелировались в моей памяти, стали похожи один на другой, хотя нельзя сказать, что ничего с нами не случалось — в джунглях так не бывает. Каждый новый день мы начинали с охоты, поскольку голод, как известно, не тетка. Чем раньше она удавалась, тем больше светлого времени уходило у нас на дорогу. Бывало, что охота не удавалась, и тогда на следующее утро мы становились более кровожадными, охотясь на мелких птиц и зверьков. Я многому научился у Ного, стал более ловким и осторожным. Мы уходили все дальше в глубь материка. Мне, собственно, теперь все равно было, куда идти, но мне любопытно было, чем руководствуется Ного, направляя наш путь.

Однажды я спросил Ного, куда и зачем мы идем? Ного посмотрел на меня так, будто я спросил невесть что:

— Там, за холмами — еще холмы. Высокие холмы. А за ними — скалы, где ничего не растет. Там тяжело идти и очень жарко. После этого мы снова спустимся вниз. Маленькие холмы. Много озер и луж. Много деревьев, кустов, травы и дичи. Там от скал до берега Большой Воды охотятся люди Ного.

Я вспомнил, что Тен определил ширину этого материка

в 4600 километров. Получается, что мы столько должны пройти? Через весь материк до противоположного берега?

— Это очень далеко,— возразил я,— надо много идти.

— Нет, не далеко! Идти надо вот столько дней!— Ного показал на пальцы рук и ног и еще раз — рук.

— Тридцать дней? — если учитывать задержки на охоту и неторопливость Ного, мы за это время пройдем не больше 250 километров. Ного видит,что я сомневаюсь, поясняет дальше:

— Когда не идут дожди и вся трава высыхает, народ Ного идет к Большой Воде пить воду. Там живет много крокодилов, а дофф-дофф нет. Там вода не горькая.

Так я узнал о Большой Реке, куда отходило племя в сезон засухи. Но сухой период был еще впереди. Пока еще ливни и грозы заявляли о себе во всю свою силу. Однажды молния ударила в ствол дерева, под которым мы прятались от дождя. Оглохшие от грохота, мы отбежали в сторону. Пламя поползло по стволу,— дерево сгорело бы, если бы не сильный дождь. Он загасил пламя, остался обугленный след от удара. Я вздрогнул, представив, что было бы, если бы мы сидели у самого комля. Самое меньшее — контузило бы.

Когда кора еще дымилась, когда тлел в ней слабый жар, Ного попытался осторожно отделить кусочек тлеющей коры. Ему это удалось, но искорка жара погасла, к большой досаде туземца. Ного что-то сказал, чего я не понял. Позже я узнал, что Ного и его сородичи пользуются огнем, но добывать не умеют. Они отламывают тлеющие головешки от подожженных молниями деревьев и носят их, и хранят в обмазанных глиной корзинах. Их «переносной» огонь хранится от костра до костра.

Теперь я внимательнее смотрел под ноги. Внимательнее рассматривал наносы камней в устьях речушек и оврагов. И вскоре нашел то, что было нужно: обломки кремня. Высмотрев сухое дерево, я тяжелым камнем измочалил кусок коры, свернул ее в комок, приложил к острому краю осколка. Другим осколком стал бить по первому, чтобы высечь искру. Ного наблюдал за моими действиями с большим интересом:

— Что ты делаешь?

— Хочу сделать огонь.

— Вру-у самый большой колдун. Он не умеет делать огонь,— заявил Ного, подвергая сомнению мои способности.

— Не знаю, кто такой Вру-у, а я огонь добуду.

Моя уверенность покоилась на сугубо теоретических познаниях. Я никогда в жизни не добывал огня первобытным способом. Я бил кремнем о кремень, искры появлялись, но трут не зажигался. В чем же дело? У кремневых искорок не хватало силы зажечь волокна коры. Искры просто гасли в них. Тогда я наскреб с обугленного места на дереве немного угольного порошка и насыпал на трут таким образом, чтобы искры при ударе попадали на порошок. Но сначала пришлось дождаться, пока знойное солнце все хорошенько просушит. Охота в этот день была успешной, Ного терпеливо следил за моими попытками:

— Надо бить камень до тех пор, пока он не отдаст огонь,— советовал Ного наставительно.

— Глупый дикарь! — воскликнул я на незнакомом туземцу языке,— не воображай себя большим докой! Огонь будет!

Ного воспринял мои слова как заклинание кудесника, тем более, что вскоре трут начал дымиться — тонюсенькая ниточка дыма закурчавилась над искрой. Я легчайшим дуновением довел ее до кондиции и попросил Ного быстро собрать побольше сухой травы и веток...

Ного смотрел на меня с уважением. К нему примешивалась изрядная порция страха — как же, слабое, не виданное в здешних местах существо, которое не может одолеть даже охромевшую антилопу, сделало то, чего не смог даже могущественный Вру-у! До сих пор туземцы уверены, что огонь с неба посылает Великий Небесный Колдун. Теперь Ного увидел, что странный человек добыл огонь из камня. Значит, он тоже кудесник!

Протягивая руки к огню, я испытал смешанное чувство благоговения и внутренней неловкости, словно уличал себя в недомыслии. Слабое у тебя воображение, Грегор, укорял я себя,— столько времени ты болтаешься здесь, а не удосужился вспомнить о древнем способе добывания огня!

В оправдание могу сказать, что я только однажды в своей земной жизни разводил костер. Это было во время школьной экскурсии с ночевкой на опушке леса. И все. В земном цивилизованном мире огонь ушел в недра теплоэлектроцентралей. Я знал людей, которые не только ни разу в жизни не разводили костра, но и не видели его живого пламени...

И если я волей судьбы попал на первобытную планету, то должен был в первый же день вспомнить о древнейшем помощнике человека и вызвать его к жизни. Впрочем, я слишком придирчив к себе. Как же я мог добыть огонь, если с первых дней попал под непрекращающиеся ливни? Не мог. Но ты, осваиваясь понемногу с диким образом жизни, слишком уж копируешь Ного. Подумай, твои прапращуры еще полмиллиона лет тому назад имели примерно такой же уровень развития, как сегодня на этой планете сородичи Ного. Они еще не дошли и не скоро дойдут до уровня неандертальцев, разве что ты поможешь им, приобщая к современной цивилизации. Но это уж заведомая глупость, поскольку для этого надо бы Ного, например, увезти в Европу. Так что не о цивилизации речь. Пока что надо научить Ного добывать огонь. Пусть он почувствует себя хозяином огня. Помни, копируя образ жизни и поведение Ного, ты регрессируешь, дорогой Грегор, а надо вести себя так, чтобы Ного копировал тебя. Ты понимаешь, Грегор, что речь идет не о внедрении письменности или календаря среди дикарей, до этого им придется идти еще 300—400 тысяч лет,— речь об овладении первичной технологией. Здесь тебя сам Бог послал на эту планету. Помоги дикарям. И начни с Ного. Потихоньку, не торопись. Представь себе, как повели бы себя на твоем месте Дэйв или Андрей. Ты стал жителем этой дикой планеты. Продумай для себя линию поведения среди дикарей. Что они собой представляют, ты знаешь по Ного. Ты понимаешь, что Ного, наверное, далеко не худший экземпляр... С чего начинало человечество первый шаг на пути к вершинам современной цивилизации? С овладения огнем, с каменного топора... Дерзай, Грегор!

Пытаюсь вспомнить, о чем шла речь на кафедре археологии в университете. Что запомнилось? До смешного немногое. Палеолит, мезолит, неолит... Особенности материальной культуры? Не помню. Зато хорошо знаю «камешки», как любил ехидничать Марк. С первого взгляда определяю любую руду по образцам. По геологическому строению поверхности определяю, что находится на глубине. Узнаю, что где искать. Смогу разыскивать материалы для изготовления каменных орудий; исследуя горные породы, могу находить металлические руды... Возможно, в этом будет смысл моей жизни на чужой планете. Научу Ного и его плоскоголовых выплавлять металлы. Открою перед ними возможности такого развития, что они за годы смогут проходить тысячелетние этапы земной цивилизации. Они не знают, что такое копье, дротик, что представляет собой лук... Я ко всему их приобщу. Эта планета бедна интеллектом и научными знаниями, бедна технологически. Я должен буду использовать свои знания на всю, как говорится, катушку!

— Только надо вооружиться настойчивостью — и тогда любой замысел будет нам по плечу, верно, Ного? — я протянул руки к пламени.— Как добыли огонь, так добудем и все остальное, что нужно для цивилизованной жизни!

Не знаю, как Ного истолковал непривычные для его слуха слова, только на меня он смотрел со страхом:

— Огонь хорошо горит, Ррегор, не надо больше колдовать! Не надо, Ррегор!

Туземец встревожен не на шутку. Он отскочил от костра и схватил дубинку. Мне показалось, что одно неосторожное движение с моей стороны — и Ного или обрушит ее на мою голову, или бросится бежать без оглядки. Ни то, ни другое меня не устраивало. Это урок. Может, мне и удастся помочь Ного и его сородичам, но если я буду вести себя без должного такта, без разумной осторожности, то скорее всего моя жизнь закончится бесславно.

— Кто ты, Ррегор? — спрашивал меня Ного, когда прошло напряжение. Он смотрел на меня новыми глазами.— Где охотится твой род? Зачем ты пришел сюда?

— Я тебе все расскажу. Не сейчас. Потом.— Я старался успокоить Ного, одновременно соображая, как рассказать ему о себе, о Земле, о «Титане» и «Викинге». Я располагал мизерным запасом туземных слов, но, думаю, туземный язык вообще был слишком беден для того, чтобы общаться на самом элементарном уровне многих современных понятий. Что поймет Ного, если я скажу ему, что в Солнечной системе на расстоянии трех или четырех парсеков отсюда есть планета Земля, что люди создали на ней космические корабли, на одном из которых мы и прилетели сюда, потерпев по пути достаточно серьезную аварию...

Все это я должен буду перевести на язык доступных Ного и его сородичам понятий. Наблюдая Ного, я получил кое-какие представления о круге этих понятий. Что ж, будем сочинять примитивные мифы и сказки.

На землю — допустим условность такого слова — спускались

быстрые сумерки, а в небе начали громоздиться грозовые тучи. Мы выбрали место, где скальная глыба нависала козырьком, и перенесли туда огонь. К этому времени Ного уже довольно умело мог разводить костры. Мы расчистили от камней площадку и сносно устроились на ночь. Когда ночные тени, сгущаясь, постепенно скрыли от наших глаз окрестные скалы, а пламя костра устроило причудливый танец светотеней, я рассказал Ного историю своей одиссеи.

В последнее время Ного выглядел озабоченным. Его озабоченность росла по мере приближения встречи с единоплеменниками. Я так и не понял, каким образом Ного оторвался от сородичей и оказался там, где мы встретились,— не позволял запас слов. Иногда Ного начинал что-то рассказывать, но я только делал вид, что понимаю. Когда мы вышли из леса и впереди перед нами открылись холмы и скалы предгорий, я подумал, что нам надо обзавестись оружием. В безлесной зоне вооружиться будет труднее. Я сказал об этом своему спутнику, и он согласился. Ного нашел подходящее по крепости дерево, из которого мы вырезали себе дубинки. На тяжелые концы дубинок я нацыкал кремневых острых осколков, так что один вид этого оружия устрашал. Мне удалось найти тонкое стройное деревце, из которого я смастерил пику длиной около двух метров. К ней я привязал с помощью лыковой веревки острое каменное лезвие, но веревка скоро разлезлась. Я попробовал прикрепить его жилами убитого животного. Крепление просто-напросто гнило в условиях постоянной влажности, а когда пересыхало на солнце, то крошилось. От пики пришлось отказаться. Оружие должно быть надежным, иначе это может стоить жизни.

Путь в гору становился все тяжелее. Позади остались известняковые скалы. Их сменили скалы вулканического происхождения, окруженные чахлыми засухоустойчивыми кустарниками и деревцами. Временами нагромождения скал становились труднопроходимыми. Дичи стало меньше. Мясо в нашем походном меню уже не числилось, и мы перешли на растительность. Мой желудок легко смирился с похожими на кактус кочанчиками. Очищенные от колючек, сладковатые, они выручали нас в этом безмясном краю. Стало хуже с водой. Иногда встречались журчащие в расселинах скал ручейки, иногда — лужицы. Я спросил Ного, сколько дней уйдет у нас на такую дорогу? Он показал два пальца. Подумал — и показал три. Ну, три дня — это терпимо. Наш путь уперся в крутой обрывистый кряж, который казался непроходимым. Тучи проплывали над ним, едва не касаясь острых скальных выступов. Ного остановился перед кряжем и приветствовал, как старого знакомого. На его лице блуждала улыбка:

— Мы пойдем туда,— сказал Ного, указывая на гребень,— а завтра будем идти вниз. Там опять лес и много дичи. Там охотятся люди Ного. Там много-много дичи,—повторил туземец.

Пройдя немного вдоль отвесной стены, Ного начал втискивать свое массивное туловище в расселину, расколовшую кряж снизу доверху. Я посмотрел на нее и ахнул — по этой трещине разве что кошке карабкаться! Делать нечего— если Ного

пролезет, то и мне не остается ничего другого, как следовать за ним. Ного полез, да еще как ловко! Впрочем, и мне показалось трудно лишь вначале. Так проползли мы по расселине метров пятьдесят. Потом мой спутник остановился и начал прислушиваться. Я тоже уловил какой-то шум: то ли схватка, то ли игры каких-то животных, судя по всему — довольно крупных. Ного колебался, и я понял, что надо бы вернуться. Да разве по этой чертовой трещине можно спуститься! Подниматься — еще куда ни шло. Спускаться невозможно. Ного полез дальше, верно, решил: будь что будет. Расселина немного разошлась, мы остановились на небольшой площадке, откуда узкий карниз увел нас вдоль скалы с внутренней стороны. Через несколько десятков метров, завернув за угол, мы увидели внизу довольно просторную площадку, на которую можно было войти только по неширокому ущелью снизу. Но не это главное.

На площадке я увидел группу зверей. Один из них был весьма странного вида, ростом с быка. Верхняя челюсть у него заканчивалась примерно полуметровым мускулистым хоботом. Если быть точным, хобот — это сильно вытянутая верхняя губа, а из нижней челюсти, странно отогнутой вниз, торчали два мощных клыка. Вокруг странного животного на расстоянии двух-трех метров расположились хищники из породы кошачьих, напоминающие рысей. Раны на плечах, шее, спине жертвы говорили об упорной схватке. Кошки казались усталыми, выбивающимися из сил, но и их жертва не выглядела бодрой. Кошки, передохнув, бросились в атаку. Их было пять или шесть, желтошкурых, с темными пятнами по бокам. Жертва отбивалась, прижимаясь к скале, не позволяя кошкам наброситься сзади. Она била коротким хоботом, копытами и клыками. Некоторые кошки тоже были ранены. Гибкие, пружинистые, они затеяли вокруг обреченного травоядного танец смерти.

Я осмотрелся. Получалось так, что звери перекрыли нам дорогу. Мы должны спуститься на площадку, занятую ими, и дальше снова идти, ползти, карабкаться в гору. Ного тоже осматривался. Карниз, на котором мы стояли, проходил в шести-семи метрах над площадкой. Звери, занятые схваткой, поначалу не обращали на нас внимания.

— Этот, большой, кушает корни и ветки. Убивал наших охотников. Эти, прыгающие, очень злые. Тоже убивают охотников. Они убьют сначала большого, потом нас. Надо уходить.— Ного, цепляясь руками и ногами за выступы камней, начал подниматься наискосок вверх по ущелью. Я понял его замысел: обойти площадку поверху до того места, где стены ущелья сближаются на расстояние около метра. Затем можно перебраться на противоположную стену и продолжать дальше наш путь.

Из-под ноги туземца сорвалась огромная глыба и с грохотом обрушилась на площадку. Хорошо, что Ного не перенес на нее всей тяжести своего тела,— он полетел бы вслед за глыбой. Между тем, глыба, упав на площадку, задела одну из кошек. Та издала яростный вой и начала грызть заднюю часть своего тела, куда пришелся удар. Кошки оторопели, и я подумал, что если бы

«хобот» бросился на них, они, пожалуй, отступили бы, тем более, что они задрали вверх головы и начали злобно завывать. Это уже по нашему адресу. «Хобот» упустил благоприятный момент. Уже в следующую минуту кошки усилили нападение с удвоенной яростью. Одной из них удалось вскочить «хоботу» на спину. Она вонзила в спину жертвы когти четырех лап, а в шею — клыки. Другая кошка взвилась перед животным и вцепилась клыками в горло. Остальные в это время тоже не бездействовали. Одна начала рвать жертве брюхо, другая силилась перегрызть сухожилия на задней ноге. После того, как травоядному раздробили позвонки шеи, оно упало и придавило кошку, которая рвала брюхо. С этой секунды схватка завершилась, и начался кровавый пир хищников, очевидно, совсем обезумевших от голода. Даже та кошка, у которой волочились задние лапы, подползла и стала яростно отрывать куски плоти...

Развернувшееся перед моими глазами зрелище потрясло меня. Насколько привычен к таким пиршествам Ного, но и он както сжался, подавленный свирепостью кровожадных кошек.

— Мы спрыгнем и побежим! — сказал Ного.

— Куда спрыгнем? — спросил я. Ного показал взглядом. Он предлагал спрыгнуть на площадку в нескольких метрах от хищников! А потом бежать вниз по ущелью, надеясь, наверное, что кошкам теперь не до нас.

— Нет, Ного, они догонят нас!

— Если будем сидеть здесь, они съедят толстокожего и доберутся до нас,— сказал Ного и, прежде чем я успел возразить, соскочил с карниза на площадку и помчался, оставив свою дубинку возле меня. Конечно, он был уверен, что кошки, занятые пожиранием толстокожего, просто проигнорируют его. Не тут-то было! Одна из кошек подняла голову. В ее пасти висел кусок мяса. Увидев дерзкий скачок Ного, она взвилась, в прыжке проглотила кусок и рванулась за туземцем. Заметив это, Ного, словно выброшенный из пращи, метнулся на выступ скалы, торчавший из противоположной стены. Кошкины мощные когти царапнули скалу в нескольких сантиметрах от ноги туземца.

Когда она прыгнула снова, Ного стоял на выступе, поднимая тяжелый камень. Мне показалось, что кошка скорее пугала, чем действительно пыталась достать туземца. Она угрожающе фыркнула и вернулась к пиршеству.

Ного выглядывал из-за скалы на площадку:

— Гррегор! Ты видел? Ного — молодец!— говорил он, потрясая кулаками.

— Молодец-то молодец, но что делать дальше? Ты там, а я здесь. Так и будем сидеть? Дубинку зачем оставил?

Кошки, раздирая мясо, с некоторым удивлением вслушивались в наш разговор; весь их вид словно говорил: болтайте, болтайте, скоро и до вас очередь дойдет.

И Ного, и я — мы оба понимали, что у нас одна дорога — вниз по ущелью. Пока кошки здесь, у нас вообще нет дороги. Ного допустил оплошность. Я прижимался спиной к скале и думал, как же выбраться из этого опасного положения. Разделившись, мы еще больше усугубили его... Не могу понять Ного. Допустим, он

мог понадеяться на свою силу и ловкость. Но ведь надо было подумать и обо мне! Он знает, что я не так ловок и не очень силен. Последуй я за Ного, в самый раз угодил бы кошке в лапы. Это было легко предвидеть. А теперь сидим на камнях и жаримся на солнцепеке. До сумерек остается часа четыре. И ничего нельзя придумать...

Мои размышления прерывает яростное рычание, жалобное мяуканье. Кошки почти сожрали жертву и теперь дерутся из-за каждого куска. Обе покалеченные тоже дерутся, но они обречены. Я не знаю, как они дальше поведут себя,— одна тянет перебитые задние конечности; вторая, видно, переломанную переднюю лапу. Я всматривался в хищников, пытаясь в этом наблюдении предугадать и свою судьбу. Хоть Ного и силен, но мы оба против этих кошек бессильны. И если они настолько злобные и прожорливые, что не оставят нас в покое, сожрав такого крупного быка, то нам надо что-то придумать, притом немедленно, чтобы упредить их намерения. Наверное, нам можно было вернуться назад через расселину; можно было бы, не устрой Ного фортель с перебежкой.

Меня осенило! И я себя начинаю притормаживать, чтобы сгоряча на наделать глупостей. Итак, все идет как нельзя лучше! Оценим обстановку: одну кошку убил бык, две покалечены так, что с ними можно не считаться. Остаются три здоровых зверя. У них перегружены брюха— и что́ бы ни говорили об их злобности, их агрессивность пригашена, их ловкости и прыгучести поубавится. Конечно, если они, желая прикончить нас, будут действовать согласованно, то нам несдобровать. Когда я говорю о согласованности, я имею в виду, что кошки разделаются с нами поодиночке, сначала со мной, затем и с Ного, или наоборот. По милости Ного, мы разделены пространством метров на тридцать, это очень устраивает кошек. Надо сделать так, чтобы кошки тоже разделились. Позиции у нас вроде удобные— мы «возвышаемся» над кошками метров на пять-шесть. Если сейчас мы одновременно с туземцем начнем швырять в кошек булыжники, да еще поднимем дикий шум, будем свистеть и кричать, возможны два исхода: кошки уйдут— это предпочтительный исход. В противном случае они нападут на нас, но для этого должны будут разделиться. Насчет Ного я спокоен — если две бросятся на него, уж одной-то он раскроит голову сразу же. Он даже камни приготовил. Вторая может его царапнуть, большего Ного, надо думать, не позволит кошке.

Я лихорадочно собрал все крупные камни и соорудил нечто вроде барьера по краю карниза. Расчет: если кошки прыгнут на меня, они вместе с барьером рухнут вниз, при этом, поскольку камни увесистые, могут и серьезно пострадать. Конечно, все может обернуться и по-другому, но не изнывать же на солнцепеке до потери сознания! Я крикнул туземцу, чтобы он тоже готовился; я видел, что мои хлопоты его заинтриговали, и он, кажется, понял их смысл. Во всяком случае, несколько увесистых глыб Ного около себя пристроил.

Не знаю, как туземца, а меня начала донимать жажда. Этот подъем по расселине, это сидение на скале выпарили из меня всю

влагу. Облизываю шершавые губы и мечтаю о глотке воды, которого лишен из-за подлых кровожадных тварей. Бросаю на них ненавидящие взгляды и отмечаю, что одной кошки не хватает. Неужели ушла? Может, и остальные последуют за ней? Э-э, не тут-то было — одна из тварей забралась в выеденное брюхо быка, только хвост наружу торчит. У кошек грузно отвисают животы, а они все рвут и рвут куски. Покалеченные повизгивают,— им, бедным, больно, особенно той, что не может распоряжаться задними лапами. Ей можно посочувствовать. При первом же удобном случае она может рассчитывать на меня. Я пристраиваю под руку тяжелую дубину туземца. Пожалуй, надо начинать:

— Ного, давай бросать в них камни!

— Зачем?— спрашивает Ного,— они же на нас не бросаются!

А я-то думал, что Ного все понял! Я могу и сам начать, только не хочется все внимание кошек на себе сосредоточивать. Одно дело, когда камни и крики полетят со всех сторон, и совсем другое, когда с одной стороны.

— Ного, если мы вдвоем будем бросать камни, пятнистые не будут знать, что делать, испугаются. Ного сильный, он бросит большой камень — и попадет пятнистой по голове.

Ного, выслушав меня, тут же вдохновился и стукнул кулаком по своей гулкой груди. Глядя на кошек, он начал плеваться и громко ругать их. Одна из пятнистых сразу же оскорбилась, наверное, та, что загнала туземца на скалу. Она, моргая, несколько мгновений смотрела на него, потом лениво и сыто потянулась и только после этого направилась к туземцу. Шла и думала, наверное, что за нахал дерзнул вторично отвлечь ее от серьезного дела. Ного подождал, пока она подойдет поближе, и швырнул в нее несколько камней. Один или два камня попали в цель, кошка подпрыгнула на месте. Ее ленивое любопытство сменилось неистовой яростью, и она взвилась вверх с решительным намерением растерзать Ного. Ее решительность напоролась на меткость туземца, который ударил ее прицельно. Кошка тяжело упала к подножию скалы и замотала головой. Если бы Ного в этот момент бросил в нее камень потяжелее, мы бы сейчас прыгали от радости. Туземец почему-то выжидал. Кошка пришла в себя, вскочила на ноги и увернулась от камня, запоздало брошенного туземцем. Похоже, кошка поняла, что лихим наскоком туземца не возьмешь, необходимы осторожность и увертливость. Ее поведение заинтересовало вторую здоровую кошку, которая до сих пор основное внимание уделяла мясу.

Я не спускал с нее глаз. Вижу, с какой неохотой она поднимается с места и злобно посматривает на туземца, мешающего ей насыщаться. Кажется, пора начинать. Я взял в руку камень, высунулся над барьером и закричал. Все кошки, как по команде, повернули ко мне запачканные кровью морды. Я швырнул камень — и попал. Кошка, которая до сих пор не изъявляла особого желания вмешиваться в изменившуюся ситуацию, буквально взорвалась. Она в два прыжка преодолела расстояние между местом пиршества зверей и моей скалой. Третьим прыжком она бросила свое гибкое тело в мою сторону.

Я сделал шаг назад и поднял дубину. В тот миг, когда разъяренная морда зверя показалась над барьером, я вложил в удар всю свою силу. Сползая, зверь увлек за собой камни. Грохот, визг, пыль... Прижимаясь спиной к скале, замечаю, что кошка, забравшаяся в брюхо толстокожего, мчится на меня. Ногой сталкиваю с карниза оставшиеся камни — они летят навстречу кошке. Я не видел, угодил ли хоть один камень в эту кошку, но она на какое-то мгновенье помедлила с прыжком. А когда прыгнула, я уже был готов встретить ее дубиной. Удар был такой, что я сорвался со скалы вниз. Сила удара передалась через дубину в руку. Я услышал хруст и вой. Какой-то камень, сорвавшись вслед за мной, ударил меня в голову. Пылью запорошило мне глаза. Я в страхе обхватил голову руками, ожидая самого худшего. Я понял, что обречен,— сейчас, в следующую секунду все кошки набросятся на меня... И тут раздался торжествующий крик Ного:

— Мы их убили! Гррегор, мы их убили!

Поднимаю глаза. В метре от меня агонизирует одна из кошек с раскроенной головой. Огромные когти судорожно рвут собственную шкуру, конвульсивно отшвыривают камни, которыми завалена площадка.

— Мы убили их!— ревел Ного.— Мы великие охотники!

Я считал его восторги преждевременными, потому что, оглядевшись, не увидел кошку, которая нападала на Ного. Я поднял дубину, полузаваленную камнями, готовый к любым неожиданностям:

— Ного, а где та пятнистая, что нападала на тебя?

— Убежала!— орал Ного, приплясывая среди камней.— Убежала! Испугалась силы Ного и убежала!

— А где та, что первая напала на меня?

— Вот здесь, под камнями!— вопил Ного,— ее придавили камни! Мы их убили! Теперь уйдем отсюда!

Агонизирующая кошка загораживала мне выход из ущелья. Перешагнуть через нее? А если она в это время взмахнет своей когтистой лапой? Видя мои колебания, Ного подошел к ней, взялся за мелко дергающийся хвост и с силой отбросил ее в дальний угол площадки. Полумертвая кошка взмахнула лапой. Ного мгновенно отшатнулся. Когти прошли в нескольких сантиметрах от его лица. Две покалеченные в самом начале кошки молча лежали у трупа травоядного, прижимаясь к земле, словно боялись, что мы увидим их. Ного продолжал прыгать и махать руками, вопя на весь мир о том, какие мы великие охотники. Вдруг одна из кошек, та, у которой перебита передняя лапа, поднялась и, хромая, пошла на туземца.

— Ного, смотри!

Ного оглянулся, в мгновение ока подхватил камень и ударил глупого зверя по голове. Еще одна агонизирующая кошка! Вторая, с перебитым задом, не шевелилась, только следила за нами желтыми злыми глазами. Туземец опять взялся за камень, но передумал и повернулся ко мне:

— Пойдем, Гррегор!

Ного опять был деятелен и решителен. Я заметил, что смена настроения у него не занимала много времени. Торопя меня, он

подошел к растерзанному травоядному и оторвал от кровавых останков кусок. Вопросительно посмотрел на меня. Я мотнул головой, показывая, что брезгую недоедками.

Мы торопились уйти от этого места. Времени потеряно много. До сумерек надо было подыскать место для ночлега, желательно — с водопоем. Надо было уйти подальше еще и на тот случай, если запах крови привлечет сюда других хищников. Мы, там, где позволяло ущелье, пытались бежать, потому что солнце клонилось к закату. Ного снова смотрел на меня другими глазами. Что бы он ни напевал о великих охотниках, но теперь он причислял к ним и меня. Теперь ему следовало бы извещать окрестности о том, что Ного и Гррегор — великие охотники. Мы управились с крупными хищниками. С тех пор я никогда больше не встречался с такими кошками. Они хоть и похожи на рысей, но были крупнее и наглее, так что не встречался больше я с ними, к моему искреннему удовольствию.

Ного ошибся, когда сказал, что на следующий день мы спустимся к подножию гряды. До полудня следующего дня мы блуждали среди крутых и глубоких ущелий, прыгали по камням. Казалось, что дикому нагромождению скал нет конца и края. А когда вышли на открытое место, валились от усталости. До сумерек можно было еще пройти какое-то расстояние, но здесь, в небольшой котловине, мы увидели небольшое озеро. Его окружал зеленый пояс, из-за которого, при нашем приближении, поднялись белые птицы. В зарослях мы набрели на открытые гнезда. В одних шевелились крупные птенцы, в других лежали яйца. После четырехдневного кактусового рациона лично меня обрадовала высококалорийная пища. По следам вокруг озера и протоптанным тропинкам было видно, что к водопою приходит немало крупных животных. Можно было поохотиться из засады. Но перспектива удачной охоты не привлекала даже неутомимого Ного, настолько тяжелым был день.

Для ночлега мы выбрали узкое ущелье, которое разрезало стену хребета, примыкавшую к озеру. Вход в ущелье, когда начало темнеть, мы завалили камнями. У водопоев, особенно немногочисленных в этом каменистом краю, всегда бродит немало хищников.

Ночь прошла спокойно. Правда, на заре мы продрогли. Насколько все здесь было накалено днем, настолько посвежело к исходу ночи. Озеро тонуло в довольно густом тумане.

Мы поднимались по широкому склону соседней гряды. Солнце с утра приятно грело нам спины. К середине дня мы уже не радовались ему. Наш путь часто преграждали каменные осыпи, через которые очень тяжело было перебираться. Но, несмотря на это, я намного лучше чувствовал себя среди скал, чем в зарослях. Если там впереди шел Ного, то здесь дорогу выбирал я,— Ного заявил, что очень не любит горы. Не любит, я ему верю, но продвигается, как ящерица, ловко и быстро. Мы взошли на вершину гряды — и я прямо ахнул от красоты, развернувшейся перед моими глазами.

Сзади высились горы. Справа и слева к ним примыкали холмистые предгорья, поросшие кустарниками и лесами. Еще дальше в солнечных лучах сверкали меловые скалы. Перед нами расстилались невысокие холмы, поросшие редким лесом и островами кустарника. Горизонт был затянут тучами и грозовым фронтом. По левую руку и чуть впереди высились отроги горной гряды — она, видно, была ответвлением той, которую мы преодолели. Но самое поразительное зрелище открывалось за этой грядой. Высокие, иссиня-черные пики гор сверкали снежной белизной, которая залегала длинными языками по ущельям. Думаю, высота гор достигала не меньше 6—7 километров. Еще более мощные, сверкающие ледниками пики возвышались над фронтом грозовых туч...

— Нгали, Великий Отец Гор,— тихо сказал Ного, старавшийся почему-то казаться маленьким и незаметным перед этой грандиозной панорамой.— Там живут Духи — хорошие Духи и плохие Духи. Туда нельзя ходить... Люди Ного их не видят. Там всегда тучи. Большие тучи.

При виде высоких гор меня охватила грусть. С каким удовольствием я отдал бы остаток своей жизни на изучение этого великолепного объекта для геологической науки! Я хотел бы умереть геологом, а не членом племени плоскоголовых. Передо мной лежала волшебная книга, которая могла бы раскрыть перед специалистом тайны геологического строения планеты, возможно — сходные, а может быть, и отличные от земных. Разгадка тайн происхождения чужой планеты могла бы стать смыслом моей жизни, а я вместо этого вынужден буду вести жизнь обитателя каменного века в неизвестном районе неизвестной планеты.

Я часами мог бы рассматривать развернутую передо мной картину горного ландшафта, мысленно моделировать процессы горообразования, вулканической деятельности и все, что связано с непрерывной эволюцией планеты, но меня начало беспокоить то, что происходило с тучами в непосредственной близости от нас. Небо напоминало гигантский котел. Атмосферная неразбериха стала проявлять себя весьма недвусмысленно: резкие порывы ветра, всплески огня в самых глубоких недрах туч, темная стена грозы, накатывающаяся на нас с равнинной стороны — все это обещало нам не минуты сладкого отдыха, а новые испытания.

Характер нашей местности говорил о том, что во время бури оставаться здесь опасно. Нас если не сбросит в ущелья или овраги шквалом, то непременно смоет лавиной воды. Ного в явной растерянности поглядывал то на меня, то на приближающееся буйство. В нескольких сотнях метров ниже я увидел группу громоздящихся друг на друга скал. Если в окрестностях и можно найти убежище, так только там. Мы побежали, падая и спотыкаясь о камни. А над нами уже погромыхивало. Вокруг нас начали шлепаться первые крупные капли дождя. Когда мы приблизились к скалам, небеса словно прорвало. Мы заметались, отыскивая укрытие. Нашли какой-то выступ и втиснулись под него, прижимаясь друг к другу спиной. Похоже, мы оказались под

водопадом. А наша скала, видно, ничего так не любила, как притягивать молнии. Она, должно быть, исполняла роль громоотвода, единственного на десятки миль в окрестностях.

Гроза длилась больше двух часов, но и после ее окончания мы не могли двинуться в путь. Вокруг нас шумела вода, которая катила вниз камни и камешки.

Солнечные лучи сверкали в тысячах ручьев и ручейков, которые бежали по склону, радуясь — чему?— окончанию грозы. Далеко над клубящимися тучами я снова увидел сияющую вершину Отца Гор. Мы снова пустились в путь. Дорога, пока не подсохла, была скользкой. Часа через три у подножья в зарослях полузаиленного кустарника мы наткнулись на горного козла, сброшенного, как видно, со скалы и принесенного сюда потоком. В нем еще чувствовалось тепло уходящей жизни. Ного обрадовался. Он хоть и прирожденный охотник, но охотиться не любил, а находка избавила нас от необходимости терять время на выслеживание дичи. Долины выглядели здесь буйно-зелеными. Вода, собирающаяся на склонах гор во время дождей, орошала их обильно и регулярно. Здесь был рай для животных. Многочисленные стада буйволов, антилоп и еще каких-то парнокопытных паслись на открытых местах.

Ного сказал, что здесь очень много дичи, но его сородичи не любят охотиться в этих местах, потому что очень много хищников. В тех местах, где я впервые увидел Ного, я всего три раза видел Большого Гривастого, многие дни мы даже не слышали рева могучих зверей. Здесь же, едва ступив на эту землю, с вершины холма оглядывая окрестности, мы увидели четырех Гривастых. Кроме того, рев Гривастого мы услышали в небольшой рощице, в полумиле от нас. Я чувствовал, что мы прямо-таки гуляем в пасти Большого Гривастого. Может, они специально собрались, чтобы поприветствовать нас? Ного беззаботно отмахнулся рукой:

— Здесь их никто не боится! Здесь много буйволов, антилоп! Дичи хватает всем Гривастым. Но если ты подойдешь к нему близко, он может убить.

Во всяком случае, племя Ного не охотится здесь. Большой Гривастый при таком обилии дичи не станет пачкаться о плоскоголового, который одинаково ловко и быстро движется как по земле, так и по деревьям. Но нельзя чувствовать себя спокойно там, где на территории в квадратный километр подстерегают добычу, рычат, дерутся, спят и греют бока на солнце полдюжины Больших Гривастых.

Мы подтащили козла под ближайшее высокое дерево, чтобы в случае опасности далеко не бежать. Развели костер. Вскоре запах поджариваемого мяса заставил, наверное, всех хищников этого района шевелить ноздрями.

— Мы пойдем туда!— Ного ткнул куском поджаренного мяса в сторону северо-запада, где между горными отрогами пролегала широкая долина,— Мы будем идти много!

Снова зачастили дожди. Снова небо целыми днями было затянуто тучами. По мне, так лучше грозы и ливни, чем серое, унылое, беспросветное моросящее пространство. О разведении

костров нечего было и думать. Рев Больших Гривастых заставлял нас вжимать голову в плечи и посматривать на ветви высоких деревьев. Ночью этот рев наполнял нас таким ужасом, что утром мы боялись спускаться с деревьев. Я снова почувствовал себя беспомощным, как в самые жалкие дни моих одиноких блужданий.

Ного свободно ориентировался в выборе пути. Это была его родина, он знал здесь каждое приметное дерево, каждую речку. Он, как вепрь, вонзался в заросли и не считал нужным обходить их. Так мы шли два или три дня. Поведение Ного все более казалось мне странным. Он часто останавливался и нюхал воздух; приставив ладони к ушам, ловил звуки. Мы почти не разговаривали.

Бывало, он неожиданно поворачивал, словно хотел бежать обратно. *Наш путь стал зигзагообразным. Туземца что-то* тревожило. Я почувствовал, что близкая встреча Ного со своими сородичами начала нас отдалять друг от друга; вернее, Ного от меня, словно многочисленные нити, связывающие нас, начали одна за другой обрываться. В мою душу закрадывались смутные подозрения. Не собирается ли блудный сын вернуться к своим сородичам с «трофеем»? Я раздумывал над тем, как прощупать Ного, выяснить его намерения, но события неожиданно понеслись, как потерявший управление авиалайнер.

Идущий передо мною Ного вдруг остановился, втянул ноздрями воздух и молниеносно повернул влево. Я бежал за ним, боясь отстать. Ветки кустов хлестали меня по лицу. Туземца ничуть не беспокоило, успеваю за ним или отстаю. Что именно его встревожило, я тоже не мог понять. Через несколько минут быстрой ходьбы через кустарниковые заросли Ного остановился так неожиданно, что я налетел на него.

— Тихо!— прошипел он, как мне показалось, раздраженно.

Перед нами стояло высокое дерево с широкой и густой кроной. Крона служила неплохой крышей — под нею земля была почти сухая. Недалеко от комля находилось кострище, вокруг валялись кости. В середине кострища лежала окровавленная голова с расколотым теменем. На мгновенье оторопев, Ного в следующую секунду метнулся в кусты. Он бежал так быстро, как не бежал от Большого Гривастого. Когда я отставал от него, он поджидал и все время торопил:

— Надо быстрее! Они убьют!

Мы сначала бежали вверх по склону холма. Я видел только, как туземец, не снижая скорости, перевалил через вершину и скрылся на противоположной стороне в кустах. Я бежал за ним, сколько мог. Не видя его, остановился и прислушался. До моего слуха долетел шум схватки, вскрик, глухие удары. Я побежал на шум, мне было страшно потерять Ного, но вскоре все стихло. Я стоял, не зная, что делать. А что, если Ного погиб? И с кем это он мог схватиться? Почему больше никаких звуков?

— Гррегор, иди сюда!— голос туземца был неузнаваем, какой-то надорванный. Бегу на голос, ничего не видя в густом кустарнике. Ного стоял на небольшой полянке, опираясь на дубинку. По его левой руке текла кровь. В разных концах поляны

лежали два поверженных волосатых обезьяноподобных существа с разбитыми головами. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что Ного схватился здесь с представителями своей породы. Я опять в тупике: зачем Ного проделал со мною такой длинный путь от морского побережья? Чтобы уложить двух попавших под его дубину сородичей? Зачем он их убил? Каковы будут последствия? Чья голова валялась там, на кострище? И почему мы не бежим сейчас, не спасаемся бегством?

Пока я испытывал свое неведенье безответными вопросами, послышался неясный говор. Ного прислушивался, не трогаясь с места. Говор приближался. На некотором расстоянии от нас в разных местах шевельнулись ветки, нас окружили шорох и потрескивание веточек на земле. Мне показалось, что сотни невидимок сжимают вокруг нас кольцо окружения. Ного напряженным взглядом смотрел в одну точку — он, кажется, видел тех, кто нас окружал. Я тронул его за руку, он только сказал:— Стой здесь! Возле меня!

У меня было такое впечатление, что густой кустарник, стоявший стеной вокруг лужайки, вдруг превратился в бесшумную толпу дикарей. От непреодолимого страха у меня застучали зубы. Это были, видимо, сородичи Ного. Но тогда почему они приближались к нам с враждебной сосредоточенностью? Некоторые держали в волосатых руках камни, у других были дубинки. И все были готовы немедля пустить свое оружие в ход. Почти все они были мельче моего Ного. Разве что один, идущий в центре полукруга, мог сравниться с Ного ростом и массивностью. Рядом с великаном семенил худой безбровый старик с тонкими, сухими ногами и острым недобрым взглядом.

Ного выдохнул из себя какое-то хриплое слово, и в ответ из нескольких десятков глоток вырвались точно такие же слова. Раньше такого слова в устах Ного я не слышал. Туземцы приближались, словно подкрадываясь, их движения приобрели ритмическую стройность, палки и камни покачивались в их руках над плоскими головами, напряженные глаза сверкали огнем. Так смотрят на добычу, которой уготована участь жертвы языческого обряда. Меня одолевало безрассудное желание броситься на дикарей с криком, разорвать их кольцо и бежать. Удерживало невозмутимое спокойствие моего спутника. В ритмических движениях и тягостном молчании дикарей было что-то магическое. Концы их палок уже касались наших плеч... Незнакомый с обрядами и обычаями дикарей, я неверно истолковал процедуру встречи. Но пока я понял это, страх чуть не доконал меня.

Во время нашего возвращения домой — странно звучит слово «домой», верно?— сородичи Ного находились, как и всегда, в состоянии войны с соседним племенем. Я не знаю, чего они не поделили,— места под здешним солнцем хватало всем, и дичи в этих угодьях для всех было достаточно. Их войны, в сущности, были обыкновенными облавами, в результате которых несколько представителей враждебного рода, охотников и собирателей, отлучившихся от основной массы сородичей, попадали в плен и пожирались. Плоскоголовые высоко ценили мясо своих противников, а случалось, что и соплеменников.

Ного, должно быть, знал, что наш путь пролегал через охотничьи угодья соседнего племени. Костер с головой рассказал моему спутнику о трапезе, которую устроили извечные враги рода Ного, заполучив пленника. Понятно теперь, почему Ного так торопился уйти из опасной зоны. Он, видно, учуял и соглядатаев, которым вражеская сторона поручила следить за соседями.

Ного быстро разделался с наблюдателями, и это не укрылось от глаз сородичей Ного, которые тоже не спускали глаз с лазутчиков. Я также заподозрил, что отношения Ного с сородичами, точнее, с вождем, с шаманом и их прилипалами нельзя назвать идеальными. Правда, реальной опасности пока не было.

Позже я узнал, почему Ного оказался в изгнании. Он слишком удачно использовал дубинку, когда вождь Крири поручил своим телохранителям отправить Ного к Матери Крокодилов, то есть в мир иной.

Со временем изгнаннику надоело скитаться вдали от сородичей. Зов рода оказался сильнее страха перед местью вождя. Вдобавок, как я заметил, сородичи не отличались злопамятством. Ного отдавал себе отчет именно в этом плане, когда решил возвращаться домой. Наблюдая за Ного, я видел его неуверенность, которая охватывала его временами, и теперь я толкую это как тревогу изгнанника, не слишком уверенного в благополучном исходе задуманного. Думаю, что быстрая расправа возвращенца с лазутчиками оказала нам немалую услугу в смысле милостивого прощения Ного. Оценив мясные качества убитых врагов, Крири и шаман, а, значит, и остальные соплеменники, простили Ного его прошлый грех и даже то, что он, вернувшись домой, привел с собой странное безволосое существо с тонкой белой кожей, то есть меня.

Напугавший меня обряд, которым племя отмечало факт нашей встречи и который я считал приготовлением к принесению меня в жертву, на самом деле означал признание героической заслуги Ного, приравненной к военной победе.

Впоследствии мне пришлось часто наблюдать дикарские танцы. Они все похожи друг на друга за исключением концовки. Пожирание жертвы начиналось с удара дубинками по голове, а чествование героя — с легких прикосновений дубинками к плечам.

Иногда я задумываюсь над ранней историей человечества. Когда то, что мне известно, накладывается на мой опыт, приобретенный в диком племени Ного, многое становится понятным. По неписаным законам первобытных твое только то, что ты можешь удержать. Для дикарей это само собой разумелось, меня это повергало в недоумение. Когда волосатые руки во время ритуального танца сорвали с меня те немногие вещи, которые были оставлены джунглями, я был уверен, что это игра, потом их вернут. Не вернули. Они перебирали грубыми пальцами мои длинные волосы, щупали мою голую кожу и при этом недвусмысленно чавкали. Объектом их основного внимания оставался Ного, который хвастался своими подвигами. Интересно, он расскажет им, как влип в асфальт?

Четверо плоскоголовых ловко связали запястья и лодыжки убитых лазутчиков, продели между их конечностями длинные шесты и, сопровождаемые плотоядными восклицаниями, куда-то понесли. Для плоскоголовых — это добыча. Добыча — это пиршество. Ни о чем другом дикари не помышляли. Они дружно отправились вслед за носильщиками в глубь своей территории, в собственные заросли, где можно было пировать без помех со стороны врагов.

Все дружно ринулись в заросли — я, ошеломленный увиденным, остался на месте. Через минуту кусты раздвинулись. Ко мне подошел Ного, вспомнил.

— Пойдем, Гррегор, мы дома! — по руке туземца из раненого плеча все еще сочилась кровь. Рана его не занимала. Он не скрывал радости, что все обернулось так хорошо. С широкой оскальной улыбкой он схватил меня за руку и потащил в заросли.

Я долго не мог прийти в себя от психологического шока после встречи с племенем Ного, и это наложило отпечаток на всю мою жизнь среди дикарей. Она прошла под знаком вечного, неизбывного страха. В их глазах я был слабым и безропотным. Второстепенный персонаж на сцене безжалостной жизни, где будничным фоном, психологической декорацией служит насилие.

Нас проглотил кустарник. Так морские волны проглатывают камешек, брошенный с берега. Я теперь думаю, чего бы не отдали современные историки за возможность изучать в естественных условиях жизнь племени раннего неолита! Впрочем, ранний неолит — это уже довольно развитая цивилизация. Точнее будет — поздний период нижнего палеолита. Ведь плоскоголовым было еще ох как далеко до первых неандертальцев!

А я отдал бы многое, чтобы приключившееся со мной не повторилось. Четыре года — слишком большая цена за сомнительную честь познания жизни дикарей...

И вот — новый этап моей жизни. Впереди — абсолютная неизвестность. Нетрудно было предвидеть, что на каждом шагу будут подстерегать все те же опасности, в окружении которых проходит повседневная жизнь дикарей. Но я сознательно выбрал неизвестность и просто счастлив, что Ного согласился разделить мою судьбу. Теперь мы могли полагаться друг на друга. Только друг на друга и на удачу. Ни от кого больше мы не зависели. Ни Ного, ни кто-либо другой из его племени здесь никогда не бывал. Я задумал этот побег, руководствуясь не до конца обдуманными соображениями. Может быть, все это — одни иллюзии?

Сейчас я все больше убеждаюсь, что руководился иллюзиями. Не может быть, чтобы о н упустил это озеро, по которому мы плывем шестой день. Оно такое огромное, что горные кряжи на его берегах с трудом просматриваются в дымке большого пространства. Плывем почти неделю и, судя по всему, будем плыть еще столько же, пока не найдем то место, где река, вытекая из озера, прорывается через горы к морю.

Дни заполнены однообразием и скукой. Мы рыбачим, но потреблять рыбу, к сожалению, можем только сырой. Дрова у нас кончились.

Как я обрадовался, когда берега реки вдруг раздвинулись и вскоре скрылись в дымке как справа, так и слева! Я подумал, что мы вышли в открытое море. А когда понял свою ошибку, было поздно — течение отнесло нас далеко от берегов. О том, чтобы причалить куда-нибудь, и думать нечего. Мы валяемся на плоту, солнце сверкает в мелкой озерной ряби. Купаемся, чтобы хоть немного охладиться. О крокодилах не думаем — так далеко от берега они не заплывают. Другие какие-нибудь чудовища тоже не беспокоят, не возмущают мирную водную гладь.

Здесь, на середине озера, течение еле обозначается. Мы почти стоим на месте. Знать бы, что река впадает в него, можно было бы заготовить дровишек побольше. Теперь за свою непредусмотрительность приходится расплачиваться сыроедством. Зато есть в нашем положении и плюс: Ного стал неплохим пловцом. Он перестал бояться глубины и теперь при каждом удобном случае норовит сигануть в воду.

Я сосчитал зарубки на подпорке хижины. Выходит, что со дня спуска на воду нашего «корабля» прошло сорок пять дней. По приблизительным подсчетам наш плот подходит к зоне пустынь, располагающихся по обе стороны экватора. Нас уже долгое время не беспокоят дожди. Небо над нами чистое, и только изредка проплывают по нему белоснежные громады мирных облаков.

А в южной стороне погромыхивает. Ночами там полыхают молнии. Во второй половине дня на краю горизонта начинают собираться тучи и где-то там проливаются на землю, до нас не доходят. Мы, понятное дело, не огорчаемся.

Сорок пять дней! То, что я делю время на короткие отрезки,— земная привычка. Деление времени на отрезки длительностью от секунд и до года — излишество цивилизованного общества. Оно очень ценит время, а для Ного оно делится на два периода — дождливый и засушливый. И это его устраивает вполне. Как бы мы ни измеряли время, но эти полтора месяца стали знаменательными в жизни моего плоскоголового спутника, хотя он и не догадывается, что время делится на месяцы.

Интересно бы услышать, что он сам думает о своем прогрессе? С первых дней, с той минуты, как я увидел его в асфальтовой ловушке, я смотрел на него глазами антрополога, а не зоолога. Конечно, по многим признакам его можно было бы отнести к приматам, ну да ладно. Пусть будет человеком, ведь он уже умеет разводить костер, удить рыбу, строить хижину и еще кучу мелочей из области цивилизации.

Конечно, у меня не хватило ни сил, ни мужества, чтобы приобщить к азам цивилизации племя. Но то, что рядом со мною постиг Ного, подняло его над уровнем соплеменников на две головы. Я сравнивал его с дикарями и видел, что в духовном плане он уже ушел от них. Перемены в нем накапливались исподволь. Он начинал с подражания, а сегодня он активен сознательно. Он начал д у м а т ь.

От прежнего Ного в нем сохранилось неистощимое любопытство. Он осознал, что мир — это не только район холмов и зарослей, где начинают и оканчивают свою жизнь поколения дикарей. Он часто спрашивает меня о Земле, о людях, о их жизни. И воспринимает мои рассказы не как мифы и сказки, а как реальность, которой он разве что только не потрогал.

Я испытываю проблемы с ответами и объяснениями. Но в этом виноват бедный язык понятий, на котором общаются люди племени Ного. Теперь он, похоже, догадывается, что кроме языка Ного есть еще язык Гррегора. Но для туземца этот язык непостижим. Если бы у меня была возможность записать наши разговоры на плоту! Это были бы бесценные свидетельства о контактах первобытного невежества с цивилизацией.

Течение, хоть и медленное, приближает нас к высоким серо-голубым скалам северного берега. Если вчера они едва просматривались, то сегодня прорисовываются их детали — выступы, карнизы, осыпи... Если будем и дальше двигаться с этой скоростью, то завтра во второй половине дня сможем причалить у берега вытекающей из озера реки.

После того, как мы наловили рыбы на ужин, я говорю Ного:

— Давай разломаем кровлю хижины и разведем костер.

Ного смотрит на меня с удивлением. Как так?

— Разведем костер, пожарим рыбу, а завтра сделаем новую крышу... Пристанем к берегу и сделаем новую.

До Ного, наконец, доходит смысл моего предложения. И он кивает головой, растягивая губы в улыбке. Ему тоже нравится жареная рыба. И жареное мясо нравится больше, чем сырое.

— Потом будем купаться! — говорит Ного мечтательно.— А завтра сделаем другую крышу. Эта старая.

Крышу надо было бы сменить не только ради костра. С потолка на наши головы, в лицо, в глаза все время сыплется труха. Это раздражает. Приятно будет хоть на несколько дней, помимо всего остального, запастись и запахом свежей зелени.

Ужин был обильным. Поджаренная на вертеле рыба была настолько вкусна, что мы, пожирая ее, не могли остановиться. Кости тут же выбрасывали в воду. Я долго приучал Ного к чистоте и гигиене, теперь он сам удивляется, как это он мог раньше бросать кости под ноги. Я смотрю на ноги туземца. Грубые, мозолистые, с толстыми наростами, они за полтора месяца безделья и купаний преобразились, так что я уже не знаю, как он будет ступать по камешкам да по колючкам. Благодаря обилию рыбы в реке. мы не знали, что такое голод. Обильная еда, отсутствие физических нагрузок привели к тому, что мы здорово растолстели. Однажды я сказал Ного, что нам следовало бы утром и вечером заниматься гимнастикой. Он посмотрел на меня очень серьезно и сказал, что не знает, что это такое, но лучше не надо. Ему было так хорошо, что любая перемена, в чем бы она ни состояла, нарушала привычный распорядок, а это уже плохо, даже если хорошо.

Нет прекраснее зрелища, как наблюдать наступление сумерек в хорошую погоду. Солнце уже спряталось за вершинами

западных гор, зеркало воды потемнело. Закат окрасил полнеба в багровые тона. Я сижу на краю плота, любуюсь закатом, совершенно забыв о том, что я не на Земле.

Ного внимательно смотрит на ближние берега:

— Завтра мы будем кушать птиц и яйца!— низко над водою у берега пролетают стаи птиц.

Между тем в небе, как по волшебству, происходит смешение красок. По мере того, как тускнеют алые краски заката, с востока надвигаются сумерки, в которых господствуют цвета от зеленовато-голубого до темно-синего. Тьма сгущается в ущельях, заполняя их чернотой. На восточной, темной стороне неба появляются крупные звезды. Постепенно гаснут и угли нашего костра; иногда вдруг вспыхивает запоздалым огоньком тоненькая веточка и тут же гаснет. Мы укладываемся спать.

Во сне я чувствую, что должен проснуться. Кто-то сильно трясет меня за плечо, то ли Дэйв, то ли Ного. Но я никак не могу разорвать паутину сна:

— Оставь, Дэйв,— бормочу я сквозь сон,— не мешай спать!

Затем сон оставляет меня в одно мгновение. Душа учуяла опасность. То, что во сне представлялось мне болтанкой «Викинга»,приводняющегося на чужой планете, в действительности было болтанкой плота на озере, которое вдруг взбеленилось. Я резко сажусь. Нас окружает ночной мрак. В небе светятся крупные звезды. Что же происходит? Плот вздрагивает подо мною. Если с вечера мы не ощущали его движения, то сейчас он несется с сумасшедшей скоростью. Очнувшись от сна, отмечаю, что наш плот стремительно проносится по реке, зажатой узкими берегами. Белая пена светится на глыбах обрывистых берегов. В уши лезет всепоглощающий шум падающей воды. После неподвижной озерной тишины мы попали, что называется, в ад. Как это могло произойти? Понимаю, что наш удел в такой обстановке — бессилие и надежда на удачу. Перед нами выпрыгивает скала, громадина наплывает на нас из темноты ущелья. С падающим сердцем слышу и чувствую, как плот врезается с треском в глыбу, его разворачивает и несет дальше, а меня бросает с одного конца плота в другой. На четвереньках ползу на середину бревен и думаю, что густая тьма впереди готовит нам новые удары, несет нас на следующую скалу. Трещат бревна, трещат связки, нас обдает потоками бурлящей воды. Я обеими руками цепляюсь за опоры хижины.

— Ного, ты где?— кричу, пытаясь хоть что-нибудь различить в темноте.

— Я здесь!— голос Ного доносится откуда-то сзади. Он подползает ко мне. Удар следует за ударом. Сколько таких ударов может выдержать наше утлое сооружение? Бревна под нами вздрагивают, как живые, и стараются расползтись в разные стороны. Слышен треск обрывающейся лозы. Крайнее бревно встает на дыбы и ускользает во тьму. Вскоре такая же участь постигает второе бревно, третье... Это, наверное, конец.

Плот под нашими распластанными телами катастрофически уменьшается в размерах. Во мне нарастает страх неминуемой

смерти. Быстрее бы наступал рассвет! Это невыносимо; как медленно движется время! Небо кажется более светлым. И звезды бледнеют. Продержаться хотя бы еще час, а там хоть будет видно, что с нами происходит. Темные стены ущелья раздвигаются. Течение воды становится не таким бешеным. Она словно пытается отдышаться после дикой схватки со скалами. Шум ущелья еще отдается в ушах, а где-то впереди появляется новый звук. Странный звук— ровный, трепетный, стеснительный. Непонятно, где он рождается: в воздухе, в воде, среди скал? Ного тоже прислушивается. Слух у него, надо полагать, получше моего:

— Что это?

Ного мотает головой. Не знает. Плот покачивается на воде. Ну и тряску мы пережили, черт бы ее подрал! Думаю, еще одно-два столкновения — и наш плот рассыпался бы на отдельные бревна. Неизвестный звук доносится издалека. Он напоминает мне что-то знакомое... Точно! Так гудят дюзы ракетных двигателей! Наш плот тихо движется по успокоенной реке, а то, что осталось позади, кажется дурным сном.

Что же это за звук! Такое впечатление, что дрожит воздух, и река, и плот на реке, и наши тела на плоту... Все дрожит, как линия высоковольтной передачи. Влажные скалы, громоздящиеся на берегу, с достоинством слушают таинственный звук, и ни один камень не срывается по их крутым стенам.

Плот еле заметно начинает поворачивать влево. С левой стороны открывается вид на широкую долину. Туда же заворачивает и наша река. Течение снова убыстряется. Мои мышцы непроизвольно напрягаются. Я жду подвоха, только не знаю, от чего. Хорошо бы пристать к берегу. Я прошу Ного, чтобы он вытаскивал жердь, на которой держалась кровля. Я берусь за другую... Быстрее, Ного! Река опять набирает скорость. Наш плот не выдержит еще один такой участок, в котором каждая скала на берегу норовит встретить суденышко лоб в лоб. Жерди короткова-ты, до дна не достают. Пытаюсь грести жердью, как веслом. Глядя на меня, Ного делает то же. За излучиной течение относит нас к противоположному берегу, и мы проплываем в шести-семи метрах от скал. Скорость течения переваливает за пределы разумного, но кому это, кроме нас, несчастных путников, доставляет страдания!

Я не оставляю попыток направить плот к берегу. Лежа на бревнах, пытаюсь дотянуться до дна. В одном месте жердь застряла в трещине скалы, и мне чуть не вывернуло руки в плечевых суставах. Плот приблизился к берегу еще немного. Волны заплескивают нас, словно хотят ослепить, но я всего себя подчинил единственной задаче — пристать к берегу, прижаться к мокрым скалам, оставить реку, которая за одну ночь превратилась из доброго друга в смертельного врага...

Ного, вытаращив глаза, что-то кричит. Его крик тонет в шуме и грохоте. Могучая сила выдергивает из-под меня бревно, грохот врывается в уши, рвет барабанные перепонки. Ного успевает схватить меня за ногу и вытащить на сооружение, которое все еще можно называть плотом. Звук, что беспокоил нас своей монотонной назойливостью, превратился в мощный гул, и я знаю, что это такое. Жердь я выпустил из рук, да и что в ней толку!

Туземец смотрит вперед и балансирует на бревнах, стараясь удержать равновесие. Из его рассеченной губы сочится кровь. Красная, между прочим.

— Смотри!— кричит он, показывая рукой вперед.

Водопад отсюда, с зеркала реки, не увидишь. Мы видим только ущелье, похожее на гигантский коридор с фантастическим перепадом по высоте, тонкую завесу водяной пыли, висящую между берегами, а далеко за ними зубчатые вершины гор утопают в солнечном свете. Я смотрю туда с равнодушием обреченного, не могу ни бояться, ни отчаиваться. Мы плывем с головокружительной скоростью. Устремляемся под завесу из водяной пыли, сверкающей всеми цветами радуги. Срываемся в утробу черных скал, изрыгающих из себя тяжкий грохот падающей воды. Мне хочется сказать туземцу несколько успокоительных слов, но какие слова могут родиться в таком грохоте! Мы держимся за руки. Мелькнула мысль о напрасности всего. И туземца я зря увлек за собой. Пусть бы жил со своими сородичами...

Последние десятки метров.Время останавливается, словно дает нам возможность лишний раз вдохнуть живительного воздуха. В такие секунды человек способен заново пережить все свое прошлое, вспоминает какие-то полузабытые лица, предметы с четко вырисованными деталями... Все это проносится в памяти, пока передний край бревен вдруг зависает в пустоте, в то время как огромная масса воды проваливается в бездну. Долю секунды мы летим по крутой дуге; плот переворачивается, но мы уже летим сами по себе, летим в клубящуюся, клокочущую пропасть...

После этого моя память сохранила не то, что было со мной, а то, что происходило во мне.

Наверно, был грохот, удушье. Но я их не помню. Я отмечаю, что так уже бывало. Например, когда стартовал с Земли на транспортной ракете. Грохот. Тряска. Хочется, чтобы поскорее все кончилось. Удушье в пещере, куда набилось все племя плоскоголовых, прячась от сильнейшей грозы. Удушье в пропасти после гибели Амара... Картины прошлого мелькнули в непостижимой последовательности. Я мучаюсь от того, что какой-то твердый предмет давит в мою грудь. Обломок скалы? Или дубина Ного? В глаза врываются скалы, деревья, небо, шум воды... Выше моей головы торчат мои ноги. Звенят литавры. Головная боль. И этот слепящий свет, куда все проваливается. Все — в никуда. Ного! Ного! Туземец остается единственной реальностью в самом дальнем уголке сознания. Я знаю, что он есть, и это важнее всего. Ного! Ного! Я кричу, или только хочу крикнуть? На меня опрокидывается грохот. Он затихает, удаляется...

Грудь окована обручем боли. Болит каждое ребро в отдельности. Бесконечное падение сопровождается разноцветными всплесками световых сигналов. В сумеречном сознании вспыхивает мысль: надо проснуться, провентилировать легкие, пошевелить конечностями, как требует методика выхода из гибернации. Тишина нарушается эпизодическими щелканьями приборов и тоненьким, как паутина, писком комара. Факел удаляющейся ракеты растворяется в бесконечном пространстве. Командир,

пристегнутый к пилотскому креслу, машет мне рукой, не принимай, мол, всерьез,— операторы геовидео всегда пользуются дешевыми трюками, калейдоскопической сменой кадров... Кружится голова. У ракеты разладилась система стабилизации,— она беспорядочно вертится. Стараюсь включить дублирующую систему и, как муха в паутине, запутываюсь в проводах, пытаюсь выбраться и убрать их... Нет, это не то, о чем я думаю. На шее появилось прикосновение волосистых лап. Скалится морщинистая рожа Вру— шаман тянется к моему горлу. С ним-то я справлюсь. Бью ногой в живот и отталкиваю, снова бью — кулаки молотят воздух...

В нос ударяет привычный запах жареной рыбы. Ного приподнимает мне голову, его рука вздрагивает под моим затылком. Чувство голода возникает в горле, рот наполняется рассыпчатым мясом. Оно никогда еще не было таким вкусным. Я голоден, как во второй день голодания. Но кружится голова, и аппетит сменяется отвращением. Лучше бы вместо рыбы глоток холодной родниковой воды...

Лена сидит возле меня и поддерживает мою голову своими мягкими, теплыми руками, пытается заговорить боль. Я вижу ее расширенные зрачки, бледное лицо. Моя боль становится ее болью. Но я не хочу этого! Я знаю, что Лена умерла! Она улыбается и отрицательно покачивает головой. При этом щурится, будто смотрит на солнце.

— Лена, как ты меня нашла?— спазмы сжимают мне горло, невозможно сдерживать рыдание, в котором прорывается бессилие вперемешку с жалостью. Взгляд у Лены становится строгим, янтарное платье полощется на ветру, обрисовывая стройную фигуру, а за ее спиной, на скале, из-за камня выглядывает ласка...

— Лена, зачем ты пришла?

Ей не нравится мой вопрос. Она смотрит на нечто за моей спиной, на ее лице одно выражение сменяется другим.

— Лена, это Ного, человек из палеолита, мой верный товарищ, великолепный зверь. Он любит рыбачить. Мы строим плот.

— Зачем?— губы у Лены даже не пошевельнулись, но вопрос возник, словно шелест веточки.

— Как зачем?.. Это такая длинная история...

Но Лена меня не слушает. Улыбаясь, она смотрит на туземца, который подходит к ней, спотыкаясь на слабо закрепленных бревнах плота. Они пожимают друг другу руки. Я потрясен — плоскоголовые не знают рукопожатий! И мы с Ного никогда не обменивались рукопожатиями. Где он мог их видеть?

— Славный парень Ного, правда, Лена? Он очень привязан ко мне, внешность у него, правда, несколько страшновата, но только внешность. Он тоже человек. Правда, на лестнице цивилизации он одолел лишь первую ступеньку, но он будет подниматься выше. Я помогу ему. Я вытащу его.

— Я все знаю,— говорит Лена шелестящим голосом. Она сердится на меня, что ли? Нет у нее оснований сердиться на меня.

— Что ты можешь знать?— меня охватывает раздражение, и я готов казнить себя за это... Не надо спорить с Леной, ведь она разыскала меня, наверное, это нелегко было сделать. Надо ей все объяснить. С нею всегда трудно было спорить— она упряма и независима:

— Лена, что ты знаешь? Я научил туземца высекать огонь. Он умеет, благодаря мне, пользоваться луком, он боялся воды, не умел удить рыбу, он боится злых духов...

Лена не слушает меня. Рассматривает волосатую лапу Ного, будто хочет предсказать ему его судьбу. Она никогда не интересовалась хиромантией!

— Он человек?— недоверчиво спрашивает Лена.

— Конечно! Почти человек! А его потомки будут людьми несомненно. Они не будут заниматься каннибализмом— это ужасно, когда они пожирают друг друга. Наши пращуры не были каннибалами, верно? Я научу их выплавлять металлы. Они не будут спать кучей вокруг костра. Я научу их строить каменные дома... Заводы... Из металла они сконструируют машины... Нам очень нужен титановый прокат...

— Какой еще прокат?— удивляется Лена. Я уже не сержусь.

— Мы должны отремонтировать «Викинг». Мы попали в метеоритный пояс. Наш корабль получил большую дыру в боку... Лена! Лена! Ты где? Она же умерла и не понимает этого!

— Я здесь!— Лена стоит в полный рост на ветру, словно высеченная из янтаря, теплая, золотистая. Ее смех отзывается эхом в скалах, на лесной опушке, над рекой. Это уже было. Однажды было в круговороте бытия. Меня, как молния, поражает пронзительное чувство реальности. Лена умерла— как она оказалась на этой планете? Она хочет уйти. Я хватаю девушку за руки и удерживаю:

— Лена, ты помнишь «Электру»? Ты же умерла!

— Да, умерла,— смеется Лена,— ну и что?

— Как ты оказалась на этой планете?

— Не знаю,— говорит она безразличным голосом, и я с трудом сдерживаю исподволь закипающую во мне ярость:

— Лена, мне очень важно узнать, как ты меня нашла. Я летел сюда множество лет. Это самый глухой угол Вселенной. Мы высадились на эту чуждую землю, которая совсем не земля. Нас встретили динозавры и птицеящеры...

Жуткая голова птицеящера покачивается над зарослями. Ее пронзительный взгляд парализует жертву.

— Лена!!!

— Не кричи, я здесь,— говорит Лена; взмахивает рукой — птицеящер исчезает.

Я прячу в ее теплые ладони свое лицо. Мне хорошо. Не надо ничего говорить. Не надо ничего объяснять.

— Зачем вы плывете по этой реке?— спрашивает Лена.

Не отвечаю. Меня охватывает расслабляющее чувство умиротворенности. Я с трудом выталкиваю из себя слова.

— Мы плывем к «Викингу». Там остались мои товарищи. Марк, Дэйв, Феликс... Недалеко от устья Большой Реки. В море. Так объяснил мне гладкокожий...

— Кто это — гладкокожий?— спрашивает Лена.

— Гладкокожий? Какой гладкокожий?— я не понимаю, о чем речь.

Меня охватывает чувство опасности: где-то здесь, недалеко, я знаю, бродит птицеящер. А там, за холмами — плоскоголовые. Я не хочу туда возвращаться... Не хочу!..

Зумби гордо вышел из зарослей. Смешно, как можно быть гордым при таком тщедушном сложении! Да нет, Зумби вовсе не тщедушен! Он лишь немногим уступает Ного. Он тащит за руку какое-то безволосое худощавое тело.

Это его добыча. Ноги у добычи подворачиваются. Зумби поддерживает ее за предплечья. Дикари, столпившиеся на лужайке, изумлены. Добычу принято убивать немедленно, а она еще жива! Дикари возмущены. Шаман спрашивает, почему Зумби не убил жертву?

Зумби тоже возмущен. Не убил и все! Он с вызовом смотрит на своих сородичей. Он тщеславен и честолюбив,— при всей условности этих понятий в применении к дикарям. Почему он должен был убить свою жертву? Ного же не убил своего безволосого! И никто не спрашивал, почему Ного не убил.

Зумби — давний соперник Ного. Зумби не может отстать от Ного. Зумби не понимает, для чего Ного понадобилось это слабое безволосое существо с белой тоненькой кожей; любой, даже самый слабый дикарь придушил бы его одной рукой, если бы Ного не охранял его так ревностно. Не зря белый пришелец все время держится за Ного, боится даже на шаг отойти, понимает, что его сразу же прикончат. Никто не знает, почему Ного не хочет убить своего белокожего. Зумби тоже хочет иметь такую игрушку. Вот он и добыл ее. Окруженный толпой сородичей, Зумби объявляет табу на свою собственность. Это мое! Это мое! И если кто-нибудь позарится на собственность Зумби, тому несдобровать. Кулак у Зумби тяжелый. Правда и то, что вначале Ного объявил, что Гррего — его товарищ, вызыватель огня. Но когда голодные соплеменники однажды решили все-таки съесть «товарища», то Ного объявил Гррего своей собственностью и наложил табу.

Гррего никак не мог согласиться с тем, что он — чья-то собственность. Он воздевал руки к небу и на пугающе непонятном языке молил богов и духов о своем освобождении.

Безволосый человек говорил на непонятном языке, был страшно худ. Он не умел добывать себе пищу, а Зумби хоть и считал его своей собственностью, но кормить не собирался. Его страдания прекратила смерть.

— Почему ты не спас его?— спрашивает Лена.

— Я все делал, чтобы он не умер. Я давал ему мяса из того, что доставалось мне. Я пытался изучить его язык, а так как это было возможно при посредстве скудного языка плоскоголовых, то мои успехи были слабыми. Я учил его языку плоскоголовых, чтобы изучить его собственный язык.

— Я знаю, зачем тебе нужен был его язык: ты хотел от него побольше узнать об этой планете, чтобы знать, куда направиться после побега.

— Ты не можешь этого знать, Лена! Может быть, моя беда в том, что я не уверен, правильно ли я понял безволосого...

Безволосый с удивлением рассматривал мою бороду; не с презрением, как плоскоголовые, а с интересом, словно уже видел нечто подобное. В его глазах я видел преклонение. А какое возмущение горело в них, когда кто-нибудь из плоскоголовых обходился со мною грубо, неуважительно! Он подолгу мне что-то втолковывал. На его лице было страдание от того, что я не могу его понять. Однажды на песке он стал рисовать какие-то фигуры. И тут до меня дошло! То, чего я не понимал в его словах, я понял в рисунках! В бесхитростных линиях на песке я узнал корпус нашей ракеты, наполовину погруженной в волны. Я был потрясен. Как и он сам. Потому, что я тыкал себя в грудь и затем показывал на рисунок и рыдал... Он был безволосый, у него была гладкая кожа, он был намного ближе к землянам, чем к плоскоголовым. Он многое хотел мне рассказать рисунками, но я и в рисунках не все понимал. Но я понял про Большую воду, то есть реку — и мы с Ного вышли к ней. Возможно, были рисунки и про большое озеро, и про водопад... Если бы я все понял!

Мне тяжело говорить. Мне хорошо лежать, уткнувшись лицом в Ленины мягкие ладони. Сразу утихают все мои боли. Я хочу, чтобы Лена не исчезала и чтобы я мог чувствовать на своем лице ее ладони долго-долго.

— А потом?— продолжает спрашивать Лена.

— Потом он умер... Его унесла лихорадка во время эпидемии. Тогда и Зумби был болен. Гладкокожий остался без защиты и пристал к нам, поближе к Ного. Почти половина племени болела лихорадкой. Больные лежали в кустарнике. Многие умерли.

— Надо было взять гладкокожего с собой,— говорила Лена.

— Надо... Но он умер. Я не мог ему помочь. Он тихо лежал под кустом. Я приносил ему воду и жареное мясо. Воду пил, а мяса не хотел. Так и умер...

Запах мяса щекочет мне ноздри. Я нахожусь в полуобморочном состоянии и осознаю это. Бред и прояснение накладываются друг на друга, как два изображения на одном кадре фотопленки. Лена была со мною, сейчас ее нет. Ного сует мне в рот кусочки мяса, и я торопливо проглатываю их, пока мое нутро принимает еду... Стоит мне открыть глаза — начинается головокружение. Закрою глаза — вижу Лену, ее платье цвета янтаря. Мне хорошо с нею, но она требует, чтобы я все ей рассказывал: как мы бежали от плоскоголовых, как строили плот... Потом она исчезла навсегда.

Однажды я открыл глаза и увидел густую крону дерева, грохот водопада, тучи брызг, в которых играла радуга, мокрые скалы, торчащие из воды. В нескольких метрах потрескивал костер, у костра сидел Ного... Я вернулся в реальный мир, чтобы подумать, как он мне чужд и насколько мне лучше в другом мире, где есть Лена в шелковистом солнечном платье, есть ее глаза,

смеющиеся или строгие, с равнодушными или заинтересованными вопросами.

Меня спас Ного. Он выловил мое безжизненное тело в бурлящем котле водопада, вытащил на берег и уложил под этим большим деревом. Он добыл огонь и поддерживал его все дни моего долгого беспамятства. Он ловил в заводи крупную рыбу. У него было время смастерить лук и стрелы, получившие у меня высокую оценку. Я радовался, когда понял, что Ного научился плавать тогда, когда мы строили плот. Теперь радуюсь вдвойне: я научил Ного плавать, чтобы Ного спас мне жизнь... Я, что ни говори, порядочный эгоист.

Прошло еще несколько недель, пока я почувствовал себя достаточно здоровым. Головокружения исчезли, перестала болеть нога, хотя я по-прежнему ступал ею осторожно.

По ночам вокруг нас, за деревьями и кустами, шастают смутные тени. Ного швыряет в них камни, заготовленные с вечера. Часто думаю о Лене, навещавшей меня, когда я находился в раздвоенном мире. Интересно, вопросы, которые она мне задавала, это были ее или мои вопросы? Наверное, все-таки мои.

Лежа в тени широкой кроны, занимаюсь самоанализом. Мне не нравится мое поведение, особенно в стане плоскоголовых. Я был слаб и запуган. Я выжидал, когда мог наступать. Мне часто недостает решительности. Я часто бывал мягок и покладист из элементарного страха. Но и это не все...

Ночью мне снился яркий сон. Во сне я был с Леной. Она говорила, что Феликс был прав. (В чем? Ума не приложу!) Она доказывала, что нельзя было ждать этого случая. (Какого этого?)

— Марк говорил, что это тоже Земля,— доказывала мне Лена,— даже для нас это — Земля! Мы можем дать ей какое угодно имя на нашем языке. Но потомки здешних жителей будут называть ее так, как сочтут нужным, и правы будут они, а не мы.

— К чему ты говоришь это, Лена?

— К тому, что мы здесь — пришельцы. У этой «Земли» есть свой народ, у народа — своя история. Вернее, будет своя история.

— Так что же, нам не следовало появляться здесь? Напрасны наши жертвы, наши усилия?

— Ты меня неверно понимаешь,— говорит Лена.— Я клоню к тому, что, возможно, и мы попадем в эту историю. И от нас зависит, какой она будет, эта история. Мы, конечно, не можем дать им очень много— это другой мир, другие люди, но кое-чему мы можем научить их, кое-что сумеем им передать...

— Я думаю о плоскоголовых. Они не готовы даже к первым шагам в цивилизацию. Я учил их, как делать лук и стрелы, как добывать огонь. Я доказывал им, что нельзя пить затхлую воду и жрать трупы павших животных, нельзя жрать друг друга. Но ничего не добился.

— Ты хочешь быстрого результата, Грегор? Значит, хочешь слишком многого. Кое-что из твоей науки осталось. Вру ненавидел тебя, боялся за свой шаманский авторитет. Но теперь он, уединясь в кустах, будет стучать камнем о камень, пока не добудет огонь. Но это будет уже результат его колдовства. Он

сделает лук, стрелы, копье — и тогда это будет служить его славе, он не скажет, что эти предметы — злое колдовство. А потом не забывай Ного!

— Ного другой. Может быть, даже мутант.

— Если среди плоскоголовых появился один Ного, то почему не может появиться еще много таких? Вспомни, как ты возился с их малышами, как они тянулись к тебе! Если Вру слишком подл и коварен, чтобы помнить добро, то малыши многое запомнят. Ты заронил в их девственные мозги мечту. Была бы мечта, идеи сами появятся...

Они многое не поймут. Для начала хватит того, что ты дал. К большему не готова их психика...

Но есть еще люди города, о котором ты мог бы узнать по рисункам гладкокожего, или безволосого, как его называли плоскоголовые. Да, да, здесь, на этой планете есть город, и есть жители с более высоким уровнем цивилизации. Твои товарищи теперь в этом городе... А ты останешься здесь.

— Нет! Я не хочу здесь оставаться! Не хочу!!! Нет!

Просыпаюсь от того, что Ного похлопывает меня по плечу. Что-то бормочет успокоительное. Я весь покрыт потом, хотя от реки тянет прохладой. Над водопадом, на фоне темных скал и лесов, клубятся волны тумана.

— Нет, нет, не хочу...— мои губы шепчут слова, перелетевшие с другой стороны моего сознания.

— Не бойся,— говорит Ного,— я всех прогнал! Здесь огонь! Они боятся огня!

Далеко в глубине леса я слышу вой. Вой бессильных, но яростных существ.

— Трусливые шакалы!— кричит Ного.— Ного убьет вас!

Потом он встает и уходит за сухими ветками для костра. Во мне звенит странное напряжение, этакая смесь тревоги, нетерпения и неведенья. Боюсь, как бы это не явилось следствием травмы головы. Почему я так думаю? Раньше я никогда не бывал в таком состоянии. Бывал в тревоге, бывал нетерпелив, но — в нормальной степени, что ли. Теперь появилось нечто глубоко болезненное. И никто ничем не может мне помочь. Никто, кроме себя самого...

Крупные звезды светятся в темном небе, свидетели и вместе с тем дети вечности. Разделенные пространствами в миллионы световых лет, все они сестры, рожденные единой Матерью, триедино воплотившей в себе Материю, Время и Пространство. Где-то среди них плывет в бесконечности и мое Солнце, а вокруг Солнца кружится маленькая родная планета Земля. Сколько на ней родного: люди, города, дороги, аэродромы, автомобили, поля, заводы, лаборатории, больницы... Посидеть бы мне две-три недели в библиотеке — и все мои недуги как рукой волшебника были бы сняты.

Ного принес охапку валежника. Огонь, получив добавку, весело попросил меня слегка отодвинуться; ему, видите ли, стало тесновато. Меня его нахальство не возмутило, я склонен был в его теплом дыхании почувствовать извинение за беспокойство. Смотрю на огонь и решаю силою воли сжечь все свои недужности

с таким же упорством, с каким огонь пожирает ветки. Надо быстрее войти в нормальную форму, построить новый плот, добраться до устья реки, которые чертил на песке несчастный гладкокожий, найти «Викинг» и таинственный город, о которых мне пытался рассказывать он же...

Я разыщу своих земных братьев, мы отремонтируем наш корабль и вернемся домой. Эта мысль кажется мне излишне оптимистичной, однако она — хорошее средство против отчаяния.

Слабость — коварная стерва, особенно если она хорошо питается такой обильной пищей, как физические травмы и глубокий психической дискомфорт. Каждое утро я начинаю с решительной схватки с этой мерзопакостной дамой. Отогнав ее на известное расстояние, спускаюсь к водопаду, где в тумане растут мощные бамбуковые заросли. Бамбук оккупировал все пространство на берегу, орошаемое брызгами водопада. Здесь растут деревья толщиной с человеческое бедро — прекрасный материал для нашего плота. Мы целыми днями орудуем каменными топориками. Строптивые стволы поддаются с большой неохотой, с влажным шелестом погружая в воду кисточки своих верхушек.

После каждого сваленного дерева я по десять — пятнадцать минут валялся на мягкой траве, приходя в себя, затем снова поднимался, берясь за топорик. Пока я отдыхал, Ного успевал свалить еще одно дерево. Туземец не признавал передышек. Что бы я делал без него! Я заметил, что, бывало, свалив дерево, не мог припомнить кое-каких подробностей. Однажды с удивлением установил, что, устроив передышку, растянул ее на несколько часов,— солнце не обманывало, оно себе не позволяет передышек. Я заключил: у меня случаются обмороки. Теряю сознание на несколько минут, но бывает, что и на часы. Прошу Ного: если я упаду в воде, чтобы он оттаскивал меня на траву. Такое проявление моей болезни ставило его в тупик, но, думал он, с колдунами, наверное, еще и не то случается. Любопытно, что наше спасение из пучины водопада он целиком приписал мне, а мои травмы и слабость — цена этого спасения.

Все время моего общения с Ного,— а это ни много ни мало, а четыре года,— я подбрасывал в разговоре земные слова. Теперь он свободно употреблял их: мясо, вода, лук, плот, рыба... Произносил без акцента. Общаться нам стало проще. В дни моего беспамятства Ного вслушивался в мои «бредовые» монологи и считал, что таким способом я общаюсь с добрыми духами. С добрыми потому, что не допускал и мысли, что я пойду на общение с духами злыми. В его глазах я был могучим добрым кудесником, а что мое могущество нередко оборачивалось поражениями и слабостью, так виной этому было множество злых духов, которые нас окружали.

И пока мой спутник укреплялся в мистических представлениях о моей персоне, я метался по «нейтральной полосе» между двумя враждующими реалиями: первая — это мои собственные представления, воспитанные земной цивилизацией; вторая —

чужой мир неведомой планеты, нечто из запредельности, близкое к фантастике. В этих немыслимых условиях я пытался осознать себя, свою роль среди существ доисторического уровня (если рассуждать земными понятиями) или внеисторического (если исходить из того, что у этой планеты есть своя история, никак не связанная с земной).

Впрочем, наше земное присутствие на ней и есть эта самая связь, несмотря на то, что омрачена она тенью катастрофы и жертвенности. Да и мое пребывание здесь никак не назовешь миссионерским. Обыкновенный, затравленный страхами человек, который волею обстоятельств оторван от лабораторного стола и заброшен в иной мир. Жалею, что слова «иной мир» не несут и маленькой доли того смысла, который я вкладываю в него своей судьбой. Иногда я думаю: слушай, Грегор, что ты так тревожишься о собственной судьбе? Ну умрешь ты не на Земле, а на неведомой планете. Ты думаешь — это трагедия? Но зайди с другой стороны — кто еще может похвастаться такой перспективой? Тебе просто повезло! Так-то, приятель!

Воды маленького залива, когда-то возникшего в соседстве с водопадом, не тревожило основное течение реки после падения с огромной крутизны. Тихая, спокойная заводь. Я часто всматривался в собственное отражение в воде, боясь увидеть в нем какие-то нежелательные черты. Я имею в виду не волосатость, не морщины, не седину, а те черточки, которые свидетельствуют о перерождении личности. Этого я боялся даже больше, чем новой встречи с птицеящером. Туземцу не нравилось, когда я пялился в неподвижную воду:

— Не смотри так! Не зли плохих духов!

Ему казалось, что, глядя в воду, я общаюсь со своими духами, а поскольку добрые духи не живут обособленно, а обязательно в окружении злых духов, то последние могут устраивать нам всякие каверзы. Если перевести язык мистики на язык действительности, то Ного прав.

Думаю о том, что мое тело осталось живым, но душа раздрызгана настолько, что я никогда уже не смогу почувствовать ее целой. Неужели тот, кто сумеет добраться до «Викинга», предстанет перед своими товарищами не Грегором Маном, а совершенно другим человеком?

Я пришел к выводу, что, если хочу остаться самим собой, надо прекратить душевные терзания, проникнуться настроениями исследователя. Это отвлечет от эгоистических переживаний, которые, безусловно, вредны:

— Я не колдун, Ного! Я болен! Но я выздоровлю, дай только срок!

То, что Ного понял из моего ответа, вызвало в нем приступ жалости:

— Гррего, сиди у костра! Ного сам будет валить дерево!

— Нет, Ного, я должен тоже работать... Не надрываясь, конечно... Это поможет выздороветь!— говорил я туземцу, и он успокаивался. А я брался за топорик, чтобы рубить, измочаливая, неуступчивую древесину бамбука.

Я не считаю дни. Замечаю, что напор водопада несколько ослабел. Дожди стали реже. Наступает период засухи, может, и не засухи в привычном смысле, а просто сухой сезон.

Платформа из бамбуковых стволов покачивается под нашими ногами. Мы строим каркас для хижины. Еще несколько дней — и мы скажем «прощай!» водопаду. Он причинил нам много зла, но и утешил немного. Здесь я выздоровел, по меньшей мере телесно, здесь немало рыбы и дичи, здесь покой, здесь мы соорудили новый плот. Чего еще надо!

Я решил приспособить на плоту парус. Вдруг нас вынесет в открытое море и мы не сможем пристать к берегу? Я выбрал хороший бамбуковый шест для мачты и укрепил его посреди плота. Попросил Ного помочь мне нарезать тонкой, тоньше мизинца, бамбуковой поросли. Из нее я связал нечто, напоминающее дерюгу. Были проблемы с веревками. Я спустился по берегу и набрел на кусты лозняка. Вместе с Ного я мочалил их на каменной плите, отмачивал в воде и очищал волокна от древесины...

Когда мы возвращались с охапками лозы, я обратил внимание на довольно крупные листья невысоких деревьев. Показал на них туземцу, добавив, что они пойдут нам на кровлю. Ного кивнул.

Теперь, когда каркас хижины почти готов, я попросил Ного принести побольше крупных листьев. Он взял нож и пошел. Я крикнул ему вслед, чтобы взял дубину, но он отмахнулся. Я не настаивал. До сих пор нам не досаждали звери, если не считать ночных визитов шакалов. Днем, правда, появлялись, и то не всегда, довольного крупные обезьяны хищного вида с хорьковыми мордами. Они поглядывали на нас издали, иногда вопили с угрозой и бесшумно исчезали.

Ного очень беспечен. Как и все туземцы. В этом, я думаю, скрывалось осознание собственной силы. Известную роль играла и вульгарная лень — зачем таскать еще и дубину? Обойдусь! Туземец, конечно, достаточно силен, чтобы придушить шакала или молодую гиену. Главное, по мысли Ного, чтобы не было Больших Гривастых и дофф-дофф. Остальные — тьфу! Не о чем беспокоиться. Может, он и прав. Но меня охватило чувство тревоги. Я заметил, что предчувствия меня не обманывали. Подумал было взять лук и стрелы и отправиться вслед за туземцем. Но я в это время прилаживал реи— так что позволил себе отмахнуться от тревоги. В кронах деревьев пронзительно вскрикивали большие черные птицы с длинными, веером, хвостами. Где-то вдалеке вскрикнула обезьяна. Обычный для этих мест набор звуков. Да еще неумолчный шум водопада, который, как постоянный звуковой фон, не брался в расчет...

Я привязал к нашей «дерюге» реи, приладил веревки. Теперь нужен помощник, чтобы пристроить довольно тяжелый парус на мачте. А Ного все нет и нет. Думаю, загулял парень. Набрел, наверное, на какую-нибудь смазливую обезьянку и забыл, что уже и обедать пора. Я выудил две крупных рыбины, разомлевших от зноя— вода и заливе прогревалась основательно,— и тут из лесу появился Ного. Он возвращался непривычно быстрым шагом, а главное — без охапки листьев. В правой

руке — короткая, наспех выломанная палка. Он часто оборачивается и заметно встревожен. Что-то случилось, притом серьезное. Туземец на мелкие опасности никогда не обращает внимания. Опасность, судя по его поведению, так сказать, средней тяжести. Будь опасность посерьезнее, Ного уже давно был бы возле меня и сжимал в руках свою массивную дубину. Теперь он умерил шаги и даже останавливается, чтобы рассмотреть нечто в глубине леса. Я теряюсь в догадках,— что же там такое объявилось и напугало Ного настолько, что он не набрал листьев? Допускаю, что туземец мог испугаться злых духов, если решил, что они охраняют деревья с крупными листьями. Тогда мне придется идти самому, если даже он откажется. Там, где появляются злые духи, Ного превращается в ягненка. Когда он подошел поближе, я увидел, что он растерян и удивлен одновременно. Кроме палки Ного держал в руке,— не верю глазам своим!— стрелу с костяным наконечником явно не нашего производства, говоря по-земному. Наконечник в крови... Гляжу на Ного — с его предплечья стекает тоненькая струйка крови.

— Кто пустил стрелу?— спрашиваю, лихорадочно теряясь в предположениях. Звери, как известно, к такому оружию не прибегают.

— Не знаю,— озабоченно отвечает Ного,— я его не видел. Там много колючих кустов. Думал — большая колючка. Вижу — стрела. Не наша стрела. Чужой запах. Я такой запах никогда не слышал.

Нюх у туземца, я уже говорил, отменный. Он по запаху в лесу определяет, какое животное прошло здесь ночью.

— Запах такой, как у гладкокожего?

— Нет!

— У Зумби?

— Нет!

— У меня?

— Нет, нет!

— И ты не знаешь, чей запах?— допрашиваю Ного. Его односложные ответы начинают раздражать. Мне не хотелось бы стать пленником таинственных обладателей стрелы.

— Как ты думаешь, какой он?

— Пахнет дымом. Кушает обезьян. Меня не испугался, но убежал. Послал стрелу и убежал. В кустах не было видно.

Рассматриваю древко стрелы. Глядите-ка, отшлифовано! Пропитано жиром. Использовалось многократно. Это тоже насторожило. Если невидимый лучник всякий раз подбирал стрелу, то почему оставил ее сейчас? Побоялся выйти против Ного? Решил позвать на помощь своих?

— Почему ты не догнал его, чтобы убить?

Ного хмыкает и морщит лоб. Ответ ясен: соплеменники лучника начнут его искать. Никто не знает, сколько их там. Если толпа, как от них отбиваться? Луки — опасное оружие. Стреляющий некто встретил бы безоружного Ного столькими стрелами, оставаясь недосягаемым, что о преследовании нечего было и думать. Потому Ного и поспешил предупредить Гррегора.

И правильно поступил. Стрела небольшая, легкая, но смертоносная, если посылать с близкого расстояния. При удачном выстреле невидимого врага Ного мог бы погибнуть. Потом пришла бы и моя очередь, когда я сидел на плоту и ничего не подозревал.

Эта маленькая стрелка с костяным наконечником в наших руках — не просто доказательство неудачного нападения из засады. Это предостережение. До сих пор мы опасались одних только хищников, теперь у нас появился новый, куда более опасный враг — человек. Но жаль, нам об этом человеке, или этих людях ничего не известно. И потому они еще опаснее. Я не знаю, как далеко устье реки и город, где находится «Викинг». Ясно, что мы вступили на территорию, заселенную дикарями; и их надо остерегаться, поскольку это люди, а, значит, и непредсказуемы. И поскольку эти люди вооружены луками, от них надо держаться подальше, где-нибудь посередине реки, чтобы оставаться недосягаемыми с берега. Опасность может притаиться за каждой излучиной, за любой скалой, за кустом. Словом, прощай, спокойная жизнь!

Мы лихорадочно достраивали свой плот, не спуская глаз с лесных зарослей, откуда в любую минуту могли вылететь стрелы. Хижину решили не заканчивать. Парус тоже можно приспособить на ходу.

Вскоре Большая Река уносила нас дальше. Мы старались не приближаться к берегу, неотрывно всматривались в прибрежные заросли. Я очень полагался на зрение Ного. Очень совершенный человек Ного — *нюх собачий, глаза кошачьи*, — я так ему и заявил.

По обеим берегам — ничего подозрительного. Может быть, Ного напоролся на одинокого, забредшего к реке охотника? Если это так, то я все равно не жалею, что мы отчалили в спешном порядке. Иначе могли бы волыниться еще целую неделю.

Жаль, что хижину не довершили. Теперь от солнца прятались под нашей «дерюгой». Костер зажигали, только когда готовили рыбу. Более-менее спокойно чувствовали себя, когда река расступалась и плот медленно плыл посередине. Светлые песчаные берега производили впечатление пустынных. К самой границе песка подступали темные заросли. Склоны долины — царство джунглей. Местами холмы, окружающие долину, отступали на несколько километров. Затем снова сжимали реку так, что она чуть не вдвое ускоряла свой бег, стремясь поскорее *освободился от тесных объятий*. В отдельных местах над лесом поднимались столбы дыма, всегда локальные, аккуратные, что свидетельствовало об их искусственном происхождении. Иные поднимались тоненькой струйкой. На таких кострах туземцы, вероятно, готовили пищу, не требующую большого огня...

Дымы давали нам полезную информацию о заселенности края по обе стороны реки. Значит, не пустынное это место, и здесь живут племена, о которых пока ничего нельзя сказать. Одно удивляет: почему они не показываются на берегу? На Земле люди

всегда тянулись к рекам. Если они есть в лесу рядом с рекой, то почему не появляются на берегу? Может, это добрые, миролюбивые люди, и с ними можно было наладить какие-то отношения... Мы могли бы рискнуть и пристать к берегу. Ну а если люди вовсе не мирные? Если все те же каннибалы? Или просто дикари, которые принесут нас в жертву своим лесным духам или божествам? Нет, в таких случаях, в таких условиях что-то неохота рисковать.

Мы держимся настороже и по-прежнему внимательно рассматриваем берега. Рядом с нами на плоту лежат луки и стрелы. Я не сомневаюсь — если у здешних туземцев есть хорошие луки, то есть у них и многое другое. Лодки, например...

Я думаю: что бы мы делали, если бы, получив информацию о «Викинге», нам пришлось бы пробираться к нему пешком? Это просто счастье, что нашему предприятию помогает сама география. Река нас несет на плоту, река снабжает нас рыбой. Правда, эта же река чуть не стала нашим убийцей, но не будем злопамятны — о плохом не вспомним, а за хорошее скажем спасибо.

Рана у моего спутника нагнаивается. Чего доброго, стрела могла быть и отравленной. Если и не отравленной, то возбудителей инфекции на костяном наконечнике хоть отбавляй. Я не знаю, что в этом случае делать? Были бы мы на берегу, можно воспользоваться травами,— любая чистая трава была бы полезной... Мы не можем считать жителей леса друзьями. Друг не пустил бы стрелу, не выяснив наших намерений. Леса населены нашими вероятными врагами, и от этого факта никуда не уйдешь.

Когда у меня созрело решение бежать от плоскоголовых и добираться до некоего «города» (не могу употреблять это слово без кавычек), то я слишком упрощенно представлял себе путь: самое трудное — оторваться от преследования, а потом долго-долго шагать по чуждым пределам, предвкушая радость встречи с друзьями. На деле оказалось, что между станом плоскоголовых и местом, где пребывает «Викинг», огромные пространства, заселенные племенами. Вот этого я и не предвидел. Все допускал: и динозавров, и Больших Гривастых, и птицеящеров... А дикарей забыл. Выходит, что пристать к берегу мы можем лишь у цели нашего путешествия, там, где мои товарищи завоевали прочный авторитет у аборигенов, где их боготворят. А в любом другом месте на берегу нас могут только съесть. Хорошо, если без чавканья...

Однажды утром мы проснулись в тридцати метрах от берега. Первое побуждение — хватать весла и отвести плот на середину реки. Но вокруг было столько покоя, что мы и не подумали это сделать. Если уж плот принесло сюда, то воспользуемся случаем и покроем нашу хижину листьями. За ними не надо идти далеко. Густые ветки склоняются к самой воде. Мы плавно, без рывков, подгребаем к берегу, плывем вдоль него на расстоянии вытянутой руки от зарослей.

Нигде ни дымка, ни следа. Ного стоит на краю плота и тянется

к ветке, чтобы, ухватившись за нее, притянуть плот к берегу. Его рука повисает в воздухе. Он на секунду замер, затем опустился на четвереньки и подполз ко мне:

— Надо бежать!— шепчет он, вытаращив глаза.— Назад!

За густой зеленой завесой не видно ничего, но моего слуха вдруг касаются негромкие звуки членораздельной человеческой речи. По тону — беззаботная болтовня. Несколько человек. Мы с Ного беремся за весла и начинаем отгребать на середину реки. Вот тебе и тишина! Только бы не услыхали нас, пока мы будем удаляться! Плот — не лодка. Весел слушается плохо. Отходим слишком медленно. Берег отодвигается от нас со скоростью улитки. Пять метров... Десять... Пятнадцать... Чуть ниже по течению берег открывается, заросли освободили место для песчаного пляжа. Пока не видно никого, даже голоса стихли. Может, наблюдают за нами? Плот отошел уже метров на сорок. Ного внюхивается в запахи и показывает рукой на заросли, которые вклинились между рекой и пляжем. Плот вытащился на середину реки, и его подхватило на стрежне, понесло быстрее. Нам открылась внутренняя часть пляжа. Мы их увидели. Четверо туземцев хлопотали возле вытащенной на песок лодки. Их темная кожа блестела в лучах солнца.

— Ложимся на живот!— шепчу я.

Мы вжимаемся в бамбуковые стволы и лежим неподвижно, прикованные взглядами к людям у лодки. Пока они нас не заметили, суетятся вокруг своей посудины. Не могу определить, что они там делают. Еще немного, и нависающие над водой заросли скроют нас от глаз туземцев... Надо же! В последний момент один из дикарей бросил взгляд на реку и что-то крикнул. Все остальные вскинули головы и уставились на наш плот. Мы медленно уходим из поля их зрения.

— Ного, беремся за весла!

Мы гребем изо всех сил. Были бы на лодке — мчались бы со скоростью стрелы. А так... гребем. Я с одной стороны, Ного — с другой. Может, пронесет?— пискнул во мне слабый голосок надежды. Минуты проходили в безмолвии, нарушаемом всплесками весел. Мы ушли, наверное, метров на триста-четыреста. Голосок надежды крепнет. Я уже готов поверить, что пронесло,— туземцев не заинтересовало наше появление. Пляж с туземцами скрылся за поворотом реки. Ного хотел отставить весло, посчитал, что опасность миновала. Я продолжал грести...

Лодка с преследователями появилась из-за поворота, когда и я решил, что нас оставили в покое. Не оставили, черт бы их побрал! Ного снова схватил весло. Я махнул рукой — бесполезно, от лодки не уйти. Лучше взяться за луки и стрелы, да положить возле себя дубинки, пусть под рукой будут на случай абордажа.

Я видел, как лодка туземцев выскочила из-за поворота реки. Разум отказывался верить увиденному, но глаза уже различали там человеческие фигурки. Они ритмично наклонялись в такт гребкам, и на их веслах вспенивалась вода. Они нажимали на весла изо всех сил, значит, пустились они не на прогулку, а в погоню.

Тешу себя иллюзорными допущениями: может, им надоест

нас преследовать; может, удовлетворятся тем, что прогнали нас со своей территории... Некоторое время я старался не смотреть на них, упорно двигал веслом, а когда обернулся, то расстояние между нами сократилось уже вдвое. Туземцы согласованно взмахивали веслами, и на их лицах можно было различить выражение превосходства и торжества.

Нам нет смысла надрываться на веслах. Надо приготовиться к схватке, о чем я и сказал Ного. Мой спутник не обнаруживает какого-либо страха. И прекрасно! Туземцы очень умело управляют лодкой. Они не погнались за нами кратчайшим путем, а вырвались на самый стрежень — и лодка полетела коршуном.

— Давай, Ного, приготовим наши луки,— сказал я, прилаживая стрелу к тетиве. Ного спокойно, деловито повторил мои действия. Оглянулся на врагов и оскалился.

Вот где пригодилась нам «дерюга», наш не состоявшийся парус. Используя каркас хижины, я поставил парус на ребро, и мы укрылись за ним, как за стеной. У Ного горят глаза. Он готов убивать. Моим спутником овладевает ярость, и он потрясает в воздухе огромным кулаком. Его буквально затопил праведный гнев. Он никого не трогал, он мирно проплывал мимо, а на его жизнь посягают! У Ного лук мощный— я безуспешно пытался его натянуть. И стрелы под стать луку, длинные, с массивными каменными наконечниками. Я тоже разозлен. Не нужна эта схватка! Дали бы возможность спокойно проследовать своей дорогой, так нет же, хотят показать, что они здесь хозяева и могут задать жару каким-то пришельцам. Они тычут в нас пальцами и хохочут. Их смешит, наверное, средство нашего передвижения. У них, видите ли, лодка, а у нас куча бревен. Потеха да и только!.. Идиоты, им смешно. Посмотрим, кто будет смеяться последним. Обидно, конечно... Такая хорошая погода. Тихо. По небу плывут большие белые облака, а этим болванам подавай крови. Они приблизились уже метров на пятьдесят, что-то горланят, жаль — на непонятном языке, а то я с ними объяснился бы.

— Ного, что они кричат?

— Ного не понимает,— отвечает мой товарищ, держа наготове лук.

Теперь внимание. Враги на расстоянии двух десятков метров. Их луки натянуты, стрелы нацелены в нас. Три стрелы. Четвертый туземец сидит на веслах. Теперь они молчат. Ни одного лишнего движения. Луки у них отполированы. Легкие, изящные... По короткому возгласу трое одновременно спускают тетиву. Две стрелы застряли в дерюге, третья скользнула по моей шее. Чувствую, поползла струйка крови. Туземцы тянут руки за новыми стрелами. Тут уж нам больше нечего выжидать...

Передний туземец роняет оружие в реку и хватается за живот. Это моя стрела его достала. Стрела Ного с шумным ударом вонзается в борт лодки. Тот, что сидел на веслах, тоже хватается за лук. Всем им мешает прицеливаться раненый. Он шатается и раскачивает лодку. Я целюсь в того, который оставил весла. Моя стрела застряла у него в плече. Но и мы получаем: Ного —

в раненую руку, я в бедро. Я падаю и быстро выдергиваю стрелу из раны. Лежа прицеливаюсь. Лодка ударяется в плот. Слышится треск. Посылаю стрелу в жилистое коричневое тело. Кто-то из преследователей прыгает из лодки и падает на меня. Я стараюсь схватить его за шею, кожа врага смазана жиром. Выскальзывает из рук. Тогда я захватываю его голову локтевым сгибом — известный борцовский прием,— и мы катаемся по плоту. Темное, искаженное гримасой лицо, разрисованное синими полосами, приблизилось к моему лицу. Он выскальзывает из моих рук, вскакивает и пинает меня ногой в живот. Хватаю врага за ноги и опрокидываю навзничь. Теперь он меня хватает за шею, я напрягаю мышцы, бью его по рукам снизу вверх и тут же снова сцепляю свои пальцы на тонкой шее разъяренного туземца. Нащупываю пятками опору и рывком перебрасываю туземца через себя, но сразу получаю такой удар ногой в грудь, что темнеет в глазах. Мой враг снова схватил меня за горло — и тут бы мне и конец. Почти теряя сознание, слышу тяжелый, с хрустом удар. Туземец слетает с меня... Ного высится надо мною с покаянными глазами:

— Гррего, я не хотел!

— Не хотел, не хотел... Знаю, что не хотел.

У меня, кажется, все ребра переломаны. Ного слишком долго примерялся своей бревнообразной ногой и в конце концов угодил в меня, а мог ведь просто взять его за волосы, приподнять и дать щелчок по лбу. Нет, не умеет Ного драться ногами. Надо будет потренировать. Представляю себе, как он топтался на качающемся плоту вокруг противников, сцепившихся в смертельном поединке, боялся задеть меня — и получилось, чего боялся. Поэтому и приложился, можно сказать, слегка, иначе бы мне солнышка не видать.

На краю плота, свесив одну руку в воду, лежит разрисованный туземец. Левая сторона лба у него вдавлена — только кулак Ного способен на такое. Дубина моего приятеля раздробила позвоночник и второму туземцу, тому, который оседлал меня. А где же еще двое? Один, вижу, подплывает к берегу Четвертый, видно, упал в воду. Туземная лодка покачивается у нашего борта. Беглец уже выкарабкался на берег и скоро поднимет всех сородичей. Правда, лодок мы не видели, кроме нашего трофея, но туземцы могли прятать их под нависающими у берега ветвями. Если их стойбище расположено неподалеку, то они могут настичь нас еще до сумерек. На душе у меня препаскудно — бок побаливает, время потеряно, да еще эти трупы на плоту. Мне их жаль. Пошли по шерсть, а вернулись стриженными. Бедняги — потерпели полное разочарование. Сами виноваты. Мы не хотели схватки, старались проскочить незамеченными. Видно, не всякая зоркость к добру. А если бы они победили? Наверное, волокли бы сейчас через заросли к своим старикам, женщинам и деткам наши бездыханные тела. Телосложением наши враги не вышли. Тщедушные. А туда же, в герои полезли! Надо сказать Ного, пусть сбросит их в воду. Мне

не нравится его плотоядный взгляд. А рыбки не хочешь, дружище? Разрешаю отрезать у наших врагов уши и наживить их на крючок,— пусть знают, как связываться с нами.

Если дальнейшие события будут развиваться по худшему варианту, часа через три-четыре туземцы нас нагонят. Нагрянет целый рой пылающих местью лодок. А стрел у нас маловато. И никакой защиты. Мог ли я предвидеть это нападение? Нет, конечно. У меня до сих пор нет полного представления, что являет собой дикая планета. Вначале думал, что людей здесь нет, но появились плоскоголовые. Потом подумалось, что плоскоголовые — это всё,— предел ее возможностей. Теперь возникли глупые лодочники. Кто еще встанет на нашей дороге? Лодочники, как они ни глупы, сумели нанести нам урон: и я, и Ного получили довольно серьезные раны. Если бы знать, что встретятся дикари, вооруженные луками и копьями, можно было бы связать из лозняка щиты. Знать бы, где упадешь.

Можно сейчас пристать к берегу, спрятаться в чаще и продолжить путь берегом. Но это отнимет больше времени, да и неизвестно, какие сюрпризы ждут нас в джунглях.

А лодку туземцы недурно сработали. Длинная, вырублена из одного ствола. Снаружи остругана. Видны следы топора. А внутри выжжена. Неплохо. Плоскоголовые еще тысячу лет до такого не додумаются. Интересно, рядом уживаются племена, принадлежащие к различным уровням развития. На дне лодки лежат три весла, пучок стрел, два копья с крючковатыми наконечниками. Даже черпак из высушенной оболочки какого-то крупного плода. Словом, молодцы. Но все равно мерзавцы...

Ного тоже рассматривает лодку с любопытством. И тут меня осенило: туземцы сделали нам прекрасный подарок! На плоту удобнее плыть, есть где поваляться, даже походить, чтобы размять затекшие конечности. Но лодка — это скорость! Выигрыш во времени! Более высокая управляемость!

Ного встретил мою идею без воодушевления. Учитывая его габариты, мы будем чувствовать себя стесненно. Да, но с этим придется примириться. Зато какая маневренность! На плоту мы боимся пристать к берегу главным образом из-за того, что в случае опасности нельзя быстро удрать. А на лодке два удара веслом — и мы уже вон где! Какие еще недостатки? Лодка неустойчива, особенно эта, без киля. Мой приятель должен будет сидеть прямо, как проглотивший шпагу. При любом неловком движении можно перевернуться. Но он же дикарь! У него врожденное чувство равновесия! Несмотря на громоздкость, он хорошо управляет своим телом!.. А чтобы придать большую устойчивость, мы переделаем ее в катамаран. У нас есть превосходные противовесы — бамбуковые стволы. Это мы сделаем позже, а сейчас надо быстро переместиться с плота на лодку и уйти подальше от этого места.

Я разрубил крепления плота, выбрал два наиболее подходящих ствола и привязал их по бортам лодки. Прекрасно! Лодка сразу стала меньше раскачиваться. В лодку положил несколько длинных жердей, «дерюгу», стрелы и луки, топоры, дубины — все

свое имущество. Своего приятеля я усадил на нос, сам уселся на корму и взялся за весла. Река подхватила разрозненные стволы плота и потащила их вниз по течению. Вначале я греб не совсем уверенно, затем приспособился, и дело пошло на лад. Мы быстро обогнали плывущие по течению бамбуковые стволы. Надо признать: весла, изготовленные агрессивными туземцами, были лучше сделанных мною. Я не склонен умалять заслуги и достоинства даже самых лютых врагов.

Мы шли под веслами остаток дня и всю ночь. В сумерках из прибрежных зарослей выскользнули две лодки и устремились за нами. Близко не подходили и вскоре направились к берегу. В небе высыпало множество звезд. В прибрежных джунглях таилась темень, а на реке было достаточно светло. Я думал, что стволы, привязанные к лодке, будут замедлять ее скольжение, но ничего подобного — толкаемая вперед двумя парами весел, она все время сохраняла приличную скорость.

С каждым часом грести становилось все тяжелее. Хотелось бросить весла, откинуться на спину и уснуть. Я приказывал себе не останавливаться, потому что в каждом гребке пряталась маленькая доля нашего спасения. Набрав черпаком из реки, я пил теплую воду и остатки выливал на голову. Ного зачерпывал воду ладонью. Воду реки я сравнивал с чистой прохладной водой горных ручьев. Конечно, никакого сравнения.

Есть ли где-нибудь конец Большой Реке? Не течет ли она прямо к звездам? Тогда будем грести, пока не окажемся на Земле... Хорошо сказано. А спина моя онемела. Мышцы плечевого пояса сводит судорогой. В бедре ноет рана. Не пойму, где кончаются руки и начинаются весла...

Рассвет смахнул с неба огромной оранжевой метлой все звезды. Немножко осталось там, куда не дотянулась метла. Река в очередной раз отодвинула в стороны берега. С правой стороны холмы куда-то исчезли. Ландшафт приобрел новые черты. Хотя берега по-прежнему были оккупированы джунглями.

Стена джунглей по правому берегу оборвалась. Скорее всего, произошла встреча нашей Большой Реки с рекой поменьше. Так и оказалось. Воды реки-притока мощной струей врывались в лоно реки-матери и какое-то время катились параллельно, не смешиваясь. Эта напористая струя отодвинула лодку к противоположному берегу, и нам стоило немалых сил вернуть ее снова на середину реки.

Ного поворачивает ко мне лицо. В рассветных лучах оно кажется фиолетовой маской с глубоко провалившимися глазами:

— Ного умрет, если не будет спать.

Я ни разу еще не видел моего приятеля выдохшимся. Еле губами шевелит. Лишнее подтверждение того, что он тоже человек.

— Отдохни, Ного. Я буду один грести и сторожить.

— Потом Гррего будет спать, а Ного толкать лодку.

— Хорошо!

Он заваливается назад, на спину. Через минуту рассветную

тишину озвучил натужный храп. Сил у меня практически не осталось. Шевелю веслами механически и оправдываю себя — я ведь не железный! Пока Ного отдыхает, я буду смотреть за тем, чтобы лодка шла посреди реки. Нельзя же тратить больше, чем имеешь,— надорвешься и вообще будешь ни на что не годен. Меня охватывает сладостное оцепенение. Хорошо лежать, не двигаясь, и в то же время чувствуя, как тебя все дальше уносит река. Радует само ощущение движения, не требующее затрат твоих истощенных сил. Мы становимся маленькой частичкой Большой Реки и движемся, как и любая капелька в ее огромном зыбучем теле.

На востоке, из-за гребня далеких гор, цепляясь лучами за прозрачные полосы ранних облаков, карабкается на небо солнце. Темный лес горит ровным зеленым пламенем. Множество птиц, радуясь утру, кружится над рекой в прозрачно-голубом небе. Новое утро предвещает нам новый день. Ного лежит на дне лодки. Я вижу, что с ним происходит неладное. Его бьет безостановочная мелкая дрожь. В тот день, около полудня, нас нагнала туземная лодка. Она шла не вслед за нами, а левее, метров на тридцать. В лодке было человек пять. Разрисованные красными с синими полосами, они подняли луки. Собственно, луки подняли двое. Остальные делали угрожающие жесты и выкрикивали непонятные слова. Ного очнулся и потянулся за своей дубиной.

Может быть, потому, что мои нервы держались на пределе, я выстрелил первый. Стрела угодила в шею одного из лучников. Он захрипел и выронил лук в реку. Прежде чем они опомнились, я послал вторую стрелу, затем и третью. По-моему, ни одна не пролетела мимо цели. В их лодке поднялись крик и визг, они стали загребать влево, в сторону от нас. Так, наискосок, они ушли к берегу. Несколько их стрел на излете вошли в воду в пяти-шести метрах от нас.

После этого случая мы дня четыре, а, возможно, и пять, видели туземные лодки только вдали, у берегов. Река разлилась в этом месте на несколько миль, и ни одна лодка, кроме нашей, не шла по стрежню. Мы прошли широкий поворот к востоку, а через час-полтора берега вообще просматривались с трудом. Я пробую воду на вкус, предполагая, что на стыке с морем она приобретает соленый привкус. Я направляю лодку в сторону правого берега, чтобы не терять его из виду. Теперь солнце на востоке возникает из-за водного горизонта. Вода все еще пресная. Я до рези в глазах всматриваюсь в горизонт, боюсь пропустить тот угол, на котором берег реки превращается в берег моря.

Сколько дней прошло с тех пор, как мы перестали слышать шум падающей воды? Пытаюсь сосчитать — и не могу. Все время делится на две равные половинки: бесконечная ночь и бесконечный день. Рана на предплечье у Ного сильно воспалилась, приобрела мертвенно-сизый цвет. Я иногда обдаю ее водой, чтобы смыть гной. Ни о какой стерильности и мечтать нельзя. Раны перевязывать нечем. Если они заживают, так сами по себе.

Наша лодка продвигается медленно. Я берусь за весла, когда

надо держаться поближе к берегу. Большую часть времени плывем в русле течения. Два-три раза в день я закидываю удочку и вытаскиваю рыбу. Ного все время находится в полуобморочном состоянии, кушать не хочет. Очень боюсь, как бы у него не возникла гангрена или что-нибудь аналогичное на этой планете.

Плоскоголовые имеют очень высокий болевой порог. Рана чуть не до кости не вызывает особого беспокойства, если не задеты важные органы или большие кровеносные сосуды. Но если плоскоголовый стонет, тут уж можно не сомневаться — ему действительно плохо.

Ного стонет и скрипит зубами. Рядом с раной под кожей появился бугорок, твердый на ощупь. На второй день он вырос и стал как куриное яйцо. Когда его верхушка побелела, я решил сделать Ного операцию. Сначала он отказывался, но когда я сказал, что Ного может умереть, согласился.

Я залил углубление на дне лодки водой. Когда древесина хорошо увлажнилась, развел на ней небольшой огонь, выстрогал и обжег бамбуковую палочку, заострил ее. Хирургический инструмент в виде шила готов:

— Ного, будет больно. Терпи!

— Ного будет терпеть,— ответил дикарь прерывающимся голосом.

Господи, сколько гноя там набралось! Я попросил Ного, чтобы он держал руку над водой. После того, как я обдал рану водой, больному стало легче. Он даже повеселел и попросил кусок рыбы. Обрабатывая рану, я заметил, что и первая рана, полученная у водопада, покраснела. Наверное, будет нагнаиваться. Вся мышца между ранами вспухла, приобрела багровый оттенок. Что тут поделаешь? Ного сильно исхудал. Несколько дней он ничего не ел, даже маленького кусочка рыбы. Все время пил воду. Он все больше молчит, смотрит в небо, ничем не интересуется. Такое впечатление, что его внимание занимает не внешняя сторона нашей жизни— а в нашем положении важна именно эта сторона,— а нечто, происходящее внутри. И это мне очень не нравится. Я за него боюсь:

— Ного, давай выйдем на берег. Там есть травы, которые можно приложить к ране, и она заживет.

— Нет, я не знаю травы. Вру знал. Рана сама заживет. Ного сильный. На берег не надо идти. Там нас убьют.

Я долго ломал голову, как пристроить мачту на этой лодчонке. И нашел решение. Один бамбуковый шест я пропустил под днищем лодки поперек корпуса, так, чтобы и бамбуковые стволы прошли над шестом. Второй, такой же по длине, я положил поверх лодки и концы шестов связал веревками. Они как бы защемили лодку и стволы между двумя бамбуковыми, связанными между собой, шестами. Чтобы верхний шест не скользил по бортам, я сделал небольшие выемки. Нижний конец мачты привязал к шесту, установив ее вертикально. Пришлось сделать углубление в днище— оно, к счастью, оказалось достаточно толстым— и запустить в него нижний срез мачты.

Получилось прочно. Я знаю, что долго такая мачта не устоит, но нам и не надо надолго. Мы используем парус в случае невыгодного для нас течения, если будет относить в открытое море. Или ветер будет с берега, когда трудно будет идти против волны. Короче, если эта палка выдержит хотя бы полчаса, она свое назначение оправдает.

Прилаживая мачту, я старался почаще подключать к делу Ного, чтобы отвлечь его от печальных мыслей: то придержать шест, то подать топор. Я разговаривал с ним, рассказывал о моих друзьях. Пытался пробудить в нем интерес к будущему. Я ведь знаю, что он приготовился умереть. Он перестал бороться за жизнь. Я рассказывал ему о назначении паруса, когда вместо нас и весел нашу лодку будет толкать ветер. На какое-то мгновение в его глазах зажегся огонек любопытства — как это можно заставить ветер толкать лодку?

— Ного не возьмет весла,— мрачно заявил он,— у Ного плохая рука. Ного умрет!

— Да нет же, Ного не умрет. Ного выздоровеет. Как только мы придем к братьям Гррегора, они сразу сделают Ного здоровым!

— Не вылечат. Ты не можешь вылечить, и они не могут. Ночью я видел Мать Крокодилов. Она раскрыла пасть и ждет меня.

— Это глупости, я тебе говорю — Ного не умрет. Скоро мы придем в город, там живут мои братья.

Мы не найдем город. Мы вернемся к братьям Ного. Там Ного уйдет в заросли и умрет

Хоть кол на голове теши, такой упрямый этот туземец!

Мы пойдем назад, Гррего!

— А как мы переберемся через водопад? Нас принесла сюда Великая Река. Обратно не понесет.

— Ты поможешь, Гррего! Пойдем обратно!

С тоской по родине трудно спорить. Я не смогу убедить Ного, что если мы преодолеем водопад, то не сможем пройти тысячи километров с опасностями на каждом шагу. Допустим, что и это преодолеем. Вернемся к его сородичам. Те, что остались в живых после огненных зарослей, на ком огонь оставил страшные следы, как они отнесутся к своему соплеменнику, причине и виновнику их страданий? А разве Крири и Вру забудут все то, что произошло перед нашим побегом?

Безжалостное солнце выжгло холмы и заросли, превратило цветущую недавно землю в серую пустыню. Длительная засуха, голод уже погубили слабых. У племени едва ли хватит сил, чтобы дотащиться до Большой Реки вслед за тянущимися туда травоядными.

Мы целый год, не меньше, охотились вместе с Леле, который после выздоровления следовал за мной, как тень, и с быстроногим Бонги, добродушным и верным товарищем, с Ного... Я никогда не участвовал в пожирании ослабевших. Дикари верили в мою колдовскую силу — а я наложил табу на каннибализм благодаря этой силе.

Скитания научили Ного охотиться в одиночестве, Леле и Бонги во всем подражали ему. Плоскоголовые — примитивные охотники. Они загоняли жертву облавой. А что такое облава? Это крики, шум, камни... Правда, она полностью отвечает духу дикой природы. При такой охоте, как правило, погибают слабые животные. Она вписывается в систему естественного отбора, но требует дикой выносливости от охотников и не всегда завершается успешно.

Я научил Ного охотиться из засады. Для этого надо хорошо знать повадки и привычки животных, что, по-моему, плоскоголовым не было дано. Дети природы, а если точнее — дикой природы, они не обременяли себя наблюдениями и изучением того мира, в котором живут. Полагались на двух человек — вождя и шамана. Хорошо, если они были умными людьми, а если ничтожества, недоумки, вроде Крири и Вру? Эти деятели завели порядок, при котором вся добыча попадает в их лапы. Они распоряжаются ею, наделяя кого жирным куском, если человек угоден, а кого тощим ломтиком, если невзлюбят. Завистливые и жадные, они окружили себя еще большими ничтожествами, чем сами. Легко представить, как они вели себя.

Я исподволь начал обращать внимание на «социальную несправедливость». Мы стали первыми нарушителями общественного спокойствия в племени: перестали приносить в стойбище добычу, навлекая на свою голову проклятия шамана и вождя, а также всяких прихлебателей. В сезон засухи племя голодало. Если удавалось затравить какую-нибудь несчастную антилопу, то ее хватало только шаману и вождю. Зримое проявление дикой несправедливости — это отвисшие животы Крири и Вру на фоне истощенной толпы. Мы не стали терпеть это. Охотились самостоятельно. Опишу нашу охоту на обезьян. Загнав одну-две обезьяны на дерево, желательно — стоящее обособленно, я лез вслед за ними, в то время как Ного, Леле и Бонги с палками стояли вокруг дерева. Я заставлял бедных животных отступать на самые тонкие ветки, которые в конце концов подламывались, и обезьяна падала на землю. Прежде чем она приходила в себя после падения, ее добивали дубинками.

Мне нравились наши охоты небольшой группой. Я выделял Ного и двух подростков — Леле и Бонги — среди бестолковой толпы. Это были смышленые и по-своему порядочные дикари. Они буквально впитывали те не слишком обширные знания практической жизни, которые мне удавалось им раскрыть. Мне нравилось, что эти трое были индивидуалистами. В них просматривались росточки личностей. На эти качества я и рассчитывал, когда поставил задачу отучить их от стадного образа жизни. Я рассказывал им, насколько позволял язык, о жизни на Земле. Поскольку это с трудом умещалось в их головах, я говорил им, что даже здесь, в нескольких тысячах километров отсюда можно найти более подходящие условия для существования: там не бывает засухи, там очень много дичи. Они слушали недоверчиво, но что-то в их сознании оставалось.

До Большой Реки, на которую Вру давным-давно наложил

табу, было два-три дня пути. Ного, правда, говорил, что табу наложили предшественники Вру и было это давно-давно. Вру только подтвердил это табу. Я думал — зачем? И пришел к выводу, что условия, в которых обитало племя или племена плоскоголовых, в географическом плане были тяжелыми. Борьба за существование давалась нелегко. Дикари жили на критическом пределе выживаемости, что и отразилось на общем уровне их развития, весьма и весьма первобытном, нецивилизованном даже по меркам первых неандертальцев, если искать земные аналоги.

В таких условиях время от времени среди дикарей появлялись особи, назовем их так, которых не устраивал образ жизни, навязанный здешней географической средой. Они пытались вырваться отсюда сами, или группами,— это раскалывало первобытную общину, ослабляло ее. Среди шаманов появлялись такие, что понимали угрозу, исходящую от «раскольников». Они-то и придумали табу. Почему оно распространялось на Большую Реку? Потому, что с противоположной стороны край холмов и зарослей окружали горы и пустыня. В обетованные края вела Большая Река, и это был единственный путь.

После того, как гладкокожий, добыча Зумби, рассказал мне о больших каменных хижинах — городе и «Викинге», находящихся на морском побережье, я задумал во что бы то ни стало вырваться отсюда. Путь к морю, по словам гладкокожего, лежал вдоль Большой Реки. Несколько месяцев назад — пусть не удивляет вас земное «месяц»— я со своими туземными друзьями охотился в районе Большой Реки. Мне стоило немалой выдумки снять с Большой Реки — только для нас!— табу. Для них я был не меньший колдун, чем Вру, только Вру свой, а я — пришелец, совсем не похожий на них. Тайна, которой был окружен мой приход, одновременно и привлекала, и отпугивала туземцев. Меня это устраивало. Я не злоупотреблял «ореолом волшебства», но там, где это требовалось для общего блага, не очень стеснялся.

Тогда-то с помощью своих спутников я соорудил плот и укрыл его в тростниковых зарослях, привязав к двум колам. Туземцы не совсем понимали, что это и для чего. Я пригласил на площадку из бревен желающих покататься. Согласились Ного и Леле. Они дрожали на плоту, а Бонги, которого не удалось завлечь на «судно», дрожал на берегу. И все радовались, когда прогулка окончилась.

Нарисовав своим друзьям красочную картину жизни в далеком краю, я попытался убедить их двинуться на поиски счастья. Увы, моего красноречия не хватило, чтобы растопить айсберг их недоверчивости. Впрочем, не столько недоверчивости, сколько страха, который был фоном туземной жизни,— вечно они чего-то боялись. Я тоже порядочный трус. Но в то время, когда меня страшили конкретные вещи, туземцы боялись всего, что было непонятным. Ного колебался. Его увлекали мои «картины», но не хватало решимости. Я тогда решил не настаивать. Хотите — уплывем, не хотите — вернемся, мне все равно, я ведь для вас стараюсь. Не хотите сегодня, завтра согласитесь. Главное —

запустить вам под плоскую черепушку ежа, теперь сами думайте...

Вот они и думали. Если раньше поступки вождя и шамана воспринимались как не подлежащие даже мысленному осуждению со стороны члена племени, то теперь сразу следовала критическая оценка. Знаете, это если и не революция в сознании первобытного человека, то первый шаг к осознанному недовольству. Хочу сказать, что активным помощником в «революционизировании» сознания дикарей у меня был сам Вру. Она вел себя нагло и подло. Всегда. Постоянно.

Однажды мы загнали на дерево, а затем и убили трех обезьянок. Я только собирался спуститься на землю, как вдруг из зарослей вынырнул шаман. Увидев нашу добычу, он подскочил к ней и объявил добычей племени. Мои друзья оторопели. Шаман, не теряя времени, схватил одну обезьянку, потом другую и потянулся за третьей. Бонги, видя такой наглый грабеж, ринулся спасать добычу. Его голова столкнулась с головой шамана. Толчок был, очевидно, сильный, потому что шаман упал и завизжал не своим голосо́м:

— Смерть вам! Смерть! Вы напали на шамана! Вы нарушили табу! Крири убьет вас! Крири! Сюда! Ко мне!..

Мои друзья остолбенели. Угрозы шамана — не пустые угрозы. Да еще в условиях, когда племя голодает. Шаману не составит труда доказать, что мы нарушили табу, напав на него, что пытались присвоить то, что принадлежит всем... Все будут на стороне шамана. Голодные и злые, они по первому знаку Крири набросятся на нас с дубинками, желая поскорее разделаться с нами и устроить кровавый пир.

С высоты дерева я увидел, что дикари, которые находились в нескольких сотнях метров, услышали крики шамана и, размахивая палками, бросились к нам во главе с вождем.

Дело худо, подумал я и соскочил с дерева.

— Надо бежать! Они убьют нас! Они идут сюда!—выпалил я единым духом и кинулся в заросли. Ного — за мной. Леле и Бонги стояли в нерешительности. До тех пор, пока из-за кустов не выскочил их разъяренный соплеменник с дубинкой.

— Смерть им!— визжал шаман.— Убей их, они нарушили табу! Хотели убить меня!

Над зарослями зазвучали голоса дикарей, которые бежали к дереву. До Леле и Бонги наконец-то дошло, что если не бросятся в бегство, они обречены...

Солнце уже садилось. На востоке сгущалась мгла. Я направлялся в сторону Большой Реки, потому что в другой стороне спасения не было. Какое-то время мы слышали за спиной голоса преследователей. Потом они отстали. Леле и Бонги тоже остановились. У дикарей не принято было бежать на ночь глядя. Они уселись под колючим кустом, намереваясь просидеть здесь до утра. Пришлось и нам оставаться с ними. У этих дикарей странная логика: смертельно боятся соплеменников, но и остаться без них не могут.

Утром, когда мы пустились в путь, родичи обнаружили нас,

и преследование продолжилось. Раньше я говорил о том, что Бонги во время бегства подвернул ногу, и о его дальнейшей судьбе мне ничего не известно. Леле попал в смертельные объятия удава...

Как мне убедить Ного, что все пути к соплеменникам у него отрезаны во всех смыслах! Он днем и ночью бредит своей далекой родиной. Для него очень важно — умереть на родине, а не бог весть где. Непонятна эта тяга к могилам предков...

— Ного, нас твои сородичи убьют. Так сказал Вру, ты же помнишь!

Мой спутник слушает отчужденно. Отчужденно смотрит на волны:

— Очень много воды! Ного не любит, когда много воды. Ного не любит рыбу. Ного — охотник, любит мясо кабана... Мы вернемся в заросли. Вру — старый, скоро умрет... Крири без Вру не будет вождем.

Я с самого начала пребывания среди дикарей обратил внимание на то, что действительная власть в племени принадлежит шаману. Без Вру вождь не сможет командовать всеми. Впрочем, как сказать. Среди дикарей многое решает сила. Криги — сильный дикарь. Не такой, как Ного, но сильнее, чем другие мужчины племени. Беда Ного в том, что его с самого начала невзлюбил шаман, иначе он давно разделал бы Крири и стал вождем. Племя от этого только выиграло бы.

— Вру не умер,— говорю я, раздосадованный упрямством Ного,— я видел его во сне. Он со своими людьми ищет нас в зарослях. Он хочет убить Ного. И Крири хочет убить Ного, потому что Ного великий и сильный охотник, а Крири плохой человек.

Ного, не открывая глаз, улыбается. Больной, а приятные слова о себе слушает с удовольствием.

— Ного не любит большую воду. Хочу ходить по земле. И есть мясо кабана...

Ного прав. Ему, проведшему многие годы среди зарослей и научившемуся плавать всего лишь несколько месяцев тому назад, вода оставалась чуждой средой. Он не мог и вообразить, что на свете может быть столько воды. Он с тоскливым беспокойством вглядывался в берега, понимая, что сейчас мы не можем к ним пристать.

— Нам уже недолго осталось жить на воде. Большая Река кончается, мы скоро сойдем на берег, где стоят большие дома. Много-много домов — это называется город. Знаешь, что такое большой дом? Это хижина, построенная из камня. В ней может спать все племя плоскоголовых. Мои братья вылечат твою рану. Мы будем кушать жареное мясо и не будем кушать рыбу...

— Где же этот город? Вчера мы видели землю, а сегодня не видим. Вчера было много воды, а сегодня больше. Мы умрем в воде...

Мне и самому осточертело это водное путешествие. В отличие от Ного, я понимаю, что любой путь надо пройти до конца. Иначе как добраться до цели? Ного впал в дремотное состояние. Пальцы

здоровой руки вцепились в борт лодки. Я еще и еще проверяю крепление мачты. Привязываю еще одним куском веревки. Солнце зашло у нас за спиной. Мачтовый шест, словно указательный палец, показывает на первую звезду, рожденную сумерками. Может, это наше Солнце? Почему эта звезда не может быть Солнцем? Я почти верю, что она — Солнце, а светило ушедшее на покой, это светило чуждого мира. Я всем сердцем рвусь к своему солнцу, хочу кожей ощутить его утренние лучи. Ну и что, если они похожи — здешнее светило и мое Солнце, здешняя планета и моя Земля! Ну и что, если обе они пылинки, две пылинки во Вселенной! Я родился на Земле, и когда придет время умирать, хочу умереть на Земле. Только найти бы моих товарищей!..

Так что я понимаю тоску Ного по своим зарослям. Сейчас важно как можно быстрее найти «Викинг» — и тогда Ного спасен. Здоровый, он сам распорядится своей судьбой. Никто не помешает ему вернуться к своему племени, если он решит вернуться.

У меня пропал сон. Мои раны затянулись. И в общем я чувствую себя неплохо. Объясняю это тем, что несколько дней не берусь за весла, отдыхаю, делаю всякую мелкую работу, не надрываюсь. Рыбы — ешь не хочу. Дров осталось всего ничего; огонь развожу для того, чтобы слегка подкоптить сырое мясо.

Разворачиваю парус. Его края полощутся за бортами. Тонкие бамбуковые прутья высохли. Не знаю, как этот «забор» сможет надуваться ветром... Тогда единственная надежда на весла.

Восстанавливаю в памяти рисунки на песке, сделанные гладкокожим. Сразу же за устьем по правому берегу небольшой залив. По берегам залива — дома. Напротив домов — «Викинг». Берусь за весла и направляю лодку к правому берегу. Ветер помогает, задувая слева. Он совсем слабый. Его приятно ощущать разгоряченным за день телом. Надо приблизиться к берегу и не упускать его из виду. Смущает рисунок «Викинга». А если гладкокожий рисовал обыкновенную рыбу? Эта мысль бросает меня в оторопь. Может, никакого корабля здесь нет, а находится селение рыбаков, промышляющих на море крупную рыбу... Тогда, дорогой Грегор Ман, все. Это все...

Очевидно, где-то посреди ночи я уснул. Сейчас открыл глаза — и вижу зарю. Справа, все еще в отдалении, но уже на виду, проплывает берег. Даже в предутренних сумерках видно, что он весь покрыт джунглями. Теперь я буду смотреть в оба, искать признаки разумной жизни. Я уверен, что мы плывем по широкому лиману — вода тихая и прогретая. Скорость, надо признать, никуда не годится. Вот здесь и проверим наш парус, посмотрим, какой он помощник!

Сначала я привязываю нижнюю поперечину. Затем пропускаю конец веревки через петлю у верхнего конца мачты и привязываю его к верхней поперечине паруса. Так... Свободный конец веревки закрепляю на шесте у основания мачты. Теперь начинаем тянуть. Наша «дерюга», или как еще я назвал ее — «забор», медленно вытягивается вдоль мачты... Попутно отмечаю,

что такую операцию, как подъем и спуск паруса, можно проделать лишь один раз. Верхняя петля не выдержит. На ее месте надо бы пристроить металлическое кольцо, но металлурги и металлопрокатчики на этой планете еще не родились, и сомневаюсь, что родятся в последующие две тысячи лет. Веревка, которой поднимаю парус, перетирает веревку петли. Материал-то у меня слабоватый. Хорошо, что у подъемной веревки остается хвост. Я отрезаю его и еще одним узлом привязываю парус к верхнему концу мачты. Пока я это делаю, ветер начинает мне мешать, разворачивает мою дерюжину. Сажусь рядом с мачтой и выправляю парус, держу его так, чтобы ветру некуда было деваться.

Что ж, поздравляю, Грегор! На дерюжине обозначилось пузо, скорость заметно прибавилась...

Ного не просыпается. Придерживая парус, всматриваюсь в его лицо. Он бредит. Губы пересохли, потрескались. При помощи весла закрепляю парус в нужном положении, зачерпываю воды и подношу к губам Ного. Вода проливается ему на шею, на грудь. Он открывает глаза. Совершенно бессмысленные, они обретают выражение интереса, когда останавливаются на парусе.

— Видишь, Ного, парус подгоняет нашу лодку. Ветер подгоняет лодку через парус.

Ного переводит взгляд на воду за бортом и убеждается, что лодка движется быстрее течения. Но как осветилось его лицо, когда он увидел берег! Если бы не слабость, он, безусловно, вскочил бы на ноги, начал плясать и перевернул бы лодку.

— Деревня...— прошептал он. Я нащупал его пульс. Учащенный, притом сильно.

— Кушать будем, Ного?

— Маленький кусочек...

Я забрасываю удочку и вскоре вытаскиваю рыбину. Делаю работу, которой несколько последних месяцев с удовольствием занимался Ного. Я перехватываю взгляд туземца и утешаю его тем, что мои братья скоро вылечат ему рану, и тогда Ного снова будет ловить рыбу. Я верно говорю, Ного?

— Нет, Ного пойдет на охоту и убьет маленького кабана...

— Чудесно! Мы каждый день будем ходить на охоту и кушать маленьких кабанов! Пока не надоест. Тогда снова перейдем на рыбу.

Ного с трудом отодвигается, когда я развожу костер из расщепленных стебельков бамбука и поджариваю рыбу. Береговые заросли стоят сплошной стеной. Над нами и над джунглями пролетают только птицы. Больше ничего бегающего, прыгающего или ползающего не видно. Дымки тоже не появляются. Непонятно... Они-то должны быть! Может, места здесь слишком болотистые? Не исключено, если судить по берегу. Места здесь пойменные. Места, типичные для устьев больших рек. Не верится, что наша цель близка.

На лодке появился новый звук. Ветер, надувая парус, поет шепотом свою нескончаемую песенку. Теперь течение Большой Реки не распоряжается нами так безоговорочно, как это было раньше. Теперь достаточно изменить угол паруса, как наше

движение ускоряется или замедляется. Ного на виду берега стал спокойнее. Иногда берет черпак и пьет воду. Вода мутная, теплая и дай бог, чтобы не было в ней чего-нибудь несовместимого с желудком.

После серо-зеленого цвета зарослей на родине Ного глаза отдыхают на прибрежной буйной растительности Большой Реки. Я нарочно держу лодку поближе к берегу, чтобы Ного мог рассматривать детали джунглей, слежу только, чтобы не напороться на корягу какую-нибудь. По всему видно, что Ного чувствует себя еще хуже, чем вчера. Молчу, чтобы не утомлять его разговором. Молю бога, чтобы поскорее выйти на «Викинг». Не выйдем — будем обречены оба. Сколько он еще может продержаться? На его месте я давно уже сложил бы руки на груди. Он держится благодаря резервам, заложенным в его могучий организм природой. Если вдуматься в ситуацию, он должен меня ненавидеть. Я втянул его в эту авантюру. Мне ничего не оставалось, кроме побега, но ему-то зачем было идти со мною? Примирился бы со своим положением в племени, оно у него было не такое уж отчаянное. Он смог обрести относительную свободу. Жил бы, охотился на обезьян и кабанов... Единственная ошибка, допущенная им однажды, несомненно стоила бы ему жизни. Имею в виду асфальтовую ловушку, из которой вырвался благодаря мне...

Но не думаю, что в его решении уйти со мной решающую роль сыграло чувство вечной благодарности. Его увлекали и любопытство, и своеобразная охота к перемене мест, и доля авантюризма, которая обозначала в нем качественно иное человеческое начало...

К вечеру у Ного состояние ухудшается. Как и вчера, он отказывается от ужина, говорит невразумительно, стонет. Я очень хотел бы сделать для Ного что-нибудь, что облегчило бы его состояние. Но что можно сделать, если излечение Ного зависит от хирурга и хороших антибиотиков! Чувство бессилия — отвратительное.

Ного вдруг заговорил:

— Глаз солнца видел, что Ного умирает. Мать Крокодилов щелкает зубами... Гррего, не потеряй камни — храни огонь... Мать Крокодилов не любит огня и не любит камни, которые хранят огонь. Мы разведем большой огонь...

Ного умолкает, его голова безвольно повернулась набок. Я подхожу к нему и хватаю руку, ищу пульс. Слава богу, жив!

Прибрежные заросли все так же тихо проплывают назад мимо нашей лодки, когда ветер к вечеру утихает. Мне не хочется грести. Течение совсем слабенькое, надо бы отойти подальше от берега. Это надо сделать в любом случае. Если ночью не совладаю с Морфеем, лодка воткнется в заросли. А нам не известно, кто в них обитает. Могут же быть местные анаконды!

Я давно уже обратил внимание на то, что мое самочувствие имеет циклический характер. Вчера весь день и почти всю ночь у меня был подъем, было чувство уверенности и надежды. Мышцы, казалось, готовы к любой нагрузке...

Минут десять-пятнадцать я отгребаю в сторону от берега. На душу наваливается непонятная тяжесть, томит беспокойство. Дома, на Земле, оно вынудило бы меня обратиться к успокоительным таблеткам. В который уже раз внушаю себе, что все это в пределах нормы. Психонагрузки высоки, как и в любых иных экстремальных условиях. Мучает неопределенность. Пытаюсь спрогнозировать развитие событий в случае горького разочарования, если не выйду на «Викинг». Мне ясно, что не стану прекращать поиски. В них — смысл моей жизни на этой планете. Если окажется, что мои друзья отремонтировались и улетели, что крайне маловероятно, то утешусь тем, что они вырвались отсюда.

Пришла звездная, безветренная ночь. Голова заполнена монотонным звоном, веки слипаются; вдали, над темными джунглями слышны звонкие крики ночных птиц. Ного иногда слабо вскрикивает. Боюсь — встану утром, а он мертв. Я свыкся с ним за четыре года, и особенно — несколько последних месяцев, исключительно опасных и напряженных. Что мне делать, если останусь один?

Продеваю руку за нижнюю поперечину паруса. Если усну, а тут налетит ветер, то парус дернет меня за руку и разбудит. Как в избавление от тяжких грехов, хочется верить, что завтрашний день принесет что-то хорошее. Перед глазами у меня звезды. В небе Земли я запросто мог разыскать любое звездное скопление, узнавал созвездия, отдельные звезды. А здесь небесная сфера вроде бы та же и вместе с тем — совершенно другая. Конечно, на много градусов изменился угол зрения. Если допустить, что вид небесной сферы с Земли — это анфас, то сейчас я вижу ее в профиль...

Минуты бегут за минутами. Подумал — бегут, но разве это бег? Сплелись воедино время, движение и мои мысли— все это вялотекущее желе и составляет мою суть. Как вторжение иного мира воспринимается случайный плеск волны у борта. Чем-то неудобен этот звук. От него я вздрагиваю. Набираю в горсть воды и бросаю себе в лицо. Надо или спать, или бодрствовать. Промежуточное состояние странным образом действует на нервы. Раздражает даже слабое шевеление паруса, отмечаемое рукой. Воздух ночи хоть и кажется неподвижным, но иногда и он вздрагивает, как некое огромное полупрозрачное существо.

Сколько же длится эта ночь? В ней совершенно растворилось мое самосознание. Ночь — это я. Я — это ночь. Мы перетекли друг в друга и порознь уже не существуем. Далеко впереди по правому борту возник огонек. А, может, и не огонек, а звезда над самым горизонтом. А, может, и не звезда, а маленькая кровоточащая ранка на груди ночи. И звезды заметно побледнели, словно хотели переключить мое внимание на эту, новую звездочку. Да нет, не звезда это, а отблеск ночного костра. Вокруг него покачиваются неясные тени— это могут быть люди. Или кусты. Или призраки тех и других. Звездочка исчезает так же неожиданно, как и возникла. Ее поглощает вселенская тьма, и она возвращает звездам их бессмертную яркость. Сколько может

длиться ночь, если исходить из непреложного факта: деление времени на какие-то отрезки — понятие весьма условное, рожденное извращенным человеческим мышлением. Зато мне утешительно думать, что ночь длится десять-двенадцать часов. Или один час, только растянутый в десять-двенадцать раз. Прошлое — это краешек вечности. Собственно вечность — это настоящее. Будущее — тоже краешек, только с другого конца.

Ночь лежит, как огромное животное. В ее недрах река катит свои воды; ее дыхание — слабое движение воздуха. Оно напоминает медузу космических размеров. Я для нее лишь микроскопическая частичка вещества, плывущая вместе с водой во взвешенном состоянии. Медуза всосала меня в свое прозрачное нутро, и теперь я растворяюсь в нем тихо и безболезненно.

Фантастика! Проснувшись, я не осознаю себя! А если я — это я, возникает вопрос: что со мной? Между мною, материально-телесным, и моим самосознанием стоит разделяющее нас твердое, прозрачное стекло, мешающее слиться двум моим сущностям. Это длится миг, но, возможно, и вечность. Самосознание отмечает ненормальность такого состояния. Стеклянная плоскость растворяется в расплавленной магме воли — и обе сущности органично перемешиваются. Справа возникает берег, и я понимаю предельно отчетливо — берег! Небольшие волны толкают лодку со всех сторон, словно рождаются внизу, в придонном слое, и стараются выплеснуть нас вверх. Парус в бездействии, потому что его движение — это ветер. Ветра нет. Откуда же волны?

Парус медленно оживает. Ветра по-прежнему нет. Может, на парус направлена вселенская энергия звезд? Для меня это не имеет никакого значения. Важно, чтобы берег оставался справа...

Меня разбудило солнце. Оно вонзило в меня множество тоненьких иголок. Не сразу соображаю, что иголки — это комары, облепившие меня. Перед глазами колышутся ярко-зеленые ветви. Лодка уткнулась в берег, укачиваемая тихой зыбью. На нижней ветке сидят две черные птицы. В их оперении радужно сияет отблеск солнечного света. Там, где массивный клюв соединяется с головой, пузырятся ярко-красные наросты. Птицы напоминают ворон. Их глаза прикованы к вздувшейся ране моего товарища. У одной из них нервно вздрагивает крыло, и она перепрыгнула на ветку пониже. Птицы разглядывают нас то одним, то другим глазом, выворачивая головы набок. Перевожу взгляд на Ного. Вороны, наверное, гадают: уже или еще нет? Нет, черт бы вас побрал, нет! Я тычу в их сторону веслом. Они не взлетают, а перескакивают на более высокие ветки. Издают какие-то булькающие возгласы недовольства. Я нащупываю пульс на горячем запястье Ного, брызгаю водой в его лицо:

— Пить...

Приподнимаю голову Ного и лью воду на его губы. Его глаза открываются. Я вижу в них удивление:

— Горькая...

Я подношу черпак к своим губам — у воды соленый вкус. Пробую еще. Вода соленая. Море!

— Ного, Большая Река закончилась! Мы пришли к морю, к Большой Горькой Воде!— я перевожу взгляд на широкое водное пространство. Ного тоже приподнимается:

— Где твои братья?

— Мы их скоро найдем, Ного! Потерпи еще немного, и мы их разыщем...

Отталкиваясь веслом от берега, отвожу лодку на открытое пространство. Подстраиваю парус под прохладное дыхание ветра. Лодка разворачивается и устремляется вперед, словно и ей передалось мое нетерпение. У нас появилась целеустремленность. Я очень долго ждал этого часа, представлял его величественным, счастливым. На деле он оказался нетерпением и тревогой. Быстрее, быстрее! Меня не устраивает скорость, с которой парус увлекает лодку. Я хватаю весла и начинаю грести. Лодка скользит вдоль берега, прыгая по волнам. Волны зеленоватые, морские, прозрачные. Берег все такой же: низкий, пологий. Зеленая стена кустов и деревьев несколько отодвинулась от воды, поднялась по береговому откосу, освободив место для чистого желтого песка.

Навстречу радости я вынужден плыть спиной вперед. Поэтому через каждые три-пять минут поворачиваю голову и смотрю, что там впереди, скоро ли появится долгожданный силуэт? Так прошел час, другой, третий... Солнце поднялось высоко в небо. Я гребу, двигаю веслами в отчаянных рывках и не спускаю глаз с берега. Ного лежит без сознания. Я не позволяю себе остановиться ни на минутку, все кажется, что за следующим скалистым выступом откроется панорама залива с нашим кораблем. Только бы не проскочить! На рисунке гладкокожего был начерчен залив с узкой горловиной, или залив, отгороженный островом от открытого моря.

Я плохо помню, как прошел этот день. К исходу дня и мои силы оказались на исходе. Я так торопился, что утром не приготовил своего обычного завтрака — слегка поджаренную рыбу. Обед вообще провалился в какое-то беспамятство. В тот день мой мозг сверлила одна-единственная мысль — быстрее к «Викингу»! В голове ничего, кроме вспыхивающего лихорадочным огнем слова «Викинг»...

Невероятно, солнце садится за горизонт, а я все двигаю веслами. Значит, силы откуда-то берутся! Не буду останавливаться, буду грести до последнего издыхания, но не выпущу из рук весел, пока не доберусь до «Викинга». Я уже не человек, а гребная машина, которая ритмично, размеренно поднимает и опускает весла...

Весла вываливаются из рук. Одно весло я уже потерял. Выронил и не стал вылавливать его. Разворачивать лодку? Маневрировать не было сил. Броситься за ним вплавь — потом не догонишь лодку, и она уйдет в открытое море. А сил уже не осталось. Кладу весло в ложбинку между корпусом лодки и стволами бамбука. Отдохну. Займусь парусом. Ветер посвежел — парус напрягся. Пусть работает, а я отдохну. Почему

я опять оказался во власти отчаяния? Нельзя же считать, что если ничего не произошло, то это к лучшему или к худшему. По рассказам гладкокожего не следовало, что залив с «Викингом» находится рядом с устьем Большой Реки. Возможно, он откроется через час, а возможно— и через несколько дней. Не следует пороть горячку. Только бы Ного держался.

Обнаружилось еще одно доказательство моей неприспособленности к дикому миру. Пока мы плыли по реке, мы не задумывались о том, где напиться воды. Наклонился и попил. Теперь меня мучает жажда, а я не могу напиться вдоволь. Полощу рот и выплевываю. А все потому, что не догадался вырубить из бамбука пару сосудов и наполнить их водой...

Черпаю воду и поливаю рану Ного. Раньше надо было начинать, как только вышли в море. Тоже не догадался. Поливаю ему грудь, голову. У Ного частое горячее дыхание. Держись, друг! Судьба должна быть справедливой к нам. Мы не просим вознаграждения за наши страдания, мы просим прекратить их.

Завтра придется поискать воду на берегу, иначе Ного не выдержит. Хотя бы ручеек объявился маленький! В ночных сумерках белеет кипень прибоя. Волны с шумом разбиваются о скалы, и я воспринимаю этот шум, как предостережение. Теперь-то уж точно мне нельзя уснуть. На реке уснул — лодка уткнулась в береговые заросли, а ты можешь и дальше дрыхнуть. Здесь, если уснешь, окажешься среди волн, расшибающих свое бессилие о скалы. Они только рады будут раздробить о них и наши тела.

Скалы стали более высокими. Их изломанные, зубчатые верхушки четко прорисовываются на фоне ночного неба. Ночью я испытал любопытное состояние. Оно интересно тем, что со мною это произошло впервые. Боясь расшибиться о скалы, я старался держать лодку в нескольких десятках метров от берега. Лодка бежала вдоль скал, за бортом шуршала вода, от скал долетал шум прибоя... Не знаю, сколько прошло времени, но я впал в забытье. Это было нечто среднее между сном и бодрствованием. То есть в моем сознании спали все участки, за исключением тех, которые следили за движением лодки и ее управлением. Я спал с открытыми глазами.

Рука крепко держала угол паруса, бессознательно поправляя его по отношению к ветру. В литературе я читал описание подобных случаев. Солдат, например, спал в строю во время ночного марша. Шагал, как и все, выдерживал дистанцию. Этот солдат шел внутри колонны. А другой уснувший шагал в крайней шеренге. Он потихоньку стал забирать влево и, к изумлению остальных солдат, свалился в кювет.

Когда я очнулся, лодка шла все тем же курсом, рука оцепенела на парусе, а я понял, что уснул. Ного так и не пришел в сознание.

Как долго не приходило утро! Прошли века, пока начался рассвет. Я переживал: не проскочил ли вход в залив? Тьма явственно поредела, ушла в расселины и пещеры, и только над морем она таяла незаметно. Рассветало быстро. Вот уже солнце

выглянуло за край морского горизонта, полмира наполнилось блеском его лучей, а скалы в полосе прибоя заискрились. Все краски природы заиграли первозданно. Выделялся синий цвет морского горизонта на западной стороне. Жаль, Ного не видит этой картины. Сухопутный дикарь, обитающий вдали от моря, он никогда не видел этого обилия красок, их свежести. Мне кажется, что я где-то уже видел и скалы, и море, и восход солнца над морем... Когда-то в моих ушах уже звучала величественная музыка волн среди береговых скал.

— Одиссей! Одиссей возвращается домой!— закричал я скалам. Они хмуро всматривались в океанскую даль, не обращая на нас внимания. А ведь могли бы и удивиться — впервые слышат голос землянина. Что им землянин, если они вслушиваются в голос вечности!

— Ты возвращаешься домой, Одиссей! В свою Итаку!— орал я, как сумасшедший. Может, это и глупо, но я орал. Внутренним чутьем я знал, что мытарствам приходит конец. Одиссей, который жил за много тысяч лет до меня, наверно, испытывал такие же чувства. И море, и скалы, и пена прибоя — разве он видел их иначе? И намучился, наверно, не меньше моего. Не помню уже, куда именно он должен был вернуться — в Итаку или другой древний город,— кто может всю жизнь помнить школьные задания!— но он возвращался после долгих скитаний, и его ждала верная жена, и ее одолевали женихи, а меня никто не ждет. Могла бы ждать Лена... Но если бы Лена не погибла, то я не улетел бы в это сомнительное путешествие сроком в три десятка лет. Какая жена согласилась бы проводить молодого человека, а встретить старика!

Несильный ветер задувает с моря, на волнах появляются белые гребешки. Мне все труднее удерживать парус под нужным углом,—и руки болят, и спину разламывает невыносимо. Поглядываю на небо. Оно, к счастью, чистое. Наш «катамаран» не создан для морских бурь. Буря, даже не буря, а волнение в пять баллов, будет для нас роковым. Я-то смогу выбраться, а Ного?

Пока перед глазами проходят крутые скалистые берега, я думаю, сколько страданий, физических и психических, может вынести обыкновенный среднестатистический человек? Меня беспокоит мой личный порог выносливости. Я испытал гибернацию, когда жизнь в моем теле тлела слабеньким угольком. Уже четыре года подряд меня преследуют тяготы скитаний по дикому миру с его повседневными опасностями, голодом, жаждой. Я висел на волоске от смерти на Большой Реке, угостившей меня двенадцатиметровым водопадом. Осталось перенести шторм на море, которого, надеюсь, судьба не допустит. К таким испытаниям, попросту говоря, мы не готовы.

Пролив открылся перед нами неожиданно. В белой полосе прибоя появился разрыв. Сначала я подумал, что берег делает здесь крутой поворот или в море выдвинулся скалистый мыс. Поравнявшись с носом выпирающей в море скалы, я обнаружил, что за нею открылись широкие, метров на пятьдесят, ворота, за

которыми, на расстоянии двухсот-трехсот метров угадывалось широкое водное пространство залива. Вдали просматривался небольшой участок берега с отдельными высокими деревьями. Неужели?!— ударила в голову волна радостной надежды. Я резко развернул парус и чуть не перевернул лодку. Пока я пребывал в счастливой растерянности, она могла проскочить поворот. С обеих сторон над нами нависали гранитные скалы, метров через тридцать пролив расширился, волны притихли. Ветер остался за воротами. Господи, думаю, здесь или не здесь?! Работаю веслами. Еще какая-то сотня метров — и все выяснится. Не знаю, переживу ли я разочарование...

Дальний, внутренний берег залива открывался глазам по мере того, как мы подплывали к концу горловины. Может, показалось, а может, и в самом деле вдали, среди деревьев, я вижу какое-то сооружение? Лихорадочно работаю веслами. Еще немного, господи, и все встанет на свои места. Не буду оглядываться до тех пор, пока не поравняюсь с концом пролива...

Бросаю весла и поворачиваюсь. У дальнего берега на тихом зеркале воды вызвышается знакомый конический силуэт. Сердце вдруг захлебывается в толчках, я начинаю рыдать, не стесняясь никого и ничего. Так проходит, может, пять минут. Возможно, десять. Я сижу в лодке, вытираю ладонями слезы и смотрю. Слезы заливают глаза, грудь сотрясается в рыданиях, и я не могу сдвинуться с места.

Потом в груди что-то расслабляется, и я, продолжая лить слез. направляю лодку к «Викингу». Металлический корпус сверкает точно так же, как в тот день, когда мы в последний раз видели его с Амаром...

Окончательно прихожу в себя, когда вижу, как рядом с лодкой в воду с характерным шумом вонзается стрела. Справа из-за скалы выглядывают двое. Это похоже на иллюстрацию к историческому роману. На головах шлемы, грудь и плечи в латах. Один из дозорных встал на верхушке скалы, и я обратил внимание на сапоги, а также на щит.

Я приветливо машу рукой, хочу, чтобы они поняли: я свой, не надо в меня стрелять. Одновременно усиленно работаю веслами, чтобы отойти от берега подальше, за пределы досягаемости их стрел. Не хватает, чтобы подстрелили у самого порога дома, которым для меня является «Викинг». Несколько стрел падают в воду с недолетом. Я опять нажимаю на весла — быстрее к «Викингу»!

Один из дозорных трубит в сигнальный рожок. Трубный звук стелится над водой залива. И тогда я обращаю внимание на то, что противоположный берег заселен. Между невысокими строениями ходят люди. У низких причалов стоят лодки. Идиоты, зачем они трубят? Была бы армада лодок, тогда понятно. А так... одна-единственная, жалкая посудинка с двумя еле живыми гребцами.

До «Викинга» метров двести. Часовые все еще трубят. И мне больше незачем экономить силы — рву веслами воду залива. Отставив весло, срываю парус, он только мешает, и снова погружаю весла в воду. Обращаю внимание на то, что «Викинг»

заякорен довольно далеко от берега, примерно на середине залива. Мое сердце готово вырваться из груди и мчаться к «Викингу»— оно не в состоянии вынести медленную скорость лодки.

Там, на берегу, засуетились. Человеческие фигурки бегут к лодкам. На небольшом расстоянии от берега стоят ряды одноэтажных домиков, окрашенных в белый и желтый цвет. Очевидно, услыша сигнал тревоги, туземцы бегут к берегу, к причалам. Я быстро сокращаю расстояние между мною и «Викингом». Нос лодки ударяется в бревно. Э-э, «Викинг», оказывается, огражден! Связанные между собой бревна окружают корабль. Туземцы на нескольких лодках, дружно взмахивая длинными веслами, направляются ко мне. Веслом утапливаю бревно перед носом лодки и прихожу за ограждение. Вот, наконец, перила командирского мостика. Хватаюсь обеими руками. Прикосновение к металлу родного корабля сжимает мне горло спазмом. Господи, а вдруг это сон! С мостика свисает к воде веревочная лестница. торопливо ступаю по ее перекладинам. Лодки туземцев приблизились к ограждению и остановились. Мой взгляд падает на Ного, и я тоже останавливаюсь, чтобы защитить его, если туземцам вздумается напасть на моего спутника. Но лодки туземцев дальше ограждения не проходят. Они подняли дикий вопёж и размахивают копьями. Понимаю, что на «Викинг» наложено табу. Вот и хорошо. Но почему никто не показывается в двери? Что это значит?

Спускаюсь обратно и привязываю лодку к лестнице. В это время слышу полузабытый стук открывающегося люка. Туземцы умолкают. Я поднимаю голову и вижу на мостике Андрея!

Он смотрит на меня страшно удивленными глазами, видно, считает меня призраком:

— Андрей, не узнаешь?!

Потом, когда этот великий день перешел в область воспоминаний, возвращение представлялось мне смертельной гонкой; я дотягиваюсь до финишной черты, и меня подхватывают руки такого родного, такого земного человека...

Еще помню, как подумал: все, я дома, больше ничего не надо, я среди своих, и что бы дальше ни случилось, мы снова вместе, мы снова одна команда.

— Андрей, я чувствую, что могу выключиться, с трудом стою на ногах. Хочу уснуть и спать двое суток... Там, в моей лодке, туземец. Зовут Ного. У него тяжелые, запущенные раны. Во что бы то ни стало его надо спасти. Пусть наши медики займутся... Почему ты здесь один? Где остальные?

— Ни о чем не беспокойся! Все наши в городе, я связался с ними. Скоро будут здесь....

— Андрей, надо спасти туземца! Любой ценой!..

— Все будет сделано, дружище! Выглядишь ты, конечно, не ахти... Усаживайся в это кресло. Тебя надо привести в порядок...

Что там еще говорил Андрей, не знаю. Нервная разрядка обрушилась на меня, как горный обвал, и погребла под толщей

сна. Что происходило дальше, пока я спал, передаю со слов моих друзей. В хронологическом порядке.

Через полчаса все астронавты были в сборе на борту «Викинга». Они стояли вокруг меня, спящего в кресле, заросшего длинными волосами, донельзя ободранного, истощенного до невероятия, в шрамах, и с трудом соглашались, что это несчастное существо, состоящее из одних костей и тощей кожи,— Грегор Ман.

— А что за туземец, там, в лодке?— спросил Марк у Андрея.

— Его спутник. Грегор очень беспокоится о нем. Просил, чтоб медики занялись им.

— Он человек?— недоверчиво спросил Марк.

— Трудно сказать,— ответил Андрей.— Очень смахивает на гориллу.

— Он такой огромный, что поднять его, неподвижного, по веревочной лестнице невозможно,— сказал Марк,— да он и в люк не влезет. Мишель пусть займется Грегором, а Вэл — гориллой... Ну, скажу я вам, и чудеса! Кто бы мог подумать, что мы снова увидим нашего Грегора! Надо его быстро поставить на ноги.

Вэл приготовил необходимые инструменты и препараты и вышел из «Викинга». С высоты мостика он некоторое время рассматривал моего спутника. Со словами «Как будто человек!» он ступил на борт нашей лодки и удивился, что она довольно устойчива. Проверил пульс, сделал несколько инъекций и только после этого занялся раной. Сначала снял вокруг нее волосы и хорошо промыл. Затем длинным разрезом — от одной до другой — вскрыл мякоть, очистил от гноя... Ного пришел в чувство, когда были наложены на рану швы. Вэл забинтовал бедняге предплечье и оставил его в лодке, предварительно сделав ему инъекцию снотворного.

Пока я спал, Мишель сделал предварительное обследование моего здоровья. Нашел аритмию. Но самое серьезное — это глубокое истощение организма:

— Думаю, что через пару недель Грегор будет практически здоров. Сильное истощение сказалось на работе сердца, думаю, это тоже поправимо...

Проспал я около двух часов. Благодаря Мишелю, я проснулся вполне здоровым человеком, если судить по самочувствию. А что касается истощения, то оно излечивается соответствующей диетой и терапевтическими способностями Мишеля и Вэла. Особых проблем не возникло, чему я очень обрадовался, так как сразу смог включиться в жизнь коллектива.

Когда я открыл глаза, увидел знакомую кают-компанию и всех моих друзей. Представляю, какими глазами смотрели они на меня, пока я спал, если и сейчас не скрывают потрясения. Когда я уходил с Амаром, я весил больше 70 килограммов, а сейчас... Мне самому неловко смотреть на свои тощие ноги, тощие руки; на ребра, выпирающие из грудной клетки.

— Что там с моим спутником?— спрашиваю медиков.— Кстати, его зовут Ного.

— С ним все в порядке,— отвечает Вэл.— Рана запущена, но заражения крови нет. Выздоровеет

— Грегор,— сказал Марк,— мы еще успеем обменяться подробной информацией о том, что с нами произошло. Скажи только, что случилось с Амаром?

Я рассказал. Несколько минут все молчали, каждый для себя переживая трагедию нашего товарища. Потом я коротко рассказал о своих скитаниях в центральной части материка, о Ного и жизни плоскоголовых. Смею думать, что никто из моих друзей до сих пор не слушал кого-либо с таким напряженным вниманием, с каким они слушали меня. Пленение гладкокожего и его рассказ о городе и «Викинге», благодаря чему мой побег и последующий поиск корабля оказались успешными, граничило с чудесами...

Рассказывая, я ходил по кают-компании, притрагивался к приборам, вглядывался в лица моих друзей. Никто не изменился, чего не скажешь обо мне. Андрей, гдядя на мои шрамы и худобу, сказал, что сейчас мне в самый раз оказаться бы в Доме Тишины. С этими словами он берет меня за плечи и ведет в ванную. Там я замираю на полуслове, увидев незнакомца с безумным взглядом. Когда я начинаю понимать, что стою перед зеркалом, моя растерянность не проходит:

— Господи, это я?

— Другого Грегора у нас нет,— отвечает Андрей и берет в руки машинку для стрижки волос. Пока он снимает с меня первичные признаки моего одичания, я рассматриваю в зеркале мосластые ноги, крючковатый нос, изрезанную множеством морщин кожу лица...

— Слава богу, вы все живы. Но как вы оказались в этом краю? Почему не отремонтировали «Викинг»?

— Эта история не короче твоей,— ответил мой «парикмахер»,— со временем все узнаешь. Все новости для тебя надо дозировать...— Он продолжает снимать с меня прядь за прядью.

Подходит Мишель и делает мне инъекцию под лопатку. Еще одну — в мышцу плеча. Затем теплая вода и душистый шампунь смывают с моей внешности видимые следы одичания. Укутанного в ванную простыню Мишель усаживает меня в кресло и заставляет проглотить содержимое небольшого тюбика. После этого оба медика выходят к Ного.

Марк продолжает пристально всматриваться в мое лицо. Уж не считают ли меня психом? Я вижу, что за молчаливым вниманием командира прячется какое-то сомнение. Они с Мишелем иногда перебрасываются странными взглядами. Мишелю я верю — он очень порядочный молодой человек. В свою очередь и я начинаю пристальнее вглядываться в моих друзей. За четыре года жизни среди дикарей поневоле станешь психологом. По малейшим изменениям в лицах, взглядах, жестах Крири и Вру я угадывал все, что они думали. Это в какой-то море компенсировало мне незнание языка.

Марк, рассматривая меня с таким вниманием, небось, думает — жилец ли я на этом свете? Все, что он видит в моем облике, наверное, подтверждает: не жилец! Это изможденное тело

израсходовало, как говорят инженеры, свой ресурс. Ха-ха. Плохо же вы меня знаете, друзья мои!

— Марк, что тебя смущает? Ты смотришь на меня такими глазами, будто я сию минуту должен составить завещание. А я, между тем, чувствую себя отлично. Мне не терпится пойти с вами в город. Андрей сказал, что вы там теперь живете.

— Не говори глупостей,— говорит Марк,— ты останешься здесь до полного выздоровления. Твоего туземца мы переправим в город. Вэл будет лечить его, а Мишель останется с тобой здесь.

— Понимаешь, Марк, если Ного придет в себя, увидит странную, непривычную для него обстановку, я не знаю, как он поведет себя. В это время я должен быть рядом с ним. Поэтому должен ехать с вами.

— Грегор, ты еще не знаком с нашим положением здесь. Не знаешь наших отношений с этим обществом; здесь правит король, он же и верховный жрец... У нас непростые отношения... Мы должны будем объяснить, кто вы.

— Марк, это же так просто! Сначала потерялся, а теперь нашелся ваш товарищ, человек с Земли! Что тут объяснять?! Туземец — житель внутренних районов этой земли, этой идиотской планеты. Они что, до сих пор не встречались с плоскоголовыми? И что вы так усложняете все? И вообще, почему вы должны им все объяснять? Вы очень зависите от них?

— Грегор, не горячись,— успокаивает меня Марк,— поживешь и сам все увидишь. Мы пока заложники на этой планете, или пленники, считай как хочешь. Но не обычные. У нас есть ореол пришельцев с далекой звезды. Мы договорились вести себя соответственно этому ореолу... Но если ты так настаиваешь, пойдешь с нами в город.

Мишель вскакивает:

— Нет, нет! Медицина возражает! Грегор, в твоем состоянии...

— Слушай, Мишель, в таком состоянии я проделал тяжкий путь по Большой Реке, а это, как минимум, пять тысяч километров. До этого в таком состоянии я четыре года жил среди плоскоголовых. И с этим ты сравниваешь ничтожных полтора километра? Не смеши...

Я испытываю неловкость. Напряженная тишина повисает в кают-компании, и я жалею, что так вышло. Но я не могу пока ни на минуту оставить Ного. Для моих товарищей он — большая человекообразная обезьяна. Они не верят, что он — человек. Но с этим надо согласиться. Марк молча выходит из кают-компании.

Когда я спускаюсь с мостика по веревочной лестнице в лодку, я сам себе кажусь человеком обновленным. Исчезла унизительная зависимость от среды зарослей, джунглей и рек. Я чувствую в своем теле легкость не только физическую, но и духовную. Я вырвался из плена, а дальше будь что будет. В голове, правда, шум, наверное, от лекарственных препаратов. Без волос, лезущих в глаза, без бороды моя голова кажется мне совсем маленькой. Непривычно ощущать на теле одежду. Она сковывает движения,

трет подмышки... Кончается тем, что я снимаю ее, из куска простыни делаю себе набедренную повязку. Я злорадно веселюсь над отчаянными взглядами моих товарищей: они думают, что же будет, если я в таком виде появлюсь перед глазами здешнего общества.

Не скажу, что это смелый вызов судьбе. Скорее — глупый. И не хочу ставить своих товарищей в трудное положение. За несколько последних часов я понял, что впереди меня ждет еще одна, может быть, самая трудная задача. Я не затем проделал весь этот путь, выдержал муки и страдания, чтобы меня здесь просто терпели, считали психом, несчастным, жалким... Видите ли, могу подорвать авторитет землян в глазах каких-то недочеловеков.

О, я хорошо знаю этих людей! Думаю, в главном все туземцы одинаковы. Ного — исключение. Я прошел хорошую школу — школу джунглей. Я знаю туземцев лучше, чем знают их мои товарищи. Но вот загвоздка — если бы я попытался объяснить своим друзьям, что именно я знаю, они посчитали бы меня сумасшедшим...

— У твоего туземца не сердце, а ракетный двигатель,— говорит мне Вэл по пути в город.— Иначе ты его сюда не довез бы.

— Если бы не он, то и меня здесь не было бы.

— А ты изменился, Грегор, знаешь?

— Догадываюсь.

— Когда только увидел тебя — испугался. Подумал... но теперь-то я знаю, что хорошенько отдохнешь и войдешь в колею. Мы настроены тебя слушать долго-долго.

— Хорошо,— отвечаю. А в горле какой-то ком. Марк и Мишель плывут в нашей лодке, то есть в той, что привезла нас сюда с Большой Реки. За линией бревенчатых буев Марк подзывает аборигенов, дежуривших на двух лодках возле ракеты. Они подгребают к нам со смешанными чувствами настороженности и любопытства и бросают концы двух веревок. Марк привязывает их к основанию мачты, и туземцы буксируют лодки к берегу. Множество туземных лодок, заполнивших открытое пространство, расступается перед нами. Когда мы проходим вперед, они пристраиваются сзади, идут следом.

У туземцев стройные фигуры; по нашим меркам, они низенькие. На голову ниже среднерослого землянина. Гладкокожие, без бороды и усов. Волосы на круглой голове черные. На шеях и запястьях сверкают кольца. Веслами двигают легко, видно, что с водой дружат с детства. Прибрежный народ. Дети моря. На меня особого внимания не обращают. Фигура Ного приводит их в непонятное волнение.

— Икенду! Икенду!— передают они друг другу громким шепотом, показывая на неподвижное тело. В этом шепоте — уважение и страх. Рты растягиваются в улыбках: — Икенду! Икенду!

Меня их внимание к Ного раздражает. Какое им дело до Ного? Я уверен, что эти люди никогда не видели плоскоголовых.

Правда, гладкокожий каким-то образом оказался в глубине материка. Чтобы попасть в плен к Зумби. Бедняга, я буду ему благодарен до конца моих дней. Без его чертежей мне этот залив с «Викингом» никак не удалось бы найти. Как он попал в те места?

— Что они говорят?— спрашиваю Вэла.

— Слово какое-то... Икенду. Не знаю, что оно обозначает. Я слышу его впервые.

Один из гребцов что-то объясняет Марку. Марк и Мишель слушают с удивлением в глазах.

— Что такое?— спрашивает Вэл.

— Странное дело,— разводит руками Марк,— лодочник говорит, что этот дикарь — бог леса Икенду! От него ведут свой род дети моря, так называют себя туземцы. Они все возбуждены. Интересно, что скажет на это Мазу?

— А кто это Мазу?

— Это их владыка. От него зависит все в этом городе.

— Если он тронет хоть пальцем Ного, я убью его!

— Грегор, что ты такой агрессивный?— обращается ко мне Марк.— Не наделай глупостей! Будь благоразумен!

— Вы несете ответственность за меня — я слуга Икенду! Или вы другую легенду придумали?— кричу я Марку с вызовом.

— Не шути, Грегор, ты и не подозреваешь, насколько это серьезно. Это всем нам может стоить жизни!— ответил Марк.— Я сейчас думаю — не вернуться ли назад,на «Викинг»? Боюсь, что это уже невозможно, посмотри, как туземцы возбуждены... Хорошо, что они не понимают нашего языка! Сейчас они поведут нас прямо к Мазу!

— Не волнуйся, Марк! Где у них этот король?

— Наверно. уже ждет на берегу!

Набережная, мощенная большими каменными плитами, широкими ступенями поднималась в город. На ней большими толпами стояли туземцы. На одной из них, у самого причала, стояло с десяток фигур в белом. Их окружали воины в латах, с копьями и щитами. В кольце фигур, одетых в белое, одна была в голубом. Неподалеку стояли несколько астронавтов: Дэйв, Тен Линг, Феликс. Что он там жестикулирует? Тилл хмурится. Голова Такуры перевязана. Они все странно напряжены... Чувствую, что обстановка на берегу нервная. Не зря, видно, Марк ведет себя неуверенно.

— Кто же из них король?— спрашиваю Вэла.

— Тот, в голубом плаще!— отвечает Вэл.

Рассматриваю этого человека. Интуитивно чувствую, что Марк беспокоится вполне обоснованно. Мазу — опасная личность. Интересно, в то время как толпа не сводит глаз с Ного, король вцепился в меня острым змеиным взглядом. Люди в белом, наверное, жрецы.

На взгляд Мазу отвечаю немигающим упорным взглядом. Так смотрят друг на друга два агрессивно-неуступчивых кота. Я, во всяком случае, не намерен преклонять перед королем колени.

Насмотревшись на Вру, я всех жрецов, шаманов, колдунов представлял себе маленькими, желчными, злыми человечками, во внешности которых запечатлена их подлая душа, их эгоистические страсти. Но этот человек не вписывался в мой стереотип. Среднего возраста. Невысокий, но, тем не менее, представительный. Если бы не этот маскарадный голубой плащ, я подумал бы, что он землянин. Черты его лица — твердый подбородок, римский нос, скулы — словно высечены из мрамора. Красивое лицо. Я бы сказал, мужественное, если бы не сеточки морщинок вокруг глаз, не высокомерное выражение губ, выдающих человека хитрого, бессердечного и привыкшего к власти. Взгляд — холодный и спокойный. Проницательный взгляд. Он выдавал привычку повелевать, не позволяя никаких сомнений.

При виде этакого сановника я словно посмотрел на себя со стороны: жалкое, худое, покрытое шрамами тело; нелепейшая набедренная повязка, тонкие, кривые ноги. И я устыдился самого себя. Для него я никто и ничто. А он ведь уверен, что призван творить надо мною суд. Марк, очевидно, прав. С таким типом нелегко иметь дело. Этот человек умел властвовать. Умел проявлять свою власть тысяча и одним способом. Меня вдруг охватила неукротимая ненависть.

Не для того я вырвался из ада дикого материка, чтобы этот тупица, эта самодовольная мразь, сумевшая подчинить своей воле моих товарищей, позволил себе судить меня, решать мою судьбу!

Я буквально закипел от гнева. Представляю, какое зрелище он задумал. Здесь, на виду у своих подданных, он будет топтать меня, как последнего. Он должен уничтожить и меня, и несчастного самозванца Икенду, эту волосатую обезьяну, которые хотят возвыситься над всеми в королевстве. Он укажет на меня презрительным пальцем: смотрите, этот сумасшедший брат пришельцев задумал вместе со своей обезьяной подчинить нас своей власти!

Опасный тип, в который уже раз думал я, пока наши лодки швартовались у причала. И мнит о себе, думает, что, подчинив своему влиянию пришельцев, он может позволить себе все. Их великодушие и порядочность цивилизованных людей этот царек расценил как слабость их. Учтивость пришельцев, считает он,— не что иное, как признание его, здешнего владыки, превосходства над нами. Он думает о нас, землянах, так же дурно, как шаман Вру думал обо мне. Он видит в нас соперников и разрушителей его власти над ближними. С такими людьми надо бороться их же оружием...

Стихли голоса на берегу. Все глаза устремлены на нас. Король в уме уже формулирует первый вопрос, которым хочет повергнуть меня к своим стопам. И тут я сошел на берег, и поднял над головой руки с растопыренными пальцами, и заклокотала, полилась с моих губ речь на языке плоскоголовых.

— Грегор, что ты делаешь?!— в ужасе прошептал Вэл.

Я взмахиваю перед своим лицом руками, гляжу в упор в лицо местному владыке и говорю на языке Ного:

— Икенду и его брат Грегор пришли! Они приплыли по Большой Реке, матери всех рек. Они прошли через Черные Горы. Они пришли от подножия Белого Отца Гор, оттуда, где обитает народ Матери Крокодилов, племя Ного!..

На меня, должно быть, снизошло вдохновение. Я никогда еще не говорил так возвышенно и убежденно, так мелодично и громко! Я не подозревал в себе способностей так артистически модулировать свою речь, так играть ударениями и повторами. Собственно, я нес тарабарщину, полагая, что меня никто не понимает, кроме Ного, а Ного ничего не слышит. Мой расчет строится на магии незнакомого языка. При этом я пользуюсь некоторыми жестами и позами шамана Вру, а с помощью волевых импульсов стараюсь придать действиям гипнотический настрой.

Я настолько сосредоточился на своих действиях, что не мог даже краем глаза посмотреть на своих друзей. Потом они мне говорили, что испытали потрясение, шок, а Феликс признался, что по его спине ползали мурашки. Я, конечно, пошел на крайнюю степень риска. И оказался прав. Я перехватил у короля инициативу в принятии решений, буквально огорошив его неожиданностью своего поступка. В каком-то смысле мой поступок был неожиданным и для меня самого. Я пошел на импровизацию, руководствуясь тем, что туземцы, увидев Ного, пришли в возбуждение. Я подумал, что это не случайность,— у аборигенов есть какие-то, неизвестные мне, основания относиться к Ного с таким почтением Для них в его облике воплощен бог леса. По-видимому, аборигены когда-то переселились к морю из внутренних районов материка, где каким-то образом соприкасались с представителями дикого племени плоскоголовых. Передаваемые из поколения в поколение легенды откорректировали историю древних событий, и в сознании потомков родился миф о лесном божестве...

Произнося свои заклинания, я не спускаю глаз с короля, буквально сверлю его взглядом и чувствую, всей кожей ощущаю трепет многочисленных толп на причале. Аборигены, несомненно, попались на мою уловку, а владыка? Король смотрит на меня с невозмутимостью статуи. Если в начале моей речи он выглядел растерянным, то теперь он вернул себе самообладание и соображает, как вести себя в данной ситуации. Мой пронзительный, надеюсь, взгляд теперь его не смущает— владыка спокоен. Его взгляд как будто говорит: нет, братец, я вижу тебя насквозь... меня ты не проведешь... можешь дурачить кого угодно, только не меня...

Я чувствую, что мой запал истощается и пришла пора закругляться. На самой высокой ноте произношу имя Ного, поворачиваюсь к лодке, где лежит мой верный спутник, и преклоняю одно колено, молитвенно сложив на груди руки. Вокруг по-прежнему мертвая, богобоязненная тишина. Один король смотрит на меня мрачными глазами. Я отвечаю не менее

мрачным взглядом, в котором королю следовало бы прочитать: ты бессилен навредить мне, ибо я слуга Икенду и разговариваю на языке богов. Твой народ знает, что в лодке лежит Бог Леса, и ты не посмеешь совершить святотатство.

Молчание на причале затянулось. В воздухе, в толпе, в лодках возникло тягостное напряжение. Наконец король поднял вверх руки и обратился ко мне с вопросом:

— Где ты научился, человек, прилетевший с другой звезды, языку наших предков? Каким образом тебе стало доступным то, что недоступно моему народу? Мазу внимает божественным звукам твоей речи и просит просветить наш разум словами, которые понятны сыновьям моря.

Вэл перевел мне вопрос короля-жреца и от себя добавил:— Грегор, что за околесицу ты нес? Что за язык? Владыка хоть и держит нос кверху, но явно озадачен.

— Об этом как-нибудь потом... Скажи ему, что я прилетел сюда вместе с вами. Четыре года назад меня увлек за собой Икенду, я охотился с ним в лесах. Икенду пожелал посмотреть на моих землян, моих товарищей, и мы пустились в путь по Большой Реке, в город сыновей моря, чтобы узнать, как они, его потомки, обращаются с людьми, прилетевшими с далекой звезды... Говори громче, чтобы все слышали.

Пока Вэл переводил, я следил за лицом короля-жреца. Его спокойствие было явно наигранным. Я заметил это по нервно шевелящимся пальцам рук, спрятанным под накидкой. Но должен признать — самообладание у владыки завидное. Он понимает, что я втянул его в странную игру, и он вынужден принять правила этой игры. Об этом знают двое — он и я. Теперь он попытается своими вопросами загнать меня в какой-нибудь угол.

Над толпой витают удивление и радость. Перевод Вэла сопровождается восторженными восклицаниями из толпы. В глазах владыки зажигается коварный огонек:

— Мой народ не понимает, почему Икенду болен! Кто осмелился нанести рану божественному телу Икенду? Почему ты не защитил его? Что теперь будет с Икенду?

Вэл переводит мне вопросы короля и не скрывает отчаяния. Он боится, как бы я не засыпался в своих ответах.

— Не беспокойся,— отвечаю Вэлу,— меня выручит Икенду. К старым легендам добавим новые. Переводи: когда мы спускались по Большой Реке, то богиня Большой Реки, дочь Белого Отца Гор, задумала утопить меня в водопаде. Может, ей удалось бы сделать это, но за меня вступился Икенду и вырвал из рук богини Падающей Воды. Она закричала и позвала на помощь своего отца. Тот метнул в Икенду молнию и скрылся. Вот как все было.

По мере того, как Вэл переводил мой рассказ, в толпе росло восхищение Икенду. Схватки между богами в легендах аборигенов — обычные явления. Как правило, смертные в них не вмешиваются. То, что Икенду пострадал, не уменьшило его авторитета в глазах аборигенов, тем более, что Отец Гор метнул молнию и сразу же сбежал. Рана Икенду — пустячная рана.

Икенду долго спит, потому что устал, сражаясь с Богиней Падающей Воды. Он скоро проснется. Он будет рад увидеть сыновей моря и их прекрасный город, но пока он не проснется, его нельзя беспокоить. Сколько времени он будет спать? Сколько захочет.

Меня самого удивляет, как умело я импровизирую. Мои сочинения падают готовой легендой в умы местных жителей. Поэтому я не могу упрекнуть себя в обмане...

— А зачем Икенду нужно было вступиться за пришельца с далекой звезды? Почему Икенду помешал дочери Отца Гор завладеть пришельцем?— спрашивал далее король.

— Я был гостем Великого Икенду. Икенду никому не позволит обижать его гостей.— Вэл переводит мои слова и добавляет по-нашенски: «Браво, Грегор!»

— Вэл, я еще не закончил. Переведи ему: Икенду вел себя так, как считал нужным. Покажи мне того смертного, кто может спросить у Бога, почему Бог поступает так, а не иначе? У Бога можно просить милости, но нельзя донимать Бога праздными вопросами— это святотатство. Сейчас Икенду желает отдохнуть в тишине и прохладе. Если он проснется от нашей болтовни, я думаю — он разгневается. А если у тебя, верховный жрец, есть еще вопросы, то задавай их Икенду, когда он проснется.

В толпе послышался гомон почтения, когда Вэл перевел мои слова. Вэл добавил для меня: «У жреца любимая пытка — подвешивать неугодных за ноги и разводить под головой огонь». Мазу, по-видимому, настроился на долгие словопрения и такого поворота не ждал. Ему не оставалось ничего иного, как церемонным движением развести руки и сказать:

— Божественный Икенду и его гость, вас ждут тишина и покой под крышей моего дворца! Мой недостойный паланкин к вашим услугам!

Толпа всколыхнулась в единодушном одобрении сказанного жрецом, который мог оставаться довольным: в глазах своих подданных он выглядел вполне достойно.

— Ну, Грегор! Ну, хитрец! Только не говори, что этому ты научился в стойбище первобытных!— ликовал Вэл.— Понимаешь, жрец никого не удостаивал такой чести, как восседание в его паланкине.

Изо всех сил стараюсь не напустить на свое лицо улыбку,— сыны моря могли бы заметить в ней насмешку.

— Дорогой Вэл,— говорю,— я четыре года изо дня в день боролся за свою жизнь. Некий Вру, волосатый коллега вашего жреца, хотел любой ценой обосновать свое право проломить мне голову каменным топориком и съесть на пиршестве лучшую часть моего бренного тела. У дикарей, в их менталитете, есть очень уязвимое место — они теряются, когда их озадачивают. Чем большую чушь я выдам, тем больше они озадачены. Этим надо пользоваться. Только и всего.

Среди белохламидников идет тихий спор — кто удостоится чести прикоснуться к Икенду. Наконец, четверым поручено извлечь бедного Икенду из лодки и уложить в паланкин. Четверо

самых достойных нагибаются под тяжестью двухсоткилограммового тела и несут его по ступенькам. И тут происходит нечто такое, что вся толпа во главе с королем ахает и каменеет. Один из жрецов споткнулся, упал, а с ним и остальные трое — все растянулись на земле вместе с недвижимым Икенду. Не знаю, чем закончилась бы эта сцена, если бы лицо Божественного Икенду не расплылось в улыбке. Над толпой пронесся вздох облегчения. Все сочли это за добрый знак и кинулись поднимать божество. Так поклонники божества расценили рефлекторную гримасу боли на лице спящего Ного.

Его с трудом укладывают на паланкин, руки свисают по бокам, восемь жрецов подхватывают тяжелую ношу. Бедный Ного, хорошо, что ему дали снотворное, иначе не знаю, как бы он примирился с такой суетой. Паланкин! Да он ни за что не согласился бы усесться в нем! А так лежит себе в глубоком сне, и ничего в нем от божества.

Потом король делает приглашающий знак мне, и я поднимаюсь по ступеням. Церемониальная часть приема закончилась, меня окружают мои товарищи. В глазах Дэйва блестят слезы, мои ребра хрустят от его объятий.

— Ты хорошо сказал!— восторженно дергает меня за плечо Феликс.— Правильно врезал! Вот как надо обращаться с дикарями!

— Все хорошо,— улыбается Тилл,— мы шли сюда с самыми дурными мыслями, думали, как все сложится...

— Ты поправишься, Грегор! Тебя надо будет накачать жирком!..

— Мы ведь считали: все! Пропали ребята!..

— Жаль, Амара больше не увидим...

— Ребята, дайте Грегору прийти в себя!— говорит Марк, вылезая из лодки,— лучше поддерживайте его... Видите, он с трудом держится на ногах. Вэл, ты держись возле паланкина, а мы пойдем группой.

Я спохватываюсь и быстро иду к лодке, со словами: «одну минутку!» Подбираю наши луки, стрелы, дубину Ного.

— Зачем тебе это?— спрашивает Дэйв.— Здесь мы обходимся без оружия! Или хочешь сохранить на память?

— Дубина божественного Икенду не может оставаться в неохраняемой лодке. Он проснется и начнет искать ее.

Наверху нас поджидал сам король. Он не пошел за паланкином, ему, видно, хотелось поскорее присмотреться ко мне. Он ехидно наблюдал, как я тащу наш арсенал, пока Феликс не догадался разоружить меня.

— Мастер слов всегда носит с собой столько оружия?— с едва уловимой насмешкой спросил король.— Неужели он таскает и оружие божественного Икенду? Или думает, что попал к врагам, и оружие надо держать под рукой?

Марк перевел мне вопросы короля.

— Икенду — охотник. Всегда живет в лесу и привык не расставаться с оружием. Мы теперь среди друзей. Пусть оружие

Икенду хранят жрецы,— я раздал топорики и луки стоящим около короля жрецам в белом.

— А священное оружие Икенду можно доверить главному жрецу!— с этими словами я вручаю дубину королю. Он несколько опешил, но делать нечего, берет. А весит она, самое меньшее, килограммов пятьдесят.— Когда Икенду опускал свою дубину на голову врага, в голове врага гремел гром.

По выражению лица Мазу я вижу, что он с охотой обрушил бы дубину на мою голову, только вот или приличия не позволяют, или дубина тяжеловата. Жрецы с радостными поклонами принимают топоры и луки. Мазу смотрит на «священное оружие» и думает, как его тащить до дворца, да еще пешком. Он бросает на меня быстрый испепеляющий взгляд. Я догадываюсь, что он при этом думает. Но он подзывает двух жрецов и поручает им священную ношу. Потом делает нетерпеливый знак рукой, толпа перед ним расступается, и владыка проходит вперед. За ним, точно хвост кометы, устремляются царедворцы. Мы идем отдельной сплоченной группкой. Я чувствую себя так, как, наверное, чувствовал себя невольник, выкупленный из рабства. Вокруг меня друзья, мы обмениваемся замечаниями по поводу королевской церемонии, смеемся. Что может быть лучше, чем вот так идти, чувствуя себя среди своих; мы — вместе, мне не надо разговаривать с самим собой, чтобы не отвыкнуть от звука родной речи; лица, улыбки, слова, одежда — все родное, все — рожденное на Земле. Господи, сколько дней ждал я этой минуты, сколько передумал разного за четыре года! Теперь мы вместе!

Широкая дорога к дворцу вымощена булыжниками. По обе стороны стоят одноэтажные дома с плоскими крышами. Только на вершине холма, куда мы направляемся, стоят несколько двухэтажных.

— Это и есть дворец?

— Да, мы живем на втором этаже правого крыла. Жилище удобное, но за каждым нашим шагом следят,— говорит Дэйв со вздохом,— словом, вроде свободны, и в то же время мы невольники.

— Как же вы здесь оказались?

— Когда надежда на ваше возвращение исчезла, прошло уже несколько месяцев, мы стали думать, что же дальше. Обследовали окрестности — никаких следов. Однажды решили пройти подальше. В одном овраге, или ущелье обнаружили сапоги и баллоны Амара. На обратном пути, недалеко от берега, на нас напали чудовища, похожие на страусов, только размером с жирафа и хищным клювом. Хорошо, что напал один хищник, остальные стояли в отдалении. Мы использовали кислород и скажу — очень эффективно. Струя ударила метров на десять, сначала — по глазам, потом — в раскрытый клюв. Эта птица задохнулась, мы ударили ей в горло с близкого расстояния, все там смерзлось... Мы поняли, что вы попали в гибельную беду. Оставаться перед рифами нельзя было — первый шторм бросил бы «Викинг» на рифы. А тут Линг расшифровал записи обсерватории «Викинга» и пришел к выводу, что не очень далеко от рифовой лагуны находится глубокий залив бутылкообразной

формы. Мы на всякий случай оставили на берегу знак и записку под каменной пирамидой— если бы кто из вас пришел туда...

— Я не видел там пирамиды.

— Может, размыло волнами,— предположил Дэйв.

— А может, и туземцы разобрали. Там были туземцы. Там Ного получил свою первую рану...

— Вот как! Да, в общем, мы обнаружили вход в залив и, работая коррекционными двигателями, вошли сюда и остановились посреди бухты. Увидели селение. Вскоре нас окружили лодки с этими дикарями. Метали в нас копья и стрелы. Потом увидели, что мы не желаем аборигенам зла, стали привозить нам мясо, овощи. Так и познакомились, помирились. А когда мы начали спасать их больных и раненых, так они вообще стали нашими друзьями. Но глаз не спускали. Потом им угрожала эпидемия, какая и раньше случалась. Если бы не наша помощь, вымерло бы полгорода... Потом на город напала армада лодок из соседнего города— их тут несколько на побережье. Эти были слабее. Видел бы ты, как этот высокомерный дундук молил нас о помощи! Мы включили ходовые двигатели, вошли в середину флотилии и корректирующими двигателями сожгли с десяток лодок вместе с агрессорами, остальные бежали, в узком проходе топили друг друга... Это было года два тому назад. Слух о поражении самого сильного города быстро обошел местные племена. Все города признали верховенство этого города. Наш Мазу стал верховным жрецом...

— Но как же так? Вы победили — и перестали быть хозяевами своей судьбы? Что это за отношения у вас?

— Через месяц после нашей победы,— продолжал Дэйв,— мы увидели на скалах вокруг пролива массу жителей города. Все вышли, да еще из других городов пришли. Мы не сразу поняли, в чем дело. Оказывается, они сбрасывают в самом узком месте пролива камни и скалы. С помощью рычагов и подвесов. Завалили они вход, и мы оказались в западне. Марк стал допытываться у Мазу, в чем дело? Зачем? И знаешь, что ответил этот каналья? Вы, говорит, опасались больших волн, которые вредны для вашего корабля. Теперь здесь *больших волн* не будет... Волны и течения в горловине немного растащили завал, но глубина все еще не больше полутора, может, двух метров. У нас осадка стартовых дюз — около пяти метров. Так что единственный выход — в небо.

— Он хочет навсегда задержать нас в этом заливе,— говорю я Дэйву,— с нашей помощью, даже с косвенной, он царствует на всем побережье. Какой же это вероломный и подлый человек!

— С тех пор, как ему подчинились соседние города, он возомнил себя всесильным,— сказал Дэйв.— А мы ничего не можем сделать. Говорит, что велел завалить пролив по совету Богов. Тилл и Андрей предлагали убить его, но Марк решительно против насилия.

— А ты как думаешь?

— Марк отвечает за экспедицию. Он — наш командир. Я тоже против лихорадочных решений. Надо все обдумать, все до

мелких подробностей. Глупо рассчитывать на то, что Мазу пойдет нам навстречу хоть в чем-нибудь, что связано с отлетом. Этот жрец хитер и предприимчив. Мы договорились ничего не говорить ему о наших планах, об устройстве и состоянии «Викинга», о наших возможностях. Пусть думает, что мы не особенно стремимся улететь. А мы тем временем. думаем Короче, с этим королем надо быть предельно осторожным Какое-то время ты будешь пользоваться его исключительным вниманием. Он будет изучать тебя, выискивать в тебе слабинку, чтобы потом воспользоваться ею. Словом, будь настороже, его поведение непредсказуемо. А вообще, ты молодец. Ты поставил его в тупик и нагромоздил перед ним кучу загадок. Пусть ломает голову. Мы заметили, чем больше перед ним вопросов, тем неувереннее этот царек себя чувствует.

Мы вышли на широкую квадратную площадь. Туземцы шли и спереди, и сзади, и по сторонам, но никто не приближался к нам ближе, чем на десяток метров. Вокруг нас всегда была зона свободного пространства. За сплошными каменными заборами видны дома и сады. Внизу голубеет зеркало залива, в середине которого колышется «Викинг». Сейчас он напоминает собственную модель, уменьшенную до игрушечного размера. Именно таким видели его мы с Амаром, прежде чем скрыться за холмом. У меня слегка кружится голова. То ли от воспоминания об Амаре и о том, что последовало после его гибели, или сказываются невзгоды последних лет. Я опираюсь на Дэйва:

— Давайте немного передохнем.

— Правильно,— сказал Марк,— пусть хозяин не видит, что Грегор слаб.

Мазу шел впереди метрах в пятидесяти. Я смотрел ему в спину и потихоньку проникался презрительной ненавистью. Перед входом во дворец стояла группа жрецов. Вэл держал руку на пульсе Ного. Лицо у Вэла озабоченно.

— Что такое, Вэл?

— Его надо побыстрее уложить в кровать.

— Он никогда еще не спал на кровати.

— Это, наверное, неважно, а Грегор? Ему нужны покой и тишина. Вы будете жить в крайней угловой комнате. Там вас не будут беспокоить. И окна довольно высоко.

Мы всей группой вступили в вестибюль дворца. Вэл и Марк не то чтобы поддерживали меня, скорее подстраховывали, чтобы я не запнулся за собственные ноги. По каменному узорному полу я вышагивал довольно решительно. Обратил внимание на то, что все окна очень узкие. На стенах — пестрая мозаика. В нишах видны странные уродцы— или статуи великих людей?

Мы проходим по длинной анфиладе, и я на какое-то время упускаю из виду, что мы находимся вне Земли. Четыре года жизни в диких краях, где никто не видел даже хижины, сложенной из камней, отучили меня от каменных зданий. Мы проходим комнату за комнатой; двери сначала перед нами, а потом и за нашей спиной открываются-закрываются совершенно бесшумно. Предвкушение сна переходит в нетерпеливую сонливость. Я еще

чувствую, как меня укладывают на широкую мягкую постель, еще замечаю, что рядом с моей стоит постель Ного. Вэл поправляет на нем повязку... Последняя мысль: не дай бог, если приснится Вру или Крири, или птицеящер... И уверенность — я проснусь среди товарищей.

Сначала я вижу огромную комнату, по углам которой теснятся густые тени. Высокие, непривычно узкие окна. На соседней постели лежит Ного. Вэл наклоняется надо мной; в его руках сверкает медицинский шприц, с помощью которого врач снова отправляет меня в беспамятство. Прояснение связано с едой и питьем. Ощущение сонной одури мешает правильно, реалистично оценить действительность. Мой разум начинает протестовать против снотворного, потому что хочет получить немедленные ответы на множество очень важных вопросов. Вэл отвечает на них с неохотой: подожди... сейчас для тебя главное — излечиться и отдохнуть... это потом... это очень запутанный вопрос... по-другому невозможно... Мазу держит все в железных руках... нет, с нами он по-другому, вроде бы согласен, но делает по-своему... мы ведем с горожанами работу... активная просветительская деятельность... не ломай над этим голову, спи...

Друзья мои, что с вами сталось? Вы какие-то слишком тихие. Неужели у вас оборваны связи с прошлым и вы не стремитесь к возвращению? Лично я наполовину вернулся. Действительность все четче проявляется в моем сознании. Воля занимает в нем свое место и теперь хочет играть свою собственную роль в определении судьбы. Я добрался до «Викинга», теперь надо вернуться на Землю. Довольно этой планеты— домой! Домой!

Дымка успокоительных лекарств, которой затянуто мое средоощущение, мешает мне думать. Нужно искать выход. С каждым днем все больше я начинаю понимать проблемы, с которыми столкнулись мои цивилизованные друзья на этой нецивилизованной планете. Гуманный и снисходительный земной разум, который уже несколько столетий назад освободился от эгоизма и губительных страстей, здесь оказался в тупике. Здесь его толкуют, как слабость. Мазу ничего не хочет знать о нашей цивилизации, его заботят другие проблемы, связанные с его собственной персоной. Да, он, видимо, признает наше интеллектуальное превосходство и хочет выжать из нас все, что послужит благу его самого и подданных его царства.

Мазу в принципе относится к людям с далекой звезды точно так же, как Вру и Крири, чья философия обращена всеми гранями к джунглям, относились ко мне.

Да, я очень хотел внушить им земные понятия о добре и зле, подвести их к идеалам мира, любви и дружелюбия, приобщить их к азам элементарных знаний. Этими же мотивами руководствуются в царстве Мазу и мои друзья. Но я пока не вижу, чтобы они рвались домой! Не хотят? Боятся испортить отношения с аборигенами? Что ж, я этого не стану бояться. Это должен будет уяснить и Мазу, и кто угодно...

Подозреваю, что Вэл увеличил мне дозу снотворного: я стал быстрее проваливаться в сон, дольше длится период моего беспамятства... Эта огромная комната — она не дает мне ощущения комфорта. Странно, Ного все еще спит. Неужели так ни разу и не проснулся? Я без всякого аппетита тяну из стакана какое-то месиво, нечто киселеобразное. Принимаю решение не вступать в разговоры со своими друзьями до тех пор, пока не буду способен защитить свои мысли, свое «я». Мое доверие к нам подвергается испытаниям.

Утро начинается с ярких полосок солнечного света, падающих на пол. Они медленно передвигаются, как проявление иной, заоконной жизни, проникающей в нашу комнату неясными шорохами. Ного все еще спит. У него непривычно слабое— это при его-то грудной клетке!— дыхание. Ничего, главное — он жив. Плечо и рука уже не пугают вздутостью и синевой, рана затягивается. Через несколько дней останется только шрам. Несколько дней? Сколько же длится наше излечение? Я чувствую себя достаточно окрепшим, вот если бы еще удалось избавиться от оглушенности. У нее, как я понимаю, лекарственное происхождение. Все! Надо кончать с недугами и думать о возвращении на Землю.

— Сколько недель я сплю здесь?— спрашиваю Вэла.

— Недель? Шесть, нет — седьмой день.

— Твое снотворное растягивает время до бесконечности,— говорю я Вэлу, разглядывая в узкое окно картину залива. На спуске к набережной много людей. В группе людей в белом — жрецов — различаю фигуру в голубом.

— Мазу?— спрашиваю, не особенно удивляясь.

— Он самый,— отвечает Вэл,— хочешь поговорить с ним на языке богов? Кстати, он каждый день навещал тебя, пока ты спал. Предварительно выяснил у меня, спишь ли ты, и только тогда входил.

— Может быть, ты не поверишь, но я чувствовал его присутствие всегда. Он вносил дисгармонию в мои сновидения. Я чувствовал его присутствие тем участком мозга, который не поддавался даже твоему снотворному... Ты мог не разрешать ему вход. Зачем разрешал? Ты ведь знал, что я с первого взгляда возненавидел его!

— Как было не разрешать? Он же хозяин! Мы находимся в его дворце. Он постоянно подчеркивает, что мы друзья. Как можно было не впускать его?

— Во всяком случае, мне неприятно даже думать о том, что он приходил сюда, когда я спал.

— С этого дня инъекций не будет. Но таблетки надо принимать,— Вэл протянул мне ярко-желтую таблетку на ладони. Я гляжу на нее с отвращением, словно она — Мазу. Представляю себе: я сплю, а жрец приходит и шарит по мне своим змеиным взглядом.— Чего же он хотел? Что высматривал?— спрашиваю у Вэла.

— По правде говоря, не знаю. Он вел себя тихо, останавливался перед твоей кроватью и смотрел. Не говорил ни слова. Даже к туземцу твоему не подходил, хотя раньше интересовался, как заживают раны... У него есть кое-какие медицинские способности,— способен, например, внушать. Ну хватит о нем... Хватит тебе торчать у окна, ложись и отдыхай.

— Мне надоело лежать!— я почти срываюсь на крик.— Надоело принимать лекарства! Хватит, я чувствую себя хорошо!

— Грегор, с врачами не спорят!— повысил голос Вэл.

На наши пререкания вбежали товарищи. Узнав, из-за чего спор, встали на мою сторону:

— Если Грегор чувствует себя здоровым, пусть встает. Устанет — опять ляжет, о чем тут говорить?

— Правильно!— подхватывает Феликс.— Общение с нами для него сейчас самое лучшее лекарство. Да и ему самому, наверное, хочется выговориться. Он же столько там пережил! Выскажется — и словно груз сбросит с плеч. Я уже не говорю о том, что его рассказ — это научная информация. Не будем забывать, что мы — ученые.

— Друзья, меня это устраивает!— я рад, что меня поддерживают мои друзья, мои товарищи, мои коллеги наконец!.. Мне самому хотелось сбросить этот груз тяжкого опыта, приобретенного в диком краю среди местных неандертальцев...

Мой рассказ длился больше двух часов. Я построил его в виде хроники— так мне было легче говорить, а им воспринимать рассказчика. При этом я обнаружил, что не стараюсь делать из пережитого трагедию. Я — ученый, и хотя рассказ мой меньше всего касался геологии, я обо всем говорил, заботясь в первую очередь о достоверности фактов... Моих товарищей страшно поразила та часть моего повествования, в которой шла речь о динозаврах. Да, от Мазу они кое-что слышали, но сам жрец никогда не бывал во внутренних районах материка, о чудищах он сам знал понаслышке. Что еще интересного: высокоорганизованная жизнь на этой планете имеет четкую и строгую локализацию, миграционные процессы не выявлены. Чем это объяснить? Не знаю. Нужны комплексные исследования и наблюдения специалистов. Марк заметил, что у здешних жителей начисто отсутствует любознательность. Они ничего не знают о своей планете, о племенах, которые живут дальше, чем в трехстах-пятистах километрах...

— Мне кажется,— заметил Андрей, когда я ответил на один из вопросов,— что я бы всего этого не пережил бы.

— Будь ты на моем месте, а я на твоем, я бы тоже так думал, Но когда тебя, как щепку, швыряет в водоворот, ты уже не рассуждаешь, а действуешь, каждую минуту решаешь конкретные проблемы своего быта, своего бытия, и это становится повседневным содержанием твоей жизни... Когда думаю об Амаре, то прихожу к мысли, что ему не повезло, в то время как мне везло постоянно... Вначале я просто боялся за свою жизнь. Это были самые тяжелые минуты. Потом решил выжить любой ценой. А когда встретил Ного и вошел в среду плоскоголовых,

у меня вдруг появились миссионерские замашки, я попытался подвести их к уровню поздних неандертальцев. Потом убедился, что за три-четыре года невозможно пройти путь, на который человечество Земли угрохало сто пятьдесят тысяч лет.

Если бы не удалось вырваться из джунглей, думаю, долго бы я не выдержал. Сильно сокращает жизнь чувство безысходности. Но появился несчастный гладкокожий, пленник Зумби,— и я воспрянул духом, поверил в то, что жизнь продолжается, надежда не умерла — вот что иногда значат чертежи, нарисованные палочкой на песке. Я решил добраться до вас во что бы то ни стало. И вот я здесь!

Вэл извлекает из упаковки желтую таблетку:

— Ну вот, у тебя сразу осунулось лицо! Прими и просто полежи, ни о чем не думая.— Вэл поправляет что-то на руке Ного и выходит последним. Я стараюсь следовать рекомендациям, но не лежится. Подхожу к окну. Во время разговора с Вэлом, когда я смотрел в окно, что-то меня обеспокоило. Я так и не понял, в чем дело...

Вода залива имеет прекрасный голубой цвет. Наверное, потому, что отсутствие зыби или волнения хорошо отражает цвет небес. На водной глади скользит несколько лодок— можно различить, как туземцы взмахивают веслами. И все-таки меня что-то беспокоит. Что же? Глаза вбирают в себя широкое пространство. Взгляд скользит из одного конца в другой... А где же «Викинг»? Еще раз ощупываю взглядом водное пространство —«Викинга» нет. Куда он делся? Куда его могли увести? Это же действительно конец! Эй,— кричу не своим голосом,— а где «Викинг»?.. Спокойно, Грегор, ты же не один здесь! Смотри, конфигурация бухты как будто изменилась... И спуск как будто другой... Входит Вэл:

— Ты почему кричишь, Грегор?

— Куда девался корабль?

— Никуда он не девался!— восклицает Вэл.— Ты просто не туда смотришь.. Вот чудак! И сразу — в панику!

— Но он же стоял посреди залива, а теперь его там нет!

— Там, куда ты смотришь, его и не может быть. «Викинг» находится в другой бухте... Ну конечно, откуда тебе знать? Город размещается на возвышенности между двумя заливами. Из этого окна виден второй. Посмотри, на этой улице и дома отличаются...

Почему же гладкокожий нарисовал только одну бухту?— думал я,— а, может, была и вторая на его рисунках, но я не разобрался? В конечном счете это неважно, рисунок не точный, или ты не разобрался. В чем, собственно, дело? Ты нашел корабль? Нашел! Остальное не имеет значения...

— Это так называемая Мертвая бухта,— разъяснил Вэл,— у нее тоже был выход в море. Старики говорят, что во времена их детства на одном из скалистых берегов узкого пролива стояла крутая гора. Однажды начала дрожать земля, надо думать — землетрясение в пять-шесть баллов, и гора свалилась в пролив, запрудила его наглухо. Это была главная бухта. После обвала

землетрясение в пять-шесть балов, и гора свалилсаь в пролив. Запрудила его наглухо. Это была главная бухта. После обвала построили причал на берегу другого залива. Подлый Мазу вспомнил об этом случае, когда решил сделать нас пленниками. Он рассуждал примерно так: если по велению богов гора закрыла пролив, то второй пролив могут закрыть мои подданные..

— Дэйв рассказывал мне об этом.. Но как сам жрец объяснил свое решение?

— Очень просто: сказал подданным, что так велели боги, ведь с ними, кроме верховного жреца, никто не общается. А нам объяснил, что захотел избавить стоянку «Викинга» от излишнего волнения.

— Вэл, но почему вы не предприняли ничего, чтобы вернуться на Землю? Четыре года пропало! Изнашиваются системы «Викинга»!

— Да-а, Грегор! А что бы ты сказал, если бы появился в этой бухте, а нас даже след простыл? Но ты не прав еще и потому, что свое дело мы потихоньку делаем. Видел повязку на голове Такуры? Обратил внимание? Около двух недель назад Такура и Ян спускались под воду, обследовали нижнюю часть корабля. Теперь и ты подключишься к делу. Главное — спокойствие. Мазу ни о чем не должен догадываться.

Теперь я только спал в комнате, где стояла постель Ного. Днем общался с коллегами, ходил с кем-нибудь из них по городу, присматривался к туземцам и образу их жизни. Однажды Марк повел меня на плоскую крышу дворца, где меня ожидал приятный сюрприз: радиотелескоп порядочных размеров. У меня, без преувеличения, глаза поперли на лоб. Марк приложил палец к губам — никаких восклицаний! Автор проекта — Тилл. Инженерная разработка - его же. Помогали строить — все. Оборудование и материалы доставили с корабля. Потом придется все размонтировать и вернуть назад.

— У нас немного здесь было радостей,— говорил Марк,— но был один великий день, когда мы, то есть Тилл, отыскали «Титан».

— Где он?

— На прежней орбите вокруг Тау Кита. После нашего старта орбита изменилась настолько незначительно, что Тиллу несложно будет разработать программу старта и причаливания «Викинга».

— До чего все просто!— не могу удержаться от восклицания.— Но так не бывает!

— Ну ясно, что не бывает,— говорит Марк,— мы проверили исправность всех систем фотонной ракеты, зафиксировали все неполадки, к счастью — ничего серьезного, на несколько часов работы. Феликс вместе с Тиллом выяснили причину автоматического старта «Викинга» с «Титана».. Откорректировали программу... Надеемся, что оперативный центр больше не ошибется.

Я смотрю на Тилла. Обнимаю его. Он так худ, что кости выпирают даже там, где их не должно быть:

— Тилл, ты же не скитался в джунглях! Почему так исхудал?

— Знаешь, Грегор, изгрызла тоска по Земле, но, как гласит поговорка: были бы кости целы, мясо нарастет,— глаза у Тилла горят сумасшедшинкой. Это подметил и Марк:

— У вас глаза — точно от одной матери! Отдых нужен, братцы! Отдых — и мудрое спокойствие!

— Конечно, мы рисковали!— сказал Тилл,— при проверке некоторых систем пришлось посылать такие команды, что, в случае малейшей неисправности в смежных системах, могли быть расшифрованы как команды на старт... Что это такое? А то, что «Титан» мог вернуться в Солнечную систему без «Викинга». А «Викинг» превратился бы на этой планете в музейный экспонат. Во что превратились бы мы, земляне,— известно заранее.

— Это было смело и рискованно до безответственности!— заметил Марк вполне добродушным тоном.

— А что бы мы высидели, не рискуя?— взвился Тилл.

— Тилл, спокойно!— вмешиваюсь я, чувствуя, что нервы Тилла на пределе,— мы должны вернуться на Землю, а для этого нам понадобятся крепкие нервы! Давайте их беречь!

Вот до чего дошло! До сих пор успокаивали меня, а теперь я сам выступаю в роли успокоителя.

Мы идем улицей города. Навстречу идут люди, своеобразными взмахами рук они приветствуют Марка, а на меня смотрят с удивлением — я теперь персонаж из новой легенды. Марк рассказывает мне о нравах при дворе, о жизни и характере туземцев:

...Они уже не такие дикари, как твои плоскоголовые, но до уровня средневековой цивилизации им еще долго расти. Все, что я рассказываю им о жизни на Земле, воспринимают с недоверием. А Мазу, когда слышит о главных нравственных ценностях человеческого общества, словно цепенеет. Не понимает, как можно жить без королей, жрецов, без войн и рабов...

Марк — идеалист. Он считает, что представители земной цивилизации не могут ни прилетать сюда, ни улетать отсюда под покровом тайны, иными словами — по-воровски. Он уверен, что у экспедиции параллельно с основной существует и попутная — миссионерская задача. Он бы предпочел, чтобы туземцы сразу все поняли, заключили с нами договор «о дружбе и сотрудничестве» и всячески содействовали нашему успешному возвращению на Землю. Но даже его «неизлечимый», по выражению Мишеля, идеализм не мешает ему трезво взвешивать и оценивать реальность, а именно: Мазу все будет делать по-своему, ему начхать на земную цивилизацию, он сделает все от него зависящее, чтобы удержать нас здесь. Благодаря нашему появлению у его города Мазу стал непререкаемым авторитетом для всех окрестных племен. Он придал нашему визиту божественный ореол; устами сотен подхалимов и лизоблюдов распустил слух о том, что Высшие Небесные Боги прислали к нему посланцев своей воли, дабы они возвеличили Верховного Жреца и Владыку Мазу. Конечно, он против нашего отлета!

— Понимаешь, Грегор, я требую от наших ребят терпимости и терпения. Нельзя лбом прошибать стены. Мы имеем дело с людьми, отличными от нас по всем параметрам. И мы не можем требовать от них, чтобы они сразу приняли наши ценности... Я уже больше трех лет «обрабатываю», извини за грубое

выражение, короля, пытаюсь облагородить его, просветить... Он слушает очень внимательно, а потом вдруг переводит разговор на то, что он должен возглавить поход на один из городов, жители которого запоздали с выплатой дани...

— Марк, ты всерьез думаешь, что Мазу можно перевоспитать?

— Но вы же видите, как я стараюсь сделать это!— восклицает Марк с трагической ноткой в голосе.

В конце улицы живет гончар. За неделю до моего прибытия он должен был принести во дворец кувшины, помеченные печатью королевского ключника. Он не смог этого сделать — перед закладкой кувшинов для обжига в печь с высокой печной трубы свалился камень и перебил их. В назначенный день горшечника навестил жрец с двумя солдатами. Мастера и всех членов его семьи секли до крови. Секли даже маленьких детей!

— Марк, ты должен высказать владыке все, что мы думаем по этому поводу! Это же безнравственно!

— Не думай, что я ничего не делал,— быстро проговорил Марк,— до нас подобные «преступления» наказывали смертью.

Едва мы поравнялись с домом несчастного, как дети его, увидев нас, с визгом бросились в дом, а сам гончар и его жена опустились на четвереньки. Так нас еще не приветствовали. Откуда у них этот страх? И только оглянувшись, я понял, в чем дело. В нескольких шагах за нашей спиной стояли два жреца. Их лица были искажены злобой. В моем взгляде они увидели гнев и презрение. В их планы не входило раздражать нас, землян,— они тут же напустили на свои постные лица выражение равнодушия, опустив веки. Они смиренно склонили головы; гончар и его жена лежали на земле у наших ног.

Для них я был лицом, близким к Икенду. Первым побуждением было вырвать у жреца посох и хорошенько поколотить достойных слуг своего недостойного хозяина, установившего в городе режим жестокого насилия. Сдержав свой гнев, я сказал, чтобы жрецы немедленно убирались вон. Они стояли, тараща на меня испуганные глаза. Тогда я сделал соответствующий жест рукой, они развернулись и быстро пошли в сторону дворца. Я наклонился, чтобы поднять с земли валявшуюся у ног чету, но был остановлен Марком:

— Грегор, не смей! Не прикасайся к ним!

— Почему?

— Они принадлежат к низкому сословию, а мы здесь приняты, как равные Мазу. Мы можем прикасаться только к жрецам!

— Черт побери, не знал я этого раньше, а то прикоснулся бы кулаком к противным мордам жрецов. Вечно они торчат за нашими спинами!

— Здесь очень строго следят за исполнением законов. Если представитель высшего дотронется к низшему — это считается грубым нарушением,— пояснял Марк.

— Меня приняли здесь как брата Икенду! Для брата Икенду законы Мазу ничего не значат!

— Грегор, не мели чепуху! Ты можешь паясничать перед Мазу, а зачем притворяться перед нами? Уж если я за столько времени ничего не добился, то что можешь сделать ты?

Я дотронулся до плеча гончара— он вздрогнул. То ли ожидал удара, то ли еще чего. Его спина хранила следы истязания.

— Вставай и не бойся!— сказал я, помогая ему встать. Он глядел на меня глазами затравленного зайца.

— А переводить с одного языка на другой тоже запрещено?

Марк двинул плечом. Он был раздосадован:

— Ты считаешь, что делаешь добро, да?— с вызовом спросил он.— Так знай, ты сделал зло. Этого несчастного сегодня же ночью утопят. И если только его одного, то это будет меньшее зло. Могут утопить всю семью!

Я поднял с земли гончара и его жену и подвел их к воротам. Они дрожали, не смели поднять глаз. Вокруг нас уже толпились зеваки. У них были строгие, невозмутимые глаза. Я погладил пострадавших по плечам:

— Не надо бояться,— сказал я на божественном языке Ного. И на своем добавил:— Марк, переведи им:— Вы не должны бояться меня. Я вас люблю. Икенду тоже вас любит. Я люблю всех жителей города независимо от того, пороли их или не пороли. Слушайте, это говорит брат Икенду!

Подняв руки, я повернулся к туземцам, запрудившим улицу. Они с удивлением и страхом смотрели на происходящее. В толпе, то в одном, то в другом месте мелькали фигуры в белом. Я видел их злобно сверкающие глаза... Марк перевел мои слова. Сделал это с неохотой, но ему не оставалось иного. Когда он закончил, лица у жителей посветлели, раздались восторженные крики. Все они разом смолкли, когда в толпе послышались угрозы жрецов. Туземцы поспешно разошлись. Марк побледнел:

— Ты сумасшедший, Грегор! Через несколько минут Мазу будет знать обо всем!— встревоженно говорил Марк.

Ну и плевать, думал я. Он сам объявил на площади, что я брат Икенду, а, значит, могу поступать, как нахожу нужным.

— Но мы не знаем в деталях, что для них Икенду!— сказал Марк.— До сих пор я ничего о нем не слышал. Они упоминают других богов... Возможно, у этого бога есть какой-то авторитет. Но что произойдет, когда твой спутник проснется и всем станет ясно, что он не тот, за кого его приняли?

— Не беспокойся, Ного очень смышленый человек. К тому же, с ним разговариваю только я. Даже если не удастся удержать его в ипостаси лесного бога, он сам, своим умом, своей силой, ловкостью и находчивостью завоюет себе авторитет даже в глазах Мазу.

— М-мда!— задумчиво протянул Марк,— и для тебя, и для твоего дикаря то, что ты говоришь, — небольшое утешение. Он пока спит, остается Икенду... Он — бог до своего пробуждения. Не думай, что Мазу и его окружение такие тупицы, что проглотят все, что им ни подсунешь...

Вечером того же дня ко мне подошел Марк. Он был встревожен:

— Мазу хочет говорить с тобой... Собственно, с нами. Сейчас подойдет Вэл... Боюсь, заваривается каша.

— Чего же хочет верховный жрец?

— Кто знает, чего он хочет! Боюсь, ты его недооцениваешь!.. Надо будет взять с собой и Тена Линга — он лучше всех нас владеет местным языком. Мазу очень уважает астрономию, к тому же... Этот Ного, он еще не пришел в себя? Вэл говорит, что он может проснуться в любой момент, почти не получает снотворного.

— Интересно! Мне он этого не говорил...— сказал я, поворачиваясь к двери, в которую как раз входил Вэл.— Вэл, почему ты не сказал мне, что Ного может проснуться?

— Я решил не давать ему снотворное. У него непорядок с сердцем,— довольно резко ответил врач,— попробуем наш прибор!

В руках Вэла я увидел прибор — небольшую коробочку с проводком, заканчивающимся пластинкой в форме полумесяца. Мне он знаком. Это «няня» из гибернатора. Значит, Ного будет оторван от действительности неопределенно долгое время!

— Зачем это нужно?— я выхожу из себя. —Мне сейчас очень не хватает Ного! Его рука почти зажила! Или ты отрицаешь это?

— Его сердце, дорогой к о л л е г а, вызывает у меня кое-какие опасения,— недовольным тоном отвечает Вэл,— обещаю, как только твоему д р у г у станет лучше, я посоветуюсь с тобой о его состоянии. Сейчас, думаю, тебе лучше подготовиться к встрече с королем. Ты будешь приветствовать его на языке лесного бога? Грегор, хочу сказать тебе одну вещь — не ставь под удар судьбу нашей экспедиции, пока у нас есть возможность выбраться отсюда!

На языке у меня вертится едкий ответ, когда подходит Тен Линг. За ним появляется факельщик. В коридоре к нам пристраиваются еще несколько туземцев с факелами. Наши тени, когда мы проходим по коридору, прыгают по углам. Я думаю о Ного. Не могу поверить, что у него больное сердце, а если больное, то почему это выяснилось только сейчас? Вэл говорил, что у него сердце, как ракетный двигатель... Ного, Ного, мой лучший товарищ, что за беда с тобою приключилась?..

Мы вошли в большую комнату, заполненную жрецами. Все в белом. Удивляет чрезвычайно низкий потолок. У дальней стены, на небольшом возвышении — трон. Чуть позади трона, с правой стороны сверкает огромный золотистый диск, назначение которого до меня доходит чуть позже, когда перед ним устанавливается факел и свет огня, отраженный диском, буквально ослепляет нас. Сам Мазу остается в тени. Я с трудом различаю черты его лица.

Произносятся приветственные формулы, предусмотренные церемониалом. Я не понимаю ни слова. Марк говорит — верховный жрец отвечает. Если у Марка голос звучит обыкновенно, то у короля он имеет странный, слегка вибрирующий тон. Подозреваю, что здесь замешана определенная акустическая хитрость. Словом, все сделано для того, чтобы унизить, подавить волю стоящих перед верховным жрецом...

Мазу говорил долго. Я не понимал, о чем шла речь, но по тону было ясно, что разговор поворачивается неприятной для нас стороной, Меня это настораживает.

— Сколько мы еще будем здесь торчать?— спрашиваю у Тен Линга довольно громким шепотом.

Марк бросает на меня отчаянный взгляд. Мазу замолкает и делает знак жрецам. Бесшумные жрецы подставляют нам низенькие, без спинок, табуретки. С этих низеньких сидений мы смотрим вверх на Мазу, вытянув шеи. Темное лицо на фоне сверкающего диска. Мазу снова. начинает говорить. Тен Линг переводит:

— Грегор, он говорит о тебе... Хотя он тебя не принял, как своего брата, он почитает брата божественного Икенду, и потому накажет гончара. Завтра утром его вышлют из города за то, что он позволил, чтобы к нему прикоснулась рука брата божественного Икенду, в результате чего рука брата Икенду стала нечистой...

— Старый Вру, злой дух плоскоголовых,— бормочу я тихо на языке плоскоголовых,— я должен помнить о тебе; о твоей перевернутой с ног на голову логике, когда виновный дважды карает невиновного...

Говорю Тен Лингу:— Скажи ему, что он никого не должен наказывать из-за меня. Если я захочу наказать, виновного и так постигнет кара, независимо от того, кто он. А если кого-то коснулась моя рука, или рука Икенду, тот человек очистится...

Марк хочет вмешаться, но Линг бесстрастно переводит мои слова. Я смотрю строгим взглядом в лицо Мазу. Если бы не этот слепящий диск! Я чувствую, что Мазу не слушает переводчика. В толпе жрецов ни шороха, ни звука.

Марк и Тен Линг тревожно переглядываются:

— Возмутительно!— говорит Марк.

— Что?

— Он говорит, что этой ночью посылает флотилию больших лодок с воинами для нападения на соседний город. Он требует, чтобы ты, Грегор, сказал, каким будет исход битвы?

Понимаю, что ответ должен быть быстрым. У Вру была точно такая же манера. Когда во время наших диспутов я загонял его в угол, он хватался за какую-нибудь явно невыполнимую мысль, нелепость которой очевидна для всех, приписывал ее оппоненту и выдавал себя за единственного носителя истины.

— Марк, помоги мне... Я еще не разбираюсь в панетоне их богов. У них есть особый бог моря?

— Есть...

— Тогда переводи:— мы не можем вмешиваться в дела морского бога. Он наш друг. Он сохранил нашу лодку и привел ее в эту бухту. Икенду приказывает скалам — и скалы сдвигаются или падают... Марк, не возражай, поверь, я иду единственно верной тропинкой. Посмотришь, все будет хорошо...

Мои ожидания действительно оправдались. Фигуры в белом заколыхались, по краям прошелся гомон. Он прекратился, когда Мазу поднял руки:

— Я не понял, что хочет сказать нам Мастер Слов, брат божественного Икенду! Бухта наших отцов стала мертвой бухтой,

и в знак примирения мы по приказу богов засыпали камнями вход в другую бухту. Какая же опасность угрожает *водам Новой* бухты?

— Будущее в руках богов,— отвечаю я,— я спрошу у своего брата, божественного Икенду, что он думает об этом?

Я в этом диалоге терплю поражение. Мазу воспользовался моей ошибкой, которую я счел за проявление мудрости. Он наступает, хочет меня уложить на лопатки. Он знает, что я лгу, *я знаю, что он лжец. Проиграет тот, кто* запутается в собственном вранье.

— Мастер Слов говорит, что разговаривает с Икенду?— удивляется Мазу.— Но мы знаем, что божественный охотник спит. Как же с ним можно говорить?

— Ты проиграл, Грегор,— сказал Марк,— я с ним очень много спорил, и он никогда не чувствовал себя таким уверенным.

Я пытался еще что-то доказывать; что бог, даже спящий, может наставлять уму-разуму, но выглядел я в целом неубедительно. Меня сбивал с толку сверкающий диск— от него разболелась голова, невозможно было собрать воедино свои мысли. Вмешался *Тен Линг:*

— Братья, у меня возникла идея. Грегор городил здесь чепуху, но она натолкнула меня на одну мысль. Я все больше думаю о ней, как о реальной. Надо продолжить этот разговор с Мазу. Давай, Грегор, говори дальше. Все равно, что. *Главное* — говори побольше, чтобы Мазу поверил, что я перевожу.

— Я желаю от всей своей души, чтобы на его голову обрушился потолок этой комнаты после того, как мы выйдем отсюда... Этого достаточно?

— Можешь продолжать в этом же духе.

— Тогда пусть обрушатся и стены ущелья, через которые *вышли в море его лодки, раз уж «Викинг» не может* выйти через этот пролив.

— Именно об этом я и думал,— сказал Линг и начал «переводить» властительному жрецу свою речь под видом моей. *По мере того, как Линг говорил, Марк приходил в тихое* изумление:

— Сумасшедшая идея! А вдруг повезет!?

— А что он говорит, я ведь не понимаю?

— Поговорим потом. Здесь не место.

Среди жрецов почтительный шепот сменился шумом, Мазу вдруг забыл о своем божественном статусе, резко прервал Линга. Они заспорили. Марк весь превратился в одно большое ухо.

— Скажи хоть, о чем речь?

— Потерпи. Об этом поговорим серьезно, только не здесь,— сказал Марк, очень живо реагируя на слова Тена. Он даже включил в «перевод» несколько своих реплик.

Наконец Мазу закончил аудиенцию заключительной речью, после чего мы в сопровождении факельщиков отправились назад. Марк по дороге сказал Тену Лингу:

— Сейчас об этом ни слова. Соберемся — и все обговорим.

Через десять-пятнадцать минут мы все собрались у Марка. Отсутствовал один Феликс— был дежурным на «Викинге».

— Друзья, речь идет о деле чрезвычайной важности. Тен Линг под маркой перевода слов Грегора предложил Мазу план, который может стать решающим в нашей судьбе. Из этого вытекает необходимость хранить в тайне все, о чем пойдет речь. Говори, Тен!

— Мистификации Грегора, которыми он пытался оболванить верховного жреца, подали мне идею... Когда Грегор сказал, что Икенду может повелевать скалами, я увидел, что Мазу этим озадачен. Как прореагировал бы Мазу, если бы нам понадобилось вытащить «Викинг» на берег? Скорее всего, не разрешил бы. Хотя реализовать такую задачу было бы весьма трудно — берег довольно крут. Но если обрушить берега пролива в Новой бухте и завершить то, чего не сделали аборигены? Зачем? А затем, что Новая бухта превратится в обыкновенный пруд. Воду из пруда можно выкачать в море, то есть осушить. Таким образом «Викинг» окажется на суше. Вы скажете, что придется выкачивать много воды. Верно, много. Но если вывести «Викинг» на мелководье, нам придется выкачивать всю воду из бухты. Но для начала надо будет открыть пролив в Старой бухте. Нельзя аборигенов оставлять без выхода в открытое море. Это можно сделать взрывом. Сможем ли мы изготовить достаточное количество взрывчатки?

Дэйв и Марсе о чем-то начали переговариваться. Марк сказал:

— Говорите открыто, нечего перешептываться!

— О чем речь? Здесь, в городе, в достаточном количестве можно достать свиной или растительный жир. Технология производства глицерина не очень сложна. Чем его нитровать? На наших биогенераторах произведем столько азотной кислоты, сколько понадобится.— Дэйв на этот раз был чрезвычайно, на удивление лаконичен.

Мишель подтвердил, что берется прочитать курс по технологии изготовления некоторых химических веществ для коллектива, поскольку в самом процессе производства придется участвовать всем. Курс рассчитан на два-три часа. Тонкости — на практике.

Попросил слова Андрей. Он предложил использовать для откачивания воды один из резервных топливных насосов. Его производительность хоть и не велика для такой работы, но достаточна, если эту работу не регламентировать слишком сжатыми сроками. Насос надо будет установить рядом с «Викингом», чтобы использовать его энергетическую установку. Придется также насыпать небольшой островок, на котором и смонтировать насос. Тен Линг, который слушал всех очень внимательно, вдруг встал и спросил Андрея, куда он, собственно, намерен откачивать воду?

— Как это куда? В море, конечно!— сказал Андрей и тут же запнулся — понял, что ответ не продуман. На «Викинге» нет шлангов такой длины.

— Придется монтировать насос на плоту у самого завала. Длины электрических проводов достаточно, они нас не регламентируют,— сказал Дэйв.

— Как только освободится площадка, где будет стоять «Викинг», надо ее сразу готовить, как стартовую,— сказал Марк,— но так, чтобы это не вызвало подозрения Мазу.

За полчаса выяснилось, что проект вполне осуществим. Тилл поразился тому, что удалось уговорить Мазу. Как это получилось?

— Не без хитрости, дорогой Тилл, не без хитрости!— сказал Марк, потирая руки,— как всем известно, Грегор недурно изучил психологию туземцев. Правда, наши туземцы на целую голову выше его плоскоголовых, но все они одинаково легко попадаются на мистификации. Мазу не исключение. Тен сказал, что Икенду мог бы вернуть к жизни Старую бухту, но в обмен требует до конца завалить Новую. Мазу ухватился за эту идею. Ведь для него важно все, что работает на его цель,— задержать нас в городе. Мы ведь помимо своей воли стали одной из опор его власти! Поэтому о действительном смысле завала пролива он не должен знать.

Мазу еще не дал прямого ответа на нашу идею. Он сомневается, правильно ли Грегор понимает Икенду и правильно ли мы переводим слова Грегора. Требует гарантий.

— Какого же рода гарантии ему нужны?

— Сначала Икенду должен расчистить пролив в Старую бухту, тогда он поверит, что богам угодно полностью завалить вход в Новую.

— Так чем же это плохо?— прямодушный Такура не видит ловушки.

— Когда мы расчистим пролив Старой бухты, он может не разрешить перекрытие пролива Новой. Значит, мы должны будем продумать план собственных действий...

Возможность такого поворота событий притушила наши восторги. А то кое-кому показалось, что мы уже видим Землю. Теперь приуныли и думаем. Молчание прервал Тилл:

— Не беда. Пришло время решать и нам, и Мазу. Как бы ни сложилось наше намерение, мы должны приниматься всерьез за решение судьбы экспедиции. Мазу коварен. Это мы должны иметь в виду. Я не исключаю схватки. Значит, надо думать о взрывчатке не только для скал, но и для Мазу. Короче — надо начинать действовать.

— Ребята, только прошу вас — не обостряйте отношений с Мазу. У него больше возможностей навредить нам, чем у нас — защититься от них... И вот о чем я хотел еще сказать: я был не всегда справедлив к Грегору. Мне показалось, что он вернулся из джунглей сломленным. Конечно, он пережил многое, это не прошло бесследно. Если откровенно, я боялся, что он, не имея возможности контролировать свои поступки, может принести вред нашим замыслам...

— Друзья, я все понимаю: и ваши тревоги, и опасения... Да и сам бываю излишне резок и нетерпим, подводит выдержка. Мне тоже показалось, что вы прижились тут и перестали думать о возвращении на Землю... Я рад, что ошибся.

— Мои отношения с Мазу могли вызвать у Грегора

определенные подозрения. Я это вижу. Но я прав. Своим поведением мы должны поддерживать у Мазу чувство уверенности в том, что не собираемся, да и не можем покинуть эту планету. А когда наши проблемы будут решены вплоть до стартовых, придется Мазу доказать, что такова воля богов... Еще одна проблема — Ного. Как нам быть с ним? Как ему быть с нами?— Марк посмотрел на меня.

— А что с Ного?

— Когда Ного проснется, с ним появятся проблемы,— заявил Марк,— это естественно. Я попросил Вэла, чтобы он подольше держал его в постели. Это важно. Предстоящая операция по подрыву завала в проливе Старой бухты — очень трудная задача. Ты, Грегор, понадобишься нам как геолог. У тебя не будет времени возиться с ним. А ведь первые дни после пробуждения будут для твоего туземца самыми трудными...

Я признал правоту Марка и его сомнений.

На другой день с утра пораньше мы вышли из дворца. Нас было пятеро. Дэйв и Мишель отправились на «Викинг», чтобы подготовить материальную базу для изготовления взрывчатки. Андрей должен сменить Феликса на дежурстве, а нам с Тен Лингом предстояло осмотреть завал в проливе Старой бухты. Некоторое время мы шли вместе, потом трое свернули к пристани, а мы с Теном, перевалив через вершину холма, направились по своим делам. Вскоре мы заметили своих сопровождающих. Это были два жреца и четыре стражника с копьями. Мазу, очевидно, забеспокоился. Хорошо, что я на всякий случай взял с собой лук и колчан с десятком стрел. По дороге Андрей пытался нас, настроенных мрачно, развеселить:

— Грегор, принесешь мне голову Большого Гривастого!

— Но ведь он идет охотиться на морского змея!— возразил Дэйв.

— Ах да, я перепутал,— соглашается Андрей,— но у этого змея, говорят, ракетные двигатели!

Я не принимаю шутливого тона, внутренне я напряжен:

— Вы лучше думайте о том, как сделать продукт и не повредить машину, а, Тен? Могут они сделать продукт?

Некоторое время мы идем среди садов. Потом выбираемся на берег пролива. Впрочем, я неточно выражаюсь, надо — бывшего пролива. Теперь это ущелье с крутыми скалистыми откосами. Мы идем поверху вдоль ущелья в сторону моря. Входа в ущелье отсюда не видно, но слышно, как туда вторгаются океанские волны. Я подбираюсь к самому краю обрыва и заглядываю вниз. Спуска к воде здесь нет. Противоположная сторона пролива такая же крутая. Ширина ущелья метров двадцать пять. Продвигаюсь назад, в сторону бухты, и снова заглядываю вниз. Стена все так же крута, но метрах в десяти-двенадцати подо мной вдоль стены идет карниз, в отдельных местах на нем видны ступеньки. Когда-то по нему можно было спуститься с верхнего края берегового обрыва над устьем бухты к полосе прибоя у выхода в море. Надо попасть на эту лестницу, для этого еще

немного возвращаемся назад. Наши соглядатаи держатся на расстоянии.

— *Вот здесь спуск к лестнице!*— кричит Тен. Иду к нему. Стража пятится передо мной в десятке метров. Тен стоит на четвереньках и заглядывает вниз. Делаю то же самое. Верхняя часть ступенек оборвалась вместе со скалой. На ее месте остался узкий карниз. Он неудобен, сильно скошен. Пробраться по нему до уцелевшего участка сложно. Спуститься на него еще сложнее. Я-то спущусь, а как Тен — не представляю, он никогда не имел дела с ущельями и скалами. Осматриваю скалы — может, есть другой подход к ступеням. Не видно ничего подходящего. Внизу под нами плещется вода бухты. Думаю, что к месту обвала можно пробраться по камням вдоль уреза воды, о чем и говорю Тену. Поскольку этот путь все равно надо обследовать отдельно, прошу Тена пройти еще немного в сторону бухты, спуститься к воде и двигаться к горловине пролива, к месту завала, сколько возможно. А я постараюсь пройти по лестнице. Я спустился на нее, прижимаясь всем телом к обрыву, цепляясь пальцами за каждый выступ. Ее вырубили, видно, очень давно. Местами она обрушилась в воду— это самые трудные участки на моем пути. Лестница, вернее то, что от нее осталось, повторяет изгибы крутизны, то прячется в нишах и выемках, то цепляется за скалистые выступы, с которых я хорошо просматриваю водную поверхность. С одного такого выступа я увидел Тена. Он стоял по колено в воде метрах в семидесяти. Горловина ущелья сужается, и я подхожу к самому узкому месту. Из-за выступа скалы открылось море, обдавшее меня запахом водорослей и широкого просоленного пространства. Здесь лестница оканчивается в воздухе на высоте в пять-шесть метров от воды, остальная ее часть обрушилась в пролив вместе со скалой. Горловина запружена огромными скальными глыбами, их верхушки торчат из воды. *Несколько глыб, застрявших в горловине. Пространство между* ними заполнено обломками помельче и щебенкой. В прозрачной воде хорошо просматриваются детали обвала. Если подорвать две-три «опорные» глыбы, морские волны и течения быстро расчистят проход. Прибой со стороны открытого моря здесь работает на совесть — подножия скал вылизаны основательно. Наверху послышался подозрительный шорох — сигнал опасности для альпинистов и прочих мастеров горного дела. Инстинктивно прижимаюсь спиной к скале. Едва не задев меня, довольно крупный обломок скалы с шумом и грохотом падает на площадку в том самом месте, где я стоял несколько секунд назад. Смотрю вверх. Из-за края скалы выглядывает жрец с огромным камнем в руках. Такую ситуацию я предвидел, иначе, отпрянув при первом же шорохе, я не вставил бы хвост стрелы в тетиву. Не целясь, стреляю. Стрела вонзается негодяю в грудь, он хрипло вскрикивает и срывается с обрыва. Вместе с камнем он пролетает мимо меня и падает на скалу, торчащую из воды. Дернувшись, он сползает в воду, в темную подводную расселину.

Несколько мгновений жду. Тихо. Отхожу назад по сглаженным временем и ветрами ступеням и втискиваюсь спиной в щель, держа лук на изготовку. Сверху мне ничто не угрожает из-за скалы, нависающей козырьком. Все внимание — за угол скалы,

куда уходит лестница. Мгновенья напряженного ожидания. Шорох. Осторожные шаги. Натягиваю тетиву и... сердце чуть не обрывается. Из-за скалы появляется Тен. Увидев натянутый лук, отшатывается. Я, охнув, хватаю его за рукав и притягиваю к себе.

— В чем дело, Грегор?— спрашивает он, глядя на меня, как на рехнувшегося. В это время, задев его плечо, сверху падает булыжник. Тен хватается рукой за плечо и смотрит вверх.

— Прижмись спиной к скале!— он послушно прижимается.— Они получили приказ разделаться с нами,— шепчу я товарищу

За поворотом лестницы послышались осторожные шаги. Воин, увидев нас, замахивается копьем, но моя стрела его опережает. Он сваливается в воду.

— Ничего не понимаю,— шепчет Тен.

— Тут и понимать нечего — нас хотят убить,— лихорадочно шепчу я Тену, настораживая лук,— возьми на всякий случай вон тот камень, надо же защищаться!

За скалой переговариваются. Идущие следом за первым воины тоже говорят полушепотом. Я спускаю тетиву, как только туземец появляется из-за угла. Падая, он увлекает вслед за собой и второго воина. Они падают на острые скалы и сползают в воду... Опять стало тихо. Через несколько секунд слышен голос наверху, прямо над нами. Ему отвечает другой, на лестнице, метрах в двадцати от нас.

— Что они говорят?— спрашиваю Тена шепотом.

— Этот, над нами, спрашивает:— все? покончили? Тот отвечает:— не знаю, не вижу никого...

За углом опять слышны осторожные шаги. Я беру из рук Тена булыжник и, как только из-за скалы появляется голова туземца, обрушиваю на него удар.

— Остался один жрец,— шепчу я Тену,— нельзя допустить, чтобы он убежал в город... Позови его сюда... Скажи, что воин столкнулся со мною, и мы оба полетели вниз... говори быстро!

Тен что-то кричит жрецу. Тот отвечает. Тен снова что-то говорит... Проходит довольно долгая пауза. Наконец туземец подает голос. Тен переводит мне шепотом, что туземец спускается сюда...

Испытывал ли я угрызения совести после всего, что случилось? Конечно, на душе было очень тяжело. Но что нам оставалось делать? Поднять руки и обреченно ждать, пока нас пронзят копьями и похоронят в морской пучине?.. Я много раз убивал антилоп, свиней, обезьян. Я подчинялся установленному природой закону. Ведь не мучается угрызениями совести хищник, терзающий жертву! Я знал немало плоскоголовых, низких негодяев, которым я с удовольствием проломил бы голову, если бы не внутренний тормоз совести. Там прямой угрозы моей жизни не было...

Но уже схватка с преследователями на реке поставила вопрос иначе: тебя хотят убить — защищайся, как можешь! То же самое и здесь. С первого взгляда на верховного жреца я понял, что мы имеем дело с коварным и подлым человеком. Если учесть, что он еще и умен, то становится ясным, насколько опасен этот тип.

Я ищу оправдательные аргументы. Конечно, Мазу приказал нас убить. Он чует своим звериным нюхом нежелательный для него поворот событий. Он еще не знает, в чем конкретно заключается этот поворот, но уже действует, руководствуясь примитивной логикой хитроумных негодяев: все, что плохо для противника,— хорошо для себя. Что ему стоило отдать приказ на убийство? Абсолютно ничего. В то время как ликвидация двух «братьев»— это очень полезно, поскольку уменьшает силу «братьев» и вгоняет их в страх; а страх, как известно даже первобытным, плохой помощник в делах.

Интуиция — великое дело. Уходя утром из дворца, я захватил с собой лук, чем немало удивил друзей. Я и сам не знал, зачем он мне нужен. Взял — и все. Было нечто непреодолимое в этом решении. Я объясняю это четырьмя годами жизни в джунглях, где условия первобытной среды разбудили в глухих уголках моего мозга реверсивные возможности. Если бы я не сделал этого, сейчас нашими бездыханными телами распоряжались бы подводные морские течения и рыбы.

Правда стремится к простоте. Но в моих самообвинениях эта простота делает правду неубедительной. Я вновь и вновь прокручиваю в своем сознании диск неумолимой логики, отрицающей насилие. Нравственная проблема хищника и жертвы действительно проста. А как быть с этими несчастными, которым я ничего плохого не сделал до этой роковой минуты? Они мне — тоже, пока не получили приказ своего владыки. Никто из них не поставил под сомнение повеление вождя. По крайней мере, мне это неизвестно. Они были исполнителями чужой воли. Я защищал свою жизнь. На стыке двух этих правд произошла трагедия. Так что же, всю жизнь казнить себя? Кто же выиграл в этой трагедии? Мазу потерял своих подручных, подручные потеряли свои жизни, я потерял нечто очень важное в своей душе... Все потеряли. Что с того, что потери потерям рознь!

Мы долго сидели над пропастью, опираясь спинами о скалу. Тен все время смотрел в темную воду пролива. Я сидел,прикрыв глаза. Ничто больше не нарушало тишины, кроме плеска волн.

— Мы не можем сказать остальным, что произошло,— нарушил молчание Тен,—они не поймут этого. Я понял, что нам угрожала смерть, когда увидел в руках жреца веревку... Когда хотят скрыть убийство, к трупам привязывают камни и бросают в воду. Наши парни никогда бы не узнали, куда мы исчезли...

— Мазу может спросить нас, куда девались воины и жрецы.

— Мы шли порознь. Нам не было никакого дела до воинов и жрецов, которые шли сами по себе по своим делам. Вот так и будем отвечать,— мне понравилась и удивила решимость Тена и его четкая логика.

— Мертвые, конечно, всплывут,— сказал Тен,— мы теперь должны торопиться с подрывом.

— Ну, делитесь впечатлениями!— Марк был настолько «приподнято весел», что не замечал нашей бледности. Ссадина на плече Тена ни о чем не говорила — как-никак, по скалам лазали!

— Надо будет заложить взрывчатку под четыре скалы,— говорю, стараясь мобилизовать все свое самообладание. Тен тоже держится спокойно, правда, часто устремляет взгляд в темноту. Но это никому не дает повода приставать к Тену с глупыми вопросами. Устал человек, это же ясно! Нашим друзьям, заряженным идеей возвращения, хочется вытянуть из нас побольше информации, они требуют обстоятельного ответа.

— Обвал закрывает внешнюю горловину пролива,— говорит Тен,— масса породы не очень велика. Сделать проход не составит проблем.

Я решаю объяснить подробнее. Подобранным на земле кусочком известняка рисую на каменном полу схему пролива и место, где лежит обвал. Указываю примерные места, где надо заложить четыре заряда взрывчатки. Ширина пролива в этом месте — до тридцати метров. Глубина залегания обвала, по прикидке, метров десять. Долбить шурфы для взрывчатки не придется — ее можно опустить в расселины между скалами и взорвать электрическим детонатором. Взрывчатки должно хватить на то, чтобы взорвать примерно десять тысяч тонн породы. Я вижу темную толщу воды, на дне среди скал течение шевелит руками убиенных...

— Взрывчатку надо готовить немедленно,— говорю я в заключение,— есть все основания думать, что Мазу будет ставить нам помехи на каждом шагу.

Тен бросил на меня быстрый взгляд. Дэйв излишне много улыбается. Все веселы, нам одним не до смеха. Позже я узнал причину веселья. Года полтора назад туземные «химики», ученики Мишеля, организовали мастерскую по производству мыла. Мастерская, то есть мыловарня, стала прикрытием для заготовки большого количества жиров, из которого будет изготовлен глицерин. На «Викинге» завтра будет запущена установка по производству азотной кислоты. Вот почему радуются наши парни. Дэйв говорит, что можно изготовить столько взрывчатки, сколько и не нужно, и даже еще немного. Дэйв умеет играть логикой.

В тихое послеполуденное время я сижу в солярии на плоской крыше дворца и разглядываю окрестности. Желтый цвет домов контрастно выделяется на яркой зелени садов. Лазурные зеркала Старой и Новой бухт на фоне темно-серых скалистых берегов навевают мысли о вечном и добром. В глубине, в подводных сумерках колышутся тела... Зачем это нужно? Зачем я согласился на эту экспедицию?

Дэйв достал из кармана небольшой флакон с прозрачной, желтоватого оттенка жидкостью. Извлек пробку и осторожно уронил одну капельку на каменный пол. Капелька взорвалась с треском, от которого я вздрогнул. Дэйв засмеялся.

— Перестань, Дэйв,— нервно вскрикнул Тилл.

Дэйв со смехом хлопнул меня по спине:

— Видал? Этой капелькой можно добиться большего, чем двухчасовым диспутом. Я уронил одну такую каплю под ноги

Мазу. Это надо было видеть! Он подпрыгнул, как ошпаренный! И сразу потерял свою королевскую важность.

— Для Мазу мало одной капли,— отвечаю, разглядывая жидкость.— Как у вас дела?

— Завтра к вечеру мы закончим все. Расфасуем в пластиковые мешки. Послезавтра с утра организуем транспортировку на лодках в указанное тобою место...

Ночью с третьего дня на четвертый я с Теном, вооружившись луками, поплыли на лодке в район завала. Поздно вечером здесь закончили выгрузку нитроглицерина. Четыре увесистых мешка, заполненные более мелкой расфасовкой, со всеми предосторожностями были уложены в указанных мною местах. В каждый мешок заложили по детонатору, провода от которых собрали в пучок, привязали конец пучка к камню и спрятали в расселине. Утром чуть свет кто-то из астронавтов протянет на лодке провода отсюда к пристани. Мы подсоединим концы проводов к проводам от детонаторов и быстро, не задерживаясь, вернемся на берег.

Марк не понимал, зачем понадобилось наше с Теном дежурство у завала. Что оно даст? Кто позарится на взрывчатку? Но мы не могли сказать ему правду. Она заключалась в том, что если всплывут убитые, их надо упрятать в скалы. Ночь была тихая.

Ни одна живая душа не приближалась к нам за всю ночь. Мы гадали, куда могли подеваться трупы. Привязав к шнуру увесистый булыжник, мы протралили весь участок дна под скалой, куда падали наши преследователи, но безрезультатно. Может, их рыбы обработали? Течения затянули? Только бы не всплывали до взрыва!

— Это была последняя возможность их обнаружить,— вздохнул Тен, когда небо на востоке стало светлеть.

— Наверное, они застряли в камнях... Как бы там ни было, мы ведь решили ни перед кем не оправдываться и ничего не объяснять.

— Теперь уже все равно ничего не поделаешь,— согласился Тен,— скоро подъедут электрики.

Некоторое время казалось, что все идет нормально. Дэйв попросил Мазу объявить табу на район пролива Старой бухты. «Белых братьев» табу не касалось, они могли шнырять по всей бухте, если это необходимо для взрыва завала. Правда, Мазу выразил желание посетить место взрыва, он явно не представлял, что это такое. Дэйв объяснил ему размеры риска при помощи взрывающейся «воды»:

— Я показал тебе, о Мазу, какая сила таится в одной капле «божественной воды». А в скалах пролива спрятано столько, что ею можно наполнить тридцать больших кувшинов. Если ты не дорожишь жизнью, я не могу тебе помешать — можешь пойти туда.

Подплыло несколько лодок. Марк сказал, что детонаторы будут подрываться аккумулятором. Электрики взяли его на лодку. Они высмотрели себе укрытие под береговой скалой. Я показал им пучок проводов от детонаторов, и они занялись

подключением. Была дана команда всем лодкам, кроме подрывников, отойти на безопасное расстояние.

Чтобы мне и Тену не возвращаться во дворец, нам принесли завтрак. Ни у меня, ни у моего товарища не было аппетита. Мы только выпили тоника. На набережной уже толпились туземцы. Линию безопасности Дэйв указал у опушки крайнего сада. Мы все нервничали. А вдруг не сработает? А вдруг что-нибудь еще? Вдруг Дэйв перестарался? Для большей уверенности в успехе он заложил взрывчатки втрое больше расчетного количества. А что, если рухнут береговые скалы? Мазу стоял на берегу среди своих сановников. Он казался спокойным. Его паланкин стоял в тени дерева на берегу, а мы здесь же сидели в лодках. Мазу, видимо, решил, что на всякий случай надо держаться поближе к нам, мало ли что задумал этот подручный Икенду. Он уверен, что вся затея с освобождением пролива — это моя с Ного работа. Он с непроницаемым лицом смотрел в сторону пролива, изображая величественную статую. Интересно, о чем он там думает? Хитрый, возможно, даже проницательный, верховный жрец, безусловно, не верит ни в Икенду, ни в меня. Почему не разоблачит бога-самозванца? На этот счет у него свои планы. В его интересах вести себя так, чтобы все подданные видели — у верховного жреца гостит само лесное божество!

Как он поведет себя, когда станет свидетелем потрясающего зрелища? Поверит ли он во что-нибудь? Поймет ли, что завал в проливе устранят не боги, а мы, пришельцы с далекой звезды? При всем своем уме Мазу все-таки во многом ограничен. Он остается невежественным туземцем, подвержен предрассудкам, взгляд на жизнь у жреца крайне узок... Поразит ли его могущество землян?

Мы ждем, почти затаив дыхание, и смотрим в одну точку. Но что это? Лодка с Дэйвом и электриком плывет к нам. Неужели случилось нечто непредвиденное? Не знаю, как у остальных, у меня душа ухнула в пятки. Марк беспокойно дернулся в лодке.

— Что там у них?— спросил он, обращаясь почему-то ко мне.

— Сейчас узнаем,— ответил я как можно спокойнее.

Вижу, на корме лодки разматывается барабан с проводкой. Фу-уты, черт! Они хотят устроить спектакль перед глазами Мазу и его народа. Говорю об этом Марку. Он облегченно улыбается и говорит, что идея, в общем, недурна, хотя надо было обо всем договориться заранее. Тем временем лодка причалила к нашим лодкам. На глазах у толпы Дэйв взял в руки небольшой красно-синий ящичек. Андрей присоединил к нему два проводка. Остается передвинуть рычажок — и...

— Ну, кто священнодействует?— спросил Дэйв, держа ящичек на весу.

— Давайте Тену, это же его идея,— говорю я.

— Нет, нет,— возразил астроном,— пусть священнодействует помощник Икенду!

При звуке этого имени по толпе туземцев словно прокатился вздох. И даже Мазу как-то съежился.

— Грегор, бери в руки ящичек и произнеси заклинание от

имени великого, божественного, непревзойденного Икенду!— сказал Марк.

— Намек понят, друзья!— я встаю и осторожно перехожу в лодку Дэйва. Беру чудодейственный ящичек, поворачиваюсь лицом к проливу и поднимаю ящичек над головой. На самых высоких, подвывающих нотах, подражая недостопамятному Вру, я произношу первые фразы заклинания на языке плоскоголовых, стараясь, чтобы имя Икенду звучало как можно чаще. Спиной чувствую, как замерли тысячи сердец поклонников лесного бога...

Я передвинул рычажок — и мир содрогнулся. Над скалами полыхнуло пламя; огромная туча, в которой смешались дым, ил, водяная пыль, камни, клубясь, полезла в небеса. По ушам резанул грохот мощностью в пять громовых раскатов, а секунду спустя ударная волна налетела на толпу и повалила ее навзничь. Толпа ждала чуда — увидела ужас. Камни начали падать в воду и на землю с не таким уж и малым недолетом. Я посмотрел туда, где стоял Мазу рядом со своим паланкином. Увидел, как он выкарабкивается из-под перевернутого средства своего передвижения. Многие из толпы, особенно те, что стояли поодаль, с криками ужаса побежали в сторону города. Тяжелая туча клубилась над местом взрыва. Только бы не вздумала она двинуться на город! С туземцев достаточно и одного ужаса.

— Дэйв, что за расчеты?— воскликнул Марк.— Можно было бы удовлетвориться и меньшим эффектом!

Большая часть толпы с глазами, лезущими на лоб, взирала на нас и на дело наших рук. Никто не смотрел в сторону Мазу. Он, видно, был рад этому, если только его сознание не было парализовано страхом. Был рад, что подданные не заметили его позора, не обратили внимания на то, как он выползал из-под паланкина на четвереньках. Туземцы, видя, как мы спокойно радуемся результатам взрыва, мало-помалу начали успокаиваться. Мазу невозмутимой статуей стоял под деревом, а носильщики приводили в порядок паланкин. Только побелевшие губы и побледневшие щеки говорили о том, что верховный жрец пережил не самые приятные минуты в своей жизни.

— Теперь можно, о Мазу, пройти к ущелью и посмотреть, что сделала воля божественного Икенду!— сказал Дэйв.

— Ему бы лучше пойти туда завтра!— сказал Тен.

— Да, ему туда нельзя сейчас!— сказал я.

— Но почему?— удивился Дэйв.— Ведь мы устроили это, чтобы воздействовать на меднолобого жреца!

— Это воздействие достигнуто,— сказал я,— но сейчас ему нельзя туда. Сначала мы должны посмотреть сами!

— Не понимаю, почему вы упорствуете! Это же психологический выигрыш! Его надо использовать!— настаивал Дэйв.

Марк о чем-то говорил с Мазу. Жрец колебался. Потом взял себя в руки.

— Мазу пойдет с нами,— прекратил споры Марк.

Жрец уселся на паланкин, и перепуганные носильщики пошли вперед. Он что-то сказал им. Они остановились, позволяя нам идти первыми. По дороге Марк и Дэйв уже обсуждали проблему

запруживания Новой бухты. Мы с Теном отрешенно шли рядом. Дорога заняла пять-шесть минут. И вот уже мы стоим на скалах и заглядываем в ущелье. Произошло то, чего мы с Теном боялись. Несколько трупов колыхалось на поверхности воды. У двух из них в груди торчали мои стрелы.

— А эти как попали сюда?!— Дэйв схватился за голову.— Ведь было объявлено табу!

Мазу тоже сошел с паланкина и заглянул вниз. Его лицо не дрогнуло ни единым мускулом...

— Грегор, сумасшедший,— чуть не рычал вполголоса Марк,— когда ты успел сделать это?

Марк смотрит на жреца. Тот равнодушно взирает на трупы, потом наши взгляды встречаются. Мазу переводит взгляд на скалы противоположного берега.

— Скалы заперли пролив не здесь,— сказал Мазу бесстрастным голосом.— Если мы хотим видеть это, надо пройти дальше!— он делает знак слугам, и снова паланкин покачивается на плечах носильщиков. Мазу смотрит вперед, в сторону моря. Все наши тут же набрасываются на меня:

— Что? Почему? Как?..

Тен Линг довольно решительным тоном обрывает вопросы:

— Довольно об этом! Мы ответственны в равной степени! Нас вынудили защищаться!

Глядя на огромный котлован, заполненный водой, и разбросанные вокруг обломки скал, Мазу молчал. Мертвая бухта больше не мертва. Углублённый в свои тайные мысли, Мазу молчал все время, пока возвращался в город. Он как будто впал в транс. Мы все тоже молчали. Я чувствовал на себе осуждающие взгляды товарищей; одни привлекали меня к ответственности, другие — не осмеливались выразить одобрения. Тен шел рядом.

На окраине города нас встречала огромная, гудящая изумлением толпа. Страх прошел, осталось чувство преклонения. Мы шли между двумя рядами ликующих глаз, ставших свидетелями чуда, свидетелями проявления божественной воли Икенду.

По зеркалу бухты шныряли лодки. Если кто из них и видел трупы в затоне, то это не такое уж редкое зрелище, на котором стоит сосредоточивать внимание. В царстве Мазу смерть человека мало чем отличается от смерти обыкновенного животного. Главное — бухта соединилась с морем! Пристань, давно уже потерявшая значение, стала предметом дележа. Все дружно старались припомнить, где чей находился участок во времена дедов и прадедов. Предъявлялись права на береговые участки. Что для обитателей несколько каких-то трупов! Какое горожанам дело до них! Жрецы и воины — дело верховного жреца.

Среди горожан уже бродят слухи, что возрождение Старой бухты связано с закрытием Новой. Значит, будет еще одно чудо! Или ужас! Надо справедливо поделить места для лодочных причалов.

Эти могущественные пришельцы! Почему через них проявляется воля богов? Если боги велят им уничтожать скалы, они могут повелеть и кое-что другое... Радоваться или печалиться, что столь

могущественные существа, дружные с волей богов, посетили их город?.. Все это я читал на лицах людей, встречающих нас. Многие что-то кричали на непонятном языке.

Наше шествие закончилось у дворцовой лестницы. Мазу сошел с паланкина и что-то сказал. Тен подошел к нему. Жрец стоял и разглаживал складки на своем хитоне. Тен что-то ему сказал. Марк тоже хотел подойти к жрецу, но Тен не позволил ему оттереть себя. Марк покраснел от досады:

— Ты тоже сумасшедший, как и Грегор! Надо разобраться, зачем вы все это сделали.

Тен пропускает возмущение Марка мимо ушей и требует от Мазу ответа. Мазу высокомерно смотрит поверх головы Тена, руки жреца все еще заняты разглаживанием складок. Наши взгляды опять встречаются, как тогда, на пристани, во время моего появления здесь. Ни один из нас не отводит глаз в сторону — это было бы признанием поражения одной или другой воли. Потом Мазу прикрывает глаза рукой и что-то говорит Тену. После этого направляется во дворец.

— Что он сказал?— спрашивает Марк не без досады.— Что он скажет завтра утром? Ты знаешь, какой будет ответ? Он приказал убить нас всех! Это наша последняя ночь! Вот что вы наделали!

Я неохотно вспоминаю об этой ночи. Каждый доказывал свою правоту, не заботясь о человеческом достоинстве, и потому у одиннадцати человек появилось двадцать два мнения. Одиннадцать лучших представителей человечества, как сказал когда-то Феликс, грызлись друг с другом и с самими собой в поисках истины, содержание которой менялось при каждом повороте мысли. Может ли быть нравственным насилие и безнравственным убеждение? Что вернее: предоставить решение своей участи судьбе или бросить все в костер борьбы? Как сделать правильный выбор? Действительно ли мы все разрушили, или только сейчас начнется эпоха новой жизни? Мы прошли столько очистительных костров решимости и раскаяния, но едва ли стали мудрее.

Вопрос, который Тен задал Мазу, звучал так: «Когда сыновья далекой звезды смогут закрыть пролив Новой бухты?» Ответ Мазу гласил: «Завтра утром сыновья далекой звезды узнают все!» Согласитесь, что такой ответ каждый может истолковать как угодно. Вот мы и толковали всю ночь. А тяжело дышащий Ного, словно массивная глыба, оставался равнодушным к нашим спорам — он все еще спал тяжелым искусственным сном. Я подошел к нему в пылу спора, устав доказывать свою правду, и попытался нащупать пульс, как будто это могло мне помочь в поисках истины.

Я почувствовал, что судьба делает новый поворот. Не только мы не спали в эту ночь — не спал весь город, освещенный тысячами факелов. Факелы горели вокруг дворца, освещая колеблющимся светом хмурых часовых с копьями. Улицы города были запружены туземцами и возбужденным говором.

Мы терялись в догадках. Чем встретит нас новое утро?

Когда дальнейший спор всеми был признан бессмысленным, мы собрали все наше снаряжение, кое-какие запасы продовольствия, баллоны с кислородом и перебрались на крышу. Андрей, Тен и Тилл помогли мне передвинуть кровать Ного. Мы готовились к обороне. С крыши хорошо был виден «Викинг». Там, в одиночестве, дежурил Феликс, переживающий от того, что ничем не может нам помочь. На всякий случай, включая корректирующие двигатели, он стал маневрировать по глади залива на виду у города. До нас доносился ровный гул реактивных двигателей, в темноте было видно, как их кинжальное пламя появляется то в одной, то в другой стороне.

Близился рассвет. Меня все больше одолевало сомнение— как быть с Ного. В надвигающейся схватке мы можем погибнуть, *а какая судьба уготована ему? Жил бы он в своих джунглях* — и никаких проблем. Так нет же, угораздило его согласиться на авантюру этого странного пришельца! Я имею в виду себя.

Надо разбудить его. Пока еще возможно, я должен объяснить ему, в какой ситуации он оказался. Здешние туземцы почитают его как лесного бога Икенду — это обстоятельство ему на руку. Надо продумать приемлемую для Ного тактику отношений с горожанами и Мазу. Она должна быть предельно простой и в то же время соответствовать нечаянному статусу Ного как божества. Он должен будет пробиваться на родину, в направлении горной гряды и дальше. В том, что Ного во время одиноких скитаний сумеет постоять за себя в любой обстановке, я не сомневался. Он сможет вернуться домой. Я прикинул расстояние отсюда к племени плоскоголовых — примерно до тысячи километров по прямой. Скитания могут удлинить их до трех тысяч. Если в среднем Ного будет проходить по двадцать километров в день, то через сто пятьдесят — сто восемьдесят дней он окажется среди своих... Я поделился своими соображениями с Марком. Он пожал плечами:

— *Грегор, тебе лучше знать, что делать. Что мы знаем об* этом туземце? Единственный положительный момент в случае с Ного — это Икенду. После взрыва в проливе его фигура имеет особый вес. Мазу должен считаться с этим.

Я попросил Вэла хорошенько продумать медицинскую часть проблемы Ного. Он заверил, что никаких сложностей не видит... Через полчаса, вооруженный шприцами и флакончиками, он начал колдовать над спящим гигантом. Потом выслушал его легкие, проверил все параметры сердца. Под конец сделал одну инъекцию в вену, другую — в мышцу бедра:

— *Через полчаса садись на этот стул и жди...* Вернее сказать — встречай своего спутника. Вы расстались в момент его последнего пребывания в здравом уме, так что он будет поражен новой для него обстановкой. Держись весело, самоуверенно и спокойно.

Вэл ушел; я уселся у изголовья Ного и предался размышлениям. Вскоре я отметил, что у Ного изменилось дыхание: оно стало чаще и глубже. Еще через некоторое время он что-то тихо пробормотал. Потом просто открыл глаза и уставился на меня:

— Грего... Грего! Где мы?— он приподнялся и схватил меня за руку, обводя комнату диким взглядом.

— Ха, Ного! Я рад, что ты проснулся! Долго же ты спал! Теперь мы находимся у моих братьев... Ты уже не болен, Ного!

Не выпуская мою руку из своей, он покосился на раненое плечо, пошевелил им. Настороженность в глазах сменилась радостью:

— Ного уже не болен! Ного может идти на охоту с Грего!

— Конечно, конечно, мы пойдем на охоту!.. Сначала я покажу тебе своих братьев. Потом покажу людей, которые живут в каменных хижинах... Ты можешь встать?

Ного, пошатываясь, встал на ноги. Я видел, что он с трудом держит равновесие, ступает неуверенно.

— Ного долго болел и долго спал,— говорю я,— поэтому у Ного кружится голова. Это сейчас пройдет... Ного хочет пить?

Я подал ему кувшин с водой. Сначала он осмотрел его, понюхал и только потом напился. Снова стал осматривать кувшин. Поставил кувшин на пол и начал осматривать комнату. Недоуменно уставился на меня.

— Братья Грегора живут в таких больших каменных хижинах... Люди, которые живут у Большой Горькой воды, тоже имеют такие хижины.

Я подвел его к окну. Он увидел множество факелов и людей на улицах. В ночных сумерках и свете факелов они даже на меня производили странное впечатление. Ного смотрел на них с тем настороженным вниманием, с каким зверь рассматривает новую обстановку.

— Теперь я позову своих братьев. Они очень хорошие люди.

Я открыл дверь комнаты и всех пригласил в гости. Первыми зашли Вэл и Дэйв, потом Марк и остальные. Они встали полукругом и с любопытством рассматривали уже не спящего туземца. Ного тоже рассматривал их, переводя взгляд с лица на лицо... Повернулся ко мне и пощупал пальцами мою одежду.

— А где Большая Небесная Рыба?— спросил он.

— Большую небесную рыбу мы увидим днем, когда солнце взойдет.

— Грегор,— сказал Дэйв,— скажи ему, что мы очень рады видеть его. Если он хочет иметь комбинезон, мы пошьем ему!

Ного с интересом вслушивался в слова Дэйва. Посмотрел на меня.

— Ного нравится одежда моих братьев?— спросил я,— если нравится, то Ного оденет такую же.

Мой приятель оскалился в улыбке и ничего не ответил, но по его глазам я видел, что он не воспринимает нашу одежду всерьез. Он снова стал рассматривать моих друзей. Смотрел в упор своим диким изучающим взглядом:

— Один брат боится. Другой не боится. Почему?

— Нет, Ного, никто не боится,— заверил я,— им интересно видеть тебя. Мои братья никогда не видели таких людей, как Ного...

Мы все вышли на крышу. Отсюда я показал Ного Новую бухту и темный силуэт «Викинга» на ее светлой поверхности:

— Вот это Большая Небесная Рыба!

— А почему на ней много костров?

— Это значит, что она не спит,— нахожу я доступные ему объяснения,— слышишь, какой у нее голос?

Ного кивнул, вглядываясь в темноту. Потом обвел глазами сияющие многочисленными огнями улицы города:

— Это тоже братья Ного?— спросил он, указывая на толпы аборигенов.— Почему они не спят?

— Нет, это не братья,— ответил я,— среди них есть хорошие, но есть и плохие, как Вру и Крири. Плохие хотят убить братьев Грегора.

— Ного их убьет!— вдруг воскликнул мой приятель.— Где дубина Ного?— его голос звучал столь столь решительно, что я поспешил успокоить его:

— Не надо убивать,— сказал я,— Грегор скажет тебе, что надо делать... Те люди не спят, они узнали, что Ного проснулся, и хотят видеть его. Они зовут Ного Икенду.

— Икенду?— удивился Ного.— Почему Икенду?

— Потому что они любят Ного и боятся Ного.

— Где дубина Ного?— спросил он, оглядываясь вокруг.

— Наверное, надо вернуть ему оружие,— сказал Марк,— иначе он начнет нервничать. Дубина стоит в углу у лестницы на площадке между этажами... Может, кому-нибудь надо пойти за нею?

— Пожалуй, мы сами пойдем,— сказал я,— он должен освоиться с передвижением по дворцу.

Слегка пошатываясь, Ного шел вслед за мною. Он осторожно переставлял свои босые лапищи со ступеньки на ступеньку, и когда его массивная фигура появилась на лестничной площадке второго этажа, стражники, на миг оцепенев, сбежали на первый этаж. Вскоре площадка перед дворцом напоминала растревоженный муравейник. Туземцы смотрели в окна второго этажа,на крышу и возбужденно переговаривались.

Увидев дубину, Ного быстро схватил ее и сразу стал хозяином собственной судьбы. В его глазах вспыхнул огонек, как это бывало в начале охоты на кабана. Мы направились обратно на крышу. Увидев внизу, в вестибюле первого этажа, группу стражников, Ного остановился и уперся в них диким взглядом. Стражники попятились к выходу и скрылись за дверью. На площади перед дворцом воцарилась тишина. Ного сделал несколько шагов к двери, за которой скрылись стражники, но я схватил его за руку и увлек на крышу, где остались мои товарищи. Они начинали волноваться.

Я рассказал о реакции стражников на появление Ного. Это всех обрадовало: Ного-Икенду становится определенным фактором наших отношений с Мазу и его окружением.

— Я не уверен, боится ли Мазу твоего подопечного, но простой народ трепещет, и это хорошо,— сказал Тилл.

Уже совсем рассвело. Ного упорно рассматривает «Викинг», Большую Небесную Рыбу. Внизу на лестнице слышны чьи-то шаркающие шаги. Андрей хватает кислородный баллон и становится у входа на лестницу.

— Андрей, не торопись пускать в ход кислород, может, это посредник!— заметил Тен.

На площадке возник старый жрец и склонил голову в поклоне. Он скороговоркой произнес несколько фраз. Мои друзья стояли в напряженном молчании, хмуро разглядывая жреца.

— Что он сказал?— обращаюсь я ко всем сразу.

— Мазу велел передать, что ждет нас — меня и тебя — на площади перед дворцом. Там будет дан ответ,— сказал Тен.

— Они устроят расправу,— сказал Марк,— там собрался весь город.

— Глупости!— возразил Тилл.

— Не надо идти туда!

— Или пойдемте все вместе!

— Надо взять кислородные баллоны!

Пока вокруг спорили, я мучительно решал эту проблему для себя. Неужели Мазу задумал расправу на глазах у толпы? Вспомнилось, как Тен однажды заметил: «Хорошо умереть — тоже большое дело, если уж нет иного выхода!»

— О чем, собственно, спор?— сказал я.— Мне следовало бы пойти одному, но я не знаю языка! Но в любом случае я иду!

— Почему Гррего сердится?— обеспокоенно спросил Ного.

— Подожди, Ного... Я спущусь на площадь с Ного. Я вас понимаю— это из-за меня у вас возникло столько проблем. Вы считаете меня убийцей, я возмутитель спокойствия. Но за свои поступки отвечаю только я... Пойдем, Ного!— С Ного я говорю на его языке. Иду к лестнице, Ного — за мной. Старенький жрец семенит впереди. Вслед за мною двинулся Тен.

— Оставайся, Тен! Не ходи со мной! Как говорят сородичи Ного, это пришел м о й к р о к о д и л.

— Я иду не потому, что мне нужен твой крокодил. Тебе нужен переводчик. Разве не так?

Мы спускались по лестнице. Ного, как говорится, почувствовал «напряженность» момента и, положив дубину на плечо, тяжело переваливался рядом со мной. В вестибюле ни единой души. Тен идет молча. Я знаю, что мои друзья стоят сейчас на крыше у перил и смотрят на толпу.

— Ного, стой возле меня. Если надо будет что-то делать, я скажу.

Мы выходим на крыльцо дворца и оказываемся перед многотысячной толпой. Прямо передо мной стоит Мазу и еще несколько его сановников. Я чувствую внутреннюю оцепенелость, но этот гнусный властитель ничего не прочтет на моем лице!

Я остановился и говорю Ного:

— Если я крикну «уходи», ты быстро иди в сторону гор. Потом я тебя догоню!

— А Гррего?

— Я догоню тебя. Больше не спрашивай!— говорю я жестко, сжимая рукоять топорика. Прежде, чем Мазу или кто-нибудь другой, успеет замахнуться на меня, я топором проломлю королю башку. Интересно, что он там прячет под какой-то тряпкой? В эту

минуту я нравлюсь самому себе — я ничего не боюсь. Внутри меня все оледенело. В толпе возникают движение и шум. Отовсюду крики:

— Икенду!.. Икенду!..

На обеих руках Мазу держит что-то тяжелое, прикрытое куском голубой ткани. Когда я подхожу ближе, он поднимает на уровень лица свои руки, не знаю с чем, похоже — булыжник. При этом его голова несколько отклоняется назад. Мазу начинает что-то говорить. Что там в его глазах — не вижу. Глаза прячутся за опущенные веки. Замечаю, что руки с их увесистым грузом вздрагивают. Ного смотрит на Мазу глазами удава. Толпа безмолвна. Замечаю, что у жреца, стоящего рядом с Мазу, точно такой же предмет. Он накрыт куском белой ткани. Я предельно взвинчен. При малейшем неосторожном движении Мазу я пущу в ход свой топор. Только бы Ного не тронули! Если он побежит направо вдоль дворцовой стены, он не встретит препятствия — там стоят несколько стражников с копьями. Он их сметет одним махом. Потом ему придется спуститься по крутому откосу, перескочить небольшую речушку, а дальше сады, потом до самых предгорий раскинулись поля...

Мазу закончил и бросил короткий косой взгляд на Ного, который теперь смотрел поверх его головы, разглядывая сады.

— Грегор,— начал Тен переводить речь жреца, но сначала обратился ко мне,— не проявляй особых эмоций, оставайся невозмутимым. По-моему, они капитулируют. Он говорит, что вместе со своими подданными рад видеть великого Икенду. И еще он просит сегодня же, прямо сейчас начать засыпку пролива в Новой бухте. Он просит не использовать для этого молнии и громы, в них нет нужды. Его народ, все как один пойдут на берег пролива, чтобы засыпать ущелье. И еще он просит, чтобы ты сбросил в ущелье первый камень, освященный жрецом. Конечно, если великий Икенду захочет сбросить первый камень, это будет большая честь для города...

У меня, кажется, отлегло. Гадаю, был ли церемониал задуман именно так с самого начала, или Мазу перестроился на ходу, увидев волосатого гиганта джунглей? Во всяком случае, он со своей хитростью оказался на высоте. Протягивая мне освященный камень, чтобы отнести его к ущелью и первым бросить в пролив, Мазу действовал по второму варианту своего сценария. А по первому он мог этот камень обрушить мне на голову.

Церемония заканчивается тем, что Мазу передает свою ношу мне, а жрец такую же — Тену. Теперь мы во главе огромной толпы направляемся в сторону пролива. Проходим сквозь ликующую толпу, и я чувствую, всем своим нутром чувствую звериную ненависть верховного жреца.

Это был самый длинный путь в моей жизни, хоть и был он путем триумфа, а не восхождением на Голгофу. Я шел рядом с дышащим скрытой ненавистью Мазу и нес на руках тяжкий камень. Справа шел с таким же камнем Тен. А позади нас, возвышаясь над всеми на две головы, шагал Ного-Икенду с дубиной на плече. Мазу шел слева. И как это он решился обойтись без паланкина? У Мазу молчание тяжелее моего камня.

И путь наш кажется нескончаемым. Но ведь любой путь, если это путь судьбы, длинен; и груз, который приходится нести, тяжел... Мой путь начался не на площади перед дворцом, а где-то там, в прошлом, разрушенную мозаику которого я старался восстановить в своем рассказе.

Здесь конец пути. Я бросил в ущелье первый камень, за которым последовали тысячи, десятки тысяч камней. Пролив был закрыт. Потом из бухты была откачена вода...

Но это уже не моя история. Это история экипажа «Викинга». Ее расскажут те, кто вернется на Землю. Я старался рассказать о себе. И отправить этот рассказ домой с «Викингом», на Землю, которую я больше никогда не увижу.

Вы потом спросите моих спутников, почему я остался на неведомой планете? Я понимаю, как несовершенен и неполон мой рассказ. Я не смог изложить его по порядку. Многое забылось.

Я не знаю, что двигало Теном, когда он предложил мне записать мой рассказ и заложить его в память «мозга». Может, ему нужно было свидетельство? Во всяком случае, я рассказал о себе правду. Без прикрас. Одну голую правду о том, что я пережил, где струсил, где оказался победителем...

«Викинг» отправляется домой через две недели. Я верю, что он вернется на Землю, и это важнее любого свидетельства, важнее всего, даже если я...

Речь прервалась. В динамике что-то щелкнуло. Бен Гатти, очень старый, совершенно высохший человечек, крикнул:

— В чем дело? Кто там валяет дурака?

Комната тонет в сумеречном освещении. При таком освещении отдыхают глаза и обостряется слух. Мелькают огоньки на пульте. Один из техников объявил, что на этом запись обрывается. Дальше на диске опять появляется запись, но она уже фиксирует старт ракеты. Идет тридцатисекундный отсчет времени...

— Стоп! Это не голос Грегора Мана!— вскакивает Бен Гатти.— Давайте дальше!

— Куда дальше?— удивляется техник.— Отсчетом времени — голос Роберта Тилла — заканчивается запись на диске. А перед началом рассказа Грегора Мана шло научное резюме Тена Линга, содержащее необходимые данные об открытой планете, и эта запись сделана примерно за шесть лет до записи рассказа. Все правильно!

Старый Бен Гатти кипел гневом. Он должен на ком-нибудь разрядиться. Фыркнул. Начал крестить «сотрудничество» Центра, которое... и так далее.

В комнате сидели еще пятеро. Полумрак делал их безличными.

— Шеф,— сказал один из них,— продолжения не может быть. Речь оборвана еще во время записи. А дальше записаны данные о старте «Викинга» с планеты.

Бен Гатти снова фыркнул. Он и сам знает, что продолжения нет. И ничего не поделаешь. Десять астронавтов, вернувшихся на

землю на «Викинге», третий месяц лежат в реанимации без сознания в особом Отделении Спасательного Центра. Врачи сердят шефа уклончивыми ответами, ссылаются на тяжелый случай...

Это просто чудо, что «мозг» «Викинга» смог так рассчитать трассу между орбитами Юпитера и Марса, что не врезался в астероидный пояс и уклонился от неминуемого столкновения, иначе пришлось бы подбирать в космосе обломки от корабля.

Бен Гатти так ждал встречи с живыми здоровыми астронавтами! Непонятно, почему двое из экипажа остались на чужой планете? Один как будто погиб, но другой... почему он остался? Кого спросить, если вернувшиеся не приходят в сознание?

Бен Гатти не так представлял себе итоги первого прыжка за пределы Солнечной системы. Он ждал триумфа! И был близок к нему!

Не надо отчаиваться! Люди Марка поправятся и сделают полный отчет. Главное — они дома! Через год отправляется следующая экспедиция. Мы учтем ошибки первой — и вторую подготовим лучше.

Председатель Совета Космонавтики сидел незаметно в уголке зала и мучительно размышлял о недоработках в подготовке первого полета. А молодой сотрудник Центра уже подумывал, с какой стороны подъехать к Председателю, чтобы стать членом экипажа новой экспедиции.

Бен Гатти пропустил слова Председателя мимо ушей. Он жалел, что не может сейчас же перенестись на планету Грегора Мана, где землянину придется ждать новой встречи с людьми четырнадцать лет. Сколько же ему лет, этому Грегору Ману? Когда экспедиция стартовала с Земли, ему было двадцать два. Шесть прошло на чужой планете до обратного старта «Викинга». Четырнадцать лет ушло на путь фотонной ракеты к Солнечной системе. Теперь новая экспедиция прилетит на Тау Кита через тридцать лет... К этому времени Грегору Ману будет пятьдесят шесть — пятьдесят восемь лет. Дождется ли он? Когда я отправил в экспедицию Марка Рогана, я был моложе, думал Бен Гатти. У него голова закружилась от раздумий и подсчетов. Математические формулы, космическая терминология, межзвездные расстояния, световые годы, все то, что лишь в малой степени характеризовало работу Центра, вдруг стало осязаемым, реальным. Он чувствовал, что какая-то тонкая, но очень прочная нить связывает его с далеким Грегором Маном. Он увидел, как эта нить тянется через бездну пространства...

Отмахиваясь от мучительных мыслей, он сказал:

— Мы можем сделать небольшой перерыв.

Вспыхнул свет. Сидящие в креслах тени снова превратились в людей.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Иштван Немере. ДЕЛО КИЛИОСА. 3

Петер Жолдош. СВЕРХЗАДАЧА. 122

Петер Жолдош ВОЗВРАЩЕНИЕ «ВИКИНГА». 261

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 24

**Сборник
научно-фантастических
произведений**

Иштван Немере, Петер Жолдош

СВЕРХЗАДАЧА

Ответственный за выпуск

В. П. Кирчев

Дата в печать 22.03.93 Уч. изд. л. 35,74 Усл. печ. л. 25,20
Тираж 52.000 Заказ № 70

Издательство «ЭЯ», г. Кишинев

Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»,
277068, Кишинев, ул. Флорилор 1
Государственный Департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли